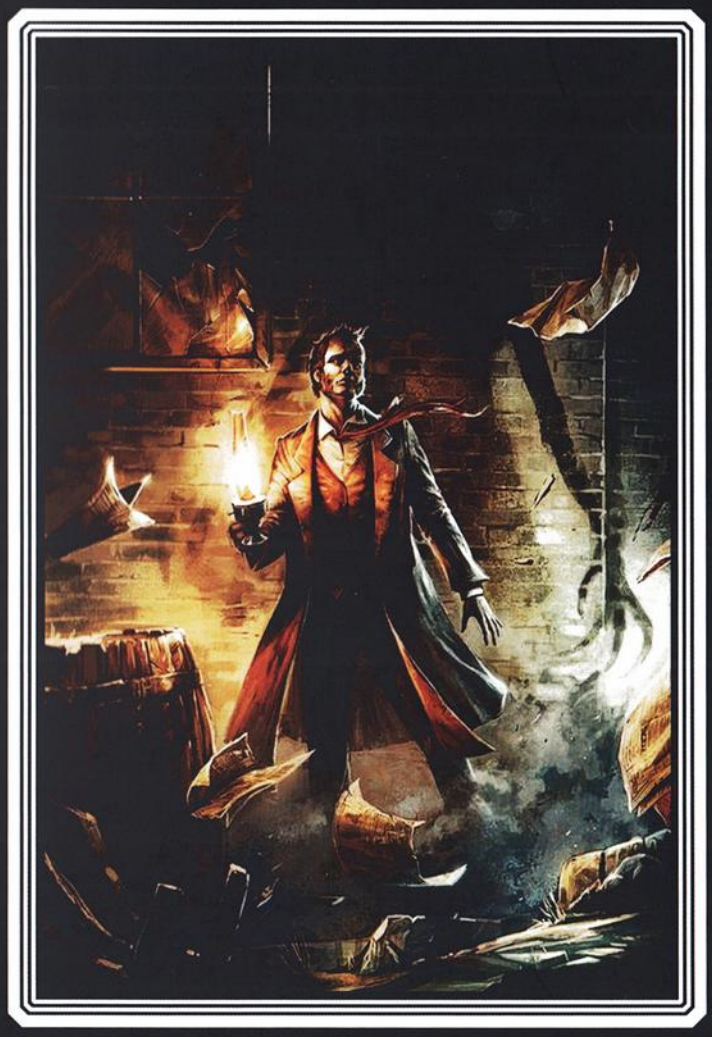
HORROR BOOKS

СМЕХ МЁРТВЫХ



СМЕХ МЁРТВЫХ

HORROR BOOKS

ГЕНРИ КАТТНЕР

Бамбуковая смерть
Кладбищенские крысы
Дьявольская езда
Тайна Крэлица
Власть змеи
Кто приходит по ночам
Гробы для шестерых
Смех мертвых
Опоздавшие души
Злодей без лица
Ужас в доме
Обитатель склепа
Я, вампир
Кошмарная женщина
Ужас Салема
Мой брат, вурдалак
Я, волк

МЮРРЕЙ ЛЕЙНСТЕР

Ужас на краю Земли

ДЖОН БРАННЕР

Чудовище из Атлантики

РОБЕРТ СИЛЬВЕРБЕРГ

У каждого свой ад

ЭДМОНД ГАМИЛЬТОН

Дети страха
Женщина изо льда
Звери, которые когда-то были людьми
Мертвые ноги
Земные обитатели
Люди-змеи

БРЕТРАМ ЧАНДЛЕР

Гамельнская чума

СИБАРИ КУИН

Ужас на поле для гольфа

ДЖЕК УИЛЬЯМСОН

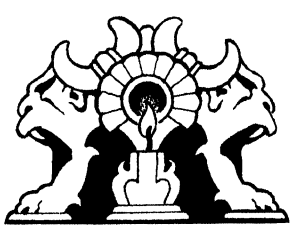
Металлический человек

КЛАРК ЭШТОН СМИТ

Призрак Мохаммеда Дина

СМЕХ МЁРТВЫХ

Классики фантастики в жанре ужасов



САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2017

С 50
ББК 84 (7 Сое)-44

Составитель: А.Лидин
Издатель: В.Кудрешов
Редакторы: В.Кудрешов, А.Лидин, И.Эльтеррус

С 50

Смех Мертвых
Сборник. — СПб, 2017. — 832 с. — Horror Books (Черная серия). Тираж 30 экз.
ISBN 978-5-93835-662-7

КЛУБНОЕ ИЗДАНИЕ

ISBN 978-5-93835-662-7

© Перевод А.Бурцев, Ю.Рыжикова. Л.Соловьева. Н.Дорофеева, И.Хохлова. А.Суворова

© Оформление
ООО «Издательство «Северо-Запад», 2017

Генри КАТТНЕР

ВЛАСТЬ ЗМЕИ

Бамбуковая смерть
Bamboo Death, журнал «Trilling Mystery», 1936 № 6

Кладбищенские крысы
The Graveyard Rats, журнал «Weird Tales», 1936 № 3

Дьявольская езда
The Devil Rides, журнал «Trilling Mystery», 1936 № 9

Тайна Крэлица
The Secret of Kralitz, журнал «Weird Tales», 1936 № 10

Власть змеи
Power of the Snake, журнал «Trilling Mystery», 1936 № 11

Кто приходит по ночам
It Walk by Night, журнал «Weird Tales», 1936 № 12

Гробы для шестерых
Coffins for Six, (под псевдонимом C.R.V. Scanlon) журнал «Trilling Mystery», 1936 № 12

Смех мертвых
Laughter of the Dead, журнал «Trilling Mystery», 1936 № 12

Опоздавшие души
The Eater of Souls, журнал «Weird Tales», 1937 № 1

Злодей без лица
The Faceless Fiend, журнал «Trilling Mystery», 1937 № 1

Ужас в доме
Terror in the House, журнал «Trilling Mystery», 1937 № 1

Обитатель склепа
the Dweller in the Tomb, журнал «Trilling Mystery», 1937 № 2

Я, вампир
I, the Vampire, журнал «Weird Tales», 1937 № 2

Кошмарная женщина
Nighmare Woman, журнал «Trilling Mystery», 1937 № 3

Ужас Салема
The Salem Horror, журнал «Weird Tales», 1937 № 5

Мой брат, вурдалак
My Brother, The Ghoul, журнал «Trilling Mystery», 1937 № 6

Я, волк
I Am the Wolf, журнал «Trilling Mystery», 1937 № 7

БАМБУКОВАЯ СМЕРТЬ

Джоан ухватилась за руку широкоплечего молодого человека, стоявшего рядом с ней, поскольку снова раздался пронзительный, полный муки вопль, несущийся из пышной растительности, с обеих сторон окружающей узкую тропинку. Наполненный болью крик становился все выше и пронзительнее, пока не замер в задыхающемся всхлипе. Дин Ли стиснул зубы и обнял девушку за плечи.

— Это человеческий крик, — испуганно прошептала Джоан, ее темные глаза расширились, но Дин отрицательно покачал головой, поставил сумку и вытер вспотевшую ладонь.

— Нет, крик животного. Я слышал однажды в окопах, как кричала собака, которой пулей перебило задние лапы. Это кричит собака, Джоан.

Снова раздался отчаянный вопль, и стройное тело Джоан пробрала дрожь. Дин поднял сумку.

— Пойдем, — сказал он. — Теперь, я думаю, уже недалеко. Славная поездка, не так ли?

— Я не возражаю, — храбро улыбнулась Джоан. — В конце концов, ведь дядя Уэйн оставил мне все свое состояние, так что наименьшее, что я могу сделать для него, это хотя бы посетить поместье.

— Тоже мне, поместье! В глуши Флориды, на задворках Эверглейдса[1], где вообще никого нет. Мы, должно быть, прошли не менее четырех миль от дельты реки. Так что я совсем не виню гида за то, что он отказался сопровождать нас, — и он дернул свой порванный рукав.

— Гид не из-за этого отказался, — мрачно сказала Джоан. — Он заявил, что Квентин сущий дьявол.

Дин перестал смеяться, когда они подошли к повороту тропинки и впереди возник старомодный двухэтажный

[1] Эверглейдс — Национальный парк во Флориде *(Прим. перев.)*.

каркасный дом, зловещим силуэтом вырисовывающийся на фоне пылающего заката. Но не на дом уставился Дин, широко раскрыв глаза.

Поляна перед домом была покрыта рядами бамбука. Некоторые растения были уже двадцати-тридцати футов в высоту, побеги других только что проклюнулись из черного суглинка. И местами среди этих рядов были установлены странные приспособления из бамбука, напоминающие клетки на сваях. Бамбук густо пророс сквозь клетки, и в одной из них было проколотое растениями окровавленное тело, которое то стонало, то скулило в муках.

— О Боже! — упавшим голосом сказал Дин, а Джоан отпрянула назад с побледневшим лицом.

Сумка упала на землю, когда Дин рванулся вперед...

Он замер перед клеткой, ошалело уставившись на залитое кровью, жуткое существо, которое прежде было собакой. Окровавленные кончики молодых побегов бамбука уже проросли сквозь его тело и торчали из ран на спине животного. Заканчивались они тонкими металлическими иглами.

Дин принялся осматривать клетку, пытаясь открыть ее, нашел крючки, отцепил их и откинул бамбуковую крышку. Тут позади раздался крик Джоан.

Дин выпрямился, но повернуться уже не успел. Толстые голые руки, перевитые мускулами и покрытые рыжей щетиной, обхватили его за талию, прижав руки к телу. Он почувствовал, как его отрывают от земли, как трещат ребра, и лягнул наугад, ощутив, что пятка врезалась в твердое тело. Раздалось рычание и невнятное ругательство, но давление не ослабло. Сквозь слезы, брызнувшие из глаз, он видел, как к нему бежит Джоан с бамбуковой палкой в руках...

От недостатка воздуха перед глазами поплыл красный туман. Дин зацепил ногой ногу противника и попытался его опрокинуть, но ничего не вышло. Тот был неподвижен, как скала, и молодой человек, хотя никогда не считал себя слабаком, почувствовал холодок ужаса, пробежавший по спине. Грудь жгло, как огнем, и Дин осознал, что беспомощен, как ребенок, в объятиях противника.

Сквозь гул мчавшейся по венам крови Дин смутно услышал какой-то окрик, затем почувствовал, как стискивающие

его руки расслабились, и рухнул на землю почти без чувств. Перед ним стояла Джоан с бамбуковой палкой в руках, а к ней бежал коренастый, загорелый человек.

Дин с трудом поднялся на ноги и отступил к бамбуковой клетке. Он чувствовал теплую кровь, текущую по рукам, и слышал, как стонет замученная собака. Затуманившимися от боли глазами молодой человек попытался рассмотреть высившегося перед ним противника.

Тот был настоящим гигантом. Более шести футов роста, мускулистый, как бык. Хлопчатобумажная майка покрывала его массивный торс. Копна соломенно-желтых волос вызывающе торчала в стороны, а налитые кровью кабаньи глазки негодующе уставились на Дина из глубоких глазниц. Нижняя часть лица скрывалась под черной матерчатой маской. И тут появился еще один человек, задыхающийся от бега.

— Квентин! — рявкнул он, протискиваясь между гигантом и Дином. — Уходи отсюда! Немедленно!

Тот сердито помотал головой. Голос у него был невнятный, приглушенный маской и звучавший, словно этот человек говорил из железной бочки.

— Он пытался достать собаку, — пророкотал Квентин, и Дину пришлось напрячься, чтобы разобрать слова. — Он испортил эксперимент. Смотрите — собака умерла!

Гигант ухватил толстой, как окорок, рукой пушистое туловище, с которого капала кровь, и снял его с иголок, затем сердито встряхнул перед самым лицом Дина, пачкая красными брызгами его пиджак.

— Делай, что я велел, — резко скомандовал коренастый. — Убирайся отсюда! Немедленно!

Что-то бурча себе под нос, Квентин повиновался. Его громадная фигура мрачно вырисовывалась на фоне заходящего солнца, когда он проходил мимо дома. Коренастый повернулся к Дину.

— Не знаю, что и сказать, — принялся извиняться он. — Вы ведь Джоан Мэссон, не так ли? А это Дин Ли, ваш жених?

Джоан кивнула с бледным лицом.

— Но мы не...

— Во всяком случае, — перебил ее коренастый, — Квентин вас больше не тронет. Я был чертовски занят. Старый

Уэйн Мэссон держал его для тяжелых работ по дому. А я, кстати, ваш кузен Джефф Кентон.

— О!.. — с трудом выдавила Джоан дрожащим голосом. — Но я... мы...

Кентон махнул загорелой рукой.

— Пойдемте в дом. Вы можете идти, старина? Отлично. Тут лишь несколько шагов...

Жгучая боль пульсировала в груди у Дина, но ему удалось не упасть. Кентон, поддерживая его, проводил до двери.

— Тут все обветшало, — продолжал разглагольствовать он. — Дому, наверное, больше сорока лет.

После того как их усадили в заплесневелой, мрачной гостиной, они наблюдали, как Кентон разжигает камин. Джоан, все еще немного дрожа, подвинулась поближе к Дину на старомодном кожаном диване. Языки огня стали с жадностью лизать бамбук, который Кентон использовал вместо дров, но огонь не мог рассеять проникавшие в комнату влажные запахи. Кентон зажег масляную лампу и с благодарностью взял сигарету, которую предложил ему Дин.

— Вы ведь не ожидали увидеть меня здесь, верно? — спросил он через некоторое время, когда синеватый дымок прикрыл, как вуалью, его загорелое, скуластое лицо. — Когда я видел вас в прошлый раз, вы были ребенком в детском комбинезончике. Ну, от адвоката дяди Уэйна я узнал, что вы собираетесь посетить поместье. И подумал, что должен приехать сюда на случай... Ну, вроде того, что только что произошел.

Дин вздрогнул при этих словах. Кентон мрачно кивнул.

— Квентин славный малый, не так ли? Но он не опасен, если вы не мешаете его планам.

— Планам? Вы хотите сказать... — У Джоан появилось ужасное предположение, она нервным жестом отбросила назад волосы и попыталась поправить платье, порванное шипами кустарника, растущего вдоль тропы.

Глаза Кентона потемнели.

— Знаете ли, он слегка не в себе. Парень был ранен в Аргонне, когда спас жизнь дяде Уэйну, и старик держал его в качестве сторожа. Он почти не посещал поместье, и Квентин мог творить все, что в голову взбредет. Дядя Уэйн нашел в

душе местечко для боевого товарища, и даже заказал для него особый бамбук, когда тот попросил, — быстрорастущий сорт из Индии. Не думаю, что дядя знал, для чего тот нужен Квентину. Надеюсь, что нет.

Дин заметил, что он слегка побледнел под загаром.

— Я что-то слышал о такой древней пытке на Востоке. Но теперь ее не применяют...

— Применяют, — вздохнул Кентон, бросив извиняющийся взгляд на Джоан. — Туземцы кладут человека на молодые ростки бамбука и крепко привязывают, чтобы он не мог шевельнуться, и бамбук прорастает через его тело. Некоторые виды бамбука растут со скоростью примерно дюйм в час. Человек в итоге умирает. Это самая жуткая смерть, какую только можно вообразить.

— И вы позволили Квентину мучить собаку?! — воскликнула Джоан, прижав пальцы к щекам.

— Я просто не знал. Я бродил по равнине, когда услышал вой, и вернулся как можно быстрее. — Кентон перехватил взгляд, брошенный Джоан на его обувь, и слегка улыбнулся. — Да, ботинки чистые. На заболоченных равнинах, видите ли, не валяется повсюду навоз. — Лицо его помрачнело. — А что касается Квентина... Есть у него идиотская идея о том, чего он сможет добиться, если скрестит растение и животное. Она втемяшилась ему в голову из-за раны на войне и...

Он замолчал, когда повернулась дверная ручка и в комнату с топотом ввалился громадный Квентин и со стуком уронил на пол сумку.

— Вы забыли ее, — невнятно пробормотал он сквозь маску. — Я принес.

— Спасибо, — кратко промолвил Дин, грудь которого все еще болела. — Жаль, что вы прежде не были таким же учтивым.

Квентин что-то невнятно пробормотал и удалился, захлопнув за собой дверь. Дин повернулся и увидел, что Кентон насмешливо поднял брови.

— С этим скотом ничего не поделаешь, — заметил он.

Джоан резко встала.

— Его нужно увезти в город для лечения, — сказала она со странно вспыхнувшими темными глазами.

Кентон поглядел на покрасневшие щеки молодой женщины, и губы его сложились в улыбку восхищения.

— Не думаю, что Квентин согласится на это, — покачал головой он. — Проще было бы его застрелить.

Короткий смешок немного смягчил грубость его слов, но Кентон по-прежнему не сводил с девушки глаз. Внезапно Джоан осознала, что блузка ее порвана и через дыру виден треугольник белой, гладкой кожи. Она поспешно села и набросила на плечи куртку.

За дверью послышался какой-то шум. Кентон вздрогнул, нахмурив тяжелые брови.

— Не следовало вам говорить это, — мрачно произнес он. — О том, что его надо увезти. Он, знаете ли, безумец. Опасный безумец. — Кентон поднялся и зашагал взад-вперед, по-прежнему хмурясь. — Мне жаль, что вы приехали сюда, Джоан. И вы тоже, Дин. Видите ли, Квентин одержим своими «экспериментами». Он повсюду понастроил бамбуковых клеток. Некоторые из них достаточно велики, чтобы в них поместился человек. И он постоянно твердит о том времени, когда сможет поэкспериментировать на чем-то подходящем. Он говорит, что низшие виды не подходят для этого.

Дин тоже вскочил, стиснув челюсти.

— Послушайте, — рявкнул он, — вы хотите сказать, что Джоан в опасности?.. В опасности из-за этого скота?

— Ну вы же видели, что он сделал с собакой. Мне очень жаль, что вы оба не сможете вернуться сегодня же вечером обратно — это просто невозможно. Дорога достаточно опасна даже при свете дня, там есть плавуны и глубокие топи. А также аллигаторы. Я проходил там пару дней назад, и, знаете, иногда даже мне было страшно. Но вы хотели узнать, путешествовал ли я пешком перед тем, как вы появились здесь... — Он выразительно глянул на Джоан, и она с благодарностью улыбнулась ему.

Из-за двери внезапно раздалось испуганное, пронзительное кудахтанье. Дин подошел к двери и резко распахнул ее. В прихожей, озадаченно замерев, стоял Квентин. На нем был длинный водонепроницаемый плащ, полностью закрывавший громадное тело, и черная дождевая шляпа, из-под

которой торчали рыжие лохмы. Над маской недобрым огнем горели свинячьи глазки, а в руках гигант держал пытающегося вырваться орущего цыпленка.

Дин почувствовал, что сзади подошли Кентон и Джоан.

— Топор на кухне, если вы хотите зарубить птицу, Квентин, — спокойно сказал первый.

Сердитое бурчание гиганта было почти неразборчивым:

— Нет. На этот раз я все доведу до конца. Я знаю, что у меня получится. Мой новый бамбук...

— Отдайте цыпленка! — крикнул Дин, пытаясь схватить бьющуюся птицу.

Но Квентин мгновенно убрал ее за спину, а свободной рукой схватил Дина за ворот рубашки и стиснул его, словно ошейник. Черная маска затрепетала, когда гигант заговорил:

— Нет! Вы меня не обманете! Что такое цыпленок или собака по сравнению с моим экспериментом? Меньше, чем ничто! На сей раз я добьюсь успеха, я стану богат! Вот увидите... — Его глазки жадно заблестели.

— Я не дам вам мучить эту птицу! — рявкнул Дин, пытаясь вырвать рубашку из железной хватки.

— Отнеси цыпленка в курятник, — вмешался Кентон. — Делай, как я сказал!

— Вы не мой босс, — проворчал Квентин. — Мой босс капитан Мэссон. Я все равно начну сегодня эксперимент... Много недель я буду поливать бамбук кровью цыпленка!

Дин почувствовал, как дрожит прижавшаяся к нему Джоан.

— Послушайте, — отчаянно сказал он. — Чего вы хотите добиться этим... этим экспериментом?

Налитые кровью глазки приобрели хитрое выражение.

— Деньги. Это — Фонтан Юности... Вот что я буду иметь — вечную жизнь. Люди будут платить за это! Послушайте! — Он сильнее стиснул пронзительно вопящего цыпленка, другой рукой не отпуская рубашку Дина. — Люди умирают, верно? Умирают. Но растения — большие деревья — живут очень долго. Некоторым секвойям почти тысяча лет. Потому что в них хлорофилл, который у них вместо крови. И они не двигаются, они прикованы к земле. А когда вы движетесь, то даром теряете энергию.

— Но почему бы просто не ввести хлорофилл в вены? — с иронией спросил Кентон, но гигант поглядел на него с негодованием, и смех сотряс его громадное тело.

— Думаете, я не знаю, что будет? Это убило бы вас! Вы должны превратиться в растение — и оно того стоит. Тысячи лет жизни! Мне все будут платить! — В его глазках горела хитрость безумца. — И этот цыпленок поможет мне добиться своего. Вот увидите.

Дин резко освободился, порвав рубашку, и, нырнув под ручищей Квентина, схватил птицу. С нечленораздельным воем Квентин повернулся, не отпуская цыпленка. Пальцы его свободной руки сомкнулись на плече Дина. Тот ощутил, как трещат его кости, и нанес отчаянный, резкий удар гиганту в лицо, прямо по черной маске.

Результат был удивительный. Квентин с воем отпустил Дина и цыпленка и отшатнулся к стене, схватившись своей лапищей за лицо. Птица, отчаянно кудахча, скрылась в темноте прихожей. Все еще издавая невнятные крики боли, Квентин сорвал со своего лица маску. Свет из открытой двери упал на его лицо, обнажая нечто ужасное.

Пытаясь подавить крик, Джоан отступила за Кентона.

У гиганта не было лица! Ниже глаз бугрилась отвратительная зияющая рана, наполненная зарубцевавшейся тканью, ужасная впадина, из которой сочилась кровь. Дин тоже невольно отступил на шаг.

Теперь стало ясно, почему гигант не говорил, а невнятно бормотал. Взрыв в Аргонне, повредивший мозг Квентина, настолько искорежил его лицо, что тот вынужден был носить маску. Теперь он изрыгал непристойную, малопонятную ругань, а кровь тихо капала на черный дождевик...

Кентон схватил Дина руку и потащил к двери.

— Идемте, — прошептал он, закрыл дверь и надежно запер ее. — С запертой дверью мы какое-то время будем в безопасности. Мне нужно было вам сказать...

Джоан рыдала в истерике.

— Это ужасное лицо, — всхлипывала она. — Теперь оно будет мне сниться! О, Ли...

Дин обнял девушку. Кентон, стоя у двери, прислушивался к стонам в вестибюле. Внезапно они оборвались, и наступила

зловещая тишина. Затем, без предупреждения, в дверь ударило что-то тяжелое. Доски затрещали.

Дин закрыл собой Джоан, и тут раздался второй удар. На сей раз дверь поддалась. Рука, похожая на красный окорок, появилась в пробитой дыре и начала шарить в поисках задвижки. Кентон мог бы ударом остановить ее, но он отступил с желтым от страха лицом. Дин бросился к двери, но опоздал. Задвижка щелкнула, дверь распахнулась, и он оказался лицом к лицу с озверевшим гигантом.

Один взгляд в налитые кровью глазки сказал Дину, что его ждет и что промедление будет фатальным. Без всякой паузы он нанес сильный удар Квентину в живот, ощутив, как громадный кулак просвистел мимо его головы. Хрюкнув, гигант согнулся, схватившись за брюхо. Затем выпрямился, удивительно проворно для своих размеров, и сделал выпад в сторону Дина. Не попал, но его изуродованное, истекающее кровью лицо вселяло ужас.

Дин ударил в это лицо, но гигант качнул головой, и удар не достиг цели. Тут же громадная лапища схватила молодого человека за пояс, хотя он и попытался увернуться, а вторая стиснула горло. Пальцы сжались, перекрывая Дину доступ воздуха. Он изо всех сил пытался вырваться, краем глаза заметив, что Джоан с отчаянной смелостью бросилась на Квентина.

Тот яростно взревел, убрал одну руку от шеи Дина и швырнул ею девушку через всю комнату. Джоан ударилась головой о стену, сползла на пол и больше не шевелилась.

Через плечо Квентина Дин увидел, как Кентон нерешительно крутит в руках тяжелую вазу. Неужели не решится ударить?.. Он понимал, что еще мгновение — и будет поздно. В глазах потемнело, поплыли багровые круги. Внезапно железные пальцы, стискивающие ему горло, как будто мгновенно выросли и сжали все тело. В голове раздался беззвучный взрыв, вспыхнуло ослепительное пламя. И все накрыла тьма...

Дин медленно возвращался к жизни, с трудом борясь за каждый вдох.

В горле пульсировала боль. Руки тоже болели. Он хотел было сменить положение, чтобы лечь поудобнее, но не смог даже двинуться. Тогда молодой человек открыл глаза.

Он был пленником и сидел спиной к зарослям высоких побегов бамбука, руки были заведены за спину и связаны так, что Дин невольно обнимал прочные стволы. Ноги, однако, оказались свободны, но затекли, и он с трудом выпрямил их. Потом, выпучив глаза, уставился на фантастическое зрелище перед собой.

Очевидно, он провел без сознания много часов, поскольку солнце стояло уже высоко, и его лучи ярко освещали ложе из побегов бамбука и подвешенную над ними на уровне талии бамбуковую же клетку. Между прутьями имелись широкие промежутки, сквозь которые виднелось полуобнаженное тело Джоан. Ее растрепанные темные волосы закрывали голые плечи. Глаза были закрыты, но по ровному движению груди Дин понял, что она еще жива.

Девушка была прочно привязана в клетке, Дин видел, что ее раскинутые в стороны руки примотаны к бамбуковым прутьям изолентой. А под клеткой трепетали десятки высоких, тонких ростков с металлическими иглами на верхушках, и некоторые из них уже почти касались тела девушки.

Дин услышал смех за спиной, и в поле его зрения появилась громадная, волочащая ноги фигура.

— Квентин! — прошептал Дин пересохшими, растрескавшимися губами. — Ты дьявол!

Гигант даже не обеспокоился сменить одежду. На нем все еще был измазанный кровью черный дождевик и шляпа, только черная маска снова была на лице и трепетала от дыхания. Он стоял, недоброжелательно глядя на своего пленника.

— Ты думаешь, тебе это сойдет с рук? — спросил Дин, стараясь взять себя в руки. Гигант рассмеялся.

— Вот увидишь, — пробормотал он. — Если вы богаты, вам все сойдет с рук. А она сделает меня богатым, — повернулся и окинул похотливым взглядом лежащую без сознания девушку. — Подождем, пока она не станет наполовину растением, — злорадно сказал он. — Она еще будет благодарить меня за это.

— Не хочешь же ты сказать... — у Дина перехватило горло, он напряг все мускулы в тщетной попытке освободиться. — Отпусти Джоан! Мы... мы принесем тебе животных для опытов!

Гигант покачал головой, не соизволив даже ответить. Его глаза вспыхнули из-под шляпы. Внезапно в голову Дину пришла одна мысль, и он быстро огляделся.

— А где Кентон?

Гигант пожал плечами.

— Может, умер... не знаю. Я оставил его лежать в доме, когда ударил головой об пол.

Квентин замолчал и нагнулся, чтобы осмотреть клетку, в которой лежала девушка. Очевидно, осмотр его удовлетворил, так как в его бормотании послышались ликующие нотки:

— А теперь слушай. Если не получится с нею, то следующим будешь ты. Я уже приготовил тебе клетку, — он махнул рукой на еще одно бамбуковое сооружение неподалеку. — Но у меня все получится... вот увидишь!

Охваченный ужасом Дин заметил, что острые металлические иглы на концах бамбуковых ростков уже коснулись белой кожи на спине Джоан, вытягиваясь вверх незаметно, но неудержимо. Внезапно девушка застонала и содрогнулась. Она резко открыла глаза и увидела бамбуковые прутья клетки в нескольких дюймах от своего лица. Одно острие укололо ее, и Дин увидел, как несколько темно-красных капель побежало по бамбуковому ростку.

Джоан повернула голову и увидела Дина. Она разом все поняла, и ее глаза заполнились ужасом.

— Ли! — закричала она, и тут же стиснула зубы.

Еще один тоненький ручеек крови пополз по бамбуковому побегу. Одетый в черное гигант безумными, торжествующими глазами смотрел на девушку...

Когда Джоан тихонько застонала, в груди Дина начал расти безумный гнев, удвоивший его силы. Он рванулся вперед, пытаясь порвать путы, но они выдержали. Тогда он с силой откинулся назад, ударившись спиной в гибкие стебли бамбука. Если бы только он смог их сломать...

Но прутья оказались слишком прочными. Тогда Дин снова рванулся вперед, напрягая все мышцы, но добился только боли в спине и повредил кожу на запястьях. Он не мог добраться до узлов веревок, которыми был связан. Так что оставалось лишь, не обращая внимания на боль, рваться вперед, чувствуя, как скрипит и раскачивается бамбук под его напором.

Внезапно раздался треск, слишком слабый, чтобы его мог услышать гигант, но давший надежду Дину. Он почувствовал, как острый край врезался ему в запястье, и, ощупав его пальцами, обнаружил сухой бамбуковый стебель среди зеленых. Именно этот сухой бамбук сломался от его безумных усилий.

Дин пошевелил руками, чтобы поместить веревку к острому краю, которым можно было резать, как лезвием ножа. Затем начал раскачиваться, чтобы перепилить веревку, замерев, когда гигант посмотрел на него. Но в этот момент Джоан издала придушенный крик, и Квентин снова повернулся к ней.

Кровь медленно стекала уже из нескольких ранок, и Джоан пыталась выгнуться, чтобы уберечь спину от уколов металлических игл. Но в бамбуковой клетке было невозможно пошевелиться. Когда девушка поняла это, она зарыдала.

Дин понял, что медлить больше нельзя. Он уперся ногами в корни бамбука и вложил все силы в один отчаянный рывок. И надрезанная уже веревка лопнула!

Руки оказались почти свободны, но Дин не стал ждать, пока они освободятся полностью, и, вскочив, опустил голову и сломя голову ринулся на Квентина, мгновенно повернувшемуся к нему. Увидев несущегося на него Дина, гигант попытался ударить его снизу в лицо — от такого удара лицо молодого человека превратилось бы в лепешку, — но промахнулся.

Дин, осознавая, что все равно не устоит, нырнул в ноги своему противнику. Оба рухнули на бамбуковую клетку, предназначавшуюся пленнику, и та разлетелась на куски. Острый, как нож, осколок бамбука воткнулся молодому человеку в руку, но времени вытаскивать его не было.

Сильный удар в плечо заставил Дина на мгновение ослабить захват. Квентин тут же вывернулся, освободился и вскочил на ноги. Но и Дин был почти так же быстр. Они оба стояли друг перед другом, тяжело дыша. Внезапно Джоан опять вскрикнула, Дин невольно взглянул в ее сторону, и это чуть было не погубило его.

Гигант попытался пнуть его в пах, и Дин спасся, лишь резко развернув копус. Стремясь сохранить равновесие, он продолжил поворот и опять встал лицом к противнику. Но

гигант не воспользовался этим, а зачем-то шарил рукой в кармане. Дин отчаянно бросился на него.

Сверкнул в ярком солнечном свете металл, грянул выстрел, и Дин ощутил, как что-то горячее ударило в бок. Но тут его кулак, усиленный всем весом тела, врезался в черную маску, закрывавшую лицо Квентина.

От этого ужасного удара колени гиганта подломились, он пошатнулся и рухнул на разбитую бамбуковую клетку. Больше он не шевелился, и Дин бросился на помощь Джоан...

Он поспешно освободил почти нагое тело девушки из клетки. Когда молодой человек опустил ее на землю, она села и полными боли глазами уставилась куда-то вперед, пока Дин торопливо освобождал ее руки от изоленты. Затем он легкими прикосновениями ощупал ее спину и вздохнул с облегчением.

— Джоан! Ты уверена, что с тобой все в порядке?

Она всхлипнула, хватаясь за него.

— Наверное, Ли. Бамбук не сделал... просто не успел...

— У тебя только поверхностные ранки, — постарался успокоить ее Дин. — Сейчас... — Он оторвал несколько полос от своей изодранной рубашки и перевязал себе плечо. — У меня все в порядке. Пуля только оцарапала меня...

Джоан уставилась на тело, лежащее вниз лицом среди обломков клетки. Глаза ее расширились от удивления.

— Ли, — быстро сказала она, — не мог бы ты...

На лице Дина появилось странное выражение.

— Мне кажется, мы оба будем удивлены, — кивнул он. — Когда я ударил его в лицо, то почувствовал...

Он перевернул безжизненное тело на спину и сорвал с него маску. Джоан удивленно вскрикнула.

Дин, глядя на обломок бамбука, торчавший из глазницы мертвого человека, мрачно сказал:

— Ну, думаю, твой кузен больше не причинит нам беспокойств.

Поскольку это было тело Джеффа Кентона...

— Он неплохо замаскировался, — объяснил Дин, пока обрабатывал раны на спине Джоан, лежащей на диване в гостиной старого дома. — Подложил тряпки под плечи, чтобы выглядеть массивным, и надел дождевик, создающий

иллюзию роста. А с маской и шляпой, надвинутой на глаза, и бормотанием, как у Квентина, посчитал, что я не узнаю его.

— Но почему, Ли, почему? — спросила Джоан, передергивая плечами. — Зачем ему все это?..

— Потерпи еще минуточку... Конечно, ради денег. Если бы ты умерла, то он получил бы все деньги дяди Уэйна. Насколько я понял, он давно уже знал об экспериментах Квентина, на этом и строил свои планы. Это тебя он хотел убить, а не меня. После того как бамбук прикончил бы тебя, он ушел бы в дом и сбросил маскировку. А затем появился и спас бы меня, как Джефф Кентон, рассказал бы сказочку о том, как пришел в себя после нокаута, сумел подкрасться, ударить Квентина по голове, а потом связать его и запереть в подвале. Он там с тех пор, как Кентон вчера вечером ударил его вазой по голове.

— Но ты же сказал, что он приготовил клетку и для тебя, — возразила Джоан.

— Он сказал это, притворяясь Квентином. Он хотел убить только тебя, а меня оставить в живых, чтобы я свидетельствовал против Квентина, которого признали бы виновным в убийстве. Тогда сам Кентон получил бы в наследство все состояние и имение.

— Так Квентин был просто игрушкой в его руках? — нахмурилась Джоан, все еще слегка дрожа.

— Да, — подтвердил Дин. — На самом деле несчастный калека не опасен, если его не разозлить. Кентон просто очень хитро пугал нас им. Но Квентина все равно нужно отвезти в больницу. Так будет лучше и для него, и для тех бедных существ, которых он мучил... Смешно, — улыбнулся Дин, помогая Джоан сесть, — смешно, что, даже если бы все планы Кентона удались, все равно ему было бы не видать наследства.

— О, ты имеешь в виду...

— Конечно. Ты дважды пыталась ему рассказать, но он так и не дал тебе этой возможности. Он не знал, что мы поженились еще в Нью-Йорке, как раз перед тем, как сели в поезд!

КЛАДБИЩЕНСКИЕ КРЫСЫ

Старик Мэссон, смотритель древнего, много лет назад заброшенного кладбища Салема, издавна вел войну с крысами. Несколько поколений назад они пришли из доков и поселились на кладбище, колония самых обычных крыс, и никто не обращал на них внимания. Но, когда Мэссон принял бразды правления кладбищем после таинственного исчезновения прежнего смотрителя, он решил, что крыс нужно прогнать.

Сначала старик ставил на них капканы, клал перед входами в норы отравленную еду, потом попытался отстреливать, но все это не давало результатов — крысы не уходили. Они плодились и размножались, наводняя кладбище голодными ордами.

Эти крысы были слишком большими даже для mus decumanus[2], отдельные экземпляры которых достигают пятнадцати дюймов в длину, не считая длинного голого розовато-серого хвоста. Мэссон мельком видел среди них особей величиной с кошку, а когда могильщики несколько раз раскапывали их норы, то зловонные туннели были столь широкими, что человек мог проползти по ним на четвереньках. Корабли, в прошлом частенько приходившие из далеких портов к старым салемским причалам, привозили порой странные грузы.

Мэссон иногда размышлял о невероятных размерах крысиных нор. Невольно вспоминались жуткие легенды, которые он слышал, когда приехал в древний Салем, где некогда обитали ведьмы, — легенды о вымирающих нечеловеческих созданиях, живущих в норах под землей. Былые времена, когда Коттон Мазер[3] охотился за культами Зла, поклонявшимися в

---

[2] Серые крысы, пасюки *(лат.)*

[3] Коттон Мазер — глава администрации Салема, знаменитый своей охотой на ведьм *(Прим. перев.)*.

ужасных оргиях Гекате и Темной Матери Магне, миновали, но мрачные здания с остроконечными крышами по-прежнему чуть ли не смыкались друг с другом над узкими мощеными улочками, а богохульные тайны и мистерии, по слухам, до сих пор таились в темных подвалах и пещерах, где все еще проводились, вопреки здравому смыслу, давно забытые языческие обряды. С умным видом качая седыми головами, старейшины заявили, что в неосвященных землях древних салемских кладбищ могут обитать твари похуже личинок и крыс.

А еще был странный страх перед крысами. Мэссон терпеть не мог этих небольших, но свирепых грызунов, поскольку знал, какую опасность могут нести их острые, как иголки, клыки, но он никак не мог понять необъяснимый ужас, которым веяло от заброшенных, полных крыс зданий.

До Мэссона доходили смутные слухи об омерзительных существах, живущих в глубоких подземельях, и том, какую власть они имели над крысами, собирая их в ужасные армии. Крысы, шептались старики, являются посредниками между нашим миром и древними пещерами глубоко под Салемом. Тела из могил крадут для ужасных ночных пиршеств, говорили они. Миф о Гамельнском крысолове — выдумка, скрывающая нечестивый ужас перед черными ямами Аверна[4], наполненными порожденными адом чудовищами, не рискующими показываться при свете дня. Мэссон мало обращал внимания на эти россказни. Он почти не общался с соседями и фактически делал все, чтобы скрыть существование крыс от назойливых взглядов — и тому имелась уважительная причина. Если бы смотритель инициировал расследование, то это означало бы вскрытие множества могил, в которых могли обнаружить неприятные для него вещи. И если изгрызенные, пустые гробы еще могли быть приписаны крысам, то объяснить, почему изрезаны тела, лежавшие в некоторых гробах, оказалось бы нечем.

Самое чистое золото используется зубными техниками, и зубы не удаляют, когда хоронят человека. Одежда — другое дело, обычно покойника обряжают в костюм из тонкого сукна, дешевого, к тому же можно легко распознать его происхождение. С золотом обстояло иначе. А ведь были еще

[4]1. Аверн(о) — озеро, считавшееся входом в подземное царство.

2. Аверн, царство мёртвых *(Прим. перев.)*

студенты-медики и, реже, готовые платить звонкую монету доктора с почтенной репутацией, нуждающиеся в трупах и не собирающиеся выяснять их происхождение.

До сих пор Мэссону успешно удавалось препятствовать подобным расследованиям. Он даже вообще отрицал существование крыс, хотя они порой отнимали у него добычу. Мэссона не волновала судьба трупов после того, как он заканчивал свой грабеж, но крысы неизбежно утаскивали тело через дыру, которую прогрызали в гробу.

Размеры крысиных нор все чаще тревожили Мэссона. Было также любопытное обстоятельство: гроб всегда оказывался открытым с торца, но никогда сбоку или сверху. Это указывало на то, что крысы действовали как будто по указке некого умного вожака.

Хмурым днем Мэссон стоял в разрытой могиле и раздраженно бросал лопатой влажную землю в кучу возле ямы. Шел дождь, мелкий, холодный и противный дождь, уже много недель сыпавшийся на землю из низких темных туч. Кладбище превратилось в топь, из желтоватой грязи неровными рядами торчали надгробные плиты.

Крысы отступили в свои норы, уже много дней Мэссон не встречал ни одной. Но его худое, небритое лицо все более мрачнело. Тело было похоронено несколько дней назад, но Мэссон не мог эксгумировать его раньше. То и дело на могилу приходил родственник покойного, даже несмотря на непогоду.

«Но вряд ли он появится в столь поздний час, независимо от того, какое испытывает горе», — криво усмехнувшись, подумал Мэссон, потом выпрямился и отложил лопату в сторону.

С холма, на котором раскинулось старое кладбище, он видел огни Салема, смутно мерцающие сквозь дождь. Смотритель достал из кармана фонарик, теперь нужен был свет. Взяв лопату, он осмотрел крепления гроба.

И внезапно резко напрягся. Прямо под ногами он почувствовал какое-то движение и царапанье, словно что-то перемещалось в гробу. На мгновение Мэссона охватил суеверный страх, тут же сменившийся яростью, когда он узнал источник звуков. Крысы снова опередили его!

В припадке гнева Мэссон вырвал крепления гроба, подсунул острый край лопаты под крышку и сдвинул ее. Затем

направил луч фонарика внутрь. Дождь брызнул на белую атласную подкладку. Гроб был пуст. Мэссон уловил легкое движение в его изголовье и направил фонарик туда.

Передний торец гроба был прогрызен, зияющее там отверстие вело в темноту, в ней на мгновение мелькнули и исчезли подошвы черных полуботинок. Глядя на это, Мэссон понял, что крысы опередили его буквально на несколько минут. Он рухнул на четвереньки и попытался схватить исчезающую обувь. Брошенный фонарик упал в гроб. Полуботинок остался в руках Мэссона, как единственный трофей, и он услышал резкое, встревоженное попискивание, затем подхватил фонарик и направил его в нору.

Нора была большая. Впрочем, иной она и не могла быть, иначе труп не утащили бы в нее. У Мэссона мелькнула было осторожная мысль о размерах крыс, способных уволочь человеческое тело, но тяжесть пистолета в кармане укрепила его решимость. Наверное, если бы это был обычный труп, Мэссон оставил бы его крысам, а не полез в узкую нору, но он помнил прекрасные дорогие запонки, а также булавку для галстука с, несомненно, настоящей жемчужиной. Задержавшись лишь для того, чтобы прикрепить фонарик к поясу, смотритель вполз в нору, проклиная про себя наглых крыс.

Там было тесно, но Мэссону все же удалось пролезть. Фонарик светил вперед, и Мэссон четко видел след от обуви, протащенной по влажной земле. Он лез по норе как можно быстрее, но иногда даже его худощавое тело едва не застревало между узкими стенками.

Воздух был полон застарелым зловонием падали. «Если не увижу труп через минуту, — решил про себя Мэссон, — тогда вернусь». Стало страшно, и нехорошие мысли, точно личинки, закопошились в голове, но жадность все же победила. Старик снова пополз вперед, несколько раз миновав смежные ответвления. Стенки норы были влажными, склизкими, и дважды позади падала грязь. Во второй раз он остановился и повернул голову, чтобы поглядеть назад. Разумеется, ничего не увидел. Пришлось отцеплять с пояса фонарик.

Сзади лежало несколько комьев земли. Внезапно опасность положения дошла до Мэссона, стала реальной и пугающей. Мысль об обвале заставила его пульс пуститься вскачь,

и смотритель решил прекратить преследование, несмотря на то, что уже почти настиг труп и невидимых тварей. Но он упустил одну мелочь: нора была слишком узкой, чтобы он мог развернуться.

На мгновение Мэссона охватила паника, но он тут же вспомнил боковые ходы, мимо одного из которых только что прополз, и неловко попятился, пока не достиг его. Он сунул ноги туда, после чего смог развернуться. Затем поспешно пополз обратно, хотя колени были все в синяках и болели.

Внезапно резкая боль пронзила ногу. Мэссон почувствовал, как в него впились острые зубы, и начал отчаянно лягаться. Раздался пронзительный визг, топоток множество лапок. Посветив фонариком назад, смотритель всхлипнул от страха, поскольку увидел с десяток больших крыс, наблюдающих за ним. Их блестящие глазки сощурились от света. Они были большие, очень большие, величиной почти с кошку, а за ними Мэссон мельком увидел темную фигуру, стремительно бросившуюся в тень, и задрожал, боясь представить себе размеры этой твари.

Свет фонарика на мгновение задержал крыс, но они тут же стали подползать. Их зубы в электрическом свете казались бледно-оранжевыми. Мэссону с трудом удалось вытащить из кармана пистолет и тщательно прицелиться. Он лежал в неуклюжем положении и попытался прижать ноги к стенкам норы, чтобы не подстрелить самого себя.

Раскатистый гром выстрела на какое-то время оглушил старика, а дым заставил кашлять. Когда Мэссон немного пришел в себя и дым рассеялся, то увидел, что крысы исчезли. Убрав пистолет, он быстро пополз по туннелю, но позади сразу же послышались писк, суета и топот лапок.

Крысы с пронзительным визгом вцепились ему в ноги. Мэссон страшно завопил и выхватил оружие. Выстрелил он наугад, и только удача спасла его от пули. На сей раз крысы не отступили, но Мэссон быстро пополз по норе, готовый опять выстрелить при первых же звуках нападения.

Быстрый топот лапок — и старик мгновенно направил фонарик назад. Громадная серая крыса замерла и уставилась на него. Ее длинные растрепанные бакенбарды подергивались, голый, омерзительный хвост медленно перемещался из стороны в сторону. Мэссон закричал, и крыса отступила.

Он пополз, но вскоре остановился, приподнявшись на локте и пытаясь понять, что за странная бесформенная куча в нескольких ярдах впереди. На секунду показалось, что это просто упавшая с потолка земля, но почти сразу же старик распознал очертания человеческого тела.

Это была коричневая, высохшая мумия, и, пораженный ужасом, Мэссон понял, что она движется.

Она ползла, и в тусклом свете фонарика старик увидел страшное лицо горгульи, приближающееся к нему. Застывший лик давно умершего человека, наполненный адской жизнью. Из-за остекленевших, выпученных, буквально вылезших из орбит глаз тварь казалась слепой. Издавая слабые стоны, она ползла к Мэссону, растягивая растрескавшиеся, шероховатые губы в ужасной голодной ухмылке. Мэссон застыл от страха и отвращения.

Но не успел ужас коснуться его, как старик очнулся и в отчаянии пополз в боковую нору. Он слышал шум позади, стоны твари, гонящейся за ним. Обернувшись через плечо, Мэссон вскрикнул и с удвоенными силами пополз по узкой норе. Острые камни резали ладони и колени, земля сыпалась в глаза, но он не осмеливался остановиться ни на секунду. Задыхаясь, истерично выкрикивая ругательства и молитвы, Мэссон все полз и полз вперед.

Торжествующе пища, на него напали крысы с ужасными голодными глазами. Мэссон чуть было не был загрызен ими, но все же сумел отбиться. Проход был узким, и, обезумев от ужаса, старик пинался, орал и стрелял, пока не кончились патроны. Выстрелы прекратились, сухо защелкал затвор пистолета. Но Мэссон все же прогнал нападавших.

Потом он с трудом прополз под большим валуном, безжалостно процарапавшим ему спину. Валун чуть шатался, и Мэссону пришла в голову безумная идея. Если бы он мог обрушить за собой этот камень так, чтобы тот заблокировал туннель!

Земля была сырой от дождя. Немного приподняв верхнюю половину туловища, Мэссон принялся руками рыть землю вокруг камня. А крысы опять приближались. Он видел, как их глазки заблестели в свете фонарика, и продолжал отчаянно копать в надежде успеть. Камень закачался. Мэссон ухватился за него и принялся расшатывать...

В этот момент появилась чудовищная крыса, которую Мэссон уже видел мельком до этого. Серая, отвратительная, с оранжевыми зубами, она ползла к нему, а следом двигался слепой покойник, издававший ужасные стоны. С безумной силой Мэссон рванул камень, почувствовал, как тот скользит вниз, и ринулся в туннель.

Камень с шумом обрушился позади, и Мэссон услышал чей-то жуткий вопль. С потолка полетели комья земли, что-то тяжелое упало на ноги, но он, рванувшись, с трудом освободил их. Весь туннель рушился!

Задыхаясь от страха, Мэссон рванулся вперед, чтобы его не засыпало. Проход сузился еще сильнее, и старик уже не мог ползти при помощи рук и ног. Извиваясь как угорь, он с трудом продвигался вперед, и внезапно почувствовал атлас, рвущийся под его скрюченными пальцами, а затем ударился головой об какую-то преграду. Пошевелив ногами, Мэссон обнаружил, что они не придавлены обвалом, а свободны. Он лежал плашмя на животе, а когда попытался подняться, то обнаружил, что потолок находится всего в нескольких дюймах выше его спины. Его охватила паника.

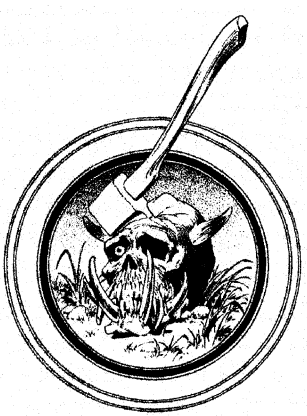
Когда слепая тварь преградила путь, старик в отчаянии ринулся в боковой туннель, ведущий наружу. И теперь он оказался в гробу, в пустом гробу, проползя через дыру, прогрызенную в торце крысами!

Мэссон попытался перевернуться на спину, но не смог — крышка гроба не позволяла. Тогда он собрался с силами и уперся в нее спиной. Но крышка даже не шелохнулась, да и как он сумел бы выбраться из гроба, закопанного в землю на глубине пяти футов?

Старик задыхался. Воздух был невыносимо горячим и зловонным. В приступе ужаса он принялся рвать ногтями атласную обивку. Затем сделал попытку разрыть ногами обвалившуюся позади землю, заблокировавшую путь к отступлению. Если бы только он сумел развернуться, то смог бы прокопать себе путь к воздуху... к воздуху...

Грудь жгло огнем, кровь пульсировала в глазных яблоках. Мэссону казалось, что голова у него раздувается и растет, растет, и внезапно он услышал ликующий писк крыс. Он

безумно завопил, но не смог заглушить этот писк. Несколько секунд он истерически бился в своей узкой камере, затем замер, задохнувшись от недостатка воздуха. Веки закрылись, почерневший язык высунулся изо рта, и Мэссон медленно погрузился в темную пропасть смерти под оглушающий, торжествующий писк крыс.



ДЬЯВОЛЬСКАЯ ЕЗДА

Если бы Фред Мэлоун знал об ужасе, что крался через подлесок к поляне, где сидели они с Джанет Купер, то не наблюдал бы спокойно, как волосы девушки приобретают бронзовый оттенок в закатных лучах солнца.

Но он не мог предвидеть безумные приключения, уготованные им, да и ужас ничем не предупреждал о своем приближении. Кроме слабого шелеста в кустах, который Мэлоун приписывал белкам. Так что Фред только слегка пододвинулся, а Джанет, заметив его пристальный взгляд, немного зарделась.

— Послушайте, еще две недели назад я не знала вас... — прошептала она.

— Но теперь-то мы знакомы, — усмехнулся он. — Мне повезло, что я решил поехать в отпуск в «Гостиницу под платаном». Я не знал, что здесь так хорошо. Только горы на много миль вокруг... а как здесь ловится рыба!

Фред был не совсем точен. В миле вниз по каньону лежала горная деревушка Пайнвуд, привилегированный летний курорт для богатых, откуда до ближайшего города было всего шесть часов езды на хорошей машине. Однако «Гостиница под платанами» была очень спокойной и малолюдной.

Помимо Джанет и Мэлоуна, в ней проживало всего два гостя: Нэн Саммерс, киноактриса, очень красивая темноглазая испанка, и доктор Лестер Мэлтби, приятный, пухлый человек, чья аура небрежного добродушия противоречила его репутации известного психиатра. Кроме гостей, здесь еще жил Давичи Стивенс, владелец курорта, человек с чопорным лицом, его повар-негр, и Сьюзен Вуд, маленькое, симпатичное, золотисто-светлое существо, находящееся на положении служанки на все руки.

Мэлоун увидел, как губы Джанет сложились в улыбку. Затем она посмотрела мимо него, и в ее глазах возник ужас.

Когда из горла девушки вырвался пронзительный крик, Фред обернулся и непонимающе уставился на жуткое существо перед собой. Какую-то секунду он еще думал, что стонущий ужас, выползший из кустов, был каким-то животным. Затем он понял, что это девушка.

Она с трудом ползла вперед, нагое исполосованное тело было все в синяках и темно-красных кровоподтеках. Выкаченные глаза уставились на Мэлоуна, а из открытого рта вырывались вместе со стонами пузырьки слюны. Похолодев от ужаса, Мэлоун заметил, что у нее нет языка.

Через рот проходил ремень, застегнутый на пряжку сзади на шею, а от порванных губ тянулась по земле уздечка. Руки и ноги казались деформированными, но к горлу Мэлоуна внезапно подступила тошнота, когда он понял, что к ладоням и ступням несчастной прибиты подковы, явно специально выкованные, чтобы подходить по размеру.

Мэллоун невольно отшатнулся от жуткого зрелища.

— Беги в гостиницу! — хрипло крикнул он Джанет. — Найди доктора Мэлтби... быстрее!

Со смертельно белым лицом, Джанет непонимающе уставилась на него. Мэлоун схватил ее за плечи и отчаянно потряс. Тогда глаза ее ожили. Она вырвалась из его рук, бросила испуганный взгляд на ползущую девушку и помчалась в гостиницу. Подавляя отвращение, Мэлоун вернулся к той.

И тут он узнал ее! Пытки изменили искаженное мукой лицо, но окровавленные золотистые волосы и голубые глаза были ему знакомы. Это оказалась Сьюзен Вуд, маленькая горничная, пытавшаяся флиртовать с ним еще два дня назад! Он опустился возле бедняжки на колени и потрогал прибитую к ладони подкову. Внезапно она вскрикнула и отдернула руку. Затем у нее изо рта хлынул темно-красный поток, забрызгав стоящего на коленях Мэлоуна. Глаза Сьюзен остекленели, напряженные руки и ноги резко обмякли. Мэлоун услышал позади чьи-то шаги. Психиатр доктор Мэлтби отстранил его, встал возле девушки на колени. Его круглое лицо было серьезным, а за толстыми линзами очков прятались решительные глаза. Руки с короткими пухлыми пальцами действовали с ловкой уверенностью. Но врач пришел слишком поздно...

Мэлоун почувствовал в своей руке холодные пальцы Джанет и слегка пожал их, чтобы придать девушке уверенность, которую сам не чувствовал.

Возле доктора появился Стивенс, владелец «Гостиницы под платанами», с тонкогубым неподвижным ртом на аскетическом лице. Его удивительно маленькая голова сидела на массивном, мускулистом теле. Рядом стояла, ошарашенно уставившись на мертвую девушку, киноактриса Нэн Саммерс, с блестящими темными глазами и белым, как бумага, лицом.

Доктор поднялся с колен, закусив губу.

— Не понимаю, как ей вообще удалось доползти сюда живой. Она потеряла чуть ли не ведро крови, — и указал на темно-красный след, уходящий в кустарник.

— Что произошло?

Лицо Стивенса было мрачнее обычного, когда он выдавил из себя эти слова. Мэлоун почувствовал, что владелец гостиницы холодно осматривает его. Он попытался было рассказать, но его прервал доктор, который взглянул на стоявших девушек.

— Может, это подождет? Помогите мне, мистер Мэлоун. Нужно унести ее в дом. Это зрелище не для женщин.

Подавив отвращение от прикосновения к измазанному кровью искалеченному телу девушки, Мэлоун наклонился, поднял его, содрогнувшись от прикосновения к уже остывающей коже, мотнул головой в ответ на предложенную доктором помощь и двинулся к дому. Стивенс с Нэн Саммерс и Джанет немного отстали. По дороге Мэлоун быстро рассказал доктору, как все случилось...

Внезапно прозвучали быстрые шаги, из-за угла дома появился какой-то человек и рванулся к Мэлоуну. Увидев неподвижное белое тело Сьюзен Вуд, он на мгновение замер, затем ринулся вперед. Мэлоун тут же узнал его. Это был Джо Косби, невозмутимый гигант, работавший в гараже в деревне.

Но теперь от его невозмутимости не осталось и следа. Глаза его буквально прожигали Мэлоуна взглядом, огромный кулак уже поднялся, готовый ударить. Мэлоун держал мертвую девушку и не смог бы ничего предпринять, если бы доктор не оттолкнул Косби.

— Джо! — рявкнул он. — Не будьте дураком! Никто бы из нас не причинил ей вреда... Лучше не смотрите на нее.

Но Косби оттолкнул его.

— Сьюзен, — прошептал он, убирая с белого лица золотистые волосы. — Кто...

Затем он увидел уздечку, приподнял свисавшую белую руку и с обезумевшим видом уставился на подкову. Потом схватил доктора за лацканы пиджака.

— Кто это сделал?! Черт побери, что вы пялитесь на меня?! Просто скажите мне, кто это сделал?! Я его...

Доктор, бормоча какие-то уговоры, безуспешно пытался вырваться. Но тут на лапищу Косби решительно легла тонкая рука. Он отпустил доктора и повернулся к Нэн Саммерс, глядевшую на него с умоляющим видом. Напряженные мускулы Косби медленно расслабились.

— Через месяц мы собирались пожениться, — глухо сказал он. — Я просто шел, чтобы подарить ей вот это... — И он протянул на ладони вытащенные из кармана недорогие зеленые сережки.

По жесту доктора Мэлоун быстро обогнул Косби и вошел в гостиницу. Он проследовал за Мэлтби в пустующую спальню, где положил на кровать свою страшную ношу. Когда доктор начал осматривать и ощупывать тело, Мэлоун отвернулся. В комнату вошел Стивенс с непроницаемыми глазами. За ним следовал Косби, у которого нервно подергивался уголок рта.

— На ней ехали верхом, — произнес доктор ужасные слова. — Раны на боках... они сделаны шпорами.

— Боже мой! — хрипло прошептал Мэлоун, Косби вторил ему.

— Господи! Ехали, как на животном! — сжимая кулаки, прошептал гигант-механик. — Но почему? Почему?! Сьюзен же никогда не делала никому ничего плохого...

— Мы больше ничего не можем сделать, — выпрямившись, сообщил доктор. — В Пайнвуде есть полиция?

Стивенс покачал головой.

— Я позвоню в город. Но они доберутся сюда лишь через несколько часов.

— Вы же не бросите ее здесь с... с этим... — Косби указал на уздечку.

По лицу доктора промелькнуло сочувствие.

— Лучше оставить все, как есть, — спокойно ответил он. — На уздечке могут быть отпечатки пальцев...

Лицо Косби исказилось, из горла вырвалось то ли рычание, то ли стон. Он поднял толстые, с въевшейся смазкой руки и уставился на них, словно никогда не видел их прежде. Затем медленно сжал кулаки. Пару секунд его лицо выглядело искаженной дьявольской маской. Затем руки упали, кулаки разжались, он молча кивнул и вышел.

— Остается лишь пожалеть мужчину, убившего Сьюзен, если Косби когда-нибудь доберется до его глотки, — покачал головой Мэлоун.

Доктор Мэлтби издал короткий смешок. Фред опять уловил, что Стивенс задумчиво смотрит на него. Что-то не так было во всем этом, какой-то подвох.

— Мужчину? — переспросил Стивенс.

— Женщина не смогла бы выковать эти подковы, — пояснил Мэлоун. — А что думаете вы, доктор?..

Доктор Мэлтби довольно долго смотрел на него, затем ответил:

— Безумный дегенерат. Я узнаю эти позорные признаки, мистер Мэлоун.

Стивенс что-то невнятно проворчал и повернулся к двери. Фред вышел следом за доктором. Обернувшись, чтобы закрыть за собой дверь, он бросил взгляд в спальню с мертвым телом и застыл на месте. Костяшки пальцев, стиснувших дверную ручку, побелели. Кто-то глядел снаружи в окно. Кто-то, выглядевший так, словно он вышел из самого Ада...

Желтые кошачьи глаза, пылающие на мясистом, морщинистом лице, впились в лежащее на кровати тело. Широкая пасть была раскрыта, обнажая черные пеньки сгнивших зубов. У Мэлоуна осталось еще впечатление копны жестких темных волос и уродливого багрового уха, а затем тварь, заметив его, отпрянула от окна и исчезла.

Издав крик, Мэлоун распахнул дверь и бросился в спальню. Подбежав к окну, он увидел, как тощая уродливая фигура, словно черный паук, скрывается в сумерках среди кустов.

— Что там, Мэлоун? — спросил доктор.

Мэлоун коротко рассказал, что увидел.

— Это Сатана, — сообщил Стивенс, возвращаясь с доктором Мэлтби в спальню. — Кто-то дал ему это имя, когда он был еще мальчишкой, и оно так и прилипло. Весьма соответствует, — неодобрительным тоном добавил он. — Он перебивается случайными заработками в деревне. Женщинам очень не нравится. Он горбун и уродлив, как смертный грех.

Мэлоун не мог не согласиться с последним утверждением. Мясистое, отвратительное лицо словно сошло с изображающей демона картины Дорэ.

Стивенс пожал плечами и повернулся к окну.

— Бесполезно бегать за ним. Он знает здесь каждую тропинку и каждое укромное местечко.

— Но я все равно посмотрю, — не согласился Мэлоун, прошел к себе в номер и взял из сумки фонарь. В холле его встретила Джанет, обняла и прижалась к мужчине.

— Что там, Фред? Я... мне страшно...

— Не нужно ничего бояться, — ответил Мэлоун. — Скоро здесь будет полиция. Слышите, доктор уже звонит им?

— Но что произошло со Сьюзен? Уже известно, кто это сделал? — продолжала Джанет, не сводя с его лица испуганных карих глаз.

— Нет, но вскоре все прояснится. — Мэлоун торопливо поцеловал ее. — Подождите здесь. Я скоро.

И двинулся к парадной двери, но остановился, когда девушка окликнула его.

— Фред! Вы будете осторожны?

— Несомненно, — заверил он, но грудь стиснуло нехорошее предчувствие.

Мэлоуну захотелось вернуться, заключить Джанет в объятия и не выпускать, но он подавил это желание. Улыбнулся, вышел из гостиницы и двинулся туда, где впервые увидел истекающее кровью тело Сьюзен Вуд. Как он и ожидал, в подлесок вел отчетливый кровавый след. Он тихонько присвистнул, чувствуя себя неуютно при виде темных пятен и отпечатков подков. Затем осторожно пошел по этим следам.

Подлесок был густым, ветки злобно цеплялись за одежду, пока он с трудом поднимался по крутому склону. Следы все тянулись, и Мэллоун удивился выносливости умиравшей девушки. Через какое-то время он потерял гостиницу из виду.

Он весь заливался потом и задыхался, когда добрался до подножия отвесной скалы. Там следы обрывались, исчезали, словно растаявший утренний туман.

Насвистывая какую-то мелодию сквозь зубы, Мэлоун задумчиво двинулся обратно той же дорогой. Взошла луна, и свет ее оказался таким ярким, что он выключил и убрал в карман фонарик. Лес резко закончился, впереди показалась гостиница. Мэлоун окинул взглядом окружавшие ее высокие пики скал и утесов, и внезапно его пробрала дрожь. Показалось, что цивилизованные места слишком далеко, хотя всего лишь в миле отсюда лежал Пайнвуд. Но мрачные, неподвижные горы, окружавшие гостиницу, казалось, отрезали ее от всего мира.

В этих древних пустынных горах была парочка лагерей и летних курортов, но немногочисленные туристы не рисковали соваться в мрачные каньоны и ущелья дальше десяти миль. А лет пятьдесят назад здешние места были совсем дикими и нехоженными. Какие же тайны могли хранить они?

В памяти Мэлоуна внезапно вспыхнули строчки из стихотворения:

Мы, как волки, сражались на волчьей земле,
Заражая ее своим гневом и болью.
И когда мы умрем в своей тесной норе,
Что-то вырастет здесь, на бесплодной земле,
Орошенной горячею кровью.[5]

Мэлоун с трудом выкинул из головы мрачные мысли и вошел в холл. Он заглянул в общую гостиную, дверь которой была открыта, но там никого не было. Вероятно, Джанет ушла к себе в номер.

Проходя мимо двери одного из номеров, мужчина услышал сердитые голоса. В одном из них он узнал голос Нэн Саммерс, более пронзительный, чем обычно, от гнева. Второй был низкий, глубокий, и звучал с отчаянной настойчивостью. Мэлоун остановился, поколебался, затем шагнул к двери, поскольку услышал, как Нэн пронзительно вскрикнула.

Он дёрнул за ручку, но дверь оказалась запертой.

[5] Роберт Сервис «Сердце старателя».

— Мисс Саммерс!.. Нэн! — крикнул Мэлоун. — Что...

— Помогите! — раздался из-за двери ее звенящий от ужаса голос. — Он идет... он...

Наступила тишина, затем раздался чей-то топот, словно за дверью дрались. Мэлоун забарабанил в дверь, затем отошел и примерился. Но когда мужчина бросился на дверь, его горло стиснул какой-то тонкий провод, который сила рывка тут же затянула, не давая дышать. Затем Мэлоуна резко дернули назад.

Задыхаясь, чувствуя боль в горле, он отчаянно схватился за натянутый провод. Выпученными глазами Мэлоун мельком увидел нависшего над ним горбатого карлика.

Его уродливая, как у горгульи, физиономия поплыла назад, становясь все меньше и меньше, пока не превратилась в крошечную точку света. Потом и она исчезла, осталась лишь абсолютная темнота и тишина...

Когда сознание вернулось, Мэлоун какое-то время лежал неподвижно, пытаясь вспомнить, что произошло. Осторожно потрогал болевшую шею. Затем с трудом поднялся на ноги, огляделся и понял, что находится в коридоре, перед раскрытой дверью в номер Нэн Саммерс.

С первого же взгляда стало ясно, что актрисы в номере нет. Пока он оглядывался, внимание привлекло черное пятно на старом ковре под ногами, вокруг которого были рассыпаны какие-то черные крупинки. Это как-то потащило за собой воспоминания о мертвой горничной.

Но тут сознание пронзила мысль о Джанет, и холодные щупальца страха охватили сердце. Пустой, безлюдный дом действовал на нервы.

— Доктор Мэлтби! Стивенс! Доктор Мэлтби! — закричал Мэлоун, уже зная, что ответа не будет.

Также он знал, что обнаружит в комнате Джанет.

Тишина, опрокинутый стул, отвратительный сладковатый запах хлороформа... И черное пятно на полу!

На этот раз Мэлоун действовал уверенно. Опустился на колени, растер в пальцах черные крупинки. Угольная пыль. А значит...

Подвал! Без всяких сомнений, подвал, где хранится уголь. Конечно, он не знал точно, так как не был в здешнем подвале.

Но, по крайней мере, это была подсказка. Мужчина достал из кармана фонарик, нашел на кухне дверь в подвал и осторожно спустился по скрипучим, изъеденным древоточцами ступенькам лестницы.

Он оказался прав. В углу подвала лежала большая куча угля, и черная пыль покрывала пол. Подвал был маленьким, выложенным цементными блоками. Мэлоун вспомнил, что Стивенс как-то упомянул, будто купил дом у наследников первого владельца, эксцентричного старого отшельника. Если догадки верны, то где-то должна быть скрытая дверь или потайной ход...

Пришлось тщательно проверять каждый блок, и через некоторое время ход нашелся. Один из блоков неожиданно скользнул в сторону, открывая чашеобразное углубление, в котором было металлическое кольцо. Мэлоун потянул за него, и камень легко откатился в сторону. Крутые каменные ступени спускались в освещенный факелами проход.

Стоя наверху лестницы, Мэлоун смотрел вниз, на дно пещеры, в тридцати футах ниже освещенное красным светом дюжины факелов, торчащих из специальных гнезд в стенах...

Пол пещеры был каменный, с коричневыми пятнами и разводами, словно холст безумного художника, рисовавшего кровью.

Ужасные темно-красные полосы тянулись по стенам пещеры, мимо черного входа в туннель, мимо кузнечной наковальни, мимо пылающих красных углей, мимо цепей, которыми к стене были прикованы две фигуры...

Мэлоун сломя голову ринулся вниз по лестнице, чувствуя, как все завертелось у него перед глазами. Но благополучно достиг дна пещеры и бросился к пленницам. Нэн Саммерс и... Джанет! Они были прикованы к стене цепями, тянущимися от металлических обручей вокруг талий. Когда он подбежал, Джанет повернулась и попыталась сесть, но цепь не дала. Глаза ее были полны ужаса.

— Фред! — всхлипнула она. — Что происходит? Я...

— Тс-с-с! — жестом он велел ей молчать и оглядел пещеру. — Здесь есть кто-нибудь?

Джанет покачала головой и ощупала обруч вокруг своей талии.

— Что произошло? Это маленькое чудовище... — Она содрогнулась.

— Карлик? — спросил Мэлоун, исследуя обруч на девушке. — Я догадываюсь, что ключ у него. Возможно, я сумею вскрыть этот замок. Все в порядке, дорогая, — попытался он успокоить Джанет, когда та опять задрожала. — Через минуту я вытащу тебя отсюда... А что с ней? — кивнул он на актрису. — Она без сознания?

Опустившись на колени возле Джанет, он стал осматривать обруч на ее талии, когда девушка внезапно вскрикнула. Ее глаза, расширившиеся от страха, уставились ему за плечо. Мэлоун бросился вбок и вскочил на ноги. Перед ним стоял карлик по прозвищу Сатана!

Мэлоун хотел было броситься на него, но увидел мерцающий в свете факелов револьвер, нацеленный ему в грудь. Желтые горящие злобой глаза карлика смотрели решительно.

Мэлоун оглядел уродливого горбуна, отметив громадные мышцы, бугрившиеся на обнаженных руках и морщинистое лицо с толстыми губами.

Карлик заговорил. Голос у него оказался низким и хриплым, с рокотом выходившим из глубины бочкообразной груди.

— Назад, мерзавец, — проворчал он, угрожающе шевельнув стволом револьвера. — Быстро шаг назад!

Мэлоун, не сводя с него глаз, отступил на шаг.

— Повернись... быстро! Теперь пошел вперед!

Подталкивая револьвером в спину, карлик привел Мэлоуна к деревянному кругу в полу, прикрепленному к полу металлическими задвижками.. По команде карлика Мэлоун сдвинул их в сторону.

— Открывай его. Поднимай! Поднимай!

Мэлоун просунул пальцы в круглое отверстие в центре круга и поднял его. Открылась узкая дыра футов в пять глубиной.

— Лезь туда, мерзавец! — скомандовал Сатана, яростно блеснув глазами.

Мэлоун заколебался, глядя в дыру, но ничего не мог поделать. Карлик не опускал револьвер. Пришлось медленно спуститься на дно ямы.

Сатана, не убирая револьвер, нацеленный в лицо пленнику, свободной рукой поднял диск за край и бросил его прямо

Мэлоуну на голову. Круг закрыл яму, а голова мужчины оказалась торчащей из отверстия в центре. По команде карлика он подогнул колени, так что круг плотно улегся в гнездо, и поставил на место задвижки, надежно заперев пленника в тесной тюрьме.

Больше Сатана не обращал на Мэлоуна никакого внимания. Небрежно сунув револьвер за пояс, он подошел к наковальне и осмотрел лежащий на ней молот. Мэлоун повернул голову так, чтобы видеть Джанет.

Девушка поползла к нему, но цепь, приковывающая ее к стене, натянулась, когда она была еще в нескольких футах от цели. Карлик взглянул на нее, затем занялся своей работой.

— Я не могу достать до задвижек, Фред, — сказала Джанет. — Даже ногами.

Ноги того уже начали ныть, поскольку были полусогнутыми. Он попробовал было просунуть руку в отверстие в круге вдоль шеи, но только содрал кожу с запястья...

— Да, выбраться у меня не получится... — почти неслышно пробурчал Мэлоун, одновременно ощупывая нижнюю поверхность деревянного диска.

Он с трудом заставлял себя говорить спокойно, ведь внутри нарастала холодная паника, — от страха не за себя, а за Джанет, которую ждала жуткая участь.

Мэлоун взглянул на горбатого карлика, который как раз достал что-то из углей — что-то мерцающее раскаленным металлом. Это была подкова, раскаленная докрасна подкова!

Сатана подошел к Нэн Саммерс и отстегнул от нее цепь, затем оттащил тело к наковальне. Действуя с ужасающей быстротой, он распластал девушку на полу, привязал ее руки и ноги к железным кольцам, прочно вмурованным в камень. Затем его волосатые пальцы разорвали на несчастной одежду. Мэлоун наблюдал за тем, что последовало дальше, со страхом и отвращением.

Нэн Саммерс очнулась и увидела нависшее над ней уродливое лицо карлика, а когда открыла рот, чтобы закричать, сверкнул нож, и с него закапало что-то темно-красное. После этого она уже не могла кричать, а лишь задыхалась и стонала, пуская кровавые пузыри, ее белое тело извивалось на каменном полу все быстрее, и корчи достигли апофеоза, когда карлик вынул из

пресса темно-красную подкову и взял молоток. Раздалось громкое шипение, резко запахло горящим мясом.

От хихиканья карлика по спине Мэлоуна побежала холодная судорога. Затем безумный карлик достал из кармана кожаного передника остроконечные, испачканные засохшей кровью шпоры и пристегнул их пряжками к своим деформированным ботинкам.

Темно-красный ужас застлал глаза и уши Мэлоуна. Через багровую пелену он увидел, как Сатана вскочил на Нэн, точно на коня, и поехал на ней, врезаясь остриями шпор в бока девушки. Эта кровавая, дьявольская езда прекратилась лишь тогда, когда в пещере прозвучала резкая команда, отданная каким-то замаскированным человеком. Карлик тут же спрыгнул со своей «лошадки». Стонущее, залитое кровью существо, еще совсем недавно бывшее красивой молодой женщиной, проползло еще несколько футов и потеряло сознание на полу. Мэлоун, проследив за взглядом карлика, увидел, что наверху лестницы, по которой он спустился в эту пещеру ужаса, стоит какая-то фигура в черной одежде.

Мэлоун попытался, несмотря на черное маскировочное одеяние, уловить какие-то знакомые черты. Но потерпел неудачу. Свободный плащ хорошо маскировал фигуру человека. Снова прозвучал голос, искаженный, но гневный.

— Будь ты проклят, Сатана! — рявкнул замаскированный, его глаза мерцали в узкой щели в матерчатой маске. — А как попал сюда он? — и махнул рукой в сторону Мэлоуна.

Карлик кивнул и успокаивающе усмехнулся.

— Ну, его поймал я, — быстро сказал он. — Он отыскал вход в...

— Заткнись, дурак! — рявкнул человек в маске. — Ты... Она же пришла в себя! — Он взглянул на Джанет, которая наблюдала за ним с бледным лицом.

Из карлика хлынул поток извинений и успокаивающих фраз, но человек в маске оборвал его.

— Он, вероятно, сказал ей, где находится пещера. Мы не можем рисковать.

Поняв, к чему тот клонит, Мэлоун отчаянно закричал:

— Я ничего не говорил ей! Она ничего не знает! Отпустите ее... Она ничего не скажет!..

— Заткнись! — завизжал Сатана, повернув к нему искаженное лицо.

— Сатана, — сказал человек в черной одежде, — мы не можем рисковать. Ты понял меня?

Отвратительное лицо карлика осветилось ужасной надеждой.

— Вы имеете в виду...

— Да! — Холодные глаза замаскированного несколько долгих секунд глядели на карлика. — Я еще припомню тебе это!

Карлик снова стал заикаться, сыпля извинениями. Но когда Мэлоун посмотрел на лестницу, человек в черном плаще уже исчез.

С горбуна мгновенно слетело все смирение и покорность. Желтыми голодными глазами он уставился на замершую Джанет. Двумя обезьяньими прыжками сумасшедший подскочил к ней и отстегнул цепь, не обращая внимания на угрозы и проклятия Мэлоуна. Девушка отбивалась отчаянно, но безуспешно, когда карлик потащил ее к наковальне.

Холодный ужас стиснул сердце Мэлоуна, когда Сатана бросил отбивающуюся Джанет на пол и приковал к кольцам.

Усмехаясь толстыми губами, карлик принялся разрывать на ней одежду. Мэлоун задрожал при мысли об ужасных, перепачканных кровью шпорах, вонзающихся в нежную кожу, о раскаленных докрасна подковах...

Внезапно что-то случилось! Карлик замер, нависая над лежащей на полу девушкой со щипцами в руках, в которых светилась раскаленная подкова, и завертел головой. Потом внезапно вернулся к наковальне, швырнул на нее щипцы и ринулся через пещеру, похожий на громадного уродливого паука. Мэлоун видел кровавые пятна, ведущие в туннель, куда побежал карлик. Нэн Саммерс, на которую никто не обращал внимания, уползла в темноту прохода, пытаясь сбежать.

Мужчина ударил плечами в деревянный диск, державший его в плену, но только ушибся.

— Джанет, — хрипло позвал он. — Ты можешь освободиться? Попытайся!

Но распластанная на полу девушка ничего не могла сделать. Она покачала головой, лицо ее стянула судорога ужаса. Мэлоун застонал. Карлик скоро вернется, и тогда...

Что-то заставило Мэлоуна взглянуть на лестницу. На верхней площадке стоял человек, глядя вниз с изумлением на худом лице. Это был Стивенс, владелец «Гостиницы под платанами»!

Словно очнувшись, тот сбежал по лестнице бросился к Мэлоуну.

— Помогите мне освободиться, — выдохнул мужчина. — Быстрее! Карлик может вернуться в любую минуту!

Стивенс упал на колени и сдвинул железные стержни задвижек.

— Что здесь такое? — хрипло сказал он. — Я решил проверить пещеру... Из-за слухов в деревне. Я был здесь лишь раз после того, как купил это место, но тогда здесь не было ничего, кроме крыс, а больше я не спускался по этой лестнице...

— Слава Богу, что вы решили прийти сюда, — кивнул Мэлоун, с трудом расправляя затекшие колени.

Ноги пронзила острая боль. Он поднял было руки, чтобы снять с головы деревянный диск...

Но в этот момент раздался выстрел. Мэлоун услышал, как возле его головы просвистела пуля. Стивенс с ошеломленным лицом повернул голову. Одновременно с его движением раздался второй выстрел, и во лбу хозяина гостиницы появилась крошечная дырка, из которой потек красный ручеек. Он сделал шаг назад, открыв рот, рухнул ничком на пол и больше не шевелился. Мэлоун увидел карлика с искаженным гневом лицом. Эта жалкая карикатура на человека шла к нему с дымящимся револьвером в руке.

Был всего лишь один шанс, и Мэлоун воспользовался им. Выскочив из узкой ямы, он схватил деревянный круг, прикрылся им, как щитом, и ринулся вперед. До слуха донесся визг пули, срикошетировавшей от стен, и мужчина ощутил удар, когда она попала в щит. Он, не останавливаясь, мчался вперед.

Карлик явно не ожидал, что жертва побежит прямо к нему, и это спасло Мэлоуна. Пули застучали по стенам. Еще дважды они врезались в деревянный щит. Потом что-то горячее, как утюг, обожгло ему бок. Но он не останавливался, видя лишь искаженное лицо Сатаны.

Одной рукой Мэлоун схватился за револьвер, пытаясь вырвать его из толстой волосатой руки, другой обхватил карлика.

Внезапно тот завизжал и отпустил револьвер. Мэлоун тут же отшвырнул его ногой в сторону.

В маленьком уродливом теле таилась удивительная сила. Сатане удалось освободиться, и он сунул руку в карман. Мэлоун ринулся на него. Его кулак пронесся по дуге и врезался в тяжелый подбородок карлика. Послышался треск, тот отлетел назад и ударился спиной о стену. Мэлоун кинулся за оружием. Подняв револьвер, он направил его в сторону карлика, но тут же расслабился, увидев неподвижное тело противника.

— Брось его... быстро! — раздался вдруг сзади голос.

Мэлоун кинулся вбок, услышал визг пуль о каменные стены и нырнул за наковальню, вздрогнув от идущего от нее жара. Осторожно выглянув из-за нее, он увидел, что на верхней площадке лестницы стоит человек в черной одежде и маске. Вернулся хозяин Сатаны!

Мэлоун прицелился в него и нажал курок, но револьвер лишь сухо щелкнул. Проклиная судьбу, Мэлоун открыл барабан и обнаружил, что карлик израсходовал все патроны. На лестнице раздался торжествующий смех.

— Выходи оттуда, дурак! — крикнул человек в черной маске. — Тебе все равно не убежать!

— Так приди и возьми меня, — огрызнулся Мэлоун и присел за наковальню.

— Зачем? Мне будет проще застрелить ее. — Человек махнул пистолетом в сторону прикованной к полу Джанет.

Она смотрела на Мэлоуна и отрицательно мотала головой. Губы казались красной раной на белом лице.

— Выходи, или я начинаю в нее стрелять!

Мэлоун закусил губу.

— Не делай этого, Фред, — прошептала Джанет.

— Ладно, — громко сказал Мэлоун. — Я выхожу.

Он бросил револьвер, встал и вышел из-за наковальни. Пистолет в руке человека в черном дрогнул, поворачиваясь от Джанет к нему. Именно этого и ждал Мэлоун. Он уже обогнул наковальню, и у самых его ног были воткнуты в горящие угли щипцы с зажатой в них раскаленной подковой.

Мэлоун внезапно схватил обеими руками щипцы и прыгнул назад. Пуля ударила в пол в том месте, где он только что стоял, разбрызгивая каменную крошку.

Гремели выстрелы, черное дуло пистолета искало его. Мэлоун размахнулся щипцами, резко открыл их, и раскаленная подкова полетела в человека на лестнице. Прицел оказался точен. Подкова попала точно в фигуру, одетую в черное. Человек взревел и отшатнулся, теряя равновесие на краю лестницы. Мэлоун бросился к ее подножию и там замер, взглянув вверх. Незнакомец стоял на самом краю площадки, шатаясь и пытаясь сохранить равновесие. Потом упал!

Вопль оборвался, завершившись отвратительным глухим стуком. Мэлоун уставился на темную неподвижную фигуру, кровь которой расплескалась вокруг по камням. Маска слетела с лица, которое теперь выглядело гипсовой посмертной маской.

— Фред! — раздался голос Джоан. — Это... это же Джо Косби!

Позже, уже наверху, в гостинице, они связали все факты воедино после того, как нашли и освободили доктора Мэлтби и повара-негра, которые лежали связанными в пустом номере. Полиция прибыли как раз вовремя, чтобы арестовать карлика Сатану и вытащить тело Нэн Саммерс из туннеля, куда она уползла в предсмертной агонии.

— У похищения были мотивы, — пояснил Мэлоун, осторожно ощупывая перевязанные ребра.

Полицейский сержант согласно кивнул, но Джанет, сидящая возле Мэлоуна, подняла на него озадаченное лицо. Доктор Мэлтби тоже вопросительно кашлянул.

— Но он же был помолвлен со Сьюзен Вуд, — возразил он. — Зачем понадобилось убивать ее?

— Горбун рассказал, что Косби влюбился в мисс Саммерс, — ответил сержант.

— Верно, — кивнул Мэлоун. — Он страстно увлекся ею, Сьюзен ему уже только мешала. У Косби не было денег — работа механика в небольшой деревушке оплачивается плохо, поэтому его безумное увлечение Нэн Саммерс и заставило придумать весь этот план. Он считал, что у него появился бы шанс остаться с ней, если бы он разбогател. В Пайнвуде полно богатых семей, которые приезжают сюда на лето, так что самым простым было похищение. Он заставил карлика по прозвищу Сатана помогать, после того как нашел пещеру горбуна.

— Мы проверили этот туннель, — вставил сержант. — Он заканчивается в кустах в полумиле от горы. Естественно, ему нужен был второй выход.

— Да, — вздохнул Мэлоун. — Он разрешил карлику развлечься своими любимыми пытками. У Косби было два мотива отдать Сьюзен горбуну: чтобы избавиться от нежелательной больше любви и одновременно отвести подозрения от себя. Зачем ему убивать собственную невесту? Косби считал, что никто не узнает о его безумном увлечении Нэн Саммерс, следовательно чувствовал себя в безопасности. Главный его план состоял в том, чтобы похитить несколько богатых наследниц, которые отдыхали здесь, по этой же причине он похитил Джанет, и послать их семьям требования выкупа, угрожая девушкам пытками, если не получит денег. Пытки Сьюзен Вуд были всего лишь демонстрацией. Он полагал, что никто не откажется платить, узнав о ее ужасной гибели. Но Косби погубило тщеславие. Он стал делать Нэн Саммерс кое-какие намеки, и она что-то заподозрила, — Мэлоун смахнул пот со лба. — Это его голос я слышал в номере Нэн перед тем, как карлик накинул мне петлю на шею. Бог знает, что она наговорила Косби. Наверное, угрожала все открыть. Так или иначе, поняв, что она думает о нем, Косби отдал Нэн карлику. Возможно, после того, как Сатана закончит развлекаться, Косби намеревался пронести Нэн через туннель и спустить на веревке с утеса, как сделал он со Сьюзен.

— Утес находится в восьмидесяти футах от конца туннеля, — уточнил сержант.

— Я так и думал, — закончил Мэлоун. — Я прошел по следу Сьюзен до подножия утеса, но там следы обрывались. После того как у меня появилось время все обдумать, я нашел единственное логичное объяснение.

Он почувствовал, как дрожит прижавшаяся к нему Джанет и, не обращая внимания на присутствующих, обнял ее за плечи.

— Завтра мы уедем домой, дорогая, — тихонько сказал Мэлоун. — И... не кажется ли тебе, что мы слишком долго тянем с помолвкой?

Глаза ее вспыхнули, когда Джанет увидела его улыбку. Мэлоун прижал ее к себе и забыл о боли в раненом боку.

ТАЙНА КРЭЛИЦА

Проснувшись, я увидел две черные фигуры, молча стоявшие возле меня. Их лица белыми пятнами светились в темноте. Когда я моргнул, чтобы окончательно прочистить затуманенные сном глаза, одна из фигур нетерпеливо поманила меня, и внезапно я понял цель их полуночного посещения. Много лет я ждал этого, с тех самых пор, как отец мой, барон Крэлиц, открыл мне тайну проклятия, нависшего над нашим древним родом. Итак, я молча поднялся и последовал за своими проводниками по мрачным коридорам замка, родного дома с самого моего рождения.

Пока я шел, в моей памяти всплыло строгое лицо отца, а в ушах звучали его торжественные слова, когда он рассказывал мне о легендарном проклятии рода Крэлиц и тайне, передававшейся в определенное время от отца к сыну. Старшему сыну.

— Когда? — спросил я отца, лежавшего на смертном одре и пытавшегося противиться приходу смерти.

— Когда ты сумеешь понять, — ответил он, пристально глядя на меня из-под насупленных седых бровей. — Некоторым открывают тайну раньше, чем другим. Начиная с первого барона Крэлица, тайна открывалась...

Он смолк и схватился за грудь. Прошло минут пять, прежде чем он собрал силы, чтобы снова заговорить. Сильным, спокойным голосом, без всякой одышки, барон Крэлиц, лежа на смертном одре, продолжил свою исповедь:

— Ты видел возле деревни развалины старого монастыря, Франц. Первый барон сжег его и истребил всех монахов. Аббат слишком часто вмешивался в дела барона. Однажды девушка прибежала в монастырь в поисках убежища, и аббат отказался выдать ее по требованию барона. На этом терпение нашего предка иссякло... ты знаешь истории, которые до сих пор рассказывают о нем. Он убил аббата, сжег монастырь и забрал

девушку. Но перед смертью аббат проклял убийцу, его сыновей и все последующие колена его рода. Суть проклятия и является тайной нашего рода. Я не могу рассказать тебе о нем. Не старайся раскопать это сам прежде, чем тайна будет открыта тебе. Терпеливо жди, и в назначенное время появятся хранители тайны и поведут тебя по лестнице в подземную пещеру. Там ты узнаешь тайну Крэлица.

Когда губы отца произнесли последнее слово, он умер, и его суровое лицо стало мрачным от углубившихся морщин...

Погруженный в воспоминания, я не смотрел по сторонам, но темные фигуры проводников сделали остановку у прохода в каменной стене, где лестница, которую я никогда прежде не видел, спускалась вниз, под землю. После остановки меня повели по этой лестнице, и я увидел, что уже не совсем темно, а откуда-то, из каких-то невидимых источников, исходит тусклое, фосфоресцирующее свечение, которое не столько освещало, сколько мешало видеть привыкшим к темноте глазам.

Я спускался довольно долго. Лестница вилась вокруг скалы, и покачивающиеся фигуры впереди были единственным разнообразием в бесконечном монотонном спуске. Наконец, лестница закончилась, и через плечо одного из моих проводников я увидел большую каменную дверь, преграждающую путь. На ней были вырезаны любопытные и почему-то неприятные фигурки и неизвестные символы. Дверь распахнулась, и я прошел через нее и остановился, глядя на серое море тумана впереди.

Я стоял на пологом склоне, постепенно исчезающем в тумане, из которого доносились странные рев и высокий, визгливый скрип, напоминающий чей-то неприятный смех. Из тумана на миг возникали и тут же вновь исчезали бесформенные темные фигуры с большими крыльями. Рядом находился длинный прямоугольный каменный стол, за которым сидели два десятка людей, наблюдая за мной мерцающими в глубоких глазницах глазами. Оба моих проводника молча заняли свои места среди них.

Внезапно густой туман начал развеиваться, его рвал на куски и уносил прочь холодный ветер. Вдалеке появились стены пещеры, все более ясно видимые по мере того как рассеивался

туман. Я стоял, объятый страхом и одновременно необъяснимо острым восхищением. Часть моего разума, казалось, шептала: «Что это за ужас?», — а другая отвечала: «Но тебе же знакомо это место!»

Но я никогда не видел его прежде! Если бы я знал раньше, что лежит под замком, то, вероятно, не мог бы спать ночами от ужаса. Теперь же, весь во власти противоречивых чувств, ужаса и экстаза, я смотрел на странных жителей подземного мира.

Демоны, монстры, которым вообще нет названия! Кошмарные колоссы, ревя, шагали в темноте, а бесформенные серые твари, словно гигантские слизняки, разгуливали между ними на приземистых ножках. Существа из бесформенной слизи. Существа с глазами, напоминающими языки пламени, рассеянными по их деформированным телам, как у легендарного Аргуса, корчились и извивались в адском свечении. Крылатые твари, которые не были летучими мышами, трепетали в темном воздухе и перешептывались друг с другом человеческими голосами!

Далеко у подножия склона я заметил холодное мерцание воды тусклого подземного моря. Фигуры, милостиво полускрытые от моих глаз расстоянием и сумраком, веселились и кричали, тревожа поверхность озера, о размерах которого я мог лишь догадываться. Трепещущая тварь, чьи кожистые крылья распростерлись, точно полог палатки, над моей головой, остановилась и несколько секунд парила, глядя на меня сверху пылающими глазами, затем метнулась прочь и скрылась во мраке.

И все это время, пока я дрожал от страха и ненависти, внутри меня росло какое-то злое ликование и шептало мне: «Ты знаешь это место! Ведь это твой дом! Разве плохо вернуться домой?»

Я оглянулся. Каменная дверь бесшумно закрылась за спиной, спасения не было. Затем на помощь пришла гордость. Я Крэлиц! А Крэлиц не должен показывать страх даже перед лицом самого дьявола!..

Я шагнул вперед и остановился перед хранителями, которые сидели, не сводя с меня глаз, горевших огнем. Подавив безумный страх, поднявшийся в душе при виде сидящих за столом

скелетов, я прошел во главу стола, где было нечто вроде грубого трона, и присмотрелся к безмолвной фигуре справа от меня.

Я увидело не голый череп, а бородатое мертвенно-бледное лицо. Кривившиеся чувственные темно-красные губы выглядели почти румяными, а тусклые глаза холодно смотрели сквозь меня. Нечеловеческие муки запечатлелись глубокими морщинами на белом лице, а в запавших глазах светилась застарелая боль. Я и не надеюсь передать ту странную, неземную ауру, окружавшую его, равно как и явное зловоние тлена и могилы, исходившее от темной одежды. Он махнул обмотанной черным рукой на свободное место во главе стола, и я сел.

Меня охватило кошмарное ощущение нереальности! Казалось, часть разума очень долго спала, а теперь медленно просыпалась в страшной действительности. Стол был уставлен кубками и разделочными досками, которыми не пользовались уже сотни лет. На досках лежало мясо, а в украшенных драгоценными камнями кубках мерцал красный ликер. Ароматы еды и вина ударили мне в ноздри, смешиваясь с запахами сотрапезников и плесневелой вонью всего этого места.

Белые лица присутствующих повернулись ко мне, лица, выглядевшие странно знакомыми, хотя я не знал, почему. У каждого были кроваво-красные чувственные губы и выражение муки в горящих черных глазах, уставившихся на меня, как бездонные провалы Тартара. Я почувствовал, как волоски встали дыбом у меня на загривке, но... Я Крэлиц! Я встал и смело произнес на архаичном, древнегерманском языке, который почему-то сорвался с моих губ:

— Я Франц, двадцать первый барон Крэлиц! Что вам нужно от меня?

Одобрительный ропот пробежал вокруг длинного стола. Возникло движение. На противоположной стороне стола поднялся огромный бородатый человек с ужасным шрамом, белым рубцом, пересекающим левую сторону его лица. И опять странное чувство, будто я вижу старого приятеля, возникло во мне. Я однозначно видел когда-то это лицо, и явно не в тусклых сумерках.

— Мы приветствуем тебя, Франц, барон Крэлиц, — заговорил бородач на гортанном древнегерманском. — Мы приветствуем тебя и клянемся... клянемся быть верными роду Крэлиц!

С этими словами он схватил кубок и высоко поднял перед собой. Все сидящие за столом фигуры в черном поднялись, и драгоценные кубки взметнулись в воздух, приветствуя меня. Потом они залпом выпили ликер, и я тоже поднялся. А затем произнес слова, которые, казалось, сами появились у меня на губах:

— Я приветствую вас, хранители тайны Крэлица, и в ответ клянусь быть верным вам.

Как только мои слова достигли самых дальних уголков пещеры, наступила мертвая тишина. Больше не было слышно хлопанья крыльев и безумного хихиканья летучих тварей. Все стоящие у стола обратились ко мне. И, стоя в одиночестве во главе стола, я поднял кубок и сделал глоток. Ликер был пьянящий, бодрящий, со слабым солоноватым привкусом.

Внезапно я понял, почему искаженное болью, изможденное лицо соседа показалось таким знакомым. Я часто видел его среди портретов моих предков, морщинистое лицо основателя рода Крэлиц. И тут же понял, кто сидит за этим столом, — я узнал их одного за другим по знакомым с детства портретам. Но в них были странные, страшные перемены! Словно неощутимая завеса, печать неискоренимого зла лежала на измученных лицах моих хозяев, странным образом изменяя их облик так, что я не был полностью уверен, что узнал их. Одно бледное, сардоническое лицо напомнило мне отцовское, но у него было такое чудовищное выражение, что я не был в этом уверен.

Я обедал с предками рода Крэлиц!

Мой кубок был все еще поднят, и я залпом выпил его. Странный огонь пронесся по венам, и я громко захохотал, ощутив в груди злой восторг. Остальные тоже рассмеялись, и хохот их напоминал вой умирающих волков или хохот чертей в аду! Наверху захлопали крылья и опять принялись зловеще хихикать летающие твари. По всей пещере пронеслась волна ужасной радости, и какие-то громадные создания в почти невидимом озере взревели так громко, что у меня чуть не порвались барабанные перепонки, и этот рев отразился от невидимых сводов пещеры над головами.

Я смеялся со всеми, смеялся так бурно, пока не опустился без сил на свое место. Все тоже сели, и тогда заговорил человек, поднявшийся на другом конце стола:

— Ты достоин быть в нашей компании и достоин разделить с нами трапезу. Мы дали клятву друг другу, и ты — один из нас. Так будем же пировать!

И мы, как голодные звери, набросились на сочное белое мясо, лежащее на инкрустированных драгоценностями разделочных досках. Странные чудовища прислуживали на этом пиру. Почувствовав прикосновение к руке, я обернулся и увидел ужасное багровое создание, похожее на ребенка с содранной кожей, которое потянулось, чтобы наполнить мой кубок. Странным, жутким и абсолютно нечестивым был наш пир. Мы орали, смеялись и ели в сумрачном свете, а вокруг вопили и завывали жуткие орды непостижимых тварей. Под замком Крэлиц находился сам Ад, и этой ночью там шел пир горой...

Мы орали свирепую застольную песню, раскачивая взад-вперед поднятые кубки в ритм со скандируемыми строками. Это была древняя, архаичная песня, но устаревшие слова не стали для меня препятствием, я произносил их так легко, словно впитал с молоком матери. При мысли о матери по телу вдруг пробежала дрожь слабости, но я смыл ее очередным кубком пьянящего ликера.

Долго, долго кричали мы, пели и пили в сумраке пещеры, а потом вдруг поднялись и двинулись всей толпой туда, где узкой высокой аркой высился мост над темными водами озера. Не могу описать ни то, что было по другую сторону этого моста, ни тех безымянных тварей, которых я видел, ни те странные вещи, которые делал там!

Я узнал о грибовидных, нечеловеческих существах, обитающих на далеком холодном Югготе, о циклопах, навещающих никогда не спящего Ктулху в его подводном городе, о странных удовольствиях, которые могут дарить прокаженные жители подземного Йог-Сотога, а также я научился невероятным способам поклонения Источнику Йод, которые практикуют в далеких внешних галактиках. Я спускался в самые глубокие адские дыры и возвращался назад, смеясь. Я развлекался вместе с темными хранителями в сатурналиях ужаса до тех пор, пока опять не заговорил бородач со шрамом на лице.

— Наше время на исходе, — сказал он, и его шрам четко выделялся на белом, светящемся лице, похожем в полумраке

на лик горгульи. — Скоро нам нужно уходить. Ты истинный Крэлиц, Франц, и мы встретимся снова, и опять будет пир, и веселье продлится гораздо дольше, чем ты думаешь. Скажи же последний тост!

И я крикнул:

— За род Крэлиц! Да вечно он не иссякнет!

С ликующем воплем по выпили по последнему кубку ликера.

Внезапно странная усталость навалилась на меня. Вместе с провожатыми я повернулся спиной к пещере и гарцующим, летающим, ползающим и плавающим там тварям и вышел через вырезанную из камня дверь. Мы поднимались вверх по казавшейся бесконечной лестнице, пока не оказались снова в замке, и пошли тихой, безмолвной группой по пустым коридорам. Все вокруг снова стало знакомым, и, хотя и не сразу, я понял, где мы находимся.

Это был большой мавзолей под замком, где были захоронены все бароны из рода Крэлиц. Каждый барон лежал в отдельном помещении в каменном гробу, а каждое помещение, точно бусинки на ожерелье, переходило в другое, и мы шли от могил первых Крэлицов к незанятым саркофагам. По древнему обычаю, пустые саркофаги были открыты до тех пор, пока не настанет время очередного барона, и тогда его унесут и запрут в саркофаге с вырезанной мемориальной надписью. И тайна Крэлица будет и дальше храниться здесь.

Внезапно я понял, что остался наедине с бородачом со шрамом на лице. Все остальные исчезли, а я, задумавшись, даже не заметил этого. Мой спутник протянул обмотанную черным руку и остановил меня, и тогда я вопросительно взглянул на него.

— Теперь я должен покинуть тебя, — сказал он звучным голосом. — Мне нужно вернуться на свое место, — и он махнул туда, откуда мы только что пришли.

Я кивнул, поскольку давно уже осознал, кем являлись мои спутники, сотрапезники и собутыльники. Я понял, что каждый лежащий в могиле барон Крэлиц время от времени восстает, как чудовищное создание, ни мертвое ни живое, спускается в пещеру под замком и принимает участие в ужасных сатурналиях. Я также понял, что с наступлением рассвета они возвращаются в свои каменные гробы и лежат

в смертельном сне, пока закат солнца не приносит им кратковременное освобождение. Я понял и признал все это.

Я поклонился своему спутнику и хотел было направиться наверх, в замок, но он снова остановил меня и медленно покачал головой с отвратительно фосфоресцирующим шрамом.

— Разве я еще не могу уйти? — спросил я.

Он уставился на меня полными мук глазами, в которых плескался сам ад, и указал на то, рядом с чем я стоял. И тогда, внезапной кошмарной вспышкой я узнал тайну проклятия Крэлица. И это знание наполнило меня ужасом, мгновенно превратило в создание, обреченное вечно корчиться и беззвучно стонать во тьме, ужасное осознание того, когда каждый барон Крэлиц приобщался к кровному братству. Я понял — понял, что каменный гроб не закрывается, покуда он пуст, и прочитал на саркофаге у моих ног надпись, из которой стало предельно ясно, что я умер: «Франц, двадцать первый барон Крэлиц».

ВЛАСТЬ ЗМЕИ

ГЛАВА I. Любитель змей

Проблемы начались после того, как мы шесть часов назад выехали из Флэгстаффа и оказались на засушливом пустынном плато с беспорядочно рассыпанными, горячими, как духовка, скалами, среди которых, точно коричневая змея, извивалась грунтовая дорога. Мы с Барбарой ехали в свадебное путешествие и пытались добраться до Феникса, не отставая от графика, — опоздание было связано с проблемами с двигателем, — поэтому совершили ошибку, решив поехать по короткой дороге. Теперь, за много миль от любого гаража, из-под колпака радиатора вырывались струйки пара, двигатель сначала закашлял, заскрежетал, а потом и вовсе заглох. И я ничего не мог сделать, чтобы оживить его.

Через какое-то время, что я провел, лежа на спине под машиной и возясь с двигателем, я услышал скрип камешков и увидел две стройные, затянутые в шелк ножки. Затем Барбара наклонилась и критически осмотрела меня.

— Боже мой, Ральф, — сказала она, смеясь. — Ты похож на средневекового менестреля.

Я обтер лицо, но не думаю, что это помогло, поскольку жена лишь захихикала. В глазах Барбары, красивых глазах фиолетового оттенка, так редко встречающегося у златовласых блондинок, прыгали чертики.

— Хочу немного пройтись, — сказала она, и я кивнул.

Я слушал ее удаляющиеся шаги, и тут увидел змею.

Это была гремучая змея, свернувшаяся под автомобилем в футе от моей головы. Она явно заползла сюда, чтобы спрятаться от палящих лучей солнца. Я застыл с отверткой в одной руке. Даже в этой невыносимой жаре я почувствовал

холодное дыхание ужаса и задрожал. При этом движении гремучая змея сухо затрещала.

Я весь напрягся. Плоская, уродливая голова змеи приподнялась, глаза-бусинки, как сверкающие огни самолета, решительно уставились на меня. Раздвоенный язычок мелькал так быстро, что я не мог как следует его разглядеть. Я знал, что до смерти мне меньше шага.

Трудно было понять, насколько велика эта змея, поскольку она свернулась в клубок, высунув наружу лишь трещотку на конце хвоста и вертикально поднятую голову. Голова была в форме лопаты, раза в два меньше моей ладони.

Рука, стискивающая отвертку, заныла от напряжения. Я подумал, не попробовать ли быстрым движением пришпилить змею отверткой к земле. Но я знал, что гремучая змея наносит удар с быстротой молнии, и не осмеливался рисковать. Пот стекал на глаза.

Затем я услышал шаги. Когда они раздались, змея приподняла голову еще выше, но трещотка смолкла. Меня пронзил страх. Барбара, а я не сомневался, что это были ее шаги, несомненно, присядет перед машиной, чтобы поговорить со мной. И что будет потом? Конечно же, змея нанесет удар. Но укусит она меня — или мою жену?

Шаги стали громче.

— Ральф, — послышался голос Барбары. — С тобой все в порядке?

Вероятно, она испугалась, что я потерял сознание от жары. Великий Боже! Она уже подошла к машине, и змея медленно повернула голову, сверкая глазами-бусинками. Если бы я крикнул, то змея могла бы сделать выпад. Но если Барбара опустится на колени перед машиной, что она явно собиралась сделать...

Нужно было на что-то решаться. Нужно попытаться убить змею отверткой. По крайней мере, если я потерплю неудачу, то рептилия вонзит зубы в меня, а не в Барбару. А я чувствовал, что спасения нет, что никакая человеческая реакция не может сравниться по быстроте с молниеносным выпадом змеи. Мышцы руки напряглись...

Внезапно голова змеи перестала качаться из стороны в сторону и зловеще откинулась назад.

Шаги Барбары внезапно замерли. Наступила тишина. Барбара что, увидела гремучую змею? И тут раздался пронзительный монотонный свист. Звучащий в странной минорной тональности, он, казалось, заполонил неподвижный воздух, и произошло нечто удивительное. Змея, готовая сделать выпад, внезапно подняла голову еще выше, словно прислушиваясь. Изо рта выскакивал ее раздвоенный язычок. А затем, разматываясь, словно клубок веревки, рептилия выползла на дорогу.

Судорога облегчения сотрясла меня. Едва дождавшись, пока змея удалится на безопасное расстояние, я выкатился из-под машины и вскочил на ноги. Одежда моя была пропитана потом, мокрая рубашка облепила тело. И тут я увидел своего спасителя. Барбара стояла неподалеку, пристально глядя на старика с коричневым лицом, покрытым сетью морщин. Его сложенные трубочкой губы издавали монотонный свист, и к нему быстро ползла змея. Но ни единым движением старик не выказывал страха.

Индеец — это стало ясно по высоким скулам и большому загнутому носу-клюву. Кожа его была странно потрескавшейся и красной, словно обгорела на солнце. Рубашка-хаки и брюки казались на нем неуместными. Ему бы больше подошла набедренная повязка и орлиное перо — символ вождя. Змея свернулась у его ног, и очень медленно, не переставая свистеть, он наклонился и протянул к ней руку. И змея обернулась вокруг нее, не причиняя старику вреда.

Скрюченные пальцы принялись ласкать рептилию, поглаживая ее свернувшееся тело и вершину плоской, уродливой головы. Я был парализован от изумления и странного, жуткого предчувствия опасности. Даже после того, как индеец положил змею на землю и позволил ей уползти, я не сразу сумел заговорить. Барбара первой обрела дар речи.

— О, Ральф! — она бросилась ко мне, я обнял ее и погладил по желто-золотым волосам. — Ральф! Он спас тебе жизнь! А если бы я подошла поближе к машине, то я бы... Он подошел сзади, коснулся моего плеча, и я не могла шевельнуться! Я... О, Ральф! Если бы эта змея...

И она зарыдала. Я держал ее в объятиях, пытаясь успокоить, и мои глаза встретились с глазами индейца... И меня потряс шок!

Невольно я вспомнил глаза змеи. Черные, холодные, как лед из ледника, глаза рептилии! Глаза змеи — точно такие, как у этого странного человека! Как должен вести себя имеющий такую власть над змеей?

— Он должен быть очень осторожен, — внезапно сказал старик на отличном английском языке, странно сочетающимся с его обликом.

По крайней мере, я ожидал, что у него должен быть гортанный индейский акцент. И ошибся. Голос у него оказался глубокий, но совершенно ровный, без всяких эмоций, без жизни. Возможно, в такой манере мог бы говорить мертвец.

— Многие из змеиного народа живут в этих местах, — спокойно продолжал он. — Они причиняют вред только тем... кто не понимает их.

— Вероятно, — сказал я. — Вы появились удивительно вовремя. Я... Ну, просто сказать вам «спасибо» было бы очень мало.

Он протестующе взмахнул рукой.

— Давайте не будем об этом, — сказал он. — Я общался со змеиным народом всю жизнь. Мы, зуни, понимаем их. У вас авария? — спросил он, взглянув на машину.

Я объяснил, что произошло, и закончил вопросом о гараже.

— Нет ни одного на много миль вокруг, — ответил старик. — Но мой дом неподалеку, а мой внук разбирается в таких вещах. Он поможет вам.

Я почувствовал странное облегчение, когда благодарил его. Он ничего не сказал, но жестом пригласил нас идти за ним, и мы отправились по дороге вслед за этим странным человеком.

ГЛАВА II. Кива[6] Красных Богов

Дом индейца походил на маленькую уродливую серую каменную коробку посреди пустыни. Но он был не из камня. Очень старый и ветхий деревянный домишко, выглядевший

[6] Кива — хижина, построенная частично или полностью под землей индейскими жрецами для совершения религиозных обрядов (Прим. перев.).

так, словно готов рухнуть в любой момент. Полуголодные цыплята копались в пыли перед крыльцом. Высоко в небе парил ястреб.

Позади домика, не далее пятидесяти футов, стояла странная постройка, наполовину спрятанная под землей хижина из камня и глины. Мне стразу же бросилось в глаза, что цыплята, бегающие повсюду в поисках корма, держались от нее подальше. Но у меня не было времени подробно рассмотреть ее.

Из-за дома вышел человек, и я услышал, как Барбара пораженно вскрикнула. Я и сам не сумел полностью подавить сорвавшееся с губ восклицание. Этот человек был настоящим чудовищем!

Он был почти семи футов роста, жесткие темные волосы, подобные обезьяньим, росли у него на голове, лице и толстых обнаженных руках. Маленькая головка с остроконечными ушами венчала могучий торс

Маленькие налитые злобой глазки вспыхнули, когда монстр увидел нас. На нем был пыльный серый комбинезон, кривые ступни с ненормально длинными пальцами босые. Кожа, где ее можно было увидеть под зарослями шерсти, потрескавшаяся и багрово-красная.

Наш провожатый выкрикнул какую-то гортанную команду, и обезьяночеловек, волоча ноги, прошел вперед, затем коснулся лба уродливой лапищей.

Когда он заговорил, я удивился еще больше. Сердитый рык обезьяны казался бы уместнее, исходя из его напоминающей пещеру пасти, нежели членораздельные слова.

— Я готовил жратву, — пророкотал он, пристально глядя на нас. — Что произошло?

— Это мой внук, — сообщил провожатый, — Джоэль. Мы живем здесь одни и... простите, я забыл вам представиться. — Старик издал сложную серию звуков, и при виде наших озадаченных лиц его губы сложились в мрачную улыбку. — На вашем языке это означает Серый Ястреб, — пояснил он и повернулся к Джоэлю, который озадаченно мигал, продолжая пялиться на нас.

Тихим голосом старик отдал какие-то распоряжения, и Джоэль тут же ушел в дом. По жесту Серого Ястреба мы последовали за ним.

Внутри лачуга производила одно впечатление — нищета. Две самодельные недоделанные раскладушки, древняя дровяная печь. Два стула и стол завершали обстановку. Хозяин жестом указал нам на стулья и посмотрел, как Джоэль возится в углу. Наконец, тот нашел какие-то инструменты и молча направился к двери.

Серый Ястреб последовал за ним. На пороге он повернулся.

— У меня есть еще дела. Джоэль пригонит вам машину, когда закончит с ремонтом.

Я кивнул, и он вышел. В наступившей тишине мы с Барбарой поглядели друг на друга, в ее глазах светился вопрос.

— Не нравится мне все это, — задумчиво проговорила она. — Разве ты не чувствуешь, что здесь что-то не так?

— Не так? — быстро ответил я. — Конечно же, нет. Разве бедный парень Джоэль может выглядеть красавчиком?

— Я не это имела в виду. Хотя взгляд, каким он глядел на меня, Ральф... Да, он мне тоже не понравился. Но я говорю об атмосфере этого места. — Она замолчала, но тут же продолжила: — Все это ненормально. Когда индеец спас тебя от змеи, я была слишком рада, что ты остался живым и невредимым, но, Ральф, ты же видел, как он обращался с гремучей змеей. Никакой человек не мог бы сделать такое...

Я обнял ее одной рукой за талию и притянул к себе.

— Многие люди делают это. Заклинатели змей зарабатывают этим на жизнь.

— Они ничем не рискуют. Цирковые змеи не опасны. Не то, что местные...

Барбара замерла, уставившись в пустоту. Я нахмурился, поскольку тоже чувствовал странную, словно неземную атмосферу здешних мест. Но не было ничего конкретного, на что я мог бы указать и заявить: «Этого не может быть, потому что противоречит законам природы». Однако чувство, будто нечто странное, нечто ужасное скрывалось поблизости, не проходило. И это мне не нравилось.

Я встал.

— Пойдем на солнечный свет, Барбара. Не очень-то приятно сидеть в полутемной комнате.

Однако снаружи лучше не стало. Там была дикая природа, голая, запекшаяся земля, прожаренная насквозь лучами

гневного солнца. К нам тут же подбежали цыплята, вытянув тощие шеи в надежде, что мы вынесли им еды. Серого Ястреба нигде не было видно.

Барбара внезапно вскрикнула. Когда я повернулся, она показала на что-то, сердясь и одновременно смеясь.

— Застежка от моей туфли! — сказала она. — Этот цыпленок...

Один из цыплят энергично мотал головой, из клюва у него торчало что-то блестящее. Без сомнения, эти цыплята оголодали настолько, что хватали все, что казалось им съедобным.

— Я поймаю его, — бросил я через плечо и нагнулся, чтобы схватить глупую птицу.

Но цыпленок увернулся от меня. Отчаянно кудахча, он вывернулся из-под моей руки, по-прежнему держа в клюве застежку. Увидев, что я продолжаю его преследовать, цыпленок повернулся и бросился за угол дома. Последовав за ним, я увидел, что он исчез в низенькой хижине, которую я заметил прежде.

Я подумал, что могу легко схватить там цыпленка и, не раздумывая, бросился за ним в хижину, пробежав, спотыкаясь, с полдюжины каменных ступенек.

Внутри было темно, и стояла странная тишина. Когда мои глаза привыкли ко мраку, я различил группу чудовищных идолов на низеньком алтаре в дальнем конце хижины. Застежка лежала на полу, и когда я поднял ее, цыпленок метнулся у меня между ног и выскочил из хижины. Я услышал позади окрик, и рядом со мной появилась Барбара.

— Это кива, — сказал я ей. — Индейский храм. Вон погляди на те маски.

На стенах висели гротескно вырезанные и разрисованные маски, представляющие Черепаху, Великого Змея, Самку Койота. По всей комнате были расставлены и разложены орудия и символы, необходимые для ритуала зуни — гремучие змеи, барабаны грома, отвратительные каменные божки.

Затем алтарь шевельнулся. Он медленно скользнул в сторону, и из черного провала в полу появились коричневые руки, вцепившиеся в край ямы. Затем человек подтянулся и выбрался из ямы целиком. Это был Серый Ястреб. Огоньки гнева горели в его глазах под нависшими бровями.

— Это место священно, — прошептал он, надвигаясь на нас. — Вы оскверняете его... Убирайтесь!

Я шагнул вперед, чтобы заслонить Барбару от старого индейца, и открыл было рот, чтобы все объяснить, но он не дал мне такой возможности.

— Эта кива освящена Великим Змеем... а вы оскверняете ее, как ваша раса осквернила все наши святыни! Никогда еще ни один белый не вступал в эту киву...

Он продолжал бормотать, надвигаясь, и я невольно стал отступать к выходу, по-прежнему прикрывая собой Барбару. Она дрожала. Старик был неопасен, при необходимости я мог бы легко одолеть его. Но какая-то жуткая угроза чудилась во мраке кивы, где проводили безымянные обряды во имя богов зуни. Отступая, я ощутил, как пятка ударилась о нижнюю ступеньку лесенки.

Я поспешно повернулся и ударился локтем об один из каменных образов, стоявших у стен. Это была точная каменная копия свернувшейся змеи в фут высотой, ее плоская голова в форме лопаты нависала над мелким глиняным блюдом, заполненным красноватой жидкостью с какими-то комками. Опора, на которой она стояла, опрокинулась, змея упала, и голова у нее отломилась при ударе об пол.

Пронзительный крик вырвался из горла индейца. Он повернулся, сорвал что-то со стены и прыгнул вперед. Я удостоверился, что Барбара стоит позади меня, и приготовился встретить нападение. Но нападения не последовало.

Вместо этого зуни держал толстую, покрытую перьями палку, направив ее на меня, и из горла у него вырывались странные, гортанные молитвы, если судить по тону. Слова были мне неизвестны, но их смысл я понял. Старик взывал к своим богам — молил богов зуни отомстить. Меня пробрала дрожь от этого низкого, пугающего призыва!

И, словно в ответ, чей-то ужасный голос раздался снаружи хижины. На мгновение темный, суеверный страх обуял меня, лишая сил. Какая темная магия крылась за этими древними словами? Неужели старые боги могут вновь сойти на землю по призыву своих жрецов? Что появилось у входа в киву, пока мы с Барбарой боролись со страхом?

На лесенке раздались тяжелые шаги и, повернувшись, я увидел внука Серого Ястреба, Джоэля, мчавшегося прямо ко мне с искаженным гневом, зверским лицом. Я поднял руку, прикрывая горло, а другой оттолкнул Барбару в сторону. И тут он обрушился на меня.

Я не удержался на ногах, и мы покатились по полу в смертельных объятиях, а отвратительные идолы Серого Ястреба рушились на нас со стен и постаментов. Волосатая, рычащая морда Джоеля оказалась вплотную с моим лицом, и я с ужасом увидел, как широко распахнулись его челюсти, а белые зубы потянулись к моему горлу. Барбара закричала.

Ее крик словно сбросил с меня путы ужаса. Я напрягся и ударил головой в лицо моего противника. Резкая боль пронзила лоб, потекла кровь, заливая глаза. Но Джоэль тоже взвыл от боли, и хватка его на мгновение ослабла. Я попытался вывернуться, но он тут же прижал меня к себе и стиснул так, что затрещали ребра. При каждом вдохе ужасная боль пронзала грудь. Черные точки завертелись перед глазами. Головокружение все усиливалось, и я ощутил мрачную безнадежность при мысли о том, что Барбара останется беззащитной во власти этого монстра...

Грянул выстрел. Джоэль взревел и отпустил меня. Я с трудом поднялся на ноги. Барбара все еще прижималась к стене с огромными от ужаса глазами. Серый Ястреб, по-прежнему держа в руке оперенную палку, склонился над внуком, который лежал на полу, держась за плечо. Кровь сочилась у него между пальцами и медленно стекала на землю.

У входа в киву стоял человек.

Он казался черным сутулым силуэтом на фоне яркого света, и в руке у него, словно забытый, свисал револьвер, из дула которого тянулась ниточка дыма. Когда Серый Ястреб чуть шевельнулся, револьвер словно ожил и тут же направился на него.

— Что происходит? — спросил незнакомец. — Вас хотят убить?

Он буквально сверлил меня глазами.

— Нет, — сказал я, прилагая усилия, чтобы голос не дрожал. — Но этот человек напал на нас, когда я случайно свалил идола.

Я указал на сломанного идола змеи, но Серый Ястреб прервал меня, разразившись потоком резких слов. Наш спаситель что-то бросил в ответ и вновь обратился к нам.

— Выходите. Находиться в кивах зуни вредно для здоровья. Я договорился с ним.

Он повелительно махнул рукой, и мы с Барбарой поспешно вышли из хижины.

При солнечном свете я, наконец, разглядел нашего спасителя. Он был коренастым, с суровым лицом и поразительно бледными голубыми глазами под отбеленными солнцем пучками бровей. Он махнул рукой на дорогу.

— Идите. Через минуту я догоню вас.

— Но наш автомобиль... он в противоположной стороне, — возразила Барбара.

— Знаю, — кивнул человек. — Делайте, как я говорю. Моя хижина в той стороне, она будет самым безопасным местом для вас... По крайней мере, на время. Только скажите, Серый Ястреб — этот старик — делал что-нибудь с палкой, которая была у него в руках?

— Ну да, — ответил я. — Он направил ее на меня и сказал что-то, что я не мог понять. Что-то вроде заклинания. Но я не знаю языка зуни...

Наш спаситель издал резкое восклицание.

— Ладно, — поспешно сказал он. — Идите. А мне нужно узнать, что сделал Серый Ястреб... — после чего резко замолчал и повернулся, чтобы уйти.

Барбара бросила на меня странный взгляд и схватила незнакомца за руку.

— Что это значит? Что сделал?..

— Проклял вас, — ответил незнакомец.

Я недоверчиво хмыкнул при этих словах. Он холодно взглянул на меня.

— Зуни делают много странных вещей, мой молодой друг. Очень странных. И я кое-что видел своими глазами... — Незнакомец пожал плечами и ушел, но, обернувшись, бросил через плечо нечто странное:

— Держитесь настороже и опасайтесь змей. Теперь вы их много увидите!

ГЛАВА III. Что случилось ночью

Нашего спасителя звали Джимом Крамером. Его хижина была грубой, но надежной постройкой у небольшого ручья, журчащего у самых дверей. Тени от склонов оврага уже накрыли хижину, когда мы пришли, и ночной холод, спускающийся с неба, разгонял дневную жару.

Поднялся ветерок, дующий вдоль ручья, и его холодный свист придал последний штрих мрачной картине диких мест. Даже огонь, который развел Крамер, не мог рассеять атмосферу угрозы, окутывающую нас.

Крамер сказал, что он разведчик. Хижина была опорным пунктом, но он со своим осликом часто совершал долгие поездки к горам, лежащим на севере, и к плато на западе. То, что успех не часто радовал его, было заметно по явной бедности экипировки. Поговорив о том о сем, вплоть до погоды, мы вернулись к теме индейцев.

— Серый Ястреб неплохой человек, — сказал Крамер, попыхивая короткой, хорошо обкуренной трубкой. — Он был когда-то в племени шаманом — знахарем, лечившим людей. Только он немного уперт в свою языческую религию. Особенно верит в Бога Змей. Не знаю, может, ему действительно известно нечто особенное. Но я не раз видел, как он обращается со змеями. Да вы и сами это видели, не так ли?

Он продолжал рассказывать нам о странной религии зуни, о древних Красных Богах, о которых почти ничего не знают белые люди. Барбара восхищенно глядела на этого человека, очарованная его странными рассказами. Я тоже внимательно слушал. Он, должно быть, хорошо разбирался в таких вещах.

Крамер рассказал о Великом Зайце, создавшем мир, когда не существовало еще ничего, кроме пустых вод первобытного океана. Он рассказал о семи мирах и том, как индейцы поднялись из самого низкого, из мира Людей Паука, в мир, где живут теперь. Он говорил о Великом Змее, древнем индейском боге, прекрасном и вечно молодом, культ которого исповедовали племена пиманов и юманов, ацтеков и атабасканов. Мало было известно о Великом Змее, кроме того что в древние времена он ползал в парящих болотах доисторической Земли, и все

змеи являлись его детьми. Смертоносная коралловая змейка, африканская пустынная гадюка и вероломная рогатая гремучая змея — все они, от крошечной синей змейки из Африки до гигантской анаконды болот Южной Америки, были обязаны своим существованием змеиному богу...

Мы слушали, пока не настала полная темнота. Ветер что-то шептал, проносясь мимо хижины, а иногда до меня доносились другие непонятные звуки, странный шелест, который, казалось, доносился, когда стихал ветерок. Барбара взялась за мою руку. Стало холодно. А Крамер все продолжал рассказывать тихим, монотонным голосом, глядя в умирающий огонь, словно видел там чудовищные образы древних богов.

— Змеиный бог ушел от людей, — говорил он, — чтобы мирно жить в одиночестве. Но считается опасным оскорблять его, и немногие индейцы добровольно согласятся убить змею. Потому что власть змеи не стала меньше, и этот ужасный культ являлся живым ужасом, тайно распространяющим свое влияние от дельты реки Луизианы до тундры Аляски. Подземный ким, предположительно, находился под этим самым плато, но еще ни один белый не видел его.

Крамер поднялся, подбросил дров в огонь и стоял, наблюдая за пламенем.

— Никто не знает, насколько правдивы эти рассказы, — медленно проговорил он. — Во всяком случае, Серый Ястреб в них верит. Ладно... — добавил разведчик, заметив, что Барбара клюет носом. — Вы, наверное, устали. Можете занять мою комнату. А мы с вашим мужем переночуем здесь.

Он зажег масляную лампу и открыл дверь, ведущую в крошечный закуток с единственной раскладушкой, называемый спальней.

Я прошел за Барбарой внутрь и закрыл дверь. Она повернулась ко мне, ее лицо было очень бледным.

— Ральф, — прошептала она, — я... я боюсь. Разве мы не можем добраться до машины прямо сейчас?

Я обнял ее, и женщина прижалась ко мне, вся дрожа.

— Каким образом? Кроме того, здесь мы в относительной безопасности. Крамер все устроил.

— Но у меня такое чувство, будто что-то вот-вот произойдет...

— Я буду рядом, за дверью, — заверил я. — Ничего не произойдет. А если что и случится, то тебе останется лишь позвать меня.

Она кивнула, но губы ее дрожали. Я поцеловал жену и вышел. Крамер как раз расстилал на полу одеяла.

— Кровать только одна, — развел руками он. — Но мне не впервой спать прямо на полу. Вы ведь выдержите это одну ночь?

— Конечно, — кивнул я, помогая ему с одеялами.

Вскоре после того, как мы легли, я услышал мерное дыхание хозяина хижины, но сам не мог уснуть и лежал, глядя на умирающий огонь и вспоминая странные события этого дня.

Постепенно я стал погружаться в сон, но прежде, чем окончательно уснул, успел заметить, что ветер стих, и воздух застыл в странной, мертвой неподвижности, словно чего-то ждал.

Я привык спать крепко. Когда меня разбудили крики, я понял, что слышал их уже какое-то время сквозь сон, но не мог окончательно проснуться. Я полежал, собираясь с мыслями. Слабые стоны доносились снаружи.

Было совсем темно. Я пошарил рукой, пытаясь нащупать Крамера, но того не было. Тогда я вскочил на ноги и ринулся через комнату. Дверь в каморку Барбары была приоткрытой.

— Барбара! — крикнул я, держась за стену и пытаясь стряхнуть путы сна, все еще затуманивавшего мое сознание. — Барбара!

В ответ — тишина.

Я нашарил в кармане спички. Зажег одну. Она вспыхнула, освещая крохотную спаленку. Кровать была в беспорядке и пуста. Окно открыто. Из него явственно доносились крики.

Я повернулся в поисках Крамера. Он тоже исчез. Холодные бисеринки пота усеяли мой лоб, затем я взял себя в руки, резко распахнул дверь и бросился туда, откуда доносились крики и стоны. Я надел обувь и брюки, когда еще покидал одеяло, но расшнурованные ботинки хлопали по земле и мешали бежать.

Небо было в тучах, но глаза постепенно привыкли к темноте. Я чуть было не споткнулся о Крамера, прежде чем увидел его.

Он лежал на спине и громко стонал. Я зажег спичку и увидел, что на рубашке разведчика спереди расширяется красное пятно. Его глаза невидяще уставились на меня. Затем они слегка прояснились.

— Они... они забрали вашу жену, — задыхаясь, выдавил он. — Джоэль. Я побежал за ним, но он... отобрал у меня ружье. Может, вы успеете... алтарь в киве... — Губы его искривились, и он снова испустил сквозь стиснутые зубы стон, от которого застывала кровь в жилах.

Я заколебался.

— Быстрее... Быстрее.... — пробормотал Крамер. — Поспешите...

Он с трудом кивнул на револьвер у себя за поясом. Я достал его и сунул в карман. Больше я не колебался. Возможно, кто-нибудь станет винить меня в том, что я не остался помочь Крамеру. Но я не мог... Я думал лишь о том, что Барбара во власти существа, в котором больше от животного, нежели от человека. Я повернулся и побежал.

Из той безумной ночной гонки я мало что помню. Я много раз запинался и падал в темноте. Одежда была изодрана, из царапин на коже сочилась кровь. Но я продолжал бежать по дороге, держа одну руку на револьвере из опасения, что могу его потерять. Я совсем задыхался, когда добрался до лачуги индейцев. Затем, двигаясь как можно осторожнее, пополз к киве.

Там было пусто, как я и ожидал, лишь чудовищные маски и идолы усмехались мне со всех сторон. Бросив беглый взгляд на алтарь, я уперся в него плечом. Он бесшумно скользнул в сторону.

Вниз, в бездонную тьму, вела каменная лестница. Оттуда хлынул специфический запах плесени, от которого волоски у меня на шее поднялись дыбом. Я достал револьвер, зажег очередную спичку и стал спускаться.

И затем это произошло. При очередном шаге я не почувствовал под ногой опоры и полетел в черную пропасть. Закричав, я попытался извернуться в воздухе так, чтобы приземлиться на ноги. Это удалось, но я все же не устоял и полетел на пол.

Из темноты я попал в освещенную пламенем факелов пещеру. Я едва успел бросить вокруг быстрый взгляд, как что-то прошелестело рядом и набросилось на меня. Железные

пальцы впились в мое горло. Я увидел звериное, волосатое лицо Джоэля, с усмешкой нависшее надо мной.

Через его плечо я увидел распластанную по стене пещеры Барбару. Ее почти нагое тело факелы окрасили в темно-красный цвет. Я услышал, как она выкрикнула мое имя, и принялся вырываться и дергаться, пока безжалостные пальцы, не переставшие сжиматься, не послали раскаленную добела вспышку, пронзившую мою голову, и я полетел, вращаясь, в черную бездонную пропасть небытия!

ГЛАВА IV. Пещера змей

Когда я открыл глаза, то увидел черный от копоти свод пещеры. Мгновение я лежал тихо, стараясь собраться с мыслями. В голове пульсировала боль, меня всего пробирал холод. Где-то поблизости мерцали отблески костра, но, кроме треска дров в огне, стояла полная тишина. Я посмотрел на свои ноги и увидел, что ботинки и носки с них сняты. Камень подо мной казался ледяным.

Я находился в пещере не менее сотни футов в длину, с высоким сводом, освещенной дюжиной факелов, воткнутых в специальные гнезда на стенах. Также видны были три узких входа в туннели, темные и загадочные. Камни отсвечивали странным серебристым сиянием, и первое время я даже думал, что это всего лишь игра воображения. Но время шло, а жуткое сияние продолжало мерцать на стенах.

Я решил, что это не та пещера, в которую я упал, где видел Барбару и гигантского индейца. Эта пещера казалась больше, и в прежней я не помнил никаких туннелей. Вонь мускуса была так сильна, что я закашлялся. Нервы были натянуты до предела.

Пещера оказалась пуста. Я с трудом поднялся на закоченевшие ноги, взял со стены факел и направился в один из туннелей.

Он был узким и низким. Несколько раз мне пришлось нагибать голову, чтобы не удариться о выступ скалы. Ступать было больно, поскольку пол был скалистым и неровным. Я

поспешно шел несколько минут, пока не заметил, что коридор начинает круто спускаться вниз.

Внезапно моя босая нога наступила на что-то, что было явно не скалой, что-то мягкое и холодное, которое тут же принялось извиваться подо мной, а сердце мое сжалось от ужаса, когда я услышал знакомый сухой треск. Я всхлипнул и мгновенно метнулся назад. Лишь это быстрое движение и спасло меня от гибели.

Голова гремучей змеи в форме лопатки метнулась мимо моей ноги и с глухими стуком ударилась в камень. Тут же змея отпрянула и свернулась в клубок, а ее яркие ледяные глаза смотрели на меня, пока я отступал, держа перед собой факел в качестве защиты. Потом я пошарил в кармане в поисках револьвера. Разумеется, его не было.

Дрожа, я замер, наблюдая за змеей.

Она не двигалась. Ее тело толщиной с человеческое запястье свернулось клубком, и трещотка на конце вибрирующего хвоста предупреждающе гудела. Я осторожно шагнул вперед, толкая факел в сторону змеи. Она подняла голову еще выше, затем медленно уползла в темноту.

Но мое облегчение было недолгим. Немного дальше я наткнулся на дюжину рептилий, перекрывающих проход. Пока я смотрел на них, они заскользили ко мне, их крошечные глазки блестели в свете факела странным разумом.

Секунду я стоял на месте, затем не выдержал и бросился назад. Я читал много раз, что гремучая змея не станет нападать на человека, если ее не спровоцировать, но не осмелился рисковать, босой и безоружный. Кроме того, оставалось еще два прохода.

Я вышел в темно-красный, мерцающий свет пещеры и заколебался, выбирая одно из двух чернеющих в стене отверстий. Затем наугад выбрал ближайшее.

Через некоторое время странное предчувствие заставило меня замедлить шаг и опустить пониже факел. Но я все равно наткнулся на змей, прежде чем увидел их.

Сначала я заметил красные и желтые полосы и пятна, появившиеся в темноте. Затем уловил движение этих цветов, неторопливое, ритмичное движение рептилий. Коралловые змеи!

Их оказалось всего лишь три, но и этого было достаточно. Со странной, навевающей ужас красой, они ползли вперед, издавая слабое шуршание при передвижении по камням.

Они были еще хуже гремучих змей — те, по крайней мере, хотя бы предупреждали о себе треском. Я вспотел, несмотря на холод, и поспешно отступил обратно в пещеру, чувствуя, как живот стянуло судорогой страха. Если последний оставшийся проход тоже заблокирован или не ведет к свободе... Я постарался выбросить эти мысли из головы.

Но когда я вышел в пещеру, то увидел, что положение стало гораздо хуже. Коралловые змеи ползли за мной из туннеля, целеустремленно двигаясь на свет факела.

Я стал озираться, как попавшее в ловушку животное, в поисках какого-нибудь оружия. Но ничего не было. В пещере ничего не было, кроме факелов, а факелы гасли. Некоторые уже догорели, другие мерцали и затухали. На стенах поднялись тени и, казалось, жадно устремились ко мне.

Я быстро огляделся. Из входов в туннели выползали змеи, десятки змей, ужасных и одновременно изящных рептилий, наступление которых выглядело еще страшнее из-за полной тишины. В голове у меня вспыхнул безумный план: если бы я только смог пробежать по змеям, доверившись удаче, то мог бы спастись... Я сделал пару шагов вперед и, дрогнув, остановился. Я не мог пойти на такой риск.

И вдруг во мне шевельнулась слабенькая надежда. Змеи остановились! Ни одна не двинулась дальше, чем на несколько футов от входа в туннели. Выглядело так, словно их останавливал свет... Погас еще один факел.

Минут через пять уже все факелы, кроме того, что держал я, замерцали и погасли. Я стоял в маленьком круге света, стискивая свой факел, хотя его огонь уже жег мне руку. А в темноте на дне пещеры возникли сотни светящихся точек, похожих на крошечные драгоценные камни, которые беспокойно двигались во мраке. Странное холодное сияние мерцало на стенах, отбрасывая бледные отблески.

Наконец, мой факел выбросил последний крошечный язычок пламени и умер. Его остатки мерцали красным, пока я не уронил их, и тогда они разлетелись россыпью крошечных искр и исчезли одна за другой.

Теперь единственным светом в пещере осталось свечение со стен, холодное и блестящее, и в его свете стали видны змеи, точно черные извивающиеся тени. Послышался чудовищный шелест от орды рептилий. Где-то поблизости затрещала гремучая змея...

Во мне росла паника, тошнота подкатила к горлу. Боже! Меня ждет ужасная медленная смерть от яда, который будет течь по моим венам, пока я буду корчиться в слепых муках среди холодных змей, а когда я умру, они станут ползать по моему бесчувственному телу!

Что-то легонько коснулось моей щеки. Я отскочил и услышал сердитый треск. Внезапно сверху раздался тихий оклик.

У меня перед лицом появилась веревка. А наверху появился тусклый круг света, и на фоне его стал виден абрис человеческого лица. Я мгновенно схватил веревку и стал подниматься.

Это было не так-то легко. Я был ослаблен предыдущими событиями и с трудом удерживался, чтобы не скользнуть по веревке обратно вниз. Через несколько секунд ногти, которыми я впивался в веревку, были сломаны и начали кровоточить.

Потом я заметил, что веревку тащат вверх. Я оставил попытки подниматься по ней и сосредоточил все силы на том, чтобы не упасть. Затем чьи-то руки схватили меня за плечи и дернули вверх.

ГЛАВА V. Клыки змеи

Я оказался в пещере, небольшой, с низким сводом, освещенной светом факела. В конце ее в темноту уходили каменные ступени. Рядом было отверстие, через которое меня вытащили сюда. Грубая лебедка рядом с ним объясняла, как это произошло. К дальней стене была прикована Барбара, ее бронзовые волосы, слипшиеся во влажные локоны, падали на голые плечи. Голова свисала на грудь, глаза были закрыты.

Раздалась гортанная команда. Я ощутил, как громадные руки стиснули и поставили меня на ноги. Я начал слабо отбиваться.

Но все было напрасно. Запястья обмотали веревками, и меня подтащили к стене рядом с Барбарой. Затем руки до предела вытянули в стороны, веревки же привязали к вделанным в каменную стену кольцам. Ноги мои остались свободными, но колени подгибались, и я едва держался, чтобы не упасть.

Передо мной появился Джоэль, скривив широкий рот в сардонической усмешке. А позади него...

Позади него стояла фигура, словно вышедшая из мифов зуни. Она напоминала человека, но тело ее было покрыто перьями, а гротескно вырезанная и раскрашенная маска на голове имела чудовищное сходство с головой змеи. Чешуйчатая, обтекаемая, с плоским верхом, она ужасала. Все это выглядело так, словно некая фантастическая хищная птица имела голову гигантской змеи.

Из маски раздался глухой голос:

— Великий Змей требует жертву, — произнес нараспев он. — Джоэль, женщина вполне подходит.

Джоэль искоса взглянул на мое лицо дико сверкающими глазами.

— Серый Ястреб — великий шаман, — так же нараспев протянул он. — Боги награждают своих приверженцев!

Пернатая фигура сделала повелительный жест. Джоэль кивнул и стал возиться с веревками, которыми была привязана к стене Барбара. Я принялся проклинать его.

Я по очереди умолял и угрожал, но он не обращал на меня никакого внимания. Я заскрежетал зубами, когда увидел, как волосатые руки Джоэля хватают нагое тело Барбары и несут к краю отверстия, ведущего в змеиную пещеру внизу. Холодный ужас прокатился по жилам, когда я увидел, как Джоэль привязал веревку, идущую от лебедки, к запястьям Барбары. Я мысленно возблагодарил Бога за то, что она была без сознания.

Я отчаянно напрягал руки, пытаясь порвать связывающую их веревку, и внезапно во мне шевельнулась надежда. От движения рук путы подались. Я согнул большой палец и отчаянно дернул. И произошло невозможное. Оперенная фигура двинулась вперед, словно для того, чтобы заслонить от меня Джоэля и Барбару, и я увидел, как у нее из перьев плаща торчит рукоятка револьвера!

Отчаяние придало мне силы! Я вырвал из пут руку, срывая кожу с запястья, выбросил ее вперед, и пальцы сомкнулись на рукоятке. Левая рука все еще была привязана к металлическому кольцу, но зато теперь у меня был револьвер!

Змеиноголовый человек повернулся, почувствовав рядом с собой движение. Через его плечо я увидел, как Джоэль крутит лебедку. Барбара уже исчезла в дыре! Натянутая веревка спускалась в пещеру змей.

Я направил револьвер на Джоэля, но тут же понял, что если убью его, то он выпустит ручку лебедки, и Барбара полетит навстречу ужасной смерти. Тогда я прицелился в змеиноголового и нажал курок. Из дула револьвера вырвалось пламя...

Из змеиной маски раздался ужасный вопль. Оперенный отшатнулся назад, едва устояв на ногах, затем обернулся, что-то крикнул Джоэлю и бросился к лестнице.

Джоэль выпустил ручку лебедки и повернулся, чтобы последовать за ним. Я поспешно выстрелил ему в спину и неистово рванул веревку, все еще привязывавшую к стене мою левую руку. Лебедка вращалась, веревка стремительно уходила в темноту.

Когда я сумел освободить руку, лебедка остановилась. Стон ужаса вырвался у меня сквозь стиснутые зубы. Я понял, что случилось! Веревка запуталась в перекладинах колеса лебедки!

Джоэль тоже увидел это. Он повернулся у подножия лестницы, миг колебался, затем бросился обратно. Но я уже освободился и встретил его выстрелами. Невероятно, но он не упал, хотя на таком расстоянии я не мог промахнуться.

Сухо щелкнул курок. Револьвер был полностью разряжен. Я рванулся навстречу гиганту. Мы врезались друг в друга, и я опустил рукоятку револьвера ему на череп. Он взревел, замер, затем стиснул меня громадными ручищами.

Вспомнив старый прием, я нажал большими пальцами рук на его челюсти в определенных точках. У Джоэля выпучились от боли глаза, но он не разжал объятий. Тогда я впился пальцами в его шею с такой силой, что по ним потекла кровь.

Руки гиганта судорожно дернулись и ослабли. Я откатился в сторону и вскочил на ноги. Джоэль молотил руками по

полу, но это была просто судорога. Затем он встал на колени, слепо хватая руками воздух. Сила этого человека была феноменальна!

Несколько раз дернувшись, он упал на бок, покатился к яме и без единого звука канул во тьму. Затем послышался глухой стук.

Я метнулся к брашпилю. Прошли, казалось, часы, прежде чем я сумел вытащить Барбару наверх, в безопасность. Я осмотрел ее тело в поисках змеиных укусов, но ничего не нашел. Должно быть, веревку заклинило до того, как она достигла дна.

Затем Барбара открыла глаза и задрожала. Я обнял ее, и страх исчез с ее лица.

И тут я услышал странный, пронзительный свист, что-то затрагивающий в самой глубине души. Это был тот же жуткий свист, которым Серый Ястреб отозвал змею, угрожавшую мне под машиной. Он доносился с лестницы.

— Барбара, — быстро сказал я. — Еще не все закончено. Мне нужно...

Она молча кивнула. Я вскочил и бросился к лестнице. В два прыжка я поднялся по ступеням и ударился головой обо что-то деревянное. Это была крышка люка. Я осторожно приподнял ее...

И оказался в хижине Серого Ястреба. Бледные лучи рассвета проникали в грязные окна, ложась пятнами на ветхие стены. Там было двое мужчин. Некто в змеиной маске и оперенной одежде склонялся над связанным человеком, лежащим в углу, — и связанным был Серый Ястреб!

Пока я смотрел, змеиноголовый склонился вперед, угрожающе поднимая револьвер. Я с криком выскочил из люка, но опоздал.

Правая рука Серого Ястреба, очевидно, освободившаяся из пут, метнулась из-за спины, и в ней висело что-то похожее на веревку. Мгновенным движением, слишком быстрым для глаз, он вскочил на ноги и, казалось, пожал руку противника. Револьвер со стуком упал на пол. Убийца с диким воплем отскочил назад, отчаянно размахивая рукой и пытаясь стряхнуть с нее что-то извивающееся и хлещущее хвостом. Он сумел освободиться и принялся топтать змею каблуком, не переставая монотонно завывать.

Маска змеи сползла ему на глаза, и он не мог ничего видеть. Он наткнулся на стену, и только после этого поднял руки и сорвал с себя маску. Показалось искаженное ужасом лицо. Он распахнул дверь и бросился из хижины.

Серый Ястреб взглянул мне в глаза и медленно кивнул, заметив на моем лице изумление.

— Да, — сказал он, — да. Это был Крамер.

Немного позже, с помощью Серого Ястреба, мы связали воедино обрывки этой странной истории. С нашим появлением Крамер увидел возможность исполнения плана, который составил уже давно. Причиной всему было то странное сияние в змеиной пещере и ожоги на коже Джоэля и его дедушки. Громадное богатство было скрыто под хижиной Серого Ястреба. И звалось это богатство радием.

Крамер пытался купить этот участок, но потерпел неудачу. Много поколений эта земля была посвящена богам зуни, а Серый Ястреб был последним шаманом своего племени и стоял на том, что ни один бледнолицый не должен завладеть священной землей.

Причина маскировки Крамера под Серого Ястреба была проста. Это было сделано для меня и Джоэля. Я должен был считать, что смертельно ранил индейского шамана, когда выстрелил в него, хотя впоследствии мы обнаружили, что патроны в револьвере, который я выхватил из-за пояса поддельного Серого Ястреба, оказались холостыми. По той же причине я так легко освободился от пут и обрел револьвер, а поскольку был бы уверен, что убил Серого Ястреба, то признался бы в этом властям, которые сочли бы, что это было сделано в целях самообороны.

Для осуществления планов Крамера было также необходимо, чтобы Джоэль аналогично полагал, что Крамер и есть Серый Ястреб. Нуждаясь в помощи того в осуществлении своих планов, Крамер надел плащ из перьев, чтобы полусумасшедший Джоэль поверил, что он и есть змеиный бог, нейтрализовал своего деда и выполнял его указания.

Я должен был, согласно этим планам, в конечном итоге освободиться. То, что веревка заклинила лебедку, только и спасло Барбару. Крамер сам выкрал мою жену из хижины и отдал ее Джоэлю, сказав гиганту, что таков приказ его деда.

Затем, по плану, пока я освобождался от веревок, Джоэль должен был броситься по лестнице следом за Крамером, думая, что это Серый Ястреб, а тот установил там ловушку. Затем он быстро добил бы внука шамана, чтобы подумали, что тот покончил с собой, увидев Серого Ястреба мертвым, — по крайней мере, власти бы так подумали, а я ничего не смог бы этому противопоставить.

Потом Крамер застрелил бы Серого Ястреба, одел на него плащ из перьев и змеиную маску, а сам бы сбежал, оставив меня считать, что это я убил индейца, и я бы даже не знал, что это не так. Власти, естественно, предположили бы, что моей первой реакцией было броситься вверх по лестнице, чтобы отомстить человеку, который принес мою жену в жертву. Я должен был рассказать властям историю о смерти Серого Ястреба, и кто бы стал подозревать после этого Крамера?

Барбара погибла бы в змеиной пещере, а к тому времени, когда я вырвался бы на свободу, Крамер спокойно успел бы совершить убийство в лачуге, вернуться в свою хижину и нанести себе легкую рану, чтобы было ясно, почему я нашел его стонущим у ручья. А обезглавленная тушка цыпленка объяснила бы кровь, которая запятнала его рубашку.

Впоследствии Крамер предоставил бы поддельную купчую, по которой земля Серого Ястреба отходила к нему. Позже этот документ нашли в его хижине.

Мы поняли, что Серый Ястреб не знал о богатстве, лежащем прямо под его лачугой, — радии, который смертельной радиацией искалечил тело и ум его внука. Немного позже Серый Ястреб тоже умер, отравленный им.

Тело Крамера было найдено у дороги, раздувшееся и белое от яда змеи, которую Серый Ястреб вызвал своим странным свистом.

У нас с Барбарой есть причина быть благодарными старому шаману. Когда он умер год спустя, мы узнали, что он сделал нас наследниками своего участка и, следовательно, громадного богатства. Было неловко принимать его, хотя Серый Ястреб никогда не винил меня в смерти своего внука. Во всяком случае, мы с Барбарой решили, что половина этого наследства должна быть пожертвована больнице.

Но что у нас точно осталось, так это закоренелый ужас перед змеями. Когда наша собака находит иногда мертвую змею и гордо приносит ее нам, я вижу, как в глазах Барбары вспыхивает страх, и ужасные воспоминания ледяной рукой хватают за сердце. И хотя мы научились, пока бодрствуем, не вспоминать о кошмарах, с которыми встретились в радиевой пещере, во сне они будут возвращаться к нам до самой смерти.

КТО ПРИХОДИТ ПО НОЧАМ

Йохан прислонился к высокому обелиску из белого мрамора, его ослабленное лихорадкой тело дрожало от утомления. Кладбище казалось тусклым морем тьмы с бледными пятнами плит и надгробий, стоящих неровными рядами. Йохан достал фонарик, и яркий луч вырвал из темноты изможденную фигуру человека.

Глубокие тени лежали во впадинах его щек и под широко распахнутыми горящими глазами. Лицо покраснело от гнева, выдававшего пылающий в голове огонь — огонь, который сжег все барьеры страха и привел человека к древнему захоронению, где мало кто рисковал появляться после заката. Все знали, что среди этих могил живет ужас, переживший немало поколений. Рассказывали о твари, которая бродит ночью среди могил, а потом, когда днем приходят люди, обнаруживают, что свежие могилы разрыты, гробы взломаны, а покойники бесследно исчезли.

Иногда какой-нибудь крестьянин предпочитал хоронить своих родных на кладбище в Крущене в двадцати милях севернее. Но это бывало редко, и ужас жил на кладбище дольше, чем помнили деды и прадеды, а деревню мрачным покровом накрывала апатия. Кроме того, рассказывали, что давно, в год Великой чумы, когда все тела сжигали из страха распространения мора, нечто приходило с кладбища и врывалось ночью в дома на окраине деревни. Человек десять бесследно исчезли, и тогда зараженные чумой трупы снова начали предавать земле на старом месте погребения. После этого деревню оставили в покое, хотя временами одинокий путник или странствующий коробейник пропадали. Однако старики шептались

между собой, что это даже к лучшему, поскольку иначе могло бы произойти нечто более ужасное. Но теперь Йохана вела нужда, заставившая наплевать на древнюю угрозу, скрывающуюся среди могил. Он пришел сюда за женой.

Эльза, на которой он женился всего лишь год назад, была похоронена здесь, в то время как сам Йохан лежал без памяти в лихорадке, сведшей в могилу его любимую. Считая, что он спит, жена кузена громко рассказала об этом соседкам, и Йохан узнал, что Эльза была предана земле на кладбище за деревней, где царствует нечистая сила. Его любимая, дочь древнего клана Обера, ведущего свой род от Турна и Таксиса, станет добычей вурдалака!

Ужас придал Йохану силы, чтобы подняться с постели и выйти незамеченным из дома кузена, прихватив с собой лишь пистолет и фонарь. Теперь он достал оружие из-под рубашки, так как услышал чьи-то шаги неподалеку. Облитая звездным светом, появилась человеческая фигура, осторожно пробирающаяся среди могил. Узнав своего кузена Карла, Йохан спрятал пистолет обратно под рубашку и выкрутил фитиль фонаря, чтобы стало светлее. Незнакомец испуганно вскрикнул, но тут же замолк. В тусклом круге света появился Карл с побледневшим лицом.

— Йохан! Я думал... А что ты тут делаешь? Эльзе теперь уже все равно не поможешь...

Йохан отвел взгляд, стиснув зубы. Карл положил руку кузену на плечо, но тот нетерпеливо стряхнул ее.

— Это твоя вина, Карл, — сказал он с потемневшими от гнева глазами. — Это ты позволил похоронить Эльзу здесь, где властвует дьявол.

Тот сделал успокаивающий жест.

— А что я мог поделать? Я сказал, что тебе не понравится...

— Я знаю... — негодование исчезло из голоса Йохана, теперь в нем слышалась лишь печаль и горечь. — Мы слишком долго склоняли шеи под этим хомутом. Слишком долго. Эльза не должна стать...

— Она похоронена неделю назад. А ты... У тебя даже лопаты нет.

Это было верно. У Йохана не было времени искать лопату.

— Во всяком случае, я стану охранять ее могилу, — медленно проговорил он. — А ты можешь вернуться в деревню за лопатами.

Карл долго молчал. Наконец Йохан невесело рассмеялся.

— Принеси лопаты завтра утром. Ты же не побоишься прийти сюда при дневном свете?

— Но сейчас же я пришел, — сказал уязвленный Карл. — Пойдем домой. Завтра мы сможем вернуться за Эльзой. Еще одна ночь ничего не решит... И это может быть опасно. Говорят... Говорят, оно появилось снова.

Йохан пожал плечами с беспечностью, которой вовсе не ощущал. Он дрожал на холодном ветру, проносившемся над заброшенными могилами. Страхи, о которых он забыл во время лихорадки, теперь медленно возвращались, чтобы вцепиться в него, но парень решительно отбросил их в сторону.

— Я не боюсь, — проворчал он и двинулся среди могил, освещая фонарем покрытые лишайником надгробные камни и изъеденные червями деревянные кресты. Затем споткнулся об упавшую надгробную плиту и упал бы, если бы его не подхватил Карл. Тот снова начал протестовать, приводить какие-то доводы, но кузен, казалось, ничего не слышал. Йохан пристально уставился во мрак, потом сделал несколько торопливых шагов, и у его ног появилась черная разинутая пасть разрытой могилы.

Он осветил фонарем яму и увидел, что крышка гроба сломана и раскрыта, а сам гроб пуст. И еще не успев осветить надпись на деревянной табличке в изголовье могилы, уже понял, что там будет написано. Стоящий рядом Карл едва мог вздохнуть от страха. Но Йохан просто стоял, молча, чуть дрожа от сырого ветра, обдувающего покрытое потом лицо, и мысли его проносились в хаотическом водовороте, в котором были перемешаны ужас, горе и гнев. Ярость багровой пеленой застилала глаза. Под рубашкой он чувствовал холодную сталь пистолета и в отчаянии стиснул его рукоятку. Эльза! Ее стройное белое тело стало добычей вурдалака! Под воздействием ослепляющего, сокрушительного гнева Йохан забыл обо всех своих страхах. Карл дернул его за рукав. Йохан обернулся и встретил испуганный взгляд своего кузена.

— Йохан! Чего ты ждешь? Мы не можем здесь оставаться. Это... Это пришло снова!

— Нет! — рявкнул Йохан, сверкая глазами. — Эльза...

— Слишком поздно! Эльзы больше нет.

— Слишком поздно для мести? — внезапно спокойно спросил Йохан, и от этих слов Карл сжался с изумлением на лице.

— Для мести?

От этого слова ему стало жутко, и он опять задрожал. Потом бросил испуганный взгляд в окружающую темноту и прошептал:

— Да ты просто безумец...

Йохан вытащил пистолет.

— Хорошо, я безумец. Но... Карл, если бы это была твоя жена... — он замолчал, потому что губы свела судорога, а когда смог продолжать, то голос его звучал холодно и непреклонно. — Послушай меня! Я собираюсь заставить любого — бога, человека или дьявола — ответить за эти преступления! — Он бросил взгляд в черный зев опустошенной могилы. — Возвращайся домой, Карл. Теперь ты не сможешь мне помочь.

Тот открыл было рот, но слова застряли у него в горле. Он бросил взгляд за плечо Йохана, и в них появился панический страх. С придушенным криком Карл повернулся и бросился бежать, его шаги громко звучали в холодной, пустой тишине.

Йохан быстро повернулся. Сначала он ничего не увидел при слабом свете звезд. Затем вдалеке заметил слабое движение среди могил, где на небольшом пригорке в полном одиночестве стоял древний склеп.

Вдовец какое-то время ждал, затаив дыхание, но больше не уловил ни единого движения.

Шаги Карла смолкли в отдалении, наступила полная тишина. Йохан нерешительно крутил в руках пистолет. Затем сунул его обратно под рубашку и торопливо пошел между могилами к склепу, тусклому и зловещему в свете звезд. Тот был невероятно стар и порос толстым ковром лишайника. Над дверью была высечена надпись, совершенно неразборчивая кроме одного непонятного слова: maranatha. Йохан не остановился рассмотреть ее получше, так как увидел, что большая каменная дверь открыта. С холодным гневом, раз-

раставшимся в груди, вдовец перешагнул порог и быстро окинул склеп взглядом.

Тот был пуст. Он увидел лишь голые гранитные стены, но в дальней стене виднелась полуоткрытая дверь из проржавевшего металла. Йохан протиснулся в нее, высоко подняв фонарь.

Он оказался в пустом проходе со стенами из больших каменных плит, спускавшемся куда-то вниз. Откуда-то доносился слабый шепчущий звук, словно журчание ручейка среди камней. Йохан осторожно двинулся вперед. Проход извивался в скале, но продолжал круто спускаться, по сторонам дважды попались черные входы в туннели. Слабый шепот становился все громче. Он уже различал человеческие голоса, но его озадачивало странное рычание и писк, которое можно было услышать в волчьем логове и крысином гнезде одновременно.

Холодный здравый смысл стал возвращаться к Йохану, его стали одолевать нехорошие предчувствия, но мысль об опустошенный могиле Эльзы заставила двигаться дальше. Он прикрутил фитиль, чтобы фонарь светил совсем слабо, и дальше двигался почти в полной темноте, нащупывая ногой дорогу и напрягая слух, чтобы различить хоть какие-то понятные слова. Внезапно непонятное перешептывание перекрыл другой голос.

Он был резкий и звучал, как из бочки, словно шел из какого-то далекого подземелья.

— ...ушел уже давно.

Волна страха прокатилась в груди Йохана, и он отчаянно вцепился в мысли об Эльзе и мести. Борясь с ужасом, он двинулся вперед. И, словно по сигналу, наступила полная тишина.

В этой тишине Йохан уловил чуть слышный шепот:

— ...вернется. И принесет нам еду.

Сзади раздался шелест, становясь все громче. В темноте ничего не было видно, но Йохан припал к стене. Шелест пронесся мимо, на мгновение ужасное зловоние ударило в нос. В темноте он ничего не мог разглядеть, просто на миг ему стало нехорошо. Йохан прислонился к стене, благодарный ей за поддержку, и снова услышал шепот и голоса. н на этот раз наполненные жутким разочарованием.

Потом раздался новый голос, тихий, безэмоциональный голос с ужасным кошачьим мурлыканьем:

— Я не смогла найти никакой еды, предки мои. Ни еды, ни напитков.

— Значит, мы должны голодать? — заскулил другой голос, и хор жалобных криков раздался из темноты, внезапно запульсировавшей невидимой, ужасной жизнью:

— Ты должна кормить нас!

— Это твоя обязанность...

— Мы не можем сами...

— Ты должна исполнить свой долг, — прозвучал глубокий голос. — Каждый из нас кормил предков, которые уже не могли сами добывать себе пропитание. Сейчас твоя обязанность снабжать нас едой. Когда в свое время ты станешь такой же, как мы, неспособной отыскивать свежие могилы, то появится новый наследник, который станет выполнять этот долг после тебя.

— Я нашла для вас еду две ночи назад, — замурлыкал тихий голос, и у Йохана перехватило дыхание, он задрожал в темноте.

— Это твой долг и твоя привилегия, — вмешался новый голос, низкий и резкий. — Это проклятие и благословение нашего рода. Никто из нас не знает упокоения после смерти...

— Слишком много остается следов! — воскликнул мурлыкающий голос, и Йохану пришлось до боли стиснуть зубы, чтобы подавить очередной приступ страха. В наступившей напряженной тишине он весь превратился в ледышку.

Что-то опять тихо прошелестело мимо, чуть не задев его оцепеневшее тело, и стремительно замерло. Больше не было ни звука, только гробовая тишина и темнота. А потом сзади раздался тяжелый, глухой стук...

Оцепенение спало, Йохан резко повернулся и, подгоняемый ужасом, ринулся по извилистому коридору назад, на открытый воздух, под свет чистых звезд.

Внезапно он ощутил сокрушительный удар в грудь и, отшатнувшись назад, чуть было не упал, выронив едва теплившийся фонарь, который покатился куда-то в темноту. И когда Йохан, шатаясь, схватился за стену, что-то опять прошелестело мимо него в темноте, и снова все стало тихо. Задыхаясь, всхлипывая, вдовец упал на четвереньки и принялся судорожно шарить руками в поисках фонаря.

Несколько секунд казалось, что он так и останется в этой тьме. Всей кожей спины Йохан чувствовал, как что-то подползает к нему, готовясь напасть. Затем, с рыданием облегчения, он нащупал фонарь и резко вывернул фитиль на полную длину, моля Бога, чтобы он не погас.

Фонарь не погас. Желтый свет безжалостно осветил то, на что налетел Йохан во время бега в темноте, — большую дверь склепа, через которую он вошел в эту киммерийскую пещеру мрака и ужаса. Но теперь дверь не была приоткрытой.

Йохан понял, что произошло. Шелест, пронесшийся мимо него, глухой стук! Существо... Вдовец не осмеливался назвать его по имени — проскочило мимо него и отрезало путь к спасению.

Тяжело дыша, Йохан поставил фонарь на землю и исследовал дверь. Не было ни ручки, ни кнопок — просто голая, с заклепками, плита из ржавого металла. Он ударил в нее плечом, потом напрягся так, что в голове помутилось, но дверь даже не шелохнулась.

И снова в душе появился гнев, а мысли об Эльзе послужили искрой, упавшей на трут ярости. С борющимися внутри него гневом и страхом, Йохан достал пистолет, проверил магазин, и, подхватив фонарь, пошел назад той же дорогой. Иногда он останавливался, чтобы посветить себе за спину, но ничего не скрывалось позади, только безмолвно разевали черные рты боковые туннели, казалось, зловеще следившие за ним. Потом Йохан понял, что стоит на пороге у сводчатой арки, ведущей в тихую, зловещую темноту.

Дважды он порывался шагнуть вперед и дважды в страхе отступал. Наконец Йохан поднял пистолет и переступил порог, стремительно освещая разные концы большого хранилища, в котором оказался.

На мгновение он подумал, что видит множество мумий, костлявых и иссушенных. Они лежали у стен в гротескных позах, десятки коричневых, сморщенных тел или просто скелетов, обтянутых темной кожей. На полу был ковер из костей, от искрошившихся черных до ярких белых, на которых были отчетливо видны следы зубов. Лежащий у самых ног Йохана череп ухмылялся в мрачном веселье. Когда фонарь осветил эти ужасные катакомбы, шелест и движение пробежали по иссох-

шим телам. Они зашевелились, принялись корчиться, Йохан видел движения тех, кто никогда уже не должен был двигаться, а должен был спокойно спать мертвым сном под тяжелой крышкой гроба. Тела, словно чудовищные личинки, пытались уползти от света, а Йохан, стискивая в одной руке фонарь, а в другой пистолет, уставился на ужасную картину перед собой. Свет отражался от холодных, остекленевших глаз, невидяще уставившихся на него.

Позади послышался шелест. Йохан отшатнулся и посветил назад, в темноту. Какая-то неясная фигура приближалась по проходу, медленно, неумолимо. Позади раздалось отвратительное перешептывание.

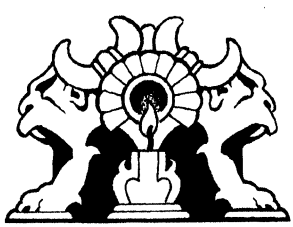
Йохан поднял было пистолет, но мысль об Эльзе остановила его руку. Он хотел ждать, пока тварь не приблизится вплотную к нему, но... страх предал его. Гром выстрела эхом прокатился по хранилищу. Ужасная фигура не остановилась. Она скользила вперед, тихо шелестя одеждой по камням, и Йохан невольно сделал несколько шагов назад. Что-то ухватило его за лодыжку, и, в безумстве страха, он пинком высвободил ногу. На секунду он повернулся спиной к неопределенной фигуре, которая неуклонно ползла к нему, а когда развернулся обратно, она была уже рядом. Перезаряжать пистолет уже не было времени. Йохан выбросил вперед руку, словно зажатый в ней фонарь был кинжалом.

Две вещи произошло одновременно. Злорадствующим, мурлыкающим голосом темная фигура торжествующе произнесла:

— Мы не будем голодать!

В то же мгновение свет вырвал из темноты лицо приблизившегося ужаса, и Йохан уронил фонарь и начал, не переставая, кричать:

— Эльза! Эльза!



ГРОБЫ ДЛЯ ШЕСТЕРЫХ

Фил Кардью видел сны. Казалось, он был парализован этими снами и не мог шевельнуться, в то время как темная, бесшумная фигура стремительно скользила по его спальне. Она остановилась перед бюро, перед столом и, наконец, подошла к кровати, уставившись на него глазами, пылавшими на мертвенно бледном лице. У подошедшего было что-то в руке, что Кардью не хотел разглядывать подробнее, поскольку с холодным ужасом догадывался, что это такое.

Пришелец осмотрел комнату, словно пытаясь принять какое-то решение, затем нагнулся и положил то, что было у него в руке, на подушку у самой головы Кардью. Затем стремительно метнулся к окну и исчез. Кардью проснулся, обливаясь холодным потом и с облегчением понимая, что это был всего лишь кошмар. Но что это было? Просто сон? Странный злоумышленник был всего лишь продуктом воображения? Но если так, то что это за ужасная черная штука лежит на подушке возле Кардью и пялится на него пустыми глазницами?..

С приглушенным вскриком Кардью сел на кровати, уставившись на отвратительную вещь, которая чуть не коснулась его лица. Затем нащупал прикроватную лампу и включил...

И увидел, что на самом деле этой вещью была голова. Человеческая голова со свисающими из обрубка шеи сухожилиями. И это оказалось еще не самое худшее. Голова была обгоревшей. Отвратительный запах жареного мяса ударил Кардью в ноздри, и его темные волосы, казалось, встали дыбом. Голова выглядела черной, словно долго лежала в духовке, растрескавшиеся губы были искривлены в жуткой ухмылке.

Кардью подскочил, когда зазвонил телефон. Выпрыгнув из кровати, он схватил трубку, все еще не в силах оторвать глаза от черного ужаса у себя на подушке, и едва узнал собственный голос, когда прохрипел:

— Алло?

— Кардью... это вы? — раздался в трубке сухой голос. — Это шеф Драмм. В вами все в порядке?

— Со мной... в порядке, — с трудом выговорил Кардью. — Но... Ей-богу, здесь... здесь голова...

— А-а... Вы получили голову, да? — проскрежетал начальник полиции. — У нас уже есть все остальные части тела. При ней есть какая-нибудь записка?

— Минутку... — Кардью заметил листок бумаги, высовывавшийся из-под отвратительно отвисшей челюсти.

Преодолевая отвращение, он вытащил этот листок. Это была записка, торопливо начерканная карандашом:

Вы поджарили моего брата, но если вы не поджарите и меня, вам лучше начать молиться, если вы не забыли, почему в газетах меня называли Мясником Джо Пендером.

Мясник Пендер! Это все объясняло. Он, оправдывая свое прозвище, данное газетами из-за кровавого ужаса, в который этот зверь превращал людей прежде, чем убить их, был пойман месяц назад, и именно свидетельства Кардью способствовали обвинению убийцы. Государственный прокурор основывался на свидетельствах Кардью, так как из окна своей квартиры тот увидел, как Пендер грабит и убивает одну из своих жертв. Кардью помчался вниз и разглядел, как сбегал убийца. Из-за этой информации был арестован брат убийцы Чарли Пендер. Он тоже был замешан в преступлениях, и его признание не только привело его на электрический стул, но и позволило полиции схватить Мясника. И вот теперь...

— Он сбежал, — продолжал начальник полиции. — Да, вчера вечером. Никто не знает, как. Я думаю, помогал кто-то извне. Он убил начальника тюрьмы и доставил вам его голову. Я получил руку, — в голосе Драмма послышались нотки ужаса. — Это безумец, Кардью. Мэр Фенвик получил вторую руку, Мартин — ногу, а его секретарь — другую... причем все зажаренные... А мисс Сэнд получила туловище...

— Катрин? Как она... Великий Боже, — простонал Кардью. — Она ведь всего лишь секретарша мэра Фенвика! Она не имела никакого отношения к обвинению Пендера.

— Так или иначе, она получила туловище, — невыразительно сказал Драмм. — У вас есть оружие? Отлично. Я пошлю к вам своих парней. Будьте начеку, пока они не доберутся до вас. Будет лучше, если нас, всех шестерых, станут охранять, пока не поймают Пендера. Это не обычный случай. Человек может рискнуть шеей, если захочет завершить свою безумную месть.

— Хорошо, — сказал Кардью. — Но, ради бога, пошлите охрану Катрин... мисс Сэнд.

Раздался щелчок, и связь прервалась. Кардью положил трубку и заставил себя рассмотреть лежащий на кровати ужасный предмет. Пендер, без сомнения, совсем слетел с катушек. Начальник полиции Драмм, сам Кардью, даже мэр могли бы служить логичными мишенями для мести убийцы. Но почему Катрин? При чем тут Енох Мартин и его секретарь? Правда, Мартин был главой партии в городе, но его власть уменьшилась, когда мэр при поддержке начальника полиции Драмма показал характер и взял бразды правления в свои руки. В любом случае Мартин не имел никакого отношения к осуждению Пендера. Кардью невольно задрожал, вспомнив фотографии жертв Пендера — искромсанные, расчлененные трупы, которые мало походили на людей. Он содрогнулся и пошел к бюро за оружием...

Когда он уже открыл ящик, какой-то инстинкт заставил его обернуться. За открытым окном стоял человек, сверля его горящими глазами и угрожающе подняв необычно большой пистолет. Кардью попытался выхватить из ящика свое оружие, но было уже поздно.

Струйка какой-то жидкости вырвалась из оружия злоумышленника, ударила Кардью прямо в лицо, и словно граната взорвалась в его мгновенно ослепших глазах.

Кардью рванулся вбок, стараясь уклониться от нападения, которое не увидел, а ощутил, и нанес резкие удары в воздух. Один из его кулаков вонзился во что-то мягкое, и послышалось злобное ругательство. Удар вспышкой пламени взорвался в голове Кардью. и боль в глазах прекратилась. Наступила темнота и мертвая тишина.

Кардью ощутил лишь слабое покалывание в глазах, когда открыл их и помигал, ошеломленно глядя вокруг. Он лежал на пыльном полированном полу в квадрате лунного

света, льющегося из высокого окна. Откуда-то доносился шум океанского прибоя.

Кардью поднялся на ноги и, шатаясь, подошел к окну. И изумленно уставился из него. Лунный свет серебрил зазубренные скалы, торчащие из моря в тридцати футах внизу. Под ними спускался к прибою обрыв из серого камня. Вдалеке виднелась какая-то смутная, темная масса... материк, внезапно осознал Кардью, поняв, где находится. В замке «Скала»!

Построенный на островке в нескольких милях от берега неким миллионером, этот замок предназначался, для того чтобы в нем можно было укрываться, если дела идут неважно. Но крах фондового рынка положил конец страхам миллионера, а заодно и его жизни, и большой каменный дом остался бессмысленно торчать на одиноком островке. Наследники безуспешно пытались продать его в течение шести лет. Теперь, очевидно, он превращен в тюрьму.

И из этой тюрьмы не сбежать. Никто не посещал «Скалу», кроме любопытной молодежи, которая возвращалась с рассказами о мраке и страшных развалинах. Кардью вздрогнул. Отойдя от окна, он направился к двери. Та распахнулась на скрипящих петлях, и он попал в черный зал. Откуда-то, перекрывая шум прибоя, послышался крик, жалобный, тонкий. В темноте он показался ужасным, и холодные пальцы страха стиснули Кардью горло. Он заколебался. Но крик раздался снова — жалобный, рыдающий, полный мук. Подавив неразумный страх, Кардью распахнул ближайшую дверь и бросил в темноту горящую спичку. Ее слабый свет обнажил ужасное зрелище. На полу лежала девушка, одетая в тонкий пеньюар. С ее губ и срывались тонкие крики, услышанные Кардью. Пламя спички замигало и погасло. Он зажег вторую спичку и шагнул вперед. Нога скользнула по чему-то мокрому и липкому. Кардью высоко поднял спичку, и внезапно его пальцы задрожали так сильно, что он чуть было не уронил ее.

Девушка была без ног! Ноги ее были ампутированы по бедра, и из ужасных открытых ран текла кровь, образуя лужу на полу. Кардью шепотом выругался. Глаза девушки повернулись к нему, но они уже стекленели, на них наползала тень смерти.

— Кардью! — прохрипел чей-то голос из темноты. — Ради Бога, развяжите эти веревки...

Проведя по воздуху спичкой, Кардью увидел два скорченных тела, лежащих связанными у стены. Он тут же узнал их: тощий, жилистый начальник полиции Драмм с худощавым твердым лицом, и Енох Мартин, партийный босс, с тяжелым, мокрым от пота лицом.

— Минутку, — хрипло сказал Кардью, опускаясь на колени возле искалеченной девушки.

Ему стало дурно при виде ужасных ран на месте ног девушки. Затем, подавляя тошноту, он зажег еще одну спичку, чтобы осмотреть артерию.

— Слишком поздно, — мрачно произнес Драмм. — Она уже умирает.

Пламя спички обожгло пальцы, пока Кардью глядел на белое, как бумага, лицо несчастной. Ее голубые глаза быстро стеклянели, на них наползала тень, они словно запали в глазницы. Потом челюсть девушки отвисла, и жалобные стоны умолкли.

Он медленно встал, зажег очередную спичку, достал перочинный нож и перерезал веревки, связывающие Драмма и Мартина. Пухлое лицо последнего позеленело, когда он прошелся по залу, разминая ноги.

— Как вы попали сюда? — спросил начальник полиции, лицо которого еще сильнее заострилось.

Кардью быстро объяснил, что произошло.

— Нас он схватил тем же способом, — вздохнул Драмм. — Пендер сущий дьявол! Неудивительно, что его прозвали Мясником! — Он бросил быстрый взгляд на мертвую девушку на полу. — Это была Алиса Крэвен, секретарша Мартина. Она тоже получила записку от Пендера.

— А что с Катрин? — спросил Кардью. — Он ведь не схватил ее, не так ли?

Драмм пожал плечами, но тут раздался крик. Это кричал Мартин, успевший покинуть зал. Драмм взглянул на Кардью, и они оба выскочили из зала. Крупная фигура Мартина выделялась черным пятном возле двери дальше по коридору.

— Там кто-то есть, — бросил он через плечо. — Я слышал голос... женский голос.

— Позвольте...

Кардью отодвинул его и с силой ударил плечом в дверь. Замок не выдержал, дверь распахнулась. За ней была комната, освещенная льющимся в окно лунным светом.

— Катрин! — Кардью бросился вперед, чтобы развязать лежащую на полу девушку. — С вами все в порядке? Он ничего не...

Та покачала головой, ее темные глаза были широко распахнуты от страха.

— Со мной все в порядке, Фил, но... что произошло? Где мы?

Громкая ругань Мартина заставила Кардью резко повернуться. Драмм разрезал веревки, которыми был связан брошенный в угол большой седовласый человек.

— Мэр Фенвик, — тихо сказал Драмм. — Значит, здесь мы все шестеро. И один уже мертв.

Внезапно Катрин вскрикнула. Она сидела на полу, прижав руки к побелевшим губам, и глядела на окно.

За окном прямо в воздухе висела человеческая голова, уставившись внутрь горящим взглядом. Ужасные глаза, в которых Кардью увидел собственное отражение, быстро пробежали по комнате, словно пересчитывая собравшихся в ней. Лицо в лунном свете было белым, словно у прокаженного, с черными провалами на небритых щеках. Лицо фанатика — или убийцы!

Поднялась рука, в которой что-то сверкнуло — что-то продолговатое, ужасное вспыхнуло в лунном свете. Это был секач мясника, который гордо поднял вверх человек за окном! Затем он потер им щеку, улыбаясь ужасной, восторженной улыбкой. Темные полоски остались на лице там, где его коснулось лезвие секача...

— Пендер... Это Пендер! — с ужасом выкрикнул Мартин, стиснув руку Кардью. — У кого-нибудь есть оружие? Ради бога, кто-нибудь, застрелите его!

Кардью избавился от оцепенения и бросился к окну. Но Драмм опередил его и рванул заржавевшие створки. Лицо снаружи качнулось в сторону и исчезло. Ругаясь, Драмм пытался вырвать болты. Наконец, ему удалось распахнуть окно, и он высунулся наружу, Кардью тоже. Серая каменная стена отвесно спускалась вниз, на скалы, о которые бился

прибой. На каменных стенах дома не было видно никаких точек опоры. При этом в пределах досягаемости вправо, влево и сверху даже не было окон. Пендер исчез. Кардью почувствовал что-то влажное под рукой. Он осмотрел ее. Ладонь была запачкана в крови. Темная полоска тянулась по краю подоконника.

Кардью почувствовал, как его коснулась маленькая холодная ручка.

— Фил, — сказала Катрин слегка дрожащим голосом. — Мы можем отсюда уехать? Здесь где-нибудь есть лодка?

— Конечно, — кивнул Кардью. — Как я не подумал об этом? Раз нас привезли...

— Я об этом уже подумал, — заметил Драмм. — Если лодка и есть, то он не стал оставлять ее на виду.

— Разве вы не можете что-то сделать, Драмм? — раздался голос мэра Фенвика, приглаживающего седые усы рукой с выступающими синими венами. — Разве мы не можем как-то связаться с материком?

— Как? — спросил Драмм. — На побережье на много миль вокруг замка «Скала» никто не живет. Пендер выбрал подходящее место для убийства.

Кардью, обняв одной рукой Катрин, заметил странный взгляд, которым обменялись Драмм и мэр Фенвик, словно у них имелась какая-то общая тайна. Но все произошло так быстро, что Кардью и сам не был уверен, не является ли это плодом его воображения.

— Нельзя пренебрегать никакой возможностью, — вмешался Мартин. — Давайте выйдем наружу. Если нам удастся найти лодку...

— Да, конечно, — кивнул Драмм и покинул комнату.

Кардью увидел в углу керосиновую лампу, взял ее, потряс и с удивлением услышал, что внутри булькает. Он быстро зажег ее. Желтый свет изменил все вокруг, разогнав тени и сменив серебристый лунный свет.

На улице пахнущая гнилью голая земля не внушала ни малейшей надежды. В том месте, где нос лодки должен был тереться о причал, были видны новые отметины, но самой посудины не было и следа. Когда они вернулись в замок «Скала», Кардью заметил, что мэра Фенвика нет.

— Где мэр? — резко спросил он.

Драмм ответил ему пораженным взглядом.

— А разве он не...

Полицейский не закончил предложение и бросился бежать, но, пробежав полпути вверх по лестнице, остановился. Кардью с лампой поспешно прошел вперед, остальные следовали за ним по пятам.

То, что осталось от мэра Фенвика, лежало кучей на верхней площадке лестницы. Кардью бросил на труп лишь один взгляд и быстро отвел лампу в сторону. Потом шагнул вниз, загораживая Катрин обзор.

— Не смотрите! — с трудом выдавил он пересохшим горлом. — Ради бога, не надо... на смотрите на него!

Но он опоздал. Катрин уже взглянула, ее лицо побелело, и девушка пошатнулась. И тут Мартин, стоящий возле нее, выпучив глаза, бросился вслепую вниз по лестнице, что-то невнятно бормоча и размахивая руками.

Мясник снова нанес удар. То, что осталось от мэра Фенвика, уже не походило на человека. Это было просто мясо, окровавленное мясо, и кровь крошечными водопадиками стекала по лестнице.

Луна медленно опускалась к горизонту, и каждая минута грозила пленникам острова гибелью. Трое мужчин и девушка сгрудились в одной из комнат, собравшись вокруг горящей керосиновой лампы.

Пришедший в себя Драмм нервно шагал взад-вперед по комнате. Подошел к окну и посмотрел в него. Затем возобновил бесцельное хождение. Остальные наблюдали за ним, их лица казались бледными в свете лампы.

Внезапно Драмм остановился у двери и прислушался. Поднял руку, прося соблюдать тишину, затем распахнул дверь и стал всматриваться в темный зал. Кардью встал и спокойно направился к двери.

Тогда все и произошло. Драмм подскочил или дернулся в сторону, словно кто-то из зала ударил его. Кардью, пораженно выругавшись, бросился к двери, но она захлопнулась перед самым его носом. Щелкнул ключ.

Кардью отступил и с размаха ударил плечом в дверь. Она заскрипела и затрещала. Он снова бросился на дверь. На

этот раз удалось выбить замок. Дверь распахнулась, и Кардью стал вглядываться в темноту зала.

— Драмм! — резко позвал он. — Драмм!

В ответ лишь мертвая тишина да шум прибоя. Затем Кардью услышал позади мягкие шаги. К нему подошла Катрин, держа лампу. Он взял эту лампу.

В темноте вдруг что-то свернуло, и Кардью машинально пригнулся. Но выстрел был нацелен не в него. Стекло лампы со звоном разлетелось на куски, свет заметался и погас.

— Назад! — шепнул Кардью Катрин, и она послушно попятилась в комнату.

Луна, висевшая у самого горизонта, посылала в комнату последние слабые лучи. Кардью не увидел, а ощутил, как что-то приближается, услышал легкий шелест одежды. Он прыгнул назад, понимая, что опоздал, что прекрасно виден на фоне освещенного луной окна. Что-то метнулось вниз и ударило его по захрустевшему плечу. Задыхаясь от боли, Кардью нырнул в сторону и вслепую попытался ударить невидимого противника. Рука только скользнула по одежде, раздался злорадный смешок. Затем на него снова обрушился удар. Кардью показалось, что у него лопнула голова. Отчаянно борясь с наступающей чернотой перед глазами, он подумал о Катрин, и эта мысль помогла ему удержаться на ногах. Пошатываясь, он прошел пару шагов вперед и тяжело осел на пол. Он почувствовал, как его безжалостно дергают, но вскоре все прекратилось. Словно издалека донесся издевательский, грубый смех, который как-то резко оборвался.

Придя в сознание, Кардью обнаружил, что связан по рукам и ногам и лежит на спине в ярко освещенной комнате. В голове мучительно пульсировала боль, и Кардью заморгал, чтобы прояснилось зрение. Затем изумленно осмотрелся.

В открытое окно, из которого доносился шум прибоя, лились потоки солнечного света. Значит, он все еще в замке «Скала»! Комната была пустой. Панель с непонятными переключателями и рычагами казалась неуместной на голой стене. А возле нее, с иронической усмешкой, стоял Мясник Джо Пендер.

Кардью был благодарен, что Катрин не было в поле зрения. Очевидно, убийца не схватил ее. Но Драмм? Где Драмм? Неужели он тоже пал жертвой Пендера?

— Ищешь своего дружка Драмма? — с удивительной точностью угадал его мысли Пендер. — Ну да, он рядом. Только не закрывай глаза, — с этими словами он нажал какой-то рычаг.

Кардью смотрел. Часть стены скользнула назад, и из открывшегося отверстия хлынула волна горячего воздуха. Одновременно Кардью услышал страшный стон, и в комнату из отверстия выползло что-то связанное и корчившееся. Это был Драмм.

Драмм — но замученный, изуродованный! Лицо бедняги было багровым от ожогов, связанные руки распухшими и тоже багровыми.

— Великий Боже! — невольно воскликнул Кардью. — Что ты с ним делаешь?

Пендер захихикал.

— Просто смотрю, нравится ли ему гореть, — сказал он. — Я хочу, чтобы он понял, что чувствовал мой брат на электрическом стуле... — он замолчал и, глядя на Драмма, нажал другой рычаг.

Связанный человек покатился по полу к отверстию. На полпути ему удалось остановиться, но Пендер нажал рычаг сильнее.

Кардью, ругаясь от бессилия, увидел, как участок пола возле стены перед отверстием, на котором лежал Драмм, стал наклоняться и вибрировать. Драмм покатился по наклону, извиваясь и пытаясь отползти в сторону. Кардью впился ногтями в ладони, моля Бога, чтобы все поскорее закончилось.

Тело Драмма было уже у самой дыры, когда оттуда, словно в насмешку, вырвался яркий язык пламени. Одновременно с этим начальник полиции полетел в дыру.

— Проклятая свинья! — хрипло заорал Кардью. — Мясник!

Пендер пожал плечами и перекинул рычаг обратно. Пол на шарнирах медленно встал на свое место.

— Хитрое устройства, не так ли? — усмехнулся убийца. — Его смастерил мой друг, пока я был еще в тюряге. — Лицо его вдруг застыло. — А ты будешь следующим, мистер.

Он медленно пересек комнату и вперился взглядом в Кардью. Затем быстрым движением схватил веревку и потащил связанного человека по полу.

Ругаясь, Кардью извивался, пытаясь принять позу, из которой мог бы вскочить на ноги, но Пендер с легкостью пресек его попытки. Прохладный деревянный пол под Кардью сменился неприятно горячим металлом. Пендер оттащил его в угол и с силой пнул ногой.

— Посмотрим, как тебе понравится перед закрытой дверью, — сказал он. — Потом я опущу пол и позволю тебе некоторое время погостить у Драмма. Но пока что ты можешь представить, как это будет.

Он вышел и захлопнул за собой дверь. Кардью остался в горячей, душной темноте.

Он заставил себя лежать спокойно. Он должен освободиться — ради Катрин и ради самого себя. Но, даже если бы он смог избавиться от веревок, он все равно заперт в этой комнате смерти, во власти Пендера. В любой момент убийца может нажать рычаг, открыв вход в геенну огненную внизу, под полом.

Комната была, словно горячая печь. Кардью пришлось перевернуться, так как кожа покрылась пузырями в тех местах, где касалась металлического пола. У него появилась дикая идея, что нужно попытаться пережечь связывающие его руки веревки, но надежда на это тут же исчезла. Руки обуглились бы раньше, чем он освободился бы от пут.

Он откатился в угол и, извиваясь и упираясь в стену, сумел подняться на ноги. Через кожаные подошвы обуви жара не была такой невыносимой, но Кардью знал, что отсрочка будет короткой. Тогда он вспомнил о своем ноже.

Нашел ли его Пендер? А может, уверенный, что жертва не сможет сбежать из комнаты-печи, Пендер не удосужился провести полный обыск? Нож был в кармане брюк. Руки были связаны за спиной, и пришлось немало потрудиться, срывая кожу с запястий, но все же он сунул руку в карман, нащупав нож.

Но это было всего лишь начало. Предстояло открыть нож и освободиться, прежде чем Пендер нажмет рычаг. Кардью помотал головой, чтобы защитить глаза от катящегося по лбу пота. Подошвы ботинок уже нагрелись и ощутимо жгли ноги.

Ему все же удалось открыть нож, но Кардью тут же его уронил, поэтому пришлось упасть на пол и корчиться, нащупывая его вслепую, в то время как раскаленный металл

обжигал до пузырей кожу на руках и спине. Наконец, руки сомкнулись на ноже.

И тут, без предупреждения, впереди появилась и стала расширяться полоска света. Это открывалась дверь. Кардью покрепче ухватил нож и лег неподвижно, притворяясь, что без сознания. Через прищуренные глаза он смотрел на дверь.

То, что он увидел, заставило глаза широко распахнуться от ужаса. Это была Катрин! Рядом с ней стоял Мартин! Позади них появился Пендер и, торжествующе усмехаясь, прошел к пульту на стене.

— Фил! — вскрикнула Катрин, и алые, как раны, губы ее мгновенно побелели. — О, Фил... Они убили тебя!

Она рванулась вперед, и глаза Кардью стали еще шире от изумления, когда он увидел, как толстая рука Мартина ухватила ее за талию и оттащила назад.

Внезапно мозг Кардью заработал с быстротой молнии. Он забыл о боли в обожженных руках, и принялся перепиливать веревку, стараясь при этом не шевелить телом. Одновременно он издал изумленный возглас:

— Мартин! Так, значит, вы... За всем этим стоите вы?

Тяжелое лицо того исказила уродливая гримаса, когда он глянул на Кардью. Катрин снова принялась отбиваться. Платье на ней порвалось, обнажая белое тело. Девушка пригнула голову и стремительно вонзила зубы в запястье Мартина. Тот, чертыхаясь, отшвырнул ее и принялся вырывать из кармана застрявший там автоматический пистолет.

— Держите ее, Пендер! — рявкнул он.

Тот бросился вперед и схватил девушку. Она отчаянно забилась в его ручищах, но что она могла поделать с громадным, здоровым убийцей? Внезапно Катрин потеряла сознание и обмякла в лапищах Пендера в изорванном в клочья платье. Мартин секунду смотрел на нее, затем повернулся к Кардью. Лицо его утратило зловещее выражение и стало спокойным и довольным.

— Вы просто сошли с ума! — повторил Кардью, руки которого были заняты перепиливанием веревки.

Затем руки освободились, но он не рискнул вступать в бой со связанными ногами. Слишком неравны были силы.

Единственный его шанс в том, чтобы тянуть время, заставив Мартина болтать.

— Сошел с ума? — резко рассмеялся партийный босс. — О нет, Кардью. Я не сошел с ума. Я знаю, что делаю. Поскольку вы сейчас умрете — примерно через пару минут, — я успею поведать вам о своих дальнейших планах.

Боже, как невыносимо жег раскаленный металлический пол! Кардью понимал, что не сможет долго выносить эту боль. В голове появился отчаянный план — но успех его зависел от тщеславия Мартина. Только бы удалось заставить этого человека продолжать говорить...

— Но зачем? Какую пользу это... — Кардью резко замолчал, затем продолжил: — Ну, конечно же! Драмм... и мэр! Значит, это... Так вот вы зачем...

Мартин насмешливо ухмыльнулся.

— Догадались, да? Вы всегда были смышленым! Правда, от этого вам будет мало пользы...

— Вы умная сволочь! — взорвался Кардью. — Так вот в чем дело... Шеф полиции Драмм и мэр стали наводить порядок в городе, и вы бы остались не у дел. И тогда вы решили избавиться от них.

— Все так, все так...

Кардью тут же пошел в атаку.

— Но ваша секретарша... Она-то в чем виновата?

— Она надула меня! — рявкнул Мартин, и глаза его засверкали от гнева. — Она помогала Драмму и Фенвику. Они все были заодно, против меня. И она тоже, — он ткнул большим пальцем в сторону Катрин. — Что же касается вас... Вы мне не... Да черт с вами, в конце концов! Но... — он бросил взгляд на Пендера, и Кардью быстро сказал:

— Вы помогли Пендеру бежать из тюрьмы, не так ли? Вы помогали ему во всем, чтобы затащить нас сюда. А голова, которую мы видели за окном, была вовсе не его и просто спущена на веревке...

Кардью не ждал ответа. Он продолжал говорить, поджидая возможности выгнуться, чтобы перерезать веревку, стягивающую ему ноги.

— Вы сами все это спланировали, Мартин? Вы помогли Пендеру бежать. Вы внушили ему мысли о мести, пообещали

спасти от электрического стула. А когда добьетесь своего, то просто убьете его, не так ли?

Наступила тишина. Мертвенная грозовая тишина. Затем Мартин медленно поднял свой пистолет. Кардью не дрогнул, хотя прочел железную решимость в глазах партийного босса и видел, как палец его напрягся на спусковом крючке.

— Вероятно, вы договорились, чтобы сюда приехали люди и спасли вас... А всех остальных нашли мертвыми. И, вероятно, вы уже придумали печальную историю о том, как вам удалось убить Пендера, но только после того, как он убил всех нас. Пендер! Ты что, собираешься позволить ему...

— Заткнись, идиот! — проворчал Мартин, но не выстрелил.

Он повернулся и встретил недоверчивый, подозрительный взгляд Пендера, который все еще держал в мускулистой руке обмякшее тело девушки.

— В чем дело? — спросил убийца сквозь стиснутые зубы. — Он что, прав, Мартин?

Кардью вдруг понял, почему Мартин позволил ему говорить. Задача Пендера была выполнена. Уже не имело значения, когда он узнает правду — сейчас или чуть позже.

— Он прав, Пендер, — холодно сказал Мартин, сжимая пистолет. — Мы можем покончить со всем прямо сейчас.

Прорычав какое-то ругательство, Пендер выпустил девушку и отпрыгнул назад. Пистолет Мартина рявкнул, Пендер упал, но пуля не задела его, а врезалась в стену. Во все стороны полетело каменное крошево.

Кардью принялся бешено пилить веревку на ногах. Краем глаза он видел, как Пендер вскочил и рванулся через комнату. Пистолет пролаял еще дважды.

Мясник остановился и, покачнувшись, сделал шаг назад, схватился пальцами за грудь, и пальцы мгновенно окрасились кровью. Он еще отступил, стал падать и схватился за рычаг на панели. Пол в той части комнаты, где лежал пленник, внезапно завибрировал и начал раздвигаться.

Кардью вскочил на ноги, срывая с себя остатки веревки, рванулся к панели, чтобы закрыть пол, но увидел перед собой лицо Мартина. Прогремел выстрел, что-то обожгло ему щеку. С металлическим лязгом подвижная секция пола замерла, оставшись открытой фута на два.

Он мгновенно схватил пистолет за ствол. Пораженный Мартин дернулся, но Кардью держал крепко. Постепенно он оттеснял противника к двери, намереваясь покинуть страшную комнату. Партийный босс яростно боролся, чтобы не допустить этого. Внезапно Кардью изменил тактику и, упершись свободной рукой в бычью шею Мартина, отбросил его назад...

Захваченный врасплох, тот упал, но Кардью не отпустил пистолет, так что они вместе полетели на металлический пол. Ему удалось извернуться в воздухе и оказаться сверху.

Рыча и хрипя, противники боролись за обладание оружием. Под жиром у Мартина оказались твердые мускулы, и он знал все грязные приемы уличной драки. Он ударил коленом вверх, пытаясь сбросить с себя Кардью. Но тот заблокировал удар ногой и ткнул пальцами в толстое горло, затем перехватил пальцы, нацеленные ему в глаза.

Повернув голову чуть вбок, Кардью отпустил горло Мартина и нанес ему удар в подбородок. От удара голова того откинулась назад, но пистолет он по-прежнему не отпускал. Тут же Мартину удалось перекатиться, и он оказался сверху. В спину Кардью, прижатую к полу, впились цепкие пальцы боли. Как сквозь туман, он видел багровое, мокрое от пота лицо партийного босса. Он сжал зубы, из горла вырвался невольный стон. Откуда-то издалека донесся крик Катрин.

Потом стук крови в ушах перекрыл металлический лязг, и Кардью почувствовал, как пол под ним задрожал. Ужас вспыхнул в выкаченных глазах Мартина. Он отпустил захват и откатился, поскольку пол стал наклоняться.

Они оба лежали теперь на склоне, который становился все круче, а наверху виднелся прямоугольник дневного света, обещавший спасение. Кардью мельком увидел Пендера, упавшего на стенную панель. Рука убийцы все еще сжимала рычаг. Чувствуя, что начинает скатываться вниз, Кардью отчаянно взмахнул руками, поймал край подвижной панели пола и, задыхаясь, ухватился за нее.

Рядом раздавались тяжелое дыхание и скрежет ногтей по металлу. Рука Мартина схватила Кардью за рубашку, но та порвалась, и партийный босс покатился вниз с ужасным криком, закончившимся тяжелым ударом.

Кардью повис на руках, воздух был обжигающе горячим, а снизу его поджаривали пляшущие языки пламени. Он попытался было подтянуться, но не смог. Онемевшие пальцы начинали постепенно разжиматься. И тут он почувствовал, что кто-то тащит его вверх, к безопасности. Последним усилием, при помощи своего спасителя, Кардью удалось вылезти из геенны огненной. Деревянный пол приятно холодил покрытую пузырями ожогов кожу. Над ним склонилась Катрин с мокрыми глазами.

— Фил... Я уж думала, что ты...

Он взял ее руку и слабо усмехнулся.

— Со мной все в порядке, дорогая... А как там Пендер?

Он бросил взгляд в сторону стенной панели с рычагами. Убийца лежал под ней, уставившись в потолок остекленевшими глазами.

— Он мертв, — прошептала Катрин и замолчала.

Слабое гудение за окном становилось постепенно все громче. Кардью поднял голову и кивнул в сторону окна. Катрин встала и подошла к нему.

— Это лодка, — сказала она, обернувшись к Кардью. — Причаливает... А в ней — полицейские.

— Значит, мы спасены.

Больше он ничего не говорил, потому что Катрин с нежностью припала к его потрескавшимся губам.

СМЕХ МЁРТВЫХ

В тот момент, когда я впервые увидел дом своего дяди на Луун Маунтайн, меня вдруг охватило предчувствие какой-то смутной угрозы. Осторожно ведя автомобиль по заросшей сорняками дороге, я смотрел на стены старого дома с крутыми фронтонами и окнами, в которых виднелись какие-то темные, неясные фигуры. Подъехав, я вышел из машины и огляделся. И впервые услышал этот смех.

Тихий, насмешливый, гулкий, он звучал, словно из подземелья. Мне показалось, что в ушах все еще звучит это злорадное торжество, даже после того, как смех умолк. Меня пробрала нервная дрожь, я быстро огляделся. Вокруг никого не было.

Я уже начал бояться «возвращения к истокам», и, словно в ответ на эти мысли, взгляд мой уперся в старое кладбище, лежащее на склоне севернее дома, точно сад смерти. И если верны старые россказни, то среди тех могил похоронен какой-то старинный ужас.

Мой предок, Йохан Бернар, которого когда-то изгнали из Пруссии за чудовищные преступления, принес свой страшный культ в эти бесплодные холмы. Высохшие старухи в Луун-тауне все еще нашептывали о былых временах, когда ведьмы и колдуны кружились в безумном танце возле черного алтаря, на котором был установлен ужасный идол, с усмешкой взирающий на богохульные сатурналии, что устраивал Йохан Бернар.

Мальчишкой я часто смотрел на изъеденную червями гнилую деревянную плиту, отмечавшую могилу Бернара, и дрожащими руками притрагивался к железным прутьям, торчавшим из сорняков. Старая деревянная надгробная плита...

А теперь ее больше не было! Там, в тридцати футах от меня, зияла черная пасть разрытой могилы. И пока я ошарашенно смотрел на нее, холодный червячок страха

зашевелился в груди; мне показалось, как что-то неопределенное и неясное двигается в темноте этой жуткой ямы!

Потом показалась рука. Тонкая рука, точно бледный паук, ухватился за край ямы, а следом за рукой появилось лицо. Боже, что это было за лицо! Седое, сморщенное, коричневое, похожее на череп горгульи, оно поднялось из ямы, и беспощадный кровавый закат брызнул в глаза, холодные и черные, как лед из подземного ледника. Взгляд их ударил по мне, как кувалдой.

Некое существо выползло из могилы, точно ужасный слизень в черном плаще, раздувшемся позади, словно крылья летучей мыши. В моих ушах снова раздался ужасный смех, злорадный, торжествующий — несущий в себе Зло, Зло за пределами человеческого воображения.

Мое горло перехватило от истерических рыданий. А эта тварь направилась прямо ко мне! Я не мог сдвинуться с места. Сверкающие, нечеловеческие глаза, казалось, выпили все силы, я был слаб, как младенец. От одежды твари исходил запах гнили. Ее лицо потянулось к моему.

И затем тварь поцеловала меня! Потрескавшиеся холодные губы дотронулись до моих, а когда я попытался сделать глубокий вдох, чтобы закричать от ужаса, то гнилое дыхание мертвеца смешалось с моим.

Но мгновение все почернело. Я услышал какое-то рычание и рванулся назад, чтобы только оказаться подальше от этих ужасных сверкающих глаз. Но нога зацепилась за камень, валявшийся в траве, и, рухнув на землю, я снова увидел ужасную тварь, нависавшую надо мной.

Странная нерешительность сквозила в каждом ее движении. Она отступила и внезапно отскочила в сторону. Я видел, как она перепрыгнула через разрытую могилу и понеслась среди старых белых надгробий. Я тут же вскочил на ноги и принялся чистить рукой рот, пытаясь стереть тот грязный поцелуй.

Рев стоял в моих ушах, и теперь я понял, что это такое. Вторая машина поднималась по крутой дороге, и именно ее появление спасло меня от ужасной гибели.

Машина подъехала к повороту, и я разглядел водителя. Изабель! Но что делает моя жена в этом адском месте? Ведь я два дня назад оставил ее в Нью-Йорке! И что за человек

рядом с ней — худощавый, прилично одетый, с пухлым, почти женоподобным лицом, окрашенным закатом в темно-красный цвет? Кто он такой?

Машина остановилась на стоянке позади моей, и я направился туда, все еще с трудом волоча ноги после ужасного происшествия. Изабель, встряхнув темно-рыжими растрепанными волосами, бросилась мне навстречу.

Я обнял ее, прижался губами к ее губам, но жена тут же оттолкнула меня, глаза ее расширились. У меня вырвался стон, когда я понял, что осквернил губы Изабель вонью той мертвой твари.

— Что это, Дон? Что случилось? — растерянно спросила молодая женщина.

Я тут же понял, что нельзя рассказывать, что произошло. Но мне удалось смягчить ее страхи. Пришлось сказать, что на меня напала гремучая змея и чуть не цапнула за ногу. Я отступил, запнулся и упал, а она уползла. Нет, не ужалила меня. А потом...

— Но как ты оказалась здесь, Изабель? И зачем?

Тут подошел спутник моей жены. Несмотря на округлое лицо и вьющиеся темные волосы, в его серых глазах ощущалась сила.

— Я Лео Пек, — представился он, — адвокат вашего дяди. Ваша жена прилетела сегодня из Нью-Йорка и пришла в мой офис. Боюсь, что здесь что-то не так.

— Где телеграмма, Дон? — спросила Изабель. — Телеграмма от твоего дяди?

Я достал требуемое из кармана. Пек взглянул на нее через мое плечо.

НЕМЕДЛЕННО ПРИЕЗЖАЙ ВОПРОС ЖИЗНИ И СМЕРТИ СПЕШИ НЕ МЕДЛИ

АДАМ БЕРНАРД

— Твой дядя не посылал ее! — выдохнула Изабель.

Пек кивком подтвердил и продолжил вместо нее:

— Вашей жене что-то не понравилась, и она телеграфировала вашему дяде для подтверждения. Телеграфист позвонил мистеру Бернарду, и тот заявил, что не посылал ни-

какой телеграммы. Тогда ваша жена прилетела в Луун-таун, пришла ко мне, и мы поехали сюда. В последнее время у нас начались странные исчезновения...

— Исчезновения? — переспросил я.

— Да. За три месяца исчезло пять молодых девушек. И нет ни малейшего ключа к разгадке того, что с ними произошло. Словно что-то слетело с неба и унесло их. Мы... Кстати, а вы уже видели своего дядю?

Я покачал головой. Пек нахмурился и быстро пошел к дому. Я повернулся к Изабель.

— Ты уверен, что с тобой все в порядке? — опять спросила она меня.

— Нет, — ответил я. — Но мы уедем отсюда. Не знаю, откуда взялась эта телеграмма, и кто ее послал, но у меня нет желания узнавать это. Мы летим в Нью-Йорк сегодня же вечером.

Внутри дома эхом отдавались удары, когда Пек постучал старинным дверным молотком. Через некоторое время он повернул к нам озадаченное лицо. Я сделал неопределенный жест, молясь про себя, чтобы он не заметил в сгущающихся сумерках разрытую могилу.

Он снова повернулся к двери и начал стучать, выкрикивая дядю по имени. Не получив никакого ответа, он спустился по скрипучим ступенькам веранды и подошел к нам.

— Его нет дома, — сказал Пек. — Он частенько уходит в многодневные походы. Собирает рюкзак и просто блуждает по горам, — адвокат пожал плечами. — Делать нечего, но я думаю, он вернется.

— Я поеду с тобой, Дон, — сказала Изабель. — Ты уверен, что в силах вести машину?

— Конечно, — кивнул я.

Пек вздрогнул в холодном вечернем воздухе.

— Я поеду первым, — предложил он. — Это опасная дорога, если не знать ее хорошо. Фактически, она часто становится непроходимой из-за весенних дождей.

Я с облечением вздохнул, когда сел в свою машину и выехал следом за большим автомобилем Пека на дорогу. Тот не преувеличивал, когда сказал, что дорога опасна. Я просто спас нас с Изабель от верной смерти, отчаянно рванув руль, когда переднее колесо уже вращалось в воздухе над пропастью.

Я изо всех сил нажал на тормоз и секунду ждал, не станет ли машина сползать вниз. Жена, вся дрожа, прижалась ко мне. Но машина лишь вздрогнула и застыла на самом краю.

Я включил заднюю передачу, отпустил сцепление и резко нажал на акселератор. Мой спортивный автомобиль прямотаки отпрыгнул от края и вылетел на дорогу, прежде чем я успел затормозить.

Очень плавно я остановил машину и заглушил двигатель. Изабель, вся дрожа, обняла меня. Минут пять мы сидели тихо-тихо. К тому времени огни машины Пека давным-давно исчезли. Затем я опять завел двигатель, иочень медленно мы поехали вниз по дороге, которая стала пошире, когда мы миновали крутой участок. И я уже стал было дышать свободнее, когда снова услышал ужасный смех, который предварил появление мертвеца на кладбище у дома дяди.

Грозный, торжествующий, зазвучал он в ночи. Изабель вскрикнула и повернула ко мне побледневшее лицо. А когда смех замер и наступила тишина, какая-то черная фигура возникла в свете фар. К счастью, это оказался всего лишь Пек. Он бежал к нам, округлое лицо было ярко освещено.

— Вы слышали? — закричал он, когда я остановил машину и вышел.

— Это какая-то птица, — тупо сказал я. — Или койот...

Пек не ответил, но губы его скривились, словно сведенные судорогой. Я почувствовал, как подошедшая Изабель сует мне в руку фонарик. Я с благодарностью взял его и повел узким лучом света вокруг. Не было ни малейших следов твари, которая хохотала.

— Здесь ничего нет, — сказал я и внезапно вздрогнул от нехорошего предчувствия. — Пек! А где ваша машина?

Он нервно повертел головой и быстро ответил:

— Я не смог проехать. Был оползень. Дорога блокирована. Мы не сможем попасть в город сегодня вечером. Дорога слишком узкая, оползень не объехать.

В моих ушах все еще звучало эхо злого хохота. Но ведь это означает...

— Нужно вернуться в дом вашего дяди, — продолжил адвокат. — Мы проникнем туда через окно. оттуда сможем

позвонить в город. Утром здесь будет бригада рабочих с лопатами.

Мы благополучно доехали до дома, и Пек обнаружил, что черный вход не заперт. Мы прошли за ним в грязную кухню, где от луча фонарика разбегались и прятались по щелям тараканы. Затем я вздохнул с облегчением, когда Пек нашел выключатель, и помещение залил яркий свет.

— Вашему дяде провели сюда электричество, — пояснил он. — Это стоило немало денег. Давайте найдем телефон.

Телефон оказался в вестибюле, куда вел грязный, затхлый коридор. Но с первого взгляда стало ясно, что толку от него немного. Он валялся на полу, провод был оторван. Красивое лицо Пека стало суровым, когда он отвернулся от сломанного телефона и позвал нас в комнату, которая, очевидно, была гостиной. Она была обставлена старомодной тяжелой мебелью. Единственной современной вещью был электрообогреватель, установленный в большом кирпичном камине. Пек включил его, Изабель опустилась на колени и протянула к нему руки. Через ее голову мы с Пеком обменялись встревоженными взглядами. Он вытащил из кармана трубку и стал ее набивать.

— Мне бы хотелось понять, что здесь происходит, — хмуро сказал я. — Пек, как вы думаете, кто мог послать мне телеграмму?

Тот покачал головой.

— Ваш дядя не посылал... А больше я ничего не знаю. Я являюсь его адвокатом меньше года. У него были какие-то проблемы с налогами, и, наверное, он решил, что нуждается в поверенном. А вы... Вы ведь жили с ним раньше, не так ли?

— Мне тогда было четыре года. Мои родители погибли в железнодорожной катастрофе, и Адам Бернард остался моим единственным живым родственником. Я жил с ним, пока мне не исполнилось четырнадцать. А потом убежал. Я... Ну, я просто не мог больше выдержать в этом месте.

Изабель внезапно повернулась к нам, глаза ее сверкнули.

— Адам чуть не убил его, мистер Пек! — воскликнула она. — О, нет, он его не бил... Это было бы не самое плохое. Но он напугал его почти до смерти ужасными историями. Даже теперь Дон считает, что один из его предков был... н-ну, кем-то вроде дьявола!

Я нахмурился, увидев вопросительный, пристальный взгляд адвоката.

— Я не знаю. Пек, вы... Вы слышали когда-нибудь о первом Бернарде?

Странный огонек сверкнул в глазах Пека.

— Я слышал всякие истории, — осторожно ответил он, явно нервничая.

— До прибытия в Америку его имя было Бернар, — сказал я. — Позже он изменил его на Бернард. Его изгнали из Пруссии за ужасные преступления, и лишь богатство спасло его от казни. Пару сотен лет назад его бы сожгли на костре, потому что он был дьяволопоклонником.

Я заметил, как Изабель вздрогнула, но все же продолжал:

— Он был Великим Магистром. Знаете, что это означает? Вы когда-нибудь слышали о человеческих жертвоприношениях, шабашах ведьм, людоедстве и Черной Мессе? Так вот, человека, главенствующего на этих шабашах, и называли Великим Магистром. Жиль де Рей — вы слышали о нем? — был Великим Магистром. Его подвесили над медленным огнем после того, как во время следствия в его темницах было обнаружено несколько сотен детских скелетов.

В комнате стояла гробовая тишина.

— Что произошло с Йоханом Бернардом? — после долгого молчания поинтересовался Пек.

— Он похоронен неподалеку от дома, с осиновым колом в сердце. Дядя рассказывал мне, что если кол вынуть, он снова оживет.

— Ужасный старик! — сердито выдохнула Изабель. — Я имею в виду твоего дядю. Рассказывать такие вещи... Ведь ты был тогда еще маленьким ребенком!

С усилием я стряхнул с себя ужас, навеянный этими воспоминаниями.

— Нет, не надо, Изабель. Он рассказывал это не для того, чтобы напугать меня. Он был весьма мил в своем роде. Помню, когда я просыпался с криком по ночам, он садился у моей кровати и разговаривал со мной, пока я снова не засыпал. Иногда...

— Что? — спросил Пек, внимательно наблюдая за мной.

— Ну... Не знаю, как это рассказать. Иногда я испытывал странные чувства, словно кто-то... может быть, Бог... пытается... Не знаю, Пек, я не могу это описать! Дядя Адам говорил мне, что это душа Йохана Бернарда пытается войти в мое тело!

Не дожидаясь, чтобы увидеть, какой эффект оказали мои слова на Пека, я повернулся к жене. Она стояла, прижав руку к губам, и в глазах ее плескался ужас.

— Изабель! — с отчаянием сказал я. — Я не сумасшедший. Ты не обязана верить...

— Тише! — громкий шепот Пека заставил меня резко замолчать. — Слушайте!

Тишина. Пустая, могильная тишина наполняла комнату. Через мгновение Пек добавил:

— Я что-то слышал... Я почти уверен, что это были шаги. Если... — Он бросился к двери, распахнул ее и выскочил в темный зал.

Я был еще посреди комнаты, когда дверь внезапно захлопнулась. Одним прыжком я достиг ее, но открыть не сумел. Она была заперта.

— Пек! — закричал я, дергая дверь за ручку. — Пек!

Никакого ответа. Я с разбега ударил плечом в дверь. Филенка треснула. Еще дважды мне пришлось бить в дверь всем своим весом, прежде чем она распахнулась, и я вылетел во мрак.

Пока я отчаянно пытался сохранить равновесие, на меня нахлынула вонь гнили — а затем, вылетев из темноты, что-то ударило меня по голове.

Мне инстинктивно удалось отдернуть голову, но все равно удар, пришедшийся вскользь по виску, швырнул меня на пол. Я почувствовал, что, вращаясь, лечу вниз, прямо в яркое пламя...

Отчаянно хватаясь за остатки сознания, я попытался встать на ноги, но они подкосились, и я, чувствуя головокружение и тошноту, сполз по стене на пол, пытаясь сфокусировать зрение. Откуда-то донесся крик Изабель. Затем я увидел его. Большой кирпичный камин отъехал в сторону, обнажив черный квадрат прохода, и на его фоне я увидел два силуэта. Изабель, истошно крича от ужаса, безуспешно

пыталась вырваться из объятий твари с черепом вместо головы, которая тащила ее в темноту.

Это была та самая тварь, которая у меня на глазах выползла из могилы — мертвая тварь, которая напала на меня! Она куда-то тащила Изабель, а ужасный хохот ревел, заглушая ее крики. Завопив, я вскочил и, преодолевая головокружение, рванулся к ним. Но опоздал. Камин стремительно пополз обратно и со щелчком встал на место, когда я добежал до него.

Несколько секунд я молотил кулаками по кирпичам, затем немного пришел в себя и начал поспешно осматривать камин, ища скрытую кнопку или рычаг, который его сдвигал.

Я потел и ругался шепотом, но через пять минут все же нашел искомое. Очередной кирпич подался под нажимом моих пальцев. Я отпрыгнул назад, а камин покачнулся и отполз в сторону.

Пошарив в кармане, я нашел фонарик и послал луч света в темный проход. Вниз вела лестница. Я помчался по ней и оказался в помещении с глухими стенами из голого серого камня. Не было никаких признаков Изабель или твари, унесшей ее. Кружок света пробежал по голым стенам и остановился на узкой темной трещине, тянувшейся вертикально от пола до потолка. Под моим нажимом каменная плита покачнулась и отошла в сторону. Передо мной открылся туннель.

Темный, пахнувший затхлостью, он уходил в темноту, круто спускаясь вниз. В свете фонарика я увидел большую жирную крысу с извивающимся, словно червь, голым хвостом, которая поспешно юркнула к себе в нору. На мгновение я заколебался. Затем из глубины туннеля раздались звуки.

Это были шаги, торопливые шаги, словно кто-то бежал мне навстречу. Кто-то — или что-то — мчалось так, как будто за ним гнался сам дьявол. Я посветил фонариком, и в круг света вбежал человек.

Я сразу же узнал его, хотя его одежда лохмотьями свисала на худом теле, а искаженное лицо с растрепанными седыми волосами было измазано кровью. Это оказался мой дядя, Адам Бернард!

Увидев, как он несется на меня, я почувствовал страх, но тут же понял, что он бежит от чего-то. Я выкрикнул что-то успокоительное и направил себе на лицо свет фонарика, на

мгновение ослепнув. В мою руку впились костлявые пальцы, и я услышал голос Адама, хрипло бормотавшего какую-то тарабарщину.

— Йохан... Он ожил... Дон, ты вернулся... ты имеешь над ним власть... — Он сжался и с криком отпрянул назад, когда за моей спиной раздался голос.

— В чем дело? Бернард, что случилось?

Я повернулся, посветил фонариком. Там стоял Лео Пек, и с его лица на манишку капали капли крови.

— Эта тварь... она схватила Изабель! — И я быстро рассказал ему, что произошло, а дядя внимательно слушал.

— Они должны были спуститься по этому туннелю, — закончил я свой рассказ.

Адам тут же утвердительно закивал.

— Я видел его, — прошептал он. — Мертвую тварь... Йохана Бернарда, восставшего из могилы! Я был прикован там цепью... — он махнул рукой в темноту туннеля. — Много дней я сидел без еды, слизывая со стен влагу. Он поймал меня и утащил туда... крысы... они... они...

— Изабель! Ради Бога, где она? Вы ее видели? — закричал я, и дядя ответил:

— Он принес ее из туннеля и бросил возле меня. Затем отстегнул мои цепи... Я притворялся спящим...Не знаю, что он с ней сделал. Как только я был освобожден, то вскочил и ринулся бежать, спасая свою жизнь. Затем увидел твой свет. Как ты попал сюда, Дон?.. И ты, Пек?

— Некогда рассказывать, — сказал я, мысленно проклиная дядю за то, что он бросил Изабель во власти чудовища. — Быстрее бежим!

С этими словами я помчался по туннелю, Пек последовал за мной. Адам немного постоял, затем, очевидно, испугался остаться в одиночестве и двинулся за нами. Пока мы бежали в темноте, Пек рассказал, что произошло. Он увидел, как темная фигура метнулась к нему из темноты зала, и от удара потерял сознание. Очнулся Пек в туалете и, пока искал нас с Изабель, увидел камин и открытый потайной вход, спустился по лестнице и стал свидетелем появления испуганного Адама.

Дядя не отставал от нас, задыхаясь от страха и напряжения. Внезапно он прошептал:

— Мы почти пришли. Будьте осторожны.

Мы остановились, и я посветил фонариком. Через двадцать футов туннель делал крутой поворот. Из-за него с писком выскочила крыса, остановилась, уставилась на нас горящими в свете красными глазками, затем метнулась в сторону и убралась к себе в нору. Я пошел вперед...

И словно ад вырвался на свободу! С треском и грохотом свод туннеля не выдержал и рухнул, открывая дыру, из которой на нас внезапно подул сильный, влажный поток воздуха. Мы застыли от ужаса, когда камни обвалились вниз, полностью блокируя туннель. Один из камней ударил меня по плечу и сбил на пол. Когда я с трудом поднялся на ноги, грохот уже затих, в воздухе, мешая дышать, висела густая пыль.

Если бы мы прошли еще дюжину шагов, то были бы похоронены под тоннами камней и земли. Теперь же туннель был полностью засыпан.

Я ошеломленно стоял, глядя на завал. Изабель! Потребуется много дней, чтобы расчистить проход, а она там во власти ужасной твари с черепом вместо головы, если вообще не похоронена под обвалом.

Пек громко выругался. Адам, сморщив грязное лицо, что-то бормотал себе под нос. Внезапно бормотание сменилось непристойной руганью. Потом он отступил к стене, осуждающе направив на меня вытянутый палец.

— Это ты виноват! — заорал он. — Ты сделал все это! Дьявол меня побери, я должен был убить тебя, пока ты был еще ребенком!

Я ошеломленно смотрел на него.

— Да вы с ума сошли, — быстро сказал Пек. — Я все время был с ним. Как же он мог...

Дядя искоса взглянул на него с безумным блеском в глазах.

— А, нет, — хрипло прошептал он. — Это не он. Это его кровь! Это его проклятая, порченая кровь, идущая от Йохана Бернарда!

Я стиснул кулак и почувствовал желание ударить по этому морщинистому, дергающемуся лицу. Сделал шаг к дяде, и он, очевидно, заметил выражение моих глаз. С воплем отскочил и бросился обратно в туннель. Я слышал, как он натыкается на стены, потом его шаги затихли вдали.

Пек взял у меня фонарик.

— Пойдемте, — сказал он, хватая меня за руку. — Мы должны остановить его.

Он попытался тащить меня за руку, но я вырвал ее. Пек поглядел на меня, затем молча повернулся и побежал за Адамом Бернардом.

Я стоял в темноте, холодный страх грыз мне сердце. Затем провел рукой по потному лицу. Мысли были в полном беспорядке, в голове проносились какие-то безумные предположения и богохульные сомнения, возбужденные осуждающими словами дяди. Не знаю, сколько времени я стоял в темноте, тихий и неподвижный. Через какое-то время я заметил на полу множество красных точек, затем ногу пронзила внезапная боль. Словно ужаленный, я пришел в себя, отскочил и услышал испуганный писк. По ноге прошлось что-то мягкое и пушистое. Я закричал, и красные точки отступили.

Я отыскал в кармане зажигалку и чиркнул ею. В ее бледном свете я увидел с десяток крыс, которые, оскалив зубы, с жадностью глядели на меня. Я стал бросать в них камни, и они разбежались по норам. Но я все равно ощущал, что красные глазки следят за каждым моим движением, поэтому поспешно пошел по туннелю следом за дядей и Пеком.

Прошло, казалось, ужасно много времени, прежде чем я вышел в пустое помещение из серого камня. Тут же я почувствовал, что что-то не так. Затем обнаружил, что дверь-камин наверху лестницы закрыта.

Сначала я не понял значения закрытой двери. Но, после того как все осмотрел, светя себе крошечным пламенем зажигалки, обнаружил, что не могу ее открыть. Я стал кричать, биться в нее, но все мои усилия были бесполезны.

Послышался дробный перестук крошечных коготков, и у основания ступеней появилась крыса, вопросительно наблюдая за мной снизу. Я сделал угрожающее движение, и она умчалась в туннель, из которого я только что пришел. Я пошел к началу туннеля и, поднатужившись, сдвинул на место каменную плиту, перекрывая его. По крайней мере, это не пустит сюда крыс.

Затем я услышал смех.

Насмешливый, злорадный смех прозвучал, казалось, из пустоты. Я огляделся, подумав, уж не схожу ли с ума. Никакой человек не смог бы пройти через завал в тунеле. Тут огонек зажигалки замерцал и испустил дух, потому что кончился бензин. Незнакомый запах ударил мне в нос. Я услышал тихое перешептывание, невнятное, неразборчивое. И внезапно на меня навалилась усталость. Веки стали тяжелыми, как гири. Силы оставили меня, и я рухнул на пол.

Издалека, точно пылающие в темноте огни, выплыли два глаза, сверкающие, словно пронизывающие меня насквозь. Я учуял гробовое зловоние могилы, но не мог шевельнуться. Сознание уплывало, я полетел, вращаясь, в черную бездну, и темнота уничтожила все вокруг...

— Йохан...

Тихий, почти неразличимый жуткий голос эхом отозвался у меня в ушах, словно доносясь откуда-то издалека. Я был в странном состоянии между сном и явью, и голос послышался снова:

— Йохан!

Теперь он звучал как явный призыв.

— Йохан! Проснись! Близится полночь!

Глаза у меня были закрыты, но я услышал движение, и что-то прошелестело возле меня. И снова шепот:

— Шабаш ждет!

Сон слетел с меня, точно одежда. Где я? Почему спал? Черные свечи, горящие перед алтарем, и красное таинство!

Как я могу надеяться передать ужас того момента? Я услышал, как голос мой радостно воскликнул — но это говорил не я! Или... Кто я такой? Дон Йохан... Йохан Бернард!

Владыка шабаша!

— Харр! Харр! — услышал я крик, вскочил и широко раскинул руки, ликуя: — Шабаш!

Комната уже не была темной. Неприятный, фосфоресцирующий свет, исходящий из прямоугольника на стене, противоположной той, в которой был туннель, смутно озарил ее.

Жаркое, въедливое зловоние ударило в нос, когда я шагнул к открытой двери и ощутил, что нечто бесконечно ужасное ждет меня там.

Я прошел через дверь и остановился, оглядывая подземный храм, в котором оказался. Он был освещен огнем дюжин черных свечей, из курильницы возле меня поднимались синие завитки дыма.

В центре храма стоял алтарь с плоской вершиной, а за ним высился деревянный перевернутый крест, на котором корчился огромный жирный распятый. На алтаре лежало что-то бесформенное, черное.

Медленно пройдя вперед, я увидел связанную фигуру, голова которой была накрыта мешком с прорезанными дырками для глаз. Но я не стал рассматривать ее, а уставился на висящие по стенам храма невероятные картины.

Стены были сложены из больших каменных плит, некоторые из них наклонились вперед, а несколько лежало разбитыми на полу. И на этих плитах были нарисованы кошмарные сатурналии Зла! Там были черные, волосатые инкубы и суккубы с белыми телами, прыгающие среди пляшущих ведьм. Колдуны прогуливались под ручку со слюнявыми идиотами. Под ногами извивались змеи и прыгали странно искаженные жабы. Я обратил внимание на чудовищно раздутую голову, которая, косо глядя и усмехаясь, стояла на тоненьких ножках.

Громадные кошки шли за своими хозяевами. Безглавое существо с лицом, выступающим из живота, было нарисовано зажигающим высокую черную свечу от пламени, которое выходило из алтаря, имевшего отвратительное сходство с кубом из черного камня, стоявшим передо мной.

Астарта и Бель, трехрогая темная Мать Геката, я понял свою роль! Разве я не Йохан Бернард, Великий Магистр, Хозяин Шабаша? Я остановился перед алтарем и увидел металлический кубок, покрытый темно-красной накипью, и нож с затейливо вырезанной рукояткой. Я взял кубок и стиснул рукоять ножа. И Черная Месса началась!

Я нагнулся над фигурой на алтаре и сорвал темный плащ, накрывавший жертву. Девушка, обнаженная, со связанными руками и ногами, лежала там, уставившись на меня широко распахнутыми, полными ужаса глазами.

Меня словно пробила молния. Это была Изабель! Но... я не знал никакой Изабель! Что это за дикие мысли? Эта девушка

была незнакома мне. Откуда мне, Йохану Бернарду, знать ее? И все же ледяной ужас сковал мое сердце, когда я поднял кубок, чтобы начать ритуал.

Я высоко поднял кубок.

— За Безымянного!..

Ужасы, нарисованные на стенах, казалось, с адским восхищением глядели, пока я продолжал церемонию.

— Ужас ночи, Повелитель Планет, Император Сатана! Я предлагаю себя, свою душу и тело, тебе, Правителю Мира, Властителю Эфира, с радостью отказываясь от надежды на воскрешение! — я поднял нож. — Прими же мою жертву!..

Обнаженная девушка смотрела широко раскрытыми глазами, когда я стал медленно опускать нож. Красные струйки побежали по белой коже... Девушка закричала, и этот крик, полный муки и ужаса, пронзал меня и — словно открыл нечто запертое в моем разуме!

Это было так, словно распахнулись шторы, и в грязную, тусклую комнату полился дневной свет. Мои память и рассудок вернулись разом, а вместе с ними появилось ужасное осознание того, что сейчас произойдет нечто ужасное.

Я больше не был Хозяином Шабаша и Великим Магистром — я снова стал Доном Бернардом, а Изабель, моя жена, лежала передо мной, связанная на этом отвратительном алтаре!

Я нагнулся и перерезал путы Изабель. А затем, из-за алтаря, медленно появилось лицо — лицо мертвеца.

Тварь, которую я встретил на кладбище, ужас, который похитил Изабель! Коричневая кожа обтягивала череп туго, как барабан, горящие глаза уставились прямо на меня. Раздался ужасный шепот:

— Убей ее!

Моя рука сама собой поднялась, держа нож над грудью Изабель. Ужасные сверкающие глаза имели надо мной адскую власть. Тварь опять прошептала:

— Убей ее немедленно!

Я почувствовал, как нечто завладело моей рукой, и острое лезвие стало приближаться к телу Изабель. Но внезапным порывом сил я оторвал взгляд от ужасных сверкающих глаз и отшвырнул в сторону нож.

Но я не ожидал того, что произошло дальше. Тварь схватила нож и прыгнула ко мне, высоко подняв острое, как бритва, лезвие. Меня вдруг охватила слабость, я едва мог управлять своим телом, но мне удалось отпрыгнуть в сторону, когда нож пошел вниз. Жгучая боль пронзила грудь, но я старался не смотреть в ужасные, властные, сверкающие глаза чудовища.

Тварь развернулась и опять пошла на меня. Силы медленно возвращались. Я поднырнул под нож и схватил тварь, хотя тело всячески старалось уклониться от контакта с ней. Мертвое лицо оказалось почти вплотную с моим, мы покачнулись и упали у стены, каменная плита под нашими телами вздрогнула и покачнулась.

Острие ножа укололо в бок, и я понял, что не сумею помешать ему вонзиться в меня. Я уперся ладонью твари в подбородок и с силой толкнул, чувствуя, как нож прошелся по моим ребрам. Лежащая на полу связанная фигура покатилась к нам, но я знал, что нечего ждать от нее помощи. Надежда погасла. Какие у меня шансы выстоять против этого неживого монстра? Как я мог защититься от ножа?..

И тут в голове вспыхнул отчаянный план. Когда тварь с черепом вместо головы навалилась на меня и ко мне устремилось острое лезвие ножа, я воспользовался единственным имевшимся у меня шансом. Вместо того чтобы попытаться уклониться от ножа, я рванулся ему навстречу и со всех сил ударил головой в лицо твари!

Удар достиг цели! Раздался хруст костей, нож, разрезавший мне плечо, упал на пол. От моего свирепого, отчаянного удара монстр был отброшен назад и с отвратительным стуком ударился о стену.

Тело в черном одеянии рухнуло на пол. Внезапно раздался треск и стук камней.

Я отскочил назад, когда часть плит, составляющих стену, не выдержала и начала медленно рушиться. Взметнулось облако пыли. Монстр, очевидно, осознал опасность, потому что кинул испуганный взгляд на рушившуюся стену и попытался откатиться в сторону, но опоздал.

Упавшая громадная плита ударилась об пол, расколовшись по всей длине. Разлетающиеся осколки ударили мне в лицо.

Я уставился на тварь, у которой только голова высовывалась из-под края рухнувшей на нее плиты.

Что-то странное было в этой голове. Лицо-череп неестественно перекосилось. В голове у меня мелькнуло дикое предположение, я наклонился и прикоснулся к высохшему, коричневому черепу.

Это была маска. И, держа ее в руках, я увидел измазанное кровью лицо моего дяди Адама Бернарда.

— Разумеется, это гипноз, — сказал Пек, попыхивая трубкой.

Мы сидели возле электрообогревателя в комнате наверху. За окнами чуть брезжил серый рассвет.

— Мне следовало раньше заподозрить это. Когда вы рассказали о детстве, которое провели со своим дядей. Это же было очевидно после того, как вы сказали, что он сидел рядом с вами и разговаривал, пока вы не засыпали! А вещество в курильнице было гашишем. Он ослабляет волю. Очевидно, дядя не был уверен, что у него еще сохранилась гипнотическая власть над вами. И если бы вам в последний момент не удалось обрести свободу...

Изабель прижалась ко мне, и я обнял ее.

— Значит, все-таки он послал мне телеграмму? — спросил я, и Пек кивнул.

— Ну да, а затем отрицал, когда я спросил его. О, это был чертовски умный план. Когда он оглушил нас, видимо, дубинкой, то отнес Изабель в храм, привязал на алтаре, затем вернулся по туннелю и приоткрыл потайной ход, чтобы вы наверняка обнаружили его. Затем порвал на себе одежду, расцарапал лицо и, прибежав к нам, когда мы были уже в туннеле, рассказал слезливую сказочку о том, как был прикован цепью в плену у мертвеца. А обвал в туннеле... Я подозреваю, что он сам устроил его. Вероятно, потянул какую-то скрытую веревку, чтобы ловушка сработала. Естественно, он не хотел, чтобы мы обнаружили, что его рассказ — просто куча лжи.

— Как же он схватил вас? — покачал головой я.

— Довольно легко, — криво усмехнулся Пек. — Он ждал меня в конце прохода, выбил из руки фонарь и снова пустил в ход дубинку. Когда я очнулся, то уже лежал в храме

с мешком на голове, а вы собирались зарезать свою жену ритуальным ножом.

Я вздрогнул, словно от боли, пронзившей грудь. Изабель нежно поправила мне повязку и сказала:

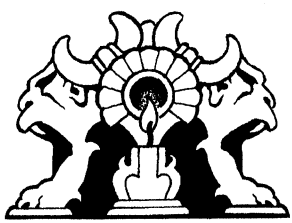
— Этот ужасный старик! Тела, что мы нашли за алтарем...

— Да, они открывают тайну, что произошло с пятью исчезнувшими девушками, — вздохнул я.

Пек согласно кивнул и сказал:

— Он хотел обвинить вас в своих преступлениях. Безумный выродок! Он съехал с ума на почве поклонения дьяволу и старому Йохану Бернарду. Адам убил девушек, а затем решил принять меры предосторожности. Может, думал, что полиция подозревает его. Во всяком случае, он послал вам телеграмму, чтобы заманить сюда. Был уверен, что, как только вы окажетесь в этом доме, он сможет использовать свою гипнотическую власть над вами и спасти себя. Вероятно, хотел заставить вас под гипнозом совершить преступление, которое приведет к вашему аресту, или, возможно, намеревался заставить вас самого признаться в убийствах, которые совершил он. Но когда увидел, что вместе с Изабель приехал я, то изменил планы. И почти преуспел в этом. Он планировал снять маскировку и появиться на сцене после того, как вы убьете свою жену. Тогда он застрелил бы вас в целях самообороны, а мой рассказ подтвердил бы это.

Я обнял Изабель и прижал к себе. Кошмарный ужас, угрожавший всем нам, был навсегда похоронен в подземелье под домом, и первые лучи солнца позолотившие волосы Изабель, возвестили начало нового дня!



ОПОЗДАВШИЕ ДУШИ

В Бель Ярнаке рассказывают, разумеется, не на языках Земли, что ужасное зло обитало когда-то в пропасти под названием Серая Пропасть Ярнака. Этот город находится не на Земле и не на любой планете, вращающейся вокруг любой звезды в небесах, которые нам известны. Он расположен дальше Бетельгейзе, дальше Гигантских Звезд, в зеленом, радостном мире, где вечно молоды башни и серебряные минареты. В Бель Ярнаке не обитают люди и похожие на них существа, но долгими ночами там так же, как и на Земле, горит огонь в очагах, а везде во Вселенной, где есть очаг или костер, найдутся слушатели, внимающие, затаив дыхание, странным и удивительным рассказам.

Синдара благосклонно правил Бель Ярнаком, но все же страх гибельных былых времен лежал, точно саван, на этой земле, а в Серой Пропасти клубился отвратительный ужас. И покров тьмы скрыл сияние небес и три луны зеленого мира.

Это существо вечно страдало от неутолимого голода. Обитатели Бель Ярнака звали его Пожирателем Душ. Никто не мог его описать, поскольку любой, кто встретился с ним, уже не мог вернуться и рассказать о том, что он увидел. Веками сидело оно в пропасти, и голод то и дело заставлял его испускать беззвучный призыв. И в пещерах или храмах, перед домашним очагом или в ночной темноте поднимался кто-то из обитателей Бель Ярнака и, невзирая на ждущую их смерть, уходил из Бель Ярнака к Серой Пропасти. И никто уже не возвращался оттуда. Поговаривали, что тварь из пропасти была то ли полудемоном, то ли полубогом, и что души тех, кого она убила, вечно служили ему, выполняя странные обязанности в ледяной пустоте между звездами. Властители Вод рассказывали,

что тварь прибыла с темного солнца, и что появилась она в результате ужасного союза, заключенного между собой невообразимо Древними, которые странствуют между Вселенными. Некроманты говорили иное, но они ненавидели Властителей Вод, которые всячески дискредитировали рунную магию некромантов. Синдара выслушал представителей обеих школ, обдумал все, сидя на троне из халцедона, и решил добровольно отправиться к Серой Пропасти Ярнака, которая, как считалось, была бездонной.

Некроманты вручили Синдаре странные инструменты, созданные из костей мертвецов, а Властители Вод дали ему сложно закрученные прозрачные хрустальные трубки, способные помочь в борьбе против Пожирателя Душ. После того как некроманты и Властители Вод опустились на корточки у городских ворот и мрачно завыли, Синдара сел на своего горлака, быстроходную, но с отвратительной внешностью рептилию, и двинулся на запад. Немного отъехав от города, Синдара выбросил все врученное как некромантами, так и Властителями Вод, поскольку поклонялся Форвардосу, как и все Синдары того времени. Никто больше не мог поклоняться Форвардосу, кроме Синдары Бель Ярнака, потому что такова воля богов. Синдара слез с горлака и принялся горячо молиться Форвардосу.

Какое-то время ответа не было. Затем окружающие пески начали волноваться, закружились смерчиками, и танец туманных пятнышек ослепил Синдару. Когда они слились в единый смерч, из него раздался тоненький голос бога, походивший на звон бесчисленных крошечных хрустальных кубков.

— Ты обречен, — зловеще заявил Форвардос. — Но в Бель Ярнаке остался твой сын, так что у меня будет приверженец, когда тебя не станет. Поэтому иди без страха, так как бог не может победить бога, а лишь человека, которого он создал.

Сказав это, Форвардос исчез, а Синдара, обдумав его слова, поехал дальше. Когда он приблизился к невероятной пропасти, о которой говорили люди, поднялась ближняя луна. Синдара рухнул у края пропасти и, дрожа, всмотрелся в туманную пустоту. Оттуда дул холодный, пронизывающий ветер, и пропасть казалась бездонной. Вдалеке с трудом можно было различить ее противоположный край.

А потом из пропасти, цепляясь за неровности стен, появился тот, кого хотел найти Синдара. Полудемон стремительно поднимался, помогая себе многочисленными щупальцами. Он был белым, волосатым и отвратительным, но деформированная голова едва достигала Синдаре до пояса, хотя разбросанные в стороны конечности создавали иллюзию, что полудемон огромен. Следом за ним летели души, которые он захватил с собой. Они жалобно перешептывались, наполняя воздух стенаниями и тоской по утраченной Нирване. Синдара выхватил клинок и напал на врага.

О том сражении до сих пор слагают и поют саги, ибо бушевало оно на краю вечности. В конце концов Синдара был изранен, истекал кровью и выбился из сил, а его противник оставался целым и невредимым и отвратительно хихикал. Затем демон приготовился к трапезе.

Но тут в голове Синдары раздался тоненький шепот Форвардоса:

— Во Вселенной есть много видов плоти и другой материи, которая не является плотью. Ими и кормится Пожиратель Душ.

И рассказал Синдаре о странном способе питания, когда два существа сплавляются воедино, и меньшее поглощается, идя на усиление полубога-полудемона, а освобожденная душа, стеная, присоединяется к тем, кто уже служит этой твари. Синдара получил некое знание, а вместе с ним возникло и решение. Широко раскинув руки, он бросился в ужасные объятия, поскольку Форвардос сказал, как можно избавиться от чудовища.

Тварь прыгнула ему навстречу, невероятная боль пронзила тело Синдары, а цитадель души сжалась, вопя от ужаса. И на краю Серой Пропасти Ярнака возник чудовищный сплав двух сущностей, богохульный и ужасный. Тварь и Синдара тонули друг в друге...

И даже несмотря на ослепляющие мучения, более острая боль пронзила душу Синдары, поскольку он вспомнил красоту мира, которым правил. Он подумал, что не знал ничего прекраснее зеленой и радостной земли своей, и боль сверлила его сердце, боль от потери и пустоты, которую ничем уже не заполнить. Тогда он взглянул прямо в черные злые

глаза Пожирателя Душ, находящиеся всего лишь в нескольких дюймах от его собственных, и отвел взгляд на пропасть, холодную, серую и ужасную. Слезы потекли по щекам, и горло перехватило от отчаяния, ибо не увидеть ему уже никогда серебряные минареты и башни Бель Ярнака, невыразимо прекрасные в свете трех лун.

Затем Синдара вновь повернул к твари ослепшие от слез глаза и прыгнул вперед. Радался ужасный, отчаянный вопль, а затем человек и полудемон, вращаясь, полетели вниз, в пропасть, глядя на проносившуюся мимо стену. Как сказал Форвардос, таким, и только таким способом можно было избавить мир от ужасного рока.

Стена утеса, несущаяся мимо, изогнулась и исчезла, остался лишь тускло-серый туман, и Синдара падал в этом тумане, пока не наступили вечные темнота и тишина.

ЗЛОДЕЙ БЕЗ ЛИЦА

Харви замедлил шаг. Туман странно искажал все ближайшие предметы. Он мог бы поклясться, что по другой стороне улицы движется какая-то смутная фигура. Но, когда повернулся в ее сторону, в бледном круге света, льющегося из дуговой лампы ближайшего фонаря, ничего не было.

Откуда-то — было трудно определить направление во влажном воздухе — донесся странный запах. Он походил... Да, все верно! Вонь гниющего мяса, резкая, густая. Внезапно Харви почувствовал страх. Он снова взглянул на другую сторону улицы и замер на месте. Там стоял человек, наблюдая за ним. Просто неясная, бесформенная фигура. Но, возможно, он тоже остановился лишь для того, чтобы поломать голову над источником странного запаха.

Туман был слишком густым, чтобы Харви мог как следует разглядеть эту темную фигуру, но ему показалось в ней нечто странное, зловещее и угрожающее. Он не смог бы сказать, что именно, но кожу на голове почему-то стало покалывать.

«Нервы», — сказал Харви сам себе.

Бросив искоса на фигуру еще один взгляд, он пошел дальше, но прогулка не сумела развеять беспокойства. Было в этой ночи нечто... чуждое.

При виде знакомой медной таблички на воротах он немного расслабился. Через две двери был дом Изабель Сэндор, его невесты. Перед глазами возникло ее лицо, большие карие глаза и пикантные губы. Сейчас он увидит ее...

Внезапно в ноздри ударило чье-то дыхание, ужасно зловонное дыхание. За спиной поспешно зашлепали босые ноги. Харви быстро повернулся.

Что-то неслось к нему из тумана, что-то приземистое, громадное, целеустремленно волочащее вперед ноги. Сначала Харви подумал, что это человек... но тогда он еще не видел его лица.

Скорее, того места, где должно быть лицо!

Тварь была без лица! На гладкой белой маске был виден лишь один налитый кровью глаз. Только это была не маска! Харви понял это, когда заметил, как работают мышцы под матово-белой кожей. Голая рука потянулась к Харви. Белый шар, который был у существа вместо головы, подался вперед. Мужчине стало плохо при виде единственного глаза, сверкавшего с этого богохульного лица. Хрипло вскрикнув от ужаса, он повернулся и побежал. Позади раздался низкий свистящий звук и шлепанье босых ног. Шлепки становились все громче, и также громче становился странный свист. Внезапно мускулистая рука схватила Харви за шею, и что-то попыталось навалиться на него всем весом.

Харви отчаянно вскрикнул и изо всех сил ударил по чудовищной голове, чуть ли не ткнувшейся носом в его щеку. В затуманенном страхом мозгу всплыл рисунок Циклопа, одноглазого, гигантского Циклопа, который швырял валуны вслед убегающему Одиссею. Так вот, это и был Циклоп!

Мускулистая рука держала его за шею, и Харви чувствовал, как хрустят позвонки. В глазах все стремительно чернело. В тумане возникали и кривлялись какие-то угрожающие фигуры с отвратительными одноглазыми мордами, скачущие вокруг...

До ушей Харви донесся чей-то крик. В глазах просветлело. Он услышал чьи-то шаги и смутно понял, что ужасная рука отпустила его шею. Над ним навис было кошмарный облик Циклопа, но тут же исчез.

В поле зрения, совсем близко, непонятно откуда появилась Изабель. В глазах ее был страх, губы казались кровавой раной на смертельно-бледном лице.

— Джордж! — она прижалась губами к его щеке. — Что случилось? С тобой все в порядке?..

Затем подошел какой-то человек с фонарем в руке. Это оказался Расс Сэндор, брат Изабель. Он вглядывался в туман, светя фонарем в разные стороны.

— Не знаю, что это было! — выдохнул Харви, с трудом поднимаясь на ноги и осторожно массируя шею. — Это... Я думаю, это... не человек.

— Чепуха! — резко возразил Расс, тощий, как борзая, человек с короткими толстыми усами и глазами, подслеповато моргающими за толстыми линзами очков. — Это было обычное ограбление. Не будьте...

— А вы его видели? — спросил Харви, с трудом подавляя дрожь.

— Что-то я видел. Человека в какой-то белой маске... Пойдемте в дом, вам надо выпить.

Когда Харви направился за Сэндором, он почувствовал, как Изабель прижалась к нему, и обнял ее за талию.

— Я видела его, — прошептала Изабель. — У него не было... вообще не было лица, Джордж!

Харви ничего не ответил, но губы его крепко сжались. Так или иначе, в нем росло предчувствие, что это только начало, что безликая тварь, скрывшаяся в тумане, нападет снова. И он снова содрогнулся.

Налив по стаканчику бренди, Сэндор вопросительно поглядел на Харви сквозь толстые очки и поинтересовался.

— У вас есть враги?

Харви отрицательно покачал головой.

— Вряд ли. Говорю же вам, Сэндор, у этой твари не было лица. И это была не маска. Это была живая плоть, но на лице — только единственный ужасный глаз. И это не грабеж. Тварь хотела убить меня.

— И все же это, наверное, был грабеж, — не согласился Сэндор. — За последнее время произошло несколько таинственных грабежей, и свидетели упоминали, что заметили нечто странное в лице вора. Но, насколько я знаю, не было никаких убийств. И если это — тот же самый человек...

— Это был не человек, — сказала вдруг Изабель. — Я не уверена, что это вообще было... живое существо.

Какое-то время все молчали. Наконец Сэндор сказал, явно желая сменить тему:

— У меня завтра в музее намечена каталогизация, Харви. Придет Изабель, чтобы помочь писать примечания. Хотите присоединиться к нам?

Харви знал, что Изабель действительно писала для музея примечания. Он часто сопровождал ее туда, чтобы погулять

с невестой по мрачным пустым коридорам, пока Сэндор был поглощен своими археологическими исследованиями.

— Наверное, — коротко кивнул он. — Но сначала я собираюсь пойти в полицию, чтобы сообщить о нападении.

— Вам никто не поверит, — пессимистично заметил Сэндор. — Они не будут искать убийцу без лица, и я не стал бы винить их в этом. Этак они тратили бы все свое время на заскоки и глюки всяких психов.

Харви почувствовал, что лицо его вспыхнуло, но ничего не сказал. В Сэндоре было много того, что ему не нравилось, но в конце концов он — брат Изабель. Так что Харви просто пожал плечами и поднес к губам стаканчик бренди. Взглянув над краем стакана, он встретился глазами с любимой и увидел необъяснимый страх в ее глазах.

— Что касается человека без лица, — усмехнувшись, сказал Сэндор, — то мне интересно, как он ест?

— Я... Я тоже подумал об этом, — медленно произнес Харви.

Музей располагался в мрачном кирпичном здании, построенном еще до войны, и отчаянно нуждался в ремонте. Воздух в темных коридорах неприятным пах плесенью. Несмотря на сокровища, хранившиеся здесь, отталкивающая атмосфера сделала его не слишком популярным местом, и посетителей было мало. Доктор Джером Пэйн, хранитель музея, имел поразительное сходство с бюстом Юлия Цезаря, стоявшим в нише в его офисе. Тот же широкий, открытый лоб, сильный, выступающий подбородок, проницательные глаза. Харви подозревал, что Пэйн, как и Цезарь, был лысым, только скрывал свою лысину под париком, а не под лавровым венком.

— Я ожидаю вас, — сказал он, официально поклонившись Изабель. — Мистер Сэндор, вы будете сегодня работать в левом крыле? Прекрасно, вот ключи.

Левое крыло, где размещались особо редкие сокровища, обычно было запертым. Пробормотав благодарность, Сэндор взял ключи и торопливо ушел.

— А вы будете, предполагаю, бродить по всему музею, — с улыбкой сказал Пэйн. — Ну, молодость там, любовь... — он с показной покорностью поднял брови. — Тем не менее мне кажется, вам не захочется идти туда, где был убит Джексон.

— Полиция все еще никого не арестовала? — спросил Харви, хотя знал, что никто не станет усердно искать убийцу старого вахтера, задушенного месяц назад в пустом коридоре музея.

Пэйн покачал головой.

— Мне было бы действительно не по себе, — слегка нахмурилась Изабель, — если бы со мной не было Джорджа. Не раз возникало странное чувство, словно за мной кто-то наблюдает.

— Призрак Джексона? — с тихим смешком спросил Пэйн. — Ну, он же не станет делать вам плохо. Бедный старик... раньше мы часто беседовали здесь по ночам, когда я работал допоздна. Нет, он уж, скорее, охранял бы вас, если бы смог вернуться, — он на мгновение замолчал, о чем-то задумавшись. — Иногда мне кажется, будто все избегают меня. Раньше вы приходили и беседовали со мной, Изабель, пока ваш брат работал. Но теперь вы так не делаете.

Изабель импульсивно шагнула вперед и положила руку на рукав Пэйна.

— Мне очень жаль, доктор Пэйн, — тихонько сказала она. — Я и не думала...

— Ну, это неважно! — воскликнул тот. — У вас теперь другие дела. Только приходите время от времени. А то, знаете ли, иногда я тоже чувствую одиночество.

Несколько смущенный, Харви коснулся руки Изабель, и она вышла вслед за ним. В зале он чуть не столкнулся с человеком, спешащим мимо с рулоном папируса под мышкой.

— Простите, профессор Шлаг, — сказал Харви.

Тот что-то шепотом пробормотал и хотел было поспешно удалиться.

— Профессор! — окликнула его Изабель. — Подождите минутку. У вас появилось что-нибудь новенькое в египетском зале?

Шлаг остановился и повернулся. Это был низенький человек средних лет с короткой, растрепанной бородкой и какими-то вороватыми глазками.

— Новенькое? Нет, не думаю. Разве что парочка скарабеев — только и всего.

— Мы давно уже не были в египетском зале, — произнес Харви. — Ничего, если мы пойдем за вами?

Шлаг нелюбезно пожал плечами и двинулся дальше. Изабель и Харви не спеша последовали за ним.

— Странный типчик, — сказал Харви. — Думает только о своих экспонатах. Но зато знает о Египте все, что следует.

Египетский зал располагался наполовину под землей, в конце длинного темного коридора. Шлаг уже возился с микроскопом и сосудами с дурно пахнущими жидкостями. Душные, экзотические запахи, как дыхание самого Египта, исходили от черепков, украшений и саркофагов, которыми был уставлен зал. Посетители редко заходили сюда, и Шлаг не пытался держать выставленное в порядке. Два прислоненных к стене саркофага были открыты, но остальные плотно закрыты. На столе лежала частично развернутая мумия. Харви зачарованно уставился на нее. Почему-то показалось, что она тоже украдкой наблюдает за ним ввалившимися глазами. Обесцвеченные зубы были обнажены в широкой усмешке, словно мумия сардонически усмехалась глядевшим на нее.

Харви повернулся, принюхиваясь. В воздухе он уловил странный, тревожно знакомый запах, напомнивший о той вони вчера вечером — зловонии гниющего мяса, предупредившем его о нападении безликого ужаса. Харви попытался определить направление, но запах исчез, теперь он ощущал лишь пряный аромат от развернутой мумии. Возможно, он ошибся. Внезапно раздался чей-то далекий крик. Он дернулся, повернулся. Изабель глядела на него, губы ее дрожали.

— Джордж! Похоже на его голос, — напряженно прошептала она.

— Все крики похожи друг на друга, — рассеянно ответил Харви и принялся напряженно прислушиваться, но крик не повторился.

Шлаг шагнул вперед, качая головой.

— Нужно узнать, что там, — сказал он, направляясь к двери.

Харви его опередил. Пока он торопливо шел по коридору, в голове метались самые безумные мысли. Запах гниющей плоти, как от мертвеца, — и сразу же крик безумного ужаса! Что все это значит? И как связано со странной тварью, напавшей на него предыдущей ночью? Казалось безумием связывать два столь отдаленных события, но какой-то странный инстинкт настойчиво твердил, что связь здесь есть.

Пока Харви бежал по коридору, ему показалось, будто что-то отпрыгнуло назад и исчезло, когда он остановился. Харви сделал шаг в том направлении, но тут раздался крик из офиса хранителя.

— Харви! — послышался голос Сэндора. — Харви, быстрее сюда!

Сэндор стоял на коленях возле Пэйна, пытаясь всунуть горлышко фляжки между плотно стиснутыми бледными губами хранителя. На горле того был виден тусклый синяк.

— Я нашел его здесь, — объяснил Сэндор, оглянувшись. — Здесь... Он собирался начать обход.

Подошла Изабель, тяжело дыша. И тут Пэйн закашлялся и оттолкнул фляжку. Он попытался сесть, в расширенных глазах его сверкал безумный ужас.

— ...тварь без лица... — с трудом проговорил он и замолчал, худое лицо бледнело прямо на глазах.

Ледяной холод стиснул грудь Харви. Он принюхался. Да, в воздухе висел отвратительный запах мертвечины...

— Что за тварь? — спросил Сэндор потрясенного хранителя, голос его явственно дрожал.

Пэйн не ответил. Он медленно поднялся на ноги, опустился на стул и спрятал лицо в руках.

— Послушайте, Сэндор, — резко сказал Харви. — Что-то прячется в музее... что-то смертельно опасное. В здешних залах и коридорах есть много мест, где можно укрыться. Уведите отсюда Изабель.

— Но доктор Пэйн... — заспорила было Изабель.

— Я позабочусь о нем. Уведите Изабель, Сэндор. И вызовите полицию.

Сэндор молча кивнул и взял Изабель за руку. Когда они выходили, девушка повернулась и попыталась храбро улыбнуться Харви. Тот успокаивающе кивнул ей. Затем он вернулся к Пэйну. Но лишь на мгновение. В коридоре резко вскрикнула Изабель. Харви услышал ругательства Сэндора. Затем раздались звуки борьбы.

Харви почувствовал, как ледяная рука сжала ему сердце. Он выскочил из комнаты в неосвещенный коридор. В отдалении дрались неясные фигуры. В темноте Харви не мог разглядеть деталей, но похожая на луковицу голова одной из

фигур показалась ему очень знакомой. Затем что-то тихонько треснуло, одна из фигур пошатнулась и упала. Вторая наклонилась и подняла с пола тонкое обмякшее тело. Изабель, казалось, пришла в себя от ее прикосновений и стала биться в объятиях чудовища. Громадная рука одним движением разорвала ее тонкое платье от шеи до талии. В полумраке появились белые плечи.

Все это Харви увидел, пока бежал по коридору. Неясная фигура легко вскинула Изабель на плечо, повернулась и бросилась в темноту. Мужчина с проклятиями ринулся за ней.

Харви так и не понял, как ему удавалось не упускать из поля зрения во время этого кошмарного преследования широкоплечую, приземистую фигуру. Если бы у бегущего не было на плече Изабель, то он легко скрылся бы в темноте. Но Харви подстегивал страх за девушку, особенно после того, как, пробегая, он увидел на полу Расса Сэндора, остекленевшими глазами уставившегося в потолок. Его голова была вывернута под невозможным для живого человека углом. Неужели такая же участь ждет Изабель?

Монстр бежал по узкому коридору, затем свернул за угол и через проход с аркой оказался в зале с низким потолком, полном реликтов давно исчезнувших цивилизаций. Тут Харви на что-то наткнулся, раздался звон стекла, и его ногу пронзила острая боль. Не обращая на нее внимания, он продолжал упорно бежать.

В конце следующего коридора погоня закончилась. Похититель Изабель остановился в дверном проеме, небрежно бросил девушку на пол и развернулся. Харви застыл на месте. Они находились у входа в египетский зал. Аромат мертвечины стал еще сильнее, жуткий и отвратительный. И теперь, в беспощадно ярком свете электрических ламп, Харви понял, что гнался за существом, которое напало на него прошлым вечером. Увидел его со всеми ужасными подробностями.

Тело твари было человеческим, по крайней мере, казалось таковым. Приземистая, с белой кожей, фигура была голой, за исключением куска заплесневелой ткани, обернутой вокруг бедер. Ноги были короткими и кривыми, с громадными ступнями. В сочетании с квадратными плечами и бычьей шеей

они производили впечатление огромной силы и проворства. Но хуже всего оказалась голова. Она представляла собой мясистый, гладкий белый шар с единственным тусклым глазом, приводившим Харви в замешательство. Из основания горла высовывалась серебристая трубка, испускающая слабый свист. Очевидно, через нее тварь кормили. Она двинулась вперед.

Харви не осмелился дать себе время на размышление. Он бросился вперед, навстречу монстру. Его кулак врезался твари прямо в живот. Безликая тварь едва вздрогнула. Громадные руки взметнулись и заключили Харви в объятия. Он почувствовал, как его стискивают и прижимают к бочкообразной грудной клетке, и не мог вздохнуть. Раз за разом Харви бил короткими ударами в толстое тело, но все было безнадежно! Чувствовала ли вообще эта тварь боль? Руки со стальными мускулами лишь сжались еще сильнее. Он невольно застонал.

— Стоять!

Знакомый голос проник сквозь туман, окутывавший сознание Харви. Стальной захват разжался. Он снова мог дышать и рухнул на пол, жадно вдыхая живительный воздух. А в дверях стоял... Шлаг. В руке египтолога был пистолет, и он шевельнул им. Безликое чудовище отступило.

— Не надо больше убийств, Адам, — тихо сказал Шлаг. — Теперь это бесполезно.

Харви с трудом привстал на одно колено.

— Шлаг! — выпалил он. — Вы... Черт, это вы стоите за всем этим!

Тот не обратил на него внимания.

— Идем, Адам, — резко сказал он. — Нужно уходить. Быстро! — он мельком взглянул на Харви. — Да, я планировал убить всех вас, — продолжил он. — Вас, Изабель, ее брата и Пэйна. Пэйн, видите ли, знал правду, и я не сомневался, что он раскроет ее после того, как Адам не сумел его убить. Но... Теперь это уже неважно. Пэйн исчез. Я не сумел найти его. Адам, идем же!

Тварь без лица подалась вперед, уставившись своим единственным глазом на египтолога.

— Бросьте оружие, Шлаг! — прорычал из глубины коридора чей-то голос.

Тот мгновенно обернулся, поднимая пистолет. Грянул выстрел. Пистолет Шлага упал на пол. Он замер, с удивлением глядя на руку, с которой капала кровь.

— Пэйн, — прошептал он, — вы обманули меня...

В поле зрения появился упомянутый с мрачным лицом.

— Заткнись! — рявкнул он.

— И не подумаю! — срывающимся голосом закричал в ответ Шлаг. — Изабель... Харви... Не верьте ему! Он заставил меня сделать это — убить сторожа, попытаться убить вас... Совершить десятки краж...

— Заткнись! — заорал Пэйн.

Услышав угрозу в его голосе, Шлаг замолчал.

— Надеюсь, теперь ты доволен, — проворчал хранитель. — Теперь мне придется убить и этих двоих... помимо тебя самого... Шлаг, назад!

Пэйн взмахнул пистолетом, и Шлаг отступил, скривив губы. Харви медленно поднялся на ноги и подошел к Изабель. Она зашевелилась. Взглянув на Пэйна, Харви опустился на колени возле полуобнаженной девушки и стал растирать ей запястья.

— Это был просто эксперимент... — забормотал Шлаг. — Я не хотел никому причинить вреда...

— Продолжай, — прошипел хранитель. — Почему бы тебе не рассказать им все? Расскажи им, какой ты дурак, Шлаг!

— Еще какой! — простонал египтолог. — Харви... Изабель... Я не хотел втягивать вас во все это. Все начиналось вполне безобидно... — он замолчал.

— Продолжай, — насмешливо приказал Пэйн. — Объясни им, почему они должны умереть.

— Это был просто эксперимент, — повторил Шлаг. — И ничего больше. Я нашел Адама, умиравшего в переулке. Во время войны лицо у него срезал осколок, и хирург во время операции сделал ошибку. Пластическая хирургия была тогда еще не развита. Адам сказал мне, что сбежал из больницы прежде, чем хирург исправил свою ошибку. Видите ли, мозг его был поврежден. Пятнадцать лет прожил он в страхе и стыде, питаясь чем попало, не осмеливаясь показать лицо при свете дня, и все боялся, что французский хирург разыщет его и опять будет мучить. Осколок, уничтоживший его

лицо, превратил разум бедняги в разум ребенка. Да, он силен. Только огромное стремление жить помогало ему, когда он лишился лица...

— Продолжай, — сказал Пэйн, когда Шлаг замолчал. — И ты сыграл роль доброго самаритянина...

— Да, — медленно кивнул египтолог. — Но как бы я хотел, чтобы этого не произошло. Я попытался помочь бедняге и обнаружил, что он живет в постоянных мучениях, на грани помешательства. Я использовал наркотики и гипноз, чтобы заглушить его боль. Затем...

— Затем его обнаружил я, — прервал его Пэйн, с неприкрытым торжеством в голосе. — Я сразу увидел, что ты слишком глуп, Шлаг, чтобы понять, какое из него может получиться великолепное орудие. Можно совершать преступления, грабить и убивать, не подвергаясь никакому риску. Ты уже сделал Адама послушным орудием своими наркотиками и гипнозом. Я натер его тело дурно пахнущей жидкостью, помогавшей создавать впечатление, что это сверхъестественное чудовище. Человек будет бороться с напавшим на него другим человеком, но если подумает, что противник — не человек, то сопротивление его ослабеет.

— Грабежи! — взорвался Харви. — Так это вы в них замешаны?!

— Да... Через Адама. Зарплата хранителя музея маленькая, слишком маленькая за такую сложную работу, — нахмурился Пэйн. — Сторож Джексон узнал слишком много, и я вынужден был убить его. И почти убил вас, Харви... руками Адама.

— Но почему?! — отчаянно воскликнул Харви. — Я не могу понять...

— Потому что вы похитили у меня Изабель. Пока она не встретила вас, то приходила ко мне в кабинет и беседовала со мной. Вы что, думаете, что человек может провкалывать в этой могиле целых двадцать лет, не нуждаясь в дружеских отношениях... В любви? Я следил, как вы гуляете с ней по коридорам, смотрел, как вы целуете ее, — поцелуи эти она могла бы подарить мне, если бы я знал, как их добиться. Но нет, я был старым ретроградом, человеком, которому нечего предложить, человеком, не способным на сильные чувства и страсть...

— Изабель, я просто сошел с ума, — внезапно прервал его Шлаг. — Я боялся Пэйна и его угроз. Я повиновался ему. Но сегодня я сам приказал Адаму убить его, чтобы таким образом освободиться. Когда тот потерпел неудачу, я подумал, что Пэйн донесет на меня в полицию. И тогда я решил убрать всех свидетелей — разумеется, руками Адама, — чтобы уехать и начать новую жизнь. Изабель... попытайтесь простить меня.

Замолчав, Шлаг внезапно бросился к Пэйну. Но тот не был захвачен врасплох, как надеялся египтолог. Грянул выстрел. Шлаг упал у самых ног Пэйна. Хранитель сделал шаг назад с мрачным, решительным лицом.

— Теперь очередь вас двоих, — прошептал он.

Стоя на коленях возле лежавшей на полу Изабель, Харви напрягся, готовясь мгновенно вскочить, хоть и понимал, что это бесполезно.

Внезапно он заметил, как рука Шлага, безвольно лежавшая на полу, легонько дернулась. Он открыл глаза и изумленно поглядел вокруг. Кровь выделялась на его рубашке большим темным пятном. Пэйн ничего не заметил. Рука египтолога медленно, очень медленно поползла к лодыжке хранителя.

Тот поднял пистолет и направил его на Харви. Одновременно с этим рука Шлага схватила его за лодыжку и дернула... а Харви, не вставая, нырнул Пэйну в ноги.

Грянул выстрел. Харви почувствовал, как что-то раскаленное ударило его в плечо. Правая рука внезапно обмякла и безвольно повисла. Он с безнадежностью отчаяния бросился Пэйну под ноги, сбив того на пол. Но, падая, хранитель не выпустил из руки пистолет.

Харви упал сверху на Пэйна и схватил его запястье здоровой рукой. Услышав быстрые шаги, он повернул голову и увидел, как Изабель ринулась к Пэйну, собираясь отобрать у него пистолет. Хранитель прорычал злобное ругательство, вырвал руку из захвата Харви и с силой ударил пистолетом Изабель по голове. Она попыталась уклониться, но недостаточно быстро. Пистолет ударил ее чуть выше уха, и оглушенная девушка полетела на пол. В отчаянии Харви снова схватил Пэйна за руку. Но хранитель быстрым движением

выскользнул из-под него, навалился сверху и схватил другой рукой за горло, одновременно пытаясь освободить руку с пистолетом. Краем глаза Харви увидел, как Шлаг, истекая кровью, ползет к ним. Безумные усилием он полз вперед, цепляясь за пол. Кровь лилась у него изо рта. Глаза египтолога начали стекленеть. Затем прояснились.

— Адам! — прохрипел он.

Мир закружился в водовороте. Пэйн, Шлаг и все вокруг закрутилось в безумной сарабанде багровой погибели. Харви безнадежно пытался сделать вдох перехваченным горлом.

Как сквозь вату, услышал он хрип Шлага:

— Адам! Убей... его!

Внезапно мир замер, сквозь багровый туман Харви увидел толстую белую руку, появившуюся в поле зрения. Лицо Пэйна вдруг изменилось, на нем появился неприкрытый страх. Затем тяжесть Пэйна перестала вдруг давить на Харви. Он смутно увидел, как Адам, с беспомощным Пэйном в руках, уставился на него своим единственным глазом.

Пэйн согнул запястье и стал посылать пулю за пулей в бочкообразную грудь Адама. Безликий пошатнулся, выронил хранителя, но тут же склонился над ним. Его большие руки стиснули тому горло, и Пэйн издал короткий, безумный крик. Харви увидел, как ручищи Адама слегка дернулись. Крик хранителя оборвался. Убийца и человек-монстр замерли на полу. Харви с трудом встал на колени и пополз к лежащей Изабель. Когда он коснулся ее, девушка шевельнулась, открыла глаза и непонимающе взглянула на него. Затем все вспомнила.

— Джордж! Он... — Изабель поглядела на три неподвижных тела на полу. — Они что, все мертвы?

— Да, дорогая, — устало кивнул Харви. — Теперь мы в безопасности. Я...

Девушка вдруг тихонько вскрикнула:

— Тебе больно? Погоди, нужно остановить кровь!

Пока Изабель осторожно перевязывала раненое плечо, мрачное выражение покинуло лицо Харви. Потому что он знал, что кошмарный разгул Зла кончился навсегда со смертью доктора Джерома Пэйна, хранителя музея и... убийцы.

УЖАС В ДОМЕ

ГЛАВА I. Ужасный человек

Друзья довольно обсуждают одну мою странность: им любопытно, почему в моем доме нет никаких картин. При этом я ничего не имею против гобеленов, поскольку они не могут захватить внимание и заставить вспомнить дом в Долине Смерти и ужасные картины в нем.

Некоторые, не зная сути дела, считают это моей прихотью, но это вовсе не прихоть. Это не прихоть с того ужасного момента, когда я увидел одну картину и внутри у меня все спеклось от ненависти. Что за картина? Ну, она была достаточно неприятна и без всего прочего. Художник изобразил на ней чхайя — «людей без костей» из «Тайной книги Дзиэн». После того, что произошло, я поставил целью найти и прочесть эту книгу. А теперь, пожалуй, жалею, что сделал это.

Долину Смерти окружали только пустынные, необитаемые горы, породившие, я думаю, весь этот ужас. Люди там почти не живут. Несколько седобородых разведчиков ищут там полезные ископаемые, да весной появляется несколько лагерей поселенцев. Некоторые горнодобывающие компании хотели начать там работы, но ничего не нашли. Эти места не были предназначены для жизни людей.

У Элизабет, моей молодой жены, и меня самого возникло странное ощущение, когда мы въехали туда, будто мы въезжаем в Страну Смерти — я всегда так мысленно называл эту жутковатую долину.

Мы проехали низиной, поднялись по плечу горы Уитни, высившейся над Долиной Смерти, и направились на север, в пустыню Панаминт. Во время медового месяца мы планировали навестить моего кузена Рэнсома Хатауэя по пути в Сиэтл. На этом настаивала Элизабет. Она знала Рэнсома

в Лагуна-Бич еще до того, как познакомилась со мной, и, я думаю, по-прежнему питала к нему теплые чувства.

Не могу сказать то же самое о себе. Слишком большая оригинальность кузена всегда будила во мне некий протест — хотя я не раз выручал его финансами. Он писал картины, которые не мог продать исключительно из-за гротескного изображения тошнотворных вещей. А кроме того, они были написаны слишком грубо и небрежно. Солнце сияло над головой, кругом стояла мертвенная тишина. Казалось, над горами повисла какая-то ощутимая аура угрозы...

Надрывно ревя мотором, машина взобралась на самый хребет, и я увидел впереди дом Рэнсома, похожий на какое-то темное доисторическое чудовище, присевшее на корточки в узкой долине внизу. Неподалеку от него на крутом склоне горы торчала хрупкая на вид постройка. Элизабет увидела ее одновременно со мной.

— Наверное, это жилище Фраули, — предположила она.

Рэнсом упоминал об этом отшельнике в своих редких письмах. Внезапно я краем глаза уловил какое-то движение на дороге и чуть не разбил буфер об утес, когда резко нажал на тормоз. Элизабет возле меня тихонько вскрикнула. И я ее не винил. Эта тварь — не могу назвать ее никак по-другому — свернулась клубком и злобно смотрела на нас черными немигающими глазами. Это был очень худой человек, голый до пояса, с желтой кожей, покрытой какими-то пятнами и разводами. И он был лысым, совершенно лысым. Из его полуоткрытых губ текла слюна, ниже слегка пульсировало пятнистое горло. Он свернулся клубком, словно не имел костей, прямо посреди дороги, не сводя с меня глаз. Я был почти уверен, что вот-вот из раскрытых губ покажется раздвоенный язык. Было что-то чуждое в этом существе, как будто оно не принадлежало к нашему миру. Да, оно походило на змею. Но было в нем что-то еще, что-то неземное и совершенно отвратительное...

— Джим! — побелевшими губами прошептала Элизабет. — Джим! Что это... что это за тварь?..

— Не знаю, — сказал я. — Но сейчас выясню.

Я высунулся из окна и крикнул на существо. И сразу после этого получил сильнейший в своей жизни шок: тварь

заговорила со мной на ломаном, неестественном, но, несомненно, английском языке.

— Бедный Африка, — мигая, прошипела она. — Ты не любишь Африку...

Это произвело такой же эффект, как если бы жаба вдруг запела сопрано. И мало акцента — слова твари вызывали какой-то неопределенный ужас, как и ее внешность. Она бормотала и странно присвистывала, словно горло твари могло произносить слова на неком неземном языке.

По виду это был настоящий монстр. И он был прав — мне не нравился Африка, если это его имя. Он немного отполз, и я увидел, как при этом по телу его прошла рябь, как у извивающейся змеи.

— Ладно, может, ты отойдешь с дороги, чтобы я мог проехать? — с трудом выдавил я после секундного замешательства.

Но Африка, казалось, заснул. Глаза его закрыла какая-то пленка, плоская голова опустилась на руки. Я открыл дверцу. Элизабет схватила меня за руку.

— Будь осторожен, Джим, — взволнованно прошептала она. — Это... он может быть опасен.

— Это просто уродец, — ответил я со спокойствием, которого вовсе не ощущал. — Наверное, сбежал из цирка. Он неприятен на вид, но не опасен.

Элизабет явно не поверила моим словам. Шагая к существу, я уже пожалел, что не захватил с собой монтировку из инструментального ящика. Но возвращаться за ней не хотелось. Теперь-то я знаю, что это все равно было бы бесполезно.

Тварь потела, но маслянистая пленка, покрывавшая желтую, в разводах, кожу, не походила на обычный пот. И чем ближе я подходил, тем меньше мне все это нравилось. Существо было неподвижно, пока я не подошел почти вплотную, затем внезапно открыло черные, сверкнувшие потусторонним огнем глаза... И вдруг прыгнуло вверх, странно разматываясь, а потом стремительно пронеслось мимо меня. Не успел я повернуться, как услышал крик Элизабет. И тут закричал я сам. Поскольку человек-змея, извиваясь, пролезал в окошко машины, хватая мою жену. Она пыталась

выскочить из противоположной дверцы, но сделать это ей мешал руль. И хуже всего, что ручной тормоз, который я забыл блокировать, был, очевидно, снят во время их возни, поскольку машина медленно покатилась по крутой дороге прямо на меня. Я понял, что она слетит вниз с обрыва, если ее немедленно не остановить. Перед глазами вспыхнуло видение автомобиля, который, переворачиваясь, летит по крутому склону горы...

Машина уже набрала скорость, когда я добежал до нее. Я вскочил на подножку и распахнул дверцу, слыша тяжелое дыхание Элизабет, отбивающейся от монстра. Мельком я увидел над плечом жены лицо этого существа, похожее на искаженную дьявольскую маску, ужасную и нечеловеческую, с покрытыми пеной губами. Когтистая, как у птицы, рука схватила платье Элизабет и разорвало его на плече. Отчаянно ругаясь, я попытался дотянуться до рукоятки ручника. Все трое мы возились в темноте, и я никак не мог добраться до тормоза.

Зашелестел под колесами гравий, когда машина съехала с дороги, и я бешено рванулся вперед. Машина покачнулась, вздрогнула, но в это мгновение я схватил рычаг ручника и изо всех сил нажал его...

Элизабет обхватила меня за шею, и я вытащил ее из машины. Тварь полезла за ней, шипя от гнева. Черные бусинки глаз ярко пылали гневом и жаждой, и я почувствовал, как смертельный холод стягивает узлом живот. Я уже понял, что никак не сумею справиться с чудовищем.

Так оно и оказалось. Тварь отпустила Элизабет и бросилась на меня, снова напомнив змею, наносящую стремительный, смертоносный удар. Я успел отпихнуть с его пути Элизабет, а потом мы столкнулись, и от удара у меня перехватило дыхание. Я ударился спиной и головой о твердую дорогу. Сверкающее солнце, казалось, безумно плясало в синем, горячем, как духовка, небе. Внезапно надо мной нависло лицо какого-то злобного демона, желтая маска с извивающимися губами, которые, раскрываясь, тянулись к моему горлу. А затем я испытал совершенный ужас, увидев два острых, как иглы, блестящих клыка в черном провале пасти.

ГЛАВА II. «Их выпустил ваш кузен!»

— Африка! — прозвучала резкая команда, и давление на грудь стало слабеть, а потом и вовсе исчезло.

— Африка, уходи! — снова послышался голос.

Мир перестал безумно кружиться перед глазами. Я с трудом поднялся на ноги и увидел желтую спину Африки, исчезающую за большим валуном. Ко мне подскочила и помогла встать Элизабет с белым как мел лицом.

На крылечке хрупкой хижины Фраули стоял какой-то человек. Я смотрел, как он с удивительным проворством сбежал по ступенькам и направился к нам. Это был старик, смуглый, морщинистый, высохший, словно калифорнийское солнце выпило из него всю влагу. Глаза у него были голубыми и неожиданно молодыми.

— Вы поехали не по тому пути, — кратко сказал он.

Голос, как и ожидалось, был сухим и надтреснутым.

Я представился и объяснил, куда мы направляемся.

— А-а! — протянул он со странным выражением лица. — Так вы Джим Робсон, да? А это...

— Моя жена.

Старик вздрогнул, какая-то серая пелена опустилась на его глаза.

— Доставьте мне удовольствие, — сказал он со старомодной учтивостью, — пройдемте внутрь, — тут он заметил, как я оглянулся, и добавил: — Нет, Африка уже ушел. Больше нет никакой опасности.

Я посмотрел на автомобиль и отметил, что тот стоит на достаточно безопасном расстоянии от обрыва. Последовав за стариком, я заметил еще одного человека, стоявшего на крылечке — молодого загорелого парня, носившего, что было совершенно неестественно, пенсне, прикрепленное к отвороту широкой черной лентой. Наш хозяин, в котором я по письмам Рэнсома опознал Фраули, представил нас:

— Это доктор Кин. Он... э-э-э... из санатория, — старик заколебался. — Присядьте, я все объясню.

Комната, в которую он нас провел, казалась темной после ослепительного солнца снаружи. Когда мои глаза привыкли к полутьме, я увидел голые стены, низкую раскладушку в

углу и безупречно чистый пол. Фраули указал нам жестом на стулья и стал возиться в шкафчике, готовя выпивку. Потом протянул нам текилу — огненный, крепкий напиток. Мне это было нужно после всех приключений.

Элизабет тоже взяла у него стакан. Правда, поставила его на столик.

— Что это было... что это за тварь? — не выдержала она. — Он ведь человек, верно?

Фраули сухо хмыкнул.

— Африка уже давно живет где-то поблизости. Наверное, в горах у него есть пещера. Да, конечно, он человек, — выражение лица старика изменилось, — но я не стал бы утверждать то же самое о его... — Фраули оборвал себя, мельком взглянул на меня и повернулся к доктору Кину, который играл своим пенсне. — Это люди, о которых я вам говорил... Ну, те, что упоминал Рэнсом. Они еще не знают о... о том, что произошло.

— Да, — кивнул доктор Кин. — Мистер Хатауэй в настоящее время находится в санатории. Несколько дней назад полицейские подобрали его, идущего по дороге... в бреду.

Мы с Элизабет обменялись пораженными взглядами. Мы знали, что Рэнсом эксцентричен. Но — безумен?..

— Нет, он не сошел с ума, — спокойно сказал Фраули.

— Одежда его была изорвана, — продолжал доктор Кин, — и он болтал о монстрах... о желтых, похожих на змей монстрах, которые напали на него.

Я тут же подумал об Африке, но старик, словно угадав мои мысли, помотал головой.

— Нет, это не он. Африка, в общем-то, достаточно безопасен. Послушайте, мистер Робсон, Рэнсом сейчас находится в этом санатории, и они говорят, что он сумасшедший. Но я-то знаю, что это не так. Что-то едва не убило вашего кузена.

Кин сказал, тщательно выговаривая слова:

— Ну, вряд ли я стал бы это утверждать...

— Вы верите в это, — нахмурился Фраули, — иначе не приехали бы сюда, чтобы заняться расследованием. А я — знаю. Я живу в этих горах почти шестьдесят лет. В них всегда обитало зло, но оно было заперто. Заперто, пока ваш кузен не выпустил его на свободу.

Я ничего не сказал, только вслушался в шум на улице, где раздавались какие-то звуки — скрип гравия под ногами? Но из окна никого не было видно.

— Почему он жил отшельником в этом доме? — продолжал Фраули. — Разве так бы поступил нормальный человек? Он там экспериментировал. Пытался овладеть элементалями, обитающими в здешних горах. Эти места не для людей. Индейцы никогда не заходили в эту долину. Это было табу. Они называли ее Запретным Местом. И на то была причина.

— Ну, не знаю, — сказал доктор Кин. — В конце концов мне действительно не стоило ехать сюда. Но бред мистера Хатауэя... — он замялся и бросил на меня примиряющий взгляд, — ну, у меня сложилось об этом свое мнение, и я, наконец, решил сам сюда приехать, хотя и был уверен, что не найду здесь никаких подтверждений. Но не знаю, здесь есть что-то такое...

— Я тоже почувствовала, — внезапно сказала Элизабет. — Как только мы въехали в горы. Словно одеяло висит в небе или лист стекла. Что-то, чего нельзя увидеть или потрогать... но можно ощущать.

Фраули облизнул губы.

— Вы тоже чувствуете, — прошептал он. — Видит Бог, это реально. Иногда я слышал из дома вашего кузена такие звуки... Рэнсом совершил прорыв! — внезапно пронзительно закричал он. — Вы что, не понимаете? Он совершил прорыв! В этих горах есть нечто скрытое, нечто древнее и очень злое. Вы почувствовали это, — кивнул он в сторону Элизабет. — Но вы — городские жители. Вы и понятия не имеете, как отчетливо я, живущий в этих горах столько лет в одиночестве, чувствую их присутствие... А затем ваш кузен, дурак, попытался отпереть запертые врата!

Он вскочил на ноги. Я непонимающе уставился на него.

— Он получил то, чего добивался. Они теперь стали сильнее, потому что он помог им вырваться. Его студия... разве вы сами не чувствуете? Разве не ощущаете, как вас засасывает и оглушает этот дом... Последние ночи я вынужден запирать двери на ключ. Что-то есть у него в студии на чердаке...

Его прервал какой-то шум и грохот, которые становились все сильнее. Удары, стук камней...

Мы уставились друг на друга. Я вспомнил звуки, которые слышал несколько минут назад, и рванулся к двери. Доктор Кин последовал за мной.

Моей машины не было. Из под обрыва доносился грохот и поднималось облако пыли. Элизабет дотронулась до моей руки. Я обернулся и увидел страх в ее карих глазах.

— Все в порядке, — тупо сказал я. — Это был... наверное, это произошло случайно.

Фраули хрипло закашлялся, трясясь, белый, как бумага. Затем вернулся в дом, и я услышал, как зазвенел стакан. Затем он вышел, вытирая рукой губы.

— Вы думаете, они услышали меня... — прошептал он себе под нос. — Ну, что я говорю о них?

— Чепуха, — покачал я головой. — Этот Африка...

— Просто удача, — заявил доктор Кин, — что у меня есть машина, иначе бы мы все остались здесь, не так ли? Мне очень жаль, приятель. Нелепая случайность.

— Вам следует посмотреть, — весьма мрачно сказал я, — все ли в порядке с вашей машиной.

Кин пораженно уставился на меня. Затем развернулся и быстро пошел прочь. Я оглянулся, прежде чем последовать за ним, но никого не было видно.

— Вы не сможете их увидеть, — прошептал Фраули. — Не сможете... если они сами не захотят.

— Если я все же увижу Африку, — сказал я ему, — то отправлю его вслед за машиной.

Фраули предостерегающе покачал головой:

— Оставьте его в покое. Они рассердятся, если кто-нибудь причинит ему вред. Он... он их дитя, знаете ли.

— Что вы имеете в виду? — спросила Элизабет.

— Ну... никто не знает, кем был его отец. И вы сами видите по его внешности...

По дороге навстречу нам мчался доктор Кин, пенсне свисало у него с лацкана. У меня по спине пробежал холодок.

— Бензин исчез... полностью. Я не смог завести машину, — выдохнул он.

— Вот вам и удача, — проворчал я. — До цивилизованных мест тридцать миль... Мы не сможем пройти их по такой жаре. У вас, конечно, нет телефона, Фраули?

Тот помотал головой.

— А разве у вас нет машины? — спросил Кин. — Или хотя бы бензина?

— Нет. Прежде я пользовался машиной Рэнсома. Но не так давно с ней что-то случилось, мы так и не отремонтировали ее.

У меня появилась идея.

— Значит, у Рэнсома должен быть запас горючего?

— Ну... Да, большая бочка в гараже. Но вы же не отправитесь туда?

— И зачем я вообще приехал сюда? — покачал головой доктор Кин. — Кроме того, где еще мы сможем достать бензин?

Фраули схватил меня за руку, и я обернулся. Он смотрел мне в глаза с обеспокоенным выражением на морщинистом лице.

— Я думаю, ключи находятся в студии на чердаке. Но минутку, сынок. Я знаю, что во все это трудно поверить... Но вы же не захотите подвергать свою жену опасности, не так ли?

— Я не боюсь! — заверила Элизабет.

— Здесь нет никакой опасности, — возразил я старику. — Мы быстро вернемся.

Во всяком случае, я понимал, что Элизабет не хочет оставаться одна на горе, пока мы с Кином идем на поиски бензина. Но Фраули не отпускал мою руку.

— Не ходи туда, сынок, — с нажимом продолжил он. — Ваш кузен выпустил их... и теперь они в доме. У них есть какая-то цель, ужасная цель, которую мы и представить себе не можем. — Его костлявые пальцы больно стиснули мне запястье.

Я резко выдернул руку. И мы все втроем направились к дому, оставив Фраули смотреть нам вслед...

ГЛАВА III. Черви размером с человека!

Я смерил взглядом дом. Это было старое трехэтажное здание, длинное и уродливое, содержащее, как стало известно позднее, всего десять комнат, не считая просторной студии,

которая занимала почти весь чердак. Вниз по склону в сторону дома тянулась ржавая железная труба, видимо, трубопровод, снабжающий кузена водой. Окна были настолько грязными, что через них ничего не было видно.

Гараж оказался запертым. Доктор Кин вспомнил о словах Фраули, что ключи должны быть в студии Рэнсома на чердаке. Странно, что парадная дверь дома оказалась не на запоре и со скрипом открылась, когда я толкнул ее.

Внутри было сумрачно. Нас окутало какое-то затхлое зловоние. Элизабет закашлялась и шагнула назад.

— Фу! — сказал я. — Здесь воняет, как в могиле.

Я тут же пожалел о своих словах, потому что Элизабет немедленно заявила:

— Я не пойду туда, если ты не возражаешь.

— Ладно, — поспешно ответил я, довольный, что она так быстро сдалась.

— Ничего, если я тут осмотрюсь? — спросил доктор Кин. — Я не буду ничего трогать.

Я согласно кивнул. Постепенно глаза привыкли к полумраку, да и вонь уже не так била в нос. Я переступил порог и вошел.

Дверь в студию наверху тоже была не заперта. Я осторожно открыл ее, вглядываясь в темноту. Темнота на чердаке оказалась столь плотной, что я ничего не мог разглядеть. Она была почти материальной, как эбонитовая стена, стоявшая передо мной. Я пошарил в карманах в поисках спичек и зажег одну. При ее свете я заметил электровыключатель возле двери и щелкнул им.

Свет тут же залил чердак. Я заморгал, потом сообразил, что ток, очевидно, поставляли аккумуляторы. Ведь электрические провода не были протянуты по этим пустынным местам.

Пол на чердаке оказался голый, без всяких ковров, покрытый местами какими-то темными пятнами. У стены стояла потертая кушетка, подставка для кистей, красок и прочих атрибутов живописца. Тут же находился мольберт, но без холста. А затем, на дальней стене, я увидел последнюю картину Рэнсома Хатауэя.

Это было ужасно!

На ней была изображена пещера, обширная, мрачная, почему-то похожая на туннель метрополитена. На переднем плане виднелся алтарь, на котором горело синее пламя. Темнота, казалось, напирала со всех сторон, ожидая момента, когда пламя замерцает и погаснет.

В темноте не было ничего ясно различимого, кроме случайных отблесков на влажных стенах, но Хатауэю удалось с какой-то дьявольской искусностью передать впечатление присутствия неких жутких существ, затаившихся вне островка света, созданного пламенем. Они были, как я уже сказал, почти неотличимы от мрака, только местами виднелись проблески желтой кожи, одутловатой, словно отечной, да едва заметный блеск глаз, казавшихся глазами мертвецов, но все же светящихся каким-то ужасным потусторонним светом.

Неудивительно, что Хатауэй не мог продать свои картины! Дорэ и Гойя отходили на второй план при виде его ужасной живописи. Кузен был художником, вытаскивавшим на свет божий все скрытое в природе Зло и изображавшим его с садистским наслаждением.

Затем дыхание замерло у меня в горле. Я услышал, как что-то поднимается по лестнице на чердак!

Картина взволновала меня. Это было единственным объяснением моих следующих действий. Я съежился, как загнанный в угол зверь, и резко распахнул дверь.

За ней, разумеется, стояла Элизабет.

— Извини, — сказала она, уставившись на мое бледное лицо. — Я напугала тебя, Джим? Я волновалась. Вы так долго не появлялись...

Я даже не почувствовал, сколько времени провел на чердаке. Элизабет прошла мимо меня, и я услышал внизу торопливые шаги. Потом на лестнице появился доктор Кин.

— Ну, — поинтересовался я, — нашли что-нибудь?

— Только вонь и паутину, — отрицательно покачал головой он. — И довольно много странных картин. У вашего кузена они развешаны по всему дому. Я рассмотрел одну — на ней стояло название «Охота», — и она заставила меня поежиться. Жуть какая-то!

Только тут я заметил маленькие бисеринки пота у него на лбу. Кин снял пенсне и принялся старательно протирать его.

Я повернулся, но Элизабет рядом не было. Затем я услышал ее слабый вскрик — она тоже увидела картину.

— Не смотри на нее, — вскрикнул я, бросаясь к ней.

— Не трогай меня! — странным голосом резко бросила она.

Я пораженно уставился на жену. А потом застыл на месте.

Прямо у меня на глазах она изменялась! Что-то странное, неопределенное, словно неосязаемая завеса, окутывало молодую женщину — темная завеса, кружащаяся, корчащаяся. Элизабет, казалось, боролась с ледяным ветром, который дул на нее с картины. И лицо ее тоже изменялось.

Я не могу это описать. Это было подобно тому, что происходит с пейзажем, когда солнце заходит за облачко. Какая-то завеса окутала мою жену, как, мелькнула мысль, саван...

Внезапно все вдруг закончилось. Или это было лишь мое воображение? Я ни в чем не был уверен, но страх охватил меня, когда я схватил Элизабет за плечи и легонько встряхнул. Она странно посмотрела на меня и спросила:

— В чем дело?

Когда завеса исчезла, странное выражение тоже покинуло ее лицо.

— Ты... Мне показалось... — пробормотал я и замолчал.

— Картина, — поежилась она. — Джим... Рэнсом действительно безумен.

К нам подошел Кин.

— Недоделана, — сказал он, — но что-то есть в картинах вашего кузена... — доктор задумался, затем медленно продолжил: — Я помню, как Хатауэй повторял в санатории одну вещь... Повторял много раз. Он кричал снова и снова: «Я не могу удержать их в картине!»

— Что? — недоверчивый смешок замер у меня на губах.

Поскольку я стоял лицом к нему, то повернулся, чтобы взглянуть на картину, от которой я старательно отводил глаза.

— Что случилось? — спросила Элизабет, поскольку я тупо стал повторять:

— Это... освещение... вот именно. Все дело в освещении...

Я должен был заставить себя поверить, что все дело в освещении, что прежде я не видел картину отчетливо. Потому что, разумеется, картины не меняются. По крайней мере, обычные картины.

А эта изменилась! Игра света? Так говорил я, но не мог убедить даже себя. Дело было не в свете. Изменилась картина. Это было невозможно, но я видел, что неясные прежде существа из тьмы вышли вдруг в холодный синий свет, беспощадно показавший их во всех чудовищных деталях!

Слизняки, черви — величиной с человека! Желтые, раздувшиеся, бесформенные, вызывающие тошноту, которую каждый испытывает при виде ползущего слизняка. Эти существа и были слизняками, превращенными каким-то ужасным образом в омерзительные подобия человека.

Синий свет на картине стал ярче, и теперь было видно отверстие прохода в стене пещеры, из которой выползало одно из этих существ, чтобы присоединиться к остальным. Его дряблые, бескостные руки свисали вдоль туловища, одна короткая нога была поднята, чтобы сделать шаг. Гладкое желтое лицо блестело от какой-то маслянистой слизи, а странно человеческий рот был полуоткрыт, обнажая два блестящих клыка — точно таких же клыка, как у этого монстра, Африки!

Я не стану даже пытаться передать весь тошнотворный ужас, который внушила мне эта картина. Дрожа, я шагнул назад, почти ожидая, что существа на картине развернут свои уродливые головы и уставятся на меня.

— Джим! — донесся до меня голос Элизабет.

Я заставил себя успокоиться. Не к чему было пугать жену. В конце концов я же всегда могу убежать от картины? Безрассудная храбрость, которая всегда является следствием трусости, заставила меня остаться в студии — и смолчать.

Кин странно посмотрел на меня.

— Все в порядке, — заверил я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Тут очень жарко.

Так оно и было. В помещении стояла жара, как в духовке. Кин не выглядел успокоившимся, но кивнул и подошел к столу.

— Смотрите, — сказал он, — вот это, наверное, и есть те ключи.

Он позвенел ими, довольный, что есть повод уйти, и поспешил покинуть студию, я последовал за ним. Внезапно я вспомнил про Элизабет и обернулся. Она стояла перед картиной, уставившись на нее с тем же странным, пугающим выражением лица. Я вернулся к ней.

По пути я услышал, как Кин спускается по лестнице. Хлопнула дверь. Я коснулся плеча Элизабет. Она повернулась, и я обнял ее.

— Джим, я боюсь, — прошептала она. — Эта картина... она просто завораживает меня.

— Пойдем, — сказал я. — Как только мы выйдем на воздух, тебе станет лучше.

Она кивнула. Мы вместе пошли к двери.

И тут я услышал, как кто-то идет вверх по лестнице. Кто-то, очень спокойно идущий в полумраке.

— Кин! — резко позвал я.

Тишина. Затем свистящий, невыразительный голос с каким-то отталкивающим, воркующим акцентом произнес:

— Бедный Африка...

Я уловил отблеск желтой кожи. Резкое дыхание становилось все громче. Зеленые глаза, горящие в темноте, уставились на меня.

— Славная леди, — проворковал монстр.

И засмеялся.

ГЛАВА IV. Сквозь картину

Не имелось никакого способа запереть дверь, а мебель была слишком легкой, чтобы соорудить баррикаду.

— Оставайся здесь, — попросил я Элизабет. — Я попытаюсь его остановить.

— Нет, Джим! Ты не сможешь...

Я решительно закрыл за собой дверь и стал спускаться, чтобы встретить Африку. Красный туман гнева ослепил меня, когда я бросился на него. Прикосновение к влажной, слизистой коже было противно. Он попытался устоять, но я был слишком тяжел, и мы оба покатились по лестнице. Я позвал Кина, но тут же решил, что не стоит зря тратить силы. Мне они еще пригодятся. И снова меня поразили змеиные способности этого существа. Его мышцы, казалось, скользили под кожей, и если у него и были кости, то я не мог их нащупать. И он был феноменально силен. Мы ударились о

стену у подножия лестницы, и я услышал, как он что-то проворчал. Затем почувствовал, как его большие пальцы пытаются найти мои глаза.

Я заблокировал их рукой, а второй схватил Африку за горло. Оно оказалось мягким, но мне показалось, что он не почувствовал боли. У меня возникла ужасная мысль, что этот монстр вообще не нуждается в воздухе. Но он вырвался из моей хватки. В полумраке старинного дома мы вскочили на ноги и попытались разглядеть друг друга. Затем он бросился на меня. Я попытался остановить его жестким ударом в лицо, но опоздал — он кинулся. В самый последний момент мне удалось увернуться.

Африка пролетел мимо, рыча от ярости. Я почувствовал, что навалился боком на перила — перила лестницы, ведущей на первый этаж. Когда он снова обернулся ко мне, у меня появилась одна мысль. Африка бросился на меня, а я мгновенно пригнулся.

Мой план удался. Инерция потащила его вперед, его рука ударила меня в бок, от чего перехватило дыхание, а затем раздался треск ломающегося дерева. Африка закричал, вцепился в меня, и мы оба полетели в темноту...

Мне повезло. Упали мы оба, но я оказался сверху. Тело человека-змеи смягчило падение, и я остался невредим. На мгновение я замер, дрожа, ожидая, что вот-вот руки противника ухватят меня за горло. Но Африка лежал подо мной неподвижно.

Смутно я услышал какой-то звук. Сначала он был еле слышен, как писк москита, затем постепенно начал усиливаться, пока не превратился в какое-то странное скандирование, доносившееся сверху.

Элизабет! У меня не было времени обдумать, нормален я или спятил. Я лишь знал, что ревущее скандирование было совершенно реальным, и доносилось оно с чердака, где я оставил Элизабет. Скандирующие голоса ревели нечленораздельно — неужели эти ужасные звуки могли выкрикивать люди?

— Трог Чхайя триггга... кадшш Чхайя... Юим Чхайя...

Голоса уже превратились в вопли дьявольского хора в аду.

Я понесся вверх по лестнице, в пульсирующую угрозой темноту. И почти оглох от рева, когда вбежал в студию.

— Чхайя!.. Инь Чхайя!

Вокруг меня во мраке шевелилось какое-то неземное зло. Темнота наползала, стараясь меня сокрушить, пока я бежал вверх. И внезапно я понял, что адские крики смолкли. Я распахнул дверь в студию.

Внутри была темнота — темнота, пульсирующая ужасающей жизнью!

И послышался шепот, омывая меня, как ледяной водой, — свистящий, неземной шепот:

— Трог Чхайя... Чхайя...

Я провел рукой по стене и щелкнул выключателем.

Чердак тут же залил яркий свет. Студия была пуста!

Мои глаза устремились к картине. Не знаю, почему я сразу же не вспомнил о ней. Возможно, подсознательно оттягивал мрачный момент, когда увижу нечто чудовищное. Но когда я глянул на картину, то чуть не потерял сознание. Это было нечто столь невероятное, столь отвратительное, что у меня закружилась голова.

Эта проклятая картина опять изменилась! На ней попрежнему была пещера с горящим на алтаре синим светом. Но теперь орда похожих на слизняков существ исчезла. Осталось лишь одно, идущее к алтарю. А на руках у него, полускрытая раздувшимся телом, лежала женщина... Элизабет!

На какое-то время мой разум опустел. Меня накрыл водоворот горя и ужаса. Потом я бушевал на этом проклятом чердаке, лупил кулаками по стенам, пока с них не начала капать кровь. С безумной яростью разбил мольберты и стол...

Что-то упало из открывшегося ящика опрокинутого стола. Я замер, чувствуя, как ко мне возвращается способность мыслить. Это была книга, точнее, дневник. Дневник Рэнсома! Возможно, в нем я отыщу какую-нибудь подсказку...

Записки кузена была написаны карандашом, небрежные, местами неразборчивые. Одни были датированы, другие — нет. Я начал читать с той, что, очевидно, была первой, хотя и продолжала предыдущую, оторванную страницу. Я прочитал:

...возможность добиться соглашения. На это есть безошибочные намеки. О них говорится в «Тайной книге Дзиэн» — «Семь Хозяев, бескостных, не могут дать жизнь существам

с костями. Их потомство называется Чхайя». И этого можно достичь с помощью картины. Это предполагал Блэквуд, на это намекал Лафкадио Хирн. Картины, которые оживают. Мраморная статуя Пигмалиона. Картина Аппельса, лошади на которой временами ржут. Моя задача не так трудна. Я должен написать картину — символ — реальности, долго державшейся в тайне, с древними существами, населяющими эти горы в ином измерении. Символ и реальность могут быть объединены правильными заклинаниями. И если я сумею прорваться...»

Следующая запись была сделана две недели назад.

Картина почти закончена. Я уже слышу их голоса в горах.

Ищу нужные заклинания и имена. С Черной пентаграммой кое-что получается, но очень слабо. Нужно найти...

Далее было слово, которое я не смог прочитать, так как у писавшего затупился карандаш. Во мне копошился странный, неземной ужас, словно лунная дорожка в солнечном свете. Я прочитал следующую запись:

Заклинание вызывания и жертвоприношение сделали прорыв! Картина завершена! Теперь это — дверь в Круру... (несколько непонятных слов) *можно войти. Они проходят через картину. Они посетили меня вчера вечером, оставив слизистые следы на полу. Мы еще не можем понять друг друга. Они слишком чуждые. Я чувствую, что у них есть какая-то цель...*

Следующая запись делалась поспешно и была очень неразборчивой. Я быстро прочитал ее, хотя о значении некоторых слов приходилось лишь гадать:

...из Чхайя. Кажется, я понял их цель. Они пытаются... (две строчки совершенно нечитабельны) ... но невозможно. Я ошеломлен, не знаю, что делать. Я зашел слишком далеко, ворвался в иной мир, мир богохульного зла. Они проходят

через карт... Они не могут! Это невозможно! Плоть и кровь будут...

На этом дневник закончился. Я тупо глядел на страницы, безумные мысли проносились в голове. Рэнсом действительно каким-то образом при помощи своих странных картин открыл врата в иной мир и выпустил в наш орду демонов? Элизабет... О, Боже! У меня вырвалось сухое рыдание.

Внезапно я принялся пораженно озираться. Я почувствовал на себе чей-то взгляд — враждебный взгляд. Но студия была пуста. Да, пуста... не считая картину. Эти холодные мрачные глаза глядели на меня с картины? Там было что-то... Я почувствовал дрожь. До моих ушей донесся шепот, ужасный, неземной:

— Чхайя... Юим Чхайя...

Все завертелось...

ГЛАВА V. Врата ада открываются

Очень медленно ко мне возвращалось сознание. Из темноты раздался чей-то напряженный голос:

— Джим, ты в порядке?

Я открыл глаза и замигал, привыкая к синему полумраку. Я находился в пещере с голыми каменными стенами и низким потолком, который, казалось, давил на меня. У стены напротив стоял металлический треножник. А на нем горело синее пламя, ровный язык которого почти касался потолка. Его отсветы бросали жуткие тени на лицо Элизабет.

Я был связан по рукам и ногам жесткой, колючей веревкой. Так же, как и Элизабет. За ней я увидел лежащего на полу человека.

— Слава Богу, я нашел тебя, дорогая, — с облегчением сказал я. — Со мной все в порядке. А кто там лежит?

— Доктор Кин.

Когда Элизабет произнесла это имя, лежащий простонал и с трудом сел. Лицо его, измазанное кровью, было ужасным в странном свете. Глаза жутко блестели.

— Робсон, — сказал он напряженным голосом, — мы что, все сошли с ума? Что произошло с вами?

Я коротко рассказал ему. Кин недоверчиво покачал головой и попытался порвать веревку, стягивающую ему запястья.

— Это невозможно... невероятно! Это существо, Африка, должно быть, где-то пряталось и позволило мне спуститься по лестнице. Оказавшись на первом этаже, я прошел в гараж, нашел там бензин, а потом обнаружил, что заперт. У меня ушло много времени на то, чтобы сломать дверь. Мне пришла в голову новая мысль.

— Вы видели Африку после этого?

— Нет. Должно быть, он пришел в себя и ушел. А возможно, кто-то — или что-то, — его унесло.

Я увидел, как он взволнованно покусал губу и зачем-то подумал, что случилось с его пенсне?

— Я поднялся на чердак, — продолжал Кин, — но там никого не оказалось. Там было все разгромлено. Единственной вещью, которая уцелела, была картина. Робсон! — голос его был жутко спокоен. — Я увидел вас на этой картине! Монстр нес вас по освещенной синим огнем пещере — огнем, горящим на алтаре...

На какое-то время он замолчал, затем продолжил рассказ. С ним произошло то, что я уже испытал сам. Закружилась голова, и он потерял сознание, чувствуя на себе жуткий, злобный взгляд.

Картина, висящая на стене над потерявшим сознание человеком... Жуткие видения появились у меня в голове, видения невероятной метаморфозы, произошедшей в то время, пока мы были...

Что же произошло на чердаке, пока мы были без сознания?

Элизабет не могла пролить свет на эту проблему. Ее история была еще менее подробной, нежели моя. Она потеряла сознание, а когда очнулась, то увидела, что на нее смотрит ужасное, нечеловеческое лицо...

— Во всем виноват ваш кузен, Робсон! — внезапно истерично заявил доктор Кин. — Я должен был послушаться Фраули. Если эта проклятая картина — врата в иное измерение... — Голос его поднялся до задыхающегося крика. — Что же теперь с нами будет?!

Меня внезапно пробрал безумный смех. Что-то — что угодно — могло случиться с Элизабет, а я, связанный и беспомощный, не могу даже пальцем пошевелить.

Неземной синий свет мерцал на стенах.

— Джим, — спокойно сказала Элизабет, — сюда кто-то идет.

Раздался металлический скрип, и в пещере появился Африка! В глазах-бусинках человека-змеи горели злобные огоньки, он с негодованием смотрел на меня. Но все же это был человек, а не некий ужасный монстр из иной вселенной. Это может показаться невероятным, но при виде него я испытал облегчение.

Однако облегчение это было недолгим. Потому что за человеком-змеей, отбросив гротескную шевелящуюся тень на стену, появился истинный ужас! Я услышал, как вскрикнула Элизабет и эхом ей отозвался Кин. Я сам закусил губу и ногтями впился в ладони, чтобы удержаться от вопля при виде этой... твари...

Это был Чхайя! Тварь с картины ожила! Реальный, чудовищный слизень размерами с человека...

Он шагнул к нам, а человек-змея безумно прыгал вокруг него. Я услышал, как Кин что-то бормочет, и понял, что он повторяет слова старого Фраули: «В этих горах всегда обитало зло. Но оно было заперто. А ваш кузен выпустил его!»

Выпустил этот ужас, эту карикатуру на человека! Жуткая, неземная жизнь породила мерзость...

Желтое существо, похожее на червя! Блестящее от маслянистой слизи, уродливое подобие человека!

Оно сделало жест своей уродливой рукой, Африка подскочил ко мне и легко поднял на руки. Связанный, я был беспомощен в его объятиях. Я почувствовал, что меня несут из пещеры через узкий проход в скале. Позади шел Чхайя, неся извивающегося Кина.

Туннель закончился большой пещерой, которую я с ужасом узнал. Знакомый алтарь с горящим на нем синим пламенем — это была пещера с картины. Я пребывал вне себя от страха, но разум стал вдруг холодным и ясным. Африка небрежно бросил меня на камни и подошел в странному механизму в стене. Там было зубчатое колесо и черная продолговатая площадка.

Все это походило скорее на стул. Меня подняли и крепко привязали к нему. Человек-змея повернул колесо. Пещера закружилась перед глазами, когда я стал вращаться. Постепенно безумное вращение замедлялось.

Когда оно совсем прекратилось, я понял, что меня очень медленно перемещает в центр пещеры. Находясь на высоте пяти футов над полом, невидимый шкив медленно и неуклонно приближал меня к алтарю, где горел синий огонь.

Ниже меня этот огонь освещал три лица — бледное, полное ужаса лицо Кина, злорадное — Африки, и ужасную, нечеловеческую маску Чхайи.

— Инь Чхайя... — заговорил человек-змея, — скоро вы тоже станете Чхайя, — он показал на алтарь. — Огонь сделает вас Чхайя.

Очень медленно существо-червь кивнуло своей уродливой головой. Затем снова поднял Кина и удалился с ним в темноту. Африка заколебался, потом последовал за ним. Я принялся извиваться в путах. Синий цветок пламени бесшумно цвел на алтаре. Через несколько минут механизм поднесет меня к нему, чтобы совершить какую-то ужасную метаморфозу, природу которой я не мог постичь.

Теперь, под угрозой страшной неведомой смерти, мой мозг стал работать стремительно и рационально. Не знаю, может быть, ужасы, через которые я прошел, вытолкнули меня за пределы человеческой выносливости. Я лишь понимал, что не могу больше вынести весь этот фантастический кошмар, не найдя ему какого-либо рационального объяснения. Я уже чувствовал жар от пламени на алтаре. Пока это было еще просто приятное тепло. И внезапно я кое-что вспомнил... одну деталь... маленькое упущение... Это направило мои мысли в ином направлении. Я принялся быстро восстанавливать в памяти события — и затем меня ослепила правда, чудовищная правда!

ГЛАВА VI. Двое должны умереть

Еще несколько мгновений назад мне стало бы жутко, когда в пещере снова появился Чхайя. Но теперь у меня был ключ к происходящему.

— Привет, Рэнсом, — очень спокойно сказал я.

Ужасная голова дернулась, как от удара. Затем под чудовищный желтой маской раздался человеческий голос:

— Значит, ты все понял, верно, Джим? А я-то гадал, поймешь ли.

Две опухшие лапы поднялись и сняли маску. Я мельком увидел бледное лицо и неестественно горящие глаза — лицо и глаза моего кузена Рэнсома Хатауэя. Он подошел к стене и щелкнул выключателем, остановив мое продвижение к пламени, а потом опустил маску на место.

— Мне просто интересно, Джим, как ты догадался?

Я напряг руки, пытаясь незаметно порвать веревку и, чтобы потянуть время, ответил:

— Картина. Монстр, который нес Элизабет. На ней можно было различить только ее лицо — и ничего другого. Разумеется, ты ведь не знал, в каком она будет платье. Но ты допустил ошибку, нарисовав ее с короткими волосами. Ты ведь не знал, что с тех пор, когда ты видел ее последний раз, она отпустит длинные.

Под маской было тихо. Затем голос Рэнсома произнес:

— Надо же, какой умник! Но это не поможет тебе — конечно, ты должен будешь сейчас умереть. Я даже рад, что перед смертью ты узнаешь, что я получил все, что хотел.

Я продолжал натягивать связывающие меня веревки.

— Ты сошел с ума, Рэнсом. К чему все это...

— Ты женился на Элизабет, — проворчал он. — И ты, черт побери, богат, в то время как я, со всей своей гениальностью, не могу продать свои картины ни за деньги, ни за любовь!

— Элизабет никогда не любила тебя, — сказал я. — Она сама сказала мне это...

Было ужасно слышать его неистовый голос, исходящий от бесстрастного лика маски:

— Ты лжешь! Ты украл ее у меня, свинья! Ты со своим богатством... еще посмел давать деньги мне, одному из величайших художников!

Странная штука — гениальность. Может, мой кузен и был гением, не знаю. Но тогда я понял, что с ума его свели постоянные размышления о своей бедности и отсутствии признания его как художника.

Мне показалось, что путы слегка подались. Я попытался поверить в то, что это так.

Рэнсом собрался уйти, и я поспешно спросил:

— И чего ты хочешь добиться этим?

— Я не предвидел, что здесь появится Кин, — пояснил он скорее себе самому, нежели мне. — Но он займет твое место. Я снова усыплю его...

Я не смог подавить вздох. Он захихикал.

— Да... все дело в картине. В ней и в скользящей панели в стене, которая выходит на потайную лестницу. У меня была масса времени, Джим, чтобы реконструировать дом, — он махнул раздутой рукой вбок. — Вон там лестница, ведущая на чердак. Она скрыта в стене, поэтому мне было легко менять картины, приготовленные заранее, в нужные моменты. И так же легко пустить на чердак усыпляющий газ. Что же касается Фраули, то он просто дурак. Он суеверен, и мне удалось отпустить при нем несколько упоминаний о Чхайя... А также мне помог Африка. Уродец считает... — в голосе Рэнсома прозвучала ирония, — он верит во все это представление. Он верит, что его отцом был монстр из иного измерения, он называет меня Чхайя, а меня забавляет возможность поддерживать такое отношение. Позже я избавлюсь от него.

— Так он не...

— Он просто кретин, — резко перебил меня Рэнсом, — урод. Клыки? Разумеется, искусственные. Он мало чем отличается от животного и, хотя знает о секретном проходе на чердак и лестнице в эту пещеру, даже не подозревает об истинном положении дел. Я для него бог — и это мне нравится. — Рэнсом расхохотался. — Ты хочешь еще что-нибудь узнать?

— Да, — подтвердил я. — А что потом?

Он понял мой вопрос.

— Как я уже сказал, Кин займет твое место. Я усыплю его, и он проснется на чердаке. К этому времени я уже вернусь в санаторий — у меня тут неподалеку спрятана машина, а кое-какие взятки обеспечат алиби. Дежурный в санатории поклянется, что я провел там весь день. Кин расскажет свою историю, и, независимо от того, поверят ему или нет, газеты

поместят ее на первых полосах. А будет гласность — и мои картины станут известными, как они того и заслуживают!

— И ты получишь славу, — добавил я.

Он пропустил мои слова мимо ушей.

— Потайной ход хорошо замаскирован — его никто не обнаружит. Хотел бы я, чтобы ты увидел все это, Джим, — какая была бы ирония! Я бы добился славы благодаря тебе! Но пусть лучше доктор Кин поведает свою историю. Я без проблем унаследую твое состояние. Видишь ли, я знаю, что ты не оставил завещания.

Я не добился никакого прогресса с веревками.

— А что будет с Элизабет?

— Она тоже умрет! Когда-то я любил ее. Но у нее хватило безрассудства отказаться от меня. Так что вы оба умрете — и Элизабет присоединится к тебе. Вот так-то!

Он повернулся к стене и щелкнул переключателем. Я почувствовал движение, когда кресло, к которому я был привязан, снова поехало к алтарю. Казалось, миновала целая эпоха — на самом деле прошла лишь пара минут — когда я услышал чьи-то осторожные шаги. Я повернул голову, прекратив бесполезную борьбу с путами. Из туннеля вышел Африка.

— Африка! — закричал я.

Он остановился и завертел головой.

— Африка, выключи эту штуку! — кивнул я на стену.

Он отрицательно покачал головой. Я вспомнил, как Рэнсом сказал, что Африка считает моего кузена Богом. Если бы я только мог открыть бедняге правду о нем...

Я попытался. Бог знает, как убедительно я попытался донести до тусклого ума человека-змеи эту простую истину. Но Рэнсом был прав. Африка мало чем отличался от животных. Он не мог понять, или понимал, но не мог поверить, и лишь что-то шептал себе под нос.

Я был уже неприятно близко от пламени. К счастью, кресло передвигалось по шкиву очень медленно.

Внезапно бормотание Африки стало членораздельным.

— Славная леди, — бормотал он. — Славная леди.

Это навело меня на мысль о последней возможности. Посмею ли я попытаться? Я знал, что если потерплю неудачу, последствия будут ужасными — не для меня, для Элизабет.

— Где славная леди? — вырвалось у меня.

Африка ткнул рукой в сторону туннеля.

— В клетке. Чхайя не пускает меня. — Он гротескно выпятил свою грудь. — Я Чхайя!

— Ты не можешь открыть клетку, Африка? — быстро спросил я. — А я могу.

Африка уставился на меня. Пламя, как стало понятно вблизи, газовое, было уже совсем близко.

— Ты... откроешь клетку?

— Да, Африка. Открыть тебе клетку? Тогда ты сможешь войти к... славной леди. — Он с сомнением уставился на меня, и я закричал: — Быстрее! Останови эту штуку, иначе я не смогу открыть для тебя клетку!

Это словно пробудило его. Извилистым, невероятно быстрым движением человек-змея метнулся к стене. Я почувствовал, что меня относит от алтаря и опускает на пол, и чуть было не потерял сознание от облегчения. Но самая трудная задача была еще впереди. Африка поднял меня с кресла, ослабляя путы. Посмею ли я сейчас напасть на него? Нет, сначала нужно найти какое-нибудь оружие.

— Мне нужен нож, чтобы открыть клетку, — сказал я. — У тебя есть нож?

Он замигал и покачал головой. Затем повернулся к стене, в которой был механизм, приводящий в движение шкив, и достал из него короткий, но тяжелый металлический стержень.

— Он прекрасно подойдет, Африка, — заверил я. — Идем!

Железные пальцы стиснули мне руку. Человек-змея нахмурился, сомневаясь.

— Инь Чхайя...

— Славная леди... Идем, — внушительно повторил я, приготовив металлический стержень.

Он кивнул и пошел впереди.

Это был проход, через который меня недавно принесли сюда. В конце его Африка остановился, замялся и нерешительно сказал:

— Чхайя со славной леди.

Я прислушался, но ничего не услышал. Наверное, слух человека-змеи был острее моего. Я отчаянно ломал голову, пытаясь что-нибудь придумать. Потом в голову пришла одна

мысль. Я прошептал команду Африке, и тот кивнул. Потом ушел. Через мгновение я услышал его голос у железной решетки:

— Чхайя!

Неужели этот кретин все сделает правильно?.. Да!

— Чхайя! Человек убежал!

Я услышал быстрые шаги и напрягся. Раздался металлический скрип. Тогда я выскочил из туннеля, держа свое оружие наготове. Бесстрастная маска слизня возвышалась позади Африки, а за ней я увидел бледную Элизабет, прижавшуюся к стене пещеры. Она тоже увидела меня.

— Джим!

Боже мой, неужели все пропало?

Внезапно Африка остановился, и Рэнсом в своем ужасном маскарадном наряде наткнулся на него и завозился, сунув руку под свою одежду. Казалось, я никогда не добегу до него.

Элизабет закричала. Краешком глаза я увидел, что она отбивается от человека-змеи. Тут я заметил раздутую руку Рэнсома с зажатым в ней пистолетом. Выстрел раздался как раз в тот момент, когда я изо всех сил метнул железный стержень.

Кузен в толстых перчатках действовал неуклюже, и это спасло мне жизнь. Я почувствовал, как что-то горячее пробороздило щеку. Затем раздался отвратительный хруст ломающейся кости — стержень попал в цель.

Я сразу же подхватил с пола упавший пистолет. Рэнсом скорчился на полу, схватившись обеими руками за маску слизняка. Я отошел, поднимая дуло пистолета. Африка стоял на коленях, точно кошмарный демон, склонившись над лежащей Элизабет. Его руки разорвали на ней платье.

— Африка! Стой! — крикнул я.

Он обернулся и, увидев пистолет, прыжком бросился на меня, брызги пены летели из его открытого рта. Человек-змея был меньше, чем в трех футах от меня, когда я выстрелил ему в грудь и отпрыгнул назад, держа оружие наготове. Но в этом уже не было необходимости. Африка остановился и рухнул на четвереньки, но затем выпрямился, пытаясь подняться, в замешательстве завертел головой... И внезапно увидел Рэнсома. С того слетела маска слизняка и валялась

рядом. Пот струился у него по лицу. Он тихонько поливал меня непристойной бранью.

Африка поднялся на ноги. Я вскинул пистолет, но в этом не было необходимости. Редкостная живучесть кретина удивляла, и я оказался не готов к его дальнейшим действиям. Он подскочил к Рэнсому, взвалил того на плечо и выскочил из пещеры, прежде чем я успел шевельнуться!

Оклик Элизабет остановил меня, когда я повернулся, чтобы бежать за ними. Тогда я пожал плечами и двинулся к жене, но все равно чувствовал, что веду себя неблагоразумно, позволяя им убежать. Мы пока еще не выбрались из этих мрачных пещер. Я быстро развязал Элизабет. Она была бледной и вся дрожала, когда обхватила меня.

— Я боялась, что он убил тебя, Джим. Он хвастал...

— Он чуть было не добился своего, дорогая, — вздохнул я. — Вставай. Нам нельзя терять времени даром.

Но она не двинулась.

— А Кин? Он находится там... — Элизабет отпустила меня, подбежала к стене и стала возиться с каким-то выступом, одновременно говоря через плечо: — Я видела... он... унес Кина туда...Потом он сказал мне, что собирается усыпить его газом.

Секция каменной стены внезапно раскрылась, и оттуда, моргая, вышел доктор. Я не дал ему времени на расспросы.

— Идемте! Позже я все объясню. Нужно поскорее убраться отсюда!

Лицо Кина выглядело ошеломленным, но он только молча кивнул и в сопровождении меня и Элизабет вышел из каменного закутка. Жена прижалась к моему боку.

— Ты знаешь, как выйти отсюда? — спросила она.

Я рассказал о тайном проходе, о котором поведал Рэнсом.

— Но нужно спешить. Я боюсь, что те двое могут что-нибудь сделать.

Мы миновали проход, и я снова увидел пещеру с неясно вырисовывающимся алтарем, на котором горело синее пламя. В то же мгновение неприятный запах ударил мне в нос.

Когда мы увидели то, что там находилось, я опустил пистолет, а Элизабет вскрикнула, после чего уткнулась лицом в мое плечо. Я услышал, как Кин всхлипнул от ужаса.

— Бедняга! — сказал я, сам не зная, кого имея в виду.

Возможно, Рэнсом Хатауэй заслужил свою участь. Видит Бог, это было справедливо! Человек-змея вовсе не хотел его спасти — нет! Точно так же, как любовь Рэнсома к Элизабет превратилась в ненависть из-за ее брака со мной, так и слепая вера Африки в Чхайю изменилась, когда он понял, что обманут и предан.

Африка лежал перед алтарем, скрюченный и неподвижный, с отвратительной торжествующей усмешкой на лице. Иногда в кошмарных снах я все еще вижу его таким и, дрожа, нахожу утешение в объятиях Элизабет. Остекленевшие глаза Африки смотрели вверх, в потолок большой пещеры, освещенной синим пламенем, горящим на алтаре, на котором лежал черный, обугленный труп!

ОБИТАТЕЛЬ СКЛЕПА

Угроза. Ночь была наполнена ею. Пока я стоял перед почерневшей от времени дверью Суссекского замка, слушая быстро удалявшийся шум двигателя, замиравший в темноте, и чувствовал тот же ужас, что охватил мою жену, Люсиль, отправляя нас за грань безумия. Затем раздались слабые, приглушенные, словно идущие из глубокого подземелья звуки, вторящие звукам машины поспешно уехавшего проводника. Словно что-то глубоко под землей проснулось и тяжело двинулось посмотреть, кто там его потревожил! Я тогда не знал о склепе под замком, но чувствовал нечто неправильное, нечто злое, что, казалось, обитало в этих покрытых лишайником стенах. Люсиль прижалась ко мне. В голубых глазах плескался страх.

— Джим, — прошептала она, и я заметил, что она дрожит, — ты чувствуешь это... то, о чем рассказал проводник?

— Чепуха, — ответил я, надеясь заставить ее поверить моим словам. — Он сказал, что под замком живет дьявол и что мы сами почувствуем зловонный запах его дыхания. Очевидно, он не подумал, что из рва тоже могла доноситься та еще вонь!

Все так и было. Черная вода рва, частично покрытая зеленой пеной, источала ужасное зловоние. Перейти этот ров можно было только по узкому каменному мосту. Я задал в пространство риторический вопрос, прекратится ли это зловоние когда-нибудь. Люсиль повернулась ко мне, чтобы ответить, но в это время открылась дверь. Из мрака появился изможденный, с бледным лицом человек, седой старик с яркими темными глазами на бескровном морщинистом лице.

— Ну, и что вам надо? — спросил он высоким скрипучим голосом. — Вы находитесь на частной...

— Я Джим Мэйсон, — прервал я его, — ваш племянник. Вы что, не помните меня? А это моя жена.

Он с подозрением всмотрелся в мое лицо.

— Ну... да. Ладно, ты Джим. А что ты делаешь в Суссексе?

— Мы с Люсиль проводим медовый месяц. Фактически, — я слегка заколебался, — мы запланировали лишь краткий визит, просто чтобы поздороваться. Но водитель уехал в такой спешке, что я не успел попросить его подождать. Мы планировали остаться на ночь в деревне...

Странная усмешка появилась на лице старика.

— Им не нравится мой замок, Джим. Ну, входи же. И вы тоже, миссис Мэйсон. Как вас зовут? Прекрасно. Я буду звать вас Люсиль. Я — Мартин Эрджилл. Джим, конечно, рассказывал вам обо мне.

Он взял мою жену за руку, чтобы провести в двери, а я остался заниматься багажом. Нахмурившись, я последовал за ними с чемоданами в руках. Мне почему-то не понравилось, как рука дяди держала обнаженную руку Люсиль — словно когти хищной птицы, отвратительно лаская кожу.

— Оставьте чемоданы в холле, — сказал он через плечо, открывая обшитую панелями дверь. — Входите.

Комната, куда он нас привел, была довольно удобна, в большом камине горел огонь. Но в углах высокого потолка скрывались неприятные тени. Они всегда имелись в замке, даже среди бела дня. Просто удивительно, что тени могут быть столь неприятными.

— Кент! — резко бросил Эрджилл.

Разбуженный человек вскочил с кресла перед камином и повернулся к нам. Это был стройный парень немного за двадцать, с ежиком жестких рыжих волос и в очках с роговой оправой, которые придавали ему странное сходство с совой.

— Это Фред Кент, — представил его Эрджилл. — Мой помощник.

Вспышка памяти тут же озарила меня.

— Не сын ли Мосса Кента? — спросил я.

— Да, сын моего старого партнера, — подтвердил Эрджилл. — Когда Мосс скончался, я взял Фреда под свое крыло. А? — уставился он на молодого человека.

— Верно, — сказал тот глубоким, приятным голосом. — Я многим обязан мистеру Эрджиллу.

— Взаимно, — отозвался дядя, и мне показалось, что в его голосе промелькнул сарказм. — Вы весьма помогаете мне в моих исследованиях.

Люсиль, протянувшая руки к огню в камине, повернулась к нему.

— Джим рассказывал мне об этом, мистер Эрджилл. Должно быть, это захватывающая работа.

— Захватывающая? — поднял брови старик. — Милая девушка, едва ли тут уместно это слово. Оккультизм — серьезная наука... — он замолчал, и я заметил, как он бросил странный взгляд на пол. — И все же, иногда я боюсь, — мрачным тоном закончил он. — Даже учитывая, что я купил этот замок...

— Купили замок?! — недоверчиво воскликнул я.

— Ну да. Я мог позволить себе это. Но рассаживайтесь у камина, грейтесь. Займите это кресло, Люсиль. — Пальцы с синими венами, лежавшие на плече Люсиль, слегка подрагивали. — Джим, я расскажу тебе кое-что. Я совершенно уверен, что существует нечто, похороненное в склепе, находящемся под замком, нечто весьма ценное... — Он взмахнул рукой. — Но, разумеется, эту ценность нельзя измерить в долларах.

— Что же это? — с любопытством спросила Люсиль.

— Этот замок построен на месте древнего храма друидов, — медленно заговорил Эрджилл. — Внизу, в склепе... — он резко прервал себя и добавил с плохо скрытой тревогой: — Ну, раз уж вы здесь, то, может, останетесь на какое-то время? Мне нужна помощь... и я не буду неблагодарным.

— Но мы не планировали... — начал было я, но меня прервала Люсиль.

— Я думаю, это возможно, — сказала она. — Наш пароход прибывает только в понедельник.

— А до тех пор, — почти с мольбой сказал Эрджилл, — останьтесь со мной. Пожалуйста, Джим. Мне нужна твоя помощь. Если все дело в деньгах...

— Нет, — коротко ответил я, но почувствовал, что меня тронула просьба старика. — Люсиль, — спросил я, — мы можем задержаться на несколько дней?

Она покусала губу, затем медленно кивнула. Эрджилл улыбнулся.

— Прекрасно... Прекрасно! Вы приехали как раз в то время, когда нужны мне более всего. Мне нужна твоя помощь, Джим! Ты силен. Молод и силен! — И он почти весело рассмеялся.

Я заметил, что Кент бросил на него предупреждающий взгляд, и почувствовал неопределенную, неясную тревогу, подозрение, что здесь что-то не так.

Всю остальную часть вечера это чувство сохранялось, и я испытал немалое облегчение, когда я услышал, как дядя предлагает провести нас в наши комнаты. Он уже отправил Кента наверх, чтобы приготовить кровати. Комната в башне с высоким потолком, куда Эрджилл привел нас, носила печать того, что здесь жили бесчисленные поколения арендаторов, и, хотя постельное белье оказалось чистым, это впечатление не рассеивалось. Балдахин над кроватью на резных столбиках выглядел старинным. Эрджилл смел пыль со столика перед тем, как поставить на него лампу.

— Это лучшая комната, — заверил он. — Мы с Кентом спим внизу. Пойдем, Джим. Твоя комната следующая.

Я последовал за ним в комнату, почти во всем похожую на комнату Люсиль, не считая маленького балкона, выступающего из башни, оснащенной неуместными в старинном замке французскими дверями, очевидно, установленными каким-то арендатором. Пока я распаковывал чемодан, Эрджилл стоял и смотрел. Затем направился к двери.

— Завтра мы пойдем в склеп, — сообщил он и вышел, после чего до моего слуха донеслось, как он тихонько смеется, спускаясь по лестнице.

Я осмотрел кровать под балдахином со спускающимися со всех сторон темно-зелеными занавесками. Раздвинул их и закашлялся от пыли. В ожидании пока она осядет, я вышел на балкон и закурил сигарету.

Ночь была очень темной. Луна тускло мерцала между темными облаками, и я видел, как поблескивает вода во рву. Но, кроме этого, показалось, что я словно всматриваюсь в бесконечную тьму космоса. Такая вот возникла непрошеная мысль.

«Никто из них больше не видел солнечного света — бескрайняя, бесконечная ночь распростерлась над этими несчастными...»

Где я читал это? Внезапно я вспомнил. Это была перефразировка отрывка из бессмертной поэмы Гомера, описывающая посещение Одиссеем Земли Мертвых.

Темное бремя столетий лежало на этом Суссекском замке, и мне показалось, что от камней под ногами исходит тонкий запах тления и пугающей древности. Я выбросил сигарету и смотрел, как летит вниз красная искорка и как она гаснет, попав в воду во рву. Потом я повернулся, чтобы вернуться в комнату.

И в это мгновение чья-то стальная рука схватила меня за горло! Боль, ужасная, слепящая боль затмила сознание. Непреодолимая сила перекрыла мне доступ воздуха и потянула вверх. Отчаянно я схватился за горло и почувствовал под пальцами тонкий, металлический провод.

Хриплые стоны сорвались с моих губ. Если бы только я мог ослабить эту удавку...

Она выскальзывала из пальцев, и я никак не мог за нее ухватиться. Перед глазами у меня вспыхнули разноцветные искры. Голова раздулась, превращаясь в огромный огненный шар.

— Дурак! — раздался из темноты надо мной гортанный голос. — Не лезь, куда не просят! Убирайся, пока цел... Не мешай Обитателю спать!

В голове у меня раздавался громкий, ритмичный стук. Стучала кровь? Нет, это в дверь моей комнаты. Кто-то стучал в дверь.

Но они не успеют. Я понял, что вот-вот умру. Я попытался позвать на помощь, но петля не позволяла выдавить ни единого звука.

Стук становился все громче. Я услышал, как кто-то зовет меня по имени, и узнал голос Фреда Кента, помощника дяди.

Дверь же не заперта. Открой ее, дурень, открой!

И вновь прорычал голос из темноты:

— Гибель грядет, если выпустить Обитателя из узилища! Ибо он голодный и жаждущий!

Открылась дверь. В проеме появился Кент. Я смутно увидел его сквозь слезы в глазах. Он оглядел комнату и застыл,

как замороженный, когда его глаза встретились с моими. Затем помчался на балкон. Железное кольцо вокруг горла ослабло. И я упал, жадно ловя воздух. Ушей моих достиг слабый, исчезающий вдали шепот:

— Голодный и жаждущий!..

Затем наступила тьма... Что-то обожгло мне горло, что-то горячее и жгучее. Я закашлялся, выплевывая питье, и открыл глаза. Я лежал на кровати, а надо мной склонился Кент, вливая мне в рот бренди. Я оттолкнул стакан и попытался сесть. Рука помощника дяди поддержала меня за плечи.

— Что это было, старина? — спокойно спросил он.

Я заметил странный взгляд глаз, прятавшихся за толстыми очками в роговой оправе. Что это, страх? Я не был в этом уверен.

Пришлось рассказать, что случилось. Нахмурившись, Кент покачал головой.

— Даже представить не могу, кто бы это мог быть... — задумчиво произнес он. — Но подумайте, Мэйсон. Я бы на вашем месте не стал говорить об этом Эрджиллу. Он... — Кент поколебался и медленно продолжал: — Иногда он пугает, несмотря на то, что для меня сделал.

— Понятно, — ответил я. — Ну, ничего. Возможно, так даже лучше. Мне не хотелось бы также волновать Люсиль. Я собираюсь увезти ее подальше от этого опасного места.

Кент оттопырил нижнюю губу, потом снял очки и принялся машинально протирать их.

— За этим я и пришел сюда, — сказал он. — Там... выпейте еще глоток бренди. Не стоит бежать за напавшим, кем бы он ни был. Вы лежали без памяти целых пятнадцать минут. А кроме того, я хотел сказать вам...

Он продолжал спокойным, слишком спокойным голосом, что делало еще более ужасной его фантастическую историю. Пока я слушал, во мне рос странный ужас, кошмарная угроза из темных, скрытых глубин столетий. Кент сказал, что в замке они живут ради достижения цели, о которой Эрджилл рассказал ему всего лишь за несколько дней до нашего прибытия.

— Он привел меня в склеп, — говорил помощник дяди, и я видел бисеринки пота, выступившие у него на лбу. — Там

было темно, как в полночь, кругом висела паутина и ползали отвратительные насекомые — пауки размером с грецкий орех и желтые многоножки, разбегающиеся прежде, чем их можно рассмотреть. Под замком расположено семь склепов, и в самом дальнем есть дверь. Железная дверь, запертая и покрытая ржавчиной. Но мы вскрыли ее долотами и молотками. Пришлось ждать полчаса, прежде чем воздух в склепе станет пригодным для дыхания. Внутри оказалось пусто. Но Эрджилл сказал, что нужно копать, поскольку его похоронили глубоко. Тогда я понятия не имел, что он имел в виду. Я рыл и потел, пока не выкопал яму футов восемь глубиной, и, наконец, позавчера в полдень лопата ударилась обо что-то, издавшее металлический лязг. Я продолжал копать... — Парень смахнул пот со лба. — И откопал металлический круг, вмонтированный в скалу. Поперек него лежало несколько стальных прутьев, концы которых уходили в камень. Повозившись, нам удалось задвинуть прутья в щели и поднять круг. Под ним оказался второй, странно деформированный, словно по нему с ужасающей силой колотили чем-то снизу. Эрджилл необычайно разволновался. Когда мне удалось разобрать его бормотание, я узнал, что это была могила кого-то... или чего-то. И, наконец, я нетерпеливо сказал: «Ну, так давайте вскроем ее». И ударил ломом по кругу. Не знаю, как рассказать о дальнейшем, Мэйсон. Работая с Эрджиллом, я видел всякие странные вещи. Тайные исследования, знаете ли, опасное развлечение. Но тут... Ладно. Эрджилл предупреждающе вскрикнул и схватил меня за талию, отклоняя удар. Лом ударил в железный диск у самого края и пробил его. После этого произошло то, что осталось у меня в памяти обрывистыми, неясными кусками. Я почувствовал, как лом вырывается у меня из рук и исчезает в пробоине. О, Господи, Мэйсон, что-то выхватило у меня лом, словно у ребенка. А ведь я сжимал его изо всех сил! Оцепенев, я смотрел, как диск выпирает вверх. Эрджилл хрипло дышал рядом со мной. Но диск не откинулся, как я боялся, а лишь...

Я услышал донесшийся от двери вскрик и резко повернулся. Там стояла Люсиль в тоненьком пеньюаре, который не скрывал, а скорее показывал округлые контуры ее тела. Она вбежала в комнату с белым как мел лицом.

Я обнял ее. Сердце жены неистово колотилось.

— Джим, — сказала она, — я все слышала. Нужно уезжать отсюда. Немедленно.

— Наверное, это самый правильный поступок, — сказал Кент. — Я дам вам ключи от своей машины. Или сам отвезу в деревню.

— Какой ты заботливый, Фред! — раздался насмешливый голос моего дяди.

Он стоял в дверях, искривив морщинистое лицо в мрачной усмешке. В руке у него блестел автоматический пистолет, старик властно взмахнул им.

— Вставай, Джим. И ты тоже, Люсиль. Вот так, выстройтесь в линию, как послушные детки.

От его кудахтающего смеха у меня по спине пробежал холодок. Похоже, дядя совсем спятил!

Он словно каким-то образом прочел мои мысли.

— Нет, я совершенно нормален, Джим, ты еще поймешь это. Фред вам все рассказал, не так ли? Но успел ли он... А что с твоей шеей? — Дядя указал на мертвенно-бледную полоску, пересекающую мое горло.

Я уже было подумал, что это Эрджилл напал на меня на балконе. Но теперь стало ясно, что он понятия об этом не имел. Или он был лунатиком?

— Ничего страшного, — сказал я.

Дядя поколебался, затем пожал плечами.

— Так как Фред уже любезно рассказал вам о моем... эксперименте, то вы можете узнать и все остальное. Глупец тот, кто потешается над оккультизмом... о, вы скоро увидите Обитателя. Обитатель...

Красные веки прикрыли его блестящие глаза, но, как только я шевельнулся, сразу же резко поднялись. Черное дуло пистолета нацелилось мне прямо в сердце.

— Обитателя я обнаружил благодаря своим исследованиям. Я нашел рукопись, точнее, ее нашел Фред в старой лондонской квартире в связке макулатуры. Из нее я узнал о том, что находится под этим замком. Давным-давно, когда в Стоунхендже поклонялись древним богам друидов, когда дуб и омела были священны в Британии, на этом месте стоял Храм Солнца. Я узнал, что его главный жрец был ведуном,

потратившим всю жизнь на поиски самых сокровенных тайн и приобретший обширные знания черной магии. Силы его были столь велики, что, когда настало время умирать, он сумел победить смерть и остаться жить... Но изменившимся. Одолев смерть, он перестал быть человеком. И друиды похоронили его под святилищем в пещере, все еще находящейся под замком. Под стальным диском, который откопал Фред.

Глаза Эрджилла сверкали, он весь дрожал, о крепко держал в руке пистолет.

— В рукописи, о которой я упоминал, я обнаружил великую тайну. Я узнал, что жрец друидов — Обитатель под замком — может быть освобожден из своего узилища... И порабощен! Человек, который поработит Обитателя, станет владельцем всех тайн друидов — сил и знаний, о которых давно уж забыли! Звезды, — теперь он почти кричал, — сами звезды будут в моей власти!

— Так вы все же хотите открыть склеп? — нервно спросил Кент.

Эрджилл быстро кивнул. Он хотел что-то сказать, но парень, нервы которого были, очевидно, натянуты до предела, его перебил:

— Но Обитатель! Если вы сделаете это, то Обитатель вырвется на свободу!

Дядя неожиданно успокоился и мрачно усмехнулся.

— Ты забыл о жертве? — спросил он. — Обитатель будет неопасен — для меня!

Кент побледнел. Потом медленно кивнул и, по властному жесту Эрджилла, пошел к двери. На мгновение я заколебался, затем, встретившись с хмурым взглядом дяди, последовал за Кентом, обняв за плечи Люсиль.

Процессия проклятых, спускающихся в бездну! Первым шел Кент, за ним мы с Люсиль, и замыкал процессию дядя, держа нас на прицеле. Вниз из башни, вниз по крутым каменным ступеням в похожее на темницу подземное помещение — Эрджилл захватил на столе в зале лампу — и через арочный проход в стене. Дальше стояло семь склепов, обросших серой паутиной. Тонкие нити прилипли к моему лицу.

— Я был здесь только вчера, — сказал сзади Эрджилл, — но пауки ткут быстро.

В стенке седьмого склепа была приоткрыта железная дверь. Мы вошли в нее и оказались в небольшом узком помещении, пустом, сыром и вонючем. В земляном полу находилась глубокая яма, напоминающая кратер, а на дне ее я увидел ржавый железный круг, странно деформированный. Внезапно мне стало нехорошо, закружилась голова. Я подумал, что Люсиль чувствует себя еще хуже.

— Держись, — сказал я. — Мы выберемся отсюда, дорогая.

Эрджилл что-то резко скомандовал. Кент взял прислоненный к стене лом, под дулом пистолета спустился в яму и принялся пробивать тонкую железную преграду. И тут я услышал шаги — далекие, неровные шаги, доносившиеся снизу! Эрджилл тоже услышал их, поскольку издал торжествующий, кудахтающий смешок.

— Быстрее, Фред, еще быстрее! — выкрикнул он. — Мы должны быть готовы!

Я не видел Кента в тени, но услышал, как он напал на диск с удвоенной энергией. Когда тот был наконец открыт, парень выбрался из ямы.

Эрджилл подошел к краю, всматриваясь вниз, но не забывая бросать на нас быстрые взгляды. Я мельком увидел под диском темный, грубый подвал, а в нем — постамент, очевидно, предназначенный для гроба. Вот только теперь постамент был пуст. Также я заметил странные следы на полу — темные, овальные пятна, слишком большие, чтобы быть человеческими следами!

Стук... стук... застучали внизу чьи-то гигантские шаги. Я ощутил в могиле под нами чье-то присутствие! Послышался шелест, и Эрджилл торжествующе завопил, отпрыгнув назад.

— Обитатель! — закричал он. — Он идет!

Старик замолчал и нагнулся, чтобы поставить лампу на пол. Я почувствовал, как Кент отталкивает меня назад, подальше от ямы, и сделал шаг, покрепче обняв Люсиль.

Что-то поднималось из древней могилы, что-то огромное и черное, очень медленно движущееся верх. Нечто неопределенно человекоподобное, но покрытое грязью и блестящей слизью.

— Жрец друидов! — услышал я хриплый шепот Кента. — Обитатель склепа!

Раздутый, огромный и мерзкий за пределами всякого воображения, он поднимался, как квинтэссенция всей Грязи и Зла. Никто не мог противостоять ему. С черного шара головы на нас смотрел единственный горящий глаз, а ужасно длинные, обезьяньи лапы заканчивались большими кривыми когтями.

Эрджилл отскочил к нам, угрожающе подняв пистолет, схватил Люсиль и толкнул ее вперед прежде, чем я успел что-либо предпринять. Его рука уцепилась за пеньюар и сорвала его с девушки. Сильным толчком он послал ее к яме. Люсиль упала на самом краю и затихла.

Выругавшись, я бросился было к ней, но почувствовал, как Кент схватил меня.

— Ждите! Терпите и ждите! — прошептал он.

Я попытался освободиться, но он держал меня крепко.

Обитатель вышел из ямы медленно, тяжело. Но не остановился возле нагой Люсиль, а вместо этого шагнул прямо к Эрджиллу! Дядя, с лицом, больше похожим на посмертную маску, стал медленно отступать. И столь же медленно, очень медленно, Обитатель пошел за ним. Эрджилл попытался уйти через дверь, но чудовищное существо все же опередило его, несмотря на свои размеры. Старик оказался зажатым в угол, а мы едва смели дышать. Тут нервы Эрджилла не выдержали, и он принялся выкрикивать проклятия и безумные слова:

— Забери их! — кричал он существу. — Эти трое предназначены в жертву... Забери...

Внезапно старик принялся стрелять. Выстрелы гулким эхом отразились в комнате. Затем Эрджилл пораженно уставился на разряженное оружие, а Обитатель снова двинулся к нему. Дядя прижался к стене. Лицо его было ужасно. Губы отвисли, глаза застыли, глядя на нечеловеческий ужас, стоящий так близко к нему. Кривые когти потянулись к горлу Эрджилла.

Старик издал ужасный вопль, зашатался и рухнул на пол. Его бледное лицо слепо уставилось в потолок в тусклом свете лампы. Я сразу понял, что он мертв. Затем я услышал выстрелы. Кент протиснулся мимо меня с пистолетом в руке. Он стрелял снова и снова. Обитатель очень медленно повернулся. Его единственный глаз, казалось, впился в нас...

А Кент продолжал стрелять в его уродливое туловище. И Обитатель упал. Рухнул на землю возле дяди и принялся извиваться, словно громадный червяк. Кент продолжал стрелять. А затем... затем произошло то, что заставило меня задохнуться от изумления, когда я взглянул на лежащую на полу тварь. Поскольку из безликой, покрытой слизью головы внезапно зазвучал хриплый голос:

— Будь ты проклят, Кент!.. Ты нарушил наш...

Фраза закончилась предсмертным хрипом.

Казалось, я неподвижно стоял целую вечность, мысли проносились в голове со скоростью молнии. Я услышал голос Кента, в котором не было ни малейшего страха.

— Свинья! — холодно сказал он. — Зачем же ты...

— Значит, вы виноваты во всем этом! — перебил я. — Вы все это придумали!

Его глаза за очками в роговой оправе удивленно взглянули на меня.

— Да, конечно, — сказал он. — Теперь, к сожалению, я буду вынужден убить вас. Я не планировал... Стоять!

Под угрозой пистолета я отступил на шаг. Если бы только удалось потянуть время, то, может быть...

— А кто ваш приятель? — спросил я как можно спокойнее.

— Да тот парень, что поймал вас арканом, — усмехнулся Кент. — Человек, который привез вас сюда. Долгое время он работал на меня. Но все пошло не так, как было спланировано. Я не хотел убивать эту старую свинью Эрджилла! Я планировал лишь свести его с ума. Но я не знал, что у него такое слабое сердце...

— Но почему? — в отчаянии спросил я. — Что вы имели против моего дяди? Он же оказывал вам поддержку...

— После того как убил моего отца! — отрезал Кент. — Вы что, не знали этого? Да, они были партнерами. Но Эрджиллу удалось обмануть моего отца и обобрать до нитки. Я сам узнал все это лишь несколько месяцев назад, когда нашел его старую записную книжку. Тогда я решил отомстить подонку, ударив по его самому слабому месту — вере в оккультизм.

— А откуда взялась рукопись?

— Это просто подделка. Я узнал об этом замке и проделал большую работу в подвале. В склеп, конечно, ведет еще один

вход. Затем я сочинил легенду, которая должна была показаться Эрджиллу подлинной, и сказал, что нашел пергамент. Как я и ожидал, он купил замок и решил поработить Обитателя. Я вовсе не хотел убивать вас! — наивно воскликнул он. — Напротив, я попытался спугнуть вас нападением и жутким рассказом об Обитателе. Я не подумал, что Эрджилл может создать проблемы.

Внезапно я кое-что вспомнил.

— А когда вы сказали Эрджиллу, что, если вскроете склеп, то Обитатель вырвется наружу, то на самом деле говорили это ему? — я кивнул на неподвижную черную фигуру у ног.

— Да, — подтвердил Кент. — Он сидел на балконе, и эта реплика была предназначена для него. Я решил позволить Эрджиллу действовать, как он хочет. Разумеется, я позаботился зарядить его пистолет холостыми патронами. Я планировал убить Обитателя, затем разоблачить его и удивиться так же, как вы, — он мрачно усмехнулся и закончил: — Естественно, никто бы не подумал меня подозревать. Все бы решили, что наш приятель хотел разыграть Эрджилла и меня. Но чертов дурак начал говорить. Этого я не ожидал. Так что...

Он поднял пистолет. Его дуло показалось мне громадным, точно черный туннель, собирающийся поглотить меня. Я напрягся, прочитав в глазах Кента готовность убивать, хотя понимал, что у меня нет ни малейшего шанса. Палец его напрягся на спусковом крючке!..

И тут в склепе раздался крик. Краешком глаза я увидел, как белая фигура — Люсиль! — вскочила и бросилась к двери.

Мгновенно я понял ее план. Кент не посмел бы позволить ей спастись. Ствол пистолета дрогнул, на мгновение отклонившись в сторону. И тут я прыгнул.

Бок мне обожгло, словно огнем, когда пистолет выстрелил. Я столкнулся с Кентом и схватил его за запястье, выворачивая оружие. Снова раздался выстрел, я услышал, как пуля с визгом отскочила от каменной стены. Я злобно выкрутил запястье Кента, и оружие упало на пол. Коленом он хотел ударить мне в пах, но я повернулся, уклоняясь от удара. Тогда его пальцы вцепились мне в горло. Внезапно я почувствовал, что силы мои иссякли, и понял, что борьба совершенно опустошила меня. В отчаянии я рванулся назад.

Мы оказались на краю ямы, дыхание со свистом вырывалось у меня из горла. Мгновение мы шатались на самом краешке, затем покатились вниз. Железные пальцы не отпускали мое горло и сжимались все сильнее.

Затем я почувствовал под собой пустоту, мы полетели вниз и ударились о дно с такой силой, что я на мгновение потерял сознание. Но тут же пришел в себя и с трудом поднялся на ноги, так как руки, стискивавшие мне горло, разжались.

Кент лежал плашмя на спине, уставившись неподвижными глазами за очками в роговой оправе. Странно, но очки уцелели. На камнях вокруг его головы расплывалось неровное темно-красное пятно.

— Джим! — послышался голос Люсиль, стоявшей на краю ямы и глядевшей вниз на меня. — Тебе больно? Он...

— Со мной все в порядке, — с трудом ответил я. — А Кент... он мертв.

Рядом на полу лежала лестница, которую поддельный Обитатель, поднявшись, отшвырнул ногой. Так что было несложно поставить ее и выбраться из ямы, которая стала настоящей могилой.

Я поднял с пола пеньюар Люсиль, и она закуталась в него. Затем мы двинулись мимо склепов в главный зал замка. И только там, глядя в голубые глаза своей жены, прикрытые и такие нежные, я ощутил, что зло, сгущающееся вокруг нас, исчезло навсегда.

Я, ВАМПИР

1. Шевалье Футэйн

Вечеринка была скучной. Наверное, я приехал слишком рано. Этой ночью в «Китайском театре Граумана»[7] шел предварительный показ нового фильма, и самые интересные гости не появятся, пока он не закончится. И действительно, Джек Харди, режиссер в «Саммит Пикчерс», у которого я работал помощником, еще не прибыл, а ведь именно он организовал эту вечеринку. Но Харди никогда не славился точностью.

Я вышел на веранду и прислонился к столбику, потягивая коктейль и глядя на огни Голливуда внизу. Дом Харди стоял на вершине холма, высившегося над столицей кинематографии, возле «Фалькон Лэйр» — знаменитого замка с башенкой Валентино[8]. Туман, поднимающийся из Санта-Моники, постепенно скрывал огни на западе.

Джин Хаббард, инженю в «Саммит», подошла и взяла бокал из моей руки.

— Привет, Март, — поздоровалась она, отпив коктейль. — Где ты был?

— Работал с труппой «Убийства в пустыне» в Мохаве, — ответил я. — Тебе недоставало меня, милая?

Я обнял ее за талию и притянул поближе к себе. Девушка улыбнулась и, слегка нахмурив брови, подставила мне свое

[7] Китайский театр Граумана — кинотеатр на 1162 места, расположенный на бульваре Голливуд в Лос-Анджелесе. Здание построено в 1927 году импресарио Сидом Грауманом, и до начала января 2013 года кинотеатр назывался «Китайский театр Граумана» (англ. Grauman's (Mann's) Chinese Theatre). В кинотеатре традиционно проходят премьеры многих голливудских фильмов *(Прим. перев.)*.

[8] Рудольф Валентино (англ. Rudolph Valentino; 6 мая 1895 — 23 августа 1926) — американский киноактёр итальянского происхождения, секс-символ эпохи немого кино *(Прим. перев.)*.

очаровательное загорелое лицо. Я собирался жениться на Джин, но пока еще не решил, когда это будет.

— Ты многое пропустил, — сказала она, поджав губы.

Я согласился и через мгновение спросил:

— А что там о человеке-вампире?

— А, шевалье Футэйн. Ты что, не читал статью Лолли Парсон в «Скрипт»? Джек Харди подобрал его месяц назад в Европе. Глупая пустышка. Но зато хорошая реклама.

— Трижды приветствую рекламу, — улыбнулся я. — Только вспомни, что она сделала для «Рождения нации». Но какое отношение имеет к этому вампир?

— Он загадочный человек. Никому еще не удалось сфотографировать его. Ходят странные истории о его прошлой жизни в Париже. Он собирается играть в «Жажде крови» Джека. Хочет добиться того же, что Карлофф дал «Юниверсал» с «Франкенштейном». «Шевалье Футэйн», — с нажимом произнесла она. — Вероятно, какой-нибудь официант из парижских кафе. Я его не видела, но... Да черт с ним! Март, я хочу, чтобы ты кое-что сделал для меня. Вернее, для Деминга.

— Для Хесса Деминга? — уточнил я, удивленно подняв брови.

Хесс Деминг являлся суперзвездой «Саммит Пикчерс». Два дня назад умерла его жена, Сандра Колтер. Она тоже была актрисой, хотя и не считалась такой звездой, как муж. Я знал, что Хесс любил ее, и теперь мог предположить, что за проблема встала.

— Я заметил, что он слегка шатается, — осторожно сказал я.

— Он убивает себя, — взволнованно заявила Джин. — Я... я чувствую себя ответственной за него, Март. В конце концов, именно он помог мне стартовать в «Саммит Пикчерс». А сейчас он убивает себя алкоголем.

— Ну, я сделаю, что смогу, — сказал я. — Но много ли я могу? Наверное, лучшее, что он может сделать, это погрузиться в работу. Я знаю, что если бы я потерял тебя, Джин...

Я замолчал. Мне даже думать об этом не хотелось.

Она кивнула.

— Ну, попробуй сделать хоть что-нибудь. Потерять Сандру таким образом... Это ужасно.

— Каким образом? — спросил я. — Вспомни, что меня здесь не было. Я кое-что читал об этом, но...

— Она умерла быстро, — ответила Джин. — Злокачественная анемия, как сказали врачи. Но Хесс рассказал мне, что на самом деле врачи вообще не знали, что это было. Она просто все больше и больше слабела, пока не... не скончалась.

Я кивнул, поспешно поцеловал Джин и вернулся в дом. И тут же увидел Хесса, идущего мимо с бокалом в руке. Он повернулся, когда я тронул его за плечо.

— А, Март, — сказал Деминг, чуть-чуть запинаясь.

Актер твердо держал бокал, не расплескивая, но по налитым кровью глазам я определил, что он почти на грани. Он был дьявольски красив — сильный, хорошо сложенный, с серыми глазами и полными, обычно улыбающимися губами. Но сейчас он не улыбался. Губы были расслаблены, лицо покрыто потом.

— Ты знаешь о Сандре?

— Да, — кивнул я. — Мои соболезнования, Хесс.

Тот залпом допил бокал и с гримасой отвращения вытер рукой рот.

— Я пьян, Март, — доверительно сказал он. — Я должен был напиться. Это было ужасно... последние несколько дней. Я должен сжечь ее.

Я молчал.

— Сжечь ее. О боже, Март, сжечь ее прекрасное тело — и я должен смотреть на это! Она заставила меня пообещать, что я буду смотреть, чтобы удостовериться, что ее действительно сожгли.

— Кремация — чистое завершение жизни, Хесс, — сказал я. — А Сандра была чистой девушкой и чертовски хорошей актрисой!

Он приблизил свое покрасневшее лицо к моему.

— Да... но я должен ее сжечь. Это убивает меня, Март! О боже!

Актер поставил на стол пустой бокал и повертел головой.

Интересно, почему Сандра вдруг настояла на кремации? В одном интервью она рассказывала, что боится огня. Разумеется, большинство интервью кинозвезд — чушь и фуфло, но я знал, что Сандра и в самом деле боялась огня. Однажды

на съемках я видел, как с ней случилась настоящая истерика, когда исполнитель главной роли стал раскуривать трубку возле ее лица.

— Извини, Март, — пробурчал Хесс, — мне нужно найти новую порцию.

— Минутку, — удержал я его. — Посмотри на себя, дружище. Тебе уже достаточно.

— Это так больно! — возразил он. — Но если я выпью еще немного, то, может, боль немного уменьшится. — Актер уставился на меня с пьяным упорством в глазах, хотя сам не верил своим словам. — Чистая, — внезапно сказал он. — Она тоже сказала так, Март. Она сказала, что сожжение — это чистая смерть. Но, боже, ее прекрасное белое тело... Я этого не выдержу, Март! Наверное, я сойду с ума. Будь добр, принеси мне выпить.

— Жди здесь, Хесс, — вздохнул я. — Я принесу, — не стал добавлять, что по дороге пролью большую часть бокала.

Он опустился на стол, бормоча слова благодарности. Я ушел с нехорошим чувством — за свою жизнь я видел слишком много спившихся актеров, чтобы не определить у Хесса явные признаки начинающегося алкоголизма. Похоже, дни его славы сочтены. Дальше будут все более и более длинные промежутки между картинами, затем он сойдет на вторые роли и, наконец, закончит сериалами. И, в конце концов, Хесса найдут мертвым в дешевых комнатах на Мэйн-стрит, отравившимся газом. Возле стойки была толпа.

— А вот и Март, — воскликнул кто-то. — Эй, иди сюда, познакомься с вампиром!

И тут я испытал настоящий шок, увидев режиссера Джека Харди, с которым работал над многими хитами. Он походил на труп, выглядел гораздо хуже, чем когда-либо. У человека, страдающего похмельем или после косячка марихуаны, не бывает приятного вида, но таким я Харди никогда еще не видел. Казалось, он держался только на нервах. В нем не было ни кровинки.

Сколько я помню, он всегда был коренастым, румяным блондином, похожим на борца, с огромными бицепсами, добродушным грубым лицом и колючей копной желтых волос. Теперь же он напоминал скелет, обтянутый свободно

свисающей кожей. Лицо покрылось сеткой морщин. Под глазами были большие мешки, а сами глаза выглядели унылыми и остекленевшими. Вокруг шеи был плотно завязан черный шелковый шарф.

— Боже милостивый, Джек! — воскликнул я. — Что с тобой?

Он отвел глаза и резко ответил:

— Ничего! Со мной все в порядке. Я хочу представить тебе шевалье Футэйна — это Март Прескотт.

— Просто Пьер, — раздался бархатный голос, — Голливуд — не место для титулов. Март Прескотт, это честь для меня.

И я впервые увидел шевалье Пьера Футэйна.

Мы обменялись рукопожатием. Первым впечатлением был ледяной холод, исходящий от этого человека. Поэтому я отпустил его руку гораздо быстрее, чем требовала вежливость. Он улыбнулся.

Шевалье был очарователен. Или, по крайней мере, казался таковым. Стройный, чуть ниже среднего роста, с мягким, круглым, неестественно юным лицом и светлыми волосами. Я заметил, что щеки его подкрашены — очень искусно, но я-то разбираюсь в гриме. А под краской, если присмотреться, можно было увидеть мертвенную бледность, которая сделала бы шевалье слишком заметным, не будь он загримирован. Возможно, какая-то болезнь выбелила его кожу, но губы при этом были красными. Даже темно-красными, как кровь.

Он был чисто выбрит, в безупречном вечернем костюме, а глаза казались чернильными омутами.

— Рад с вами познакомиться, — наклонил голову я. — Вы ведь вампир, да?

Он улыбнулся.

— Так обо мне говорят. Но все мы служим темному богу рекламы, не так ли, мистер Прескотт? Или... Март?

— Лучше Март, — сказал я, по-прежнему не сводя с него глаз.

Я увидел, что взгляд его прошел мимо меня, а на лице появилось какое-то странное выражение — смесь изумления и недоверия. Появилось, но тут же исчезло. Я повернулся. Ко мне подходила Джин.

— Так это и есть шевалье? — поинтересовалась она.

Пьер Футэйн уставился на нее, чуть приоткрыв губы. Почти неслышно пробормотал: «Соня», а затем, с вопросительной интонацией: «Соня?». Я представил их друг другу.

— Как видите, меня зовут не Соня, — усмехнулась Джин.

Шевалье покачал головой со странным выражением черных глаз.

— Когда-то я знал похожую на вас девушку, — тихо сказал он. — Очень похожую. Это странно...

— Прошу меня простить, — прервал я его.

Джек Харди уходил из бара. Я быстро направился за ним.

Когда он уже был у французских дверей, я коснулся его плеча. Он пораженно выругался, поворачивая ко мне мертвенное, точно маска, лицо.

— Черт побери тебя, Март! — проворчал он. — Не трогай меня.

Я взял режиссера за плечи и повернул к себе.

— Что, черт возьми, с тобой произошло? — спросил я. — Послушай, Джек, тебе не удастся меня обмануть. Ты знаешь это. Я уже помогал тебе раньше, помогу и сейчас. Расскажи, что с тобой?

Морщинистое лицо старого друга смягчилось. Он осторожно снял мои руки с плеч. Его собственные руки были ледяные, как и у шевалье Футэйна.

— Нет, — вздохнул он. — Все бесполезно, Март. Ты ничего не сможешь сделать. Со мной действительно все в порядке. Просто перенапряжение. Я вел в Париже слишком бурную жизнь.

Я понял, что между нами встала глухая стена. Внезапно, само по себе, в голову пришла странная мысль, и я тут же озвучил ее:

— Что у тебя с шеей?

Харди не ответил. Просто нахмурился и покачал головой.

— Инфекционное заболевание горла, — сказал он после продолжительного молчания. — Продуло на сквозняке.

Он поднял руку и прикоснулся к черному шарфу.

Позади вдруг раздался резкий, хриплый вскрик, звук скорее не человеческий. Я повернулся. Это был Хесс Деминг. Он качался, стоя в дверях, глаза его были налиты кровью, по подбородку стекала струйка слюны.

— Сандра умерла от инфекционного заболевания горла, Харди, — произнес он мертвым, без всяких эмоций и потому особенно ужасным голосом.

Джек не ответил. Он сделал шаг назад, а Хесс тупо продолжил:

— Она сделалась совершенно белой, а потом умерла. Доктора не знали, что это за болезнь, хотя в свидетельстве о смерти указали анемию. Вы привезли с собой какую-то грязную болезнь, Харди? Если так, то я вас убью.

— Минутку, — вмешался я. — Инфекционное заболевание горла? Я не знал...

— На горле у нее была отметина — две небольшие ранки, близко друг к другу. Это само по себе не могло убить ее, но какая-нибудь отвратительная болезнь...

— Ты с ума сошел, Хесс, — покачал головой я. — Ты просто пьян. Послушай меня: Джек, вероятно, не имеет никакого отношения... к этому.

Хесс не смотрел на меня. Он не сводил налитых кровью глаз с Джека Харди и продолжал тем же тихим монотонным голосом:

— Харди, вы можете поклясться, что Март прав? Вы поклянетесь?

Губы Джека скривились, словно от какой-то внутренней муки.

— Давай, Джек, — кивнул я. — Скажи ему, что я прав.

Харди вдруг вспыхнул.

— Я не приближался к вашей жене! Я вообще не видел ее после возвращения. Есть...

— Это не тот ответ, которого я добивался, — прошептал Хесс и вдруг, качаясь, рванулся вперед.

Они оба были слишком пьяны, чтобы сделать друг другу что-то серьезное, но если бы я их не разнял, через секунду началась бы отвратительная драка. Когда я разнимал их, Хесс схватился рукой за шарф Джека и сорвал его у него с шеи.

На его горле, слева, были два красных маленьких прокола с белой каймой.

2. Кремация Сандры

На следующий день Джин позвонила мне:

— Март, мы собираемся сегодня вечером в студии репетировать сцену для «Жажды крови»... Павильон номер шесть. Тебя назначили помощником режиссера, так что ты должен быть там. И... у меня есть кое-что, что, возможно, Джек тебе не сказал. Он был... несколько странным в последнее время.

— Спасибо, милая, — ответил я. — Я буду. Но я не знал, что ты снимаешься в «Жажде».

— Я тоже, но произошли внезапные перестановки. Кто-то захотел меня — я думаю, шевалье, — и большой босс позвонил мне сегодня утром и по секрету сообщил это. Однако я все равно не в настроении. Ночь была плохой.

— Мне жаль, — посочувствовал я. — Ты была в порядке, когда я уходил.

— Я имею в виду кошмарные сны, — медленно проговорила она. — Ужасные сны, Март! Тем не менее странно, что я не могу вспомнить, о чем они были. Ну ладно... Так ты будешь на репетиции?

Я пообещал, что обязательно приду, но вышло так, что я не смог сдержать свое обещание. Мне позвонил Хесс Деминг и спросил, не могу ли я отвезти его в Малибу. Он еще слишком пьян, чтобы самому вести машину, а днем там состоится кремация Сандры. Я вывел из гаража свою машину и покатил на запад. Через двадцать минут я подъехал к пляжному домику Деминга.

Мальчик-слуга узнал меня и впустил, печально качая головой.

— Мист Деминг очень плох, — сообщил он. — Все утро пьет неразбавленный джин...

— Это ты, Март? — прокричал сверху Хесс. — Хорошо... я сейчас спущусь. Иди сюда, Джим!

Мальчик-японец, многозначительно взглянув на меня, побежал наверх.

Я подошел к столу и перебрал лежащие на нем журналы. Из приоткрытого окна дунул легкий ветерок, и в нем затрепетал клочок бумаги. Одно слово на нем попало мне на глаза, и я развернул записку, чтобы прочитать подробнее. Она

была адресована Хессу, и с первого же взгляда на нее раскаяние в том, что я сунул в нее свой нос, исчезло:

Дорогой Хесс, я чувствую, что скоро умру. И я хочу, чтобы ты кое-что сделал для меня. Я была не в себе, когда говорила не то, что хотела. Не кремируй меня, Хесс. Даже несмотря на то, что я буду мертвой, я знаю, что почувствую жар огня. Похорони меня в склепе в «Лесной Лужайке» — и не бальзамируй. Я буду уже мертва, когда ты найдешь эту записку, но знаю, что ты сделаешь так, как я хочу. Живой или мертвой, я всегда буду тебя любить.

Записка была подписана Сандрой Колтер, женой Хесса. Это было странно. Видел ли он эту записку? Позади послышалось чье-то дыхание. Это оказался Джим, мальчик-слуга.

— Мист Прескотт, — прошептал он, глядя на листок в моих руках, — я нашел эту записку вчера вечером. Мист Хесс не видел ее. Это письмо Ми Колтер.

Он замолчал, и я прочел в его глазах страх — явный, неприкрытый страх. Мальчик ткнул коричневым пальцем в записку.

— Видите, мист Прескотт?

Он указывал на чернильное пятнышко, которое наполовину замазало подпись.

— И что? — спросил я.

— Его размазал я, мист Прескотт. Когда я взял записку, чернила еще не высохли.

Я уставился на него. Он поспешно повернулся при звуке шагов на лестнице. Это, шатаясь, спускался Хесс Деминг.

Думаю, именно тогда я начал понимать ужасную правду. Я не поверил в нее, хотя... нет, не тогда. Это было слишком фантастично, слишком невероятно. Но все же что-то вроде правды, очевидно, забрезжило в голове, поскольку не было никакого другого объяснения тому, что я сделал.

— Что ты там смотришь, Март? — спросил Хесс.

— Ничего, — спокойно ответил я, смял записку и сунул в карман. — По крайней мере, ничего важного. Ты готов?

Он кивнул, и мы направились к двери. Мельком я увидел, как Джим глядит нам вслед с облегчением на темном худом лице...

Крематорий находился в Пассадене, и я оставил там Хесса. Я хотел остаться с ним, но он отказался. Видимо, не хотел, чтобы кто-то видел, как сжигают тело Сандры. Я понимал, что так ему будет легче. Поэтому поехал коротким путем через Голливудские Холмы, и вот там-то возникла проблема.

У машины сломалась ось. После недавних дождей дорога раскисла, и мне с трудом удалось не перевернуться. Потом пришлось идти пешком больше мили до ближайшего телефона, после чего я потратил еще больше времени, ожидая такси. Было уже почти восемь вечера, когда я добрался до студии.

Охранник впустил меня, и я поспешил к шестому павильону. Было уже темно. Ругаясь шепотом, я свернул за угол и чуть не столкнулся с маленькой фигуркой. Это был Форрест, один из наших операторов. Он странно вскрикнул и стиснул мне руку.

— Это вы, Март? Послушайте, вы можете сделать мне одолжение? Я хочу, чтобы вы взглянули на пленку...

— Сейчас мне некогда, — сказал я. — Вы видели где-то здесь Джин? Я должен...

— Я об этом же, — поежился Форрест, невысокий, сухой малый с обезьяньим личиком, но оператором он был хорошим. — Они уехали — Джин, Харди и шевалье. Есть кое-что странное в этом парне.

— Вы так считаете? Ну, я позвоню Джин. Я завтра просмотрю, что вы сняли.

— Дома ее не будет, — сказал Форрест. — Шевалье повез ее в «Гроув». Послушайте, Март, вы должны увидеть пленку. Или я разучился обращаться с камерой, или француз — самое необычайное из всего, что я когда-либо снимал. Пойдемте в смотровую, Март... У меня все уже готово. Я сам проявил ее.

— Ладно, — согласился я и отправился за Форрестом в смотровую. Там я занял место в небольшом темном зальчике, слыша, как оператор возится в проекционной будке. Затем он включил связь и сказал:

— Харди не хотел делать предварительных снимков... настаивал на этом, знаете ли. Но босс велел мне включить одну из автоматических камер слежения, — чтобы не беспокоить

актеров шумом, — просто чтобы понять, как француз будет выглядеть на экране. Удачно, что это оказалась одна из бесшумных камер, иначе бы Харди что-то заподозрил. Смотрите, что получилось, Март!

Раздался щелчок, когда Форрест выключил связь. На экране вспыхнул белый свет, и тут же появилось изображение — шестой павильон. Обстановка была непривычной: викторианская комната с мягкими плюшевыми креслами, картинами в золоченых рамах, сбоку стояла отвратительная этажерка. В кадр вошел Джек Харди. На экране его лицо особенно походило на череп, покрытый обвисшей, сморщенной кожей. За ним появилась Джин в сшитом на заказ костюме — на репетиции никто специально не одевается, — а позади нее...

Я заморгал, думая, что у меня что-то случилось с глазами. По экрану поползло что-то вроде светящегося тумана — овального, высотой в человеческий рост. Вы видели нимб света на экране, когда осветитель направляет прожектор прямо на камеру? Ну... примерно так это и выглядело, за исключением того, что там не было никакого прожектора. И что самое ужасное, свет двигался в том же темпе, в каком шел бы человек. Связь снова включилась со щелчком.

— Когда я увидел негатив, — сказал Форрест, — то подумал, что он просто засвечен. Только не было там никакого света. Смотрите сами... — Овальный, светящийся туман остановился возле Джин, она смотрела прямо на него с улыбкой на губах. — Март, когда это снималось, Джин уставилась прямо на француза!

— Остановите, Форрест! — хрипло сказал я. — Вот тут.

Пленка остановилась. Джин была повернута к камере профилем. Я подался вперед, уставившись на то, что заметил на ее шее. Это были едва различимые крошечные бесцветные точки на горле Джин слева... Такие же ранки я видел на горле Джека Харди прошлой ночью!

Внезапно щелкнула, выключаясь, связь. Экран вспыхнул ослепительно белым, затем почернел.

Я немного подождал, но из будки не доносилось ни звука.

— Форрест, — позвал я. — У вас все в порядке?

Ни звука в ответ. Даже слабого гудения проектора. Я встал и быстро направился в конец зала. В будке было две

двери. Одна открывалась на лестницу, ведущую вниз на улицу, в переулок. И еще было отверстие в полу, куда вела из зала металлическая лесенка. Я быстро поднялся по ней, в душе зарождалось нехорошее предчувствие.

Форрест находился в будке. Вот только он был уже не живой. Бедняга лежал на спине, глаза слепо уставились в сторону, поскольку голова была вывернута под немыслимым углом. Сразу стало ясно, что у него сломана шея. Я поспешно взглянул на проектор. Бобины с фильмом не было! А дверь, ведущая на лестницу, была приоткрыта на несколько дюймов. Я вышел через нее, хотя знал, что никого не увижу. Хорошо освещенный широкий проход между шестым и четвертым павильонами был тих и пуст. Затем я услышал стук шагов, становившийся все громче. И в проход вбежал какой-то человек. Я узнал в нем одного из рекламной группы и окликнул.

— Подождите... — задыхаясь, проговорил он, но все же остановился.

— Вы встретили сейчас кого-нибудь? — требовательно спросил я. — Шевалье Футэйна?

Он покачал головой.

— Нет, но... — Лицо рекламщика было белым, как бумага, когда он повернулся ко мне. — Хесс Деминг сошел с ума. Мне нужно немедленно связаться с газетами.

Я сбежал по лестнице и схватил его за руку.

— Что вы имеете в виду? — рявкнул я. — Хесс был в порядке, когда я уезжал. Немного пьян — только и всего.

Лоб рекламщика блестел от пота.

— Это ужасно... Я еще точно не знаю, что случилось. Похоже, его жена — Сандра Колтер — ожила во время кремации. Ее видели через окно — знаете, такое окошечко в печи — и слышали ее крики. Хесс вытащил ее слишком поздно. Он совершенно спятил, понес какой-то бред. Врачи сказали — летаргический сон... Мне нужно добраться до телефона, мистер Прескотт!

Он вырвался и побежал в направлении здания администрации. Я сунул руку в карман и достал клочок бумаги. Это была записка, которую я нашел в доме Хесса Деминга. Слова прыгали у меня перед глазами. Я раз за разом повторял себе:

— Этого не может быть! Такого просто не может быть!

Я имел в виду не оживление Сандры Колтер во время кремации. Это можно вполне правдоподобно объяснить — летаргия. Но вместе с другими событиями оно привело к некому заключению — и это заключение я не осмеливался принять даже мысленно.

Что сказал бедный Форрест? Шевалье повез Джин в «Гроув»? Ну, ладно...

Такси все еще ждало меня. Я сел в машину.

— В «Амбассадор», — мрачно сказал я водителю, — двадцать долларов, если не будете обращать внимания на светофоры.

3. Черный гроб

Всю ночь я прочесывал Голливуд — безуспешно. Я обнаружил, что в «Гроув» ни шевалье Футэйн, ни Джин не появлялись. И никто не знал адреса шевалье. Телефонный звонок в студию, уже сходящую с ума от трагедии с Хессом Демингом и убийства Форреста, ничего не дал. Я безуспешно проверил ночные клубы: «Трокадеро», «Санди», все три «Браун Дерби» — приличные клубы, известные с восьмидесятых годов прошлого столетия, — и тоже ничего не узнал. Дюжину раз я звонил Джеку Харди, но никто не брал трубку. Наконец, в частном клубе в Калвер-Сити, мне впервые улыбнулась удача.

— Мистер Харди наверху, — с обеспокоенным видом сообщил владелец клуба. — Надеюсь, все в порядке, мистер Прескотт? Я уже слышал о Деминге...

— Нормально, — отмахнулся я. — Проведите меня к нему.

— Он должен проспаться, — признался владелец. — Он был пьян в стельку, и я велел запереть его наверху, где он будет в безопасности.

— Не в первый раз, да? — подмигнул я ему. — Все равно, разбудите его... Ну, дайте побольше кофе, черного. Я должен... мне нужно поговорить с ним.

Но прошло полчаса, прежде чем Харди оказался в состоянии понять, кто я такой и о чем говорю. Он сидел на кушетке,

мигал по-совиному, но постепенно в его запавших глазах разгорался огонек разума.

— Прескотт, — наконец сказал он, — почему ты не можешь оставить меня в покое?

Я наклонился над ним и, тщательно выговаривая слова, чтобы он точно понял, произнес:

— Я знаю, кто такой шевалье Футэйн.

Я ждал либо ужасного, невозможного подтверждения, либо слов, которые убедят меня, что я сумасшедший дурак.

Харди тупо уставился на меня.

— Как ты узнал? — прошептал он.

Я испытал ледяной шок. До этого момента я еще не верил, несмотря на все доказательства. Но теперь Харди подтвердил подозрения, которым я отказывался верить.

Я не ответил на его вопрос, а вместо этого спросил:

— Ты знаешь о Хессе?

Он кивнул, и, увидев, как мучительно исказилось его лицо, я чуть было не пожалел его. Но меня остановилась мысль о Джин.

— Ты знаешь, где он сейчас?

— Нет. О чем ты говоришь? — внезапно вспыхнул Харди. — Ты с ума сошел, Март! Подумай сам...

— Я не сошел с ума. И Хесс Деминг тоже.

Он посмотрел на меня, как собака, которую только что ударили.

— Ты собираешься рассказать мне всю правду? — мрачно поинтересовался я. — Откуда у тебя эти отметки на горле? Как ты встретился с этим... существом? И куда он увез Джин?

— Джин! — Харди действительно был поражен. — Увез ее... Я не знал этого, Март... Клянусь, что не знал. Ты... Мы были с тобой хорошими друзьями и... и я скажу тебе правду... ради тебя и Джин... Хотя теперь, наверное, уже слишком поздно...

Я шевельнулся, он быстро взглянул на меня и продолжал:

— Я встретил его в Париже. Я искал там новых ощущений... но такого не ожидал. Это был Клуб Сатанистов — дьяволопоклонников. Обычная вещь — дешевое тайное богохульство. Но там я встретил... его. Он может быть об-

ворожительным парнем — когда захочет. Он заставил меня рассказать о Голливуде — и о здешних красотках. Разумеется, я немного прихвастнул. Шевалье спрашивал меня о звездах. Действительно ли они и в жизни столь прекрасны, как на экране. Он слушал меня с голодными глазами, Март. А затем, однажды ночью, у меня был кошмар. Чудовищный черный ужас, который вполз в окно и напал на меня — укусил за горло. Это был сон... или я думал, что это сон. А после... Я оказался в его власти. Он открыл мне правду. Он сделал меня своим рабом, и я не мог этому противостоять. У него силы... нечеловеческие.

Я облизнул пересохшие губы.

— Он заставил меня привезти его сюда, — продолжил Харди, — и представить как новое открытие, которое будет играть главную роль в «Жажде крови», — я рассказывал ему об этой картине еще до того, как... узнал. Как, должно быть, он смеялся надо мной! Он заставил меня служить ему, держать фотографов и операторов подальше, проверяя, чтобы возле него не было ни камер, ни зеркал. А в награду... он позволял мне жить.

Я понимал, что должен испытывать презрение к Харди, служившему такому отвратительному Злу. Но не испытывал.

— А как насчет Джин? — спокойно спросил я. — Где живет шевалье?

— Ты ничего не сможешь сделать, Март, — сказал Харди. — У него под домом хранилище, где он остается на день. Хранилище нельзя открыть, кроме как ключом, который он всегда держит при себе — серебряным ключом. Дверь ему делали на заказ, а потом он сам что-то добавил к ней, чтобы ее невозможно было открыть, кроме как этим единственным ключом. Даже динамит не поможет, сказал он мне.

— Таких тварей... их можно убить, — заметил я.

— Не так-то просто. Сандра Колтер стала его жертвой. После смерти она тоже превратилась в вампира, спящего днем и оживающего по ночам. Ее уничтожил огонь, но нет никакого способа проникнуть в хранилище под домом Футэйна.

— Я не думал об огне, — сказал я. — Нож...

— В сердце, — нетерпеливо прервал меня Харди. — Да — и обезглавить. Я сам думал об этом, но ничего не мог сделать. Я... я его раб, Март!

Ничего не говоря, я нажал кнопку звонка. Появился владелец клуба.

— Вы можете достать мне нож мясника? — Руками я показал размеры. — А как быстро? Он острый?

Привыкший к странным просьбам клиентов, владелец кивнул.

— Сейчас же, мистер Прескотт.

Когда я пошел следом за ним, Харди тихонько позвал:

— Март...

Я повернулся.

— Удачи, — прошептал он.

При виде его морщинистого, обвисшего лица было понятно, что Харди сказал это не пафоса ради.

— Спасибо, — с трудом выдавил я. — Я не виню тебя, Джек, за то, что произошло. Я... наверное, я сделал бы то же самое.

Я пошел, а он резко упал на кушетку, смотря мне вслед глазами, в которые отражались адские муки. Уже рассвело, когда я уехал из Кулвер-Сити с длинным, острым, как бритва, ножом, надежно спрятанным под пальто. День наступал слишком быстро. По телефону сообщили, что Джин все еще не возвращалась домой. Мне потребовалось больше часа, чтобы найти одного человека — он прежде работал на студии, занимаясь кое-какими деликатными делами. Почти не существовало замков, с которыми он бы не справился, что иногда с сожалением признавала полиция.

Звали его Аксель Фергюссон. Большой, добродушный швед с толстыми пальцами, казалось, больше приспособленными для работы с лопатой, чем с замками. Но он был не менее опытен, чем Гудини, и когда-то действительно являлся профессиональным фокусником.

Парадная дверь особняка Футэйна не стала преградой для пальцев Фергюссона и тонкой железки, которую он использовал. Дом, современный двухэтажный особняк, оказался пустым. Но Харди говорил о хранилище под домом.

Мы спустились по лестнице в подвал и оказались в проходе, напоминавшем критский лабиринт, который поворачивал под острыми углами и тянулся на добрых тридцать футов. В конце он упирался в то, что выглядело глухой стеной

из голубоватой стали. Глянцевая поверхность двери была ровной, не считая единственной замочной скважины.

Фергюссон принялся за работу. Сначала он напевал что-то себе под нос, но уже через несколько минут замолчал. Лицо его заблестело от пота. Пока я наблюдал за ним, меня начала пробирать дрожь. Стоящий рядом электрический фонарь постепенно тускнел. Фергюссон поменял в нем батарейку и достал незнакомо выглядящий аппарат. Потом надел темные очки и вручил мне такие же. Засверкало, отражаясь от двери, яркое голубоватое пламя. Но и это оказалось бесполезным. Через какое-то время Фергюссон выключил горелку и снова взялся за инструменты. Воткнул в уши стетоскоп, он стал легонько простукивать пальцами дверь. Это было захватывающее зрелище, но я не забывал, что близится ночь, скоро сядет солнце, а жизнь вампира длится от заката до рассвета. Наконец, Фегюссон сдался.

— Я не могу ничего сделать, — развел он руками, задыхаясь, словно после трудной гонки. — А раз уж я не могу, то не сможет никто. Вероятно, даже Гудини не сумел бы вскрыть этот замок. Единственное, что его откроет, это ключ.

— Хорошо, Аксель, — уныло сказал я. — Вот ваши деньги.

Он заколебался, глядя на меня.

— Вы собираетесь остаться здесь, мистер Прескотт?

— Да, — ответил я. — Вы сами найдете выход. А я... еще немного подожду.

— Ну, тогда я оставлю вам фонарь. Можете вернуть его позже, да?

Я ничего не ответил, и Фергюссон ушел, покачивая головой.

Меня объяла полная тишина. Я достал нож из-под пальто, проверил большим пальцем лезвие и принялся ждать.

Не прошло и получаса, как стальная дверь начала медленно раскрываться. Я встал. Через расширяющуюся щель я видел комнату, совершенно пустую, не считая длинного черного предмета, стоящего на полу. Это был гроб.

Когда дверь раскрылась, из нее вышла стройная белая фигурка — Джин, одетая в прозрачную шелковую одежду. Глаза у нее были широко раскрыты и устремлены куда-то вдаль. Девушка походила на лунатика.

За ней следовал мужчина в безупречном вечернем костюме. Ни один волосок не выбивался из прилизанной прически. Выходя ихз хранилища, он изящно промокал губы носовым платком. На белом платке осталось темно-красное пятно...

4. Я, вампир

Джин прошла мимо меня, словно я не существовал. Но шевалье Футэйн остановился, подняв брови. Его черные глаза, казалось, проникли мне в самую душу. Рукоятка ножа стала горячей в моей руке. Я сделал шаг, чтобы перегородить Футэйну дорогу. Позади зашелестел шелк, и краешком глаза я заметил, что Джин нерешительно остановилась. Ее кавалер следил за мной, небрежно поигрывая носовым платком.

— Март, — медленно проговорил он. — Март Прескотт.

Взгляд его перешел на нож, и на губах возникла едва уловимая улыбка.

— Вы знаете, зачем я здесь, не так ли? — спросил я.

— Да, — кивнул шевалье. — Я... услышал вас. Но не встревожился. Только одна вещь может открыть эту дверь. — Он вытащил из кармана ключ, тускло блеснувший серебряным блеском. — Только этот. — И убрал ключ обратно в карман. — Ваш нож бесполезен, Прескотт.

— Возможно, — криво усмехнулся я, чуть продвигаясь вперед. — Что вы сделали с Джин?

Странное выражение, похожее на боль, мелькнуло в его глазах.

— Она моя, — почти что сердито отрезал он. — И вы ничего не сможете с этим...

Тогда я бросился на него, по крайней мере, попытался. Острие ножа устремилось прямо в белую манишку Футэйна. И остановилось в воздухе. А он даже не шевельнулся. Его взгляд встретился с моим, и мне показалось, что в тело ударила волна энергии — меня разбил паралич, сделав совершенно беспомощным. Кровь пульсировала в висках, когда я пытался двинуться, чтобы завершить удар. Но все оказалось бесполезно. Я был недвижим, словно статуя.

Шевалье прошел мимо меня.

— За мной, — почти небрежно бросил он, и я, как автомат пошел следом

Какая адская гипнотическая сила сделала меня столь беспомощным?

Футэйн пошел вперед наверх. Темнота еще не наступила, хотя солнце зашло. Я прошел за ним в комнату и по его жесту опустился на стул. Справа стоял маленький стол. Шевалье мягко коснулся моей руки, и меня словно током пронзило. Нож выпал из пальцев и со стуком упал на столик.

Джин стояла неподалеку с тусклыми, невыразительными глазами. Футэйн подошел к ней и обнял за талию. Мне показалось, что рот мой забит грязью, но мне все же удалось членораздельно прохрипеть:

— Будьте вы прокляты, Футэйн! Оставьте ее в покое!

Он отпустил Джин и подошел ко мне с потемневшим от гнева лицом.

— Вы дурак! Я мог бы убить вас прямо сейчас. Легко и просто я мог бы заставить вас пойти на самый оживленный перекресток Голливуда, чтобы вы там перерезали себе горло вашим же ножом. У меня есть власть над людьми. Очевидно, вы уже многое поняли, так что вы знаете, откуда у меня власть.

— Да, — пробормотал я. — Я знаю. Вы дьявол... Но Джин — моя...

Он оскалился, как зверь, и прорычал:

— Она не ваша. И она — не Джин. Она — Соня!

Я вспомнил, что пробормотал Футэйн, когда впервые увидел Джин. Он словно прочел вопрос в моих глазах.

— Когда-то, очень давно, я знал Соню. Они убили ее — вбили ей в сердце кол, давно, в Турине. Теперь, когда я отыскал девушку, которая может быть лишь перевоплощением Сони, они снова поступят так же... Но я не брошу ее. И никто не заставит меня сделать это.

— Вы сделали ее подобием себя, — с трудом шевеля полупарализованными губами выдавил я. — Я убью ее...

Футэйн повернулся, чтобы взглянуть на Соню.

— Еще нет, — тихо сказал он. — Да, она моя. На ней есть клеймо. Но она пока жива. Она не станет вампиром, пока не

умрет, или пока не выпьет красного молока. Сегодня вечером она должна это сделать.

Я грязно выругал его. Он дотронулся до моих губ, и я больше не мог произнести ни слова. Тогда они оставили меня, Джин и ее хозяин. Я слышал, как хлопнула уличная дверь.

Ночь тянулась бесконечно долго. Бесчисленные попытки шевельнуться убедили меня, что спасения нет — я даже не мог ничего прошептать парализованными губами. Не раз я оказывался на грани безумия, думая о Джин и вспоминая зловещие слова Футэйна. В конечном итоге боль истощилась и исчезла, и я впал в своего рода кому. Понятия не имею, сколько она длилась. Наверное, прошло много часов, прежде чем я услышал шаги, направляющиеся к комнате.

В поле зрения появилась Джин. Я впился в нее взглядом в попытке найти признаки ужасных изменений, и ничего не увидел. Ее красота была прежней, не считая двух ужасных маленьких ранок на горле. Она подошла к кушетке и спокойно легла, закрыв глаза.

Мимо меня прошел шевалье и направился к Джин. Остановился и долго смотрел на нее. Я уже упоминал о неестественной молодости его лица. Так вот, теперь ее не было. Его лицо выглядело старым — очень старым, вне всякого воображения.

Наконец, он пожал плечами и повернулся ко мне. Его пальцы снова коснулись моих губ, и я почувствовал, что могу говорить. Жизнь хлынула в мои вены, неся с собой приступы боли. Я для проверки шевельнул рукой. Паралича как не бывало.

— Она все еще чиста, — сказал шевалье. — Я не смог сделать это.

Меня наполнило изумление, глаза недоверчиво распахнулись. Футэйн криво улыбнулся.

— Все верно. Я мог бы насильно сделать ее немертвой, но в последний момент запретил себе это. — Он взглянул на окно. — Близится рассвет.

Я взглянул на нож, лежащий возле меня на столике. Шевалье протянул руку и отодвинул его.

— Погодите, — сказал он. — Я должен кое-что рассказать вам, Март Прескотт. Вы сказали, что знаете, кто и что я.

Я кивнул.

— Но вы не можете знать всего, — продолжал он. — Что-то вы поняли, что-то предположили, но вы никогда не узнаете меня. Вы человек, а я — немертвый. Много веков прошло с тех пор, как я стал жертвой другого вампира — именно так это распространяется. Бессмертный и не живой, вечно приносящий горе и страх, и терпящий танталовы муки, я провел так много столетий. Я знал Ричарда, Генриха и Елизавету Английскую, и везде я нес с собой только ужас и смерть, поскольку я чужд всему живому. Я — немертвый.

Его тихий голос продолжал звучать, а я сидел неподвижно в каком-то оцепенении.

— Я — вампир. Я — проклятый, воплощенное Зло, но я не всегда был таким. Давно, в Турине, прежде чем тень пала на меня, я любил девушку... Соню. Но я повстречался с вампиром, заболел и умер — и восстал. Так я сам стал вампиром. Это проклятие немертвых — охотиться на тех, кого они любят. Я навещал Соню. Я сделал ее такой же, каким был сам. Она тоже умерла, а потом мы пошли по земле вместе, не живые и не мертвые. Но это уже была не Соня. Да, тело выглядело по-прежнему, но ведь я любил не только тело. Я слишком поздно понял, что уничтожил ее душу. Однажды могилу ее вскрыли, и священник пронзил колом ей сердце, дав упокоение. Но меня они не нашли, я хорошо спрятал свой гроб. Тогда я отбросил все мысли о любви, понял, что любовь не для таких, как я. Надежда возродилась во мне, когда я увидел... Джин. Сотни лет прошло с тех пор, как погибла Соня, но я вдруг решил, что снова нашел ее. И я взял ее. Ни один человек не смог бы остановить меня.

Шевалье прикрыл веки. Он выглядел бесконечно старым.

— Ни один человек. Но в конце концов я осознал, что не могу обречь ее на ад, в котором давно уже живу сам. Я и думать забыл про любовь. Но очень-очень давно я любил Соню. И в память о ней, а также потому, что могу только повторить то, что уже сотворил когда-то, я не тронул эту девушку.

Я повернул голову и посмотрел на Джин, тихо лежащую на кушетке. Шевалье проследил за моим взглядом и медленно кивнул.

— Да, она носит клеймо. Она умрет, если... — он неустрашимо встретил мой взгляд, — если не умру я сам. Если бы

вчера вы прорвались в хранилище и вонзили мне в сердце нож, она была бы уже свободна, — он снова взглянул на окно. — Скоро взойдет солнце.

Затем он быстро подошел к Джин и мгновение глядел на нее сверху вниз.

— Она очень красива, — пробормотал он. — Слишком красива для ада.

Затем шевалье повернулся и направился к двери. Проходя мимо стола, он небрежно бросил на него что-то, звякнувшее при падении. В дверях он остановился, едва заметная улыбка изогнула его красные губы. Таким я его и запомнил, стоящим на черном фоне дверного проема, с высоко поднятой головой. Он поднял руку жестом, который должен был бы показаться театральным, но вовсе не выглядел таковым.

— Итак, прощайте. Я тот, кто решил умереть...

Он не закончил. В сереющем рассвете я увидел, как он уходит, услышал его шаги по лестнице, удаляющиеся и слабеющие, потом лязгнул дверной засов. Паралич тут же слетел с меня. Я вздрогнул, поняв, что должен сделать. Но знал, что не имею права потерпеть неудачу.

Я мельком взглянул на стол. Даже еще не увидев, что лежит рядом с ножом, я уже понял, что это. Серебряный ключ...

КОШМАРНАЯ ЖЕНЩИНА

Мартин Ренд выключил фары и остановил машину, когда увидел дом Дрейка, смутно вырисовывающийся на фоне звезд. Несколько мгновений он сидел, глядя на странный фиолетовый свет, смутно струившийся из окна наверху.

Пока он вылезал из машины, попутно оглядывая пустынную местность, в кармане зашуршала бумага. Это была телеграмма от Фреды. Ренд выучил ее почти наизусть, пока ехал из города:

ПОЖАЛУЙСТА ПРИЕЗЖАЙТЕ НЕМЕДЛЕННО ТОЧКА ДЖОННИ УМИРАЕТ ТОЧКА НУЖНА ВАША ПОМОЩЬ

ФРЕДА.

Отправившая телеграмму женщина была невестой Ренда, а Джонни — ее братом. Ренд знал, что тот уже несколько недель болеет, но не подозревал, что это так серьезно. Еще получив телеграмму, он сразу почувствовал, что в ней что-то не так. А теперь, стоя в холодном ночном полумраке и глядя на жуткий фиолетовый свет из окна, он понял, что предчувствия не обманули.

Было что-то странное и злое в этом холодном, бледном свете. Подобным образом светятся гнилушки, и Ренд, направившийся пешком к дому, внезапно решил получше исследовать источник этого света. Теперь он точно видел, откуда исходит свет. Это было окно спальни Джонни Дрейка.

Ренд неторопливо дошел до дома. Бледный луч продолжал светить в темноте. Плющ, растущий на стене, показался достаточно крепким, чтобы выдержать его вес. Ренд подошел к стене и для пробы подтянулся на жестком стебле. Раздался легкий треск, но плющ выдержал. Тогда Ренд спокойно полез по нему вверх.

Плющ свисал по обе стороны окна, поэтому пришлось слегка раскачаться, чтобы поставить ногу на подоконник. Секунду он балансировал в неустойчивом положении, затем восстановил равновесие и схватился за раму. И тут же дыхание у него сперло.

Глазам Ренда предстала сцена, словно сошедшая со страниц средневековой истории о колдовстве. Джонни Дрейк спал в своей постели, его восковое лицо было потрясающе бледным. В синем холодном свете тени на его висках и скулах делали его лицо похожим на череп. А у кровати, склонившись над спящим, стояла женщина. Впрочем, действительно ли это была женщина?

Высокая, чувственно красивая, с округлыми контурами тела, видного сквозь полупрозрачную одежду, она склонилась над кроватью с рассыпавшимися по голым плечам золотистыми волосами, зеленые глаза горели адским, нетерпеливым огнем. И все ее тело светилось. Именно оно светилось синим, напоминающим лунный, жутким светом!

Пока она стояла, купаясь в этом свете, то казалась не совсем настоящей, нереальной, словно плоть ее была из полупрозрачного желатина. Наклонившись еще ниже, она прижалась алыми губами к бледным губам Джонни Дрейка. Ренду показалось, что после этого тени на висках Джонни явственно углубляются.

— Боже правый! — выдохнул он, сердце его бешено колотилось.

Избавившись от оцепенения, Ренд отвел одну ногу, чтобы ударить по стеклу, но тут же замер.

Дверь спальни внезапно распахнулась, словно от хорошего пинка, и в комнату ворвалась невеста Дрейка Фреда. По сравнению с ведьмой она казалась очень маленькой. В этой девушке всегда было что-то теплое и привлекательное, очень человеческое, розово-белое, как в дрезденской кукле.

Но теперь Ренд видел иную Фреду.

Сверкая голубыми глазами, она бросилась через комнату, ее тело было едва прикрыто тонкой ночной рубашкой. В руке у девушки был курносый пистолет.

Ведьма отступила, и Ренд с ужасом увидел, как ее темно-красные губы изогнулись в злой улыбке. Несмотря на то, что

на нее было направлено оружие, и палец Фреды уже лежал на спусковом крючке, она... рассмеялась! В этом смехе торжествующе звенели презрительные серебряные колокольчики. И тогда пистолет выстрелил! Раз, другой, третий!.. Ведьма опять рассмеялась.

На ее светящемся теле не появилось ни единого следа, хотя на таком расстоянии Фреда не могла промахнуться. Ренд ощутил, как ледяной холод сжимает его сердце. Девушка выронила пистолет, глаза ее широко распахнулись от ужаса и недоверия. Ведьма стремительно взмахнула светившейся фиолетовым светом рукой. Ренд почувствовал в этом жесте угрозу и изо всех сил пнул ногой по стеклу.

— Фреда! — закричал он, пока осколки летели в комнату. — Я иду! Назад!

Когда он согнулся и присел, чтобы пролезть в ощерившееся остатками зазубренных осколков окно, то увидел, как Фреда повернула к нему искаженное страхом белое лицо. И тогда произошло нечто странное и ужасное.

Ведьма указала на девушку рукой, и у той внезапно погасли глаза. Казалось, жизнь мгновенно покинула ее тело. Фреда тихонько опустилась на пол.

С изумлением видя все это, Ренд все еще стискивал оконную раму, приготовившись к прыжку. Ведьма повернулась к нему. Он мельком увидел ее обольстительно-красивую фигуру, светящуюся жутким фиолетовым сиянием, а затем что-то мелькнуло в воздухе.

Что-то длинное и черное с силой ударило его в грудь. Ренд отчаянно замахал руками, хватаясь за воздух, но потерял равновесие и упал.

Падая, он попытался перевернуться в воздухе, чтобы приземлиться на ноги, но не успел и рухнул на спину. От удара воздух вылетел из легких. И его поглотило море тьмы...

Когда сознание вернулось к Ренду, он лежал на кушетке, ощущая тупую боль в спине. Над ним было три бледных овала, которые постепенно начали проявляться и превратились в три лица: бледное, голубоглазое — Фреды, худощавое, с резкими чертами — ее отца и морщинистое, тонкогубое, аскетическое лицо, владельца которого Ренд не знал. Он сел, вздрогнув от боли в спине, и поздоровался:

— Привет. Что случилось?

Незнакомый человек поднес к губам Ренда стакан.

— Выпейте это, — лаконично скомандовал он.

Жидкость была горькой и крепкой, но от нее по жилам Ренда полилась энергия.

— Это доктор Фишер, — объяснила Фреда. — Он живет здесь с нами с тех пор, как Джонни... заболел.

— Вы видели ее? — нетерпеливо перебил девушку отец. — Женщину?

Ренд внимательно посмотрел на лицо Харви Дрейка. На нем было написано явное беспокойство, а также страх. Доктор скептически хмыкнул.

— Я видел... женщину, — признался Ренд.

Затем быстро рассказал, что случилось. Когда он закончил, Харви Дрейк повернулся к доктору со странно удовлетворенным видом.

— Ну и что вы теперь скажете? — спросил он. — Такого не существует, да? Вы дурак, Фишер.

Доктор снова презрительно фыркнул.

— У всего есть рациональное объяснение... — упрямо начал он, но был резко прерван.

— Вы знаете какое-то рациональное объяснение тому, что происходит с моим сыном? Вы знаете, почему он умирает у вас на глазах, почему жизнь буквально вытекает из него, — и не можете это прекратить? Нет! Зато я знаю. Я все понял. Эта женщина...

— Да о чем, черт побери, вы все?! — не выдержал Ренд. — Кто эта женщина? И что произошло с Джонни?

Он заметил, что глаза Фреды внезапно наполнились слезами.

— О, Март, — произнесла она. — Я так рада, что ты приехал. Ты что-нибудь сделаешь, верно?

— Конечно, — ответил Ренд с уверенностью, какой сам не чувствовал, встал и усадил девушку на кушетку. — А теперь, ради бога, расскажи мне, что происходит!

— Ну... Джонни, — старательно выговаривая слова, начала Фреда, — у Джонни были кошмары... начались примерно три недели назад. Несколько дней он спускался по утрам из спальни, выглядя просто ужасно. А затем ему стало хуже. Он

уже не мог подняться с постели, под его глазами появились фиолетовые тени, щеки буквально провалились...

— Мара трао ханн! — произнес Харви Дрейк какую-то фразу на древнеисландском языке.

Фреда замолчала и уставилась на него. Затем тихонько вскрикнула и прижала ладони к бледным щекам.

— Да! Все верно, Март! «Кошмар давит его!»

— Вот именно, — добавил Харви Дрейк, в его запавших глазах горели яркие огоньки. — Причем кошмар тут не просто термин, описывающий дурной сон. Многие народы полагают, что кошмар — это злой дух, подобный вампиру, который бродит по ночам и убивает людей. Греки верили в него — помните инкубов? — и так же верят в него современные африканцы. Вампир питается кровью, но мара — кошмар — питается самой жизнью. И этот ужас высасывает жизнь у моего сына!

— Че-пу-ха! — по слогам выкрикнул доктор Фишер.

Дрейк недоброжелательно глянул на него и собирался продолжать, но внезапно позвонили в дверь. Вошла служанка в белом переднике и вручила Дрейку записку. Он прочитал ее и нахмурился.

— Найдите для нее комнату, — сказал он служанке. — Это медсестра, — добавил он доктору Фишеру, который коротко кивнул.

Фреда стояла возле Ренда, с тревогой глядя ему в глаза.

— Ты останешься, Март? Ты что-нибудь сделаешь, не так ли?

— Конечно, — кивнул он. — Так или иначе, мы спасем Джонни. Но разве Джонни нельзя перевезти в больницу, доктор Фишер?

— Он слишком слаб... Поездка убьет его, — ответил доктор. — Есть... Черт побери, да нет ничего в этой суеверной ерунде о кошмарной женщине, — вспыхнул он, впившись взглядом в Дрейка. — Это против науки! Против здравого смысла!

— Я буду дежурить сегодня вечером, — сказал Ренд. — Если случится еще что-нибудь странное, то я доберусь до сути этого.

— Сегодня вечером... — задумчиво протянул Дрейк.

В его запавших глазах, казалось, закопошились червячки страха.

— Сегодня вечером откроются врата ада, — добавил он без всякого выражения.

Кошмарная женщина никогда не появляется до полуночи, как помнила Фреда. В двадцать три тридцать она привела его в комнату Джонни. Они тихонько прошли по залитому лунным светом ковру.

— Только не усни, — прошептала девушка на ухо Ренду.

— Ни в коем случае, — ответил он, но Фреда покачала головой.

— Это часть... появления, — пробормотала она. — Все засыпают. Словно какая-то волна сна прокатывается по дому. Вчера я была в дальней комнате, поэтому не уснула. Но она лишь махнула на меня рукой... С этим невозможно бороться...

Ренд ничего не ответил, но был уверен, что не уснет. Он был бодр, не чувствовал ни малейшей сонливости. Фреда открыла дверь в маленькую кладовую.

— Можешь спрятаться там, — тихонько сказала она. — Оружие есть?

Ренд показал пистолет.

— Если ты начнешь стрелять, прибегут папа и доктор Фишер. Они охраняют дом снаружи, чтобы удостовериться, что никто не войдет.

— Хорошо. А теперь уходи. Близится полночь.

Они еще немного поперешептывались, прежде чем Ренду удалось отослать Фреду вниз, так как она вдруг пожелала остаться с ним. Но ее все-таки удалось убедить, и, когда дверь за девушкой закрылась, он устроился в кладовой, глядя через щелку в приоткрытой двери. Долго ждать не пришлось.

Прошло минут пять. Джонни лежал на спине, лицо его было белым, как подушка. И внезапно на эту белизну упал фиолетовый отблеск. Ренд замер от предчувствия беды. Тело его внезапно настолько отяжелело, что он едва мог пошевелить руками.

И тут в поле зрения появилась женщина-кошмар! Высокая, обольстительно красивая, со светящимся жутким фиолетовым светом телом. Ее алые губы были приоткрыты. Она двинулась к кровати, с жадностью глядя на спящего человека. Соблазнительно красивая, она была злом,

злом за пределами воображения. Женщина стояла, купаясь в сиянии, и губы ее выделялись ярким пятном на лице.

Ренд с трудом преодолел охвативший его паралич и сунул руку в карман. Прикосновение к пистолету придало ему сил. Он вскочил и ударом ноги распахнул дверь, заставляя одеревеневшие мышцы работать. Женщина-ведьмы бросила на него хитрый взгляд, странно кошачий, а затем вновь повернулась к Джонни. Резко пролаял пистолет. Смеясь, ведьма опять повернулась к Ренду, уставившись на него злыми торжествующими зелеными глазами. Она подняла руку...

Волна холода сжала Ренду сердце! Сознание начало уплывать. Он стиснул пистолет, пытаясь снова нажать курок, но заледеневшие пальцы не слушались. Вокруг сгущалась темнота, вытесняя фиолетовое свечение, заполнявшее комнату.

Краем глаза Ренд видел дверной проем. О боже, неужели Фреда вернулась, чтобы снова предстать перед этим исчадием ада?

В комнату, пронзительно крича, вбежала женщина в белой униформе. Ведьма отскочила, ее сияние вспыхнуло ярче. Затем фиолетовый свет внезапно погас, и Ренд ощутил, что падает, летит в бесконечную пропасть, а за ним несется дикий смех ведьмы...

Что-то давило на грудь, было трудно дышать. Ренд попытался сесть, его пальцы наткнулись на что-то упругое и ледяное. Он выпрямился, глядя по сторонам.

Через окно вползал серый рассвет. Не было ни малейших следов женщины-кошмара, а также испускаемого ею синего сияния. Но когда Ренд все же поднялся на ноги, то наткнулся на тело... тело медсестры!

Она казалась мертвой, с бледным лицом, оттененным темными волосами. Даже губы были столь же белыми, как униформа. Небольшие царапины проходили по вискам и шее. Под правым ухом была маленькая ранка, но кровь из нее не текла. Глубоко запавшие глаза неподвижно смотрели вверх.

Ренда пробрала нервная дрожь, когда дверная ручка стала поворачиваться. В комнату вбежали Харви Дрейк и доктор Фишер, небритые, с покрасневшими глазами.

— Мы заснули на дежурстве, — прорычал Дрейк. — Оставили тебя...

Он замолчал, уставившись на тело медсестры.

Доктор протиснулся мимо него, монотонно ругаясь. Опустившись на колени перед телом, он поднял бледную руку на свет и стал разглядывать пальцы. Затем — Ренду к горлу подкатил комок тошноты — он исследовал глазницы медсестры, тихонько нажимая на глазные яблоки большим и указательным пальцами. Затем встал и отряхнул колени.

— В ней нет ни капли крови, — спокойно сказал доктор. — Что-то выкачало из нее кровь. Что произошло? — резко спросил он Ренда, и тот быстро пересказал ночные события.

Доктор в это время осматривал Джонни.

— Ему хуже, — констатировал он, когда Ренд замолчал. — Еще несколько дней и... — Доктор покачал головой.

— Значит, женщина-кошмар — чепуха, да? — с горечью спросил его Харви Дрейк. — Вы считаете, мы просто видели это во сне? Если Ренд здесь...

Доктор резко вздохнул.

— Меня тревожит не это...

— Тогда объясните, что!

— Состояние моего пациента! Вы что, ждете, что я начну его лечить волчьей ягодой? Я перепробовал все известные медицине средства...

Плечи доктора уныло опустились.

— Это не то, от чего может избавить наука, — начал было Дрейк, но Ренд перебил его.

— Мы что, будем продолжать пререкаться, пока эта девушка лежит здесь мертвая? Ради бога, не будьте так омерзительны!

Сказав это, Ренд понял, что у остальных, как и у него самого, нервы на пределе, так что едва ли от них можно ждать нормальной реакции. Дрейк впился в него взглядом, но в это время снаружи раздался рев автомобильного двигателя. Дрейк повернулся и пошел к двери.

— Служанка все еще спит, — нелюбезно буркнул он через плечо, — как и Фреда.

Доктор Фишер кивнул, когда дверь закрылась.

— Здесь мы уже ничего не можем поделать, — сказал он. — Позже я ею займусь. Пойдемте вниз, я смешаю вам кое-что.

— Спасибо, — сказал Ренд.

Бросив взгляд на тихую, напоминающую могилу комнату с ее мрачными обитателями, он нервно прикусил нижнюю губу и вышел следом за доктором.

Внизу Харви Дрейк взволнованно разговаривал с маленьким смуглым сухим человеком с ястребиным лицом.

— Его послал Бергман, — сообщил Дрейк и передал доктору конверт.

Фишер вскрыл его и прочитал напечатанный на машинке листок, после чего протянул Ренду. Там было написано:

Дорогой Фишер!

Получил вашу телеграмму. К сожалению, данное дело совершенно вне границ современной науки. Я не могу помочь вам, опираясь на медицину, но посылаю человека, который способен что-то сделать. За последнее время у меня было несколько подобных случаев, и этот человек великолепно справился с ними. Я не имею права рекомендовать его официально, но вы вполне можете позволить ему действовать. Я больше не знаю никого, кто мог бы помочь вам.

Письмо оказалось подписано доктором Элиасом Бергманом. Ренду была известна его репутация как одного из самых лучших специалистов Нью-Йорка. Когда он вернул письмо Дрейку, в комнату, протирая глаза, вошла Фреда. На ее лице была написана тревога. Ренд повернулся поздороваться с девушкой, но доктор Фишер многозначительно толкнул его.

— Дайте мне рассказать ей о медсестре, — прошептал он. — Это может вызвать шок.

После чего взял Фреду под руку и вывел из комнаты. Ренд поглядел им вслед, затем повернулся к Дрейку и гостю.

— Доктор Фишер послал вчера телеграмму доктору Бергману, — сказал Дрейк. — Он думает, что тот мог бы помочь...

— Меня зовут Альберт Крюгер, — прервал его гость. — Бергман послал меня. Разумеется, с научной точки зрения он меня не признает, но... — Он пожал плечами, его черные глаза блестели на смуглом лице. — Я оккультист. Этот тип кровососов мне знаком. О них гласит древняя норвежская легенда о мара, женщине-тролле, высасывающей жизнь из своих жертв.

— Вы можете спасти моего сына? — быстро спросил Дрейк.

— Да. Думаю, да... если вы предоставите мне свободу действий. Я уже сталкивался с подобными случаями. Оккультизм, как и все остальное, является наукой, технически весьма развитой. С помощью этой науки можно бороться с... существами, которые порой начинают охотиться на человека.

В комнату вернулся Фишер.

— Вы должны разрешить мне вызвать полицию, — проворчал он. — Они найдут вашего вампира лучше, чем этот шарлатан.

— Нет! — рявкнул Дрейк, его щека явственно подергивалась. — Я запрещаю! В полиции служат одни болваны. Они гарантированно погубят Джонни. Ворвутся в дом, арестуют нас всех... — Он достал сигару из серебряной коробки и резко обрезал ее.

Ренд знал, что неприязнь Дрейка к полиции происходит из того давнего случая, когда его арестовали по ошибке и заставили провести ночь в кутузке. Он собрался было вмешаться, когда Крюгер стремительно встал на сторону Дрейка.

— Вы правы, — проворчал он. — Мне нужно настроиться психически, чтобы бороться с мара. На это уйдет несколько часов, а я должен еще настроить и свою аппаратуру. Меня нельзя тревожить. Эта женщина — медсестра... Вы сказали, она мертва? Значит, мы уже не сможем помочь ей. А полиция станет искать убийцу из плоти и крови. Нет! — Его ястребиное лицо заострилось еще сильнее, губы сжались в тонкую линию. — Если вы вызовете полицию, я уйду!

Дрейк повернулся к нему, игнорируя всех остальных.

— Я обещаю, что полиция не будет вызвана. Никоим образом. Вы оба слышите меня?

Доктор Фишер что-то проворчал, демонстрируя согласие. Ренд молча кивнул.

— Хорошо...

Крюгер повернулся и принялся распаковывать свою аппаратуру. Ренд с любопытством наблюдал за ним. Тот собирал нечто вроде сложного ультрафиолетового прожектора, озабоченно давая при этом пояснения:

— Свет, который я использую... Я наткнулся на рассказы о нем в древнеисландских легендах. Их фольклор полон историй о троллях и прочих чудовищах, которые превращаются в камень с восходом солнца, — он ввернул в гнездо темную лампу странной формы, а потом поставил на место какую-то изогнутую линзу.

— Один лишь солнечный свет не помог бы, но он дал ключ к разгадке. Я провел много лет, совершенствуя этот аппарат, но, кроме него, есть и другие факторы. Экстрасенсорный барьер, этот порошок... — Он просеял меж пальцев сероватую металлическую пыль. — Но свет, разумеется, основное оружие.

— И вы действительно считаете, что это сработает? — не выдержал Дрейк.

— Я в этом уверен. Это все равно как бороться с огнем при помощи огня. Вы сами увидите сегодня вечером... Если я потерплю неудачу, вы мне просто ничего не заплатите.

Ренд бросил многозначительный взгляд на Фишера, но доктор повернулся и вышел из комнаты.

— А если у вас все получится? — спросил Дрейк.

— Ну, скажем, сто тысяч долларов.

Дрейк с шумом вздохнул.

— Сто тысяч?!

— Дорогой мой! — Человек с ястребиным лицом выпрямился, держа в руках катушку с проводом. — Это же не медицина. Не думаю, что еще кто-то в мире сумел бы помочь вам, не считая нескольких так называемых восточных фокусников. Я потратил гораздо больше, пока усовершенствовал мой... Но если вы не заинтересованы...

— Нет! Нет! — прервал его Дрейк, грызя сигару. — Просто все это очень странно... Ладно, я понял, можете действовать. Но только...

— Если юноша выздоровеет, — кивнул Крюгер.

Ренд незаметно вышел из комнаты. Он прошел в кладовую дворецкого и там нашел доктора Фишера, держащего в руке телефонную трубку. Они обменялись понимающими взглядами.

— Я сам хотел позвонить в полицию, — сказал Ренд.

— Я уже позвонил, — сообщил ему Фишер. — Мне кажется...

Он резко замолчал, поскольку в дверях появилась Фреда.

— Я кое-что нашла, — быстро сказала она. Идемте наверх.

В спальне, где лежал Джонни, она показала свою находку — затертые буквы на белой лепнине у самого пола. Тело медсестры было уже унесено, очевидно, самим доктором Фишером.

— Смотрите, — сказала Фреда, опускаясь на колени. — Сначала я подумала, что это медсестра оставила, пока билась в судорогах... но тут явно было что-то написано. Может, вы сумеете прочитать?

Ренд наклонился, изучая знаки.

— Л... и И... «лицо», что ли?

Фреда кивнула.

— И что это может значить? Вчера этой надписи здесь не было, я уверена. Наверное, она успела нацарапать нам какую-то подсказку, прежде чем... умерла.

— Но что значит «лицо»? — вмешался Фишер. — Это ничего не говорит мне.

— Мне тоже, — отозвался Ренд. — Но я могу догадываться, что если мы поймем, что это значит, то сумеем распутать это дьявольское дело.

Он уставился на загадочную надпись. Хотя Фишер и относился к Крюгеру с холодком, он присоединился к остальным в бессменном дежурстве в комнате Джонни. Более того, он принес с собой термос с кофе и фляжку бренди.

— Только для лечебных целей, — мрачно пошутил он.

Все лампы были потушены, кроме ночника у кровати, и Ренд подошел в темноте к окну и уставился в темноту, потягивая кофе. Фреда присоединилась к нему.

— Март, я боюсь того, что может произойти этой ночью.

Ренд обнял ее за талию.

— Не волнуйся, дорогая. Доверься мне.

— Я попытаюсь. Но... Я боюсь...

— Тише! — прошипел Крюгер, повернув к ним свое ястребиное лицо. — Я вижу свет... Он приближается.

Ренд вместе с Фредой подошел к оккультисту, где уже стояли Фишер и Дрейк. Последний протянул руку и выключил ночник. Стало совсем темно. На улице было пасмурно, так что окно лишь чуть-чуть светилось. Ренд с трудом видел большой, громоздкий прожектор рядом с ним.

Стояла мертвая тишина, прерываемая лишь дыханием собравшихся. Потом кто-то переступил с ноги на ногу. Ренд услышал, как доктор что-то нетерпеливо проворчал. А затем все и произошло. Темноту слегка рассеяло знакомое фиолетовое свечение, которое Ренд уже видел. Внезапно в комнате возникла ведьма, двинулась вперед и склонилась над спящим Джонни Дрейком.

Светящееся фиолетовая фигура нависла над кроватью, так что лицо юноши казалось ужасной маской из воска и теней.

— Фреда, — прошептал Ренд.

Никакого ответа. Ренд посмотрел в сторону, где находилась девушка, но не смог ничего разобрать во мраке. Крюгер резко выкрикнул команду на неизвестном языке. Прожектор оккультиста засиял ослепительным светом.

Ведьма выпрямилась в прямом, жестком, белом луче. У нее вырвалось резкое, угрожающее, буквально змеиное шипение. Когда она повернулась, зеленые глаза пылали гневом на лице.

Оккультист шагнул вперед, развеивая перед собой сквозь пальцы горсть порошка и что-то напевая на странном, певучем языке. Ведьма сжалась и отпрянула назад, широко раскрыв рот.

Ренд бросил взгляд в сторону и увидел стоящих рядом Фреду и Дрейка. Лица у них были неестественно напряженными. Затем девушка внезапно упала на пол. Тогда Ренд принялся стремительно действовать. Он повернулся и пнул по стойке прожектора. Раздался предупреждающий вскрик оккультиста и треск электричества, когда прожектор разбился об пол. Свет погас.

Фиолетовое тело ведьмы, казалось, вспыхнуло ослепительным до черноты в глазах светом. Она отпрянула назад в странной нерешительности. Ренд бросился на нее. Он услышал гневное рычание и ощутил удар о тяжелое тело. Сильные руки внезапно стиснули ему горло. Ренд нанес жесткий удар в мягкий живот, и руки на горле разжались. Кто-то подставил ему подножку, но Ренд отчаянно рванулся вбок, и оба противника рухнули на пол. Кулак снова ударил по мягкой плоти. Краешком глаза Ренд увидел темный, бесформенный силуэт в окне. Чьи-то пальцы вновь оказались у него на шее.

Боль пронзила тело, когда эти пальцы нажали на нервный центр. Ренд взмахнул руками, схватил чьи-то жесткие волосы и с отчаянной силой принялся колотить противника головой об пол. Железная хватка у него на горле разжалась.

Жадно хватая ртом воздух, Ренд вскочил на ноги и бросился к выключателю. Холодный свет осветил комнату.

Фреда и ее отец лежали без сознания на полу. А у самых ног Ренда валялось неподвижное тело доктора Фишера с застывшей на лице ненавистью...

— Обычное мошенничество, — сказал Ренд, бережно потирая шею.

Хотя прошло уже двенадцать часов после драки с доктором, приступы боли иногда все еще накатывали на него. Сидящая рядом Фреда слегка вздрогнула, и Ренд обнял ее одной рукой. Дрейк, нервно зажигая сигарету, кивнул.

— Теперь я понял, — недовольно пробурчал он, — но придумано было чертовски умно. Я все еще не могу свести концы с концами.

— Не было никакой мара, — пояснил Ренд. — Доктор Фишер отравил Джонни препаратом, вызывающим симптомы анемии — ацетанилидом. На это хватило его медицинских знаний. А остальных он потчевал, как пояснил доктор Бергман, приехавший нынче утром, трионалом — сильным снотворным. Письмо от Бергмана, которое привез Крюгер, было, конечно, подделкой.

Сигарета Дрейка осталась забытой у него между пальцами.

— А медсестра, должно быть, узнала...

— Ну, да. Осмотрев Джонни, она поняла, что что-то не так, в ней пробудились подозрения, и она стала ждать доказательств, но ждала слишком долго. Она бодрствовала, когда должна была спать. Видите ли, Фишер усыплял нас каждую ночь, так точно дозируя снотворное, что мог знать до минуты, когда оно начнет действовать. Медсестра не выпила кофе со снотворным и вошла в комнату Джонни, когда я потерял сознание. Она все поняла, но тут появился Фишер... Он убил ее и выкачал из тела кровь, чтобы сделать убийство более ужасным и мистическим.

— Но теперь Джонни выздоровеет, — сказала Фреда. — Так сказал доктор Бергман.

— Конечно, — кивнул Ренд. — В итоге, так и было задумано. Крюгер, сообщник Фишера, должен был «изгнать» ведьму, Джонни поправиться, а вы, мистер Дрейк, заплатить сто тысяч. Познакомившись с вами, Фишер понял, что вашим слабым местом был интерес к оккультизму.

Дрейк неловко заерзал.

— Но женщина? И полиция?

— Я с самого начала не был уверен, что Фишер им позвонил, — и он, конечно же, никому не звонил. У меня не было возможности незаметно добраться до телефона до десяти часов вечера, так что полиция прибыла уже после окончания моей драки с Фишером. Они схватили и Крюгера, и женщину. Те уже во всем признались. Они оказались братом и сестрой, и сами довольно долго шантажировали Фишера. У них было что-то на него — что-то достаточно мерзкое, так что они буквально разорили его требованиями денег. В отчаянии Фишер придумал эту схему и заставил их помогать. Деньги они собирались разделить на троих.

— Но я же стреляла в нее. Я не могла промахнуться, Март! — с недоумением в глазах воскликнула Фреда.

— Холостыми патронами, — объяснил Ренд. — У Фишера было достаточно времени, чтобы добраться до вашего оружия, а также и до моего. Что же касается фиолетового свечения женщины, то это просто люминисцентная краска. Я подозревал нечто подобное, и должен признать, что когда доктор налил мне чашку кофе, я незаметно выплеснул его в окно. Потом разбил прожектор, приведя всех в замешательство. Они не ожидали этого, и я застал их врасплох, заставив Фишера выдать себя. Кстати, он оказался весьма силен, чего не скажешь по внешнему виду! — Ренд погладил себе шею.

— Ну, теперь они в полиции, — сказал Дрейк и встал, все еще держа сигарету. — Пойду повидаюсь с Джонни.

Когда он вышел, Ренд обнял Фреду. Глаза ее были яркими, губы — мягкими.

Внезапно Дрейк заглянул в комнату.

— Э-э... Март, — усмехаясь, сказал он. — Я думаю, что вы заработали, по крайней мере, десять процентов от этих ста тысяч. Вы примете их — в качестве свадебного подарка?

УЖАС САЛЕМА

Когда Карсон впервые услышал шорох в подвале, то приписал его крысам. Позже до него дошли рассказы, которые шепотом пересказывали друг другу суеверные рабочие-поляки с завода на Дерби-Стрит, о первой хозяйке этого старинного дома, Эбигайл Принн. Ныне не осталось в живых никого, кто мог бы помнить эту старую ведьму, но ужасные легенды, расцветающие в «районе ведьм» в Салеме, как сорняки на могилах, содержали жуткие подробности о ней самой и ее жертвах, которые она приносила в жертву ЧЕРВЮ, изображаемому обычно с рогами полумесяцем. Старики все еще бормотали об Эбби Принн и ее хвастовстве, что она является верховной жрицей могучего бога, живущего в глубине гор. На самом деле, это опрометчивое хвастовство старой ведьмы и привело ее к смерти в 1692 году во время печально известной казни на Холме Висельников. Никто не хотел говорить об этом, но иногда какая-нибудь беззубая карга начинала бормотать, будто огонь не мог сжечь Эбби, потому что на ее теле был знак ведьмы, сделавший его неуязвимым.

Эбби Принн и ее ужасная статуя давно исчезли, но было по-прежнему трудно найти желающих арендовать этот ветхий дом с остроконечной крышей, выступающим вторым этажом и странными стеклами во французских окнах. Жуткая слава о нем распространилась по всему Салему. Практически, за последние годы там не происходило ничего, что могло бы дать начало странным рассказам, но те, кто отваживался арендовать этот дом, вскоре поспешно съезжали, давая смутные и неубедительные объяснения о живущих там крысах.

Вот эта самая крыса и привела Карсона в Комнату Ведьмы. Тоненький визг и стук лапок в гнилых стенах не раз тревожили его по ночам всю первую неделю, проведенную

в доме. Арендовал он этот дом, чтобы в одиночестве закончить роман, который с нетерпением ждали издатели — очередной из серии женских романов, принесших Карсону определенный успех. Но некоторое время спустя писатель начал строить дикие, фантастические предположения относительно разума крысы, которая однажды вечером выскочила у него прямо из-под ног в темном холле.

Дом был оснащен электричеством, но лампочка в холле висела маленькая, дающая довольно тусклый свет. Крыса черной тенью пронеслась несколько футов и остановилась, видимо, наблюдая за человеком.

В другое время Карсон, вероятно, прогнал бы крысу, затопав и закричав на нее, и вернулся к работе. Но движение на Дерби-Стрит было в тот вечер необычайно шумным, и он никак не мог сосредоточиться на романе. Без всякой причины нервы были натянуты до предела. Так или иначе, но писателю показалось, что крыса, сев вне пределов досягаемости, следит за ним с сардоническим весельем.

Самодовольно улыбаясь, Карсон сделал пару шагов в ее направлении, крыса убежала к двери, ведущей в подвал, которая, к удивлению Карсона, оказалась приоткрытой. Должно быть, он забыл закрыть ее, когда в последний раз был в подвале, хотя вообще-то заботился, чтобы двери были закрытыми, поскольку по старинному дому вовсю гуляли сквозняки. Крыса словно ждала его в дверях.

Раздраженный без всякой причины, Карсон торопливо двинулся к ней, заставив крысу броситься вниз по лестнице. Включив свет в подвале, Карсон увидел, что крыса, сидя в углу, наблюдает за ним острыми, блестящими глазками.

Спускаясь по лестнице, писатель вдруг понял, что ведет себя как дурак. Но работа утомила, и он подсознательно приветствовал любой повод ее прервать. Направившись через подвал к крысе, Карсон с удивлением увидел, что та не торопится убегать, неотрывно глядя на него. В нем начало расти странное беспокойство; казалось, крыса ведет себя неправильно, а немигающий, холодный взгляд ее глаз будил в душе страх.

Затем Карсон рассмеялся, потому что крыса неожиданно прянула в сторону и исчезла в дыре в стене подвала. Нацарапав перед норой крест носком ботинка, он решил, что утром поставит тут капкан.

Из дыры осторожно появилась крысиная морда с рваными бакенбардами. Высунулась и тут же отпрянула. Затем животное начало вести себя совершенно необъяснимо — словно танцевало, подумал Карсон. Оно делало пару шажков вперед и тут же отступало. Словно перед норой лежала змея, караулящая крысу. Но там не было ничего, кроме нацарапанного в пыли креста.

Без сомнения, крысу пугал сам Карсон, стоящий в нескольких шагах от норы. Он сделал шаг вперед, и крыса поспешно спряталась в нору.

Любопытство писателя было задето. Он нашел палку и ткнул ею в дыру. При этом пришлось приблизить голову к стене, и Карсон заметил что-то странное в каменной плите чуть выше норы. Быстрый осмотр краев плиты подтвердил подозрения. Плита явно была подвижной.

При осмотре Карсон увидел у одного ее края выемку. Пальцы легко легли в углубление, и он потянул. Каменная плита немного шевельнулась и остановилась. Писатель потянул сильнее. Посыпалась сухая земля, и плита отошла от стены, словно на стержнях.

В стене оказался черный прямоугольный проем высотой до плеча. Из него пахнуло плесневелым, зловонным, спертым воздухом, и Карсон непроизвольно шагнул назад. Внезапно он вспомнил чудовищные рассказы об Эбби Принн и ее отвратительных секретах.

По рассказам, она скрывала их в доме. Неужели он наткнулся на какой-то тайник давно умершей ведьмы?..

Прежде чем войти в темный проем, Карсон предосторожности ради принес сверху фонарь. Затем наклонил голову и ступил в узкий, вонючий проход, светя перед собой фонарем.

Он оказался в узком туннеле чуть выше его головы, со стенами, обложенными каменными плитами. Туннель тянулся футов на пятнадцать, затем вышел в просторное помещение. Оказавшись в подземной комнате, — без сомнения, в тайнике Эбби Принн, в ее убежище, который все равно не

спас ее в тот день, когда сведенная с ума от страха толпа пошла по Дерби-Стрит, — он задохнулся от изумления. Помещение было фантастически удивительным.

Первым делом пристальное внимание Карсона привлек пол. Если стены были тускло-серого цвета, то на полу оказалась выложена искусная мозаика из разноцветных камней, в основном голубых, зеленых и фиолетовых, и не было среди них ни единого теплого оттенка. Среди тысяч камней Карсон не увидел ни одного больше грецкого ореха. Мозаика, казалось, следовала определенным, но незнакомым образцам. Там были кривые фиолетового цвета, которые перемешивались с ломаными линиями зеленых и синих цветов, переплетаясь в фантастические арабески. Виднелись круги, треугольники, пентаграммы и другие, совсем уж незнакомые, фигуры. Большинство линий и фигур выходило из одного места — центра помещения, в котором лежал круглый диск из мертвенно-черного камня фута два в диаметре.

В помещении стояла полная тишина. Здесь не было слышно шума машин, проходящих наверху по Дерби-Стрит. В неглубоком алькове в стене Карсон мельком увидел какие-то знаки и двинулся к нему, водя лучом фонаря по стенам ниши.

Знаки, чем бы они ни были, от древности почти стерлись с камней, так что разобрать их было невозможно. Карсон видел какие-то иероглифы, которые показались арабскими, но он не был в этом уверен. На полу алькова лежал изъеденный коррозией металлический диск футов восьми в диаметре, и у Карсона создалось впечатление, что он тоже подвижен. Но писатель не обнаружил никакого способа открыть его.

Потом он прошел в центр помещения, где странная мозаика сходилась на круге из черного камня, и снова обратил внимание на полную тишину. Машинально он щелкнул выключателем фонаря и тут же очутился в абсолютной темноте.

И в этот момент ему в голову пришла странная мысль. Он представил себя стоящим на дне ямы, в которую сверху из шахты льется вода. Это впечатление оказалось настолько сильным, что он почти услышал громогласный гул потока. Затем, чувствуя себя странно, Карсон включил свет и стремительно огляделся. Гул, разумеется, был стуком сердца в

ушах, явственно слышимым в полной тишине, — знакомое явление. Но если здесь всегда так тихо...

Внезапно у него появилась идея, словно ее насильно вложили в голову. Здесь было бы идеальное место для работы. Нужно только провести сюда электричество, поставить стол и стул, принести вентилятор, если понадобится — хотя запах плесени, сначала казавшийся сильным, сейчас почти исчез. Карсон направился к входу в туннель, и когда вышел наружу, то почувствовал необъяснимое расслабление мышц, хотя писатель и не помнил, чтобы они были напряжены. Он приписал это нервам и пошел наверх сварить кофе и написать владельцу дома в Бостон о своем открытии.

Посетитель с любопытством оглядел прихожую, когда Карсон открыл дверь, и удовлетворенно кивнул. Это был высокий худощавый человек с густыми седыми бровями, нависшими над острыми серыми глазами. На его лице, хотя и выглядевшем изможденным, не было ни морщинки.

— Полагаю, вы насчет Комнаты Ведьмы? — нелюбезно спросил Карсон.

Владелец дома проболтался, и всю прошлую неделю Карсону пришлось нехотя развлекать антикваров и оккультистов, стремящихся хоть глазком взглянуть на потайное помещение, в котором Эбби Принн бормотала свои заклинания. Раздражение Карсона все росло, и он уже всерьез подумывал переехать в более тихое местечко, но врожденное упрямство заставляло остаться, чтобы закончить роман, невзирая на досадные помехи. И теперь, холодно глядя на гостя, он сказал:

— Мне очень жаль, но выставка закрыта.

Гость пораженно поднял брови, но почти немедленно в его глазах засветилось понимание. Он достал визитную карточку и протянул ее Карсону.

— Майкл Ли... оккультист, да? — прочитав, повторил Карсон и глубоко вздохнул.

Он уже понял, что оккультисты хуже всех со своими туманными намеками на что-то неизвестное и глубоким интересом к мозаике на полу Комнаты Ведьмы.

— Мне очень жаль, мистер Ли, но... Я действительно очень занят. Вы уж простите меня.

И он нелюбезно попытался закрыть дверь.

— Один момент, — быстро сказал гость.

И прежде чем Карсон успел возразить, схватил писателя за плечи и уставился ему прямо в глаза. Пораженный, Карсон отступил, но успел увидеть, как на худом лице Ли появилась странная смесь предчувствия и удовлетворения. Словно оккультист увидел нечто неприятное — но не неожиданное.

— В чем дело? — резко спросил Карсон. — Я не привык...

— Простите меня, — сказал Ли глубоким приятным голосом. — Должен принести свои извинения. Мне показалось... Ну, я еще раз приношу извинения. Боюсь, я слишком взволнован. Видите ли, я приехал из Сан-Франциско, чтобы увидеть эту вашу Комнату Ведьмы. Вы ведь позволите мне увидеть ее? Я буду рад заплатить любую сумму...

Карсон сделал примирительный жест.

— Нет, — сказал он, чувствуя, как внутри у него растет странная симпатия к этому человеку... к его хорошо модулированному, приятному голосу, его сильному лицу, магнетической личности. — Нет, я просто хочу немного покоя... Вы понятия не имеете, как мне тут мешают, — добавил он, сам себе удивляясь, что вдруг заговорил извиняющимся тоном. — Все это ужасно неприятно. Я уже почти жалею, что вообще обнаружил эту Комнату.

Ли с тревогой подался вперед.

— Так я могу ее увидеть? Это значит для меня очень много — мне жизненно важны такие вещи. Я обещаю занять не более десяти минут вашего времени.

Карсон поколебался, затем согласился. Ведя гостя в подвал, он рассказывал об обстоятельствах открытия Комнаты Ведьмы. Ли слушал его внимательно, иногда прерывая вопросами.

— Крыса... Вы видели, что с нею случилось потом? — спросил он.

— Да нет, — удивленно ответил Карсон. — Наверное, скрылась в своей норе. А почему вы об этом спрашиваете?

— Кто знает, кто знает... — туманно протянул Ли, когда они уже входили в Комнату Ведьмы.

Карсон включил свет. Сюда провели электричество, поставили стол и несколько стульев, но во всем прочем

помещение осталось неизменным. Карсон наблюдал за лицом оккультиста и с удивлением видел, что оно стало мрачным, почти сердитым.

Ли прошел в центр комнаты и уставился на стул, стоявший на черном каменном круге.

— Вы здесь работаете? — медленно спросил он.

— Да. Здесь тихо... Я обнаружил, что не могу писать наверху. Там слишком шумно. А здесь идеальная обстановка... По крайней мере, мне кажется, что здесь очень легко писать. Мой разум становится... — он немного поколебался, — свободным, независимым от внешних мелочей. Это очень необычное ощущение...

Ли покивал, словно слова Карсона подтвердили какую-то его идею. Затем повернулся к алькову с металлическим диском на полу. Карсон последовал за ним. Оккультист подошел к стене и стал водить по смазанным символам длинным указательным пальцем. При этом он что-то нашептывал — какие-то слова, напоминавшие Карсону тарабарщину.

— Ниогта... къярнак...

Затем он повернулся с мрачным, бледным лицом.

— Я увидел достаточно, — тихо сказал он. — Пойдемте?

Удивленный, Карсон кивнул и пошел впереди обратно в подвал. Когда они поднялись наверх, Ли немного помялся, словно ему было трудно начать разговор. Затем спросил:

— Мистер Карсон... согласитесь ли вы со мной, что последнее время у вас были какие-то специфические сны?

Карсон взглянул на него и увидел, что в его глазах плясали радостные огоньки.

— Сны? — повторил он. — А-а, понимаю... Что ж, мистер Ли, могу вам сказать, что вам не удастся меня запугать. Ваши коллеги — другие оккультисты, которых я тут развлекал, — уже пробовали это.

— Вот как? — поднял густые брови Ли. — Они тоже спрашивали вас о снах?

— Некоторые — да.

— И вы им рассказали?

— Нет.

Ли откинулся на спинку стула с озадаченным выражением лица, а Карсон медленно продолжил:

— Хотя, на самом деле, я не совсем уверен...

— Что вы имеете в виду?

— Мне кажется... у меня осталось неопределенное впечатление, что я видел в последнее время сны. Но точно утверждать не могу. Видите ли, я не помню ничего из этих снов. И... О, вполне вероятно, что мысль о снах внушили мне ваши коллеги-оккультисты!

— Возможно, — сказал Ли, вставая, затем немного помялся. — Мистер Карсон, я хочу задать вам довольно неожиданный вопрос? Вам действительно необходимо жить в этом доме?

Карсон покорно вздохнул.

— Когда мне впервые задали этот вопрос, я объяснил, что хотел найти тихое место для работы над романом и что мне подошло бы любое тихое место. Но найти их не так-то легко. Теперь, когда у меня есть эта Комната Ведьмы, где так легко работать, я не вижу причины, почему должен переезжать и, вероятно, нарушить свое расписание. Я уеду из этого дома, когда закончу роман, а потом вы, оккультисты, можете прийти сюда и превратить его в музей или сделать все, что хотите. Меня это не интересует. Но пока роман не закончен, я намерен оставаться здесь.

— Действительно, — потер подбородок Ли. — Я могу понять вашу точку зрения. Но... Неужели в доме не нашлось другого места, где вы могли бы работать? — мгновение он наблюдал за лицом Карсона, затем быстро продолжил: — Я не ожидаю, что вы мне поверите. Вы — материалист. Как и большинство людей. Но некоторым из нас известно лежащее выше и вне того, что люди называют наукой. Существует большая наука, основанная на законах и принципах, непостижимых среднему человеку. Если бы вы читали Мэчена, то помнили бы, что он говорит о пропасти между миром духовным и миром материальным. И о возможности преодолеть эту пропасть. Комната Ведьмы — как раз такой мост! Вы слышали о Галерее шепотов?

— О чем, — поморгал глазами Карсон. — Но ведь...

— Это аналогия — просто аналогия. Человек может прошептать что-нибудь в этой галерее — или пещере, — и если вы будете стоять в определенном месте на расстоянии в сотню футов,

то услышите этот шепот, хотя на расстоянии десяти футов ничего слышно не будет. Это простая акустика... звук собирается в фокус. Но этот принцип может быть примерен и к другим вещам помимо звука. К любым волновым импульсам — даже к мыслям!

Карсон попытался прервать его, но Ли продолжал:

— Черный камень в центре вашей Комнаты Ведьмы — один из таких фокусов. Когда вы сидите в этом черном круге, то у вас повышается чувствительность к определенным колебаниям — определенным мысленным командам... опасная чувствительность! Как вы думаете, почему ваш ум так ясен, пока вы работаете там? Это обман, ложное чувство ясности... Вы являетесь просто инструментом, микрофоном, настроенным принимать определенные пагубные колебания, природу которых не можете постигнуть!

Лицо Карсона выражало изумление и скептицизм.

— Но... Не хотите же вы сказать, что действительно верите...

Ли отступил на шаг, глаза его притухли, опять став мрачными и холодными.

— Ладно. Но я изучил историю вашей Эбигайл Принн. Она тоже разбиралась в супернауке, о которой я вам говорил. И использовала ее со злыми целями — это называется черной магией. Я прочитал, что в свое время она прокляла Салем — а проклятие ведьмы может быть ужасной штукой. Можете ли вы... — он поднялся, кусая губы, — можете ли вы, по крайней мере, позволить мне прийти к вам завтра?

Почти ненамеренно Карсон кивнул.

— Но, боюсь, вы напрасно потратите свое время. Я не верю... Я имею в виду, что я... — он запнулся, с недоумением поняв, что не может подобрать слова.

— Просто я хочу убедиться, что вы... Что с вами все в порядке. Если вы сегодня ночью увидите сны, то попытайтесь запомнить их, ладно? Это частенько срабатывает, если постараться запомнить сон сразу после пробуждения.

— Хорошо. Если я увижу сон...

Этой ночью Карсон действительно увидел сон. Он проснулся перед рассветом с неистово колотящимся сердцем и странным чувством беспокойства. Где-то в стенах и под полом слышалась

крысиная возня. Писатель поспешно встал с кровати, дрожа в холодной серости занимающегося утра. Луна все еще слабо сияла в бледнеющем небе.

Затем он вспомнил слова Ли. Он видел сон — это он знал точно. Но вот о чем был сон — другой вопрос. Карсон совершенно не мог его вспомнить, а когда попытался, осталось лишь неопределенное впечатление чего-то шевелящегося во тьме.

Карсон быстро оделся, потому что утренняя неподвижность старого дома действовала на нервы, и вышел купить газету. Для магазинов было еще слишком рано, но он отправился на запад к ближайшему углу в поисках разносчика газет. И пока шел, его взгляд скользил по крышам зданий, почему-то смутно знакомых и тревожащих душу. Но — и это было самым фантастичным — Карсон точно знал, что никогда прежде не бывал на этой улице. Он почти никогда не проходил по этой части Салема, поскольку был ленив по природе. Но все же странное чувство, что он помнит эти места, становилось все более ярким, пока писатель продолжал свой путь. Он дошел до угла и, не раздумывая, повернул налево. Странное чувство усилилось. Карсон шел медленно, размышляя на ходу.

Вне всяких сомнений, он уже ходил этой дорогой — и, вполне вероятно, тогда настолько глубоко задумался, что не запомнил дорогу. Несомненно, это все объясняло. Но все же, когда Карсон повернул на Чартер-Стрит, то ощутил вокруг какое-то движение. Салем пробуждался. Безразличные ко всему польские рабочие спешили на свой завод. Проехал случайный автомобиль. Впереди на тротуаре собралась толпа. С чувством нависшей беды, Карсон ускорил шаги. И, испытав шок, увидел, что идет мимо кладбища на Чартер-Стрит, старинного, известного под названием «Место захоронения». Он поспешно пошел сквозь толпу. До ушей Карсона дошли приглушенные разговоры, а затем перед ним вдруг оказалась огромная, обтянутая синим спина. Карсон взглянул через плечо полицейского, и у него перехватило дух.

К железной ограде, огораживающей старинное кладбище, сидел, прислонившись, человек в дешевом, безвкусном костюме.Он так сильно стискивал ржавые прутья ограды, что на волосатых руках вздулись мускулы. Человек был мертв, и

на лице его, смотревшем в небо под безумным углом, застыл безумный ужас. Побелевшие глаза выпучены, рот искривила невеселая усмешка.

Стоявший рядом с Карсоном повернул к нему побледневшее лицо.

— Выглядит так, словно бедняга испугался до смерти, — хрипло сказал он. — Не хотел бы я видеть то, что увидел он. Только взгляните на его лицо!

Карсон машинально отступил, чувствуя, как ледяное дыхание неведомого веет ему в лицо. Он потер рукой глаза, но мертвое, искаженное лицо все еще маячило перед ними. Карсон пошел назад той же дорогой, потрясенный и слегка дрожащий. Взгляд его машинально скользил по могилам и памятникам, усеивающим старое кладбище. Здесь никого не хоронили уже больше столетия, и покрытые лишайником надгробные плиты, с крылатыми черепами, толстощекими херувимами и траурными урнами, казалось, дышали миазмами древности. Что же напугало до смерти этого человека?

Карсон глубоко вздохнул. Правда, труп был ужасным зрелищем, но не стоило из-за этого рвать себе нервы. Писатель не мог позволить, чтобы из-за этого пострадала работа над романом. Кроме того, мрачно заспорил он сам с собой, все объяснялось достаточно просто. Покойник явно был поляком, из эмигрантов, живущих в Салемской гавани. Проходя ночью мимо кладбища, о котором почти триста лет слагались жуткие легенды, его затуманенные алкоголем глаза увидели смутное пятно, а суеверный ум принял его за призрак. Общеизвестно, что поляки эмоционально нестабильны, склонны к массовым истериям и диким фантазиям. Большая Эмигрантская Паника 1853 года, во время которой было сожжено три дома ведьм, возникла из-за спутанного, истеричного заявления старухи, будто она видела, как какой-то таинственный, весь в белом, чужестранец «снял свое лицо». Что еще можно ожидать от таких людей?

Однако нервничать Карсон не перестал и не возвращался в дом почти до полудня. А когда, вернувшись, увидел дожидающегося его оккультиста Ли, то был почти рад ему и пригласил войти со всей сердечностью. Тот выглядел очень серьезно.

— Что вы знаете о Эбигайл Принн? — спросил он без всякой преамбулы, когда Карсон собрался налить в стакан содовую. Секунду он глядел на оккультиста, затем нажал рычажок, и пенистая струя ударила в стакан с виски. Протянув порцию Ли, Карсон сделал такую же себе, прежде чем ответить на вопрос.

— Не знаю, что вы имеете в виду, — сказал он, стараясь выглядеть легкомысленным. — Что я должен о ней знать?

— Я просмотрел архивы, — пояснил Ли, — и обнаружил, что Эбигайл Принн похоронена 14 декабря 1690 года в «Месте захоронения» с колом, пронзившим ей сердце. Хотите что-то спросить?

— Ничего, — спокойно сказал Карсон. — Ну, и?..

— Ну, так сегодня ее могила была вскрыта и ограблена, только и всего. Кол был найдет поблизости, а земля возле могилы вся истоптана. Какой сон вы видели этой ночью? — резко спросил Ли, не сводя с Карсона глаз.

— Н-ну, сон я точно видел, — ответил Карсон, смущенно потирая лоб. — Но вспомнить его не могу. Утром я проходил возле кладбища на Чартер-Стрит.

— А, тогда вы, наверное, слышали о человеке, который...

— Я видел его, — прервал собеседника Карсон и слегка содрогнулся. — Это меня и расстроило.

Он единым глотком допил виски.

Ли наблюдал за ним.

— Хорошо, — наконец, произнес он. — Вы все еще полны решимости остаться в этом доме?

Карсон поставил стакан на стол и поднялся.

— Почему бы и нет? — огрызнулся он. — Почему я не должен здесь остаться? А?

— После того, что произошло вчера вечером...

— А что такого произошло? Ограбили могилу. Суеверный поляк увидел грабителей и скончался от страха. Ну, и?..

— Вы пытаетесь убедить себя в этом, — спокойно ответил Ли. — Но в глубине души знаете — не можете не знать — всю правду. Вы стали инструментом в руках ужасных, могучих сил, Карсон. В течение трех столетий Эбби Принн лежала в своей могиле — немертвая, — и ждала, пока кто-то попадет в ее ловушку... в Комнату Ведьмы. Возможно, она предвиде-

ла будущее, когда построила эту Комнату, предвидела, что однажды кто-то найдет это помещение и попадется в мозаичную ловушку. Это были вы, Карсон, — и вы позволили немертвому ужасу соединить пропасть между духовным и материальным мирами и установить с вами связь. Гипноз — детские игрушки для существа с возможностями Эбигайл Принн. Она легко заставила вас пойти к ее могиле и вынуть кол, так долго державший ее в плену, а затем стерла вам память об этом так, что вы не могли вспомнить это даже как сон!

Карсон вскочил на ноги, глаза его сверкали.

— Во имя Бога, вы сами-то понимаете, что говорите?

— Во имя Бога? — резко засмеялся Ли. — Тогда уж, во имя дьявола — потому что дьявол угрожает Салему в настоящий момент. Городу грозит опасность, ужасная опасность. Эбби Принн прокляла всех мужчин, женщин и детей в городе, когда ее связали с вбитым в сердце колом — и обнаружили, что не могут ее сжечь! Сегодня утром я просмотрел закрытые архивы и приехал, чтобы в последний раз просить вас покинуть этот дом!

— Вы закончили? — холодно спросил Карсон. — Прекрасно. Я остаюсь здесь. Вы или безумны, или пьяны, но вам не удастся произвести на меня впечатление своими страшилками.

— А вы уедете, если я предложу вам тысячу долларов? — спросил Ли. — Или даже больше — десять тысяч? У меня в банке весьма значительная сумма.

— Нет, черт побери! — с внезапно вспыхнувшим гневом рявкнул Карсон. — Я только хочу, чтобы меня оставили в покое, и я мог закончить роман! Я больше нигде не могу работать... не хочу и не буду!

— Я ждал этого, — вздохнул Ли, внезапно успокоившись и даже с каким-то сочувствием. — Вы просто не можете уехать. Вы в ловушке и слишком поздно пытаться освободить вас, пока разум Эбби Принн управляет вами при помощи Комнаты Ведьмы. И что хуже всего — она может проявиться лишь с вашей помощью... Она истощает вашу жизненную силу, Карсон, питается ею, сосет вас, как настоящий вампир.

— Вы с ума сошли, — тупо сказал Карсон.

— Я просто боюсь. Тот железный диск в Комнате Ведьмы... Я боюсь того, что находится под ним. Эбби Принн служила

странным богам, Карсон... я кое-что прочитал на стене ниши, что дало мне подсказку. Вы когда-нибудь слышали о Нийогта?

Писатель нетерпеливо покачал головой. Ли пошарил в кармане и достал листок бумаги.

— Я скопировал это с книги в Библиотеке Кестера, — объяснил он. — Книга называется «Некрономикон» и написана человеком, который так глубоко погрузился в запретные знания, что люди назвали его безумцем. Прочтите.

Брови Карсона нахмурились, когда он прочитал написанное на листке:

Людям он известен как Обитающий во Тьме, брат Древних, зовущихся Ниогта, которых не должно существовать. Его можно вызвать на поверхность Земли через тайные пещеры и проходы. Маги видели его и в Сирии, и под черной башней Линг. Из грота Танг Тартара он появился, чтобы принести ужас и разрушения во дворец великого Кхана. Лишь петлей с крестом, заклинаниями Вач-Вирайю и эликсиром Тиккоуна он может быть изгнан обратно в глубины пещер, где привык обитать.

Ли спокойно встретил озадаченный, пристальный взгляд Карсона.

— Теперь вы понимаете?

— Заклинания и эликсиры! — сказал Карсон, возвращая ему листок. — Все это чушь собачья!

— Отнюдь. Заклинание и эликсиры известны оккультистам уже многие тысячелетия. Мне самому приходилось использовать их в прошлом в определенных... случаях. И если я прав насчет этой твари... — Он повернулся к двери, сжав губы в тонкую линию. — Таких существ уже побеждали в прошлом, но вся трудность заключается в изготовлении эликсира. Его очень трудно сделать. Но я надеюсь... Я вернусь. Вы можете до тех пор не заходить в Комнату Ведьмы?

— Ничего не стану вам обещать, — отрезал писатель, страдая от головной боли, которая все росла и давила на сознание, пока он не почувствовал ко всему отвращение. — До свидания.

Он проводил Ли до двери и остался на крыльце, испытывая странное нежелание возвращаться в дом. Пока он смотрел,

как высокий оккультист быстро уходит по улице, из соседнего дома вышла какая-то женщина. Когда она увидела Карсона, ее огромная грудь угрожающе поднялась, и она разразилась пронзительной гневной тирадой.

Карсон повернулся, удивленно уставившись на нее. В голове у него пульсировала боль. Женщина приближалась, угрожающе взмахивая кулаками.

— Зачем вы пугаете мою Сару?! — кричала она с покрасневшим смуглым лицом. — Зачем вы пугаете ее своими глупыми трюками, а?!

Карсон облизнул пересохшие губы.

— Простите, — медленно проговорил он. — Мне очень жаль, но я не пугал вашу Сару. Меня весь день не было дома. А что напугало ее?

— Эта коричневая тварь... Сара сказала, что она выскочила из вашего дома...

Женщина замолчала, челюсть ее отвисла. Глаза расширились. Она сделал какой-то знак правой рукой — обратив указательный палец и мизинец в сторону Карсона, тогда как большой палец был прижат остальными.

— Это была старая ведьма!

Женщина поспешно ушла, что-то испуганно бормоча по-польски. Карсон тоже вернулся в дом. Там он налил в стакан виски, долго рассматривал его на свет, затем поставил на стол. Потом принялся шагать по комнате, потирая лоб горячими и сухими пальцами. В голове проносились неопределенные, смутные мысли. Все так же пульсировала в висках боль. Писателя лихорадило. Потом он спустился в Комнату Ведьмы и оставался там, хотя и не начал работать, потому что в тихом подземном помещении боль была не такой сильной. Через какое-то время он уснул. Карсон не знал, сколько времени проспал. Во сне он видел Салем и, смутно, полупрозрачную черную тварь, которая с ужасной скоростью неслась по улицам, невероятно огромную, черную, как уголь, амебу, преследовавшую и хватавшую мужчин и женщин, которые с воплями безуспешно пытались убежать от нее. Он видел череп-лицо вплотную у своего лица, на котором живыми были только глаза, горящие адским, злым пламенем.

Наконец Карсон проснулся, но остался сидеть. Ему было очень холодно. Вокруг стояла могильная тишина. В свете электрической лампочки зелено-фиолетовая мозаика, казалось, извивалась и ползла к нему, но все это прекратилось, как только он окончательно проснулся. Карсон взглянул на часы. Они показывали два часа. Выходит, он проспал весь день и изрядную часть ночи. Он чувствовал себя странно ослабевшим, усталость удерживала на стуле. Казалось, писателя покинули все силы. Стужа сковала мозг, но головная боль исчезла. Ум был ясен... он словно ждал, что произойдет Нечто. Потом глаза уловили какие-то движение.

Начала раскрываться плита в стене. Карсон услышал легкий скрип, черная щель медленно превратилась в открытый квадратный проход. И в черноте его что-то было. Дикий, слепой ужас окутал Карсона, когда тот увидел тварь, выползшую на свет. Она походила на мумию. Невыносимую, тянущуюся целую вечность секунду эта мысль билась в голове Карсона: она похожа на мумию! Это был тонкий скелет, покрытый коричневой, пергаментной кожей, больше похожий на скелет большой ящерицы. Он шевелился, он полз вперед, и его длинные ногти явственно скребли по каменному полу. Тварь выползла в Комнату Ведьмы, ее неподвижное лицо оказалось в ярком свете, глаза светились загробной жизнью. Карсон видел зазубренный хребет ее спины. Писатель сидел неподвижно, от ужаса он не мог шевельнуть даже пальцем. Казалось, его разбил паралич, при котором мозг является лишь пассивным зрителем, не желающим или неспособным передавать сигналы мышцам. Карсон отчаянно повторял себе, что это всего лишь сон и сейчас он проснется.

Потом ужасное существо встало. Тонкий скелет поднялся вертикально на ноги и направился в нишу, где лежал врезанный в пол металлический диск. Когда оно повернулось спиной к Карсону, в мертвой тишине прошелестел сухой шепоток. При этих звуках Карсону захотелось завопить, но и этого он не смог сделать. Тем не менее ужасный шепот продолжался, шепот на языке, который, как осознавал Карсон, не имел никакого отношения к Земле. И, словно в ответ на него, почти незаметная дрожь сотрясла металлический диск.

Тот задрожал и начал подниматься, очень медленно и словно торжественно, и в едином с ним ритме поднимал иссохшие руки скелет. Диск был толщиной почти в дюйм, и когда он поднялся над уровнем пола, в помещение проник странный запах. Это была вонь, словно от какой-то рептилии, мускусная и очень противная. Диск продолжал подниматься, а из-под его края появились черные пальцы. Внезапно Карсон вспомнил сон о черном существе, которое мчалось по улицам Салема. Он безуспешно пытался сбросить путы паралича, сковывающие его тело. В комнате темнело, у Карсона кружилась голова. Казалось, все вокруг качается, словно на корабле, попавшем в шторм.

Тем временем диск продолжал подниматься, иссохшая ужасная тварь стояла, в богохульном благословении воздев скелетообразные руки, а из-под диска вытекала амебообразным движением чернота. И тут сухой шепот мумии перебил быстрый стук чьих-то шагов. Краешком глаза Карсон увидел, как в Комнату Ведьмы ворвался какой-то человек. Это оказался оккультист Ли со сверкающими на мертвенно бледном лице глазами. Он бросился мимо Карсона к нише, где из-под поднимающегося диска вытекал черный ужас.

Мумия начала поворачиваться к нему с ужасной медлительностью. Ли что-то держал в левой руке, Карсон увидел, что это крест с петлей внизу, сделанный из золота и слоновой кости. Правая рука оккультиста была сжата в кулак. На бледному лицу катились бисеринки пота. И зазвучал его голос, звучный, командный голос:

— Йа на кадишту нигхри... стел шна кхънаа Ньйогта... кьярнак флегетор...

Фантастические, неземные слова загремели, эхом отражаясь от стен. Ли медленно шел вперед, с трудом держа поднятый свой крест. А черный ужас все выползал и выползал из-под железного диска!

Потом диск отлетел в сторону, и волна переливающейся тьмы — ни жидкость, ни плоть, а ужасная студенистая масса, уже не поползла, а приливной волной покатилась на Ли. Не останавливаясь, он быстро взмахнул правой рукой, и швырнул в черную тварь маленькую стеклянную трубку.

Бесформенный ужас замер. Какое-то время он колебался, словно бы в нерешительности, затем начал стремительно отступать. В воздухе разлился удушливый дым, и Карсон увидел, как куски черной твари начали отслаиваться, высыхать, словно под действием кислоты. Отвратительная черная масса потекла назад, оседая по мере отступления.

Из центральной массы выползла черная псевдоподия, словно большое щупальце, схватило скелетообразную мумию и отбросило ее к яме, образовавшейся на месте диска. Потом вторая псевдоподия схватило сам диск и легко потащила его по полу, а когда студенистый ужас уполз вместе с мумией в яму, диск с шумом рухнул на место.

Комната качалась перед глазами Карсона, ужасная тошнота подступала к горлу. Писатель прилагал громадные усилия, чтобы подняться на ноги, но внезапно свет помер у него в глазах, и все объяла тьма...

Карсон так и не закончил свой роман. Он сжег его, но продолжал писать, хотя ни одна из его поздних работ никогда не была издана. Издатели лишь качали головами и задавались вопросом, почему столь блестящий автор популярной беллетристики внезапно настолько увлекся всем ужасным и отвратительным.

— Сильный материал, — сказал один из них, возвращая Карсону его новый роман «Темный безумный бог». — По-своему он примечательный, но слишком ужасный и отвратительный. Никто не станет его читать. Послушайте, почему вы не продолжаете писать романы, которые принесли вам известность?

Тогда Карсон нарушил свою клятву никогда не рассказывать о Комнате Ведьмы. И изложил всю историю, надеясь на доверие и понимание. Но когда он закончил, сердце его упало, потому что он увидел на лицах слушавших сочувственное, но скептичное выражение.

— Вы видели это во сне, не так ли? — спросил кто-то, и Карсон с горечью рассмеялся.

— Да... я видел это во сне.

— Должно быть, это произвело на вас яркое впечатление. Так бывает с некоторыми снами. Но постепенно это пройдет, — сказал все тот же человек, и Карсон кивнул.

И поскольку он понял, что подобными рассказами он только пробудит сомнение в своем здравом рассудке, писатель не рассказал одну вещь, которая навеки осталась выжженной в его памяти, ужасную вещь, которую он увидел в Комнате Ведьмы, когда пришел в себя после обморока. Прежде, чем они с Ли поспешили, дрожащие, бледные, убраться из Комнаты, Карсон обернулся. Высыхающие куски черной твари необъяснимо исчезли, хотя оставили на каменном полу черные следы. Эбби Принн, вероятно, вернулась в ад, которому служила, а ее нечеловеческий бог убрался в тайные пропасти за пределами человеческого понимания, изгнанный могучими магическими силами, которые были в распоряжении оккультиста. Но ведьма оставила после себя подарочек, отвратительную вещь, которую Карсон и увидел, когда оглянулся. Из-под края железного диска высовывалась, словно в ироническом приветствии, высохшая, похожая на когти рука!

МОЙ БРАТ, ВУРДАЛАК

ГЛАВА I. Терроризируемый город

Непонятное беспокойство охватило меня, пока я смотрел, как черные ветки деревьев шевелятся на фоне звездного неба. В верхней Сьерре в лунном свете есть нечто странное, неуловимо неземное, словно ужасные тайны, скрытые в бесконечном межзвездном пространстве, там становятся ближе... словно завеса между человеком и Неизвестным делается там очень тонкой...

Мне не нравится ночью в Сьерре — нет! Я слышал слишком много странных рассказов — рассказов о чудовищных следах на снегу, располагающихся далеко друг от друга, рассказах о жалобных криках по ночам с верхушек деревьев, похожих на сказочных баньши... И я слышал перешептывания огней на неземном языке на одиноких вершинах, и видел, как что-то бесшумно летает в небе, закрывая звезды.

А кроме того, у Кернвилля была плохая репутация.

Эти легенды люди передают друг другу шепотом, боясь говорить громко. Геологоразведчики бормотали о тайных пещерах, скрытых в этих горах, где занимались жуткими вещами мужчины и женщины, являющиеся не вполне людьми, — они не могли быть людьми, так как плоть человеческая не выдержала бы тех ужасов, что они творили в тайных пещерах.

Они живут среди людей, скрывая отвратительное зло в своих душах, и, очевидно, мирно уживаются с соседями, потому что вроде бы никто из тех, кого я знал, не мог быть связан с этим таинственным культом.

С проходящей по гребню дороги я видел мерцающие огни внизу в долине. Кернвилль.

Там была моя жена.

Я охотился на тарпона в Каталине, а по возвращении в Голливуд обнаружил, что Сандра исчезла. Она оставила записку о срочной телеграмме от Анама Кина, моего дяди, в которой говорилось, что нам с женой жизненно необходимо срочно приехать в нему в Кернвилль.

Сандра, думая, что я пробуду в Каталине еще несколько недель, не захотела портить мне удовольствие. В записке говорилось, что она поедет сама и поможет всем, чем сумеет.

Я мысленно проклял дядю. Сандра была моей женой всего лишь несколько месяцев, она никогда не встречала старого Анама и знать ничего не знала о черной репутации Кернвилля. И уж точно ничего не знала о моем брате.

Джейсон Бентли — мой брат-близнец и моя полная противоположность по характеру и образу жизни. Я всегда стремился жить тихой, спокойной жизнью, а ему не давала покоя тяга к темным знаниям. Будучи еще ребенком, он любил проводить время в компании цыган, особенно одной старухи, которую все считали ведьмой.

Став постарше, брат принялся вовсю погружаться в зло, ступая в различные, печально известные культы. И всегда он был наиболее активным и наиболее влиятельным лишь в одном — во Зле. Именно он основал Клуб Садомазохистов, который когда-то вызвал в Голливуде такой скандал. И, наконец, он уехал жить к дяде Анаму, о чем я ничуть не жалел.

Мы ссорились при каждой встрече, несмотря на странную внутреннюю связь, которая должна быть у всех близнецов. До меня доходили слухи о его деятельности в Кернвилле, но я знал, что ничего не могу с этим поделать. Было время, когда я протестовал и умолял брата бросить все это, но на своем горьком опыте научился, что только нарвусь на оскорбления, пытаясь спасти Джейсона от злой участи, которую избрал он сам.

Две мили назад машина, на которой я ехал в Кернвилль, сломалась. Мой водитель, молодой человек с выпуклыми глазами и слабовольным подбородком, оставил мне на выбор пройти остальную часть пути пешком или провести с ним ночь в тесной машине. Я расплатился, взял чемоданы и пошел пешком. Это была опасная экскурсия, несмотря на неестественно яркие звезды и луну, потому что с одной стороны дорога тянулась над пропастью. Но

теперь, увидев расстилавшийся внизу Кернвилль, я почувствовал облегчение. Даже пользующийся дурной славой город лучше, чем темная дорога и странная тревога, угнетавшая меня. Из освещенного строения впереди раздался взрыв смеха, и я поспешно двинулся туда. Это был, очевидно, деревенский магазин. Через окно я увидел листы оберточной бумаги, накрывающие товары. Проеденные древоточцами ступени крыльца заскрипели у меня под ногами.

Я открыл дверь и вошел. Люди, собравшиеся у печки, обернулись. Один что-то крикнул, и стул под ним внезапно раскололся. Он полетел на пол, но тут же поднялся на ноги — высохший, изможденный пожилой человек с пятнами от табака на свисающих усах. Он впился в меня по-рысьи желтыми глазами, из уголка приоткрывшегося рта потекла струйка слюны. Если я когда-либо и видел абсолютный страх на человеческом лице, то именно сейчас. Он беззвучно пошлепал губами, но не смог ничего сказать. Затем откашлялся и все-таки выдавил из себя хриплое:

— Чур меня! Ты... Ты... вернулся...

Он замолчал, задохнувшись. Озадаченный, я поставил чемоданы и шагнул к нему. Тогда он закричал — буквально закричал! — на меня:

— Держись от меня подальше! Не трогай меня... Чур! Чур!

Я остановился, глядя на других в поисках объяснения, но от них было мало помощи. В их выпученных глазах отражался тот же страх, что и на лице стоящего передо мной человека.Старик, похоже, обезумел от страха. Прежде чем я успел шевельнуться, он выхватил из-под рубашки револьвер — старомодный, но все же достаточно смертоносный, тем более, что он носил следы смазки. Старик направил оружие на меня.

Думаю, в тот момент я был ближе к смерти, чем когда-либо. В глазах старика не было никакого гнева — только страх, только невероятный ужас. Но там была также и готовность убивать. Тогда я бросился на него, понимая, что не успею.

Револьвер выстрелил. Я остановился, в течение одной безумной секунды задавая себе вопрос, почему я не чувствую боли. Затем услышал у себя за спиной звон разбившегося

стекла и увидел, что какая-то девушка борется со стариком, пытаясь отобрать у него револьвер. У нее это не получалось, но через мгновение я пришел в себя, шагнул вперед и вывернул оружие из его застывшей руки. Остальные не сделали ни движения, чтобы остановить меня, — они только съежились и отпрянули назад, с необъяснимым страхом в глазах.

ГЛАВА II. Голос мертвых

Девушка помогла старику сесть на стул и повернулась лицом ко мне. Она была молода, с льняными волосами, голубыми глазами и щеками, алыми, как и ее губы. На ней была рубашка хаки и короткая юбка из того же материала. Я заметил в ее глазах какое-то странное выражение, но когда она заговорила, в голосе не было страха:

— Вы... Джейсон Бентли?

При этих словах собравшиеся коротко вздохнули. Старик задрожал и замахал на меня руками со скрюченными пальцами, словно хотел оттолкнуть.

— Нет, я не Джейсон, — ответил я. — Я его брат. Брат-близнец. Разве он не рассказывал обо мне?

Но я знал, что Джейсон никогда не стал бы упоминать обо мне этим людям. Потому что в те краткие периоды, когда он не ненавидел меня, он меня презирал, так как не мог заинтересовать исследованиями в области зла, которые сам стремился постичь. Собравшиеся явно вздохнули с облегчением. Девушка внезапно расслабилась — до этого момента я и не замечал, как она была напряжена.

— Я... мы думали... вы знаете, что Джейсон мертв?..

Я пристально поглядел на нее. Смысл ее слов все еще не доходил до меня. Как же так? Джейсон мертв? Тот мальчишка, с которым я играл и с которым дрался — мертв... В тот момент я даже не вспоминал, что именно разделило нас с братом. Я не видел его целых шесть лет... Затем покачал головой, пытаясь выбросить из головы образ мальчишки с темными любопытными глазами. Внезапно горло у меня перехватило.

— Я не знал, — хрипло выдавил я. — Когда... Как это случилось?

Девушка отвела взгляд — слишком быстро. Я уставился на старика, который поднялся со стула и захромал ко мне. Он стиснул мне руку, и я вздрогнул от прикосновения его костлявых пальцев. Его глаза буквально впились мне в лицо.

— Вы — его брат? Его брат? Я думал... — внезапно он рассмеялся неприятным, кудахчущим смехом и придвинул свое высохшее лицо вплотную ко мне, так что я ощутил резкий, грязный запах его дыхания.

Я не совсем мог понять выражение его лица — в нем смешалось облегчение и гнев, и, я почти уверен, какое-то предчувствие.

— Вы же не останетесь здесь? — спросил он. — Здесь плохое место, чтобы остаться.

Я услышал в его голосе угрозу, но проигнорировал ее.

Так или иначе я чувствовал, что задыхаюсь, и стремился выйти на свежий ночной ветерок. Я не хотел узнать о смерти брата от этих людей. Мой дядя...

— Вы можете мне подсказать, где дом мистера Кина? — холодно спросил я.

Люди у печки громко вздохнули.

— Я покажу вам, — раздался уверенный голос, и девушка отстранила стоящего передо мной старика. — Я Диана Линк, — сказала она. — Это мой дедушка. Мне очень жаль, мистер Бентли.

Я заметил сочувствие в ее глазах. Старик потянул было ее за руку, но она резко вырвала ее.

— Ваш брат умер на прошлой неделе. А разве вы не...

— Спасибо, — резко перебил я ее.

Я чувствовал дурноту в этом жарком, вонючем помещении, когда все сплотились, неприязненно глядя на меня колючими, как иглы, глазами. А кроме того, я хотел поскорее найти дядю... и Сандру.

— Дом мистера Кина... Он где-то рядом?

Девушка заколебалась и бросила взгляд на старика.

— Просто выйдите на дорогу. Вы не сможете пропустить его. Он за городом... Там поворот на кладбище, и дом рядом с ним. Первый дом после кладбища... Идемте, я покажу вам.

Я последовал за ней, довольный возможностью уйти. Когда я выходил в двери, у печи раздался взволнованный гул голосов. Девушка ждала меня на дороге.

— Вон там, — она указала на несколько желтых квадратов вдалеке. — Просто идите по дороге, и все будет в порядке.

Мне уже стало лучше, и я вспомнил о хороших манерах.

— Я еще не поблагодарил вас за спасение своей жизни, — сказал я, чувствуя себя глупо.

Это было совсем не то, что я хотел сказать. Но девушка поняла. Она улыбнулась и протянула мне руку. Я взял ее, и под светом звезд какая-то искорка дружбы проскочила между нами и начала разгораться.

— Неважно. На самом деле, это я должна принести извинения за дедушку. Старый Хес... Понимаете?

И опять что-то промелькнуло в ее взгляде. Девушка снова улыбнулась мне. Я понял, что она смущена.

Я пробормотал несколько ничего не значащих фраз и пошел, забыв о чемоданах из-за беспорядочных мыслей у себя в голове. Если бы я знал, какой ужас и зло причинят эти чемоданы... Но я не мог этого знать. И не вспомнил о них, пока не миновал кладбище и подошел к крутому повороту дороги. Но поскольку дом был уже близко, я решил, что смогу сходить за чемоданами завтра утром. Издалека вдруг раздался голос, выкрикивающий мое имя. Я остановился и обернулся. Склон, на котором находилось кладбище, был хорошо виден в ярком лунной свете, а за ним, внизу, горели огни деревни. Мне показалось, что голос доносится оттуда. И снова раздался слабый крик:

— Мистер Бентли... чемоданы...

Тогда я увидел далеко внизу по склону черную фигурку, сгибающуюся под тяжестью двух чемоданов. И тут же узнал голос — голос Дианы Линк.

Я поспешил ей навстречу. Склон был не крутой, но пришлось идти медленно, так как в высокой траве попадались большие камни и выбоины, и я несколько раз чуть не упал. Кресты и надгробные плиты, — побелевшие камни и высохшая древесина, — усеивали склон, а на моем пути стоял большой гранитный склеп.

И именно из него раздался еще один голос.

— Юджин, — сказал он. — Юджин...

И больше ничего. Просто тихий, низкий голос из темноты, зовущий меня по имени. Я промолчал. Девушка ниже по склону прокричала какой-то вопрос. Я не ответил. Я не мог оторвать глаз от склепа. Металлическая дверка оказалась приоткрыта. И в темноте за ней что-то шевелилось. И снова раздался сухой, шелестящий шепот.

— Юджин... Мой брат Юджин!..

ГЛАВА III. Не зверь, не человек

Не знаю, закричал я или нет. Я попытался закричать, но горло пересохло и саднило. Наверное, я просто что-то прохрипел, когда ледяной страх стиснул холодными пальцами сердце. В этом небольшом кладбище высоко в Калифорнийской Сьерре что-то выползало из склепа... что-то, что не было человеком.

Это был не человек! Нет! Но это был и не зверь. У твари было раздутое и искаженное, отвратительное, но все же узнаваемое лицо, словно лицо покойника, утонувшего в грязной воде, — лицо моего брата Джейсона! Щеки мешковато отвисли, челюсть стала какой-то мелкой, скотской, кожа заросла жестким волосом. Губы оскалились, обнажая противоестественно острые зубы, глаза горели диким зеленым огнем.

Одета была тварь в какую-то белую изодранную материю, и в прорехи я видел участки кожи, показавшейся неестественно волосатой. Ужасные воспоминания пробудились во мне, воспоминания о прочитанных когда-то рассказах о существах, известных под названием вурдалаки. Там был рассказ о человеке, бродящем среди заброшенных могил в Египте, и о женщине в белом, которая явилась ему и заманила в полуразрушенный саркофаг.Тело твари было закутано в белую одежду, и оно никак не могло принадлежать человеку. И в памяти у меня всплыли слова автора того рассказа:

«Они вечно живут в темных могилах и подземельях, и подстерегают путников, чтобы утолить свой неутолимый

голод. Иногда они — изменившиеся мужчины и женщины, которые при помощи черной магии продали душу Сатане, так же, как люди, становящиеся вампирами или оборотнями. Но вурдалаки — самые жуткие из всех ночных ужасов. Это мертвые твари с телом не звериным, не человеческим».

Очень медленно тварь вышла из склепа. Лицо ее казалось бескровным и серым в бледном свете луны. Она горбилась, руки свисали по бокам, словно ей было трудно передвигаться вертикально. Могильное, грязное зловоние ударило мне в нос.

Затем тварь прыгнула. Белые клыки обнажились, когда она набросилась на меня, и я понял, что смерть близка. Руки мои стали бесчувственны, как ледышки, но я все же поднял их, пытаясь отбросить нападающего. Но все было бесполезно. Монстр оказался очень силен, сопротивляться ему я не мог. Зловоние могилы забивало ноздри, я чувствовал, как тощие руки стиснули меня, а мелкие челюсти направились к моему горлу.

Я нанес удар как раз в тот момент, когда губы чудовища уже прикоснулись к моей коже. И услышал вскрик и быстрый топот ног. Затем я сделал шаг назад...

Что произошло затем, я помню, словно в тумане. Я почувствовал удар по затылку, который заставил меня задохнуться от боли, и понял, что теряю сознание. Немертвая тварь со вздувшимся лицом черным силуэтом вырисовывалась на фоне луны. Через ее сутулое плечо я увидел, как девушка — Диана Линк — бежит ко мне с побелевшим лицом и открытым в крике ртом. Она увидел, как на меня напала тварь, и бежала на помощь — благородно, но бессмысленно. Она заколотила кулачками по спине чудовища.

Тварь обернулась. В этот момент Луна внезапно зашла за облачко, и в наступившей темноте я только увидел, как темная фигура поднялась с меня и повернулась к девушке. Мелькнул силуэт ее безносого профиля, и я услышал, как Диана издала ужасный крик. Только один.

Затем я погрузился во тьму...

Они были толстыми... толстыми! Они ползали по мне и о чем-то перешептывались. Они дразнили меня пронзительным, безумным смехом, они душили меня своей вонью. В

темноте лишь эта вонь, не дававшая дышать, была единственное реальностью. Тени продолжали роиться вокруг. Смех их становился все тише. Это был уже не смех. Шепот. Шепот и страх заполнили все вокруг...

Но теперь это были лишь тени. Вокруг меня стояли люди, и чья-то рука поддерживала меня за плечи, помогая встать. Сверху уставилось чье-то бледное лицо... Лью Кин, мой кузен. А позади него стоял его отец — мой дядя, Анам Кин.

Они казались странно похожими, но светлая, буйная красота младшего словно посмеивалась над увядшим обликом старшего. И теперь они оба не выглядели красавцами, потому что страх туманом пал на них лица. В лунном свете Лью казался почти таким же изможденным, как и его отец. А вокруг стояли другие люди. Некоторых я узнал — тех, с кем столкнулся в магазине. Эйб Линк склонился над чем-то бесформенным, белым и темно-красным, в коричневых лохмотьях...

Лохмотьях хаки!.. Эти ужасные останки были... были... Дианой Линк. Волна тошноты подступила к горлу, а бледное лицо Лью придвинулось ближе.

— Что это было, Джин? — дрожащим голосом спросил он. — Мы услышали крики и... Это, правда, было какое-то животное?

Мне показалось, что я различил в его голосе мольбу. Неужели Лью тоже видел эту тварь, обитающую в склепе?

— Нет, — ответил я, стараясь не глядеть на лежащее рядом тело. — Я... ну...

Я понял, что не могу продолжать. Лью сунул мне в руки флягу, и я поспешно сделал глоток. Эйб Линк шагнул вперед. Беззубый рот под свисающими усами был открыт, в глазах ползали червячки безумия.

— Это был... он, — прошептал старик. — Разве не так? Ваш... ваш брат...

Мой брат вурдалак! Не знаю, каким образом мне удалось рассказать, что я видел, и по собравшимся как будто прокатилась волна страха.

— У него была сила! — невнятно пробормотала какая-то старая карга. — Темная...

Кто-то рыкнул на нее, и женщина умолкла. Что это за неопределенные намеки на Зло, витавшие над городком?

За дело взялся старый Анам Кин. Под его руководством толпа постепенно рассеялась. Анам быстро посовещался с долговязым человеком с подвижным лицом, на рубашке которого висела звезда шерифа, затем повернулся ко мне.

— Давай иди-ка в дом, — сказал он. — Лью, помоги Джину. У него сильный шок. А я пока что останусь здесь.

Идти вверх по склону оказалось трудно, так как я все еще чувствовал слабость. Дом дяди произвел на меня впечатление древнего замка, находящегося под осадой орды дикарей. Старый замок стоял на вершине склона, над кладбищем, и россыпи могильных камней казались армией, угрожающей его обитателям. И когда я вошел внутрь, это впечатление не рассеялось. На стене сразу напротив двери был ярко сияющий, отвратительный эскиз — картина пастелью, исполненная в ядовито-фиолетовых цветах, изображающая человека, явно объятого страхом, которому противостояла поднимающаяся из кипящего тумана кошмарная голова.

Голова была написана с удивительным, почти дьявольским искусством. Гигантские клыки торчали из широко раскрытого, точно пещера, рта, вытянутый, точно морда зверя, нос, над которым сверкал огромный, трехсложный, отвратительный глаз. В целом картина была написана в манере совершенной, но не менее отвратительной нереальности. Лью заметил, что я разглядываю картину.

— Не обращайте на нее внимания, — сочувственно сказал он. — Ее написал Сеннет — Ян Сеннет. Вы встретитесь с ним сегодня же вечером... точнее, уже утром. Он... папа заинтересовался этим художником и пригласил его к нам погостить несколько недель. Я не разбираюсь в живописи, но папа уверяет, что он огромный талант. Но сейчас вам явно не нужна лекция. Я приготовлю кофе... А вот и Сандра.

С поклоном он покинул комнату, а в моих объятиях оказалась Сандра, крепко вцепившаяся в меня, и в ее карих глазах медленно таял страх.

— Мой дорогой, — прошептала она. — Джин, я так испугалась. Я подумала, что это ты. Анам Кин велел мне не выходить из дома, когда мы услышали крики. Он сказал, что мне лучше остаться с Сеннетом.

Я вопросительно оглянулся.

— Нет, здесь его нет, — сказала Сандра. — Я думаю, он тоже пошел туда. Джин... твой брат убит.

— Убит? — сказал я. — Как убит?

— Его кто-то застрелил. Тело нашли на дороге.

— Кто это был? Полиция, разумеется...

Сандра прикусила губу.

— Здесь что-то не так, Джин. Анам не хочет вмешивать сюда полицию. Он как-то договорился с шерифом. Я не уверена, но... мне кажется, твой брат ввязался во что-то... в какие-то неприятности, и Анам боится, что полиция может до этого докопаться. Все эти грабежи...

Это было новостью для меня.

— Какие грабежи?

— Я и забыла. Ты был в отъезде, Джин, когда это появилось во всех газетах. За последние шесть месяцев в этом районе произошло довольно много грабежей, и в последнее время полиция решила, что они являются делом рук одной банды. Банки, туристические лагеря — любые места, где водятся деньги. Жертвы, похоже, боятся откровенничать, поэтому о грабежах перестали писать.

— Но Джейсон вряд ли имеет к этому какое-то отношение, — заявил я. — Он никогда не заботился о деньгах.

Какое-то движение позади заставило меня быстро обернуться. В дверях стоял Эйб Линк. В руке у него был револьвер. Одежда его была в крови. Губы нервно подрагивали, глаза неестественно ярко блестели.

— Он был твоим братом, — монотонно выговорил старик. — Он был возле тебя и передал тебе свою силу.

— Послушайте, Линк... — начал было я, осторожно подвинувшись так, чтобы Сандра оказалась у меня за спиной.

Но, не обращая на меня внимания, старик продолжал тем же голосом:

— Может, если я убью тебя, все снова утихнет...

Револьвер угрожающе качнулся. Позади него я заметил в темноте какое-то движение. Внезапно из темноты показалось чье-то лицо — смутное, едва различимое.

— Эй, — послышался голос. — Бросьте оружие, Эйб. Бросьте его.

Я видел, что старик заколебался.

— Отдайте мне револьвер, — потребовал голос.

Из полумрака появилась рука и вынула револьвер из разжавшейся руки Линка. Незнакомец повернул старика и осторожно подтолкнул его.

— Идите домой, Эйб, — спокойно велел он.

И тот пошел, даже не обернувшись.

— Ян! — воскликнула Сандра дрожащим голосом, прижав руки к груди.

Человек вышел из темноты в зал. Это оказался Ян Сеннет, художник. Я внимательно оглядел его. Парню, казалось, было слегка за двадцать, мягкое круглое лицо с полуопущенными веками, придающими ему сонное выражение. Он откинул со лба непослушные волосы.

— Привет, — поздоровался художник. — Любопытное местечко этот Кернвилль, не так ли? Не благодарите меня, я ненавижу, когда меня благодарят. Вы муж Сандры?

Я кивнул и протянул руку.

— Все равно спасибо.

— Не берите в голову, — небрежно отмахнулся он. — Между прочим, я был с остальными на кладбище. Они исследовали склеп — эту семейную гробницу, знаете ли...

— Ну и? — сказал я.

Внутри у меня возник холодок. Сандра придвинулась ближе, и я понял, что она уже поняла, что Сеннет собирался сказать. Сеннет пристально поглядел на меня.

— Они осмотрели гроб вашего брата, — продолжал он. — Гроб был вскрыт. И пуст.

ГЛАВА IV. Ужас в темноте

Я плохо спал той ночью, однако к рассвету погрузился в беспокойную дремоту и окончательно пробудился лишь к середине утра. Пока одевался, у меня возникло намерение докопаться до сути отвратительной тайны, окутывающей Кернвилль. Ни Яна Сеннета, ни моего кузена Лью Кина не было за столом за завтраком, а старый Анам казался этим утром каким-то слабым, и мне расхотелось просить его про-

водить меня после завтрака в городок. Что бы я там ни нашел, придется раскапывать это самому. Но у дверей меня поймала Сандра, поправляя крошечную плоскую шляпку на золотисто-каштановых волосах.

— Я иду с тобой, Джин, — негромко, но твердо сказала она, и я не сумел ее отговорить.

Вместе мы отправились в Кернвилль. Мне не понравилось это место. Оно было древним — очень древним, и мне показалось, будто в этой атмосфере старины медленный процесс распада странно ускоряется. У таких городков в горах существует какая-то особая атмосфера, словно они отделены от остального мира странной завесой. И пока мы с женой шли по улицам, на нас бросали непонятные взгляды. Угрожающие, злые взгляды, в которых был страх пополам с ненавистью. Я даже пожалел, что Сандра вообще приехала сюда.

Возле универмага я остановился, осматриваясь. Магазин казался пустым, лишь один человек стоял за прилавком — худой молодой парень с растрепанной шевелюрой. До моих ушей вдруг донеслись какие-то едва слышные шепотки, и мне не понравилось услышанное. Я поторопил Сандру войти внутрь.

— Эйба здесь нет, — вяло сказал юноша, пряча водянистые голубые глаза.

Я бросил на прилавок доллар для вида.

— Это неважно, — сказал я ему. — Мне просто нужна информация. Возможно, вы сумеете мне помочь.

Глаза юноши на миг встретились с моими. Он взял доллар и спросил:

— Что вы хотите узнать?

Я помолчал, затем тихо произнес:

— Чего вы боитесь... И чего боится весь Кернвилль?

Я надеялся неожиданным вопросом выдавить из него какую-нибудь подсказку, и на мгновение показалось, что я преуспел. Продавец было дернулся, но тут же пришел в себя.

— Ничего, — быстро ответил он, слишком быстро. — Что вы имеете в виду?

— Молох, да? — предположил я. — Дьяволопоклонничество?

— Я не знаю, о чем вы говорите, — лицо парня стало безразличным.

Сандра коснулась моей руки и кивнула на дверь. Снаружи перед дверью уже собралась небольшая толпа, наблюдая за нами.

— Ладно, — спокойно сказал я. — Пойдем отсюда, дорогая. Думаю, нам вообще не стоило приходить.

Выйдя из двери, я понял, что толпа выросла. Шепотки слились в зловещее бормотание. Я быстро начал проталкиваться через людей, таща за собой Сандру. Внезапно дорогу мне перегородила старая, высохшая ведьма с морщинистым лицом.

Я попытался пройти мимо нее, но она не пустила. Сердитый ропот становился все громче. Я увидел страх на бледном лице Сандры.

— Чего, черт возьми, вы хотите? — огрызнулся я на старую каргу.

— Вы спрашивали о дьяволе! — проскрипела она, беззубо шепелявя и тыча костлявыми пальцами мне прямо в лицо. — Почему вы не уезжаете, а?

— Это не ваше дело, — огрызнулся я, начиная сердиться.

— Вам не надуть меня, молодой человек! — закричала она, трясясь, словно паралитичка. — Вам и вашему проклятому брату! Если бы вы не приехали...

Толпа вдруг затихла.

— То что бы было тогда? — спросил я.

— У него не было бы сил восстать из могилы! — завопила она. — Вы дали ему свои силы... все знают о связи между близнецами через мозг, сердце и душу! От вас он получил силу и ожил!

Внезапно я понял, что мы с Сандрой находимся в реальной опасности. Я понял это по молчанию местных жителей, более угрожающему, чем их предыдущее бормотание. Я подхватил Сандру под руку и отстранил ведьму с дороги.

На мгновение я подумал, что нам удастся уйти. Толпа была сердита, но нерешительна. Требовалась искра, чтобы поджечь трут. И такой искрой стала старая ведьма.

Выкрикивая проклятия, она бросилась на меня, нацелившись в лицо длинными ногтями. Инстинктивно я вскинул вверх руку, и старуха, потеряв равновесие, свалилась на землю. Тут же я ощутил толчок в плечо, и через

долю секунды оказался уже в гуще драки. Сандра куда-то делась — куда, я не знал. Я молча боролся, испытывая радость, когда мои кулаки ударяли по мягкому и следом слышались вопли боли. Это была драка, у которой мог быть лишь один исход, но я жаждал оставить как можно больше памяти о себе, прежде чем силы иссякнут.

На меня тоже со всех сторон сыпались удары, и когда я был, наконец, сбит с ног, то увлек за собой ближайшего противника. Им оказался массивный рыжеволосый человек с лицом, уже попробовавшим моих ударов и залитым кровью.

Я знал, что нахожусь не в лучшей форме, но все же стиснул пальцами горло противника, а ногами, как ножницами, сжал ему талию. Я лежал под ним на спине, так что был несколько огражден от ударов всех остальных. Изо всех сил я сжимал рыжему бычаре толстую шею. Он попытался нажать большими пальцами мне на глаза. Я отклонил голову в сторону и продолжил его душить. Внезапно он обмяк, и в тот же момент мне в голову прилетел сильный удар. Я почувствовал, как закружилась голова, а силы совсем иссякли.

Снова и снова чей-то тяжелый ботинок бил мне в голову, пока я не полетел в черно-багровую тьму. Я еще смутно чувствовал, что меня переворачивают и куда-то тащат за ноги, а затем я не чувствовал вообще ничего, пока не очнулся с пульсирующей болью в голове, весь трясущийся от холода. Я лежал на спине со связанными руками и ногами. Очевидно, я был в подвале, смутно освещенном через грязное окно. Рядом я увидел Сандру, тоже связанную, в изорванной одежде. Очевидно, она тоже принимала участие в драке и тоже была избита. Внезапно из полумрака появился какой-то человек. Я узнал в нем рыжего, которого душил, пока он не потерял сознание. Лицо его было бледно, и с чувством удовлетворения я увидел на толстой шее темные пятна. Он заметил мой взгляд и выругался.

— Ну что, умник? — пробурчал он.

От удара я вскрикнул. Сандра протестующе закричала, и он повернулся к ней. Я увидел, как его крошечные глазки засверкали. Когда он уставился на ее изорванную блузку, под которой была видна мягкая грудь.

— Думаешь, это сойдет тебе с рук? — быстро сказал я.

Он опустился на колени возле Сандры. Его тело загородило мне обзор, но я услышал ее резкий вскрик. Выкрикивая ругательства, я стал натягивать свои путы и почувствовал, что веревки немного подаются. Связали меня слишком торопливо и небрежно, но я понимал, что у меня будет мало шансов освободиться в присутствии рыжеволосого стража.

Однако теперь он не уделял мне внимания, и я принялся быстрее выпутываться из веревок. Еще одна серия ругательств вырвалась у меня, когда Сандра застонала, а рыжий резко рассмеялся.

Тут все и произошло. Раздался звон разбитого стекла, и рыжий замер, по-прежнему стоя на коленях. В полумраке я смутно увидел, как он повернул голову. Потом раздался тяжелый, глухой стук, и что-то появилось в подвале. Что-то, смеющееся с нечеловеческой монотонностью, пока продвигалось вперед...

Что-то скрюченное, ужасное и безносое, одетое в белый могильный саван! Эту тварь я видел вчера вечером!

Продолжая все так же монотонно смеяться, она рванулась вперед. Рыжий успел вскочить на ноги, но тут же упал под тяжестью навалившегося на него существа. Они оба оказались в тени, я лишь слышал тяжелое, резкое дыхание. В отчаянии я яростно стал дергать веревки. Из темноты послышался стон. Голос рыжего здоровяка был почти неузнаваем от страха. Потом я услышал шепот, замогильный шепот чудовища. И рыжий закричал, словно проклятая душа в аду!

Крик сменился каким-то бульканьем, и я понял, что в подвал пришла смерть. Потом белая тварь поднялась. С жуткой стремительностью она бросилась к Сандре, и из моего горла вырвался отчаянный вопль. Но она не напала. Вместо этого она наклонилась и легко подняла девушку. Не уделив мне вообще никакого внимания, она метнулась через подвал к окну. На секунду послышалась какая-то возня, а затем — тишина.

В тот же миг я сумел освободить руки. Потребовалась пара секунд, чтобы сорвать остальные веревки, и я уже был на ногах. Одновременно сверху раздалось бормотание чужих голосов. Дверь распахнулась. Подвал ярко осветился.

Я взглянул на лица вошедших, которые мгновенно изменились, побледнев от ужаса, когда увидели, что лежит у

моих ног. Это было тело охранника — уже не живое и мало похожее на человека! Мертвенно-бледное, ужасное лицо, все изорванное и покрытое темно-красной кровью, словно ужасный монстр грыз и терзал его!

След вурдалака! Я использовал в своих интересах отсрочку, которую дало мне открытие этого ужаса. Стремглав я помчался через подвал к окну. Уже прыгая в разбитое окно, я услышал гром выстрела и почувствовал удар по ноге, когда пуля оторвала каблук моего башмака. Но у меня не было времени останавливаться, и я побежал по улочке к дому дяди, и жаждущая крови толпа неслась следом за мной!

Сердце колотилось у самого горла. Мой ошеломленный мозг попытался хоть как-то объяснить события, в которые оказались вовлеченными мы с Сандрой. Неужели я и правда оживил своего мертвого брата?

ГЛАВА V. «Приветствую тебя, Сатана!»

В конце улицы я бросился резко вправо и побежал по склону. Позади ревела толпа, и я снова услышал выстрел. Наверное, слепая удача заставила меня бросить взгляд на кладбище — и я увидел нечто, заставившее меня остановиться и перехватившее дыхание.

За дверцей склепа Кинов мелькнули и исчезли две фигуры. Две белые фигуры — и одна из них несла другую. Я увидел их лишь на мгновение. Затем они исчезли, а я издал хриплый крик и рванулся к кладбищу, забыв о преследующей меня по пятам толпе.

Ревущая толпа неслась за мной. Когда я добежал до склепа, то совсем задохнулся, но, не останавливаясь, бросился во мрак, царивший внутри. Склеп был пуст. В нишах вдоль стен лежало с десяток каменных и деревянных гробов, один из них оказался открыт и расколот. Слава богу, он был пуст.

Я оглянулся, подумав, что, возможно, преследователи потеряли мой след, но увидел, как прямо к склепу несется разъяренная толпа. Я мгновенно осмотрелся, и что-то попало мне на глаза, кусок материи, высовывающейся из-под каменного

саркофага. И эту материю я узнал. Это был обрывок платья Сандры. Или его зажало там, или специально оставили в качестве подсказки. Без сомнения, гроб был фальшивым. Я нажал на него, и он на хорошо смазанных стержнях откатился в сторону, открывая черную яму. Колебаться времени не было. Я быстро скользнул в яму и повис на руках, пока не нащупал пальцами ног твердый пол. Чиркнув зажигалкой, я увидел на днище саркофага ручку и, потянув за нее, задвинул гроб на место. Пока я ждал, тревожно глядя вокруг, наверху послышались шаги. Но, очевидно, тайна фальшивого гроба никому не была известна. Зажигалка осветила сырые стены туннеля, вырезанного в твердой скале и уходящего под крутым углом вниз, в темноту. Я осторожно направился по нему. В голове, точно личинки, копошились кошмарные предположения.

Ужасен был этот путь под древним кладбищем с призраками! Наверное, так чувствовала себя умершая душа, направляясь глубоко под землю к легендарному адскому городу Дису, окруженному железной стеной, раскаленной докрасна от вечного пламени... И меня, наверное, тоже ждет плачевная участь в конце этого туннеля!

Наконец я вышел в пещеру с высоким потолком, смутно освещенную факелами, торчащими в специальных гнездах на стенах. Невдалеке горело более яркое пламя, и я замер, уставившись на алтарь.

Алтарь был вырезан из прекрасного мрамора и представлял собой глобус. На его глянцевой поверхности я легко различил контуры Африки, Евразии и обеих Америк. Остальная часть была залита чем-то темным, словно по нему к полюсу бежали ручейки грязной жидкости. Похоже, я знаю, что это за жидкость...

Пещера оказалась пуста, в стенах ее зияло несколько входов в туннели. Я сказал, что пещера была пуста... но это было не так. Тут имелся владелец. Позади алтаря вздымалась высокая, до самого потолка, статуя. Огромная, чудовищная, она изображала кого-то черного, уродливого, присевшего на корточки и совершенно отвратительного, с плеч его свисало два больших крыла, похожих на крылья летучей мыши. Это был не человек и не зверь, но соединял в себе природу обо-

их. Его тело покрывали косматые волосы, кривые козлиные ноги заканчивались копытами, как у животного.

Длинные руки были гладкие и черные, с сетчатым узором, словно у ящерицы, они, казалось, извивались, словно змеи. А голова... О, боже! Ужасная, ужасная голова! Она была самым чудовищным из всего! Потому что на грубом, уродливом, омерзительном теле сидела голова ангела!

Тонкие черты лица, словно вырезанные из слоновой кости, показались мне необычайно прекрасными. Как я могу описать неземную красоту этого лица? Это были небеса, сомкнувшиеся с адом... Ариэль и Калибан... смесь ангела и грязного демона!

Пламя на алтаре вспыхнуло ярче. Казалось, оно что-то зашептало. С внезапным страхом я шагнул назад.

И тут пещера внезапно вспыхнула у меня перед глазами, и я полетел в пропасть вместе с осколками мира!

Не могу сказать, сколько времени я провел без сознания. Пульсирующая боль в основании черепа напоминала об ударе, срубившем меня. Я проклинал себя, слепого, беспечного дурака. Как я могу теперь помочь Сандре, связанный и совершенно беспомощный среди безумных сатанистов?

Я лежал у стены. Пещера теперь была ярко освещена десятками факелов, бросающих сердитые красные отблески по стенам. Пещеру наполняла толпа — та самая толпа, что гналась за мной. Но теперь они не обращали на меня внимания. Глаза всех были устремлены на алтарь и статую Люцифера за ним. Невдалеке я увидел Сандру, тоже связанную. Верхняя одежда была с нее сорвана, и во мне стал расти красный гнев, когда я заметил похотливые взгляды, которые бросали на нее собравшиеся. Но никто к ней не лез, и хотя бы за это я был им благодарен.

Голоса вскоре смолкли. Лица нетерпеливо повернулись к алтарю, тишина воцарилась в пещере. Перед идолом встал человек в черном, свободном одеянии. На голове была странная маска — трехлицая, и каждое лицо, похожее на остальные, было красивым и мертвенно бледным, как лик трупа. С дрожью я признал в них голову Люцифера Данте — адскую Троицу и из мифологического Евангелия Никодимуса. Жрец воздел вверх руки, и из толпы послышался шепот:

— Харр! Харр! Аве, Сатана — Саббат!..

Потом заговорил жрец. Голос был знакомым, но я никак не мог его узнать. Очевидно, он был намеренно искажен. Раздались звучные слова на латыни — молитва, древняя, древняя молитва Злу. Скандирование росло. Собравшиеся по очереди проходили вперед и бросали перед черным алтарем деньги и драгоценности. Наконец, когда выросла приличная кучка, скандирование смолкло.

— Вы отдали десятину Владыке, — провозгласил жрец. — Вы отдали ему должное. Но он все равно не рад. Убит один из вас, дорогой Темному. Предательски убит.

Я увидел взгляды, которые собравшиеся украдкой бросали друг на друга.

— Он не может обрести отдохновение. Он восстал и бродит среди нас. Черное предательство проникло в легионы Сатаны, и Он отвернет свой лик до тех пор, пока не будет найден убийца. И вурдалак станет ходить по ночам...

Его прервали. Какой-то человек вскочил на каменный выступ у стены.

— Фрэнк это сделал! — закричал он. — Я видел, как той ночью он вернулся в город...

Кто-то закричал, возникла короткая сумятица. Но она тут же улеглась, и двое вытащили вперед задыхающегося молодого человека с побелевшим лицом — того парня, с которым я разговаривал в магазине старого Эбби Линка. В его глазах метался ужас. Мужчины бросили его на пол перед алтарем.

— Прекрасно, — заговорил жрец с злорадным торжеством в голосе. — В течение многих дней вы бросали вызов Владыке, предоставляя место в ваших рядах предателю. Но теперь вы свободны... Скоро, очень скоро станете свободны!

— Да будьте вы все прокляты! — задыхаясь, закричал парень, вставая на ноги. — Я никогда не хотел заниматься этим! — прорыдал он со страхом и гневом. — Конечно, это я убил Джозефа Бентли. Я узнал, что это он был жрецом, и подумал, что если я его убью, то смогу сбежать из этого... этого... — он не мог закончить, на его лице появилось выражение загнанного животного.

— Ты богохульствуешь, — небрежно бросил жрец. — Джейсон Бентли не был жрецом, но он столь же дорог Владыке, как

и все остальные из нас. Поэтому ты умрешь, — он повернулся к толпе. — Вы еще не совсем искупили свой грех, выгораживая предателя, — и он сделал руками какой-то странный жест.

Толпа хлынула вперед, точно вода из прорвавшейся запруды. Парень был поглощен ею и исчез в звериной жажде крови. Он издал лишь один крик, пронзительный и отчаянный, переходящий в жалобный стон, а затем рев толпы заглушил его. Жрец снова поднял руки. Толпа отступила. На каменном полу лежало то, что осталось от юноши. Я почувствовал, как к горлу подкатывает тошнота. Он был буквально разорван на куски!..

— Вы искупили свой грех! — громогласно воскликнул жрец. — Он принял вашу жертву — Бел, Молох, Владыка Ночи, Антагонист!

Его гротескная маска повернулась ко мне. Жрец сделал какой-то жест. Я почувствовал, как меня хватают и развязывают веревки. Потом меня рывком поставили на ноги.

— Подведите его. Владыка все еще жаждет!

Перед алтарем меня заставили встать на колени. Но жрец внезапно, словно передумал, опять сделал жест.

— Нет! — Сначала девушку! А он пусть смотрит, как она умирает!

Я принялся ругать его, горько, грязно, поскольку меня оттащили назад, а к алтарю подтащили Сандру. В ее глазах не было страха, когда она встретилась со мной взглядом, но я знал, каких усилий ей стоило не показывать свой ужас.

Жрец коснулся рычага на алтаре, и пламя погасло. На алтарь положили полуобнаженное связанное тело Сандры. Жрец выступил вперед с небольшой кувалдой в руках. На металлическом молотке виднелись темные пятна.

— Сатана! — воскликнул он задрожавшим от волнения голосом. — Прими нашу жертву! Владыка Внешней Тьмы, Земной Бог, мы служим Тебе, трепеща от страха. Мы больше не служим никакому другому богу, чтобы не пробудить Твой гнев. Люцифер, отец суккубов и инкубов, Зверь Апокалипсиса, прими нашу жертву!

Он опустил и осторожно коснулся кувалдой голого колена Сандры. Ужас наполнил меня, когда я понял его намерения. Это была видоизмененная пытка колесом, весьма популярная

во времена Инквизиции. Но вместо того, чтобы ломать Сандру на колесе, ей собирались раздробить кувалдой суставы на черном каменном алтаре. Тихий ропот пронесся по толпе и внезапно превратился в крики. Из-за статуи темного бога появилась странная фигура — какой-то человек, держащий в одной руке изодранный белый саван, а другой показывал толпе какой-то предмет. Это был эксцентричный художник Ян Сеннет. Меня словно ударило током, когда я понял, что он показывает. Я увидел изодранный белый саван, под ним какую-то покрытую волосами одежду, а показывал он... посмертную маску моего брата Джейсона!

ГЛАВА VI. Слуга сатаны

Державшие меня руки ослабили хватку, когда мои стражи уставились на Сеннета. Жрец зарычал и сделал шаг назад. Кто-то вышел из толпы и направился к алтарю. Я узнал старого Эйба Линка. Губы его дрожали, глаза ярко блестели. Сеннет что-то прокричал сквозь гул толпы, указывая на жреца.

— Вы арестованы! — различил я.

Жрец двинулся вперед, но художник поднял что-то, лежащее за алтарем. Это оказался автомат, который он направил на жреца в черной одежде.

— Вы все идиоты... даже хуже, чем идиоты! — крикнул он толпе. — Я нашел этот маскарадный костюм, спрятанный в проходе позади алтаря. Этот человек, — он указал на жреца, — маскировался под Джейсона Бентли, чтобы держать вас в узде, а вы оказались глупцами, не распознав обман!

Что-то, вращаясь, полетело в воздухе — кувалда жреца. Она скользнула по виску Сеннета, и тот рухнул на пол, как срубленное дерево. А потом начался водоворот безумия. Помню, как кто-то с искаженным от ужаса лицом запрыгнул на выступ у стены и заревел:

— Убейте их всех! Убейте и детектива, если не хотите висеть!

И началось. Я услышал, как закричала Сандра, выдернул руку и нанес удар кулаком в челюсть человеку справа

от меня. Тот упал на пол, а я вывернулся из рук второго и бросился к телу Сеннета.

Краешком глаза я увидел, как ко мне ринулся жрец, но его перехватил Эйб Линк, и они покатились по полу, осыпая друг друга ударами. Я нагнулся, чтобы схватить автомат, но не успел, поскольку пришлось отразить нападение одного из недавно державших меня стражей. Через его плечо я увидел, как к алтарю хлынула толпа. Я понял, что это смерть.

Я бросился на пол. Противник не ожидал этого, и, запнувшись, перелетел через меня. Его голова с отвратительным стуком ударилась о каменный пол. Пальцы мои сомкнулись на холодном металле автомата, и я вскочил на ноги.

Толпа была меньше, чем в десяти футах, когда я пустил первую очередь. Я направил ствол автомата по дуге над их головами, но все остановились, затем повернулись и бросились бежать. Я продолжал стрелять. Пещера наполнилась треском автоматных очередей и воплями бегущей толпы. Я держал палец на спусковом крючке, пока последний человек не исчез во устье туннеля.

— Джин, — дрожащим голосом позвала Сандра. — О, Джин... Слава Богу!

Держа автомат под мышкой, я развязал ее. Она ухватилась за меня, дрожащая, с бледным лицом.

Рядом раздался стон. Сеннет уже сидел на полу, с сожалением ощупывая голову.

— Боже! — воскликнул он. — Как же я оплошал. Если бы не вы... Я слишком поздно увидел и не успел увернуться, — лицо его застыло, и я проследил за его взглядом.

У ног темного бога лежало два неподвижных тела — Эйб Линк и жрец. Тела их сплелись и не шевелились. Линк лежал на спине, из-под его головы расходилось серовато-красное пятно. Открытые глаза остекленели.

Руки его закостенели на горле жреца. Сеннет подошел и осмотрел их.

— Оба мертвы, — сказал он без всяких эмоций. — Я так и думал.

Я больше не мог сдерживать любопытство.

— Ради Бога, что здесь творится? Вы детектив?..

— Да, — кивнул Сеннет. — Окружной прокурор послал меня расследовать таинственные грабежи, участившиеся в этом районе. И я напал на след сатанистов. Я обнаружил, что шериф хорошо знает их, поэтому от него не будет никакой помощи.

Он криво усмехнулся, заметив, что Сандра бросила взгляд в черное устье туннеля.

— Они не вернутся. Мы вооружены и в безопасности, а вскоре увидим наших друзей перед судом присяжных. Они... Я много чего узнал, Бентли, и скажу вам правду, даже если она причинит вам боль. Ваш брат... он был жрецом сатанистов.

Это действительно причинило боль. Я ничего не сказал.

— Но, поверьте, он стал им не по своей воле. Этот человек... — Сеннет пошевелил ногой тело жреца, — ваш брат был в его власти. Очевидно, Джейсон Бентли давно баловался сатанизмом и лучше других знал, как организовывать культы. Это и было важно. Этот человек шантажировал вашего брата и заставил его править культом в качестве марионеточного жреца. Но настоящим хозяином был он сам, он же и получал прибыль. Мне кажется, он был достаточно искренним фанатиком. Я многое узнал о них. Люди обычно не обращают внимания на художника. Таким образом, я обнаружил, что местные жители, завлеченные в дьяволопоклонническую секту, все сильнее выказывают недовольство. Они не были фанатиками, как их вождь.

— Вы хотите сказать, что он верил... — начал было я.

— Да, — перебил меня Сеннет. — В прошлые столетия многие люди искренне поклонялись дьяволу. В тринадцатом веке были люцифериане. Потом тамплиеры, альбигойцы, катары — это только общеизвестные религиозные культы. Ваш брат являлся номинальным лидером и... — он криво усмехнулся, — предназначался на роль козла отпущения, на случай, если местные жители выйдут из-под контроля и решат сбросить с себя хомут. Грабежи, кстати, совершали они же, подстрекаемые жрецом и вашим братом. Несмотря на то, что жрец был искренне верующий, он не был против получения прибыли на стороне.

— Но к чему весь этот маскарад? — спросил я.

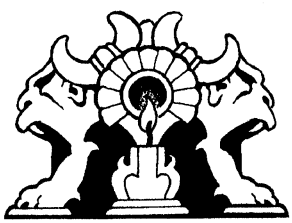
— Я думаю, что когда ваш брат был убит, настоящий лидер занял его место в качестве жреца и объявил, что, пока не найдут убийцу Джейсона Бентли, он восстанет из могилы и будет мстить. Жрец хотел вернуть местных в лоно секты. Когда появились вы, он испугался, что вы откроете правду, и пустил о вас кое-какие слухи. Видите ли, местные жители достаточно суеверны, чтобы поверить чему угодно.

— И в первую ночь...

— Он спрятался в склепе, планируя напугать вас. Но, когда появилась девушка, он воспользовался возможностью нанести первый удар, убив ее и позволив вам рассказать странную историю. Поразительно, — покачал головой Сеннет, взял руку жреца и поднял ее, затем отпустил, позволив ей свободно упасть, причем тело жреца перевернулось, но руки старого Эйба Линка все еще стискивали ему горло. — Просто поразительно, до каких глубин он пал, — задумчиво продолжал Сеннет. — Как и многие другие, он стал дьяволопоклонником ради острых ощущений, и постепенно запутывался все глубже и глубже. Когда же он обрел искреннюю веру в Сатану, то утратил все ориентиры, и у него осталось лишь одно желание — заполучить новообращенных для Люцифера.

Сандра вдруг вскрикнула и, дрожа, прижалась ко мне. Я обнял ее за плечи. Когда Сеннет перевернул тело жреца, маска соскользнула с него и откатилась в сторону, обнажив распухшее, почерневшее лицо сатаниста...

Лицо моего кузена Лью Кина!



Я, ВОЛК

Эдгар Койл остановил машину на ухоженной дороге и с любопытством уставился на дом, высившийся впереди. Казалось, тот почти не изменился за прошедшие шесть лет. Большой старомодный особняк, одиноко стоящий на склоне Серой Горы. Внизу, в долине, была небольшая деревушка, к которой вела хорошо укатанная дорога, хотя по бокам ее склон плотно зарос кустарником.

Мальчишкой Койл боялся этого кустарника. Он был такой густой, такой темный и мрачный, словно предоставил в своих затененных глубинах кров жутким чудовищам, которые часто преследуют детей во сне. Частенько, со страхом глядя в окно своей спальни, Койл представлял, как чужие глаза смотрят на него снизу. А по ночам, когда в деревне принимались завывать собаки, он просыпался, дрожа от ужаса. Во всем был виноват рассказ о проклятии Койлов — легенда об оборотне, которую не раз рассказывал ему горбатый суеверный слуга Линч.

«Но теперь-то, — подумал Койл, — я давно перерос эти глупости».

Он возвращался домой впервые с той ночи шесть лет назад, когда поссорился со своим дедушкой, старым Эверетом Койлом. Ссора закончилась изгнанием юноши из дома. Ему было объявлено, что с этих пор он должен сам заботиться о себе.

Так Койл и сделал. Но с годами старая ненависть к молчаливому, угрюмому старику потускнела и исчезла. Теперь Койл понимал, что сам тоже виноват. Просто столкнулись нетерпение юности и самоуверенность старости. И вдруг Койлу пришло примирительное письмо от деда: «Приезжай, чтобы в последний раз подать друг другу руки, прежде чем я умру», — написал старик.

С легкой улыбкой сожаления, Койл вылез из машины и пошел по дорожке. Когда он постучал в дверь старомодным бронзовым дверным молотком, то задался вопросом, кто откроет ему и ведет ли еще домашнее хозяйство старый Линч.

Да, дверь открыл именно Линч. Его гигантское горбатое туловище, покоившееся на коротких ногах, трудно было с кем-нибудь спутать. Смуглое морщинистое лицо, щетинистая седая борода. И черные как уголь, искрящиеся глаза, уставившиеся в лицо Койла.

— Ты что, не узнал меня? — спросил Койл. — Привет, Линч!

Тот отступил, лицо его превратилось в искаженную маску страха и ненависти.

— Я узнал тебя, Эдгар, — проскрипел он. — Твой дед сообщил, что ты приедешь. Ты просто дурак!

Пораженный, Койл шагнул назад. Слуга что, сошел с ума? Почему он так изменился?

— Линч, — нахмурился Койл. — В чем дело? Что-то не так?

Горбун тщательно закрыл дверь за собой и встал перед ней. Затем, подняв руки, схватил Койла за плечи. Пристально взглянул ему в лицо черными глазами, в которых плескался страх.

— Да, что-то не так, — медленно кивнул Линч. — Ты что, забыл все, что я рассказывал тебе? Эдгар, ты — Койл. Это ничего не значит для тебя?

Молодой человек удивленно посмотрел на него, подавляя желание рассмеяться.

— Ты имеешь в виду проклятие? Линч, ты что, боишься меня? Но ведь ты же знал меня, еще когда я был ребенком!

— Но теперь ты больше не ребенок. — Лицо горбуна помрачнело. — Тебе двадцать три года. Именно в этом возрасте начинает действовать проклятие Койлов. И у тебя желтые глаза Койлов, глаза волка, которые могут видеть в темноте.

— Пусти, — резко бросил молодой человек, чувствуя поднимающееся в груди раздражение. — Скажи деду, что я здесь. По крайней мере, хоть он не станет бояться меня.

— Дурак, — прошептал Линч хриплым от старости голосом. — Безумный дурак! Да, он не станет бояться тебя, он

тоже не верит во все это. Но я боюсь, потому что знаю! И я спасу вас обоих. Возвращайся в город, Эдгар. Ты должен уехать, должен!

Мгновение Койл думал над просьбой старого слуги. Но нетерпение победило. Пожав плечами, он шагнув вперед, намереваясь пройти мимо Линча. И снова железные пальцы схватили его за плечи.

— Значит, ты не уедешь? Богом клянусь... — Его пальцы безжалостно стиснули плечи Койла. — Ты не войдешь в этот дом! Потому что на тебе проклятие!

Вздрогнув от боли, Койл вырвался из его рук. Но Линч перегородил ему дорогу и махнул рукой в сторону машины. Койл остался на месте, стискивая кулаки.

Горбун присел. Его руки качались по бокам, словно у обезьяны. Волосатое лицо походило на дьявольскую маску.

— Линч! — раздался чей-то крик.

Это был девичий голос, низкий и властный. Горбун оглянулся, Койл проследовал за ним взглядом. Возле угла дома стояла девушка в одежде для верховой езды, она легонько постукивала по сапогу стеком. У нее были серые глаза, обрамленные длинными ресницами, и золотистые волосы.

— Кто вы? — спросила она. — О... ваши глаза... — Она осеклась, но тут же смешком прикрыла свое смущение. — Простите. Конечно, вы Эдгар Койл.

— Да, и я не стыжусь своих глаз, — усмехнулся он. — Желтые глаза — фамильная черта. Спасибо за помощь. Мы с Линчем... — он оборвал себя, не желая подвести старого слугу, но тот нетерпеливо дернул плечами.

— Он должен вернуться в город, мисс Денисон. Просто обязан.

— Что? — девушка удивленно посмотрела на него. — Но почему? Дедушка ждет вас уже несколько дней. Он сказал, что вы останетесь на неделю. Не можете же вы вот так...

— Я вовсе не собираюсь уезжать, — воскликнул Койл. — Линч почему-то настаивает на этом, но...

— Линч! Вы не имеете никакого права...

— Я знаю свои права и обязанности, — прорычал в ответ горбун. — Вы видите его глаза? Это глаза волка! Он может видеть в темноте, как и любой Койл. А вы знаете, почему? Я

уверен, что знаете — здесь это вовсе не секрет. Все окрестные жители знают, почему каждый Койл должен уехать, когда достигает определенного возраста.

Девушка нахмурила брови. Губы ее уже было раскрылись, но Линч не дал ей заговорить.

— Есть старинная формула:

Каждый Койл должен жить один, поскольку он замок,
Каждый Койл должен жить один, поскольку он ключ.
Двое будут обречены, потому что они уже клан,
Клан Койлов с волчьей кровью в человеческих венах.
Один Койл живет в безопасности.
Но если встречаются двое Койлов — ключ отпирает замок,
замок от врат ада!
И снова оборотень будет бегать по полям и лесам!

— Замолчи, Линч!

Как хорошо Койл знал этот глубокий, сильный голос! Он стремительно повернулся. Это был Эверетт Койл, его дед. Старик нисколько не изменился. Его белоснежная грива была отброшена назад со лба, густые брови нависли над желтыми глазами Койлов, сверкающих сейчас гневом.

— Замолчи! Убирайся в дом, суеверный дурак! Я должен был ожидать чего-то подобного.

Говоря, старик наблюдал, как Линч уходит, волоча ноги. Затем лицо его прояснилось.

— Эдгар, я рад...

Они подали друг другу руки, и младший почувствовал глубокое удовлетворение от того, что выполнил просьбу старшего. Старый Койл на секунду отвернулся. Голос его слегка дрожал, когда он заговорил:

— Я жду остальных. Я хочу, чтобы ты с ними познакомился. Идемте в дом. Ты тоже, Альма, — добавил он.

Удобно устроившись на старинном диване, девушка улыбнулась Койлу.

— Я думаю, уже пора представиться. Альма Денисон. Я живу в колонии вашего деда.

— Я и не знал... — удивленно сказал Койл. — Конечно, мы не слишком-то общались...

— Разве вы не слышали о Новой Колонии? — спросила Альма. — Ее основал ваш дедушка и содержит на свои средства. Хорошо, что у него много денег, так как Колония не приносит прибыли... — она оборвала себя. — Я хочу сказать, что эта колония свободных художников, в ней всего несколько человек. Они все живут здесь, у вашего дедушки, который поддерживает их... создал, так сказать, корпорацию...

Койл что-то пробурчал в ответ. Он не совсем был доволен этими новостями, хотя не мог сказать, почему.

— И вы тоже живете в этой... Новой Колонии? — спросил он девушку.

— О, нет. Я только провожу здесь отпуск. Мистер Койл был старым другом моего отца, и когда тот умер... В общем, стенографистка не заработает состояние. Ваш дедушка попросил, чтобы я приехала к нему на время отпуска. Он много помогает мне, — она опять улыбнулась.

Койл был почему-то рад, что девушка не является членом Новой Колонии. Он поднял голову, когда дед вошел в комнату в сопровождении трех человек. Всех представили друг другу. Было ясно, что Эверетту нравятся все трое.

Койл постарался запомнить их. Норман Арндт — писатель. Бронзовокожий человек с приятным лицом, который казался необычно молодым, несмотря на седые виски. Клайд Ди Марио — стройный, нервный, неопределенного возраста, с тонким смуглым лицом и черными усами с острыми, как иглы, кончиками. Ральф Кэйн, скульптор, очень крупный блондин. У живописца Ди Марио под мышкой было много пакетов.

— Я иду в деревню, — объявил он. — Мне нужно на почту, отправить кое-какие холсты. У кого-нибудь есть письма?

— Я жду письма, — отозвался Кэйн. — Спросите его, ладно?

— Узнайте, Ди Марио, не пришли ли мои распечатки с диктофона, — попросил Арндт, полутрагически пожимая плечами. — Я заказал их недели две назад, и они до сих пор не пришли. Я перестал пользоваться пишущей машинкой, так как слишком ленив для этого, — усмехнулся он Койлу. — Все свои записи делаю устно. Мисс Денисон так добра, что расшифровывает их для меня.

Взглянув на темнеющие окна, Ди Марио поспешно ушел. Эверетт Койл поглядел ему вслед, подняв косматые брови.

— Боюсь, он не находит стимулы для творчества в нашей компании, — заметил он глубоким басом.

— Ну, да, — проворчал Арндт. — Теперь его не будет дома часов до одиннадцати-двенадцати. Карты и выпивка — вот над чем он станет напряженно трудиться.

Позднее Койлу пришлось вспомнить эти слова. Остальная часть вечера прошла как в тумане — коктейли, ужин, поданный угрюмым Линчем, сигары и праздная трепотня... и, наконец, постель. Как всегда по ночам, за окном гудел сильный ветер. Глядя вниз на кустарник, Койл посмеялся сам себе. Неудивительно, что в детстве это пугало его. Разумеется, черные тени принимали весьма странные очертания, но это были всего лишь потревоженные ветром кусты. Однако он не позавидовал Ди Марио, которому придется возвращаться пешком из деревни. Койл почувствовал, что хочет спать, хочет неодолимо. И уснул прежде, чем голова коснулась подушки. Черная пропасть забвения поглотила его. И тут же он увидел сны.

Странные это были сны. Сны о залитых лунным светом лесах и о тенях, быстрых тенях, которые бесшумно скользили от дерева к дереву. Странно, но ему снилось, что он бежит наперегонки с этими тенями, бежит на четырех ногах! Потом сны изменились. Остались неопределенные, обрывочные вспышки, видение залитых лунным светом кленов ниже дома, с кустарником, озаренным серебристым светом, и маленькой фигуркой, бредущей по дороге. В этой фигурке Койл узнал Ди Марио. Во сне он бежал навстречу художнику. Бежал — на четвереньках! Бежал, прыгнул и увидел лицо Ди Марио, летящую навстречу ужасную, гротескную маску и ленту крови на смуглой коже! Остальная часть этого ужасного сна... Койл не хотел ее вспоминать! Он проснулся, дрожащий, весь в поту от ужаса, и увидел солнечный квадрат, лежащий на подушке. Кто-то громко стучал в дверь.

Койл медленно встал с кровати. В голове билась тупая боль, он помотал ею и с шоком обнаружил, что пижама запачкана землей и в нескольких местах порвана.

— Кто там? — слабо спросил молодой человек.

— Это Кэйн. Откройте, пожалуйста... Убит Ди Марио!

Койл почувствовал, как внутри все заледенело, и опустился на край кровати.

— Что? Ди Марио убит? — выдохнул он.

— Да. Вы спуститесь?

— Я сейчас, — крикнул Койл. — Сейчас я выйду.

Секунда молчания, и шаги удалились по лестнице в гостиную. Койл закрыл глаза и прислушался к пульсирующей в черепе боли. Затем медленно открыл глаза и уставился на свои руки, лежащие на коленях. Руки, запятнанные чем-то красным. Отвратительная вонь скотобойни ударила в нос, внезапно его затошнило.

— Боже милостивый! — простонал Койл. — Что со мной произошло? Что... Что я наделал?..

Взгляд в большое зеркало не успокоил. В нем отражался измученный человек с ввалившимися глазами. Койл ринулся в ванную, чтобы смыть красные пятна, покрывавшие его руки и лицо. Он поспешно привел себя в порядок и спустился по лестнице.

Дом словно вымер, но снаружи слышались слабые голоса. Койл вышел из двери, дрожащими руками достал и зажег сигарету.

Группа людей собралась вокруг чего-то на дороге, лежащего в тени кустов. Словно притягиваемый магнитом, Койл двинулся туда. Нечто было накрыто одеялом, сквозь которое проступило большое, бесформенное пятно крови.

— Ди Марио, — без всякого выражения сказал Койл. — Что... что убило его?

Все повернулись к нему. Одного из собравшихся Койл не узнал. Это был сгорбленный старик со впалыми щеками и острыми, бесцветными глазками. Старик, но с мускулистым, как у юноши, телом.

— Это мой внук, — сказал Эверетт Койл.

Голос его был спокоен, но желтые глаза неестественно расширены.

— Эдгар, это шериф Дакин.

Тот кивнул в ответ и пробурчал:

— Не знаю, что убило его. Возможно, какое-то животное. Здесь много следов. Похожи на следы койота, собаки или волка.

Койл и сам теперь видел следы в пыли. Подушечки, длинные когти. Живот у него вдруг скрутило судорогой. Это было невозможно... немыслимо, если бы не ужасные легенды, которых он наслышался в детстве! Но ведь это всего лишь суеверия? Хотя ныне всем знаком медицинский термин ликантропия, форма мании, когда пациент считает себя диким зверем! Дрожащий, с болью в груди, Койл отошел в сторонку, чувствуя на себе взгляды собравшихся. Кто-то тронул его за руку. Он мгновенно поднял глаза.

— Альма, — сказал он. — Я... Вам не следует это видеть.

— Я нашла... Его нашла я, — запинаясь, возразила девушка.

Лицо у нее было бледным. Серые глаза пытались встретиться с ним взглядом. Потом Койл почувствовал чей-то пристальный взгляд.

Подошел Эверетт, не сводя странных глаз с лица внука.

— Эдгар, — медленно проговорил он, взяв его за руку, — что задержало тебя так долго? Ты, правда, спал?

— Я... да. Я спал.

Койл обнаружил, что с трудом выдерживает пристальный взгляд старика. Эверетт повернулся к девушке.

— Вы простите нас, Альма? Я хочу...

Девушка понимающе кивнула и пошла в дом, а старик повернулся в другую сторону и кивнул на чащу кустарника.

— Нынче утром я встал поздно. Мы все поздно поднялись. Но я был первым, и кое-что увидел под твоим окном, Эдгар.

Лицо Койла побелело.

— Под моим окном? — с трудом произнес он. — Кто-то пытался залезть?

— Под окном были следы, — тихо произнес Эверетт. — Следы волка.

— Что вы имеете в виду? — прошептал Койл пересохшими губами. — Бога ради... что вы имеете в виду?!

— Я не дурак, Эдгар. И еще я не суеверен. Но думаю, что волк или нечто, похожее на волка, залезло вчера вечером в дом. Одно это не имело бы большого значения — волка можно убить. Но я... — старик заколебался, его полускрытые бородой губы скривились, словно от боли. — Я нашел под твоим окном и другие следы, — продолжил он наконец. —

Следы босых ног. И заметил на пятке маленький треугольный шрам. Я помню, как ты получил этот шрам, когда был мальчишкой, Эдгар. Ты наступил на разбитую бутылку.

Койл застыл на месте, безумные мысли проносились у него в голове. Губы его беззвучно произнесли одно слово, которое тут же подхватил старик.

— Ликантропия. Да, именно этого я и боялся. Я уничтожил твои следы, Эдгар, но... — Его морщинистое лицо превратилось в трагическую маску боли. — Эдгар, не заставляй меня поверить в это. Я считал, что все эти легенды — просто суеверие, порожденное необычными глазами Койлов. Но это ужасное безумие...

Молодой человек отвел глаза. С ужасной отчетливостью он вспомнил свой сон... если это был сон. Во всяком случае, теперь ему казалось, что это не сон, а воспоминания. Ликантропия! Ужасная мания, при которой больной, сам веря, что превратился в волка, бегает по ночам и убивает, чтобы заглушить жажду крови!

Койл вспомнил о прочитанных историях об этой болезни, о людях, которые крались тенями в ночи и устраивали настоящую бойню, людях, которые кончили жизнь в психиатрических клиниках, не способные говорить, а только рычать и выть по-волчьи. И в голове Койла, точно четкая запись фонографа, крутилась безумная короткая фраза. Много раз, снова и снова: «Я — волк. Я — волк».

Медленно наступала ночь. Тишина плотным одеялом нависла над домом. Она висела так весь день, с тех пор, как увезли в деревню изувеченный труп Ди Марио. Завтра соберутся люди с оружием и собаками, чтобы отправиться на поиски убийцы.

— Это был волк, — мудро рассудил шериф. — Время от времени они все еще появляются в округе. Вероятно, он был голодный, а Ди Марио напился, иначе ничего бы не случилось.

Весь день Койл ощущал наблюдающие за ним глаза. Глаза Линча, расширенные от ужаса и чего-то сродни ненависти. Желтые глаза деда. Глаза скульптора-блондина Ральфа Кэйна, выражение которых невозможно было прочесть. Задумчивые глаза писателя Арндта.

И серые глаза Альмы Денисон, немного озадаченные, немного взволнованные. Но без всякого страха. По крайней мере, Койлу причинило бы боль увидеть страх в пристальном взгляде девушки.

Поели они в тишине. Наконец, Койл, не в силах больше выдержать потайные взгляды, поднялся, подвинул стул к столу, взял чашечку с кофе и вышел в сад. Прохладный ветерок приятно овевал его раскрасневшееся лицо. Он стоял, медленно потягивая кофе. Какой-то звук позади заставил обернуться. К нему шла Альма Денисон.

— Попьем вместе кофе? — спросила она, делая приветственный жест своей чашечкой. — Если вы...Ой!

Под ногу ей подвернулся камень, и девушка чуть не упала. Койл вовремя подхватил ее. Мгновение она податливо лежала в его руках со спокойными, улыбающимися глазами. Не в силах сопротивляться, Койл нагнул голову и впился губами в ее очаровательные алые губки.

Затем стремительно отпрянул.

— Простите. Я не должен был...

Но девушка продолжала улыбаться.

— Мне... Мне это понравилось, Эд, — прошептала она. — Однако, кажется, у нас не осталось кофе.

Койл мельком взглянул на разбитые чашки.

— Это я и имел в виду, Альма. Я не должен был целовать вас. Можете ли вы... забыть об этом?

Глаза девушки потухли.

— Конечно, — пробормотала она. — Если это необходимо.

Альма молча направилась в дом, Койл тоже молча пошел за ней. Всеми, казалось, овладела странная сонливость. Молодой человек думал, что не сможет уснуть, но когда остальные, сонно моргая, разошлись по своим комнатам, он тоже почувствовал унылую тяжесть в голове и какую-то слабость, заставлявшую каждое движение делать с усилием. Застегивая пижаму, он подошел к окну и остановился, тупо глядя на него. Затем распахнул створки окна и увидел закрытые тяжелые ставни. Запертые ставни — Койл проверил это, они лишь слабо заскрипели под его нажатием, но не открылись. Тогда он с облегчением вздохнул. Молодой человек уже отвернулся от окна, когда в дверь постучали.

— Эдгар? — раздался голос его деда.

— В чем дело? — сонно отозвался Койл. — Входите.

Ответа не последовало. Разделся щелчок поворачивающегося ключа и медленно удаляющиеся шаги. Криво усмехнувшись, он подошел к двери и проверил. Она была заперта. Эверетт предпринял кое-какие шаги, чтобы защитить своего внука — а также себя самого. И, успокоившись, Койл уснул. Это был не летаргический сон, как прошлой ночью, но такой же отрывистый, тревожный. Снова он видел жуткую, но уже знакомую картину залитого лунным светом леса, по которому бегут темные тени.

Какие-то слабые, тоненькие звуки проникали в его сон, словно далекий, неясный шепот. Он становился то громче, то почти замолкал, а потом друг снова усиливался. Койлу казалось, что он видит во сне лицо своего деда, бородатое, залитое лунным светом лицо. Койл бежал к нему, чувствуя ужасный голод внутри. Пронзительный крик сорвал туман, покрывавший сознание молодого человека, и он мгновенно проснулся. В комнате было темно, но рука Койла безошибочно потянулась к прикроватной лампе и включила ее. В ушах еще звучал бормочущий что-то голос.

Койл сел на кровати и ошарашенно уставился на предмет, который только что снял со своей головы. Наушники! Провод от них бежал к черной металлической коробке возле кровати, наверху которой медленно вращался темный цилиндр. Это был диктофон. Призрачный голос стал теперь вполне различим. Глаза Койла расширились, когда он прислушался.

— ...залитый лунным светом лес... там стремительно мелькают черные тени... вы бежите вместе с ними... а теперь вы в комнате Эверетта Койла... подбегаете к нему. Смотрите на его горло. Легкое движение, и красная кровь забьет струей...

С испуганным вскриком Койл уронил наушники. Теперь он начал понимать. Что-то, давно прочитанное, пришло на ум. Научные эксперименты по обучению во сне.

Койл вспомнил, что испытуемых усыпляли, а затем диктофон читал им лекции, которые через наушники воспринимал спящий мозг. И после пробуждения испытуемые помнили эти лекции почти дословно!

Молодой человек осознал, что сейчас использовалась подобная методика, чтобы создать ему воспоминания о чем-то, чего вовсе не было. Диктофон нашептывал странные образы, а в это время кто-то шел и убивал, убивал безжалостно и жестоко.

Ум Койла работал стремительно, анализируя и сопоставляя разрозненные фрагменты загадки. Кто-то, знакомый с легендой об оборотне, убил Ди Марио и попытался свалить это на Койла, убеждая того в собственной вине. Кто-то, чей голос, искаженный до неузнаваемости, шептал теперь ужасные вещи из диктофона. Снова раздался крик, безумный, отчаянный. Койл чуть не забыл о том, что пробудило его, но теперь, слыша испуганные крики внизу, он, ругаясь, вскочил с кровати. Босые ноги ступали беззвучно, когда он пересек комнату и осторожно попробовал дверь. Дверь оказалась незапертой. Эверетт оставил ключ в замке, и убийца легко отпер дверь, когда принес в комнату Койла диктофон.

Внизу хлопнула дверь. Койл ринулся на первый этаж. Пустая гостиная была слабо освещена лунным светом. Он тронул дверь. Помещение за ней было пусто. Два последующих тоже. Но вот за ними...

Койл распахнул пошире дверь, всматриваясь в щель в смутно освещенный подвал, куда вела старая, скрипучая лестница. Там был настоящий лабиринт из пыли и паутины, а на полу валялся многолетний слой мусора. С потолка свисала единственная электрическая лампочка, тускло освещавшая полунагое тело Альмы Деннисон, лежащее среди мусора.

Койл побежал вниз по лестнице. Тонкая ночная рубашка девушки была изодрана в клочья, на виске темнел большой синяк. Но в целом она казалась невредимой. Однако, рядом лежали грабли, к зубьям которых, запачканных запекшейся кровью, прилипли клочки волос и кожи. Это было орудие, которым изуродовали тело Ди Марио! Альма внезапно открыла глаза и резко вскрикнула, с ужасом глядя на Койла. Отпихнув грабли, он опустился на колени рядом с ней.

— Все в порядке, Альма, — попытался успокоить девушку молодой человек. — Что произошло? Вы...

Она потянулась к нему со слабым вздохом облегчения.

— Я... я не знаю, Эд. Я проснулась, услышав, что кто-то ходит в гостиной, а когда открыла дверь, то он... он увидел меня.

— Кто?

— Не знаю. У него на голове был женский чулок с прорезями для глаз. Он схватил меня, Эд. Я хотела убежать, но он оказался быстрее и потащил меня сюда, я отбивалась, и он, должно быть, ударил меня по голове. Я потеряла сознание. Моя голова... — Ее пальцы потянулись к синяку на виске.

Койл стиснул зубы и внезапно выпрямился, когда его ушей достиг какой-то звук. Он стремительно повернул голову. Дверь наверху лестницы раскрылась. Из нее вышла темная, сутулая фигура. Это был горбун Линч. Его гротескное лицо было искажено какой-то непостижимой гримасой. Слуга медленно двинулся по ступенькам, не сводя пристального взгляда с Койла. Морщинистые, красные веки были полуприкрыты, но глаза горбуна зорко смотрели из-под них.

— Линч! — резко бросил Койл.

Горбун остановился у подножия лестницы. Прозрачная слеза скатилась по его морщинистой, покрытой черной щетиной щеке.

— О боже... Эдгар! — прошептал он. — Я не мог поверить... даже зная о проклятии. Но теперь... — Взгляд его перешел на полуобнаженную девушку. — Ты... Ты дикий зверь, Эдгар! — В крике слуги звучала мука. — Я убью тебя! Я должен убить тебя, как убил бы бешеную собаку! Ты... — Он двинулся вперед на коротких ногах, со свисающими по-обезьяньи руками.

Прежде чей Койл успел шевельнуться, девушка вскочила на ноги и встала между ними.

— Остановитесь, Линч! Он... Это не он!

— Что? — Линч замер, глядя на нее. — Это не он?

Дальнейшее произошло очень быстро. В глазах Альмы вдруг вспыхнул страх. Койл выкрикнул бесполезное уже предупреждение. Что-то появилось из темноты под лестницей — прятавшийся там человек коротко взмахнул топором. И топор обрушился на голову горбуна...

От удара его голова с ужасным хрустом раскололась почти напополам. Лезвие топора глубоко вонзилось в череп, а

тело Линча еще невыразимо долгий миг стояло на ногах. Затем горбун рухнул. Кровь брызнула на Альму и Койла. Последний не мог отвести взгляд от дергавшихся ног старого слуги. Резкий окрик убийцы заставил его напряженные мышцы расслабиться. Молодой человек поднял глаза. Прямо ему в грудь был направлен пистолет.

— Встаньте у стены, — с иронической вежливостью сказал холодный голос. — Вот так. Теперь всем удобно.

— Вы дьявол! — прошептал Койл. — Это вы сделали все это?

— Конечно, — ответил тот.

Молодой человек попытался понять, чье лицо под маской, но не сумел.

— Конечно, я. Но не вините меня. Вы сами все это начали.

— Я? Что вы имеете в виду?.. — Странная мысль возникла в голове Койла. — Я начал... потому что приехал сюда?

— Вот именно. Теперь уже не имеет значения, что вам известно, поскольку вы оба будете мертвы через несколько минут. Или даже быстрее.

Убийца взмахнул пистолетом.

— Вы убили Ди Марио? — спросила Альма.

Койл мысленно благословил ее за то, что отвлекла внимание. Краешком глаза он заметил лежащую на бочке пустую пивную бутылку всего в нескольких футах от него, и начал неощутимо, по миллиметрам, пододвигаться к ней.

— Да, — кивнул человек в маске. — Ди Марио убил я. И сегодня ночью собираюсь убить остальных, как и планировал. Практически, даже больше, чем планировал, потому что, если бы вы не вмешались, я не стал бы избавляться от Линча или любого из вас. Горбун и девчонка свидетельствовали бы против Эдгара Койла. И вы, мистер Койл, распрощались бы с жизнью на электрическом стуле или навсегда остались в психушке.

— Но почему? — с отчаянием в голосе спросил молодой человек. — Я же не сделал вам ничего плохого, насколько я знаю. Почему...

— Не сделали мне ничего плохого? — в голосе замаскированного зазвучал гнев. — Пока еще нет. Но сделали бы! Пока

ваш дед ненавидел вас, он не оставил бы вам ни пенса в наследство. Но вы вернулись, старик размяк и решил изменить завещание. Изменить в вашу пользу!

— Но кто... — Койл замолчал, начиная все понимать.

Альма тут же подтвердила его подозрения.

— Так вот в чем дело! Вы знаете, Эд, о чем написано в нынешнем завещании вашего дедушки?

— Скажи же ему! — усмехнулся убийца. — Скажи!

— Все его состояние должно перейти Новой Колонии! Ди Марио, Арндт и Кэйн должны были управлять деньгами ради Колонии.

— Правильно. Но зачем мне делить с кем-то эти деньги? Мне они понадобятся и самому... как единственному оставшемуся в живых. Новая Колония! — человек в маске коротко рассмеялся. — Сборище глупцов! Как только я получу деньги старого Койла... — Он снова взмахнул пистолетом.

— Вам не сойдет это с рук, — поспешно прервал его молодой человек. — Остальные услышат выстрел...

Замаскированный весело расхохотался.

— Ничего они не услышат, Эдгар! Точно так же, как прошлой ночью! Кофе...

И тут Койл окончательно все понял. Это объясняло, почему проснулись они с Альмой. Они пролили свой кофе в саду. А Линч? Возможно, железное здоровье горбуна преодолело действие снотворного. Молодой человек вспомнил, что глаза его были полузакрыты. Он действовал стремительно. Пустая бутылка была уже совсем рядом, поскольку он украдкой продвигался к ней с тех пор, как увидел. Одним резким движением Койл бросился в сторону, хватая бутылку за горлышко, и метнул ее с меткостью отчаяния.

Прогремел выстрел, пуля ударила в стену. Но бутылка попала в цель. Лампочка с треском лопнула, и подвал мгновенно погрузился во тьму. Койл двигался быстро и очень тихо. Убийца тоже затих, очевидно, ожидая, что другие выдадут себя какими-нибудь звуками. Прогремел выстрел, кто-то прорычал ругательства. Затем зловеще затрещала хрупкая деревянная лестница, когда на нее упали два тела. Послышалась возня, тяжелое дыхание и глухой стук. Затем вспыхнула спичка.

— Эд! — Альма бросилась к нему, на лице ее было написано облегчение. — Вы... С вами все в порядке! Я боялась...

— Со мной все нормально, — криво усмехнулся Койл. — Несколько ушибов и синяков. А вот нашему другу пришлось куда хуже.

— О-о! Но кто это, Эд? Маска...

— А вы разве не поняли? Я так уже догадался. Видите ли... и писатель Арндт, и скульптор Кэйн могли использовать диктофон. Но... Вы помните волчьи следы, найденные возле дома? Были там и следы моих ног, хотя их оставил не я.

— Но как же, Эд?

— Разумеется, это были гипсовые отпечатки. Убийца сделал отпечатки моих ног, пока я спал крепким сном под действием снотворного, и воспользовался ими. Следы волка?.. То же самое, только их он вылепил вручную. И тут я вспомнил, что Кэйн был скульптором, следовательно, гипс — это его епархия. Смотрите! — Он быстро нагнулся и сорвал маску с лица убийцы.

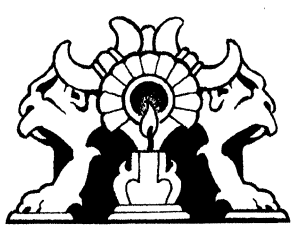
Девушка отступила и оказалась, вся дрожа, в объятиях Койла.

— Вы... Вы правы, Эд. Это Кэйн. И... он же почти добился своего. Если бы нам не повезло...

— Повезло? — хмыкнул молодой человек. — Никакого везения! После того как погас свет, я просто поднял с пола грабли и выбил ими из его руки пистолет, а затем нокаутировал.

— Но как...

— Наследственное проклятие, — рассмеялся Койл, крепко обнимая Альму за талию. — Кэйн забыл об этом, иначе бы он не стал болтать с нами, а сразу застрелил. Он забыл, что Койлы — оборотни Койлы — способны видеть в темноте!



ШУТКА ДРУМ-АВИСТЫ

Есть одна история, повествующая о голосах, которые раздались как-то ночью на мраморных улицах ныне павшего Бель Ярнака, провозглашая: «Зло грядет на наши земли, рок грядет на мирный город, где живут дети наших детей. Горе, горе Бель Ярнаку!». Эти голоса заставили жителей города собираться кучками, бросая украдкой взоры на Черную Башню, которая копьем устремилась в небо из храмовых садов, так как все знают, что, когда пробьет роковой час Бель Ярнака, Черная Башня сыграет главную роль в этом ужасном Рагнареке.

Горе, горе Бель Ярнаку! Падут вечно светящиеся серебряные башни, утратив свое магическое очарование. Ночью, украдкой, под тройными лунами, стремглав несущимися по бархатному небу, неотвратимая гибель выползет из Черной Башни.

Могучими магами были жрецы Черной Башни. Магами и алхимиками, и они вечно искали Философский Камень, обладающий странной силой, дающей возможность преобразовывать все, что угодно, в самый редкий из металлов. В глубоких подвалах под храмовыми садами, бесконечно трудясь над перегонными кубами под фиолетовым светом ошш-ламп, проводил свою жизнь Торазор, самый могущественный из жрецов, самый мудрый из тех, кто жил в Бель Ярнаке. Дни, недели и годы проводил он в неустанных трудах, ища Эликсир, пока странные луны бессчетное число раз проносились к горизонту. Улицы города мостили золотом и серебром, стены домов инкрустировали алмазами и опалами, а также фиолетовыми драгоценностями из упавшего метеорита, что делало Бель Ярнак прекрасным видением, сияющим в ночи, чтобы вести усталых путников через пустыню к месту отдохновения.

Но Торазор искал редкий элемент, встречающийся лишь в Потусторонних мирах. Телескопы астрономов выявили его присутствие на далеких солнцах, горящих в небе сверкающими точками звездного покрывала, что по ночам накрывало Бель Ярнак зеркалом, словно отражающим городские огни. Небо казалось причудливым фиолетовым гобеленом, на котором тройные луны ткали свои сложные образы. А Торазор все работал в подвалах под Черной Башней.

Он терпел неудачу за неудачей и точно знал, что лишь с помощью богов может найти искомый Эликсир. Не мелких богов, не добрых или злых, а самого Друм-Ависту, Обитателя Внешних Глубин, Темного Владыку, нечестивым образом вызвал из вечной пропасти Торазор, ибо разум его был уже искажен. Он столько трудился и столько претерпел неудач, что в уме у жреца осталась лишь одна мысль и одна цель. Только поэтому сделал он то, что было запрещено от сотворения мира. Он прошел все Семь Кругов и выкрикнул имя, которое пробудило Друм-Ависту от вечного сна. И спустилась с небес тень к Черной Башне. Но Бель Ярнак был по-прежнему безмятежен. Великолепный, прекрасный город переливался всеми огнями, хотя на улицах уже раздавались странные тонкие голоса.

Горе, горе Бель Ярнаку! Тень пала на Черную Башню, и черная полночь распростерла свои зловещие крылья над магом Торазором. В полном одиночестве стоял он в своих палатах, и ни лучика света не промелькнуло в абсолютной, ужасной тьме, из которой вышел Темный Владыка и медленно, тяжеловесно воплотился перед жрецом в материальную форму. Тот вскрикнул и закрыл глаза, ибо никто не может смотреть на Обитателя Бездн, чтобы душа его не разорвалась на мелкие клочки. Точно стонущий циклопический набат, зазвучал голос Обитателя Бездн в подземельях под Черной Башней. Но его услышал лишь Торазор, поскольку именно он вызвал Друм-Ависту.

— Кто нарушил мой сон?! — грозно вопросил бог. — Кто нарушил мои мечты, в которых я тку новые миры? Много, много незавершенных миров из-за этого рухнуло в Бездну! Но, может, я чуть-чуть развлекусь в этом мелком мирке? Кто назвал одно из моих имен?

Дрожащий, смертельно напуганный, все еще не открывающий глаз, Торазор признался:

— Это я назвал твое имя, Друм-Ависта! Я вырвал тебя из вечного сна! Даже ты должен повиноваться приказам того, кто тебя вызвал!

Тьма запульсировала смехом. Потом Друм-Ависта иронично сказал:

— Повиноваться приказам, да! О, маленький глупец, командовал бы ты своими мелкими богами. Они всегда искали людей, способных порабощать богов, чтобы следовать за ними.

Но Торазор не последовал совету. У него была лишь одна цель: могущественный Эликсир, который может превращать все в самый редкий из элементов. И он бесстрашно высказал свое желание Друм-Ависте.

— И это все? — медленно проговорил бог. — Ради такой мелочи ты нарушил мой сон? Что ж, я исполню твое желание — ведь не зря меня зовут Шутником. Сделай то-то и так-то... — И Друм-Ависта рассказал, как создать Элиссир, преобразующий все в Бель Ярнаке в самый редкий из металлов.

Затем бог скрылся обратно во Тьму, Тьма устремилась в небо и там растворилась среди звезд. Друм-Ависта снова погрузился в полный сновидений сон, ткущий запутанные плетения, и вскоре забыл о Торазоре. А тот стоял в подземельях, дрожа от ликования, ибо у ног его лежал громадный драгоценный камень, оставленный богом.

Пылающий, истекающий странным огнем, этот камень освещал подземелье, загоняя тени в самые дальние углы. Но Торазору было некогда любоваться его красотой. Ведь это был Философский Камень, это был Эликсир! С горящими глазами маг приготовил варево, как велел ему Друм-Ависта.

И когда смесь закипела и запузырилась в золотом тигле, к нему подошел Торазор, держа в руках сияющий Камень. Его жизнь достигла кульминации, когда он бросил Камень в пенящееся варево.

Несколько ударов сердца ничего не происходило. А затем, сначала медленно, затем все быстрее, начал темнеть яркий золотой тигель. И Торазор во все горло крикнул славу Друм-Ависте, ибо золотой перегонный куб уже не был золотым. Си-

лой Философского Камня он оказался преобразован в самый редкий из металлов. Но превращение на этом не завершилось. Темнота поползла вниз по ножкам перегонного куба, затем стала расползаться, точно лишайник, по ониксовому полу. Она достигла ног Торазора, и маг застыл в ужасном превращении, которое заменяло его тело из плоти и крови твердым металлом. И в последней вспышке сознания жрец понял суть шутки Друм-Ависты, и осознал, что власть Эликсира действительно превращает все вокруг в самый редкий из элементов.

Маг смог издать один-единственный вопль, а затем горло его стало металлическим, и он больше не мог произнести ни звука. Медленно, очень медленно темный цвет наползал на пол и стены подземелья. Яркий оникс тускнел и терял свой блеск. А темнота выползла из Черной Башни и двинулась по Бель Ярнаку, где на мраморных улицах печально кричали тонкие голоса.

Горе, горе Бель Ярнаку! Тускнела его красота, темнота и серость наползали на золотые и серебряные минареты, изменяя все на своем пути. Во все стороны расползалось это изменение. Люди Бель Ярнака застывали на улицах, словно безжизненные статуи, заполняли они площади и дома. Неподвижно и тихо остался сидеть на своем троне Синдара. Темным и мрачным стал город под стремительными лунами. Теперь его называют Дис, проклятый город, и лишь печальные голоса в затихшей столице оплакивают утраченную славу.

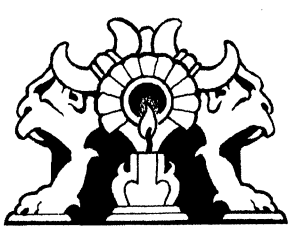
Пал Бель Ярнак! Пал великий город, превращенный магией Торазора и шуткой Друм-Ависты в самый редкий из всех элементов на этой планете из золота, серебра и сияющих драгоценностей.

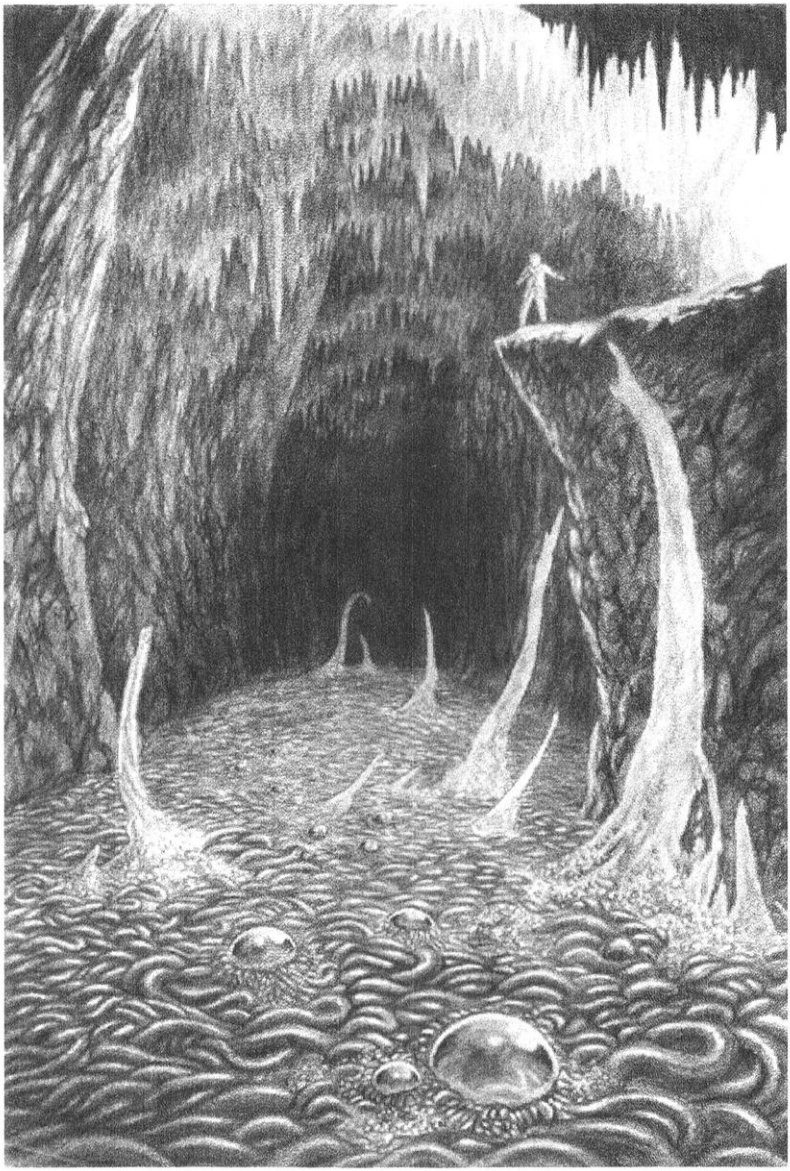
Нет больше Бель Ярнака... Теперь это Дис, Железный Город.

Мюррей ЛЕЙНСТЕР

УЖАС НА КРАЮ ЗЕМЛИ

The Monster from Earth's End
Fawsett Gold Medal, 1959





Глава I

Остров представлял собой нагромождение серых скал посреди бескрайнего океана. Он был открыт всем ветрам мира, и волны бесчисленных морей со свирепым рычанием разбивались о его утесы. Стаи морских птиц вились над берегом, наполняя воздух неумолчным гомоном; серый туман, казалось, с сотворения мира клубился над теплыми минеральными ключами, источавшими зловоние.

О том, что остров обитаем, свидетельствовали маленькая башенка с ветровым конусом и строение полусферической формы, видимо, используемое под склад. Приглядевшись повнимательнее, можно было заметить небольшую бухту с подветренной стороны острова, приземистые жилые бараки и другие помещения неизвестного назначения. На крыше одного из них непрерывно вращающаяся чаша радиолокатора сканировала унылое серое небо.

Этим утром было получено важное сообщение. Новость распространилась мгновенно, и ни один из девятнадцати обитателей острова не остался к ней равнодушен. Сам остров назывался Гоу Айленд, располагался в точке $60^{0}155'$ южной широты и $100^{0}16'$ западной долготы и находился на расстоянии 3470 миль от Веллингтона (Новая Зеландия), 1992 миль от Вальпараисо (Чили), 600 миль от льдов Антарктики и многие миллионы миль от дома....

А новость была такова: из Джиссел Бэй, одной из антарктическb[станций, стартовал самолет с научно-исследовательскими образцами, включавшими пингвинов, некую неопознанную растительность, найденную в районе Горячих Озер, и рукописные материалы наблюдений полярников. Но островитян куда более интересовали семеро пассажиров, отправлявши[ся домой, в Штаты, после восьми долгих месяцев, проведенных во льдах Антарктиды. Поскольку в районе Чилийского побережья ожидалась магнитная буря,

самолет был вынужден на некоторое время приземлиться на Гоу Айленде. Семь пассажиров и три члена экипажа на целых шестнадцать часов становились гостями островитян. Это была радостная весть. Самолеты редко останавливались здесь, едва ли раз в неделю, да и то на полчаса — заправить топливные баки и пополнить запасы продовольствия. Поэтому жаждущие общения жители острова ждали гостей с нетерпением. Волнительное ожидание перемены, вторгшееся в однообразные будни, беспокоило Дрейка, старшего администратора базы. Кто знает, к чему приведет это посещение, какие следы оставит в душах его людей? Взять хотя бы девушек. На острове их было четыре. С благоразумной Норой Холл проблем не возникнет, но вот Сполдинг... Молодой человек настойчиво ухаживал за девушкой чуть ли не со дня приезда, и появление новых мужчин наверняка вызовет в нем агрессивную ревность. Остальные же девушки, несомненно, только и мечтают о том, как будут ночь напролет танцевать и кокетничать с пришельцами, месяцами не видевшими женщин. Повар собирается поразить гостей кулинарными изысками. Электрик уже приходит в бешенство при одной только мысли о том, что его девушка будет флиртовать с чужаками. Ремонтная бригада планирует партию-другую в покер, надеясь вытрясти из новеньких кругленькую сумму. Девятнадцатилетнего Томми Белдена захлестнет жгучая тоска и зависть к людям, возвращавшимся домой, в привычную, уютную жизнь с ее маленькими радостями: девушками, кино, бейсболом....

Бичем, агробиолог, тоже ждет не дождется гостей, ведь ему представится возможность увидеть ту самую загадочную растительность. Район Горячих Озер до недавних пор был недоступен исследователям, поэтому сейчас образцы его флоры по значимости приравнивались чуть ли не к инопланетным. Бичем будет вне себя от радости, но самолет улетит, и ему придется снова вернуться к унылым серым будням.

С другой стороны, никаких серьезных проблем на самом деле не предвиделось. Просто замкнутое существование горстки людей на далеком острове, в полной изоляции от внешнего мира, никак нельзя было назвать увлекательным. Неизменное свинцово-серое небо, нескончаемый грохот прибоя,

надоедливые крики птиц — все это ежедневно подтачивало нервы островитян, порождая раздражительность, беспричинные ссоры, пустой флирт.

По мере приближения самолета напряжение нарастало. Девушки, укрывшись за зеркальцами, лихорадочно трудились над своей внешностью. Одна лишь Нора оставалась спокойной и, вежливо улыбаясь, пресекала неистовые попытки Споддинга завязать разговор о помолвке.

Бичем, до предела взволнованный перспективой созерцания ботанических чудес, в порыве щедрости одарил повара половиной своего запаса семенного редиса. Он был здесь единственным человеком, полным положительных эмоций, все остальные находились в напряженно-невротическом состоянии. Наблюдая за ними, Дрейк раздраженно спрашивал себя, какого черта он вообще согласился исполнять обязанности администратора на богом забытой базе. Богом, но не людьми, поскольку остров являлся важным промежуточным пунктом, куда поставлялись запасы продовольствия для последующей переправки на антарктические исследовательские станции. Остров, нанесенный на карту более ста лет назад, до настоящего момента не имел постоянных обитателей. При постройке базы, правда, были найдены останки разбитого китобойного судна и истлевшие скелеты членов экипажа, но оказалось, что они потерпели крушение у берегов Гоу Айленда, и смогли высадиться, но не выжить....

Самолет приближался. В радиорубке было яблоку негде упасть. Одни прислушивались к тому, что передавал диспетчер, другие напряженно следили за экраном радара. Оператор включил громкую связь с самолетом. Сквозь эфирные помехи доносилось неразборчивое бормотание, обрывки фраз:

— А парни небось....

— Интересно, а чем они нас угостят?

— Ни черта не понимаю! Парни говорят, там что-то случилось... — голос оборвался. Послышался какой-то отдаленный шум, взволнованные возгласы...

— Мать честная! Это еще что такое?!

Раздался душераздирающий крик...

— Пистолет! Да быстрее же!

— Люк! Откройте грузовой люк! Где, черт возьми...

Звук выстрела. Другой, третий... Снова крики...

— Сюда, быстрее! Через люк! Держи! А теперь толкай! Толкай!

Снова выстрел. Грохот... Воцарилась тишина.

Оператор обалдело уставился на экран. Затем, очнувшись, схватил микрофон:

— Вызываю «Ледник»! Что случилось? «Ледник»! Прием! Ответьте!

Молчание.

— Может быть, у них рация повреждена? — предположил кто-то.

— Однако самолет все еще в воздухе — смотрите!

Взгляды присутствующих устремились на маленькую светящуюся точку на экране радара.

Дверь приотворилась, заглянул Дрейк.

— Ну как тут у вас?

Все заговорили разом, перебивая друг друга. Наконец, оператору удалось вставить слово:

— Самолет! Они сбились с курса!

— Так скажите им об этом!

— Их рация не отвечает! Они молчат!

Дрейк нахмурился.

— Возможно, они хотя бы слышат нас... Сообщи им их координаты и укажи правильный курс, — скомандовал он.

Оператор снова схватил микрофон:

— «Ледник»! Вызываю «Ледник»! Вы отклонились от курса на 35°! Ваш курс — 15°! Держитесь правее!

Затаив дыхание, все следили за маленькой точкой. Наконец, самолету удалось выровнять курс.

— Так. Уже лучше. — Дрейк прищурился. — Продолжайте. Следите за траекторией. А теперь расскажите мне толком, что произошло.

Выслушав, Дрейк задумался. Скорее всего, это один из типичных случаев нервного срыва. Такое нередко случается на удаленных базах. Люди, разлученные с близкими, вынужденные долгими полярными месяцами общаться лишь друг с другом, не выдерживают колоссального напряжения.

— Так, значит, стреляли, говорите? ОК. Подготовьте носилки, а я пойду захвачу что-нибудь из лекарств.

Он вышел из радиорубки. Снаружи его ждал все тот же привычный взгляду пейзаж: серое небо, серое море, тусклые бараки.... На этом унылом фоне кричаще-алый ветровой конус казался единственной живой искоркой цвета, оставшейся на земле.

На полпути Дрейк встретил Сполдинга и Нору Холл. Увидев его, девушка явно обрадовалась. Похоже, Сполдинг не оставлял своих отчаянных попыток.

— Какие новости? Я могу чем-то помочь?

— У них проблемы. Похоже, кто-то взбунтовался и пустил в ход оружие.... В общем, самолет сбился с курса. Спаркс сейчас пытается установить с ним контакт. Если у него не выйдет — попробуй ты. Может быть, женский голос подействует успокаивающе. Я не исключаю возможности сумасшествия.

Роясь в лекарствах, Дрейк прокручивал в голове варианты возможных действий невротика. Человек, вырванный из привычной обстановки уединения и замкнутости, может пойти двумя путями. Либо он тут же ринется удовлетворять свои так долго подавляемые желания, либо, напротив, еще больше замкнется в себе. Большинство здравомыслящих людей в обоих случаях можно склонить к уступчивости. Но если человек действительно сошел с ума, уговоры здесь не помогут, придется применять силу.

Дрейк вернулся в радиорубку. Радист, не вытирая пот, градом катившийся по его воспаленному лицу, орал в микрофон:

— Да вы что там все с ума посходили?! Левее! Да левее же!!! Этак вы скорее в Африку попадете!

Он повернулся к Дрейку.

— Пилот свихнулся! Покружился на месте и повернул на запад!

Дрейк кивнул подошедшей Норе:

— Попробуй.

— Вызываю «Ледник», — произнесла девушка мягким, успокаивающим голосом. — Это Нора Холл. Согласно показаниям нашего радара, ваш самолет сбился с курса. Рация не отвечает. Если вы меня слышите, сделайте, пожалуйста, небольшой круг.

Она замерла, впившись глазами в монитор. Казалось, прошла вечность, прежде чем светящаяся точка начала двигаться по окружности.

— Вот так! Отлично! Теперь прямо, — Нора облизнула пересохшие губы и продолжила: — Кажется, я вас где-то уже встречала, не так ли? Мы будем очень рады гостям. Нам здесь, на острове, так одиноко.

Дрейк снова вышел. Предстояло многое продумать и предусмотреть. Нужно проверить посадочную полосу и ветровой конус; подготовить носилки, бинты и пару крепких ребят. Неплохо бы еще осмотреть пожарное оборудование на всякий случай...

Он вернулся в рубку. Нора продолжала терпеливо взывать к молчащему самолету:

— Если бы вы рассказали мне, почему меняете курс каждый раз, когда подлетаете к острову, мы смогли бы вам помочь. Попробуйте пролететь над нами и сбросить хотя бы записку.

В это время оператор трясущейся рукой указал на экран. Светящаяся точка снова удалялась от центра.

— В третий раз! — почти задыхаясь от волнения, произнес Спаркс. — В третий раз он подлетает и удаляется. А теперь, смотрите, вообще направился в открытое море!

— Мы слышали выстрелы, — заметил кто-то, — и приказ открыть грузовой люк. Похоже, они что-то собирались выбросить, но что?

— Разберемся, — махнул рукой Дрейк. — Сейчас главное — посадить их.

Наконец, самолет выровнял курс.

— Все наружу! — скомандовал Дрейк. — Быстрее! Смотрите во все глаза! Не пропустите ни одной детали, ни одной мелочи!

В рубке осталось лишь Нора, продолжая успокаивать невидимого пилота.

На горизонте показалась маленькая неясная точка. Постепенно она увеличивалась; вскоре можно было различить крылья. Что-то выступало снизу.

— Это дверцы грузового люка, — с облегчением промолвил Дрейк.

— А вы что ожидали увидеть? Летающие тарелки?

Дрейк не знал, кто сказал это, но догадывался: каждый из присутствующих строит сейчас самые неправдоподобные догадки и гипотезы. Ему и самому на секунду пришло в голову, что кто-то испытывает новое сверхмощное оружие... Бред!

Тем временем самолет приближался. Затаив дыхание, люди напряженно вглядывались в небо. Вот он пролетает над посадочной площадкой... Двери люка действительно открыты, шасси подняты... На какую-то долю секунды он был весь как на ладони... Но мгновение спустя самолет уже удалялся столь же стремительно, пока снова не превратился в ничтожную пылинку. Никакой записки сброшено не было.

Дрейк вернулся в радиоузел. Нора с надеждой обернулась к нему, протягивая микрофон. Он вздохнул.

— Мы ничего не заметили, никаких упавших предметов. Снаружи все в порядке. Вас никто не преследует. Вы слышите меня? Все в порядке.

Но, несмотря на уверенный тон, Дрейк чувствовал себя беспомощным. Он не мог взять в толк, что происходит. Самолетом управляет опытный, видавший виды пилот. Что же помешало ему приземлиться?

Тем временем светящаяся точка на экране радара перемещалась все дальше и дальше от центра, пока не исчезла совсем. Дрейк до боли сжал кулаки. Что делать? Как сообщить об этом в Центр? Что писать в отчете? Сейчас в нем заговорил офицер. Для человека, привыкшего нести ответственность за других, слабости и проступки окружающих не имеют оправданий, поскольку именно ему приходится отвечать за последствия...

— Невероятно! Немыслимо! — В будку ворвался радист. — Все же было в порядке, и тут — на тебе! Прикажете сообщить об этом в Центр?

— Оставайтесь у рации. Ты тоже, — Дрейк кивнул Норе. — Они смогут вернуться в любой момент. Еще не все потеряно.

Он вышел, хлопнув дверью в порыве раздражения.

Грохот прибоя усиливался. Невероятной высоты волны с леденящим душу величием поднимались с горизонта,

словно не сомневались в том, что их ничто не остановит. Но неприступные утесы острова стойко держали оборону, и волны, рыча, разбивались на мириады мелких брызг.

Островитяне между тем, собираясь небольшими группками, взволнованно обсуждали происшедшее.

Подошел Том Белден.

— Сэр, вам не кажется, что все это каким-то образом связано с теми скелетами, которые нашли при постройке базы?

Дрейк недоуменно уставился на него.

— Понимаете, говорят, что команда того китобойного судна погибла при загадочных обстоятельствах. Хотя на острове нет никаких крупных животных... Может...

— Что бы ни произошло в самолете, началось это по меньшей мере километров за сто от острова. Вряд ли это твое загадочное существо взмахнуло крылышками и полетело ему навстречу. К тому же, мы здесь все до сих пор живы и здоровы, как ни странно.

Разговаривая, Дрейк обнаружил, что все еще держит под мышкой бутылки с ликером, захваченные со склада в качестве соблазна для предполагаемого душевнобольного. Он выругался, отнес ликер на место и сел за свой стол, собираясь писать предварительный отчет о случившемся. Как должностному лицу со стажем, ему было хорошо известно, что это лишь начало той бесконечной лавины официальных документов, которая может затянуться на долгие месяцы...

Внезапно снаружи послышались истошные крики:

— Самолет! Он снова на экране!

Дрейк кинулся в радиорубку. Нора, заметно побледнев, но все с теми же мягкими интонациями руководила невидимым пилотом:

— Вы идете точно по курсу. Не волнуйтесь, мы готовы вас встретить. Держитесь курса, и вы увидите остров в считанные минуты. Ветер... — тут она подняла глаза.

— Тридцать узлов. Уговори их приземлиться, если сможешь.

Самолет приближался с запада. Дверцы люка все так же беспомощно свисали, шасси были убраны. Дрейк отчаянно замахал руками, делая предупреждающие знаки, но пилот, словно не видя, резко снизился и пошел на посадку. Раздался

жуткий скрежет металла о бетонное покрытие. Самолет садился «на брюхо», скользя и поднимая тучи пыли.

Наступила мертвая тишина. Затем островитяне как по команде ринулись ему навстречу.

Раздался выстрел.

Дрейк добежал первым, рывком распахнул дверцу кабины и ворвался внутрь. Взору его предстало нечто ужасное. Летчик медленно сползал с сиденья, пока, наконец, не свалился бесформенной кучей на пол. Рядом валялся револьвер. При тщательном осмотре самолета были обнаружены восемь пулевых отверстий на полу и на стенах, включая пулю, попавшую в рацию. Остальные семь пассажиров и два члена экипажа исчезли. На борту оставался лишь мертвый пилот, по неизвестной причине покончивший с собой....

Глава II

День тянулся нескончаемо долго. Предстояло вытащить труп из кабины, что само по себе являлось событием неординарным. В многомиллионном городе никто бы и не заметил этого, но для девятнадцати островитян мертвец был слишком явной реальностью. Слишком шокирующей...

Отчет о случившемся был послан на север. Краткое описание происшедших событий звучало настолько неправдоподобно, что в Вальпараисо попросили повторить сообщение.

Посреди посадочной полосы, завалившись на бок, стоял искореженный самолет, словно гигантская раненая птица. Работники склада осторожно высвобождали его от уцелевшего содержимого, которое педантичный Бичем сверял по накладной.

— Три ящика рукописей для Академии Наук, — читал он. — Есть? Так. Пять пингвинов Адели в клетках. Еще не добрались до них? Ладно. Три тюка растений из района Горячих Озер. Один разорван? Вынимайте, поглядим.

С загоревшимися глазами биолог жадно рассматривал диковинное растение, упакованное в грубую мешковину, в

прорехи которой виднелся довольно толстый ствол дерева примерно шестьи футов длиной. На одном его конце змеились длинные корни, поросшие густыми черными волоконцами, словно грубой звериной шерстью; с другого конца торчали раскидистые ветви.

— Осторожнее! — наблюдая, как рабочие перетаскивают тюк в сторону, волновался Бичем. — Это же уникум! Открытие века!

Далее следовали клетки с пингвинами, кассеты с фотопленками, личные вещи пассажиров и экипажа.

Закончив осмотр, Бичем направился в офис. Когда он вошел, Дрейк диктовал что-то Норе.

— Ну что, Бичем? Разгрузили? Есть новая информация?

— Пропал пингвин; также один из тюков с образцами флоры Горячих Озер порван. Мы попробуем его распаковать позже.

Дрейк кивнул.

— Взлетная полоса основательно повреждена, — добавил биолог.

— Холлистер позаботится об этом. Я тут собираю полный отчет на запрос Вашингтона. Вас тоже наверняка попросят сообщить о состоянии растений, так что подготовьте заранее подробную информацию.

Дрейк устало вздохнул. Управление промежуточной базой на крошечном островке — неблагодарная работа. Нужно умудряться совмещать в себе талант администратора, тактичность посредника, чуткость психолога и воистину ангельское терпение...

— Вы не заметили пятен крови в грузовом отсеке?

— Как ни странно, нет. Ни на стенах, ни на вещах. Знаете, я беспокоюсь за растения. Они могут погибнуть, если их оставить в тюках.

— Это в вашей компетенции. Делайте все, что сочтете нужным.

— Я мог бы посадить их в теплую почву в районе наших горячих ключей.

— Да-да, хорошо. Пойдем, Нора. Нужно еще раз осмотреть самолет. Захвати блокнот.

Втроем они вышли из офиса и направились к самолету. Возле радиоузла их встретил оператор.

— Аварийная бригада собирается вылететь из Вальпараисо, — доложил он.

— Предупредите их о том, что посадочная площадка повреждена.

Приблизившись к месту аварии, они услышали негодующие крики пингвинов, обсуждавших друг с другом происшедшее сквозь прутья клеток.

Поднявшись на борт, Дрейк первым делом снял с крючка чье-то пальто и набросил его на кресло пилота, чтобы уберечь Нору от вида жутких пятен, которых Бичем не заметил.

Внутреннее помещение самолета было довольно просторным. Пол усеян корой деревьев и мусором из пингвиньих клеток. Дрейк внимательно осмотрел стены.

— Два... Три... Четыре... Семь пулевых отверстий. Восьмая пробила рацию. Значит, либо пилот перезаряжал револьвер, либо здесь было еще какое-то оружие... Так... Пилот и его напарник услышали шум в заднем отсеке. Один из них вышел посмотреть, вернулся за пистолетом и снова вышел... Надо сосчитать гильзы, Нора, и выяснить, сколько же было задействовано оружия.

— Думаю, одно, сэр, — тихо заметила Нора. — Вот пустые гильзы.

Она указала на шесть пустых патронных гильз, валявшихся в углу.

—Хм... Значит, тот, кто стрелял, успел перезарядить пистолет. Но как? Когда? И главное — никаких следов крови! На таком близком расстоянии невозможно промахнуться, тем более целых семь раз! Наверняка кто-то был ранен, — размышлял вслух Дрейк.

— Я все еще не понимаю, почему пилот покончил с собой? — вставила Нора. — Он все время пролетал мимо острова, как будто не хотел приземляться... Затем направился в открытое море... Может быть, запасы горючего мешали ему сесть? Он опорожнил топливные баки, вернулся, приземлился и застрелился. Никак не могу найти этому разумное объяснение.

В передней части самолета Дрейк обнаружил перо пингвина. Крупное, черное.... Скорее всего, из хвоста. Судя по внешнему виду, выдрано с силой. Хм...

— Ничего интересного. Пойдем. Хочу еще раз взглянуть на беднягу Брауна.

Он помог Норе выбраться из самолета.

Холлистер, главный механик базы, задумчиво осматривал повреждения снаружи.

— Как скоро вы сможете починить взлетную полосу? — спросил у него Дрейк.

Тот хмыкнул.

— У нас всего два маленьких бульдозера — мы не сможем с их помощью отодвинуть такую громадину. Можно было бы разрезать самолет на куски, но за это нас по головке не погладят.

Дрейк молчал.

— Он приземлился «на брюхо», но крылья в порядке, — продолжал механик. — Пожалуй, мы попробуем поднять его домкратом и откатить в сторону. Что скажете?

Дрейк снова оглядел самолет. Довольно мощная конструкция, однако в рассуждениях Холлистера есть смысл.

— Как следует осмотрите повреждения и результат принесете мне в офис в письменной форме. Сами понимаете, решать будут наверху, мы с вами — всего лишь пешки.

Главный механик сплюнул.

— Никак не возьму в толк, почему Браун застрелился? Он был не из слабаков.

— Вот это я и сам хотел бы узнать, — вздохнул Дрейк и направился на склад, где лежало тело пилота.

Более детальный осмотр показал, что Браун сунул пистолет в рот и выстрелил вверх. Никто другой не смог бы этого сделать за него. Несомненно, он был не в своем уме в этот момент. Но даже сумасшествие пилота не объясняет всего, что произошло в самолете.

Дрейк покачал головой. Судя по рассказам очевидцев, неприятности начались в задней части самолета; пилот и его напарник подключились лишь потом.

Он снова взглянул на застывшую маску, на месте которой еще недавно было живое человеческое лицо. Сейчас, глядя

на тело, Дрейк испытывал неприятное ощущение, словно это был не человек, а пустая оболочка. Тела мертвых всегда так выглядят. Душа ушла, а то, что осталось....

В этот момент ему пришла в голову совершенно нелепая идея. Бред... Галиматья... Невозможно проникнуть в самолет с воздуха. Не бывает существ, способных уничтожить десятерых, а потом воплотиться в тело одного из них. Абсурд! В любом случае — даже если бы на острове был врач — нельзя производить вскрытие без санкции вышестоящих органов.

Некоторое время Дрейк наблюдал за разгрузкой, затем вернулся в офис, где Нора протянула ему только что пришедший официальный ответ на его первый рапорт. Со времени трагедии прошло всего три часа. Вообще-то крушение самолетов — дело довольно обыденное, но сопутствующие этому случаю обстоятельства были слишком невероятными.

В наше время каждый сам себе психоаналитик. В Вашингтоне отчет вызвал множество споров, догадок, гипотез, причем не о причинах крушения, а о состоянии пославшего рапорт. Попросту говоря, Дрейка сочли невменяемым. Посему было отдано распоряжение: каждому из девятнадцати членов команды немедленно представить личный отчет о происшедшем.

Прочитав приказ, Дрейк пожал плечами.

— Я так и знал, — сухо заметил он. — Они надеются собрать доказательства массовой галлюцинации, между тем как самолет, по их мнению, прибудет в Вальпараисо точно по графику.

— Но он же не прибудет, — возразила девушка.

— Да, не прибудет... Оповести всех сотрудников о приказе.

Нора собрала листки и вышла. Дрейк набил трубку и закурил, неторопливо пуская дым в потолок. Он уже видел, как засуетится весь персонал Центра, как психологи соберутся на научный консилиум, выдвигая различные версии: бунт, заговор, безумие ...

Пилот — вот ключ к разгадке ситуации. В чем причина самоубийства? Допустим, если на борту появилось нечто и уничтожило всех, значит, Браун не хотел приземляться, чтобы не подвергать островитян смертельной опасности. С другой стороны, став очевидцем какого-то жуткого зрелища, он мог решить, что сошел с ума, и потому застрелился...

В дверь постучали. Вошел Сполдинг. Он заметно нервничал. Дрейк решил, что при первой же возможности отправит его домой. Его страсть к Норе была явным признаком расшатанной нервной системы, неизбежно порождающей ссоры, перебранки.... В замкнутом коллективе это может иметь довольно негативные последствия.

Сполдинг откашлялся.

— Мне тут пришла в голову одна идея...

— Ну выкладывай. Надеюсь, она удовлетворит наших боссов.

— Боюсь, что нет.

— Ну тогда в ней проку мало.

— Но это спасет наши жизни! — запальчиво воскликнул юноша.

Дрейк задумчиво затянулся.

— Рассказывай.

— Вы помните, сколько самолетов исчезло в Тихом океане бесследно? Вот, например, всего два месяца назад...

Дрейк кивнул. Большой грузовой авиалайнер потерпел крушение у берегов Уэйка. На месте происшествия найдены пустые спасательные плоты и несколько тел.

— И этот самолет тоже должен был исчезнуть! — продолжал Сполдинг.

— Ага, а нас будут доставать сверху за то, что он не исчез, это ты хочешь сказать?

— Я догадываюсь что послужило причиной трагедии в обоих случаях!

— У тебя есть доказательства? — осведомился Дрейк.

— Нет! Но здесь все и так ясно! Понимаете, в исчезновении тех самолетов в Тихом океане не было никакой логики. Все происходило внезапно. Потеря связи. Команда не может доложить обстановку, потому что борется за жизнь.

— С кем?

— С кем-то или чем-то, что способно пробраться в самолет и выкинуть оттуда людей!

Дрейк задумчиво покачал головой. Сполдинг, несомненно, слишком взволнован случившимся. Спорить с ним сейчас — значит, еще больше раздражать.

— Ты имеешь в виду какую-нибудь птицу Рухх? — вежливо поинтересовался он.

— Да нет же, черт возьми! Перестаньте поднимать меня на смех! Я говорю совершенно серьезно. Люди погибают, а вы шутите! В исчезновении самолетов прослеживается та же закономерность, что и, допустим, в смерти аборигенов в Индии, когда они попадают в лапы тигра: человек и зверь оказываются в одном и том же месте в одно и то же время. Так вот, наши самолеты исчезают по такому же принципу, как если бы они сталкивались с некоей силой, способной их уничтожить — в определенном месте в определенное время.

Дрейк нахмурился.

— Хорошо. Предположим, что это так. Но как ты докажешь эту версию? Что же именно атаковало самолет?

— Ну уж никак не птица! — Сполдинг неожиданно взорвался. — Думаете, я свихнулся? Да вы просто издеваетесь надо мной!

Дрейк развел руками:

— У меня самого пока нет разумных объяснений. Однако ты упомянул о том, что нам тоже грозит опасность.

— Браун приземлился здесь. Чудовище, атаковавшее самолет, знает об этом, и может последовать за ним.

Дрейк затянулся.

— Знаешь, если я сообщу о твоих предположениях в Центр, мне просто прикажут тебя запереть. Не хотелось бы.... Но вернемся к нашей теме. Как же ты предлагаешь защититься от этого неведомого монстра? Имей в виду, что на обшивке самолета нет никаких следов вторжения извне. Скорее наоборот, судя по крикам, экипаж пытался что-то вытолкнуть из него.

— Пули не годятся! — взволнованно перебил его Сполдинг. — Кто-то выпустил целую обойму, и все без толку!

— Короче, что ты конкретно предлагаешь?

— Огонь! Любое живое существо боится огня. У нас на складе есть сигнальные ракеты Вери. Их разноцветные вспышки отпугнут чудовище!

Дрейк задумался.

— Ну что ж... Поскольку ты как раз являешься интендантом — тебе и препоручаю выдавать сигнальные ракеты и фейерверки всем, кто попросит. Договорились?

— Лучше бы вы издали приказ, обязывающий всех сотрудников базы носить их в принудительном порядке! — горячо возразил юноша. — Иначе жертвы неизбежны!

Он вышел. Дрейк подметил про себя выражение триумфа на его лице. Это объяснялось тем фактом, что Нора работала в офисе Дрейка, и, таким образом, проводила с ним достаточно времени, вызывая ревность Сполдинга. М-да... Дрейку страшно надоело вечное состояние напряженного наблюдения, когда ты обязан внимательно анализировать поведение окружающих, при том что никому нет дела до тебя самого, до твоих чувств, твоих проблем. Ему частенько хотелось послать к черту всех и вся, предоставить самому себе полную свободу действий и так же открыто выражать эмоции, как и все его подчиненные, в конце концов, он ведь тоже живой человек из плоти и крови! Но на посту администратора об этом оставалось только мечтать....

Вошел работник кухни с новой проблемой: оказалось, что повар разморозил продукты на ожидавшихся десятерых человек, а снова заморозить их уже нельзя.

— Используйте их, как сочтете нужным, — распорядился Дрейк.

— Сэр, как вы думаете, что же все-таки случилось с ними? Может быть, это русские испытывают на нас новое секретное оружие?

— Не знаю, — честно ответил Дрейк. — Пока что у нас нет ни единой зацепки.

— Сполдинг велел мне носить с собой сигнальную ракету.

— Да, он согласовал это со мной. Вы свободны.

В приотворившуюся дверь заглянула Нора.

— Можно?

— Заходи.

— Все готовят отчет. Вернее, пытаются. Многие спрашивают, как это вообще делать. Я им посоветовала просто описать по порядку все, что они видели, как в письмах домой.

— Хм, вообще-то наши боссы не любят простонародной речи, им подавай казенные штампы. Зато психологи придут в восторг. Знаешь, что я обо всем этом думаю?

Нора устремила на него пристальный взгляд. Затем улыбнулась:

— Ничего. Вы просто выжидаете, чем дело обернется.

— Выжидаю, это верно. Но не просто сижу и ничего не делаю, я жду мало-мальски ценной информации. Если двадцать незнакомых тебе людей расскажут двадцать противоречивых историй, ты вряд ли поверишь хоть одному из них. Придется ждать какой-то новой детали, которая даст ключ к разгадке и поможет определить, кто из них лжет, а кто говорит правду. Только тогда ты сможешь зацепиться за ниточку и потихоньку распутать клубок. Самое трудное в жизни — делать выводы, не имея данных!

— Но вы же не ребенок! — возразила Нора. — Нам постоянно приходится что-то решать. Сама жизнь вынуждает нас. И потом, никто ведь не застрахован от ошибок.

Дрейк взглянул на часы.

— Да, никто... Все, хватит на сегодня. Я собираюсь прогуляться. Хочешь, пойдем со мной, полюбуемся на закат.

Секунду Нора колебалась.

— Хорошо. Идемте.

Когда они вышли наружу, тихие серые сумерки уже окутывали остров, но солнце еще не село. На небе простиралась огромная туча, оставляя на горизонте тоненькую полоску зловеще-алого цвета. Все так же однообразно грохотал прибой.

Наконец из-за туч появился краешек солнца, и угрюмые скалы неожиданно засияли пурпурными отблесками; вершины холмов озарились светом, и даже немногие уцелевшие чахлые деревца приобрели какой-то праздничный вид. Лицо Норы в лучах заходящего солнца, казалось, само светилось изнутри. Дрейк задумчиво поглядывал на нее время от времени. Наконец он нарушил молчание:

— В последнее время Сполдинг не отходит от тебя ни на шаг. Боюсь, что он питает к тебе отнюдь не братские чувства.

Нора пожала плечами, глядя на море, играющее последними красками уходящего дня.

— Я намерен отправить его домой при первой же возможности. Ты не возражаешь?

Нора повернулась к нему.

— Думаю, так будет лучше для него. Славный парень, но... тяжело все время следить за каждым своим словом. Он почему-то вспыхивает надеждой, когда я вовсе и не думаю его поощрять, и смертельно обижается, если пытаюсь быть предельно тактичной.

Дрейк с минуту размышлял. Затем осторожно спросил:

— А ты не хотела бы уехать?

— Нет, я в полном порядке, — ответила девушка. — К тому же мне нравятся мои обязанности.

— Хотелось бы мне знать, чего ты там интересного нашла, — проворчал Дрейк. — Мне кажется, по крайней мере половина наших сотрудников балансирует на грани нервного срыва, не говоря уже о сегодняшнем дне.

— Рано или поздно вы найдете объяснение случившемуся, все в один голос заявят, что так и думали, и все будет в порядке.

Некоторое время они шли молча.

— Знаешь, постоянный тесный контакт, плюс скука, плюс напряжение, плюс, скажем, ощущение опасности... все это приводит порой к некоторым... э-э... непредвиденным последствиям, — подчеркнуто отчужденно произнес Дрейк. — Например, Сполдинг влюбился. Я вот...

Он остановился. Нора обернулась и посмотрела на него.

— Я тоже поддался эмоциям, — продолжал он самым равнодушным тоном. — Думаю, мне удавалось это скрывать. Принимая во внимание мою должность и положение дел на острове, было бы крайне неразумно выставлять свои чувства на всеобщее обозрение. Я должен действовать трезво и осмотрительно, особенно сейчас. Однако, должен признаться, и сам чувствую себя не в своей тарелке, потому что не могу предугадать, что нас ждет. Честно говоря, я даже боюсь.

Она покачала головой, как-то странно глядя на него.

— Да, ты права — не столько за себя, сколько за тебя. Я не хотел бы беспокоиться о тебе больше, чем того требует моя должность. Поэтому не могла бы ты... ну, в общем, очень обяжешь меня, если примешь все необходимые меры предосторожности. Ты девушка не робкого десятка, но все же побережись, прошу тебя.

— Почему именно я? — взволнованно спросила Нора.

— Я уже сказал, что... тоже поддался эмоциям. Когда срок твоего контракта закончится, я подам рапорт вместе с тобой. И если ты... — Он усмехнулся. — Если мы вернемся домой в одно и то же время, а я смогу это устроить, приложу все усилия, чтобы подавить тебя мощью своего обаяния. Но пока что, пожалуйста, будь осторожна.

Нора помедлила. Затем раздраженно выпалила:

— Не понимаю! Я прямо сейчас могу вам ответить согласием! Я же практически вешаюсь вам на шею!

Он не двигался.

Нора сделала движение, как если бы собиралась топнуть ногой.

— Я вовсе не такой бесчувственный пень, каким могу показаться, — извиняющимся тоном сказал Дрейк. — Но нас отовсюду видно. Например, Сполдинг, вне всякого сомнения, следит за нами сейчас, а может, и не только он. Я должен вести себя, как безупречный механизм, иначе мой авторитет полетит ко всем чертям.

Нора засмеялась.

— Забавно! — Но глаза ее были полны грусти. — Вы практически сделали мне предложение, я практически согласилась. И вот мы стоим здесь, как два...

— Да, все верно, но ты обещала мне быть благоразумной.

Она осторожно дотронулась до его плеча.

— Вы намерены сейчас вернуться прямо в офис? Может быть, прогуляемся до ближайшего холма, хотя бы на минутку?

— Нет. Не стоит дурачить кого-то, тем более самих себя. Пойдем.

Они направились к группе невзрачных построек, лепившихся к скалам. Солнце скрылось за горизонтом. Воцарились серые сумерки, казалось, поглотившие все живое. Даже алый ветровой конус утратил свою яркость. Но Нора не замечала этого. Она улыбалась. Ощущение счастья пело в ней и рвалось наружу. Возле склада им повстречался Томми Белден. Он дико озирался. Увидев Дрейка, парень рванулся ему навстречу.

— Сэр! Это... это случилось!! Оно здесь!!

Дрейк остановился. Лицо юного механика покрывала смертельная бледность, он тяжело дышал.

— Мистер Бичем сказал, что нам надо бы установить дежурство возле тела капитана Брауна, — выдавил он наконец. -— Ну я и решил принести туда пару стульев. Подойдя к складу, я услышал какие-то звуки внутри! Там кто-то был!Я окликнул, но никто не отозвался. Там было очень темно, но что-то двинулось мне навстречу!!

Дрейк молча повернул к складу. Поколебавшись, Том последовал за ним.

— Отведите мисс Холл в комнату отдыха, — распорядился Дрейк. Затем, повернувшись к Норе, добавил: — Пришли мне кого-нибудь с оружием. Собери девушек и останься с ними.

— Но... но ты просил меня быть осторожной, а сам...

— Я не войду туда один, — пообещал Дрейк.

Он направился к складу, злясь на себя за то, что не взял с собой оружия.

Склад представлял собой строение полуцилиндрической формы без окон. Ворота были заперты, но маленькая дверца для служащих открыта. Дрейк, не дыша, приблизился к ней. Послышались какие-то звуки, что-то опрокинулось и упало. Он прислушался и уловил еще один звук — странный, словно бы скользящий... поскрипывающий...

Внезапно воздух огласился истошным воплями Сполдинга:

— Мы идем!

Дрейк выругался про себя. Какого черта понадобилось так орать!

Однако надо было действовать. Если это загадочное существо способно передвигать предметы в неосвещенном складе, значит, у него есть серьезное преимущество — оно хорошо видит в темноте и первым обнаружит людей в сгущающихся сумерках. Медлить было нельзя.

Дрейк ринулся мимо открытой двери и щелкнул выключателем. Вспыхнул яркий свет.

— Там кто-то есть! Дайте мне какое-нибудь оружие! — крикнул он подбегавшим людям.

Сполдинг торжествующе сунул ему в руку сигнальную ракету.

Они вошли. Воцарилась мертвая тишина. Мощные лампы под потолком освещали следы беспорядка. Кто-то явно

похозяйничал здесь: на полу валялись консервные банки, коробка с рукописями, антарктические деревца. Создавалось впечатление, что кто-то рылся в вещах, назначения которых не понимал.

Однако склад был пуст. Они обшарили каждый уголок, проверили каждую щелочку — никого, кто мог бы двигать вещи, издавая при этом такие странные скрипящие звуки. Никаких посторонних предметов обнаружено не было. Зато возникло новое обстоятельство, совершенно необъяснимое с точки зрения здравого смысла: исчезло тело капитана Брауна.

Глава III

Ночь. Запрокинутая чаша зловеще-черного неба кажется бездонной. Остров исчез в кромешной тьме, словно провалился на дно глубокого колодца, имя которому — Ничто. Лишь волны по-прежнему яростно сражаются со скалами, да ветер свистит, огибая вершины утесов.

И только крошечные мерцающие огоньки едва пробиваются сквозь вселенский мрак — маленькие светлые квадратики окон. В эту ночь людям было не до сна....

Дрейк отобрал двоих для дежурства в радиорубке.

— Я прослежу за тем, чтобы вас вовремя сменили. Не спускайте глаз с монитора. Чередуйтесь каждые пять минут, тогда вам не будет так скучно, — распорядился Дрейк.

— Скучно! — хмыкнул один из ребят, по имени Кейси. — Да мне сегодня с самого утра весело, аж трясет!

— Вот и успокоишься.

— Да как же, — пробурчал парень. — Успокоишься тут, когда даже не ясно, чего бояться!

Они осторожно приблизились, освещая себе путь фонариком. Дрейк открыл дверь. Сидевший к ним спиной радист вздрогнул и резко обернулся. Увидев вошедших, он криво усмехнулся.

— Ничего нового. У меня на линии сейчас Вальпараисо. Рад, что вы заглянули — мне тут как-то не по себе одному.

— Наблюдайте за экраном радара непрерывно, — еще раз повторил Дрейк — Особенно за той частью острова, где гнездятся птицы. Насколько я понимаю, именно наши пернатые, находясь в воздухе днем, затрудняют наблюдение.

— Совершенно верно, сэр, — подтвердил оператор. — Но зато ночью они спят.

— Вот именно поэтому радар — лучший способ наблюдения по ночам. Вы поняли, что надо искать?

— Да, — Кейси вздохнул. — Надеюсь, мы все же этого не увидим.

— Это всего лишь необходимые меры предосторожности. Если на экране вдруг появятся посторонние объекты, дайте мне знать тотчас же.

— Ха, — снова хмыкнул Кейси. — Думаю, наши вопли и так будут слышны в Мексике. Вы собираетесь возвращаться один? В такой темноте?

— Ага, — ответил Дрейк, направляясь к двери. Трое мужчин молча смотрели ему вслед. Каждый из них, втайне стыдясь этой мысли, сознавал сейчас, что вряд ли решился бы на такой шаг в одиночку.

Закрыв за собой дверь, Дрейк очутился один на один с кромешной тьмой и ощутил, как по спине поползли мурашки. Он рассердился на себя за малодушие, выругался и решительно направился к главному зданию, освещая себе путь фонариком.

Внезапно Дрейк резко обернулся - ему показалось, что кто-то следует за ним по пятам. Тревога оказалась напрасной, но страх не покидал его. Ведь кто-то же побывал на складе! «Предосторожность не помешает», — мысленно оправдывался Дрейк, но сознание собственной слабости приводило в ярость.

— Провались ты! — злобно сказал он в темноту, выключил фонарик и остаток пути проделал без света.

Добравшись, наконец, до здания, Дрейк почувствовал, что просто кипит от злости и отвращения к себе.

Нора облегченно вздохнула, увидев его целым и невредимым.

В зале отдыха в эту ночь собрались все жители острова, за исключением троих, оставшихся наблюдать за радаром.

Никто не играл в карты; не слышно было звуков музыки; даже книги сегодня оставались нетронутыми. Люди вяло переговаривались. Страх, витавший в воздухе, казалось, концентрировался нервными сгустками.

— Какие новости? — вглядываясь в его лицо, спросила Нора.

— Никаких, — Дрейк покачал головой. — Я оставил в радиорубке троих ребят наблюдать за радаром. Черт, не надо было этого делать! Получается, нам действительно есть, чего бояться. Паника — не лучший способ защиты. Надо действовать. Если это существо спряталось или убежало, едва мы щелкнули выключателем, значит, нужно осветить здания снаружи.

Он нашел электрика и отдал соответствующие распоряжения.

— Все, что вам нужно, возьмете на складе №3, — распорядился он. — Впрочем, я пойду с вами.

В разговор вмешался Сполдинг:

— В чем дело?

Дрейк поморщился.

— Мы собираемся осветить наружную часть зданий, — терпеливо ответил он.

— Я хотел бы сделать небольшое замечание по этому поводу...

— Не стоит, — отозвался Дрейк недовольным тоном.

Но Сполдинг продолжал, словно не слыша:

— Судя по поведению на складе, это — ночное существо — значит, свет только привлечет его внимание. На мой взгляд, следует создать на острове искусственное затемнение, замаскировать окна и не пользоваться фонариками на улице.

Дрейк сосчитал до десяти.

— Мы пока не можем определить, кто или что является причиной сегодняшних событий, поэтому я намерен принять все необходимые меры предосторожности. Однако мне трудно представить, чтобы существо, живущее в темноте, бросалось на свет. И я все-таки нахожу более разумным осветить территорию базы, особенно близ жилых построек.

— Вы совершаете ошибку! — настаивал Сполдинг.

— В таком случае назначаю вас ответственным за изобретение мышеловки для нашего непрошеного гостя, — иронически

отозвался Дрейк. — Думаю, вам следует забраться в какой-нибудь уголок потемнее и обдумать свой коварный план.

Он повернулся и вышел из комнаты. Электрики последовали за ним. Дрейк выбрал кратчайший путь к складу, где не было видно ни освещенного окна радиорубки, ни открытой двери. Проходя мимо рощицы, он обернулся.

— Выключите фонари.

Один за другим маленькие лучики света погасли, растворились в кромешной тьме. Казалось, весь мир исчез во мраке; чернота поглотила небо, землю, силуэты людей, все живое...

Внезапно луч света снова возник и заметался, описывая круги. Кто-то не выдержал колоссального напряжения.

— ОК, пошли, — отозвался Дрейк и включил свой фонарь. В глубине души ему было приятно, что и другие проявляют малодушный страх.

На складе все оставалось по-прежнему: разбросанные тюки, коробки, деревца.

— Соберите все необходимое, мы с Томом поможем донести. Если будет не хватать напряжения, используем запасной генератор.

Том Белден, проходя мимо него, наклонился и спросил чуть слышно:

— А почему вы заставили нас остановиться и выключить фонарики? Там кто-то был, да?

— Нет, — сухо ответил Дрейк. — Я просто хотел, чтобы вы испугались темноты и почувствовали стыд за свой нелепый страх.

Том облегченно вздохнул, ухмыльнулся и направился вслед за остальными.

Вскоре прожекторы, установленные возле склада, залили ярким светом пространство на добрую сотню метров вокруг. Обратный путь уже не казался таким страшным.

— Еще с полдюжины прожекторов — и будет куда веселее! — заметил кто-то из электриков.

— Мистер Дрейк, у вас есть какие-либо предположения по поводу того, кого... ну, кого мы ищем? — поеживаясь, спросил Том Белден.

— Десятки, — ответил Дрейк. — Проблема в том, что все они маловероятны с точки зрения здравого смысла...

Он остался снаружи, наблюдая за работой. Шаг за шагом, темнота отступала, съеживаясь, становилась все менее опасной.

Когда оставались последние приготовления, Бичем отвел Дрейка в сторону.

— Послушайте, нельзя ли мне отрезать небольшую веточку от одного из деревьев? — начал он осторожно. — Я бы хотел сделать некоторые анализы и рассмотреть образец под микроскопом. Никогда не видел ничего подобного!

— Почему нет? — ответил Дрейк. — Наверняка несколько деревьев выпало из люка еще в полете — вряд ли кто-то будет их скрупулезно пересчитывать.

— Честно говоря, я уже срезал одну, но потом решил все-таки спросить у вас, — признался биолог. — Положил вам на стол.

— Ну, так идите и возьмите ее.

В офисе они застали Нору. Услышав шум, девушка на секунду приподняла голову от машинки. Дрейк удивленно поднял брови.

— Готовлю к отправке отчеты, — объяснила она. — Представляете, одна из девушек размахнулась аж на тринадцать страниц!

— ОК. Отвернись, Бичем собирается совершить преступление века — украсть веточку. В отчетах есть какие-нибудь соображения по поводу того, что послужило причиной сегодняшних событий?

— Есть, и не одно, — ответила Нора. — Я и сама над этим ломаю голову.

Дрейк сел.

— Вот, например, из тропиков в Нью-Йорк завозят бананы. Иногда вместе с фруктами на корабль попадают тарантулы, которые прячутся в темных углах трюма. Я даже слышала однажды, как таким образом на борту оказалась коралловая змея. Так вот, можно предположить, что какое-то крупное насекомое или пресмыкающееся было случайно упаковано вместе с деревьями. Оно тихо дремало где-нибудь в уголке, пока воздух в грузовом отсеке не нагрелся в процессе полета.

— Антарктические тарантулы? — удивился Дрейк.

— Но ведь в районе Горячих Озер достаточно тепло! — возразила девушка.

— Одна маленькая деталь никто не станет стрелять в пауков, тем более — выталкивать из самолета! Их бы просто попытались раздавить.

Бичем покачал головой.

— Я внимательно осмотрел деревья, и наверняка заметил бы посторонние объекты. Если только... хм... — биолог задумался. — Если только это не случай абсолютной мимикрии, когда и форма, и цвет животного идеально совпадают с ветвями или корой, как это могут змеи.

— То же самое, — ответил Дрейк. — Змею просто невозможно вытолкнуть из люка. К тому же те поскрипывающие звуки, которые я слышал на складе, совсем не похожи на змеиные...

— Тогда что это было?

— Надеюсь, когда-нибудь выясним, — вставая, сказал Дрейк. — Нора, не хочешь пойти взглянуть на наши осветительные работы?

— Конечно! — сияя, откликнулась девушка.

Она первой покинула офис. Дрейк задержался в дверях.

— А знаете, Бичем, в рассуждениях Норы, как и в ваших, есть толика здравого смысла. Но вот в чем загвоздка: куда делось тело Брауна? Не пауки же его утащили!

Он вышел. Бичем задумчиво посмотрел ему вслед.

За считанные часы территория базы изменилась удивительным образом. Теперь яркий свет заливал пространство от складов до жилых бараков, радуя глаз и вселяя некоторую долю уверенности.

— Ну вот совсем другое дело, — поворачивая за угол, заметил Дрейк.

— Черт! — пробормотал он сквозь зубы при виде Томми Белдена, осторожно прокладывающего провода вдоль забора.

— Со светом-то повеселее будет, а? — бодро заметил он.

— Ага, — отозвался Дрейк без всякого энтузиазма и повернул в другую сторону. Но там они наткнулись на Холлистера, устанавливающего очередной фонарь

— Знаете, немного погодя я установлю прожектор, который сможет сканировать небо. Неплохая идейка, а?

— Это не так уж срочно.

Наклонившись к Норе, он тихо добавил:

— Ну уж там точно никого не должно быть!

Но и в указанном направление вовсю кипела работа.

— Я надеялся, что нам удастся хоть секунду побыть наедине, — проводя рукой по волосам, раздраженно заметил Дрейк.

Нора нежно улыбнулась ему.

— Я тоже.

— Однако это даже смешно — до чего мы осторожничаем, лишь бы сохранить пресловутый моральный облик. Когда-нибудь все равно наверстаем упущенное, правда? — Дрейк бережно взял Нору за руку, чтобы помочь перейти через грязь.

— Когда-нибудь... — печальным эхом откликнулась девушка. — Знаешь, ты мне очень нравишься, честно; и когда мы уедем отсюда... В общем, я хотела сказать, что мое чувство к тебе достаточно серьезно. И если ты думаешь, что оно навеяно всего лишь... окружающей обстановкой, тесным контактом, то это вовсе не так!

Дрейк промолчал.

Вернувшись в комнату отдыха, он заметил, что атмосфера явно улучшилась. Люди оживленно разговаривали, позабыв страх. Кто-то играл в покер; кто-то шутил с девушками. Белден уютно устроился в уголке с книжкой. Словом, тихий семейный вечер. И все же Дрейку чего-то не хватало — музыки или хотя бы включенного радио.

Однако расслабляться было некогда — главная проблема оставалась нерешенной. Что все-таки произошло в самолете? Кого они пытались вытолкнуть? Судя по всему, животное обладает довольно крупными размерами, способно быстро передвигаться, но не имеет ни когтей или клыков, иначе на обшивке самолета остались бы следы борьбы. Кто же это?

Тут ему в голову пришла идея: нужно послать запрос в Джиссел Бей и выяснить, не обнаружили ли полярники в районе Горячих Озер каких-либо животных. В этом случае

предположение Норы могло оказаться вполне вероятным, и неведомая зверушка была случайно упакована вместе с деревьями...

Вернувшись в зал отдыха, Дрейк обнаружил, что почти все разошлись, кроме Белдена и двух механиков.

— Мистер Дрейк, вы полагаете, если мы запрем двери — этого будет достаточно? — спросил Том. — Может, нам стоит...

— Да, ты прав. Будем нести дежурство по очереди.

Вдвоем с Томом они обошли все здания, проверили закоулки и плохо освещенные места. Через несколько часов их сменила вторая пара.

Рассвело. Все четверо собрались на кухне выпить горячего кофе.

Дрейк угрюмо молчал. Ночь прошла спокойно, и сейчас его терзали сомнения. Что если все эти меры предосторожности излишни и опасаться нечего? Как говорится, у страха глаза велики, и они просто поддались панике, как дети на пожаре?

— Я собираюсь поохотиться, — сказал он. — Если этот монстр смог убить девять человек и утащить тело Брауна — значит, он достаточно крупный и наверняка оставляет следы. Думаю, мы организуем две поисковые группы, возьмем собак и прочешем весь остров вдоль и поперек.

Особенно пристальное внимание решено было уделить той части острова, где в огромном количестве гнездились птицы, а также району гейзеров. Если чудовище плотоядно, то наверняка направилось к птичьему базару; а если оно действительно родом с Горячих Озер — значит, вполне мог обосноваться в привычной атмосфере возле теплой воды.

Итак, обе группы, в количестве четырех человек каждая, отправились на поиски.

Партия, возглавляемая Дрейком, двигалась в сторону гейзеров. Местность здесь больше всего напоминала болота: вязкая почва, там и сям покрытая бугорками; низкорослые деревца; всевозможные виды мхов и лишайников; кое-где даже попадались цветы. Там, где земля была каменистой, надежды возлагались на собаку. Но пес весело бежал рядом, радуясь прогулке и не помышляя ни о каких следах.

Наконец они приблизились к источникам. Густой пар поднимался над поверхностью воды, источая запах серы; красноватая жидкость пузырилась и колыхалась, иногда выпуская небольшие фонтанчики. Местами каменистые утесы образовали многоступенчатые террасы, по которым струилась горячая вода. И всюду грязь: красная, голубая, зеленая, отвратительно-серая...

Не обнаружив здесь никаких следов, обе партии направились к птичьему базару. Его без труда можно было отыскать по несмолкающему гомону пернатых, разносившемуся по всему острову, и по специфическому запаху азота. Завидев людей, птицы всполошились. Одни взлетели, другие распластались в гнездах, пронзительно крича и недобро поглядывая на чужаков глазками-бусинками. Воздух наполнился оглушительным хлопаньем крыльев. Люди старались двигаться осторожно, но гнезда располагались так плотно, что было невозможно не задеть их. Однако и здесь все шло заведенным порядком. Ни одного пустого гнезда или хотя бы следов вторжения.

Один лишь Бичем восторженно озирался вокруг. Предметом его пристального внимания оказались мхи и лишайники самых невероятных расцветок, в изобилии росшие прямо на голой скале.

— Это растения — нитрофилы, — объяснил биолог. — Они питаются молекулами летучего азота, которые приносит ветер, — перегной из птичьих перьев и остатков еды. В городах их уже не встретишь, там воздух слишком грязен.

Обе группы соединились и направились назад, на базу. Дрейк о чем-то сосредоточенно думал. Наконец он обратился к Бичему, идущему рядом.

— Скажите — это все не сон? Может, мы все просто свихнулись?

Бичем недоуменно уставился на него и ни к селу ни к городу пустился рассказывать о загадочной антарктической растительности. Он с довольным видом разглагольствовал об особенностях строения корней и подготовке почвы для посадки. Дрейк рассеянно кивал. Его беспокоили совершенно иные проблемы. Он уже предвидел, какое давление будут оказывать на него высшие чины, требуя немедленного объяснения

ситуации. А что им ответить?! Что они уже который день ловят кота в мешке? Черт возьми!

Возле главного здания Дрейка ждала Нора. Она протянула ему какой-то листок.

— Это из Джиссел Бей. Они выслали к нам самолет на рассвете — хотят сами все проверить. Просят подготовить посадочную полосу.

— Ага, прилетят, полюбуются сверху на разбитый самолет и улетят ни с чем. Зато, по крайней мере, поверят нам.

Он внимательно прочел сообщение.

— Когда они должны прибыть?

— С минуты на минуту. Спаркс уже разговаривает с ними.

В этот момент на пороге радиорубки показалась чья-то фигура, оживленно машущая руками. Дрейк поспешил туда.

На экране радара светилась маленькая точка.

— Вот и босс, — сообщил по рации оператор. — Хотите с ним поговорить?

— Разумеется! — раздался чей-то голос из громкоговорителя. — Дрейк?

— Да, это я. Боюсь, вы не сможете приземлиться — у нас тут останки самолета посреди полосы. Нам пока не удается их убрать.

— Конечно, конечно! — радостно заверил его голос. — Непременно! Все будет в порядке, Дрейк!

— Будем надеяться. Вам передали метеоданные и ваш курс?

— Да, да, безусловно! — все также идиотски-восторженно отозвался невидимый пилот.

— ОК.

Дрейк положил микрофон и вышел.

— Черт! — сказал он ожидавшей его Норе. — Они разговаривали со мной как с полным придурком! Нам не верят и не поверят. У нас же ни доказательств, ни улик. Боюсь, нас всех заберут на Большую Землю и посадят в психушку!

— Успокойся. Мы-то ведь знаем, что все это — правда.

— Да? А ты сама-то в этом уверена? — с горечью спросил Дрейк.

Внезапно послышался чей-то крик:

— Самолет!

Все сотрудники базы высыпали на улицу и напряженно вглядывались в небо. Самолет действительно приближался к острову.

К Дрейку подошел Сполдинг.

— Смотрите, что я придумал! Это бутылка с зажигательной смесью! Там внутри наждачная бумага и спичка. Надеваешь вот эту петельку на палец, и ты вооружен! При броске спичка чиркает о наждак и поджигает запал.

— О, да! — иронически отозвался Дрейк. — Я уверен, что они оценят гениальность вашего изобретения... если сумеют сесть!

Его ирония была вполне уместна — самолет уже несколько минут беспомощно кружился над островом. Дрейка позвали в радиоузел.

Тот же голос, такой сердечный прежде, свирепо накинулся на него.

— Там же самолет на «брюхе»! — негодовал невидимый пилот. — Что происходит?!

— Я вас предупреждал, — невозмутимо отозвался Дрейк. — Мне нечего добавить.

— Но... но этого не может быть! — запротестовал голос.

Последовала пауза.

— ОК. Нам придется вернуться обратно в Джиссел Бей. Мы доложим обстановку, и за вами пришлют какое-нибудь судно, но не раньше, чем через несколько дней, а пока что не трогайте самолет — нам понадобятся вещественные улики.

— Мы его разгрузили, — сообщил Дрейк.

— Возможно, вы поторопились, — обеспокоено заметил голос. — Вам нужны...э-э...транквилизаторы для успокоения персонала?

— Если вы помните, у нас на складе есть достаточный запас — для Джиссел Бей и других станций, — сухо отозвался Дрейк.

На секунду наступила тишина.

— Отлично. Не волнуйтесь, корабль прибудет так скоро, как только возможно.

Самолет растворился на горизонте.

Казалось, грохот прибоя еще усилился. Островитяне были

разочарованы. В глубине души каждый из них мечтал увидеть новых людей, провести хоть немного времени в новой компании. Напряжение и неуверенность снова витали в воздухе.

Пока все смотрели вслед удаляющемуся самолету, случилось нечто необычное. Одна из собак увидела на земле какой-то движущийся предмет. Пес, играючи, гавкнул на него и поднял лапу, собираясь дотронуться. Непонятная штука вытянула вперед три листика, усеянных шипами, замахнулась ими на собаку и поспешила дальше. Не успел пес последовать за ней, как она сжалась в комочек и исчезла в земле.

Глава IV

На закате Дрейк пересчитал людей, вернувшихся с горячих ключей, где они, под руководством Бичема сажали антарктические деревья.

— Все здесь, — хмуро сказал он Норе. — Если больше ничего не случится — значит, я — законченный псих в глазах начальства, потому что не смогу дать разумное объяснение вчерашним событиям. А если что-нибудь все же произойдет — буду виноват в том, что не смог предотвратить. Завидная у меня работенка, черт возьми!

Он огляделся. Все было как всегда. Все так же надсадно ревел прибой и мерно стучал генератор в радиорубке. Холлистер с командой конструировал домкрат для самолета; Том Белден играл в бейсбол с помощником повара. Движения их были замедленными, ребята играли просто так, лишь бы хоть чем-то себя занять.

— Мне кажется, большинство из нас пытается сделать вид, что ничего особенного не произошло. Когда я об этом думаю, голова кругом идет и... становится страшно.

— Остается только надеяться, что у Сполдинга нет таких мыслей, — угрюмо ответил Дрейк.

Сполдинг начинал все больше действовать на нервы. Его давно было пора отправить домой. Жизнь на острове не мно-

гим отличалась от тюремного заключения. Трудно было ощущать себя нужным человеком, выполняющим важную работу, когда единственной функцией базы являлась заправка топливом самолетов. Тем сложнее человеку с темпераментом Сполдинга переносить серые будни. Он спорил с Дрейком, пытаясь показать себя умнее. Даже изобретение бутылок было лишь способом доказать свое превосходство. Сполдинг выдвигал теории, схемы, методы защиты и отстаивал их с пеной у рта, тем самым постоянно напоминая островитянам о неведомой опасности, держа их в напряжении. Определенно, от Сполдинга пора избавляться.

Его размышления были прерваны Норой.

— Смотри-ка, вон Бичем, — сказала она. — Кажется, он чем-то серьезно озабочен.

— Чем еще, кроме своих драгоценных деревьев, — пробурчал Дрейк.

Действительно, биолог устало брел, понурив голову, не замечая ничего вокруг.

— Эй, Бичем! — окликнул его Дрейк. — Не убивайтесь вы так! Даже если деревья не примутся — это не ваша вина.

— Да, но... хотелось бы мне знать, кто их объедает!

— Что?! Как это?

— Видите ли, в процессе посадки я обнаружил несколько сломанных веток. Разумеется, в районе Горячих Озер могли быть штормовые ветры, но они повреждают сучья у основания, а эти обломаны на кончиках!

— Следы свежие?

— В большинстве своем старые, уже затянувшиеся, но есть и недавние. Я вот думаю, может оградить их колючей проволокой....

Он в отчаянии махнул рукой и побрел дальше.

Дрейк задумчиво провел рукой по волосам.

— Я послал сегодня утром запрос в Джиссел Бей. Вообще, конечно, это бред — допустить, что какое-то животное смогло справиться с девятью крепкими парнями.

— Но кто-то же был на складе, — тихо заметила Нора.

— Вот то-то и оно. А теперь еще эти деревья.... Вот что, если наш монстр питается ветками, значит, надо устроить там ловушку!

— Но ты же не веришь в это на самом деле?

— Нет, не верю, — ответил Дрейк.

Тихо сгущались сумерки. Громадная серая туча заволокла небо, простираясь до самого горизонта. Море неистовствовало, словно стая гигантских разъяренных животных, с разбегу наталкивающихся на скалы.

Нора и Дрейк все еще стояли возле здания. Казалось, оба чего-то ждали. Почти все уже вошли внутрь, и только радист все еще крутился возле своей будки.

— Ну что же он медлит! — в раздражении промолвил наконец Дрейк.

Рука Норы коснулась его плеча.

— Я, наверное, бесстыдница, но тоже хочу, чтобы он поскорее зашел — тогда ты сможешь поцеловать меня. Угадала?

Их пальцы встретились...

Внезапно вспыхнул ослепительный свет прожекторов. Нора тихо засмеялась, отодвигаясь.

— Судьба против нас, милый. Мне пора. Попытаюсь сделать вид, что ни капельки не расстроена.

Она вошла внутрь. Дрейк скрипнул зубами в порыве бессильной ярости, но тут же взял себя в руки. Как-никак, на высоком служебном посту нельзя давать слабину.

Из мастерской вышел Холлистер.

— Завтра, — ответил он на вопрос Дрейка. — Мы бы справились и быстрее, но самолет, по расчетам, придется поднимать на добрых двадцать метров, прежде чем можно будет опустить шасси.

— Так, когда взлетная полоса будет полностью расчищена?

— Дня через два.

Одна из собак, вертевшихся возле механика, вдруг насторожилась и засеменила куда-то в темноту. Через несколько секунд пес гавкнул. Никто не обратил на это особого внимания. Дрейк повернулся было, собираясь идти к главному зданию, когда раздался дикий, леденящий душу визг. Несчастный пес заливался отчаянным лаем, словно человек,

охваченный ужасом или предсмертной агонией. Мужчины, как по команде, резко обернулись, готовые броситься в темноту. Дрейк опомнился первым.

— Назад! Нам нужны фонари и оружие!

Они ринулись к баракам. Дрейк первым ворвался в здание и несколькими секундами позже выскочил оттуда, вооруженный дробовиком.

Остальные последовали его примеру.

Сполдинг заколебался было, но к нему подбежала Нора.

— Им нужен свет! У тебя есть бутылки! Ты должен им помочь! Ну пожалуйста!

И юноша, захватив с полдюжины образцов своей изобретательности, побежал к месту происшествия.

Послышался выстрел.

Свет фонарей бестолково метался возле небольшой рощицы.

— Сюда! Оно здесь! — крикнул Дрейк.

— У меня тут бутылки... — подошел к нему Сполдинг.

— Отлично! Бросай вон туда! Ага! Еще одну! А теперь за деревья!

Желтые языки пламени выхватили из темноты низкорослые деревца.

— Но ведь здесь кто-то был! Я же видел, как ветки шевелились! Вы же все слышали, как они трещали! — неистовствовал Дрейк.

Том Белден опустил фонарик и внимательно разглядывал землю.

— Смотрите! — воскликнул он и указал на отметины, оставленные чем-то острым, похожие на следы собачьих когтей.

Дрейк выругался.

— Я иду туда. Посветите мне и цельтесь осторожнее, если будете стрелять.

Он направился к рощице, ощущая, как мурашки бегут по спине. Ветви цеплялись за одежду, словно пытаясь задержать, но Дрейк упрямо двигался вперед. Вдруг сзади раздался треск. Он подскочил и резко обернулся. Это оказался Том с фонариком в руке.

— С д-двумя фонариками легче разглядеть, если что, — заикаясь, пробормотал он.

Дрейк кивнул.

— Смотри внимательнее на землю. Может, он испугался нас и бросил собаку.

Том, стуча зубами, послушно направил луч света вниз.

Они исходили всю рощу вдоль и поперек, но ничего так и не обнаружили, кроме мхов и паутины.

Вернувшись к остальным, Дрейк подвел итоги.

— Чудовище успело убежать, пока мы толпились здесь. Значит, оно боится света.

— Вот те на! — воскликнул Холлистер. — У нас же нет никаких животных, кроме собак! Откуда ему взяться?

— Судя по характеру бороздок на земле, собаку, по всей видимости, подняли вверх, — неуверенно заметил Бичем.

— Птица — хищник?

— Не думаю. На материке, правда, водятся арктические совы, но у нас на острове им нечем питаться. Но даже если бы и были — разве птица сможет поднять взрослого пса?

— Но мы же слышали треск ветвей! — возразил Дрейк.

— Птица не смогла бы пролететь между близко расположенными ветвями, переплетенными друг с другом.

Дрейк задумчиво покачал головой.

— Что ж, пойдемте домой, ребята. Сегодня нам не удалось его поймать, значит, надо удвоить бдительность. Он боится яркого света — в этом наше преимущество. Запрещаю покидать здания с наступлением темноты, кроме как по моему личному распоряжению. Всем ясно?

— Погодите-ка, мистер Дрейк! — протестующе воскликнул Кейси. — Я, конечно, не супермен, но вы что же, хотите, чтоб я боялся темноты?!

— Не в этом дело, старина. Поймите, мы уже видели достаточно жертв, и я не хочу потерять кого-то еще.

Дрейк засунул пистолет в кобуру и направился в свой офис. Здесь он плюхнулся в кресло и закурил. Досада и отчаяние овладевали им. Необходимо доложить начальству о происшедшем, но каким образом? Как и прежде, у него нет ни доказательств, ни разумных объяснений...

Вошла Нора.

— Ты полез в эту чертову рощу! — задыхаясь, крикнула она. — Велел мне поберечься, а сам рисковал жизнью!

Дрейк устало взглянул на нее.

— Я должен был доказать себе, что не свихнулся и все это не сон. Теперь мы убедились в реальности происходящего. Кроме того, теперь я даже знаю, кто этот монстр.

— Ну и?

— Полосатый гамадрил, — пытаясь разрядить обстановку, дурашливо улыбнулся он.

В этот момент появился Сполдинг, сияющий как медный таз.

— Ну вот, — торжествующе воскликнул он. — Я доказал, что мои бутылки с бензином — отличное средство защиты!

— Поздравляю, — вяло ответил Дрейк. — Я направлю отчет об этом в Вашингтон, и наши боссы непременно пожалуют тебя орденом — если до того не прикажут нам надеть друг на друга смирительные рубашки.

— Я тут поговорил с ребятами и выяснил одну очень важную деталь, — не обращая внимания на сарказм начальника, продолжал тот.

— Какую же?

— Парни видели, как шевелились ветви; они направили свои фонарики прямо туда, но ничего не увидели! Вы понимаете, что это значит, а? Ну же, думайте, думайте!

— В данный момент я на это уже не способен, — отмахнулся Дрейк.

— Да поймите! Если они не смогли ничего разглядеть с расстояния в несколько метров, значит, это существо невидимо! Я вам могу...

Дрейк выпрямился.

— Сполдинг, я от вас уже много всякой ерунды наслушался, но это уже предел. Даже если вещь прозрачна, все равно на ее поверхности отражается свет. Ведь мы же видим стекло, или мыльный пузырь. Так что чушь это все собачья!

Сполдинг недобро улыбнулся.

— Вы просто не хотите признавать очевидное.

Терпение Дрейка лопнуло. Он вскочил.

— Черт возьми! Очевидное? Ну с какой стати ему быть невидимым? От кого прятаться? Если это монстр запросто смог убить девятерых ребят, утащить тело Брауна и здорового пса?! Кого ему бояться? Пингвинов? Морских котиков?

— Я всего лишь констатирую факты.

— Ах факты! — взорвался Дрейк. — Зверь-невидимка! Легче всего утверждать то, чего не можешь доказать, не так ли? Убирайтесь, Сполдинг! Идите пишите рапорт! Доложите боссам, что я сошел с ума и не хочу верить в невидимых животных! Идите, пишите! Я с удовольствием его отправлю! Только оставьте меня в покое!

Повисла тягостная пауза.

Дрейк взял себя в руки.

— Извините. Мне не следовало этого говорить. Нам не стоит ссориться из-за такой ерунды. Вы действительно здорово придумали с этими бутылками, кто знает, может, сегодня они спасли нам жизнь. Было бы неплохо наладить серийное производство — запас нам не помешает.

Сполдинг торжествующе улыбнулся.

— Все-таки вы признаете, что у меня котелок варит, а? Нора, ты будешь свидетелем — я первый догадался о невидимке!

Он гордо вышел из офиса.

Дрейк развел руками.

— Иногда мне кажется, что я совсем не гожусь на пост руководителя. Нора, ты тоже постарайся держать себя в руках, ладно? Хорошо, что сегодня все устали и никто, будем надеяться, не заметил твоих бурных эмоций.

Он помолчал.

— Кстати, пока мы тут препирались, я вспомнил, что действительно что-то видел там, в роще, только не могу понять, что именно. Надо сосредоточиться и покопаться в памяти.

— Но... но ты не пойдешь туда снова! — воскликнула девушка — Или я пойду с тобой!

— Милая, мы еще не поженились, а ты уже пытаешься мной командовать. Прибереги это до замужества, ладно? Разумеется, я не пойду туда прямо сейчас.

Нора открыла было рот, собираясь возразить, но тут вошел Холлистер. Главный механик был обеспокоен проблемой охраны территории на ночь. Не успел Дрейк обсудить этот вопрос, как ему передали, что Спаркс ждет его. Он направился в радиорубку.

В дверях его встретил взволнованный оператор.

— Там что-то есть! В районе птичьего базара!

На экране тускло мерцало маленькое неясное пятно.

— Это птицы! Кто-то напугал их, и они все взлетели! Такого никогда не бывало по ночам!

Дрейк нахмурился.

— Быстро же он добрался до птиц!

— Но если чудовище там, значит, здесь его точно нет! — воскликнул Кейси. — И пусть себе лакомится птичками на здоровье — лишь бы к нам не возвращался!

— Тем не менее следует выставить охрану, — сказал Дрейк.

Возражений не последовало.

Дрейк оставил пару ребят наблюдать за экраном радара и вернулся в здание. Новость распространилась мгновенно и взбудоражила и без того взволнованных островитян. Не было и речи о том, чтобы лечь спать.

Прошел час, за ним другой, третий.... Судя по показаниям радара, птицы все еще кружили в воздухе. Видимо, монстр не унимался.

Люди продолжали бодрствовать. Одни осматривали здания изнутри, другие несли дежурство снаружи. Дрейк заметил, что Том Белден неотступно следует за ним по пятам. Он вспомнил, что именно Том последовал за ним в чащу.

— Я забыл поблагодарить тебя, — улучив минуту, сказал ему Дрейк.

— Да не за что, сэр.

— Зачем ты пошел за мной, Том? Ведь это очень опасно! Чего ради тебе вздумалось рисковать собой?

Том покраснел.

— Видите ли... — заикаясь, произнес он. — Мисс Холл... э-э-э....очень заботится о вас, ну а я забочусь о ней. Она, конечно, намного старше меня, поэтому я ни на что и не рассчитываю. Просто...Она будет очень несчастна, если с вами что-нибудь случится. Вот я и решил. Что сделаю ей приятное, если буду вас охранять. Вы ведь не скажете ей?

Дрейк помолчал немного.

— Было бы лучше, Том, если бы ты охранял непосредственно ее. А кто-нибудь еще заметил, что она... ну... слишком заботится обо мне?

— Нет, сэр, не думаю. Просто я наблюдал за ней, потому и понял.

К ним подошел Сполдинг, светясь самодовольством.

— Я наладил производство бутылок. Что дальше?

— Идите пишите отчет! — отмахнулся Дрейк, крайне раздраженный тем обстоятельством, что у него появился личный телохранитель девятнадцати лет. Дожил! Он отослал мальчика патрулировать вместе с остальными.

Казалось, эта ночь будет длиться вечно. Наконец, удалось отправить спать девушек. Островитяне по-прежнему находились в состоянии нервного напряжения, хотя радар показывал, что неведомый убийца все еще занят птицами.

Внезапно раздался выстрел. Завыла собака. Дрейк выбежал наружу и увидел одного из часовых, в оцепенении уставившегося на что-то. Он вгляделся. В нескольких метрах о радиорубки на земле корчился и извивался пес. Он яростно царапал когтями собственную морду, издавая при этом жуткий вой.

— Что случилось? — крикнул Дрейк. — Где Кейси?

— В-вон там, он задыхался, как будто его душили! — бормотал часовой.

— Невидимка! Я же говорил — чудовище невидимо! — торжествующе крикнул подбежавший Сполдинг и бросил в темноту бутылку.

— Где Кейси, я спрашиваю?! Куда он пошел? — Дрейк схватил парня за плечи и встряхнул, но тот не мог толком ничего сказать.

— Там... там... Он сказал, что ему послышалось... пошел посмотреть...

Дрожащей рукой парень показал в сторону склада. Дрейк ринулся туда.

В свете языков пламени он отчетливо увидел валявшийся на земле фонарь Кейси. Чуть поодаль лежал его пистолет. Дрейк огляделся. Огромное мрачное здание склада было освещено спереди, но утопало во тьме с остальных сторон. Чудовище могло спрятаться там, в тени. Он обежал склад кругом, освещая себе путь фонариком. Пусто.

Послышался новый выстрел, затем крики. Дрейк обернулся и остолбенел.

Радиорубка была охвачена огнем. Бензин из бутылки, брошенной Сполдингом, случайно попал на стену. Затрещали оконные рамы; что-то упало, и языки пламени вспыхнули с новой силой. Но это было еще полбеды: внутри находился дизельный генератор, подающий электричество во все здания базы. Видимо, огонь добрался и до него, так как раздался глухой стук, фонари и прожекторы замигали и... потухли. Остров погрузился во тьму.

Освещенный отблесками огня, Дрейк метался среди людей, пытаясь навести хоть какой-то порядок. Ситуация становилась угрожающей. Не было воды, чтобы потушить огонь; потух свет; исчез Кейси, при том, что радар еще минуту назад указывал на активность птиц. Бедного пса пришлось пристрелить из жалости.

Пробираясь сквозь островки пламени, Бичем внезапно услышал какой-то странный звук. Он наклонился. Что-то крошечное промелькнуло мимо и исчезло в земле.

— Невидимка! Невидимка! Оно невидимо! А мы остались без света! Оно убьет нас! Убьет нас всех!!! — истерически визжал Сполдинг.

«Вот только паники мне недоставало», — устало подумал Дрейк и наклонился к Тому.

— Стукни-ка его.

Послышался резкий звук пощечины, и Сполдинг замолчал.

В наступившей тишине Дрейк продолжал отдавать команды. Наконец ему удалось заставить насмерть перепуганных людей действовать организованно. Общими силами пожар удалось потушить.

Возле главного здания стояла Нора, окруженная остальными девушками, и наблюдала за Дрейком. В эти минуты она гордилась им, его храбростью, решительностью, хладнокровием, хотя в глубине души ей было немного тоскливо. Ее любимому приходится заботиться обо всех, а как было бы хорошо, если бы он кинулся к ней, поднял на руки, укрыл от неведомой беды в объятиях...

Глава V

Рассвело. По небу низко стлались рваные серые тучи. В однообразном грохоте прибоя сейчас слышались какие-то издевательские нотки, словно дикая природа насмехалась над беспомощностью островитян. Казалось, в это утро вся вселенная восстала против горстки людей, отрезанных от цивилизации. Порывы ветра еще сильнее сотрясали бараки и рвали одежду с отважившихся выйти наружу; враждебность чувствовалась даже в самой земле, голой, каменистой и неприветливой.

Один за другим люди нехотя выползли из своих убежищ, провонявших дымом, и принялись пересчитывать друг друга.

Дрейк внимательно осмотрел землю на месте вчерашнего происшествия, но не обнаружил ничего нового.

Радист беспомощно оглядывался. Все его оборудование сгорело дотла вместе с рабочим местом, и сейчас он чувствовал себя самым никчемным человеком на свете.

Том Белден подошел к Дрейку.

— Я чем-нибудь могу помочь, сэр?

Тот покачал головой, продолжая разглядывать нагромождение камней, мха и пожухлой травы. Да, на такой земле ни одно животное следов не оставит... Дрейк повернулся к Тому.

— Слушай-ка, а ты ничего не заметил там, в роще? Ничего такого... странного, невероятного даже.... Того, чего в принципе не может быть?

Белден покачал головой.

— Нет, сэр. Я наблюдал за вами, думал, уж вы-то знаете, что искать.

Дрейк помолчал.

— А вот я, кажется, кое-что видел. Только никак не пойму, что именно. Но сердцем чую — что-то важное...

— Ну, мы можем еще раз взглянуть повнимательнее, — предложил Том. — Сейчас ведь светло.

Даже в тусклом утреннем свете отчетливо виднелись обломанные ветви деревьев. Несомненно, кто-то вчера пробирался поверху, но поверить в то, что это существо невидимо, было невозможно. В реальном мире все подчиняется

физическим законам сохранения материи; всему есть научное обоснование. То, что происходит сейчас на острове, является суровой реальностью, а значит, тоже имеет разумное объяснение. Суть проблемы заключается лишь в том, чтобы его найти.

С этими мыслями Дрейк углубился в чащу, сопровождаемый верным Томом. Следы вчерашнего происшествия все еще отчетливо виднелись на земле: выдранный мох на месте борьбы, выжженные участки почвы, отпечатки человеческих следов. И ничего, кроме...

Возвратившись, Дрейк наткнулся на поджидавшего его Бичема. Биолог только что произвел вскрытие трупа собаки, но так и не смог установить причину странного поведения пса вчерашней ночью.

— У него на морде рваные раны, глубокие следы когтей, вплоть до мяса; но сам ли он сделал это, или кто-то напал на него, не могу определенно сказать.

Дрейк вздохнул.

— Если бы можно было связаться с Большой Землей, я бы отправил им ваш отчет, они наверняка подсказали бы, что делать. Но, не забывайте, рация сгорела, и мы теперь находимся в состоянии информационной блокады.

— А что если какие-то следы остались в районе птичьего базара? — предположил Бичем.

— Хм, вы правы. Стоит пойти посмотреть.

— И еще... — биолог помялся в нерешительности. — Я тут хотел еще кое за чем понаблюдать. Даже не знаю, как вам объяснить.... Боюсь, вы решите, что я...

Дрейк усмехнулся.

— Нет, Бичем. Не волнуйтесь, я не приму вас за сумасшедшего. Делайте все, что сочтете нужным, но только до наступления темноты.

— Есть, сэр!

Дрейк собирал группу для похода к птичьему базару, когда к нему подошла Нора.

— Этот Сполдинг! — возмущенно воскликнула она. — Представь себе, заявляет, что ты ему завидуешь! Дескать, он тебя предупреждал, а ты не послушался, и вот результат! Даже выражал мне соболезнование по поводу того, что мне

приходится у тебя работать. Говорит, что твои ошибки приводят к трагическим последствиям! Он думал, я стану им восхищаться за такие слова!

— Ну а ты?

— Я была предельно вежлива. Тебе ведь не нужны здесь скандалы. Но, милый...

Дрейк усмехнулся.

— Знаешь, я так рад, что ты есть. Но сейчас я бы отдал все на свете, лишь бы отправить тебя куда-нибудь подальше отсюда.

— А я не хочу быть там, где нет тебя! — сердито ответила девушка. — И меня выводит из себя, когда кто-то осмеливается тебя критиковать!

Собрав, наконец, группу, Дрейк объявил:

— Ответственным назначаю Сполдинга, у него имеются кое-какие идеи по поводу того, что и где искать.

Сполдинг — раздулся от сознания собственной значимости, хотя явно чувствовал себя не в своей тарелке.

— А теперь мои особые распоряжения... — начал, было, он.

На какую-то долю секунды Дрейку даже стало жаль его. Но пора было ставить парня на место.

— Нет у тебя никаких распоряжений, у тебя есть идеи, вот о них и можешь рассказать ребятам по пути. Только помните, вы должны вернуться дотемна.

Глядя вслед удаляющимся фигурам, он пожал плечами. Сполдинг — один из тех, кто всеми силами старается помешать осуществлению задачи, если сам не может принести реальную пользу. Таким людям проще дать какое-нибудь трудновыполнимое задание, чтобы не путались под ногами и не мешали делать дело.

А дел предстояло немало. Нужно сделать побольше керосиновых ламп и бутылок с зажигательной смесью; соорудить во дворе нечто вроде больших факелов; подготовить взлетную полосу. Обнаружив потерю связи с островом, Центр наверняка пришлет еще один самолет на разведку. Тогда можно будет

восстановить радар, запустить новый генератор, и, конечно же, эвакуировать девушек. Особенно Дрейк беспокоился за Нору. Он улыбнулся, вспомнив свою последнюю фразу: «Я так рад, что ты есть». Сейчас он понял, что и в самом деле рад. Эта чудесная девушка жила на одной с ним земле, дышала одним воздухом.... Даже если Нора не будет принадлежать ему, все равно он будет счастлив. Она стала для него частью жизни, тем необходимым элементом, который делает существование радостным, как солнце, цветы, море на закате...

Его мысли были прерваны грохочущими звуками, доносившимися из мастерской. Дрейк направился туда.

Холлистер, вооруженный сварочной горелкой, колдовал над железным брусом. Завидев Дрейка, он обернулся и снял маску.

— Вот, мастерю тут нечто вроде подъемника на примитивном уровне, с рычагами.

Дрейк взглянул на массивные части, почти готовые к сборке.

— Сначала я подниму хвост и закреплю, — объяснил механик. — Затем подниму переднюю часть слева где-то на полметра, потом так же — справа. И так, потихоньку, до того уровня, когда можно будет выпустить шасси. Работы здесь самое меньшее на день.

Он закурил.

— Вы слышали последние перлы Сполдинга? Он утверждает, что это разумное существо разработало дьявольский план по захвату базы. Дескать, для того и испортило генератор, чтобы взять нас тепленькими в темноте.

Дрейк выругался.

— Вы не верите в это?

— Нет. Так же как и Сполдинг, впрочем. Люди наделены разумом потому, что у них нет ни клыков, ни когтей для защиты. В нашей земной экосистеме не существует животных, противостоящих нам, людям, биологически, как кошки мышам, например. Единственный наш враг — это мы сами.

Холлистер сплюнул.

— Он говорит, этот монстр родом из Антарктики...

— Ну да, конечно! Он сидел себе тихо во льдах, почитывая Канта и Фрейда и дожидаясь, пока мы доберемся до его гостиной, чтобы преспокойно нами поужинать!

— Тогда почему вы его не заткнете?

— Потому что Сполдинг напуган больше, чем кто-либо. Кроме того, он придумал полезную вещь — бутылки, хотя и сжег при этом оба генератора... Может, ему еще что-нибудь стоящее в голову придет. Но самое главное то, что вы все видите, к чему приводит такой панический страх. Сполдинг ведет себя как помешанный, и для остальных — это наглядный пример.

— Да уж, это верно. Не стану же я уподобляться дураку.

Поговорив еще пару минут, Дрейк вышел. Если бы он сомневался в наличии авторитета у окружающих, этот разговор успокоил бы его. Но ему и в голову не пришло волноваться об этом. Он знал: команда бунтует только в том случае, если понимает, что ее руководитель глуп.

Работники склада выкатили наружу пустые бочки и под руководством главного инженера принялись мастерить гигантские факелы. Кто-то достал паяльные лампы и переделывал их в качестве оружия ближнего боя. Кто-то готовил топливо для костров. Дрейк постарался занять работой каждого, чтобы не осталось времени на праздные мысли. Напряжение не ослабевало. Одна из девушек, маленькая, невзрачная, по имени Гортензия, вошла в спальню и открыла дверцу шкафа, откуда сверху на нее упал халат. Перепугавшись, девушка выбежала из комнаты с диким визгом и впала в истерику. Другая присоединилась к ней. Услышав крики любимой, электрик ворвался к ним, готовый с оружием в руках сражаться за девушку, с которой большую часть времени проводил в стычках. Узнав о происшедшем, островитяне смеялись, хотя им все же было не по себе. Ведь пропал же Кейси!

Около полудня вернулась группа, посланная на птичий базар. Сполдинг шел немного поодаль от остальных. Видимо, ему не удалось навязать спутникам свою точку зрения. Он молча прошел мимо Дрейка, даже не отчитавшись о результатах осмотра. За него это сделал Том.

— Там действительно кто-то был. Повсюду раздавленные яйца и тела мертвых птиц.

— Следы?

Том покачал головой.

— Никаких. А что это он делает?

Дрейк обернулся. Бичем усердно копал землю возле склада. Как раз там, где исчез Кейси.

— Вот уж не знаю, что он там задумал. Пойдем поглядим.

Бичем замер, внимательно рассматривая что-то в земле. Затем осторожно вытащил стеклянную банку и поместил туда загадочный предмет. Дрейк пригляделся. Под слоем земли что-то шевелилось.

— Что это?

— Пока не знаю, — отозвался биолог, — но, думаю, это имеет непосредственное отношение к тому, что произошло вчера. Когда загорелась радиорубка, я стоял как раз вот здесь и услышал какой-то шум. Я наклонился и увидел это крошечное существо, исчезающее в земле. Скорее всего, это оно укусило или ужалило собаку.

— Вы полагаете, оно ядовито? — спросил Дрейк. — Но ведь перед постройкой базы биологи тщательно исследовали остров и не обнаружили ни змей, ни каких-либо насекомых, кроме пауков.

— Думаю, оно попало к нам с самолета. Скорее всего, пряталось в деревьях.

— Вряд ли этот червячок способен убить дюжину крепких ребят и двигать коробки на складе.

— Да, но...

— Тем более разорять птичьи гнезда и давить яйца. Вряд ли в нем решение нашей проблемы.

— Но это может оказаться новой проблемой, сэр! Мне кажется, следует подробнее изучить его!

— Поступайте, как считаете нужным, Бичем.

Тем временем Холлистер и его ассистенты выкатили из мастерской свой самодельный домкрат. Дрейк последовал за ними. Возле самолета он наткнулся на Нору.

— Вот уж не ожидал тебя здесь увидеть!

Девушка встревоженно взглянула ему в лицо.

— Что-то случилось?

— Пока нет. Бичем нашел какого-то жучка и считает, что в нем ключ к разгадке. Наверное, он, как и я, цепляется за мелочи, не в силах понять суть проблемы.

— Как бы я хотела хоть чем-нибудь тебе помочь! У тебя такой усталый вид!

— Зато ты выглядишь замечательно. Разберись, пожалуйста, с этой неведомой зверушкой, которую откопал наш доблестный биолог. Если она действительно представляет опасность, придется нам держаться настороже. Но не стоит пока объявлять об этом во всеуслышание, люди и так достаточно напуганы, — распорядился Дрейк и отошел к механикам.

Все было готово для подъема. Предстояла долгая и кропотливая операция. Шаг за шагом хвостовую часть самолета медленно поднимали вверх, тут же закрепляя каждый отвоеванный сантиметр. В работе приняли участие все мужчины острова, по очереди сменяя друг друга. Лишь когда стемнело и Дрейк приказал зажечь самодельные факелы, хвостовое шасси, наконец, с лязгом выскочило наружу. Огромная махина с задранным кверху хвостом и уткнувшимся в землю носом выглядела довольно нелепо.

После ужина все собрались в зале для отдыха. Настроение было подавленное. Не хватало света, чтобы читать или играть в карты, да и не хотелось. Ощущение опасности усугублялось тревожным чувством неизвестности, оно пугало, заставляло вздрагивать на каждый звук и безотчетно оглядываться.

Вошел неутомимый Бичем.

— Я очистил его от грязи. Вы себе представить не можете! Никогда ничего подобного не видел!

— Ну и что же это такое? — спросил Дрейк безо всякого интереса.

— Мне придется его препарировать, чтобы выяснить наверняка. Жаль, у меня только один экземпляр. Хотя...

Бичем проворно вышел и спустя минуту вернулся со стеклянной банкой в руках. Поставив ее на стол возле лампы, он обратился ко всем присутствующим:

— Послушайте! Кто-нибудь видел на острове вот такое существо?

Первой к столу подошла Нора. Вглядевшись в содержимое банки, она невольно отпрянула с отвращением. Зато Том Белден рассмотрел ее очень внимательно. Постепенно подтянулись и остальные.

Странный предмет имел не более десяти сантиметров в длину, включая зеленоватый отросток с листьями и шипами. Он неподвижно лежал на дне банки. Скорее всего, это

была часть корня какого-то растения. Но при ближайшем рассмотрении начинало казаться, что цвет и форма являются результатом мимикрии, подобно тому, как некоторые насекомые принимают вид веток или листьев. То, что выглядело как корневые отростки, вполне могло быть ножками насекомого. Ничего похожего на органы зрения не наблюдалось. Даже в неподвижном состоянии он вызывал какой-то смутный страх.

— Не вижу ничего особенного, — пожал плечами повар. — По-моему, это просто кусок корня.

— Но он двигается! — с энтузиазмом воскликнул Бичем. — Даже ползает!

— Так что же это? — спросил кто-то в недоумении.

— Для того, чтобы определиться, мне нужен еще один экземпляр. Если увидите где-нибудь такую штуку, обязательно скажите мне. Только, бога ради, не трогайте ее руками — она может оказаться ядовитой!

— Слушайте, если это животное, значит, оно чем–то питается, ведь так? Что если попробовать его покормить? — предположил Холлистер.

— Стоит попробовать, — согласился биолог.

Повар принес из кухни мясо. Бичем осторожно сдвинул крышку и просунул туда кусок. Дальше произошло нечто невероятное. Не успел он отпустить мясо, как неподвижное доселе существо подпрыгнуло и вцепилось в него мертвой хваткой. Крошечные листики обхватили мясо и проглотили в мгновение ока с такой прожорливостью, что люди невольно отпрянули, а одна из девушек упала в обморок.

Глава VI

На следующее утро Дрейк проснулся на удивление свежим и бодрым. Человеческий мозг — удивительная вещь — он в чем-то схож с работой тела. В спорте существует такое понятие, как второе дыхание. Сильный, тренированный человек на пределе своих возможностей внезапно ощущает прилив бодрости и энергии. То же самое происходит и с нашим сознанием.

Сегодня Дрейк ощущал поразительное спокойствие духа и уверенность в том, что все будет в порядке. Самолет уберут, наконец, со взлетной полосы; завтра Джиссел Бей наверняка отправит новый, и тогда можно будет эвакуировать Нору и остальных. Может быть, свежие люди предложат новые идеи, пути решения. Сейчас ситуация уже не казалась ему безнадежной.

Он открыл окно и с наслаждением вдохнул свежий воздух; внутренние помещения насквозь пропахли дымом и копотью от ламп.

Из кухни доносились привычные звуки готовящегося завтрака. Дрейк сунул пистолет в кобуру и вышел наружу. Сегодня даже скудная субантарктическая растительность не выглядела мрачной и унылой; немногие уцелевшие деревца казались сейчас символом жизнестойкости.

Дрейк вспомнил о пингвинах и решил их проведать.

Клетки были пусты. Видимо, Бичем, открыл их. Может быть, он даже сам велел ему это сделать. В последние дни Дрейк говорил и действовал на автопилоте; мысль о звереневидимке не покидала ни на минуту. Кто же он — разумное существо или дикий зверь? В его действиях пока не прослеживалось никакой закономерности, скорее им двигал инстинкт.

Размышляя, Дрейк направился к самолету, застывшему в нелепом положении. Холлистер утверждал, что его вполне можно починить. Жаль, на острове нет своего пилота. Кстати, надо бы посадить Спаркса в кабину, на рацию. Хотя она и повреждена, но все же может принимать сигналы, а им сейчас важна любая информация.

Проходя мимо склада, он на всякий случай заглянул внутрь. Все было на своих местах. В углу по-прежнему лежал плотно упакованный тюк с деревьями. С деревьями... Стоп! Как же ему раньше в голову не приходило!

Когда жизнь течет по строго установленному порядку и все идет своим чередом, человек замечает только то, что происходит в непосредственной близости от него и касается его самого. Но если происходит нечто необычное, спокойное течение жизни нарушается, появляются какие-то мелкие детали, неурядицы. Допустим, человек совершил кражу, не

оставив никаких следов. Но поскольку ход его мыслей уже перестроился и воспринимает нарушение закона как должное, он перестает контролировать себя и нарушает правила дорожного движения. Беглец пойман, но отнюдь не благодаря полиции, а как раз потому, что потерял бдительность и расслабился. Вот оно! Эврика! Нужно проследить все инциденты, произошедшие на острове, но не связанные напрямую с непосредственной опасностью. Так... Во-первых, это погром на птичьем базаре. Наверняка это как-то характеризует его, отображает какие-то закономерности в поведении. Далее, деревья. Загадочный зверь появился на острове одновременно с ними. Если это не просто совпадение, значит ...

Бичем уже высадил оба тюка в теплую почву рядом с горячими ключами. Нужно на них взглянуть. Наверняка есть что-то еще, на что никто не обращал внимания. Например, это отвратительная ползучая тварь, которую нашел Бичем. Она тоже возникла одновременно с деревьями и монстром. Выстраивалась некая цепочка....

Внезапно пес, бежавший перед ним, замер глядя в землю. Дрейк наклонился.

Крошечный комочек из листьев быстро полз по тропинке. Дрейк схватил собаку за ошейник, оттащил ее подальше и наступил на ползучую тварь ногой, еще и еще. Затем нашарил в кармане какие-то листки бумаги, осторожно положил на них находку и отнес ее Бичему.

— Вы просили еще один экземпляр, — войдя сказал он. — Вот, возьмите. Правда, мне пришлось его раздавить, не знаю, пригодится ли он вам в таком виде.

— Конечно! Спасибо. А тот, представьте себе, все еще ест. Причем все что угодно.

В столовой в этот час было полно народу. Дрейк направился к Норе, но на полпути его остановил Холлистер.

— Думаю, мы сегодня поставим его на шасси. Но передняя часть гораздо тяжелее задней. Мне понадобится помощь всех мужчин. Пожалуйста, не отсылайте никого далеко, ладно?

— ОК, все будут в твоем распоряжении, — пообещал Дрейк.

Сполдинг завтракал в одиночестве. Проходя мимо его стола, Дрейк приостановился. Тот вопросительно взглянул на него.

— Ты не высказал своего мнения по поводу птиц, — сказал Дрейк доверительным тоном. — Том сказал, там все всмятку. Ты не заметил чего-нибудь особенного?

Сполдинг дернул щекой. Он совсем не подходил для жизни на острове. Такие люди всегда нуждаются в одобрении и даже в восхищении окружающих. Сейчас Сполдингу казалось, что он потерял и то и другое в тот момент, когда нечаянно поджег радиорубку.

— Мне нечего сказать, — пробурчал он. Затем, не удержавшись, выпалил: — Да, я кое-что заметил, но мне же никто не поверит, как всегда!

— Что же?

— Этот зверь действует не в одиночку! Тот, кто атаковал птиц, подбирался к ним с разных сторон! Судя по следам разрушения, их там было шесть-семь, а то и целая дюжина!

Дрейк молчал. Сполдинг наблюдал за ним исподлобья.

— Вы мне не верите?

— Ну почему же... Мысль довольно интересная. Но только вот откуда им взяться?

— Нечего надо мной смеяться! — взвился Сполдинг. — Вы жене верите! Ну ничего! Сами убедитесь, да поздно будет!

Он склонился над тарелкой. Его руки дрожали.

Дрейк, хмурясь, сел напротив Норы.

— Что-нибудь еще? — спросила она.

— Да нет, скорее наоборот. Я перестал зацикливаться на том, что произошло, и сейчас пытаюсь предугадать его будущее поведение. Помнишь, Бичем беспокоился о деревьях, на некоторых ветки были обломаны. Может быть, он прав — ими кто-то питается. Я собираюсь пойти взглянуть на них.

Нора нежно взглянула на него.

— Прекрати! — прошептал он.

Она улыбнулась.

— Слушаюсь, мистер Дрейк.

Завтрак продолжался. Они разговаривали о вещах, ничего не значащих, обсуждали распорядок дня, документы. Но каждый раз, когда он поднимал глаза, его переполняла радость оттого, что она рядом.

Выйдя из столовой, Дрейк увидел, что Холлистер с ребятами уже принялся за работу, и поспешил им на помощь. Вчетвером

им едва удалось приподнять левое крыло на полметра, когда из столовой послышался визг. Бросив все и примчавшись туда, они обнаружили насмерть перепуганную Гортензию, забившуюся в угол, и двух поваров, склонившихся над чем-то. Это оказалась уже знакомая всем гадина. Судорожно шевеля листиками, она ползала по полу, пытаясь найти щель. Дрейк схватил кастрюлю и быстро накрыл ею мерзкую тварь. Затем приказал со всеми предосторожностями отнести ее в лабораторию Бичема, и вернулся к самолету.

Спаркс сообщил, что в эфире слышны постоянные сигналы вызова острова. Кроме того, он поймал обрывки разговора Вальпараисо и Джиссел Бей. Начальство негодовало по поводу потери связи и требовало активных действий; сотрудники базы оправдывались, ссылаясь на нелетную погоду.

Не успел Дрейк вернуться к механикам, как снова послышались крики, на этот раз из общей залы отдыха. Он помчался туда.

Конечно же, это снова было маленькое чудовище. Теперь уже другая девушка, Элайза, с ужасом взирала на него, забравшись на стол. Ее возлюбленный героически раздавил насекомое и, прежде чем Дрейк успел его остановить, наклонился и поднял его, намереваясь выбросить. В ту же секунду он вскрикнул и упал без сознания.

Появившийся Бичем привел его в чувство и обработал поверхность кожи антисептиком.

Дрейк снова принялся за работу. Он не счел нужным комментировать происшедшее, чтобы не волновать людей. Однако тот факт, что мерзкие твари начали появляться не только снаружи, но и внутри здания, не предвещал ничего хорошего.

К обеду ни Бичем, ни Нора не появились. Дрейк направился в лабораторию.

Бичем казался серым от усталости.

— Ну что? Вам удалось разобраться?

— Не уверен. Это что-то немыслимое! Возможно, они вполне адекватны для района Горячих Озер — ведь эта область многие миллионы лет была изолирована от остального мира. Полярные ночи, теплая почва.... Да. Такой климат вполне мог породить нечто необычное.

Разговаривая, Бичем не смотрел на Дрейка. Тот покачал головой.

— Ладно. Еще я хотел бы вас попросить придумать какое-нибудь средство, чтобы их отпугнуть. Нечто вроде дихлофоса или какого-нибудь еще репеллента.

— Я попытаюсь, — хрипло ответит тот.

По пути Дрейк заглянул в офис, где обнаружил Нору. Девушка стояла на стуле с белым как мел лицом и молча смотрела, как маленький монстр упорно пытается взобраться по ножке.

Дрейк немедленно растоптал его.

— Если... если бы оно все-таки добралось, я бы залезла на стол, — стараясь казаться спокойной, произнесла Нора, но мгновение спустя уже всхлипывала в его объятиях.

Она первой опомнилась и оттолкнула его.

— Прости, я совсем потеряла голову. Оказывается, так хорошо, когда ты рядом...

Дрейк стиснул зубы. Временами ему страшно хотелось забыть о том, что он начальник ...

В столовой царила оживленная атмосфера. Появление ползучих тварей вызвало самые разные предположения; то и дело разгорался ожесточенный спор.

Дрейк бережно усадил Нору за стол. К ним подошел Спаркс.

— Есть новости из Вальпараисо. К нам направили эсминец.

— Отлично.

Обед почти закончился, когда в столовой появился Бичем. Он огляделся и, увидев Дрейка, направился к нему.

— Я кое-что выяснил. Они не переносят нефти, мазута, бензина.

— Хорошо. Но мы пока не можем действовать, потому что не знаем наверняка, сколько их уже сейчас в здании. В целях безопасности, думаю, нам лучше переночевать где-нибудь в другом месте. Например, у нас есть пустующий склад, перенесем туда кровати и создадим мазутный барьер. Как вы считаете?

Бичем кивнул в знак согласия и повернулся, чтобы идти назад в лабораторию. Дрейк догнал его у выхода.

— Погодите. Вы явно чего-то не договариваете.

— Я... я не уверен. Не знаю.... Понимаете, это слишком невероятно. Я не могу об этом говорить, пока не буду убежден полностью.

Дрейк пожал плечами.

— Ладно. Но эти твари, кажется, возникают из ниоткуда. Как думаете, их будет еще больше?

— Вполне возможно.

— Вы уверены, что нефть отталкивает их?

— Да-да, это совершенно точно! Я даже капнул немного на один из моих образцов, и он тут же сдох.

Биолог отошел, ссутулившись. Дрейк задумчиво посмотрел ему вслед. Кажется, нервы его людей начинают сдавать...

Он отобрал троих ребят для похода к источникам. Вооружившись и экипировавшись, команда тронулась в путь. По дороге Дрейк объяснил еще одну цель путешествия.

— Кажется, у нас появились новые проблемы, парни. Бичем говорит, что эти твари размножаются, как кролики. Он нашел способ бороться с ними, но ведь, как вы знаете, к нам направляется эсминец. Тем, кто высадится, придется нелегко, поэтому надо оставить на берегу какой-нибудь предупреждающий знак.

У подножия скалы простирался песчаный пляж. Спустившись к воде, Дрейк с удивлением отметил, что это единственное место на всем острове, где не слышно рева прибоя.

На поверхности воды показался какой-то неясный предмет и тут же скрылся. За ним другой. Вскоре на берегу появились четыре пингвина и величественно зашагали по песку. Завидев людей, они окружили их, что-то радостно крича на своем языке.

Дрейк двинулся вдоль пляжа, отыскивая наиболее просматриваемое место.

Внезапно раздался выстрел. Он обернулся.

На берегу неподвижно лежал морской котик, истекая кровью.

— Свежее мясо! — опуская ружье, воскликнул один из ребят, помощник повара.

Дрейк сердито взглянул на него, но возражать было поздно.

— Ладно, с этим потом. Пойдемте, поможете мне.

Том Белден нашел пару старых стволов, и они соорудили нечто вроде пирамиды из бревен и камней. Любое приближающееся судно заметит ее сразу же. Но пока что горизонт был чист. Всюду, куда ни глянь, простирался бескрайний серый океан, подавляющий своей колоссальной бесконечностью. На этом фоне люди, скалы и даже сам остров казались ничтожной песчинкой на теле мироздания.

Наверху сооружения Дрейк прикрепил стеклянную банку с запиской внутри, содержащей детальное описание ползучих монстров и все необходимые меры предосторожности.

Все было готово, но Томас, помощник повара, все еще возился с тушей, пытаясь разделать ее на куски.

— Послушайте, мистер Дрейк, не ждите меня! Я только закончу и вернусь, обещаю! Сейчас еще совсем светло, со мной ничего не случится. Ну, пожалуйста, сэр! Разрешите мне остаться!

Дрейк задумался. С одной стороны, опасность может подстерегать всюду. С другой, если приучать людей дрожать за каждый свой шаг, они просто превратятся в кучку параноиков...

Времени до наступления темноты оставалось порядочно, но Дрейк строжайше приказал Томасу не задерживаться дольше, чем на полчаса.

— Да и потом, сказать по правде, только эскимосы считают мясо котиков съедобным, — предупредил он.

Томас только улыбался, орудуя ножом. Что ж, его можно понять. Монотонная жизнь островитян более всего походила на тюремное заключение, и возможность отличиться воспринималась как целое приключение.

Оставшись втроем, команда двинулась в сторону минеральных ключей. Но местность на подходах к источникам оказалась настолько болотистой, что им приходилось трижды возвращаться и прокладывать новый маршрут. На четвертый раз они вышли к небольшому озеру.

— М-да...— огорченно промолвил Дрейк. — Если обходить его кругом, то мы не доберемся и до завтрашнего утра. Придется отложить осмотр.

Они повернули назад.

Дрейк чувствовал, что ощущение напряженности возвращается к нему. В какой-то мере сегодняшний день не прошел зря. Взлетную полосу наверняка расчистили — это уже неплохо, хотя не было возможности сообщить об этом на Большую Землю. Кроме того, появились загадочные червячки — большой минус. Да и главный вопрос по-прежнему висел в воздухе.

Когда они добрались наконец до базы, уже смеркалось, и дым самодельных факелов, казавшийся красноватым в свете пламени, неторопливо поднимался к небу.

Увидев Нору, улыбавшуюся ему, Дрейк испытал огромное облегчение. Все то время, пока они были в пути, он постоянно возвращался к ней мыслями, и сердце болезненно сжималось от тревоги за самое дорогое ему существо.

— Мы не добрались до деревьев, — ответил он на ее немой вопрос. — Все в порядке?

— Да, все ОК. Правда, эти твари продолжают появляться. Одна из собак схватила ее и тут же сдохла. Склад №3 освещен и подготовлен к ночевке. И вот еще: Холлистер предлагает включить сигнальные огни самолета на ночь.

— Отличная идея. Да, кстати, как вам мясо? Томас поспел к обеду?

— Томас? — удивленно переспросила Нора. — А разве он не с вами?

Дрейк почувствовал, как холодок пробежал по телу.

— Так, ребята, захватите на складе бутылки с бензином и какое-нибудь оружие — мы пойдем искать Томаса. Фонарики не забудьте!

Сейчас он проклинал себя за уступчивость там, на берегу. Бедный парень! С ним могло случиться что угодно.... Один, в кромешной тьме, ищет дорогу, трясясь от страха....

Его мысли прервал отчаянный крик, раздавшийся где-то вдалеке. За ним последовал звук выстрела. Секунду спустя Дрейк уже бежал навстречу этому страшному крику, мчался, опережая остальных, не чувствуя земли под ногами.

Впереди что-то блеснуло. Лучи фонарей скрестились. На земле валялось ружье Томаса. Его ствол был согнут почти под прямым углом — свидетельство нечеловеческой силы.

В рощице неподалеку послышался шорох. Кто-то быстро пробирался по верхушкам деревьев, сгибая ветви. Звенящим

от злости голосом Дрейк позвал остальных. В мгновение ока роща была окружена. Кто-то метнул бутылку. Пламя вспыхнуло, выхватив из темноты силуэты деревьев. Люди напряженно вглядывались в листву. Пусто...

Со стороны базы показалась процессия с факелами. Среди прочих была и Нора. Дрейк схватил Тома за плечо.

— Уведи ее сейчас же!

Юноша бросился исполнять приказ.

Вновь пришедшие принесли изрядный запас бутылок, и в голове Дрейка созрел план. По сигналу дюжина полетела в чащу. Загорелся мох. Новый залп, еще и еще... Деревья были охвачены огнем. Огромный столб пламени поднимался к небу.

Раздались изумленные возгласы. Что-то неясное корчилось в дыму; пылающие стволы раскачивались и падали. Кто-то бился в судорогах на земле, все слабее и слабее, но кто это был, никому так и не удалось разглядеть.

Всю ночь люди, как заведенные, бросали бутылки, и только к утру позволили огню стихнуть, чтобы осмотреть то, что осталось. Они ничего не нашли. Никаких следов зверя или человека. Ни костей, ни металла, ни даже пуговиц.

Один лишь пепел...

Глава VII

Усталые, перепачканные сажей, с воспаленными от бессонной ночи глазами, люди возвращались на базу. Каждый из них пытался осмыслить случившееся, но не мог. Все были уверены в том, что в чаще кто-то был. Они видели, как что-то выгибало и ломало ветви, корчась в предсмертной агонии на земле, разбрасывая пепел. Если все это не сон, значит, чудовища больше нет. Тогда где же его скелет? Где останки Томаса? Страх по-прежнему терзал души островитян. Не было никакой гарантии в том, что опасность миновала.

Нора упросила повара приготовить мужчинам крепкий кофе.

— Вот, выпей, и расскажи мне все, — подавая чашку Дрейку, попросила она.

— Не могу. Я не знаю, что произошло! — Он глотнул горячий кофе. — Вроде бы мы его уничтожили, а может быть, и нет. Все видели, как что-то горело, не издавая ни звука, но что это было — не знаю.

— Оно невидимо! — встрял Сполдинг. — Чудовище невидимо! Вот вам и доказательство!

— Нет, — Дрейк упрямо мотнул головой. — В таком случае, мы бы все равно видели в огне его очертания.

Он огляделся.

— Ну, как тут дела?

— В порядке, — ответила Нора.

Она лукавила. В действительности в эту ночь островитяне как никогда были близки к массовой истерии. Склад, подготовленный к ночевке, стоял пустым, никто не мог там оставаться. Невозможно заснуть, зная, что где-то рядом копошатся крошечные ядовитые существа; кто знает, а вдруг даже бензин, разлитый на полу, их не остановит?

Измученные ожиданием и неизвестностью, люди бесцельно бродили вдоль зданий, следя за тем, чтобы факелы не погасли. Распространился слух, что чудовище уже прячется где-то поблизости и выжидает удобного момента. Напряжение росло с каждой минутой. Кто-то принял случайную тень за монстра и выпустил в темноту ракету. Что-то вспыхнуло и загорелось. Возник еще больший переполох, все бросились тушить огонь. Словом, ночь выдалась еще та...

Дрейк механически допивал вторую чашку кофе, не ощущая вкуса. К нему подошел Сполдинг.

— Дрейк, люди валятся с ног от усталости, но в здания заходить боятся.

— Но вы же подготовили склад — пусть идут туда.

— Но эти твари...

— Послушайте, Сполдинг! У нас нет возможности предоставить людям стопроцентную гарантию безопасности. У меня есть идея. Поскольку холодильники не работают, большая часть мяса начинает портиться. Мы уже знаем, что эти твари плотоядны. Возьмите большой кусок мяса, положите на землю. Они наверняка приползут на запах — тут-то их и можно потихоньку уничтожать по одному. Займитесь этим!

Сполдинг отошел. На лице его явственно читалось разоча-

рование и досада. Он предпочитал сам генерировать идеи, а не приводить в исполнение чужие замыслы.

— Хочу поговорить с Бичемом, — сказал Дрейк Норе. — Он явно что-то знает, но молчит. Боится, что его примут за сумасшедшего. Придется на него надавить. На этом острове я уже и сам теряю грань между реальностью и фантастикой.

— Обожди! Отдохни хоть немного! Ты же сейчас упадешь!

— Нет, я в порядке. Просто мне очень паршиво, Нора. Я упустил что-то важное из виду, понимаешь? Не сумел разглядеть в самом начале, и теперь, как слепой щенок, тычусь во все углы.... Мне просто необходимо с ним поговорить!

— Ладно. Сиди, я сама его найду и приведу сюда.

Дрейк хотел было встать, но не смог. Он не чувствовал ни рук, ни ног, словно они были налиты свинцом. Малейшее движение требовало титанических усилий.

— Погоди! Ни в коем случае не заходи сама внутрь! Подойди к окну и позови его. Нет, постой! Том, иди сюда!

Молодой человек послушно приблизился.

— Пойдешь с мисс Холл. Проследи, чтобы с ней ничего не случилось. Отвечаешь головой, понял?!

Тот кивнул.

Дрейк устало закрыл глаза. Тело потихоньку расслаблялось, но мозг продолжал напряженно работать. Как истинный прагматик, он не верил в чудеса. Все происходящее на острове должно иметь разумное объяснение. Жизнь — это не повесть в жанре фэнтези, здесь все подчиняется законам здравого смысла. И если события больше всего напоминают бред сумасшедшего, значит, не хватает информации, того необходимого звена, которое свяжет всю цепь воедино и предоставит реальную картину действительности со всеми разумными объяснениями. Такой информацией располагал Бичем. Ведь не зря же он предложил нефть в качестве репеллента; наверняка это научный расчет, основанный на поведении этих существ, их образе жизни, строении клеток.

Дрейк начинал злиться на самого себя. Ему казалось, что он располагает всей необходимой информацией для поимки монстра, и единственное, что ему мешает, — это собственная недогадливость.

Вернулась Нора в сопровождении Тома.

— Его не было в лаборатории — он проводил опыты снаружи: разбросал куски мяса, окружил их слоем какого-то ядовитого порошка и пустил погулять своих «подопытных кроликов». Говорит, что уже есть результаты.

— Черт возьми, а ведь это даже лучше того, что я предложил Сполдингу! Послушай, Том, ты не мог бы кое-что проверить?

— Конечно, сэр!

— Я хочу, чтобы ты пошел на склад №4 и взглянул на деревья.

— Хорошо, а что именно я должен искать?

— Видишь ли, Бичем как-то сказал, что кончик ветвей у них покусаны или обломаны. Поэтому надо внимательно осмотреть верхушки на предмет каких-нибудь грызунов. Только близко не подходи!

Дрейк проследил взглядом, как Том подошел к складу широко распахнул дверь и заглянул внутрь. Затем вернулся назад.

— Да, ветви действительно здорово пощипаны. Я, правда, близко не рассматривал, но похоже на то. И парочка наших «приятелей» копошилась на полу, но на деревьях я их не заметил.

— Хм, найди, пожалуйста, Бичема, и расскажи ему об этом.

Том вышел.

— Итак, кто-то весело проводил время на складе, пока мы, ни о чем не подозревая, спокойно ходили мимо, — сказал Дрейк. — Честно говоря, я подозревал это.

Нора молча смотрела на него. В ее взгляде было столько нежности, что Дрейк улыбнулся.

— Милая, если тебя сейчас кто-нибудь увидит, нам не миновать сплетен. Хотя бы возьми блокнот и сядь рядом, как будто я тебе что-то диктую. Только не ходи за ним в офис!

— Он у меня всегда с собой. Мне же постоянно приходится ходить за тобой и записывать твои умные мысли.

— Признаюсь честно, я придумал это, чтобы побольше времени проводить рядом с тобой. Мне казалось, так мы сможем лучше узнать друг друга. Я ужасно коварный тип, не правда ли? А давно ты догадалась?

— Через пятнадцать минут, — сосредоточенно отмечая что-то в блокноте ответила Нора. — Я была ужасно польщена. Ты так старался не подать виду, и в то же время изо всех сил пытался понравиться...

— Вот черт! А я-то вообразил, что Мефистофель мне в подметки не годится!

— Ты такой славный...

— Знаешь, когда-нибудь мы, наконец, уедем далеко-далеко отсюда, туда, где никто нам не помешает. Туда, где...

— Кто-то идет!

— ... таким образом, я не могу утверждать, что существо, или существа, похитившие Томаса, погибли в огне, — официальным тоном продолжил Дрейк. Затем он поднял голову: — Бичем?

Биолог выглядел крайне неважно: воспаленные, запавшие глаза, дрожащие руки...

— Том сказал мне про деревья. Я осматривал их еще вчера и тоже заметил это.

— Так, значит, на складе кто-то был?

— Нет.

— То есть как?!

— Я тут провел кое-какие исследования. Конечно, хотелось бы еще понаблюдать за ними в полном объеме, проследить их жизненный цикл. Но, впрочем, и так все более-менее ясно. Кстати, я нашел яд, опасный для их жизни — аминотриазол. Они умирают от одного прикосновения к отравленному мясу.

— А у нас достаточный запас этого... триазола?

Бичем покачал головой.

— Боюсь, что не очень много. Я случайно обнаружил его на складе. Видимо, при постройке базы кто-то рассчитывал, что мы разобьем здесь клумбы и лужайки. Он как раз для этих целей.

— Погодите! Так что там с деревьями, вы не договорили. Я не понимаю. На складе никого не было, а ветви обломаны. Как так?

— У меня есть некоторые предположения и даже косвенные доказательства. Я хочу, чтобы вы на них взглянули, а там уж сами решайте, верить мне или нет. Дело в том, что причина всех наших бед звучит несколько неправдоподоб-

но. Когда-то об этом даже ходили легенды.

Дрейк не мигая уставился на биолога. Тот нервно сцепил пальцы.

— Нет, я вовсе не имею в виду оборотней и прочую ерунду. То, о чем идет речь, совершенно обосновано с точки зрения законов эволюции растительного мира. Но я хочу, чтобы кто-то взглянул на это со стороны, свежим глазом, так сказать. Поэтому мы сегодня же должны отправиться в путь.

— Но куда?

— На птичий базар и к горячим ключам. Там... Правда, нам придется запросить полномочий...

— Полномочий?! О чем вы говорите?! — взвился Дрейк. — Двое мужчин убито, женщины в опасности, остальные напуганы до смерти! Если я найду эту тварь, то не стану ни у кого спрашивать разрешения, а просто размажу ее по стене!

— Д-да, это будет просто необходимо. Вы даже не подозреваете, насколько.... Но, предупреждаю, у нас будут проблемы!

— Ну, к этому я уже привык. Готовьте ваш яд. Как я раньше до этого не додумался! Мы ведь можем его использовать и против нашего крупного зверя!

— Да, конечно, сэр. Я все подготовлю, чтобы мы могли оставить людей в безопасности.

Он вышел. Дрейк порывисто повернулся к Норе.

— В безопасности! Господи! Да я с ума схожу от беспокойства, когда тебя нет рядом! Мало ли что может...

— Тихо! — скомандовала девушка. — Я иду с вами. Буду делать записи.

Дрейк выбрался наружу, разминая затекшие конечности. Невдалеке Том аккуратно раскладывал на земле куски мяса, которые Бичем сразу же посыпал порошком. Сполдинг взирал на эту процедуру с отвращением, что-то недовольно бурча себе под нос. За полчаса до этого он положил свой кусок и забрался на стремянку с ружьем, готовый отстреливать приближающихся монстров. Сейчас ему казалось, что Дрейк просто выставил его на посмещище, и его гипертрофированное самолюбие страдало.

Повар вынес столы на улицу, не решаясь готовить на кухне, где он только что напоролся на очередную гадину. Возле

отравленного мяса на земле уже начали появляться первые жертвы. На этот раз никто не стремился их поднимать; чудовищно распухшие пальцы электрика не вдохновляли на подвиг.

Почуяв запах готовящейся еды, из самолета вылез Спаркс, сутками дежуривший возле рации. Он принес дурные вести. Оказалось, что эсминец, направляющийся к Гоу Айленду, получил штормовое предупреждение: на севере острова ожидалось понижение атмосферного давления; ветер, согласно прогнозам, уже к вечеру должен был достигнуть восьмидесяти узлов в час. Островитяне приуныли. Теперь уже нечего было и надеяться, что до них кто-нибудь доберется в ближайшие сутки.

— Замечательно! — воскликнул Дрейк. — Как будто у нас и без того мало проблем!

— Все будет в порядке, — утешающе произнесла Нора.

— Ты забываешь об одном — сильный ветер и дождь не позволят нам зажечь наши факелы. Если б я только был уверен в том, что мы уничтожили монстра! — С досады Дрейк стукнул кулаком по колену. — Будем надеяться, Бичем поможет нам докопаться до истины. Хотя мне...

На середине фразы он замолчал. Нора обернулась. Дрейк мирно спал, прислонившись к стене. Девушка осталась рядом, бережно охраняя его сон. В другое время ее поведение вызвало бы пересуды, но сейчас каждый был слишком озабочен собственной персоной, чтобы обращать внимание на остальных.

Наконец Бичем закончил раскладывать отравленное мясо и теперь придирчиво разглядывал свою работу. Почти возле каждого куска уже валялись мертвые тельца. Удовлетворенно кивнув, биолог направился на поиски Дрейка.

— Конечно, жаль его будить, но нам пора идти, — извиняющимся тоном объяснил он Норе. — Это крайне важно.

— Тогда я тоже иду с вами! Сейчас день, никакой опасности, а хоть бы и была — мне наплевать! — воскликнула девушка.

С минуту Бичем размышлял.

— Ну что ж, вы, конечно, тоже можете пригодиться — лишний свидетель не помешает. Но ...

— Никаких «но»! Я иду с вами — и точка!

Нора осторожно тронула Дрейка за плечо.

— Проснись, милый, — наклонившись, тихо сказала она. — Мистер Бичем говорит, что все готово.

Дрейк открыл глаза и некоторое время недоуменно оглядывался.

— А который час?

Нора ответила. Он тут же вскочил на ноги.

— Неужели я заснул? Вот черт!

— Тебе просто необходимо было немного отдохнуть, — твердо возразила девушка.

— Я как раз закончил, так что можем идти, — добавил Бичем.

— Отлично. Давно хотел проверить теорию Сполдинга.

— Между прочим, я тоже иду, — вызывающе сказала Нора. — И если ты попробуешь меня остановить, я... Я объявлю всем, что мы помолвлены!

Дрейк улыбнулся.

— Тогда возьмем еще Тома.

На пути к офису его перехватил Спаркс с метеосводкой. Утренний прогноз подтверждался: надвигался шторм. Дрейк взглянул вверх, на тяжелое, свинцово-серое небо, по которому, догоняя друг друга, бежали низкие косматые тучи. «Надо бы закрепить самолет как следует», — подумал он и, найдя Холлистера, поделился с ним опасениями. Главный механик пообещал сделать все возможное и, в свою очередь, напомнил об идее освещения территории базы сигнальными огнями.

Мимо прошел Сполдинг, намеренно игнорируя Дрейка, но тот сам остановил парня.

— Мы тут с Бичемом собрались на птичий базар, хотим проверить твою гипотезу насчет многочисленности наших врагов, — сказал Дрейк. — Кроме того, я размышлял над твоим предположением по поводу зверя-невидимки и, думаю, где-то в нем есть рациональное зерно. Возможно, это как-то объясняется мимикрией. Попытайся, пожалуйста, научно обосновать свою теорию. Попробуй, ладно?

— Я сделаю все, что в моих силах ради безопасности людей, независимо от того, верят мне или нет, — холодно ответил Сполдинг и отошел.

Дрейк нашел Тома Белдена и приказал собираться в дорогу.

Полчаса спустя они двинулись в путь, вооруженные пистолетами и бутылками.

Вязкая болотистая почва чавкала под ногами в такт шагам. Бичем возглавлял шествие, Том старался не отставать. Дрейк и Нора следовали поодаль.

— Кажется, штормовое предупреждение запоздало, — заметил Дрейк. — Я уже слышу рычание прибоя — сегодня оно чуточку громче. Да и ветер уже поднимается.

— Мы будем говорить о погоде? — отозвалась девушка. — Это после того, как я беззастенчиво настояла на том, что иду с вами?

— Не забудь про Тома. Я взял его специально — он позаботится о тебе, как никто другой. Ты знаешь, что парень влюблен в тебя?

— Что?!

Дрейк вкратце пересказал ей разговор в рощице.

— Тебе двадцать три, поэтому для него ты старовата, как он выразился. Тем не менее Том боготворит тебя и готов на все.

— Надо же! А я и не догадывалась! Он славный, но...

— Давай-ка лучше прибавим шаг, иначе ребята начнут нервничать.

Вдалеке показались небольшие округлые холмы, над которыми поднимался пар. По мере приближения к источникам волнение Бичема росло.

— Я не стал сажать их в землю, — объяснял он. — Им нужна естественная подкормка, которую вырабатывают особые почвенные бактерии. Там, где почва имеет слишком высокую температуру или содержит избыток минеральных солей, эти бактерии не размножаются. Соответственно, деревья также не смогут получать достаточное питание. По этой причине их корни нельзя закапывать глубоко в землю, поэтому они располагаются на поверхности, и только их капилляры, такие черненькие, похожие на шерсть, проникают в почву сантиметра на два, не больше.

— Не очень-то крепкий якорь, особенно в бурю, — заметил Том.

— Дело в том, что деревья невысокие — примерно в че-

ловеческий рост. Кроме того, у них очень разветвленная корневая система. И еще... — биолог внезапно оборвал свою речь на полуслове.

— Я их узнаю, — отозвался Том.

— Поверхностные корни! Дьявол! Погодите-ка! — воскликнул Дрейк. — Бичем, а ведь у наших островных деревьев обычные корни, под землей!

— Ну да, — с несчастным видом отозвался биолог.

— Но я же видел там, в той рощице корни НА ЗЕМЛЕ, поросшие адиантумом и папоротником! А наутро их уже не было! Господи, Бичем!

Он сжал рукоять пистолета так, что костяшки пальцев побелели.

— Вон там мы их посадили! — махнул рукой Том и устремился вперед. Остальные молча последовали за ним. Через пару минут они догнали его. Парень в растерянности стоял перед небольшой площадкой, поросшей высокой травой. Лицо Дрейка побелело. Бичем в отчаянии ломал руки. Нора недоуменно переводила взгляд с одного на другого.

— Но они же были здесь! — протестующе воскликнул Том. — Я же помню! Мистер Бичем! Ведь здесь? Вот тут мы разложили на земле корни и присыпали их землей. А вот и яма, откуда мы ее брали! Я же помню!

Дрейк скрипнул зубами.

— Но здесь же нет никаких деревьев? — возразила Нора. — Вы хотите сказать, их сожрал монстр?

— Боюсь, что нет, — хмуро отозвался Дрейк. — Ну что, Бичем? Именно этого вы и ожидали, не так ли?

Биолог лишь молча кивнул.

— Так.... Идем к птичьему базару, — распорядился Дрейк. — Кажется, Сполдинг был прав...

На этот раз он возглавил шествие, держа пистолет наготове.

Еще издали они увидели стаи пернатых, перепархивающих с места на место. Чувствуя надвигающийся шторм, птицы спешили заготовить запасы пищи.

Остаток пути проделали в молчании. Лишь однажды Дрейк, наклонившись к Бичему, спросил негромко:

— Когда вы догадались? И почему не сказали мне сразу?

— Когда препарировал одного из них, — ответил тот. — Я не поверил своим глазам. И все же это имеет строго научное обоснование.

Дрейк закусил губу.

Наконец они вышли к гнездовью, откуда открывался вид на море.

Пенистые волны, поднимаясь с горизонта, надвигались на остров, словно флотилия вражеских кораблей. Порывы ветра щедро окропляли лица путников мелкой водяной пылью. Прибой грохотал, швыряясь невидимыми валунами в прибрежные утесы. Птичий базар издали казался целым городом, хлопотливые жители которого ни на минуту не прекращали своей деятельности. Однако тут и там виднелись опустевшие гнезда, закоченевшие тельца убитых птиц — следы недавнего побоища.

— Гляньте-ка! — выдохнул Том. Он уставился на углубление в скале, еще недавно покрытое гнездами. Сейчас на их месте стояло дерево. Отвратительные мохнатые корни, свиваясь клубками, цеплялись за верхний слой почвы. Змеевидные сучья без единого листочка склонялись к земле.

Дрейк не успел сказать и слова, как Бичем уже карабкался по скале. Добравшись до дерева, он замер, внимательно разглядывая его.

Внезапно неподвижные доселе ветви вздрогнули и зашевелились. Нора вскрикнула.

— Назад! — заорал Дрейк.

Бичем попятился. Но было поздно, длинные щупальца уже жадно тянулись к нему ....

Глава VIII

Все происходящее казалось настолько нереальным, что люди замерли, словно парализованные. Издали дерево казалось

гротеском, рисунком сумасшедшего художника, претворившего в жизнь плод своего больного воображения.

К счастью для Бичема, растение принадлежало к существам, ведущим ночной образ жизни, поэтому днем движения его были сравнительно вялы и замедленны. Окрик Дрейка подействовал отрезвляюще: Бичем ринулся прочь от кошмарного монстра, споткнулся и... упал. Все трое бросились ему на помощь.

Дерево уже протягивало свои змеящиеся ветви, когда Дрейк бросил бутылку. Пламя побежало вверх по стволу. Охваченный огнем, монстр неистово махал сучьями, корчась и извиваясь в судорожной попытке потушить пламя.

Дрейк помог Бичему подняться. Том завороженно смотрел на огонь, не в силах отвести взгляд.

— О Господи! Смотрите! — воскликнула Нора.

Крошечные ползучие твари, заполонившие базу, сыпались сейчас в бесчисленном множестве с ветвей на землю. Одни падали прямо в огонь, другие проворно отползали в сторону.

— Отойдите, мисс Холл! — крикнул Том.

Втроем они помогли Бичему спуститься. Тем временем чудовище, словно устав бороться с огнем, в последний раз протянуло к небу пылающие ветви, вспыхнуло и рухнуло наземь. Ветер шевелил обгорелые останки, пересыпал белый пепел; горьковатый запах дыма вился над пепелищем.

— Мне кажется, я сошел с ума, — прошептал Том. — Как же так? Ведь мы его посадили там, возле ключей! Что же это?

— А мы попросим Бичема все нам рассказать, — отозвался Дрейк. — Правда же, дружище? Ну же, соберитесь! Все уже позади!

Но биолог все еще не мог прийти в себя после пережитого шока.

— Это моя... моя вина! — всхлипывал он. — Я посадил их!

Дрейк нахмурился.

— В общем, насколько я понимаю, чудовище размножается почкованием. — сказал он. — Маленькие твари отрастают на концах ветвей. Созрев, они падают на землю, расползаются и живут самостоятельно.

— Кажется, Бичем сломал щиколотку, — дрожащим голосом заметила Нора.

— Черт! Придется нам его нести.

— Нет. Не сломал, — ощупывая ногу, отозвался Бичем. — Растянул, я думаю.

— Нам от этого не легче, — заметил Дрейк.

Он огляделся. Небо на горизонте совсем потемнело; ветер усиливался. Приближался шторм.

— Вот что, Бичем, вам придется ковылять, опираясь на меня и Тома. Доберемся до ивняка - сделаем костыли. Будет больно, но нам пора идти.

— Оставьте меня здесь. Это я виноват во всем. Сначала Кейси. Потом Томас... — бормотал Бичем в отчаянии.

— Все будет в порядке.

Дрейк осторожно поднял его. Одной рукой Бичем обхватил за шею Тома, другой Дрейка, и они медленно тронулись в обратный путь. Быстро сгущались сумерки. Пройдя с километр, Бичем не выдержал.

— Давайте отдохнем хоть немного.

Они устроились на поросших мхом валунах. Над головой свистел ветер, заглушая рев прибоя.

— И все-таки я не понимаю, как дерево могло очутиться возле птиц? — нарушил молчание Том.

— Так же, как и ты, — буркнул Дрейк

— Так...

— Нет, Том, это действительно деревья. Просто они произошли от каких-то специфических видов чувствительных растений, эволюционировавших в процессе приспосабливания к климату, — объяснил Бичем.

— А как же тогда маленькие твари? Я думал, они животные, вроде червяков.

— Нет, это просто молодые побеги. Когда я препарировал их, то понял, что эти растения способны двигаться. Понимаешь, все дело в окружающей среде. Летом дни длятся неделями, а зимой они уступают место долгой полярной ночи. Растениям необходим свет для роста и развития....

— Нам пора идти, — прервал их Дрейк.

Бичем неловко поднялся, опираясь на него. Нора подобрала его ружье.

— Но животные способны выжить в темноте, если они сумеют добыть себе пищу. Вот с такой двойственной ситуацией и пришлось столкнутся растениям района Горячих Озер: зимой они не могут расти из-за отсутствия солнечного света, но и не способны впасть в спячку, потому что почва слишком горячая.

Ветер хлестал в лицо холодными каплями дождя. Смеркалось, приходилось идти чуть ли не на ощупь.

— ... вследствие чего растениям пришлось как-то приспосабливаться. Таким образом, возникли лишайники или насекомоядные растения типа мухоловки. На острове Мадагаскар даже существует легенда о плотоядном дереве. Оно обладает толстым стволом и подвижными ветвями; питается животными, подходящими слишком близко. Говорят, аборигены приносят ему человеческие жертвы.

Пробираясь сквозь полумрак с тяжелой ношей на плече, Дрейк вдруг ощутил всю нелепость ситуации. Мифы, деревья-людоеды, жертвы, надвигающийся шторм.... Такое смешение реальности и абсурда можно увидеть только в кино. Однако, если буря настигнет их в пути... об этом лучше не думать.

Внезапный порыв ветра был настолько силен, что едва не сбил путников с ног.

— Нет, так не годится, — сказал Дрейк. — Я понесу Бичема на спине, а ты, Том, бери мое ружье. Потом поменяемся.

— Оставьте меня. Теперь вы все знаете и справитесь сами. Я виноват во всем...

Вместо ответа Дрейк молча взвалил его на плечи.

Пошел дождь. Сначала он шелестел тихонько, затем усилился и вскоре хлынул как из ведра. Молния прочертила небо, на мгновение осветив блестящие от воды скалы и размытую землю.

— Не молчите, Бичем. Рассказывайте что-нибудь, — попросил Дрейк.

— Так вот, поскольку почва имела слишком высокую температуру, то корни располагались на поверхности. Таким образом, они не были закреплены в земле. И однажды, видимо, корень одного умирающего растения наткнулся в темноте на корень другого. Сообразив, что это может

послужить в качестве пищи, дерево убило и сожрало своего соседа. Так оно выжило, научилось двигаться и добывать себе пищу зимой. В силу климатических условий они стали, как верно заметил Дрейк, размножаться почкованием. За сотни тысяч лет деревья эволюционировали, приспособились к двойной жизни. Летом, при свете дня, они мирно росли, а зимой превращались в кровожадных монстров. Молодые особи же, созрев, покидают родителя и самостоятельно отправляются на поиски добычи. Они передвигаются и охотятся днем, поэтому и осмеливаются нападать на нас в светлое время суток.

Изнемогая под тяжестью ноши, Дрейк споткнулся и едва не упал. Он осторожно ссадил Бичема у подножия скалы.

— Одну минуту, — тяжело дыша, произнес он. — Я только отдохну.

— Дальше я понесу, — отозвался Том и повернулся к биологу. — Но ведь не могут же они всю жизнь питаться друг другом? Так ведь никого не останется!

— Я же объяснил, летом они отращивают свой молодняк, а зимой на него же и охотятся. Проще говоря, едят друг друга и своих детей. Весной те, кто выжил, снова размножаются, и так по заведенному порядку.

Наступила ночь. Четверо путников, вымокшие насквозь, отдыхали в укрытии между скалами. Поминутно вспыхивали молнии; отсвечивали мокрые камни; по земле мутными потоками бежала вода.

Внезапно Дрейк выпрямился, вглядываясь в темноту.

Из-за поворота показалась какая-то неясная тень. Нора вскрикнула: к их убежищу приближались деревья. Они двигались с трудом, скользя и выгибаясь, цепляясь за камни в попытках устоять под напором штормового ветра.

Забыв об усталости, охваченные ужасом люди поспешили прочь от этого места.

— Если эти чертовы деревья, не дай бог, попадут на Большую Землю — нам ведь никто не поверит! — прокричал Дрейк на ухо Бичему.

— Ага! — отозвался тот. — Пока они будут проводить опыты и созывать научные конференции, эти твари расплодятся по всей планете. И тогда будет поздно!

С большим трудом они продвигались вперед, увязая в грязи, то и дело, останавливаясь, чтобы передохнуть. Теперь ветер дул в спину, но дождь, казалось, лишь усиливался.

До базы оставалось около двух километров, когда очередная вспышка осветила препятствие, возникшее на пути. На этот раз деревьев было больше. Они окружали с разных сторон, покачиваясь на ветру, изгибая ветки-щупальца. Том разрядил в них свой пистолет без видимого эффекта. Нора бросила бутылку, но фитиль, по всей видимости, отсырел и не сработал.

Дрейк скрипнул зубами. Он рывком вытащил из-за пояса бутылку, отбил горлышко, поджег и бросил в самую гущу. Пламя, наконец, вспыхнуло. Он поджег вторую, третью.... Затем выпрямился, наблюдая, как монстры борются с огнем, неистово отмахиваясь ветвями, сталкиваясь друг с другом и падая в жидкую грязь.

Взобравшись на пригорок, они разглядели невдалеке слабый отсвет сигнальных огней самолета и счастливо улыбнулись друг другу.

Полчаса спустя путешественники уже стучались в ворота склада №3.

— Белден расскажет вам, что к чему, — передавая Бичема с рук на руки, — устало сказал Дрейк. Он буквально валился с ног. Все окружающее виделось смутно, как в тумане. Кто-то, кажется, Холлистер, помог ему взобраться на возвышение и уложил в постель.

Проспав более двадцати часов, Дрейк проснулся, и обнаружил, что буря почти утихла.

Нора принесла ему завтрак.

— Все в порядке, — сказала она. Затем, наклонившись, тихо добавила: — Милый, раз уж все прояснилось, может нам не стоит больше скрываться?

— Мы выйдем наружу вместе и я возьму тебя за руку. — пообещал Дрейк.

Но не сдержал обещания. Он по-прежнему оставался администратором с грузом ответственности за себя и за других. Предстояло еще многое осуществить: продумать способ дезинфекции зданий, подготовить подробный отчет о проделанной работе, обсудить план уничтожения деревьев...

На рассвете следующего дня на горизонте появился самолет. Он благополучно приземлился, и обрадованные островитяне, побросав все дела, приготовились встречать долгожданных гостей. Но не тут-то было...

Вновь прибывшие вели себя подчеркнуто доброжелательно. Они внимательно выслушали рассказ Бичема и попросили продемонстрировать хотя бы одну молодую особь. Но оказалось, что Сполдинг в порыве служебного рвения уничтожил все трупы. Оставшиеся деревья мирно покоились на складе. Словом, не было ни одного доказательства, кроме голословных заверений островитян. Гости вежливо кивали головами и поддакивали, хотя было ясно, что они ни секунды не верят услышанному.

Связавшись по рации с Центром, полярники получили указание дождаться прибытия эсминца и отправить на нем всю компанию душевнобольных. Но, поскольку Дрейк особенно настаивал на своих показаниях, решено было забрать его с собой, чтобы подвергнуть детальной психиатрической экспертизе. На основании полученных данных можно будет определить метод для лечения всех остальных. То же самое касалось Норы, которая, прибыв на остров позже всех, была, таким образом, в наименьшей степени подвергнута умственному расстройству.

Сполдинг наблюдал за погрузкой вещей, оставшихся от предыдущего самолета. Ему даже разрешено было войти в грузовой отсек.

— Вы нам не верите, а зря. Советую вам тщательно осмотреть тюки с деревьями, вдруг мы что-то туда подбросили! — съязвил он.

— Ох, ну что вы! — расплылся в улыбке один из офицеров. — Конечно же, их тщательно проверят! Если ваши сведения подтвердятся, это произведет сенсацию!

Между тем Дрейк и Нора взошли на борт. Взревели моторы, самолет оторвался от земли и исчез за горизонтом.

Дрейк устроил импровизированные сиденья для себя и Норы в грузовом отсеке. Заглянул второй пилот.

— Ну как вы тут устроились? Попробуйте вздремнуть немного. Если почувствуете себя плохо, дайте нам знать.

Он лучезарно улыбнулся и захлопнул за собой дверь в кабину пилотов.

— Наконец-то мы одни, — сказал Дрейк. — Хотя, если честно, меня положение дел не очень устраивает. Помнишь, Бичем рассказывал об активности этих тварей в темноте?

Он порылся в сумке и протянул Норе алюминиевый цилиндр.

— Запоминай: держишь вот так и дергаешь за шнур, поняла?

— Ты хочешь сказать, что нам грозит опасность?

— Боюсь, что да.

Некоторое время они сидели молча.

— Но ты ведь не думаешь, что они смогут... выбраться? — испуганно спросила девушка.

— Ну конечно нет! Они же связаны. А даже если и начнут шевелиться, мы пригласим наших вежливых джентльменов полюбоваться зрелищем.

Нора положила голову ему на плечо. Приглушенное гудение моторов действовало успокаивающе...

Внезапно послышался легкий треск. За ним еще один. Дрейк включил фонарик. Из порванного тюка медленно выползало змеевидное щупальце, покрытое отвратительной черной шерстью.

— Открой дверь и позови кого-нибудь сюда, а я пока попытаюсь их задержать.

Нора забарабанила в дверь кулаками.

— На помощь! Скорее! Деревья! Помогите! Они вылезают из тюка!

В дверях показался бортмеханик.

— Все в порядке, мэм, успокойтесь!

— Кто-нибудь, сюда, быстрее! — крикнул Дрейк. — Пустите девушку в кабину и идите сюда!

Механик по-прежнему загораживал проход. Не хватало еще истеричной женщины в кабине пилота!

— Послушайте, мэм, у нас инструкция... — начал было он.

За спиной у Норы появился Дрейк. Он молча схватил парня за плечо и толкнул на себя. Тот от неожиданности выпустил дверь, споткнулся и растянулся на полу.

— Эй, Мак! — позвал он. — Парень распускает руки! Придется нам...

Дрейк направил луч света в дальний угол. Бортмеханик вскрикнул, вскочил и бросился в кабину. На его месте возник второй пилот, вооруженный чем-то тяжелым. Увидев поднимающееся дерево, он выронил молоток и застыл, не в силах вымолвить ни слова.

— В чем дело? Какого черта, Мак? — послышался раздраженный голос из кабины, и минуту спустя в дверях возник сам пилот. При виде копошащихся тварей он, однако, не потерял самообладания и, выхватив револьвер, разрядил его в самую середину. Разумеется, как и прежде, это не дало никакого эффекта. Тогда пилот проворно метнулся в кабину, откуда послышались его истерические крики:

— В-вызываю Гоу Айленд! Прием! Самолет полон каких-то монстров! Что мне делать?! Что мне делать!?

Нора в ужасе отпрянула в угол, стуча зубами.

— Ну ладно же! — пробормотал Дрейк. Он выхватил из сумки алюминиевый цилиндр и дернул за шнур. Слепящий свет залил все пространство отсека. Чудовища замерли, повинуясь инстинкту.

Одной рукой Дрейк быстро нашарил рычаг, открывающий дверцы люка и дернул его на себя. Они распахнулись и в то же мгновение два монстра вывалились в свистящую бездну.

Он протянул Норе самодельный прожектор.

— Держи вот так. Осторожнее. Когда он закончится, подожги второй.

Одного за другим Дрейк подтаскивал неподвижные стволы к люку и выталкивал наружу, стараясь не прикасаться к ветвям. Прежде чем догорел второй прожектор, все было кончено.

Он аккуратно закрыл люк, шагнул к Норе и чуть не упал: самолет резко развернулся. Видимо, пилот получил приказ немедленно возвращаться.

Сполдинг торжествовал. Он успел в красках описать новому управляющему то, что слышали островитяне по рации в день, когда прибыл первый самолет. Сопоставив его рассказ и бессвязными криками, транслируемыми из кабины пилота, командование пришло в ужас.

Сполдинг чувствовал себя героем. Еще бы, наконец-то он доказал свою правоту. Он еще не знал, что Нора и Дрейк оставались в грузовом отсеке...

Едва самолет приземлился, пилот бесформенной кучей обмяк на полу, глядя перед собой бессмысленными глазами. То, что он видел, было слишком невероятно... невозможно... абсурдно.... И, нашарив под сиденьем пистолет, он поднес его к виску. Раздался сухой щелчок — обойма была пуста.

Люди уже бежали к самолету со всех сторон, что-то крича. Нора распахнула дверь. Ступив на трап, девушка неожиданно обернулась.

— Кажется, нам опять пора вести себя благоразумно, не так ли?

Она улыбнулась.

— В любом случае я уже решила выйти за тебя замуж.

Дрейк скорчил гримасу.

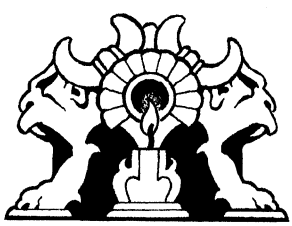
— Премного благодарен. Я придерживаюсь того же мнения, так что — единогласно. Завтра наверняка прибудет эсминец из Вальпараисо. Говорят, морской круиз — это очень романтично. Особенно хороша лунная дорожка в волнах...

Нора усмехнулась. Дрейк подмигнул ей в ответ, и, взявшись за руки, они спустились на землю.

Джон Браннер

ЧУДОВИЩЕ ИЗ АТЛАНТИКИ

The Atlantic Abomination
Ace Books (Ace Double), 1960



ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: ТАЙНА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

До сегодняшнего дня их вожделение не знало предела. Они испытывали отвращение к самим себе, подстегивая собственное воображение снова и снова, опрометчиво расточая то, что, как они считали, никогда не истощится: они вели себя как дети, попавшие в дом, полный всяческих вкусных вещей, и уничтожали все, что могли употребить. До сегодняшнего дня.

Теперь же все было так, как будто планета устала от их самонадеянности.

Сколько раз приходилось слабым существам, населявшим этот мир, бежать от гнева Руаха и его сородичей? Не стоило даже вспоминать и подсчитывать все эти случаи. Но теперь ему, Руаху, хозяину тысячи жизней, самому приходилось спасаться от ужасающей ярости слепой стихии, которой невозможно было противостоять...

Далеко позади остались мраморные башни и сверкавшие драгоценными камнями цитадели Аввана, города, который возвели, чтобы прославить его. Далеко позади как во времени, так и в пространстве, поскольку, когда он со своей свитой покинул город, море уже пробило брешь в белой каменной стене гавани и швыряло суда об стены ближайших зданий. В стенах храма, храма Руаха, уже образовались трещины.

И вот повелитель Руах, кому в прежние времена служили тысячи людей, единственной целью которых было боготворить его, оказался здесь. Теперь он был всего лишь предводителем голодной и оборванной кучки беженцев; паланкин стал его храмом, а его высшим духовенством — горстка стонущих от усталости носильщиков.

Это было непереносимо! Руах кипел от злости, больше всего на свете он хотел бы наказать виновника всех своих унижений, но это было невозможно.

Перед их беспорядочной процессией расстилалась безбрежная равнина. Солнце нещадно палило с высоты, в его лучах ярко блестели церемониальные гонги. Ослабевшие музыканты с трудом несли их, бить в них они уже не могли, но и бросать не бросали, потому что не в силах были сообразить, что таким образом они могли бы облегчить свою ношу. Руах тоже постепенно слабел, хотя он экономно расходовал свои силы. Он понимал, что, как только ослабнет железная хватка, с помощью которой он управлял людьми, его разорвут на части.

Он знал, что равнина не была безбрежной. Она представляла собой ровный уступ, который под небольшим углом поднимался от того места на морском берегу, где был построен Авван. Они проделали почти половину пути к месту своего назначения — городу, построенному другим правителем из рода Руаха, или, точнее, его подданными. Этот город был расположен в горах. Пусть обезумевшее море обрушилось на стены Аввана, но несокрушимые горы должны выдержать его атаку!

От жары над землей поднималось мерцающее марево. На одно мгновенье Руаху показалось, что он смотрит не на твердую землю, а на океан. Если бы только его взор мог проникнуть сквозь пелену, отделявшую их от заветной цели! Если бы он мог ясно видеть, а не только надеяться, что впереди их ждет безопасность! Разрушительная ярость моря поколебала его уверенность в разумности естественного порядка вещей.

Потрепанный в дороге паланкин внезапно упал на землю. Вся злоба Руаха выплеснулась, как лава вулкана. Он щедро расточал побои всем, кто попадался ему под руку, и от вида их страданий силы его прибавлялись. Такова была природа всех правителей из рода Руаха.

В конце концов, он смог овладеть собой настолько, чтобы позвать к себе высшего жреца и заставить его отвечать за то, что произошло. Но в ответ на его властный призыв никакого ответа не последовало. Ярость с новой силой вспыхнула в его душе. Наверное, пока он позволил себе немного задуматься, этот слабак упал замертво от усталости где-нибудь

по дороге. Он позвал следующего по званию жреца и с облегчением услышал, что ему сразу же ответили.

Но вид у жреца был весьма плачевный. Он спешил к упавшему на землю паланкину, сильно прихрамывая, и кровь сочилась из ссадины на его лице. Он заговорил запинаясь, каждое слово давалось ему с большим трудом.

— Великий господин! Земля сошла с ума!

— О чем ты говоришь?

Руах, помня о недавно пережитых страданиях и боли, сопроводил свой вопрос ударом. Жрец вздрогнул и продолжал:

— Господин! В результате землетрясения образовалась огромная трещина, которая преграждает наш путь через равнину!

Руах взглянул в указанном направлении. Действительно, так оно и было. Он был так разгневан тем, что носильщики уронили его паланкин, что не заметил этого раньше. В центре равнины зияла расселина, ее глубина во много раз превышала человеческий рост. Рыхлая почва и камни скатывались с края этой впадины и исчезали внизу. Часть беженцев оказалась по ту сторону, они в страхе кричали и причитали, подняв лица к небу. Один глупец приблизился почти к самому краю расселины и пытался рассмотреть, что случилось с теми, кто упал вниз.

Руах понял, что его верховный жрец, по-видимому, попал в число этих несчастных.

Впервые в жизни он ощутил страх. Капризы стихии заставили его почувствовать то, что так часто он вызывал у своих подданных. Страх почувствовать страх — вот что на самом деле сводило его с ума.

— Постройте для меня мост! — приказал он. Выживший после катастрофы жрец смотрел на него, недоумевая; он видел равнину, покрытую низкорослым кустарником и редкими колючими кустиками, но на ней не росло ни одного дерева.

— Но, мой господин, из чего здесь можно построить мост? — возразил он.

— Из ваших тел! И как можно быстрее! — приказал Руах.

Переправа унесла жизни примерно половины людей из тех, что пережили землетрясение. Люди смогли найти в себе

силы, чтобы держаться за руки, пока паланкин Руаха тащили над бездной, но им не хватило сил для того, чтобы самим выбраться на поверхность. По два и по три человека они с криками летели вниз к тем, кто раньше упал в расселину. Камни и земля, падавшие следом, засыпали их трупы.

Другие падали замертво по дороге, когда Руах, истощая свои силы и забыв о присущей ему рассудительности, без остановок гнал процессию вперед. Только когда на землю опустилась ночь, он позволил всем, кто остался в живых, отдохнуть и попить воды. Есть им было нечего, так как к этому времени они уже съели все те небольшие запасы продуктов, которые были у них с собой.

И даже теперь Руах раздражался, хотя и понимал, что целиком находится во власти носильщиков и сопровождавших его людей. Он не стал требовать выполнения ритуала поклонения солнцу в полном объеме, потому что этим он истощил бы последние силы людей. Он заставил себя переждать, пока они пили воду пересохшими губами, укладывались спать и снова просыпались, чтобы утолить жажду, которая преследовала их даже во сне. После того как солнце село, на небе появились звезды, и Руах сконцентрировался на их созерцании, чтобы успокоиться и справиться с ужасом, который он испытывал перед стихией. Он знал названия некоторых звезд, или, пожалуй, можно было сказать, что он знает многие звезды, и еще вчера он рассматривал множество планет как нечто очень далекое от того райского, богатого всем, чего душа пожелает, места, где жили в свое удовольствие он и весь его род. Сейчас он почувствовал тоску по той спокойной жизни, которую он знавал под этими звездами.

Вдруг земля вновь закачалась. Не очень сильно; это, скорее, напоминало дрожь. Спящие вокруг него люди вздрагивали во сне, потом все успокоилось. Но даже такая дрожь земли пугала Руаха. Вперед! К городу, расположенному высоко в горах, в безопасное место. Он заставил утомленных носильщиков снова подняться на стертые до водяных пузырей ноги.

Наконец, на рассвете процессия поднялась на вершину холма. С нее была видна долина, и вдали — цель их путешествия. Страстно желая достичь безопасного места и одновременно

страшась, что его подозрения оправдаются, Руах подгонял своих носильщиков, заставляя их двигаться почти бегом. Он не обращал внимания на то, что такой бег выматывал носильщиков до изнеможения.

Вдалеке, в розоватом сиянии рассвета, он видел блеск колоссального купола собора в городе, где правил его кузен. Там высились разноцветные дворцы его приближенных, там были построены широкие дороги и великолепные башни. Город лежал перед ними как на ладони, четкость картины была поразительной. Руах долго смотрел на него, пытаясь впитать в себя величественное зрелище.

Этот город был его последней надеждой.

Большинство его подданных уже улеглись спать, радуясь короткой передышке. Но те, кто не спал, раньше Руаха увидели, что произошло. Руах смотрел только на город, а они смотрели выше, на вершину горы, на склоне которой он расположился. Они смотрели туда и видели...

Медленно, с торжественностью, присущей ритуальным церемониям Руаха, гора раскололась надвое. Вершина горы, которая с такого большого расстояния выглядела не больше, чем голова мужчины, распалась и начала падать вниз. Каменная глыба ударилась о склон горы и подскочила.

Через какое-то время после того, как они это увидели, до них докатился слабый звук удара.

Потом глыба с размаху ударилась о купол собора, расколов его на части, разрушила мощную стену и обрушилась на соборную площадь. Второй обломок скалы разбил вдребезги величественные башни, падавшие под сокрушительными ударами направо и налево. Спустя несколько минут после того, как камнепад закончился, весь город лежал в развалинах, и только столбы пыли поднимались в лучах восходящего солнца.

Руах почувствовал полное опустошение и разочарование: город, который он считал своим возможным спасением, погиб. Все надежды рухнули...

Он больше не мог смотреть в ту сторону, где минуту назад высились грандиозные сооружения, он посмотрел вниз, на долину, и увидел, что по ней движется, извиваясь, какая-то процессия. До последнего момента она находилась в тени,

но теперь солнце осветило движущуюся колонну! По долине шел караван, как две капли воды похожий на процессию, которую еще совсем недавно возглавлял Руах, когда покидал Авван!

Не задумываясь о последствиях, он опустошил последний сосуд с водой и заставил носильщиков нести себя как можно быстрее им навстречу. Предводители процессии беженцев из города в горах остановились и с подозрением стали вглядываться в приближающихся людей, потом развернули строй веером и вытащили из ножен кинжалы.

Руах был удивлен. Он поторапливал своих носильщиков и заставил их отнести себя к паланкину, в котором находился правитель города в горах. И вдруг он услышал, как из паланкина раздался приказ, прозвучавший отчетливо и громко. Так громко его мог произнести только тот, кому не пришлось пробираться сквозь иссушенную равнину.

— Назад! Здесь нет для вас места!

— Назад! — эхом отозвался Руах. Он почувствовал, как он слаб по сравнению с другими членами его рода. — Но куда назад? Я осмотрел все побережье, здесь нигде нет убежища!

— Тебе следовало заранее подготовиться к катастрофе, как сделал это я! — В голосе говорившего звучало презрение. — У нас нет времени на то, чтобы покинуть этот мир так же, как мы покидали другие миры. Ведь до сегодняшнего дня никто даже и думать не хотел, чтобы покидать его! Но я и еще некоторые из нас, кто предвидел этот день, оказались мудрее других. Я выстроил убежище в скале, где, как я надеюсь, смогу проспать, если понадобится, миллион лет, и переждать, пока утихнут стихии этого разбушевавшегося мира.

— Возьми меня с собой! Ради всего, что нас связывает, возьми меня с собой! — Руах почувствовал, что он весь дрожит.

— Глупец! Там есть место только для одного.

Он продолжал говорить, и казалось, что ему доставляет жестокое наслаждение выносить приговор своему незадачливому сородичу.

— Почему ты не приказал своим рабам сделать убежище для тебя, как сделал это я?

Вид истерзанных переходом подданных показался Руаху издевкой. Не имея никакой определенной цели, он заставил их в последний раз встать на ноги и атаковать людей сородича. Возможно, он думал о захвате убежища, построенного его кузеном.

Но результат схватки был предрешен. В конце концов, Руах остался один.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Дрожь, пробежавшая по спине Питера Трента, была вызвана не холодной водой: его костюм надежно защищал от окружающей среды. Дрожь была вызвана благоговейным ужасом.

Ему только что пришло на ум, что его появление на такой глубине — это событие, происшедшее здесь впервые за многие тысячи лет.

Обычно здесь ничего не происходило. В результате нескончаемого дождя простейших, составлявших когда-то планктон, на морском дне образовался слой ила. Его толщина при делении на подсчитанную скорость отложения позволяла человеку определить возраст океана, в глубине которого сейчас плыл Питер Трент. Рыбы на его пути попадались редко, да и те, как правило, на самом деле оказались здесь случайно, попав сюда из более высоких слоев, и не являлись постоянными обитателями придонных глубин.

Чувство полной изолированности от мира потрясло его, он развернулся в воде и взглянул сквозь дымку на зеленое солнце у себя над головой. Конечно, это было не настоящее солнце. Солнечный свет остался далеко наверху, кроме того, когда он и его товарищи готовились к длительному спуску, солнце было закрыто облаками. Он спустился сюда, чтобы проверить сигнальные огни маяка батискафа.

Но теперь все было в порядке. Маяк излучал самый яркий свет, когда-либо изобретенный человеком, за счет энергии, выделявшейся при получении водорода из окружавшей его воды.

Питер повис в воде без движения, задумавшись о тех фантастических достижениях, благодаря которым он оказался

здесь и двигался так же свободно, как в открытом космосе. Маяк батискафа, возможно, был самым незначительным из этих технических чудес, хотя то, что он мог поддерживать свое свечение за счет реакции выделения водорода на глубине более тысячи фатомов от поверхности океана, явилось результатом почти неправдоподобного по мастерству проекта. Магнитный корпус маяка снижал утечку радиации до безопасного для команды батискафа уровня благодаря применению принципов, открытых в результате наблюдений за звездами, названными учеными белыми карликами.

Отсюда, из глубины, звезды не были видны на протяжении многих тысячелетий. По эту сторону великого Атлантического хребта, возможно, в другую геологическую эпоху был материк. Под слоем образованного планктоном ила, по которому ученые определили, что возраст океана равен примерно сотне тысяч лет, находился гранит. По другую сторону Атлантического хребта, этих фантастических подводных гор, которые были шире Анд и выше Гималаев, дно океана было базальтовым. Базальтовые породы, как известно, вулканического происхождения: они образовались в результате извержений, сотрясавших новорожденную землю, а гранит служил основанием для континентов.

По спине Питера снова пробежала волна благоговейного трепета. Он пересмотрел свое мнение относительно важности технических чудес, которые помогли ему оказаться на такой глубине. До сих пор он считал, что величайшим из них было открытие принципа Островского-Вонга, благодаря которому он мог выдерживать давление воды на большой глубине и свободно плавать в гидрокостюме. Его костюм был значительно легче, чем скафандр космонавта, приспособленный, чтобы выдерживать космический вакуум. Но разве не было еще более удивительным то, что перед тем, как люди смогли сами спуститься сюда и увидеть все собственными глазами, они послали сюда чуткие датчики, исследовали дно гидролокаторами и открыли все то, что смогли потом увидеть, спустившись следом за этими датчиками?

Питер вильнул в сторону, как угорь, и уставился на горы, высящиеся перед ним. Он не мог ясно видеть их в мутной воде, но они находились там. Несколько пиков

этих гор, возвышавшихся над поверхностью воды, назывались грядой Азорских островов, Скалами Святого Павла, расположенными недалеко от экватора, островами Тристан-да-Кунья (символ одиночества), и, южнее, островами Гоух и Буве. Только океанографы и редкие специалисты, те, кто привык принимать во внимание не только поверхность океана, но и его глубины, представляли истинные масштабы хребта.

Когда он подплыл ближе к подводному маяку, ему пришлось перевернуться как акробату и нырнуть в тень под большими резервуарами, давая глазам привыкнуть к яркому свету. Как только Питер смог различать неподвижный темный овал входа в шлюз, он, зацепившись руками за опоры на корпусе, подтянулся к нему.

Как только наружная дверь захлопнулась за ним, внутренняя створка открылась. Отсек, конечно, был заполнен водой. Если бы внутри был воздух, поданный под любым допустимым для дыхания человека давлением, то при нормальных условиях это означало бы удвоение силы давления на корпус батискафа. Жить внутри такого судна можно было, только пользуясь методом Островского-Вонга и оставаясь в гидрокостюме на протяжении всего путешествия. Управляющие пульты, двигатель, генератор маяка и прочие устройства не нуждались в воздухе. Они были встроены в твердый пластик, что делало их обслуживание чрезвычайно трудным делом, но благодаря чему искусно решалась проблема давления.

Проходя мимо Мэри Дэвис, он, как обычно, тронул ее за плечо. Она повернулась к нему так, что он смог увидеть ее лицо сквозь прозрачную пластину шлема. Он широко улыбнулся ей и подмигнул. В ответ она тоже улыбнулась, но улыбка показалась ему несколько натянутой.

Третий член команды, Люк Воллес, занял часть его рабочего места, пока Питер отсутствовал. При виде Питера ему пришлось вернуться на свое место, что Люк сопровождал небольшой пантомимой, указав Питеру рукой в сторону выхода.

— Зачем ты так быстро вернулся? — прошептал он в наушники Питера. В батискафе звук передавался с нормальной громкостью, и можно было говорить обычным голосом,

но — помехи, возникавшие в звукоснимателе микрофонов, укрепленных на горле, приучили их к общению шепотом. — Мы с Мэри отлично ладили друг с другом!

— Не говори мне об этом! — сказал Питер, заставляя себя подделаться под легкий тон Люка. — Я знаю, что когда-то ученые уже исследовали возможности воспроизведения человека в состоянии невесомости, хотя до тех пор, пока в космос не начали посылать смешанные команды, эти исследования были чисто теоретическими. Но здесь!

— Какие перед нами открываются перспективы в этой области! — заметил Люк.

Мэри нетерпеливо прервала их:

— Питер, хоть бы ты был серьезен. Насколько оправдал себя принцип Островского-Вонга?

— На все сто процентов. Если когда-либо соберутся давать премии океанографам, Островский и Вонг должны быть первыми среди них, хотя они и не являются специалистами в океанографии. Я думаю, они совершили прорыв в этой области и во многом облегчили нашу тяжелую работу.

Люк шепотом перебил его:

— Я все-таки чертовски рад, что именно тебе выпало первым пройти испытание в открытой воде, Пит. Но, кстати, я бы хотел первым пройти так называемое полевое испытание. На каком расстоянии от дна океана мы находимся? Или, правильнее было бы сказать, от края?

— Что?

— Мы находимся в восточной части бассейна Атлантического океана, правда? А где ты видел бассейн без краев?

— Неплохо, Люк, — Мэри выдавила из себя смешок. — Я проверю.

Она нажала кнопку на управляющем пульте панели гидролокатора, и на кварцевом экране появилась россыпь точек, похожих на туманные звезды на небе.

— От ближайшей из них до нас тысяча сто ярдов.

— Хорошо. Давайте подгребем ближе. Я хочу выйти и взять пробу ила и несколько экземпляров фауны, если найду что-нибудь.

— Ну что ж... — казалось, Мэри колебалась, и Питер решил вставить свое слово:

— Мне кажется, это отличная мысль.

Мэри кивнула головой и начала запускать воду в ядерный реактор.

— Осторожно! Мы у цели. Я как раз вижу склон горы в свете маяка.

Люк висел на корпусе батискафа рядом со шлюзом, вглядываясь в зеленую мглу.

— Я не думаю, что мне понадобится фонарь на голове, когда вы рядом со мной, но я захвачу его на тот случай, если захочу добраться до дна ила.

Потом наступила тишина. Питер шевельнулся в том ограниченном пространстве, которое занимал, и посмотрел на Мэри, думая о том, что технологические чудеса, окружающие их, привели не только к равенству, но к стиранию почти всех различий между мужчинами и женщинами. Микрофоны не передавали богатства тембра голоса Мэри, гидрокостюм скрадывал ее фигуру. Питер только мельком мог видеть ее лицо, и то сквозь стекло шлема. У нее были большие выразительные глаза, плоские азиатские скулы, полные мягкие губы. Ее лицо покрывали веснушки самых разнообразных оттенков коричневого цвета, от почти оранжевого до темно-коричневого, блестящие светло-каштановые волосы ниспадали мягкой волной. Потрясающе.

Он убедился, что его микрофон установлен на режим переговоров внутри батискафа.

— Мэри, можно задать тебе личный вопрос? — Шлем повернулся в его сторону. Ему показалось, что по ее губам скользнула улыбка, но он не был до конца уверен в этом.

— Только один. В награду.

— В награду? За что?

Питер смешался, и это было слышно по его голосу.

— За то, что я первым вышел из батискафа. То, что я занялся океанографией, отчасти связано с моим детским стремлением к героизму. И поскольку я только что имел возможность проявить небольшой героизм, то теперь переживаю приступ возвращения в детство, в подростковый период.

Питеру показалось, что вторая фраза смутила ее, кроме того, ей, наверное, захочется немного смягчить свое замечание о награде.

— Ну, хорошо, я попробую... хотя, конечно, половину всех моих вопросов можно назвать личными. Мэри, ты очень привлекательная девушка и прекрасно это знаешь. Зачем ты здесь, вместо того, чтобы сидеть дома и обедать в компании обеспеченного молодого человека?

Наступила долгая пауза.

— Ладно, я отвечу тебе, — ответила Мэри, посмеиваясь. — Но я предупреждаю, что все это покажется тебе очень глупым.

— Это началось еще в школе, когда мне было четырнадцать лет. Я влюбилась в мальчика, который был старше меня. Ему было, должно быть, около семнадцати. Я буквально преследовала его. И мальчик не знал, куда от меня скрыться! В этом нет ничего странного. Ведь я была совсем ребенком, а он уже почти взрослым мужчиной. Но, как и многие другие четырнадцатилетние девочки, я не верила в это. Я изо всех сил старалась выглядеть старше своих лет, говорить и вести себя как взрослая девушка. Он смеялся надо мной. И неудивительно! Со стороны это, наверное, выглядело комично. Но, в конце концов, я по-настоящему рассердилась. Сначала на него, а потом и на себя за то, что превратилась в бесцветную старомодную девицу. Я знала, что этот парень собирался после окончания школы поступить на работу в Институт Скриппса. Он дружил с одним из подводных геологов, который знал его отца, и даже получил разрешение на то, чтобы отправиться на исследовательском корабле в экспедицию во время летних каникул. Я сказала себе: отлично! Что это за институт Скриппса? Институт океанографии. Никогда раньше о нем не слышала. Ну хорошо же, я узнаю об океанографии больше, чем он!

Мэри добродушно рассмеялась.

— И будь я проклята, если я действительно не узнала. Я обогнала его через несколько месяцев. Но меня действительно заинтересовала океанография, и я убедила себя в том, что на всю свою жизнь останусь одинокой старой девой, вот почему я решила, что должна сделать карьеру, и карьера океанографа показалась мне не хуже любой другой. Когда мальчики обращали на меня внимание и назначали мне свидания, я каждый раз удивлялась до глубины души. Правда! И вот я здесь.

Питеру стало смешно, но он постарался сохранить серьезное выражение лица. Он уже почти готов был заявить, что история показалась ему хоть и глупой, но совершенно логичной, как их разговор прервали. В наушниках раздалось бормотание. Бормотание исходило от Люка, который находился на большой глубине в открытом океане.

— Ох! — В его голосе звучало раздражение — так восклицают, когда видят, как кошка или маленький ребенок портит ценное украшение.

Мэри прижалась шлемом к кварцевому иллюминатору, но из батискафа почти ничего не было видно. Для того, чтобы видеть, а не просто регистрировать происходящее с помощью гидролокатора, членам экипажа нужно было выйти из шлюза.

— Люк! — тихо позвала она. — С тобой все в порядке?

— Лично у меня все в порядке, так же, как было у Питера, — Люк говорил совершенно спокойно, но то, что он сказал «Питер», а не «Пит» или «Пити», само по себе показалось необычным. — Я могу совершать действия, требующие усилий, но не долго. Координация немного нарушена. Здесь что-то вроде пещеры, я ее исследовал и нашел в ней представителей ракообразных или похожих на них животных. Я оторвал нескольких из них от камней, но, может быть, слишком сильно ударил по стене пещеры или что-нибудь еще... Примерно полтонны ила стекло со скалы, перегородив выход из пещеры.

— Ты можешь выбраться оттуда? — спросила с тревогой Мэри.

— Я думаю, да. Отверстие достаточно широкое, и я четко вижу огни маяка. Сложность состоит в том, чтобы проплыть прямо, не задев края отверстия. Это похоже на цирковой трюк! Сейчас — или никогда!

Его последние слова сопровождались каким-то хрюканьем, как будто одновременно он бросился к выходу из пещеры.

Внезапно батискаф стало швырять из стороны в сторону, как воздушный шар, попавший в сильную бурю, и относить в сторону от склона горы, который исследовал Люк. Они услышали отдаленный шум. Медленно растекающиеся потоки грязи заволокли небольшие иллюминаторы батискафа.

Мэри была лучше, чем Питер, подготовлена к удару, поскольку она сидела в кресле перед пультом управления, тогда как Питер стоял, ни за что не держась, поэтому его отбросило вперед. В результате, не успев сообразить, что к чему, он уже барахтался в воде, наполнявшей камеру батискафа. Пока он пытался занять свое прежнее место, он понял, что произошло. Вероятно, вход в пещеру располагался на склоне обнажения каменистой породы, а над ним находились тонны ила, которые лежали целую вечность никем не потревоженными. Только глубоководные течения сглаживали и выравнивали их так же, как на земной поверхности ветер и вода со временем смягчают очертания холмов. Они лежали неподвижно, но были готовы в любую минуту обрушиться в бездну, наподобие снежной лавины, начинающей движение от малейшего сотрясения воздуха.

Он звал Люка, пока не вспомнил, что его микрофон включен в режиме трансляции звука только внутри батискафа. Хотя теперь это было все равно. Люк не мог услышать их криков.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

— Боже мой! Боже мой! — шептала Мэри.

Она запустила реактор и продолжала управлять батискафом, который швыряло из стороны в сторону. Возможно, это была своего рода психологическая защита и попытка отвлечься, чтобы удержаться от слез. Питер с силой прижался шлемом к стеклу иллюминатора, чтобы хоть что-то разглядеть в темной воде. Снаружи не было видно ничего, кроме падавшей вниз глыбы. Она состояла из твердого, но не очень тяжелого материала. В свете маяка Питер видел, как глыба медленно опускалась вниз и вскоре навсегда исчезла в слое ила, лежавшего на дне Атлантического океана.

— Я думаю, обвал закончился, — сказал он громко. Но потом опомнился и снова перешел на шепот. — Мы далеко отошли от того места?

— Не очень, — через силу ответила Мэри.

— Ты можешь точно определить координаты места, где мы находились?

— О Господи, я не знаю.

— Она провела рукой перед глазами, как будто убирая волосы с лица. Ее рука показалась на удивление маленькой на фоне массивного шлема.

— Я попытаюсь. Ты собираешься выйти наружу?

— Конечно! Если остается хоть малейший шанс, что Люк в пределах досягаемости... Возможно, он просто завален илом. Может быть, он все еще в пещере и не может услышать нас или передать сигналы сквозь завал.

Питер начал открывать двери шлюза.

Мэри замерла, держа руку наготове, чтобы открыть отводную трубу реактора. Наступила долгая пауза, в течение которой она не шевелилась. Потом повернулась к нему и покачала головой.

— Не стоит рисковать. Может произойти другой обвал.

— Не стоит? Что ты имеешь в виду? Пока остается надежда...

Вдруг внезапная вспышка озарила его сознание. Мэри около двадцати семи. И он точно знал, что Люку тридцать.

— Мэри, Люк работал в Институте океанографии Скриппса до того, как он приехал работать к нам на Атлантический океан?

— Да, — едва выдохнув, произнесла она.

— Скажи, это благодаря Люку ты оказалась здесь? Это о нем ты рассказывала?

В ответ он опять услышал еле различимое «да».

— Ладно. Возможно, ты не видишь смысла в том, чтобы спасать его, так как он не соответствует идеалу, возникшему в твоем воображении, когда тебе было четырнадцать лет, но, несмотря ни на что, он — хороший человек и прекрасный океанограф. Я не брошу его, пока сам не удостоверюсь, что все пропало! Ну а теперь включи двигатель батискафа!

Он прошел через шлюз и повис, ухватившись за опоры на корпусе батискафа, вглядываясь в направлении хребта. Батискаф двигался со скоростью не больше двух морских миль в час. Питер мог даже ощущать разницу в давлении, возникавшую при таком медленном перемещении, но, несмотря

на низкую скорость движения, грязь постоянно оседала на прозрачную пластину, защищавшую его лицо, и ему приходилось каждые две-три минуты счищать ее, чтобы хоть что-то видеть.

Яркий свет маяка прорезал мутную от ила воду, и после осмотра места он смог заключить, что хотя сотрясение было сильным, но масштабы обвала относительно невелики. Всего несколько тонн ила соскользнуло со склона и перераспределилось на поверхности подводной скалы. Всего! Питера передернуло. Метод Островского-Вонга позволял человеку выдерживать огромное давление, но тонны грязи — это проблема уже другого уровня. Скорее всего, нет никакой надежды на спасение Люка.

— Хорошо. Стой! — скомандовал он Мэри. — Я вижу стену впереди.

Он видел постепенно расширявшийся в поле зрения освещенный маяком кусок стены. — Похоже, мы попали на то же место, очень хорошо. Я вижу неясную границу между илом, лежащим впереди, и всей остальной грязью, такое впечатление, будто его неровная поверхность отражает больше света.

— Насколько близко мы можем подойти, как ты думаешь?

В голосе Мэри звучало напряжение.

— Настолько, насколько тебе позволят нервы, — ответил Питер, усмехнувшись. — Хорошо, остановись. Я не думаю, чтобы здесь была реальная опасность повторения обвала. Ил соскользнул со склона и очистил площадь, равную примерно ста квадратным ярдам или даже больше. Я спущусь вниз и осмотрю поверхность склона, ни до чего не дотрагиваясь. Если мне покажется, что ил не сдвигается с места, я поднимусь наверх с гидролокатором и посмотрю, не удастся ли зарегистрировать отражение звуковой волны от шлема или от кислородных баллонов Люка.

Практически никакого риска повторного обвала не было, Питер понял это после тщательного обследования места катастрофы. Он настроил небольшой гидролокатор, который обычно служил для связи, таким образом, чтобы получать обратно собственные импульсы, и начал старательно сдвигать ил, вперед назад, вперед назад...

Когда он уже готов был просигналить Мэри об окончании этого занятия, его осенило. Возможно, ил соскользнул прямо

в устье пещеры, в которой оказался Люк, и занял более низкий уровень. Может быть, им следует спуститься немного ниже пещеры.

Он развернулся, оттолкнувшись от скалы ногой, и стремительно поплыл вверх, по направлению к камням, которые обнажились в результате сползания ила. В ответ на его просьбу Мэри направила батискаф следом за ним. Маяк освещал голую поверхность скалы без всяких признаков входа в пещеру.

Скала? Он был настолько сосредоточен на том, что искал, что ему понадобилось немало времени, чтобы осознать несоответствие. Скала? Где это видано, чтобы поверхность скалы была разбита на небольшие, расположенные на разных уровнях и повернутые по отношению друг к другу под разными углами площадки? При этом все площадки были правильной квадратной формы!

Расплавленный камень, лава, с большой скоростью выбрасываемая из вулкана и быстро охлаждающаяся, может образовывать кристаллы гексагональной формы: вспомним, например, Мостовую Великана и другие подобные образования. Но квадраты совершенно равных размеров? Откуда они здесь?

В этот миг Питер забыл о своем пропавшем товарище, но позже, когда он вспоминал об этом, он утешал себя, что Люк простил бы его; возможно, он даже добровольно пожертвовал бы своей жизнью, чтобы обнаружить то, что в противном случае еще не одно столетие оставалось бы незамеченным. Он подплыл ближе и соскреб тонкий слой грязи, покрывавший поверхность фантастического камня.

Мрамор. Но не просто мрамор. Мраморная плита была украшена резьбой и инкрустирована каким-то более тяжелым, чем мрамор, материалом. В рисунке инкрустации, который казался темным на более светлом фоне, была своя логика.

Первый рисунок, который ему удалось рассмотреть, походил на печать царя Соломона, только вместо двух пересекающихся треугольников это изображение состояло из двух квадратов. Другой рисунок напоминал символ профессии медиков — обвитый двумя змеями жезл Меркурия. Питеру

очень хотелось бы надеяться, что такие змеи никогда не выползали на поверхность Земли. Даже изгибы их тел выглядели неестественно.

— Мэри! Я нашел нечто фантастическое! Невероятно! Ты можешь подплыть на батискафе сверху, но только осторожно! Я хочу, чтобы ты увидела несколько картинок, очень интересных, их здесь много.

Вряд ли это можно было расценить как цинизм, но в данный момент он подумал о том, что если бы не Люк, то сейчас у них было бы много кислорода для возвращения на поверхность. Если бы только у них была связь с базовым судном! Но радио не работало на такой глубине, а прикреплять к батискафу телефонный кабель они не захотели, чтобы не ограничивать диапазон поисков интересных видов фауны в придонной области.

Питер лихорадочно работал, расчищая скользкий тонкий слой ила. Ему приходилось сдерживать себя и работать не очень быстро, иначе он мог взбаламутить воду над поверхностью «тротуара», как он уже окрестил про себя эти плитки. Он должен подобрать такой темп работы, при котором мелкие частицы ила не будут накапливаться поблизости и рассеивать свет, чтобы не мешать камере батискафа сфотографировать таинственные символы.

Что-то в рисунках показалось Питеру очень знакомым. Прямо перед собой он увидел концентрические круги, равнобедренные треугольники, выложенные в виде звезды, и несколько пересекающихся линий. Он увидел в этих рисунках до боли знакомый символ, такой же, как жезл. Символ, похожий на китайский иероглиф, обозначающий слово «человек», и нечто, напоминающее свастику с тремя концами. Она показалась Питеру похожей на герб острова Мэн. Но некоторые символы Питер не мог сравнить ни с чем, что видел раньше, в одном или двух случаях это вызвало у него глухое беспокойство.

— Питер!

Мэри хотела предостеречь его. Возможно, тревога в ее голосе прозвучала помимо ее желания.

— Я думаю, нам скоро надо начинать подъем. Я бы предпочла вернуться домой до того, как у нас кончится кислород.

Ты же знаешь, нам надо будет пройти процедуру обеззараживания от продуктов радиоактивного распада. Я думаю, что все эти рисунки останутся на том же месте до нашего возвращения. Думаю, тебе стоит осмотреть все вокруг, чтобы понять, нет ли здесь еще чего-нибудь интересного.

Он сделал круг над всей территорией, освещенной маяком, и ткнул несколько раз в то, что, вероятно, было масонскими реликвиями, скрытыми под слоем грязи, но их он побоялся расчищать, чтобы снова не вызвать лавины ила. Наконец он вернулся в батискаф.

Мэри молча ждала его. Когда он оказался внутри в полной безопасности, она тут же подключила к цепи устройство, снабжающее водой магнитный сосуд бакена. Мощная энергия мгновенно расщепила воду на газы. Накачанный газом резервуар начал медленно поднимать их на поверхность океана.

Питер уселся на свое место, думая о рисунках и о том, как они будут выглядеть после того, как будут внесены необходимые поправки, в увеличенном виде и на цветном экране.

— Мэри, — сказал он, устрашившись своей догадки, — ты понимаешь, что мы столкнулись с чем-то, что, по-видимому, намного древнее предполагаемого возраста Атлантиды, древнее, чем какая-либо из известных человеческих цивилизаций?

Она кивнула.

— Если они умели строить здания намного раньше, чем мы, тогда что это были за существа?

— Кто, — поправил ее Питер, — а не что. Если они были строителями, тогда они, вероятно, наши родственники, и неважно, как они выглядели.

Он помолчал и затем добавил, слегка запинаясь:

— Но, думаю, Люк оставит по себе такую память, какой еще ни один человек не удостаивался.

В течение одной секунды он никак не мог понять, что он видит перед собой. Потом он широко расставил руки, и сделал это как раз вовремя, чтобы подхватить Мэри. Она, рыдая, упала в его объятия, и на глубине сотен футов, несмотря на мешавший ему гидрокостюм, благодаря которому они могли жить на такой глубине, он постарался, как мог, успокоить ее.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

После корректировки цветов в соответствии с законами визуального в воздушной среде, яркие изображения невероятных подводных каменных плит появились на экране в наспех затемненной кают-компании корабля «Александр Бах». Теперь сквозь слой грязи отчетливо проступали розовые и желтые цвета, и кое-где вкрапления белого...

Питер с изумлением разглядывал их. Все это было погребено в течение сотен тысяч лет в иле, образованном отложениями планктона. Очевидно, ил законсервировал и спас плиты от разрушения так же хорошо, как и торфяная вода болота, где было найдено забальзамированное тело Толлундского человека, умершего несколько тысяч лет тому назад. Если представить, что камни сохраняются гораздо дольше, чем человеческая кожа и кости, то вполне вероятно, что возраст этих камней исчисляется тысячелетиями.

Кроме Мэри и Питера, в кают-компании собралось еще шесть человек. Из основной команды корабля здесь присутствовали капитан Хартлунд, старший помощник капитана Эллингтон и старший механик Платт. Несмотря на то, что занимаемые ими должности требовали от них больших знаний, чем были нужны обычным морякам (Платт, например, в чьи обязанности входило обслуживание батискафа, был незаурядным ядерным физиком и мог с легкостью установить дату взятого образца породы), в данном случае они не знали, что сказать. Они не были профессионалами в этой области. Такого еще не бывало в их практике. Это был уникальный случай.

Кроме того, на борту корабля «Александр Бах» в этот раз находились ученые из фонда Исследований Атлантики: Дик Лешер, молодой исследователь, специалист по подводной геологии, Элоиза Вандерпланк, биоэколог, изучавшая взаимосвязь между размерами популяций рыб и количеством планктона, и руководитель научного проекта — доктор Гордон.

Гордон был решительным и невозмутимым человеком, обладавшим острым языком, уважаемым среди своих коллег как трезвый и очень опытный океанолог. Годы кропотливой работы в трудоемких исследовательских программах

позволили ему добыть массу интересных фактов — материал для создания множества (примерно двух десятков) блестящих, но зачастую шатких теорий. Это снискало ему любовь как авторов этих теорий, так и тех, кто не хотел соглашаться с фактами, которые Гордон истово продолжал считать доказанными и не подлежавшими сомнению.

Питера потряс вид Гордона. Этот обычно невозмутимый, всеми уважаемый человек сидел, подавшись вперед и неподвижно уставившись на экран. Он что-то бормотал про себя, как молитву.

Питер взглянул на Мэри, сидевшую напротив него. Она выглядела очаровательно в простой белой блузке и юбке, но красные припухшие веки выдавали ее состояние. Перед просмотром фотографий каменных плит, когда Питер рассказывал об исчезновении Люка, она ушла к себе в каюту и выплакала там свое горе.

Плакала ли она о настоящем Люке, о том Люке, каким он был сейчас? Или она горевала о том идеале, который создала в своем воображении много лет назад? Последний вариант казался правдоподобнее. Питер хорошо знал Люка, и он ему нравился, но вряд ли заслуживал такого восхищения.

Он перехватил взгляд Мэри и кивнул головой в сторону Гордона. Мэри, соглашаясь, кивнула в ответ, что заставило Питера откашляться и повернуться на стуле.

— Гм, доктор Гордон! У вас уже сложилась какая-либо теория, объясняющая происхождение этих плиток?

Для людей, которые месяцами или даже годами проверяют любую теорию прежде, чем что-либо утверждать, это был плохой вопрос, и Питер поспешил уточнить:

— Я имею в виду, в той теории, в какой у нас есть данные, необходимые для проведения экспериментальной...

— Теория, мой дорогой Питер? Теория? Кто может говорить о теориях в такой момент, какой мы сейчас все переживаем? Когда с определенностью можно говорить только об этом редком и драгоценном миге! Ради бога, о каких теориях может идти речь, когда мы это знаем, вы знаете, все знают!

Он громко закашлялся и убрал в карман носовой платок, чтобы вновь погрузиться в увлеченное созерцание экрана.

Остальные переглянулись. Поскольку Элоиза Вандерпланк, хотя и не была специалистом в этой области, была следующей по старшинству и, кроме того, чаще других работала вместе с Гордоном, жребий пал на нее. Она положила на стол свою худую, покрытую веснушками руку, и высоким голосом требовательно спросила:

— Знаем что, Гордон?

— Да будет, Элоиза! — Гордон сел прямо. — Мы нашли здания, или остатки зданий на дне океана, в восточной части Атлантического океана, о котором известно, что дно здесь состоит из гранита, то есть части материка, а ты задаешь такой вопрос. Даже если учесть, что ты изучаешь места обитания популяций рыб, я не поверю, что все общие сведения из области океанографии стерлись в твоей памяти. По крайней мере, мне так кажется, а может быть, и еще кому-нибудь.

У Питера внезапно упало сердце. Может быть, в этом и заключался «тайный порок» Гордона? Возможно, это раскрывает истинную причину его кропотливой работы в океанографии, терпеливого собирания фактов, создания многообещающих, но не очень основательных гипотез?

Мэри, должно быть, быстрее, чем остальные, поняла, о чем речь. Она с шумом оттолкнула стул.

— Доктор Гордон, если вы говорите об Атлантиде, то вы, должно быть, сошли с ума!

Все собравшиеся в кают-компании заулыбались и тут же расслабились. Питер расслышал шепот за спиной:

— Молодец, девчонка!

Он подумал, что, вероятно, это сказала Элоиза.

Но на Гордона эти слова произвели ужасающее действие. Его лицо покраснело. Он запыхтел, громко шлепнул ладонью по столу. Наконец, он снова заговорил.

— Это просто непростительно! По крайней мере, вы должны быть мне благодарны за то, что не я первым произнес слово Атлантида. И я не стал бы его произносить, потому что знаю так же хорошо, как и вы, а возможно, и лучше, поскольку я занимался этим тогда, когда вы все еще были грудными младенцами, что Атлантида Платона погрузилась в воду значительно позже, чем этот материк, который сейчас находится под нами.

Но Атлантида — хорошее название, освященное частым его употреблением и утвержденное традицией.

Почему, начиная со школы, мне было ясно из случайных доказательств, что какая-то катастрофа погубила некую реально существовавшую цивилизацию, я не могу вам объяснить! Одни и те же события искажались при устном пересказе из поколения в поколение: Ноев потоп, потоп Девкалиона.

А теперь мы нашли доказательство, которое никто не сможет оспорить, как бы он этого ни хотел. Возможно, это не Атлантида Платона. Но совершенно определенно, что мы наткнулись на великую цивилизацию, возможно, такую же великую, как наша, но ее величие состоит в другом. Если бы они были так же хорошо оснащены в техническом плане, как мы, то они смогли бы выжить после землетрясения, которое сыграло роковую роль в их судьбе. Но, помимо техники, есть и другие области знаний.

В его устах слово «техника» прозвучало пренебрежительно, и старший механик Платт собрался возразить, но потом передумал и промолчал.

Мэри сидела, опустив глаза. Питер под столом слегка наступил Мэри на ногу, хотя он бы предпочел дотянуться до Мэри рукой. Тишину, наступившую вслед за словами Гордона, нарушил спокойный голос капитана Хартлунда:

— Я должен сказать, босс, мне кажется, что вы слишком большое значение придаете нескольким каменным плиткам, на которых начертаны иероглифы.

Он вынул изо рта пустую трубку и ткнул ею в сторону экрана.

— Я не принадлежу к числу опытных ученых, но я работал на борту «Баха» и на его предшественниках так давно, что некоторые вещи могли уже забыться, как вы справедливо заметили. Вне всякого сомнения, мы столкнулись здесь, в глубине океана, с эпохальным открытием, в буквальном смысле этого слова. Предполагалось, что тысячи лет назад люди, жившие на Земле, прятались в шалаши, сделанные из звериных шкур, или в пещеры. Но что мы нашли на самом деле? Неиссякаемый кладезь новых открытий или нечто такое же дразнящее и таинственное, какими были статуи с острова Пасхи до тех пор, пока их изображения не стали

попадаться на каждом шагу? Питер сказал, что он не смог увидеть ничего больше, кроме развалин каменного сооружения. Я полагаю, что существует вероятность, что мы могли столкнуться со своего рода — ну, например, Стоунхенджем, только большим по масштабу: с уникальным шедевром, сделанным представителями какого-то примитивного общества либо с практической, либо с мистической целью. Думаю, что для выяснения этого антропологам и палеонтологам понадобятся долгие годы.

Атмосфера немного разрядилась. Спокойно высказанное здравое мнение капитана Хартлунда произвело впечатление даже на Гордона, и он немного сник.

— Очень хорошо, — милостиво согласился он. — Я посчитал необходимым послать на материк радиограмму с сообщением о находках Мэри и Питера и факсимильные изображения каменных плит. Мне кажется, что газетные репортеры могут подхватить тему Атлантиды Платона и Игнатиуса Доннелли, и скроют от публики более важные вещи, которые мы, возможно, позже обнаружим.

Он вздохнул, вновь мысленно погружаясь в глубину веков.

— Но если это не то, что вы полагаете, не просто потонувший остров Пасхи, тогда какие перспективы раскрываются перед нами! Может быть, мы стоим перед разгадкой будущего, подсказанной нам прошлым. Надежды на получение забытых знаний...

Элоиза кашлянула, и руководитель экспедиции прервал свою речь.

— Извините, я увлекся. У кого есть практические предложения по поводу того, какие немедленные действия необходимо предпринять?

ГЛАВА ПЯТАЯ

Дальше собрание шло гладко; когда оно закончилось, Питер вышел следом за Хартлундом на палубу. Вечерело, солнце должно было вот-вот закатиться, но воздух по-прежнему оставался теплым и неподвижным.

— Спасибо вам за то, что вы разрядили обстановку во время этой неприятной ситуации, — сказал он.

Капитан, набивая трубку табаком и не поднимая глаз, улыбнулся.

— У нас всех есть свои недостатки. Я думал, что мне никогда не удастся понять, что представляет собой шеф.

— Но слушать эти безумные речи о забытом тайном знании! — Питер в изумлении пожал плечами, потом махнул рукой и решил переключиться на другие темы.

— Когда будет следующее погружение батискафа?

— Это зависит от того, сколько времени понадобится Фреду Платту, чтобы дать разрешение на спуск. И будет ли шеф настаивать, чтобы Дик и Элоиза перед спуском на большую глубину прошли испытания на владение методом Островского-Вонга на мелководье. По нормам, сколько времени должно пройти между погружениями?

— Минимум сорок восемь часов, если погружение происходит с уровня моря; считается, что за одну экспедицию нельзя погружаться больше шести раз на глубину более одной мили. Но точно никто этого не знает. Вероятно, интервалы могут быть сокращены. Просто они стараются избегать всякого риска.

— Простите! — раздался голос Платта, и они посторонились, чтобы пропустить его. Платт нес оборудование, необходимое для диагностики и устранения неисправностей в батискафе, один из его помощников шел за ним, почти наступая ему на пятки.

— Управлять батискафом было одно удовольствие, как в сказке, Фред! — успел сказать Питер в спину уходящему старшему механику. Платт, не поворачиваясь, бросил ему через плечо:

— Прекрасно! Теперь посмотрим, будет ли он работать без сбоев, как это и положено отлаженному механизму!

Спустя секунду он и его помощник перелезли через перила и быстро начали спускаться к батискафу. Хартлунд добродушно рассмеялся.

— Никаких сомнений, никаких проволочек, — заметил он. — Наверное, хотел бы, чтобы на корабле был не один такой батискаф. Скафандры, конечно, по-своему хороши, но что бы мы делали без атомной энергии?

— Ну, вы же знаете, что есть еще один батискаф, — поправил его Питер, и Хартлунд задумчиво выпустил изо рта клубы табачного дыма.

— Да, конечно. У русских есть один. Кажется, он называется «Владимир Островский», верно?

— «Павел Островский», — поправил его Питер. — Я бы хотел увидеть этот батискаф. А еще лучше — совершить на нем погружение. Некоторые данные, которые русским удалось получить еще до того, как батискаф появился у нас, несмотря на все трудности, обычные для начального этапа освоения, заставили меня испытать сильную зависть.

Капитан засмеялся.

— Бросьте, сейчас удача на нашей стороне.

— Где они чаще всего работают?

— В Тихом океане. Как я полагаю, это было основной причиной, по которой для нас выделили этот участок. Военные одобрили идею проведения проекта в Атлантическом океане, поскольку, работая на другом конце света, мы защищаем себя от опасности похищения русскими нашего батискафа. Для нас это тоже было хорошо, потому что мы хотели получить новые данные об Атлантическом океане, а не дублировать работу русских.

На следующее утро, наблюдая за погружением батискафа с Элоизой и Диком Лешером, Питер почувствовал себя несколько уязвленным. Если бы он не потерял столько времени на изучение этих проклятых плиток, то смог бы завершить большую часть работы, которую эти двое собираются проделать за свое первое погружение, и получил бы более полное представление о своем открытии. Кроме того, это помогло бы предотвратить неприятную сцену с руководителем экспедиции, которая разыгралась вчера.

Для получения общей картины их находки на глубине тысяч морских саженей, наверное, было вполне разумно послать туда геолога и специалиста-ихтиолога. Они смогут все осмотреть, сфотографировать и составить отчет обо всем, что увидят своими глазами. А он и Мэри в следующее свое погружение могли бы попытаться интерпретировать их данные.

Чтобы занять время, Питер решил за те тридцать шесть часов, которые по расчетам были отведены на погружение,

написать комментарии к фотографиям каменных плиток. Он перечитывал, оттачивал и переделывал написанное не меньше пяти раз для того, чтобы убить еще пару лишних часов, пока, наконец, не сдался и не отнес текст руководителю. Гордон взял его в руки, неопределенно кивнув головой, внимательно прочел и, как показалось Питеру, хотел что-то сказать, но потом передумал и не проронил ни слова.

Питер немного помялся, затем повернулся, чтобы выйти.

— Одну минуту, Питер, — тихо сказал Гордон. — Я бы хотел задать вам один вопрос. Я уже знаю, что думает о моем отношении к открытию Мэри Дэвис. Не могли бы и вы высказать свое мнение?

Он напрягся и расправил плечи, как будто ожидая удара.

— Я научился у вас одному правилу, шеф, — заметил Питер осторожно. — Не делать выводов, не собрав всю доступную информацию. Возможно, есть еще какие-то факты, не только те, что я раздобыл во время своего погружения. Пока они все не будут собраны, или хотя бы пока мы не узнаем точную природу того, что там находится, я бы хотел оставить свое мнение при себе.

— Очень логично, очень логично, — пробормотал Гордон. Это была его типичная, почти автоматическая присказка. Но на этот раз она прозвучала неискренне.

— И еще один момент. Хартлунд напомнил мне, что мы должны расследовать причину смерти Люка Волласа. Да, я понимаю, что это будет тяжело. Но я думаю, что вам достаточно будет написать отчет обо всем, что случилось. Мэри сделает то же самое.

Питер вышел из каюты и в задумчивости медленно побрел по палубе. Он снова вспомнил историю, рассказанную ему Мэри перед самой смертью Люка, историю о том, как она стала океанографом. До сих пор он смотрел на Мэри и как бы не видел ее, хотя она была слишком привлекательна, чтобы ее не замечать. Но, несмотря на то, что на борту корабля у Мэри не было близких друзей, и она никогда не вспоминала о друге, оставшемся на берегу, работа постоянно сталкивала их, Питер раньше ни разу не думал о ней как о женщине.

Сейчас, мысленно возвращаясь назад, Питер понимал — отчасти это связано с тем, что подсознательно он давно для

себя решил, будто все красивые женщины, занятые наукой, наверно, лишены чего-то важного, из-за чего на них не стоит обращать внимания. Он так часто обнаруживал этот недостаток у девушек, которые при первом знакомстве казались живыми, интеллигентными и интересными в общении, что, в конце концов, решил больше не заниматься выяснением природы этого недостатка, а сразу сэкономить время и деньги.

Но история, которую Мэри рассказала ему о Люке, внезапно сделала девушку в его глазах такой понятной и близкой.

Питер отворил дверь каюты. Было темно, но на Мэри была белая блузка и юбка, поэтому Питер сразу узнал ее. Ее силуэт, своей белизной напоминавший неясные очертания статуи, вырисовывался в темноте на носу корабля; она стояла, перегнувшись через перила и разглядывая фосфоресцирующий след корабля на поверхности моря.

Питер тихо подошел к ней и облокотился на перила рядом с ней. Она повернула к нему голову, узнала его и снова стала пристально вглядываться в воду.

Он молчал. Сначала он слегка погладил ее по руке, а потом сжал ее ладонь; она ответила ему легким пожатием. Спустя какое-то время она заговорила:

— С твоей стороны было очень благородно пойти искать Люка.

— А что же ты думала, я буду делать? Сидеть в батискафе и, распевая песни, возвращаться назад, на поверхность?

Она постаралась вежливо рассмеяться в ответ на его шутку. Но смех получился вымученным.

— Нет, конечно. Но я... ну, ладно, все равно, я должна это сказать тебе. Я не очень старалась остановить тебя, потому что с трудом удерживалась от того, чтобы самой не пойти его искать.

— Я понимаю, — Питер старался говорить как можно мягче. — Все это случилось как раз в тот момент, когда ты рассказывала мне свою историю, когда все снова ожило в твоей памяти...

Она кивнула. Мэри продолжала пристально смотреть на воду.

— Да, от этого все еще хуже.

— Эта история, которую ты рассказала мне, — осторожно начал Питер. — Ты часто рассказываешь ее?

— Почти никогда. Я рассказала ее однажды шефу, когда он пошутил насчет студента, который дышит мне в затылок. Он сказал, что мне нечего делать в Атлантическом океане, и мое место на Парк Авеню. Нет, не часто.

— А... Люку?

— Нет.

Ее голос прозвучал холодно и отстранение, даже резко.

— Нет. И теперь уж никогда не расскажу!

Она рывком повернулась к нему и зарыдала; Питер как мог старался успокоить ее. Все было почти так же, как и на глубине, в батискафе, когда они покидали место катастрофы, где погиб Люк. Но теперь они стояли на палубе, на открытом воздухе, и на них не было сковывающих движения гидрокостюмов.

— Ты хотела подарить Люку свою любовь, но не решилась, разве не так? — сказал он нежно.

Она отпрянула от него, ее лицо внезапно окаменело, глаза искали его глаза.

— Ты говорил, что все понял, но ты не понимаешь. Ничего не понимаешь!

Пока Питер стоял, остолбенев от удивления и пытаясь найти разгадку этих странных слов, прозвучал гонг, сзывающий всех в кают-компанию. Мэри воспользовалась этим. Она резко повернулась на каблуках и пошла прочь.

На следующий день, когда он сидел над листком чистой бумаги и пытался составить письменный отчет о гибели Люка, этот эпизод и непонятное поведение Мэри снова возникли в его памяти. Он старательно, в десятый раз отгонял настойчивое видение, но оно вновь и вновь вставало перед его глазами. Вдруг он услышал, что на корабле поднялась суматоха. Судя по времени, суета вряд ли могла быть связана с возвращением Элоизы и Дика. Он поднялся и вышел на палубу, столкнувшись в дверях со старшим помощником капитана Эллингтоном.

— Эй! В чем там дело?

— Батискаф поднимается на поверхность, — ответил Эллингтон. — Я засек его с помощью гидролокатора пару

минут назад. Они поднимаются с опережением графика, скорее всего, что-нибудь случилось, из-за чего они не смогли дольше оставаться на глубине. Извините, я спешу.

Эллингтон оказался прав. Но он даже не предполагал, насколько он был близок к истине.

По мере приближения батискафа к поверхности его уже можно было рассмотреть, и по внешнему виду казалось, что с ним все в порядке. Батискаф плавно двигался к кораблю, Платт сопровождал его со всем своим оборудованием, необходимым для ремонта и проверки аппаратуры. Но, когда уже вроде бы стало ясно, что батискаф находится под надежным контролем, он вдруг совершил странный маневр, прежде чем приблизиться. Должно быть, беда случилась с Диком или Элоизой, а не с механизмами.

Однако обе фигуры в гидрокостюмах, как и ожидалось, одновременно рассекли поверхность и показались над водой.

Следом за ними появился третий человек. Третий человек был похож на Люка. Да это и был Люк!

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Слух о возвращении Люка облетел весь корабль еще до того, как Платт успел закрепить батискаф на тряской платформе рядом с тремя исследователями. Все, за исключением помощника механика, которому нужно было дежурить в рубке, и радиоинженера, высыпали на палубу, чтобы лично удостовериться в том, что невероятное событие — правда.

На доктора Гордона возвращение Люка произвело колоссальное впечатление. Он стремительно вышел на палубу из своего кабинета, позабыв в спешке положить ручку, которую продолжал держать в руке. Его лицо покраснело от волнения и блестело от пота. Гордон вцепился в поручни с такой силой, будто душил врага, его губы при этом беззвучно шевелились.

Питер на какое-то время потерял способность что-либо понимать. Он не мог придумать даже самой нелепой теории, которая бы объясняла возвращение Люка. Если бы Элоиза и Дик наткнулись на его тело, которое могло находиться в

пределах досягаемости — даже это было бы примерно то же самое, что обнаружить иголку в стоге сена. Но Люк жив, он перелез через планшир батискафа без посторонней помощи, снял с головы шлем, присев на корточки на корме.

Без кислорода...

У него не могло остаться кислорода. Его запас кислорода был равен запасу кислорода Питера; всего запаса, содержащегося в двух баллонах, хватало примерно на шесть часов. Через каждые три часа нужно было возвращаться в батискаф и менять пустой баллон на баллон, заправленный кислородом. Следовательно, Люк должен был задохнуться через несколько часов, примерно через четыре часа, после подъема батискафа на поверхность.

Питер обвел взглядом всех, кто стоял на палубе. Все, кроме Мэри и шефа, возбужденно переговаривались. Шеф стоял неподвижно, застыв в напряженной позе и судорожно сжимая перила.

Батискаф теперь двигался вдоль борта корабля; Платт бросил швартовочный конец батискафа, ни на миг не замедляя своих движений, торопясь, чтобы его странный пассажир смог быстрее попасть на палубу. Он первым взобрался на судно, и на него со всех сторон посыпались вопросы, но он, не обращая на них никакого внимания, повернулся ко всем спиной, чтобы помочь подняться на палубу Люку.

Питер думал, что Мэри бросится вперед и повиснет на шее у Люка. Но она не сделала этого. Она даже не присоединилась к группе тех, кто помогал подниматься Люку по трапу. Она просто, не отрываясь, смотрела на него. Несомненно, размышлял Питер, она была права, когда говорила, что он не понимает ее.

Стоило следом за Люком подняться Элоизе и Дику, как их тут же стали осаждать вопросами, на которые Люк так и не ответил. Действительно, он не произнес ни слова и только кивал головой.

До того, как Элоиза и Дик смогли разобраться в вопросах и хоть что-нибудь ответить, шеф протиснулся между Эллингтоном и Хартлундом и овладел ситуацией; он вел себя как человек, имеющий реальную власть и влияние, чтобы направить ситуацию в нужное ему русло.

— Достаточно! — резко оборвал он, и шум тут же прекратился. — Хартлунд, у тебя ясная голова. Отведи Люка в больничную палату и обследуй его с ног до головы. Я спущусь через минуту. Дик и Элоиза, зайдите ко мне в кабинет, вы расскажете обо всем, что произошло. Что касается остальных членов экспедиции — мы узнаем ответы на все интересующие нас вопросы быстрее, если вы не будете беспокоить нас. Пока все!

Все послушно, хоть и нехотя, разбрелись по палубе, время от времени оглядываясь назад. Когда Питер последовал за остальными, первой его мыслью было найти Мэри, но он нигде не смог ее обнаружить.

В пять часов вечера раздалось сообщение: всех приглашали в кают-компанию, где должна была немедленно состояться конференция для всего персонала корабля. Питер в это время как раз сидел вместе со старшим помощником капитана Эллингтоном в кают-компании, потягивая пиво и гадая о том, что могли рассказать Элоиза, Дик и Платт в кабинете шефа. Они до сих пор находились там с того момента, как шеф вернулся, расспросив перед этим Люка.

Через пару минут кают-компания заполнилась людьми. Гордон сел во главе стола.

Гордон улыбался. Казалось, его лицо светилось от радости. В его улыбке чувствовалось тайное удовлетворение, и это очень не понравилось Питеру.

— Ну, хорошо, — начал Гордон. — Элоиза, расскажите нам все по порядку. Что случилось? Расскажите все так, как вы рассказывали только что мне.

У Элоизы был отсутствующий вид, как будто она находилась где-то очень далеко. Когда она заговорила, ее высокий голос дрожал, казалось, она была в замешательстве.

— Спуск на глубину прошел нормально, — сказала она. — И мы без труда нашли место, которое обнаружил Питер, и каменные плитки, о которых он рассказывал. Наверно, нам следовало бы лучше осветить то место, но, может быть, нам удастся сделать это в следующий раз, а пока придется смотреть так, простите.

Вы были совершенно правы, Питер, когда говорили о стенах. Мы боялись, что на нас снова двинется лавина ила, если

мы не будем соблюдать осторожность, поэтому мы решили, что надо опередить события. Мы взорвали в воде, вблизи стены, два заряда весом в четыре унции. Ничего не произошло, только ударной волной смело еще немного ила. Мы заключили, что опасности обвала нет, и приступили к работе, следуя вдоль стен.

Стены окружали большую территорию, площадь квадратной формы, сторона которого равнялась примерно сотне ярдов. Более того, стена продолжалась вниз. На склоне, ведущем вниз, мы нашли что-то вроде огромной ступени, высота которой была больше моего роста. С тех пор, как Мэри и Питер покинули это место, взбаламученный ил, соскользнувший со стены, немного улегся, и когда мы появились там, край «ступени» проступал сквозь слой грязи.

Это все, что касается того, как мы нашли это место. Когда Дик находился снаружи и расчищал основание стены, сигнал, поступивший на гидролокатор, оповестил нас, что какой-то предмет движется по направлению к нам. Предмет двигался из глубины, примерно на том же уровне, на котором находились мы. Я позвала Дика. Предмет был очень большим, а если он был большим, то, возможно, он был еще и голоден, потому что на большой глубине рыбы часто пожирают друг друга. Вскоре мы увидели того, кто двигался к нам. Это был Люк.

Дик продолжил рассказ по знаку Гордона.

— Я подплыл к нему, не веря своим глазам, и попытался заговорить с ним. Но он показал мне, что его гидролокатор забит грязью и не работает. Я помог ему влезть внутрь батискафа и заменил его кислородные баллоны. Мы постарались наладить контакт с ним, дав ему запасной гидролокатор, но это не помогло, тогда мы решили, что его микрофон тоже не работает.

Мы посчитали, что случившееся настолько невероятно, что необходимо сразу вернуться на борт корабля. Что мы и сделали. Во время подъема мы пробовали обменяться с Люком посланиями с помощью записок. Но он был довольно слаб и не смог написать ничего внятного. Мы узнали только то, что из-за обвала ила он попал в ловушку и потерял счет времени. Ему кажется, что он какое-то время оставался без

сознания. Когда он, наконец, пришел в себя и смог освободиться, батискафа рядом уже не было. Он подождал, надеясь, что батискаф скоро вернется, но как раз незадолго до нашего появления у него начала кружиться голова, и он решил подниматься наверх самостоятельно. К счастью, свет маяка спускавшегося батискафа вернул его к действительности и к способности рассуждать здраво.

— И он вполне разумен, — вставил Гордон. — Мы обследовали его с помощью всех доступных нам средств. Он не только в здравом уме, но и физически вполне здоров, если не считать синяков и слабости вследствие перенесенного голода. В настоящее время он отдыхает, спит, поэтому я не стал настаивать на том, чтобы он сам выступил на конференции. Думаю, вскоре он уже снова будет в отличной форме.

Питер подался вперед.

— Шеф, один важный момент. Могу я задать вопрос Фреду Платту?

Рассердившись, что его прервали, Гордон недовольно кивнул.

— Фред, вы проверили использованные кислородные баллоны Люка? Какой запас кислорода там оставался, когда Дик заменил их?

— Приборы показали, что там оставалось кислорода еще на два часа, — ответил Платт, и в зале раздался глухой ропот недоверия. — Я проверил их еще раз на корабельном манометре. Результат тот же. Давление внутри баллона свидетельствует о том, что там кислорода еще на два часа.

— В этом случае, — сказал Питер, стараясь говорить как можно спокойнее, — либо Люк нашел способ перезарядки баллонов на глубине шести тысяч футов в Атлантическом океане, либо у нас на борту воскресший труп.

— Отлично, Питер, отлично! — воскликнул Гордон, в восторге постукивая ладонью по столу. — Приятно слышать столь здравые рассуждения.

Питер сощурился.

— Такой вывод неизбежно вытекает из фактов, — начал он, но шеф резко оборвал его:

— Да, конечно, такой вывод неизбежен. Люк выкарабкался из такой ситуации, которая должна была его убить.

Это не случайность. Не может быть случайностью. Он сам говорит, что ничего не помнит, но тогда нам остается единственная правдоподобная версия.

— Какая же? — пробормотал без особой необходимости Хартлунд.

— Версия заключается в том, что что-то — или кто-то — внизу помог Люку и либо воскресил его, либо не дал ему умереть.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Кто-то помог ему остаться в живых.

Для Питера эти слова имели зловещий оттенок, и помимо его воли в памяти всплыла мрачная картина. Он вспомнил древнюю рыбу латимерию, пойманную в те времена, когда еще считалось, что в природе невозможно встретить живых «древних рыб, имеющих конечности». Латимерия уныло ползала по сосуду с водой, куда ее поместили, и медленно умирала, потому что никто не знал, что она не переносит солнечных лучей, а она сама не могла сказать им об этом.

Вслед за этой картиной он вспомнил впечатление от видов рыб, живущих в аквариуме. Если подтвердятся их догадки, и внизу, там, на большой глубине, живет что-то разумное, то это что-то, скорее всего, враждебно по отношению к человеку.

За столом продолжалось взволнованное обсуждение, некоторые высказывались против доводов Гордона, другие соглашались. Некоторое время шеф не мешал спорящим, потом резко прервал их.

— Хорошо. Пока ни у кого нет другого резонного объяснения, я хочу обсудить наши дальнейшие действия. Мы ограничены количеством и возможностями нашего оборудования. Я хочу точно знать, что находится там внизу. С другой стороны, вне всякого сомнения, эта задача слишком сложна для нашего немногочисленного экипажа, чтобы справиться с ней самостоятельно. — В этот момент вверх взметнулась рука. — Да, Эллингтон?

— Шеф, мне бы хотелось услышать, что скажет Люк.

— Сейчас это невозможно. Мы должны дать ему выспаться в течение суток. Я передал вам суть этой истории, то же попытались сделать Элоиза и Дик. Мы можем только надеяться, что сон прояснит сознание Люка. По его собственному предположению, перед тем, как его нашли, он находился в бессознательном состоянии. Если этого не произойдет, мы должны будем сами принимать решение. Что скажете, Платт?

Старший механик нахмурился.

— Я бы хотел увидеть собственными глазами, что там внизу. Сейчас я могу только строить предположения. Я голосую за то, чтобы предпринять еще один спуск на глубину, снарядив батискаф всем возможным оборудованием. Я колеблюсь между двумя вариантами: послать двух людей для того, чтобы они смогли дольше оставаться на глубине, или трех, что позволит сразу двум водолазам работать снаружи.

— Мы пошлем двоих. Элоиза и Дик должны отдохнуть в течение сорока восьми часов, Люк тоже для этого не подходит. Даже если он по своему физическому состоянию будет готов, я не хочу разрешать ему новое погружение на глубину до тех пор, пока он не пройдет тщательное медицинское обследование. Остаются Питер и Мэри. Кстати, а где Мэри? Шеф оглянулся вокруг.

— Она дежурит возле Люка, — сказал Питер.

— Хорошо. Да, для проведения полномасштабного исследования нам необходим, кроме нашего батискафа, батискаф русских, и я почти уверен, что они не откажутся приплыть сюда. Кроме того, за неимением лучшего варианта мы должны пригласить французов и попросить, чтобы они одолжили нам несколько своих батискафов. Англичане тоже пытаются создать новый глубоководный батискаф, управляемый на расстоянии, который сможет погружаться на большую глубину, чем удавалось до сих пор.

— И который не обнаружит ничего, кроме ила, — поспешил вставить Дик Лешер. — Шеф, чтобы изучить все то, что находится внизу, нам нужно изобрести море новых приборов. Черт возьми, зарываться в ил на глубине четырех тысяч футов — довольно сложная задача!

— Согласен. Но для первого раза у нас есть весьма захватывающая информация, почти такая же любопытная, как и то, что может предложить программа исследования космоса. И даже еще интереснее!

— Вы думаете, что внизу могут существовать какие-то дружелюбные и разумные существа? — задал вопрос Хартлунд.

— Если мы примем единственно возможное разумное объяснение спасения Люка, то да.

По мере того, как они приближались к цели, и пока Мэри пыталась обнаружить характерное эхо с помощью гидролокатора, Питер пристально вглядывался в небольшие иллюминаторы. Интересно, сможет ли он что-нибудь увидеть, и видел ли что-либо Люк. Когда они начали погружение, Люк все еще спал.

Они давно миновали тот уровень, где море изобиловало разнообразной живностью и когда на ум приходило сравнение его с колыбелью всего живого. Это не значило, что на большой глубине вовсе не было жизни. Но тут фауна была представлена очень немногочисленными видами. Кроме того, один из немногих недостатков освещения с помощью маяка заключался в том, что он нагревал воду вокруг себя, и глубоководные рыбы, привыкшие к низким температурам, уплывали от него прочь. Возможно, маяк испускал ультразвуковые волны, отпугивавшие их от батискафа.

— Прибыли, — сказала Мэри внезапно. — Есть! — добавила она.

Питер подумал, что так говорят, когда входят в порт незнакомого города. Он направился к шлюзу, чтобы наблюдать за ее маневрами на последних ста футах.

На этот раз они причалили батискаф так, чтобы в случае необходимости можно было на некоторое время покинуть батискаф вдвоем, хотя им был дан строгий приказ ни в коем случае не рисковать и без крайней необходимости не выходить наружу одновременно. Прежде всего, они нашли подходящее место для маяка с гидролокатором, который нужно было включить, выходя из батискафа.

Питер вышел первым. Он начал с того, что осмотрел ту же территорию, которую обследовали Дик и Элоиза. Они,

похоже, сделали все, что было возможно. Не имея никакого специального устройства вроде сверхмощного «пылесоса», трудно было исследовать голые стены на большее расстояние, чем это уже было сделано.

Тем временем Мэри «фотографировала» склоны с помощью сканирующего гидролокатора, пытаясь определить природу почвы.

Первая шестичасовая смена прошла за тщательным, терпеливым завершением того, что было сделано раньше. В следующую смену надо будет заняться другим, решил Питер.

— Давай подытожим все, что мы узнали, — сказал он. — Мы сделали все, что могли. Остальное закончим в следующий раз. Я предлагаю прекратить работу на этом участке и спуститься вниз вдоль склона горы, чтобы посмотреть, нет ли там похожего места, такого, где мы могли бы сами очистить от ила поверхность стены. Будет жаль, если действительно интересные вещи окажутся похороненными на самом дне долины — ведь к тому времени, когда на дно сползет несколько тонн грязи, нам не о чем уже будет беспокоиться.

Мэри не возражала, и батискаф с уцепившимся за его обшивку Питером начал опускаться вниз, погружаясь на сто футов за один этап. После каждого этапа они по очереди отплывали от батискафа и осматривали склон горы, но каждый раз гидролокатор показывал, что ил плотным слоем покрывает камни и другие остатки, находившееся на этой территории.

Они опустились почти на тысячу футов, но так ничего и не обнаружили. Самое чудесное было то, что они свободно двигались и дышали на этой чудовищной глубине. Мэри сделала пометку о том, на какой точно глубине они находятся, чтобы в очередной раз подтвердить эффективность метода Островского-Вонга.

— Ничего нет, — пожал плечами Питер. — Ну ладно. Мы попытаемся обойти эту стену сбоку.

Они вновь вернулись к исходному пункту и начали двигаться от него в горизонтальном, а не в вертикальном направлении. Они ограничили диапазон поиска до тысячи футов и вскоре нашли кое-что — основание круглой башни, вокруг которой скопилась куча ила. Обширная полость сооружения

была забита грязью, и поблизости от нее Мэри и Питеру больше ничего не удалось обнаружить.

Тем не менее они провели там более трех часов, определяя форму и размеры постройки с помощью гидролокатора и отбивая кусочки для изучения и анализа. Кусочки были из очень тяжелого материала, но это был не камень. Питер задумался о том, какая катастрофа могла привести к уничтожению башни. Может быть, на нее упала часть горы. Трудно было догадаться, что еще могло вызвать такие разрушения, если исключить попадание тяжелого снаряда.

Исследователи двинулись обратно по своим следам, вновь и вновь тщательно осматривая все вокруг. Время от времени гидролокатор регистрировал какие-то предметы, но большинство из них нельзя было принять во внимание, поскольку те находились слишком близко к поверхности и, следовательно, попали в ил совсем недавно.

— Ну хорошо, теперь нам осталось только обследовать склон, двигаясь наверх, — сказал Питер, когда они прошли еще один отрезок в тысячу футов. — Возьмем с собой бакен, чтобы потом иметь возможность снова спуститься вниз, или пока не будем?

— Пока не будем. Я бы предпочла все обсудить. Кроме того, если мы станем брать пробы на таком небольшом расстоянии друг от друга, это может запутать всю картину.

— Хорошо. Давай отправимся прямо к вершине склона, где был погребен Люк. Там может быть разлом у основания стены или какая-нибудь «ступень» вроде той, что мы видели...

Руах и остальные существа его рода имели неограниченную власть над другими.

Когда-то они были в состоянии ухаживать за собой; они сами добывали для себя продовольствие и могли прокормить себя. Они ели редко, но когда приходило время, то поглощали пищу в огромных количествах. Но, поскольку вся власть была сосредоточена в их руках, они заставляли других работать на себя. Прошло много времени с тех пор, как они перестали обходиться своими силами. Это произошло давным-давно, еще до того, как они пришли на Землю.

Когда они появились на Земле, на этой фантастической, кажущейся неистощимой райской планете, они стали другими:

беспечными и невероятно прожорливыми. Они ели ради получения удовольствия, аппетит их вырос до гигантских размеров, и вскоре они не в состоянии были собрать себе пищи даже на одну трапезу.

То же произошло и с Руахом. Случилось так, что когда все сородичи покинули его, он попытался отправиться на поиски другого города, жителей которого он заставил бы искать для себя еду, но не смог самостоятельно сдвинуться с места хотя бы на несколько ярдов...

Его медленное умирание было ужасным. Он сделался неподвижен. Бактерии, вызывающие гниение у земных организмов, в огромном количестве населили его иноземную плоть, но она показалась им плохой питательной средой, и долгое время он внешне не изменялся. Поэтому бродившие по стране люди, среди которых попадались и его бывшие подданные, предупреждали о нем своих соплеменников и старались обходить его стороной.

В конце концов, один из видов симбиотических бактерий, поселившихся в его теле, положил начало процессу разложения. Когда море прорвалось в эту долину, тело Руаха представляло собой скопление газов, образовавшихся в результате разложения, и оно всплыло на поверхность воды как грязная резиновая игрушка. Некоторое время оно болталось на волнах океана

Потом сильный порыв ветра швырнул его на обломки башни города, в который он когда-то стремился. Газы со свистом вышли через прорванное в шкуре отверстие, вода наполнила тело водой, и оно затонуло.

В воде бактерии, превратившие его тело в пустой мешок, прекратили свою работу, а их родственники, попавшие в воду с материка, не смогли завершить ее. Постепенно его останки все больше погружались в ил.

Здесь что-то было! Сердце радостно подпрыгнуло в груди у Питера. Грязь действительно не полностью скрывала обломки другой стены. Стена выглядела искривленной, возможно, это основание другой круглой башни. Питеру показалось, что в куче грязи, не успевшей сползти и обвалиться, что-то есть. Что-то большое, лоснящееся, довольно гладкое, слегка прогибающееся под давлением. И огромное.

Оно было таким огромным, что даже после того, как Питер обнаружил весь предмет целиком, он все равно не мог определить, что это такое; в этот момент он услышал оглушающий крик Мэри. Он молниеносно развернулся в воде и бросился к батискафу.

— Нет, Питер! Со мной все в порядке! Но посмотри!

Он обернулся, посмотрел и ужаснулся.

Он увидел животное длиной в тридцать или даже более футов, с длинными конечностями и раздувшимся огромным животом. Его тусклые, занесенные грязью глаза, казалось, уставились прямо на него.

Такое могло привидеться только в ночном кошмаре.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Наступила долгая пауза, тишина была так же бесконечна, как окружавший их океан.

Когда, наконец, Мэри нарушила ее, голос ее слегка дрожал.

— Знаешь, я собиралась выдвинуть предположение, что спасение Люка стало результатом побочного эффекта метода Островского-Вонга. Я готовилась осыпать насмешками теории шефа. Но теперь...

— Теперь мы нашли жизненную форму, совершенно не похожую на все, что было известно до сих пор.

Питер постарался, чтобы его слова прозвучали достаточно твердо.

— Это настолько ни на что не похоже, что я даже готов предположить, что существо обладало разумом.

— Я рада, что оно мертво, — прошептала Мэри.

— Я тоже... Как ты думаешь, батискаф сможет поднять его?

Она не сразу поняла его.

— Ты с ума сошел? Ты хочешь поднять это на поверхность? Ради всего святого, мы не сможем откопать его из грязи! Даже, если бы мы смогли это сделать, то при подъеме перепад давления отразится на нем самым плачевным образом, и оно развалится на кусочки.

— Я не уверен в этом, — пробормотал Питер.

Он нырнул обратно к мертвому животному и начал внимательно осматривать его, соскребая ил горстями — вокруг ног. Под раздутым животом твари он обнаружил треугольное отверстие, вокруг которого лоскут жесткой шкуры был разорван то ли острым краем скалы, то ли камнем. Он почти с головой зарылся в ил, пытаясь разглядеть все как можно лучше.

Наконец он вылез из грязи, бормоча себе под нос:

— Нет, ты не права. Ничего от него не осталось, кроме шкуры и скелета, а шкура необычайно толстая и непроницаемая. В ней есть одно отверстие, через которое проникла вода. Все остальное сохранило прочность, а внутри него все заполнено не грязью, а водой. Насколько я могу судить, его можно обвязать веревкой и тащить за собой без всякого риска. Не думаю, что его разорвет при подъеме, ведь при той скорости, с которой поднимается батискаф, давление будет выравниваться благодаря отверстию в животе.

— Питер, даже если это возможно, я думаю, мы не осмелимся это сделать! Предположим... предположим, что мы обнаружили что-то вроде кладбища таких животных! Нам бы понравилось, если бы кто-то пришел и начал раскапывать наши кладбища?

— Не стоит все оценивать с точки зрения антропоцентризма! — резко оборвал ее Питер. — Что дает тебе основание предполагать, что они сознательно хоронили своих мертвецов? В любом случае, это существо было покрыто таким толстым слоем ила до того, как произошел обвал, что, по-видимому, оно находится здесь не одно столетие. Не забывай, что это наше последнее погружение перед возвращением домой. Мы избавимся от тысячи ненужных проблем, если захватим зверюгу туда, где сможем его тщательно исследовать.

— Ну хорошо. Я уступаю. Давай, привязывай его.

Через несколько минут батискаф буксировал за собой тело чудовища на двух туго натянутых четвертьдюймовых тросах. Питер и Мэри с изумлением наблюдали за этим, задавая себе вопрос, может ли то небольшое количество грязи, в которую все еще было погружено животное, засасывать

его с такой силой. Но это происходило не из-за грязи. Труп животного перемещался очень медленно, двигаясь по илу, как трактор по снегу.

— Но туша не везде наполнена грязью. Этого просто не может быть! — воскликнул Питер.

Мэри посмотрела на него — выражение ее лица было довольно кислым.

— Нет, дело не в этом. Разве ты не понял? Оно само очень тяжелое, Питер.

Питер судорожно уцепился за поручни. Он вдруг с необычайной остротой представил себе, как мертвое тело тащит их вниз, на самое дно, в то время как он отчаянно пытается перепилить тросы и освободить батискаф.

Потом равновесие сместилось, огромная энергия атомного маяка, образующаяся в резервуарах при расщеплении воды на атомы, преодолела критический порог, кошмарный труп вырвался из своей грязевой могилы и начал медленно раскачиваться на тросах под батискафом, вне поля их зрения. Батискаф продолжал равномерный подъем.

В какой безумный мир попали они, погрузившись на такую глубину?

На корабле «Александр Бах» воцарилась благоговейная тишина. С тех пор, как труп животного закрепили на корме с помощью лебедки и импровизированного подъемного крана, члены экспедиции и команды ходили с отсутствующими и таинственными лицами, разговаривали мало и только об этой загадочной находке.

Даже шеф, хотя он и был в восторге от найденного Питером и Мэри животного, был подавлен. Причина такого настроения, вероятно, крылась в том, о чем он сказал первооткрывателям в кабинете во время приватной беседы сразу после их возвращения.

— Я не знаю, что из этого всего выйдет, — пробормотал он. — И никто не будет знать этого еще долгое время. Кто построил город, который мы обнаружили, — такие существа, как тот, кого мы нашли, или же нет? Если да, то как они смогли исчезнуть с лица земли, не оставив никаких следов, за такой короткий по геологическим меркам промежуток времени? И почему мы не нашли родственных видов?

Проклятье, сто тысяч лет — это не такой уж большой промежуток времени по земным меркам! Экспедиции, подобной нашей, еще не было в истории, экспедиции, в результате которой возникло так много вопросов, не имеющих пока ответа!

По унылому выражению лица шефа можно было явственно ощутить, что все его иллюзии тают как дым. В течение нескольких сумасшедших дней ожили все так долго подавляемые мечты старого ученого о затонувшей цивилизации, накопленные и позабытые знания которой снова смогут стать доступными и полезными всему человечеству; теперь же кошмарное чудище разбило многие из его надежд, он был потрясен и раздавлен.

Несмотря ни на что, им многое нужно было сделать. На базу Атлантического Фонда полетела радиограмма, без подробного описания открытий, но с упоминанием об их огромном значении.

Первое: останки затерянной цивилизации.

Второе: человек остался жив тогда, когда по всем законам природы он должен был умереть.

Третье: тело животного, которое не напоминало ни одно ранее изученное живое существо, встречающееся на земле или в море. Скелет животного состоял из множества частей и был тяжелее и плотнее, чем гранит, эластичная шкура была такой жесткой, что они затупили не одни ножницы по металлу прежде, чем смогли отрезать небольшой образец для изучения.

На следующее утро батискаф будет готов к буксировке, и тогда они могут возвращаться. Все члены экспедиции предпочли бы отправиться домой сразу, но Фреду Платту и двум его помощникам предстояло немало работы. Необходимо было построить салазки и приварить якорные стойки к раме обшивки, для того чтобы как следует закрепить труп животного на корме. Если по дороге домой они попадут хотя бы в небольшой шторм, имея незакрепленный груз, им грозят серьезные неприятности.

— Бог мой! — внезапно воскликнул Питер. С тех пор, как они поднялись на корабль, прошел час. — Мы забыли включить маяк, который оставили на глубине.

Он разыскал шефа и начал пространно оправдываться. Но шеф рассеянно отмахнулся от него.

— Скажи Фреду, пусть опустит еще один маяк, — предложил он и тут же ушел.

Но все было не так просто. Платт нахмурился и пообещал что-нибудь придумать. Он вернулся с одним из роботов, сделанных в виде рыбы и предназначенных для аварийных работ. Робот был снабжен самонаводящимся гидролокатором, который должен был начать действовать по сигналу после того, как достигнет уровня, на котором расположен город. По расчетам, робот должен будет кружить вокруг обозначенного места в течение ста дней в пределах сотни футов от исходной точки.

Подготовка робота также задержит их отплытие домой.

Занимаясь отчетами, фотографиями, осмотром тела животного, Питер вдруг подумал, что, хотя он на корабле уже несколько часов, он ни разу за это время не встретил Люка. Возможно, его встревожил звук знакомых шагов; через минуту ему показалось, что он услышал стук в дверь каюты.

— Да? — пробормотал он, не оглядываясь.

Дверь отворилась. Это был Люк, в халате и пижаме; вид у него был заспанный и, как показалось Питеру, какой-то неуверенный.

— Люк! Как ты себя чувствуешь? — спросил Питер, поднимаясь навстречу.

Глаза Люка блуждали по каюте, как будто он видел все не очень отчетливо.

— У меня все прекрасно, — сказал он, широко зевая. — Я спал, но не думаю, что мне понравится спать несколько недель подряд.

— Ты проспал всю суматоху, поднявшуюся при нашем возвращении на борт?

Питер с трудом мог в это поверить. Шум от падающего на палубу тела животного мог бы разбудить и мертвого...

По его спине пробежали мурашки, когда он с запозданием понял, что, вероятно, именно в таком состоянии и находился Люк.

— Должно быть, я проспал все самое интересное, — согласился тот. — Я проснулся только несколько минут назад.

Я хотел как можно лучше отдохнуть до вашего возвращения, понимаешь?

— Так ты еще не видел, что мы подняли в этот раз? — с этими словами Питер потащил Люка за рукав халата из каюты. — Ты будешь потрясен. Это выглядит так, что тайна твоего спасения будет оттеснена на второй план! Ты... Гм... Помнишь что-нибудь еще, кроме того, о чем нам рассказывал Гордон и Дик с Элоизой до нашего погружения?

Питер замолчал и огляделся вокруг. На подвижном лице Люка на мгновенье появилось страдальческое выражение.

— Я был без сознания. Более того, мне кажется, что я погрузился в какое-то состояние вроде анабиоза из-за пережитого потрясения, когда оказался погребенным под слоем ила. Возможно, это как-то связано с принципом Островского-Вонга.

— Ладно, рано или поздно мы выясним это. А сейчас...

Почти волоча за собой Люка, Питер стремительно вылетел на палубу.

Он предполагал, что зрелище потрясет Люка, но не был готов к такому эффекту! Обогнув рубку и оказавшись практически нос к носу с чудовищем, Люк замер на месте и побелел. Он застыл, казалось сердце его перестало на какое-то время биться, затем его губы зашевелились, как будто он вот-вот закричит.

— Стой! — сказал Питер, взяв его за руку, так как он испугался, что Люк может упасть в обморок. — Смотри, чудовище ужасно, но оно мертво. Это всего лишь пустой мешок с костями.

— Мертво? — как эхо отозвался Люк, все еще не веря. Он осторожно шагнул вперед, кулаки его были крепко сжаты.

— Конечно. Как ты думаешь, могло бы это чудище спокойно валяться на палубе и позволило бы оно Фреду прикрепить себя цепью, если бы оно было живым? — Он показал в сторону механика, который использовал часть двутавровой, чтобы закрепить цепь, опутавшую тело монстра.

Очень осторожно, соблюдая дистанцию, Люк начал обходить вокруг тела животного, изучая его. Время от времени он кивал, когда вернулся к исходной точке, Питеру показалось, что его товарищ уже пришел в себя. Люк облизнул пересохшие губы.

— Да, конечно. Глупо было с моей стороны пугаться. Я не знаю, почему это так меня поразило.

Он рассеянно вытер лицо рукавом халата.

Питер смотрел на блестящую коричневато-черную шкуру животного, на которой от солнца проступили яркие пятна.

— Бог знает, что это такое, — сказал он. — Биологи, наверно, с ума сойдут, увидев его. Не хочется мне ждать так долго, чтобы узнать, что они скажут. Хотя пять дней — это не так уж много.

— Пять дней? — Голос Люка прозвучал пронзительно. — О чем ты говоришь? Мы, насколько я знаю, в пяти днях пути от дома.

Питер был удивлен.

— Да, конечно! Мы отправляемся завтра утром, разве ты не знаешь...

— Нет, я ничего не знаю. Но мы не можем отправиться домой завтра, — глаза Люка блестели лихорадочным огнем. — Интересно, чья это была идея? Наверняка глупого Гордона! Придется одолжить ему немного своих мозгов...

Он развернулся и исчез раньше, чем Питер опомнился. Питер не успел догнать приятеля, и тот ворвался в каюту шефа, крича с порога:

— Какого черта, почему вы решили возвращаться до того, как я еще раз погружусь на глубину?

Шеф отступил назад, расставив руки так, как будто хотел защититься от нападавшего на него Люка. Питер громко позвал на помощь. Эллингтон появился из кают-компании, держа в руках стакан с пивом, как раз в тот момент, когда Люк совсем потерял самообладание и начал кричать.

Зажав Люка между собой, Питер и Эллингтон отвели его в каюту и дали успокоительное. Несмотря на все лекарства, которые его заставили принять, Люк лежал без движения с закрытыми глазами и продолжал непрерывно бормотать о том, что ему необходимо совершить еще одно погружение; его лицо было искажено гримасой боли.

Мэри опять вызвалась дежурить возле его постели.

Было около трех часов утра, когда все проснулись от пронзительного крика. На палубе раздались голоса. Эллингтон, стоявший на вахте, пытался выяснить, работает ли Платт на

батискафе. Питер, который незадолго до этого с трудом заснул, решил выйти на палубу и узнать, что случилось.

На палубе он увидел свободно брошенный причальный конец и на четверть погруженный в воду батискаф. Из обрывков фраз Питер понял, что все слишком напуганы, чтобы быстро и четко оценить происшедшее.

Подозревая самое худшее, он стремглав бросился к каюте Люка. Там он увидел Мэри, сгорбившуюся на стуле возле смятой кровати — на ее левом виске расплывался синевато-багровый кровоподтек.

Люка нигде не было.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

— Он ударил меня бутылкой с водой, — уныло проговорила Мэри. Элоиза прикладывала примочку к ее виску. Все — и корабельная команда, и члены экспедиции в пижамах и халатах, сгрудившиеся вокруг них на палубе, ярко освещенной звездами, — выглядели фантастично.

— Но откуда он взял силы? После всех успокоительных средств, которые мы ему дали, он не должен был шевелиться, по крайней мере, в течение двенадцати часов.

— Он все время находился в сильном возбуждении, почти в горячечном бреду. Около двенадцати ночи он открыл глаза и попросил воды. Я дала ему попить и поинтересовалась, как он себя чувствует. Он ответил, что чувствует ужасную боль, но не мог объяснить мне, что это за боль. У него сильно болела голова. Я спросила, не хочет ли он принять веганин или что-нибудь еще, но он отказался, сказав, что это не поможет. Потом Люк снова заснул и проспал еще час или два, я тоже задремала. Когда я проснулась, то увидела, что он садится на кровати и берет в руку бутылку с водой. От изумления я не успела даже пошевелиться, а потом он ударил меня.

— Эллингтон, какого черта, что вы делали все это время?

Гордон повернулся к старшему помощнику, который только развел руками.

— Какие у меня были основания ожидать неприятностей? — сказал он, оправдываясь. — Я знал, что на следующий день утром мы собирались отплывать, поэтому, когда я увидел, что кто-то спускается вниз к батискафу, решил, что это Фред поднялся пораньше и решил подготовить батискаф к буксировке. Я закричал, как только увидел брошенный конец веревки, но я думал, что Люк все еще находится под воздействием транквилизаторов, а кому, кроме него, мог понадобиться батискаф?

Платт фыркнул.

— Он включил маяк? Я не видел этого, потому что он погрузился в воду до того, как я вышел на палубу.

— Нет. Если бы я увидел включенный маяк, я бы знал, что что-то не так, разве нет? — Эллингтон уже почти сорвался на крик. — Он не включал маяк до тех пор, пока резервуары полностью не погрузились в воду.

— Хорошо, Эллингтон, — устало прервал его Гордон. — Мы не поможем делу, если будем кричать друг на друга. Как насчет запасов на батискафе, Фред? Ты ведь не успел погрузить на него все необходимое?

— Нет. Но мы точно установили, что батискаф надежно защищен от неосторожного обращения, запас кислорода небольшой, но его хватит, если Люк только спустится на глубину и тут же вернется. Я не уверен, что он сможет долго пробыть на дне. Остается неясным, что он намеревается там делать? Он находится в невменяемом состоянии, и мы вряд ли сможем предугадать его действия.

Питер взглянул на Мэри. Она нервно кусала губы, но не от боли и не из-за синяка. Синяк к этому времени был уже аккуратно припудрен. Какая ужасная неразбериха, наверное, царит в этой хорошенькой головке, и все из-за Люка. Интересно, о чем она сейчас думает? Питер страстно желал бы получить ответ на этот сводивший его с ума вопрос, да и на другие тоже.

Чтобы отвлечься от этих мыслей, он спросил:

— Что мы будем делать?

Элоиза фыркнула, это получилось у нее не очень-то женственно.

— Вопрос на шестьдесят четыре доллара, ждите ответа, — сказала она едко. — Что еще мы можем делать? Нырять вслед за батискафом и тащить его обратно?

— Замолчи, Элоиза! — приказал Гордон. — Эллингтон, включите радио и проверьте, нельзя ли поймать станцию военно-морского ведомства? Выясните, нет ли недалеко от нас быстрой подводной лодки. Люку понадобится около трех часов для того, чтобы спуститься на глубину двух тысяч футов. Если рядом с нами окажется подводная лодка, у нас есть шанс поймать его с помощью ковша, сети или еще чего-нибудь.

Эллингтон кивнул и направился в радиорубку. Дик Лешер хотел удержать его за руку, но потом передумал и обратился к Гордону.

— Сети обычно не входят в стандартное снаряжение подводных лодок! — воскликнул он. — Если они зацепят батискаф с помощью крюка, не попытается ли Люк отцепиться и продолжить погружение, пользуясь только внутренним источником энергии?

— Как уже говорил Эллингтон, мы имеем дело с человеком в невменяемом состоянии, поэтому мы не можем предвидеть его поступки, — сказал Гордон угрюмо. — Батискаф слишком велик для того, чтобы мы могли его удержать с помощью нашего снаряжения, или, как я предлагал, тащить его по дну. Эта задача нам не по силам. Итак, уникальный технический прибор стоимостью в пятнадцать миллионов оказался в руках сумасшедшего, который направляется на дно океана. К тому времени, когда мы выловим батискаф, — если выловим, конечно, — он уже устареет. Проклятье! — В наступившей вслед за этим взрывом мертвой тишине все услышали голос Эллингтона, который в радиорубке вызывал на связь станцию военно-морской базы.

— Может быть, Люк быстро успокоится. Я имею в виду, что, возможно, на него нашло временное затмение. Он спустится вниз, а потом вернется, и все снова будет нормально, — задумчиво предположил Хартлунд.

— Возможно, но я сомневаюсь в этом, — вздохнул Гордон. — У кого-нибудь создалось такое впечатление, что Люк, во что бы то ни стало стремился вниз, чтобы закончить работу? Я не психолог, — добавил он, — просто у меня возникла одна мысль.

Мэри отрицательно покачала головой.

— Мне показалось, что его толкнула на это боль, от которой он так страдал.

— Тогда вряд ли он вернется назад. Хартлунд, вы не знаете, нет ли поблизости от нас инспектирующего эти воды военно-морского корабля? Мы не можем сидеть сложа руки и ждать возвращения Люка, мы могли бы попросить кого-то еще обследовать территорию вокруг, пока не станет совершенно ясно, что он потерялся.

— Я проверю, — Хартлунд кивнул и, стиснув в зубах трубку, направился на капитанский мостик.

Из радиорубки вернулся Эллингтон.

— Я сделал все, что мог, шеф, — сказал он уныло. — Я обнаружил одну подводную лодку, английскую, одну из последних моделей. Субмарина проходит испытания на расстоянии тридцати шести миль отсюда. Она работает на атомной энергии. У них есть проблемы с управлением на больших скоростях, но они постараются сделать все возможное, чтобы нам помочь. Если все пойдет хорошо, они появятся возле нас через сорок минут.

— Что? — воскликнули сразу несколько человек одновременно.

— Так они сказали. Сорок минут. Очевидно, когда с их лодкой все в порядке, она — настоящий зверь. Вряд ли они скажут нам, какую максимальную скорость она может развивать, но, должно быть, не меньше семидесяти узлов в час. Проблема в том, что в ее конструкцию вкрались технические дефекты, так они сказали.

— Будем надеяться, что ни один из них не проявится на пути к нам. Это первый проблеск надежды за последнее время.

Было заметно, что Гордон немного успокоился.

— Смотрите! — сказал Хартлунд и указал на V-образное свечение на поверхности воды.

— Это не похоже на субмарину! — возразил Питер, стараясь разглядеть неясный силуэт.

— Конечно, нет. Это базовый корабль. Возможно, переоборудованный торпедоносец. Тогда и их подводная лодка действительно такая быстрая, как они сказали. Да. Смотрите, корабль пускает фонтаны!

Термин, употребляемый в китобойном промысле и больше уместный при описании кита, чем корабля, в данном случае очень точно передавал картину. Судно с тупым округлым носом, рассекавшее воду в полумиле от них, выглядело как огромное морское животное, хотя полное сходство нарушалось короткими тупыми выступами, служившими, по-видимому, управлением. Четыре из них отходили от корпуса под прямым углом и были загнуты назад. Никакой надстройки над палубой судна, только корпус обтекаемой, как у рыб, формы, и выступы, похожие на плавники.

Базовый корабль развернулся неподалеку от них, на расстоянии, позволявшем вести переговоры. Через секунду к ним с корабля обратились через громкоговоритель. У говорившего был ярко выраженный британский выговор.

— Эй, на корабле! Я надеюсь, на борту находятся только ученые, которые абсолютно равнодушны к военной технике. Предполагалось, что никто, кроме нас, не должен видеть вблизи нашу крошку. Скажите, что вы хотите от нас, и мы постараемся вам помочь.

Хартлунд посмотрел на часы.

— Тридцать шесть миль за тридцать восемь минут, — прошептал он. — Вполне вероятно, они смогут поймать его!

Шеф отвечал англичанам через громкоговоритель, излагая самую суть.

— С какой скоростью погружается ваш батискаф? — спросил английский офицер.

— Он не погружается. Он просто тонет, и тонет тем медленнее, чем глубже он опускается. Спуск продолжается уже около часа, и, вероятно, сейчас он находится на глубине примерно тысячи футов, но постепенно его движение вниз замедляется.

— Отлично! К счастью, три четверти часа по дороге к вам, наша лодка работала бесперебойно. Но это означает, что в любой момент может случиться поломка. Скрестите пальцы, может, все обойдется.

Наступила пауза. Питер услышал за своей спиной движение, повернул голову и увидел Мэри. Она вышла на палубу с белой повязкой на голове, скрывающей синяк на виске.

На корме субмарины загорелся свет, они услышали, как гремят цепи.

— Готовится снаряжение для того, чтобы подцепить ваш батискаф, если он будет обнаружен, — доложил офицер. — Боюсь, что удалось найти только какое-то импровизированное приспособление, но, если будет, что подцеплять, то оно должно выполнить свою задачу.

— Постарайтесь, чтобы трос был прочным и длинным, — предупредил шеф. — На батискафе смонтирован маяк, работающий на атомной энергии. Вам необходимо держаться от него на расстоянии, по крайней мере, пятнадцати футов.

— Мы подойдем на расстояние девяноста морских саженей, не больше, — спокойно ответил офицер.

Свет на корме погас. Наступила еще одна пауза. И потом...

— Бог мой! — выдохнул Хартлунд и чуть не выронил трубку изо рта. Подводная лодка опустила нос в воду так резко, что ее кормовые выхлопные, трубы выбросили в небо фонтан кипящей воды высотой в двести футов. Когда лодка скрылась в глубине, палуба закачалась у них под ногами.

Питер и Мэри на протяжении долгих томительных часов сидели в молчании на палубе и пристально смотрели на воду, время от времени впадая в короткое забытье. Без батискафа им нечего было делать до возвращения домой за исключением одного — помогать закрывать чем-нибудь тело монстра на корме. Платт занимался этим, приспосабливая полотняные навесы.

Двое английских офицеров с плавучей базы приплыли к ним на судно на моторной лодке. Гордон пригласил их на завтрак, после завтрака гости осмотрели тело животного. В свою очередь, шеф и Хартлунд были приглашены на ленч на английский корабль, но их сразу предупредили, что им не разрешат его осматривать, так как оно принадлежало военному ведомству.

Новостей никаких не было.

Сгущались сумерки, когда подводная лодка вернулась в зону досягаемости гидролокатора, и сообщения, поступившие с нее, не оставляли больше никаких надежд. С подводной лодкой все было в порядке.

Команда обнаружила батискаф и попыталась связаться с Люком, но безуспешно. Потом завязали скользящий узел на цепи...

— Что? — спросили все, кто был на корабле, когда услышали это. Английский офицер закашлялся и выглядел немного смущенным.

— Да, а почему бы нет? Такой узел часто применяют на практике лоцманы, вы сами знаете. Зачем еще мы бы стали брать с собой цепи длиной девяносто морских саженей?

— Как иголка и нитка? — недоверчиво спросил Хартлунд.

— Точно. Потом они забросили лассо на батискаф и хорошенько закрепили петлю перед тем, как начать тащить его наверх. Но ваш парень достал где-то сварочный аппарат и перерезал цепь.

— О, Господи! — тихо простонал Гордон.

— Естественно, это затруднило завязывание еще одного узла. Но они справились с этим, поймали батискаф во второй раз, и он снова перерезал цепь. У нас на борту нет никого, кто мог бы воспользоваться методом Островского-Вонга, поэтому мы не могли выйти из подводной лодки только в резиновых костюмах, к тому же он был вооружен сварочным аппаратом. Говорят, это страшный вид оружия. У него пламя вырывается на расстояние вытянутой руки.

— Да, это правда, — заметил Платт, все это время внимательно слушавший офицера.

Несмотря на опасность, они последовали за ним, но он кружил вокруг них, пытаясь привязать их к батискафу веревкой, и тогда командир подводной лодки приказал им вернуться, решив, что игра не стоит свеч.

Офицер пожал плечами, и вид у него был извиняющийся.

— Мне очень жаль, но мы не могли ничего больше сделать.

Действительно, до того, как будет найдено другое решение, делать было нечего. Поскольку батискаф был потерян, им теперь придется ждать либо до тех пор, пока русские приплывут со своим батискафом из района Тихого океана, либо пока будет построен новый аппарат. Если у русских нет запасного батискафа, это — значит, что «следующая» модель существует пока только в чертежах конструкторов. Доступ в затопленный город закрылся перед экспедицией так же плотно, как если бы он был надежно спрятан за запертыми воротами.

Судно королевского флота, занимавшееся охраной рыбных популяций в этих водах, приплыло как раз в тот момент, когда они собирались запустить моторы, чтобы покинуть место поисков. Судно было вызвано по просьбе командира подводной лодки для того, чтобы вести наблюдение в этом районе на случай, если батискаф поднимется на поверхность. В течение следующего часа к расположению приблизилась американская субмарина «Гондвана», после чего подводная лодка англичан была спешно отозвана Департаментом подводной картографии на ее обычную стоянку по другую сторону Среднеатлантической гряды. «Александр Бах» направился к дому.

— Как ты думаешь, Люк вернется во второй раз? — спросила Мэри у Питера, когда они смотрели на уменьшавшиеся вдали корабли.

Питер пожал плечами.

— Все в руках божьих, — ответил он.

— Гм... так и быть. Я скажу тебе. В этот раз я не очень беспокоюсь о Люке. Питер, ты, наверно, думаешь, что я веду себя странно, и я должна извиниться перед тобой за то, что обрывала тебя, когда ты хотел помочь. Ты был так добр ко мне... Видишь ли, я не рассказала тебе до конца историю о себе и Люке. Хочешь услышать ее окончание?

Корабль набирал скорость, и порыв ветра разметал волосы по лицу. Питер смотрел на Мэри, размышляя о том, почему она рассказывает ему эту историю. Что это, внутренняя потребность высказаться, или она считает это своим долгом перед ним?

Наконец, он кивнул головой и приготовился слушать.

Мэри неотрывно смотрела на море, казалось, она пытается подобрать нужные слова.

— Дело было так. Когда я была страстно увлечена Люком, я сказала себе, что нет ничего на свете, чего бы я ни сделала для него. Я была на грани нервного расстройства, поскольку с детства я была очень нервным ребенком и у меня часто менялось настроение. В последний день перед его отъездом в институт Скриппса, где он должен был проходить предварительный курс обучения, я решила испытать свою судьбу. Люк решил отпраздновать свой отъезд, а я пришла к нему, чтобы сделать ему нечто

вроде подарка при расставании. В доме никого не было, кроме нас...

Она пожала плечами.

— Да, я получила свой шанс, как я уже говорила, и, я полагаю, можно считать, что я воспользовалась им. Я сказала, что нет ничего на свете, чего бы я ни сделала ради него. И я сделала это.

Она говорила очень спокойно, как будто речь шла о ком-то другом. Питер понимал, что в известном смысле так оно и было.

— Можешь себе представить последствия. Мне не исполнилось еще и пятнадцати, я чуть не сошла с ума от восторга и в то же время была сильно потрясена случившимся. Казалось, эти противоречивые чувства должны были разорвать меня на кусочки. Но я справилась с собой, хотя в тот же вечер поняла, что для Люка это приключение было лишь прелюдией перед его путешествием туда, куда он стремился всем сердцем.

— Мне понадобилось несколько месяцев для того, чтобы прийти в себя после произошедшего. Единственный способ для восстановления внутреннего равновесия заключался в том, что я все время думала о Люке, вернее, о том идеализированном образе, который я создала в своем воображении, и это стало для меня главной опорой в жизни. Вот почему я выбрала профессию океанографа, как я уже говорила тебе. Второй раз я пережила шок, когда Люк присоединился к Атлантической экспедиции в качестве представителя института Скриппса, и мне пришлось привыкать к этому легкомысленному, поверхностному парню как к реально существующему человеку. Со стороны могло показаться, что он мне даже нравится, но в глубине души я никак не могла простить ему, что он таков, каков есть, и что он не в состоянии понять, как много он для меня значил на протяжении стольких лет...

Она повернула к нему лицо и посмотрела на него с вызовом.

— Понятно?

Питер кивнул головой.

— А теперь?

— Теперь, насколько я понимаю, пришло время искать не мечту, а реального человека, с которым я могла бы построить свою жизнь.

Питер протянул к ней руки, и она с улыбкой прижалась к нему.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

В Новой Англии наступала пора безмятежной осени. Но погода стояла все еще достаточно теплая, поэтому, учитывая то, что вставали они не очень рано, завтракать можно было на свежем воздухе.

— А кто же будет вставать рано в свой медовый месяц? — сказал Питер, обращаясь к деревьям, окружавшим маленький домик.

— Королева Виктория и принц Альберт, — таинственно заявила Мэри, выходя из дверей домика на залитую солнцем веранду с тарелкой дымящихся блинов в руках.

— Что?

— Это факт, — кивнула она, поливая блины кленовым сиропом. — Я где-то читала, что они встали рано в первое же утро после свадьбы, и лорд-камергер или какой-то другой придворный неодобрительно отметил в своем дневнике, что если так будет продолжаться, то трон останется без наследника.

Их глаза встретились. Какое-то время, через силу, им удавалось удерживать серьезное выражение на лицах, но потом они разразились безудержным хохотом.

— Бедная Виктория! — сказала Мэри, когда она, наконец, снова смогла говорить.

— Бедный Альберт, ты хотела сказать? — возразил Питер. — Или, скорее, нет. Он всегда казался мне страшным педантом, придерживавшимся очень строгой морали. Кстати, блины очень вкусные.

— А ты чего ожидал? — она грациозно потянулась. — Ты еще не ходил вниз за почтой?

— Нет. И мне не очень хочется идти. Идти далеко, почти до самого шоссе, ты же знаешь.

— Да, я знаю. Я знала, что ты так ответишь. Поэтому сходила на почту до того, как ты проснулся.

Как фокусник, вытаскивающий кролика из шляпы, она вытащила из-под себя конверты, на которых сидела, и развернула их перед ним веером, как карты.

— Выберите карту, господин хороший, и я расскажу вам вашу судьбу. Только сначала позолотите мне ручку.

— У меня уже есть судьба, — ответил ей, улыбаясь, Питер и сжал ее протянутую ладонь.

Он взглянул на конверты.

Одно, два, три письма из Фонда. Проклятье! Не могут оставить нас в покое даже на время медового месяца!

— Возможно, это личные письма от людей, писавших в офисе Фонда и стащивших официальные конверты. Ты собираешься их вскрывать?

Питер отдал должное завтраку, потом закурил сигарету, с удовлетворенным вздохом откинулся на спинку стула и вскрыл конверты, пока Мэри мыла посуду. Он отложил письма из Фонда для прочтения в самую последнюю очередь.

— Привет тебе от Хартлунда и от всей команды «Александра Баха», — сообщил он. — Послано из Панамы, где они встретились с русскими и откуда вместе направились прямо в район нашего последнего погружения. Они выражают сожаление, что не смогли присутствовать на нашей свадьбе.

— А есть что-нибудь от русских? — шутливо спросила Мэри.

— Ты зря шутишь, дорогая. Сразу под подписью Хартлунда в письме стоит какая-то закорючка напротив слов «капитан батискафа «Павел Островский».

— Прекрасно! А что еще?

— Приглашение от моей кузины навестить ее во Флориде и записка от...

Он запнулся и даже присвистнул от удивления.

— Ты не представляешь, что нам прислали, дорогая! Это результаты анализа шкуры животного, которого мы подняли на борт корабля. Она состоит из углерода, кремния, кислорода и бора, из всего, что окружает его в море. Хотел бы я быть биохимиком. И, — он перевернул страницу, — они проанализировали также его кости. Они нашли в них хром,

кобальт, никель и еще бог знает что. Но подожди высказывать свое мнение, прежде чем услышишь следующий абзац! Химики говорят, что эти вещества сильно отличаются от органических веществ, найденных среди высших форм жизни, населяющих Землю. И делают на основании экспериментальных данных заключение, что эти вещества имеют внеземное происхождение...

Как будто внезапный порыв ветра прошелестел по вершинам деревьев. Мэри вышла из домика с посудным полотенцем на шее и села напротив него, ее лицо ничего не выражало.

— Думаешь, марсиане? — спросила она.

Но ее попытка поддержать легкий тон беседы не удалась.

Питеру захотелось узнать, что содержится в других письмах из Фонда, первое письмо он протянул Мэри, второе стал читать сам. Обычные новости и приветы от Элоизы Вандерпланк. Он отбросил письмо, лишь взглянув на него, и взял оставшийся конверт.

Краска сошла с его лица, и он сидел, уставившись на листок бумаги, так долго, что Мэри пришлось дважды дотронуться до руки мужа, чтобы вернуть его к реальности. Он протянул ей письмо. Оно было написано Гордоном. Вот что он писал:

Возможно, вы уже слышали, что биологи определили внеземное происхождение существа, найденного вами в Атлантиде (кстати, именно такое название мы дали этому городу). Сведения пока что не разглашаются: летающие тарелки — на сегодняшний день самое загадочное из известных таинственных явлений, а известие о затопленном городе было бы чересчур сенсационным для широкой публики.

Но, думаю, что вы еще не знаете о том, что мы нашли батискаф. Он был обнаружен случайно, во время поиска «Гондваны», подводной лодки, принадлежащей Департаменту морской картографии, которую мы видели последний раз, когда ожидали возвращения батискафа.

Я узнал о происшествии из вторых рук. В то время, после проведения переговоров с русскими, я возвращался на их экспедиционном корабле из Тихого океана к месту проведения

операции. Мы должны были прибыть через несколько дней. Очевидно, «Гондвана» погрузилась на шесть или семь сотен футов, когда гидролокатор зарегистрировал подозрительный сигнал, потом она потеряла связь с английским кораблем и не смогла вернуться обратно.

Два дня спустя, в ста милях на запад от этого района, патрулировавший территорию военно-морской самолет обнаружил брошенный батискаф, который выглядел так, как будто кто-то как следует поработал кувалдой и разбил самое хрупкое оборудование. Его можно будет использовать вновь только через несколько недель, а может быть, через несколько месяцев ремонта. Вот уже более двух недель нет никаких сигналов с «Гондваны». Пока что это не вызывает чрезмерных волнений. Возможно, нет связи, но...

И, конечно, нет никаких известий от Люка Волласа. Больше я ничего не могу и не хочу вам рассказывать. Хартлунд говорил мне, что вы хотели принять участие в работе на батискафе русских, и нам очень не хватает людей, владеющих методом Островского-Вонга. Всплывший батискаф изуродован. До того, как мы закончим его ремонт, нам нужна помощь всех людей, которых мы сможем привлечь к делу. Я не знаю, что побудило меня на этот раз пуститься в самые дикие спекуляции и пренебречь своим обычным скептицизмом, однако какая-то причина, по-видимому, была. Я очень обеспокоен создавшимся положением.

Мэри аккуратно сложила письмо и вернула его Питеру.

— Судя по письму, шеф находится в состоянии, близком к панике, — сказала она.

Питер кивнул, соглашаясь. Он не спускал глаз с лица своей жены.

— Итак?

Она тяжело вздохнула и отодвинулась на стуле от стола.

— Итак, — как эхо повторила она, — пожалуй, нам лучше пойти упаковывать вещи.

Они ничего не знали о событиях последних двух недель. По возвращении домой после экспедиции они потратили неделю на то, что отвечали на многочисленные вопросы экспертов. Потом они решили пожениться, занялись приготовлениями к

свадьбе, а после свадьбы и отправились за город. За эти две недели многое успело случиться. Исчезновение «Гондваны» вовлекло в эти события военно-морское ведомство. Все собранные научные данные были представлены русским, участникам Первой тихоокеанской экспедиции — так официально назывался батискаф «Павел Островский» и базовый корабль — и они также активно подключились к решению проблемы. Призыв доктора Гордона взбудоражил умы сотрудников океанографических институтов всех стран, имеющих выход на Атлантическое побережье и Монако, не имеющего выхода к океану, но обладающего богатыми традициями в области глубоководных исследований.

Внеземное происхождение существа, поднятого из Атлантиды, заинтересовало ООН, чей флаг гордо развевался над недоступным Скалистым островом, внезапно превратившимся в базу для вновь прибывающих в район поиска судов, так как по случайной прихоти природа одарила его источником пресной воды.

Самолет, который доставил сюда Питера и Мэри, принадлежал военно-морскому ведомству. На борт самолета была также погружена новая, весящая пятнадцать тонн подводная телевизионная камера, с помощью которой предполагалось вести съемки на еще большей глубине, чем та, что была доступна для батискафа. Благодаря камере они смогут видеть место проведения операции сквозь толщу воды на глубине пяти тысяч футов.

Питер вздохнул и схватил Мэри за руку.

— Посмотри!

В районе операции на рейде выстроилось более тридцати кораблей. Над всеми, сияя белизной, возвышалась русская плавучая база с батискафом. Корабль русских выглядел как нечто среднее между роскошным лайнером и китобойным судном. Сходство с китобойным судном ему придавали установленные вдоль борта гарпунные пушки и небольшой сухой док, предназначенный для транспортировки батискафа. Американский родственник русского батискафа все еще находился в нерабочем состоянии; было решено продолжать работу в течение лета, используя все имеющиеся средства, чтобы не терять времени.

Авианосец «Мыс Рат» был больше, но не так бросался в глаза из-за своей серой окраски. Кроме того, здесь можно было увидеть множество других кораблей, от гигантских атомных подводных лодок и русского крейсера, сопровождавшего патрульный корабль, до крошечных плавучих биологических лабораторий из Монако.

Они высадились на остров. Когда погрузка телевизионной камеры на борт лихтера была завершена, Питер и Мэри тоже заняли свои места и быстро понеслись навстречу базовому кораблю русских. Насколько Питер мог судить, его оснащение было сопоставимо с оснащением «Александра Баха», но его нисколько не удивляло, что штаб экспедиции был расположен здесь, а не там: у русских было больше места.

Гордон радостно приветствовал их и, рассыпаясь перед ними в благодарностях и извинениях, представил их капитану Васильеву — человеку, который поставил свою подпись на поздравительной открытке, посланной из Панамы. После этого Гордон провел их по кораблю, чтобы познакомить с обстановкой.

— Батискаф «Островский» начал погружение как раз незадолго до вашего прибытия, — сказал он. — Сами Островский и Вонг находятся на острове, где расположена наша база, они готовят спасательные команды из Вудз Хоула, Дарвина в Австралии и с китайской станции в Тиенлинге. Но здесь нет и четверти всех, кто участвует в этом мероприятии. Сюда приезжают люди со всего света, они привозят разные устройства и изобретения, о которых раньше знали разве только сами их обладатели. Снова приплыла та английская подводная лодка. В данный момент она находится на глубине тысячи футов, испытывает одно безумное изобретение немцев — подводного робота, способного ползать по дну. Они собираются погрузить его в ил на дне в поле видимости подлодки и надеются, что он сможет спуститься по склону хребта до уровня, на котором расположен город. Робот снабжен ковшом, как у бульдозера. Если он действительно справится с задачей, то мы сможем расчистить от ила огромную территорию, причем значительно быстрее, чем это делается сейчас.

Он торопливо продолжал:

— Кроме того, у нас теперь есть телевизионная камера, которая прилетела с вами. Она снабжена кабелем длиной в четыре тысячи морских саженей, и мы сможем использовать ее, если найдем самодвижущийся буек, который сможет выдержать давление воды на дне океана. Возможно, мы там ничего не увидим, кроме грязи. Но не исключено, что нам откроется что-нибудь интересное.

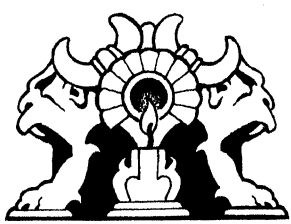
Удивление Питера и Мэри росло по мере того, как они начали понимать масштаб операции и то, насколько серьезные силы брошены сюда. Наконец Мэри не выдержала.

— Шеф! — воскликнула она. — Я не поверю, что вся эта суета вокруг нашего открытия на дне океана объясняется исключительно научным любопытством. Мне кажется, что кто-то не просто обеспокоен, а сильно напуган!

Гордон остановился и внимательно посмотрел на нее.

— Напуган? — серьезно спросил он. — Да, можно сказать и так. Я написал вам в своем письме, что исчезла подводная лодка «Гондвана». Но это только половина правды. Два дня назад лайнер «Королева Александра» получил сообщение с «Гондваны», она находилась в тридцати часах плавания от Нью-Йорка в сторону Саутгемптона и Шербура.

Но мы опять не смогли найти ее. Кроме того, теперь мы потеряли и лайнер «Александра» с тысячью восемьюстами пассажирами на борту...



ЧАСТЬ ВТОРАЯ: УЖАС

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Сначала он был очень слаб. Это было естественно. Он готовился к спячке так же, как к длительному межзвездному перелету. Необходимо было снизить уровень обмена веществ почти до нуля, накопить ресурсы, предусмотреть стимул, который должен будет разбудить его, когда прогулка по поверхности этого мира станет относительно безопасной.

Однако он никак не рассчитывал обнаружить то, что увидел при пробуждении.

Он очнулся, все еще полный воспоминаний о падении своего города, и картины разрушения так живо стояли перед его глазами, как будто это произошло только вчера. Ему казалось, что прошло всего несколько часов с тех пор, как он покинул глупца, молившего о помощи среди рушащихся в хаосе землетрясения надежд.

Он был осторожен и мысленно пытался представить, что скрывается в этой кромешной тьме. Если тревога окажется ложной, он готов тут же вернуться в состояние анабиоза. Но она была реальной.

Обычно ему не удавалось извлекать много информации из человеческого мозга. А этот мозг, как он успел заметить, в целом ничем не отличался от мозга людей, которых он знал до катастрофы. Значительно легче было анализировать жалкую ментальность людей с помощью их речи. Языки, на которых они говорили, были несовершенны и никогда не передавали тонкие оттенки мысли, но он с легкостью понимал их.

Этот человек к тому же находился в сумеречном состоянии, возможно, он был без сознания в результате сильного шока. Мозг даже не пытался сопротивляться его телепатическому приказу. Он смог пойти еще дальше, замедлив

процессы, ответственные за регуляцию сердечных сокращений, дыхания, пищеварения, чтобы уменьшить уровень «шума» получаемого сигнала.

Как он понял, человек находился под водой, под илом, в относительной безопасности, поскольку он был вне досягаемости хищных животных. Под водой. Никаких проблем. У него были резервы, необходимые в подобных случаях, но, получив ясную картину того, на какой глубине океана он находится, он понял: чтобы попасть на землю, этих ресурсов ему не хватит.

Но ему необходимо выбраться на землю! Мириады, орды человеческих существ на поверхности земли никогда не знали гнета таких, как он. Вместо того, чтобы заниматься строительством величественных зданий во славу его рода и поклоняться своим повелителям как высшим существам, они служили только себе или друг другу. Это было невыносимо. Если бы он был способен освободиться, он бы захватил ровно столько людей, сколько смог держать в повиновении. Потом, и только потом, он бы выяснил, остался ли в живых кто-нибудь из его рода, и великодушно позволил бы им разделить с ним то, что осталось. Если из всего рода выжил только он один, то ему будет достаточно просто уменьшить численность населения до такой величины, с которой он сможет справиться.

Ему следует воспользоваться тем устройством, с помощью которого человек оказался на глубине. Он собрал все сведения об аппарате. Сбор данных проходил очень медленно, потому что он был очень слаб. Прошел почти целый день, прежде чем у него накопилось достаточно информации, чтобы сформулировать план действий. Устройство должно вернуться на поверхность. Пусть оно вернется с помощью этого человека, потом пусть он избавится от других своих компаньонов. В его мозгу возникнет внезапный порыв, непреодолимое желание самому спуститься вниз. Он осторожно открыл створки в своем мозгу, за которыми хранилась его способность причинять боль, и оценил собственные силы. Да. Пока он мог покорить только одно из этих существ.

Пока он ждет завершения действия своего приказа, ему надо спрятаться и сидеть в укрытии, пользуясь своими неприкосновенными запасами для выживания. Это означало,

что если человек не подчинится его приказу, он умрет так же, как умер этот слабак Руах. Он снова и снова взвешивал свою способность вызывать боль, и в результате долгих размышлений решил, что с одним человеком он справится.

Он причинит человеку боль, чтобы доказать это. Да, у него достаточно энергии! Он не мог припомнить, когда в последний раз ему попадался человеческий мозг, не знавший о таком виде энергии. Даже неродившиеся человеческие дети знали о нем в те времена, когда их род правил всей этой планетой. Но этот мозг никогда раньше не сталкивался с такого рода болью, поэтому он даже не пытался сопротивляться.

Он на время снял боль, внушил человеку команды, которые тот должен будет выполнить, и, удовлетворенный, медленно двинулся к своему убежищу.

Толщина слоя ила поразила его. Очевидно, он находился в убежище дольше, чем предполагал. Но до возвращения устройства, которое в нужный момент поднимет его на поверхность, пройдет совсем немного времени. Он приказал этому человеку держаться на своем устройстве подальше от корабля, с борта которого тот катапультировался, чтобы видеть звезды и по их расположению узнать, сколько на самом деле длилось его заключение.

Не меньше, чем сто или десять тысяч лет, рассудил он. Даже сообразуясь с нормами своей расы, для представителей которой человеческие существа представляли собой нечто вроде мотыльков-однодневок, вылупляющихся из кокона утром и умирающих на закате солнца, это был большой промежуток времени.

Однако это не так важно. Самым главным было собрать все свои силы. Потом ему надо будет раздобыть слуг и распространить свое влияние. Он приказал человеку кормить его; снова и снова подгоняя его приступами боли, заставил искать для себя подходящие продукты. На берегу одинокого скалистого острова водилось множество моллюсков, чье сочное мясо давало ему необходимое количество металлов. Раковины моллюсков обеспечивали нужный ему кремний и углерод, элементы, которые он мог поглощать в огромных количествах. Чтобы обеспечивать его всем необходимым,

ему понадобится не один слуга. Тем не менее он положил начало. И у него еще есть в запасе время.

Терпеливо он выискивал способы увеличить свою свиту. И он нашел их, а, кроме того, получил в свое распоряжение новый транспорт. Его сила быстро росла. Быстрее, чем он рассчитывал, он оказался в состоянии завоевать первый город. Это был плавучий город, достижение передовых технологий, на которые, как он полагал, не способны эти недолговечные личинки Земли, хотя, возможно, их век недолог только по его нормам. Но теперь у него было достаточно рабов, которые кормили его, и он мог заняться тем, чтобы внушить людям мысль об их подчиненном положении. Внушение чувства должного уважения к своей особе стало следующим шагом.

Каждый раз, когда над ним проплывали суда с людьми, он концентрировал свою энергию. Он не был готов к тому, чтобы подвергать себя разного рода беспокойствам, связанным с ними, поэтому он воздействовал на людей, и они отклонялись от курса своего следования.

— Я считаю, что эти данные достоверны, — говорил нежным тенором китайский специалист в области статистики. Он ткнул большим пальцем на странный пробел в центре морской карты Северной части Атлантического океана, которую он составил. — Я не знаю, насколько это важно, но это, несомненно, требует исследования.

Он резко закончил и уселся на место; в комнате поднялся гул, все разом принялись обсуждать только что услышанный доклад. Местом проведения дебатов служил центр управления авианосца «Мыс Рат», который превратился в главный мозговой центр всего проекта. Здесь собралось более сорока человек. Некоторые из них сидели в наушниках, позволявших слушать синхронный перевод выступлений. Два переводчика все еще завершали перевод доклада китайского специалиста, когда заговорил Лампион. Он представлял на этом собрании Организацию Объединенных Наций. Француз по происхождению, гражданин мира по своей доброй воле, он был выбран президентом смешанного коллектива исследователей.

— Нам нельзя терять время, — напомнил он аудитории в своей обычной деловой манере. — Я думаю, что список пунктов, стоящих на повестке, окончательный. Тем не менее это

важное открытие. Мы обнаружили, что за все прошедшие дни ни одно из исследовательских подразделений не сообщило хотя бы об одном наблюдении в данном регионе. Такое впечатление, что этот регион старательно избегают. И, несмотря на это, мы знаем, что не менее четырех кораблей должны были послать сообщения оттуда. Да, доктор Гордон?

— Вы упомянули только корабли, — ответил Гордон, подавшись вперед. — А как насчет патрулировавших территорию самолетов?

Китайский специалист подал знак, что он готов ответить на этот вопрос, и, получив разрешение от Лампиона, заговорил:

— Сюда же включены и отчеты, полученные с самолетов, доктор Гордон.

— Другими словами, — предположил Гордон, — корабль «Королева Александра» и подводная лодка «Гондвана», вероятно, находятся прямо в центре указанного района, и что-то определенно мешает поисковым судам и самолетам, которые ищут пропавшие суда, послать нам информацию.

В ответ раздался хор несогласных голосов, раздавшихся с небольшим опозданием со стороны тех участников собрания, кто не говорил по-английски. Лампион успокоил всех движением руки.

— Давайте не будем опережать события. Надо просто послать туда еще одну экспедицию и выяснить, в чем дело.

Шум двигателя сотрясал корпус вертолета. Сначала Питеру казалось, что привыкнуть к этому невозможно, и пилот поинтересовался, как он себя чувствует.

— Под водой значительно спокойнее, — отвечал Питер. — И к тому же там все кажется гораздо безопаснее.

— По-моему, все наоборот, — пожал плечами пилот. — На глубине, если что-то сломается, давление воды расплющит тебя в лепешку. Если на высоте случится авария, то у тебя, по крайней мере, есть парашют. Вероятно, это дело вкуса.

Питер кивнул. Ему захотелось побывать на борту вертолета в перерывах между погружениями русского батискафа. Их батискаф все еще находился в ремонте. Работа по расчистке Атлантиды продвигалась очень медленно, несмотря на участие подводного немецкого бульдозера, счищающего

ил тоннами. Кроме того, телекамера, двигающаяся с помощью механического буйка на глубине тысяч морских саженей, не смогла обнаружить ничего, кроме грязи, небольших вкраплений скудной растительности и глубоководных представителей животного мира.

— Ладно, — сказал пилот и поменял направление полета. Он снял руки с рычагов управления и свободно откинулся в кресле.

Заметив тревожный взгляд Питера, он ухмыльнулся.

— Джордж взял управление в свои руки. Он — настоящий фокусник, гораздо лучше обыкновенных автоматических пилотов. Он доставит нас прямо в центр региона, откуда не поступают известия, облетит вокруг него и вернет нас назад точно на заданный курс без всякой помощи с моей стороны. Он был засекречен, но недавно на наше счастье военные разрешили его использование в мирных целях.

— Итак, мы просто пассажиры, — прокомментировал Питер. — Как вы говорите, дело вкуса.

Они летели на высоте примерно тысячи футов, стрелка спидометра указывала на цифру 130. Внизу под ними простиралось безбрежное море, время от времени они видели разбросанные острова, по которым можно было судить о направлении Среднеатлантического хребта. В поле их зрения попало несколько кораблей, но сегодня был пасмурный день, и видимость оставляла желать лучшего. Предательская погода могла помешать их работе. В нескольких милях по правую руку от них разразился настоящий шквальный ливень, который они благополучно обогнули благодаря радарному устройству и искусству автопилота.

Питер решил, что, пока они летят, самое время немного отдохнуть, и, закрыв глаза, предался приятным воспоминаниям о нескольких днях проведенного с Мэри медового месяца и мыслям о планах на будущее. В это время пилот, наклонившись вперед, показал ему что-то:

— Там. Видите?

— Это же корабль «Александра»! — воскликнул Питер. — Что за чертовщина! Считать, что корабль такого размера может потеряться на главной трассе, пролегающей через Атлантический океан, да еще так надолго...

Громадный корабль водоизмещением в четыре тысячи тонн был самым большим лайнером, курсирующим по Атлантическому океану. В длину он составлял тысячу девяносто футов, был снабжен атомными двигателями и мог развивать скорость до сорока пяти узлов в час.

Пилот включил кинокамеру, которая должна была снимать все, что они видели, и дотронулся до кнопки вызова автопилота.

— Коррекция курса, — сказал он коротко. — Это для того, чтобы Джордж знал, что впереди корабль — именно тот, что нам нужен. Он доставит нас к нему, а потом развернется обратно.

— Есть какие-нибудь сигналы с «Гондваны»? — Питер внимательно смотрел в бинокль. Расстояние до корабля быстро сокращалось.

— Никаких. Возможно, она затонула, — сказал пилот как о чем-то обыденном.

— Такое впечатление, что у вас есть основания так считать, — заметил Питер. — Но что, черт возьми, там происходит?

Они находились на достаточно близком расстоянии, чтобы разглядеть всех людей, находившихся на большой палубе лайнера. Люди выстроились в очередь, которая изгибалась в форме лошадиной подковы. Они двигались в едином ритме, как трава, сгибающаяся под порывом ветра. Казалось, они перемещаются то вперед, то назад. Расстояние продолжало сокращаться. Они могли уже видеть отдельных людей. Некоторые из них были в форме членов экипажа. Другие, пассажиры, были одеты в самые разнообразные одежды. Время от времени по одному или по двое люди подходили к кому-то, сидевшему под навесом балдахина в центре разрыва подковообразной вереницы.

Внезапно один из тех, кто был вызван вперед, повернулся и бросился бежать. В очереди образовался разрыв. Толпа заволновалась. Женщины и мужчины схватили беглеца, потащили его к перилам и сбросили вниз в свинцовое море.

Раздался громкий вопль, который заглушил даже гул мотора вертолета, и Питер с пилотом тоже закричали от ужаса и изумления. Теперь они кружили так низко над кораблем, что могли рассмотреть в бинокль лица людей.

Осунувшиеся, изможденные лица с темными кругами вокруг глаз. По-видимому, люди не имели возможности даже выспаться. Группа стюардов в запачканных белых форменных куртках били ладонями в подносы, как в гонги.

— Они что, все сошли с ума? — спросил пилот.

— Нет... — сказал Питер, почувствовав от этого отвратительного зрелища острый спазм в желудке. — Вы не видите, что там находится под навесом? Это еще одно существо наподобие того, что мы нашли в Атлантиде, только оно живое...

Как только он произнес эти слова, острый приступ боли пронзил его мозг. В одно мгновение и он, и пилот потеряли сознание.

Ничего не подозревая и ни о чем не беспокоясь, автопилот Джордж развернул вертолет и направил прочь от опасного корабля.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

— Ничего, все будет хорошо, — говорил успокаивающий мужской голос.

Питер открыл глаза и увидел склонившегося над ним морского офицера с квадратной нижней челюстью.

— Что... — сказал он, порываясь сесть. Мужчина в фуражке помог ему, поддержав его за плечи. Питер потряс головой и осмотрелся.

Он сидел на палубе авианосца. Вертолет откатывали на тележке в сторону подъемников, и группа мужчин и женщин столпились вокруг пилота на палубе, что-то возбужденно обсуждая. Вероятно, пилот быстрее пришел в себя. Он уже стоял на ногах, хотя его лицо все еще оставалось бледным.

— Что-то вывело вас из строя, — сказал мужчина Питеру. — Но с точки зрения физического здоровья с вами все в порядке. Просто последствия шока.

— Вывело меня из строя... О, да, я помню. Когда мы пролетали над кораблем «Александра»... Мы нашли его! — Питер в волнении схватил моряка за руку. — Мы нашли его! Но это еще не все!

— Успокойтесь, — мягко проговорил человек. — Мы уже знаем об этом. Пилот рассказал нам еще до того, как вы очнулись. Теперь мы пытаемся прояснить картину. Ваш автопилот вернул вертолет в исходную точку полета, и мы смогли посадить его на палубу с помощью дистанционного пульта управления. Все, что вам сейчас нужно, так это хороший глоток крепкого рома и немного отдыха. Давайте спустимся в кают-компанию. Вы можете идти?

Питер осторожно попробовал встать. Ему почему-то казалось, что он не сможет ходить. Он помнил о испытанной недавно мучительной боли, и ему казалось, что эта боль должна была разрушить все кости в его теле. Но боль сохранилась только в воспоминаниях — он смог свободно двигаться, и уже через минуту, как ни в чем ни бывало, шагал по палубе.

— Мы не знаем, что с вами случилось, — говорил сопровождающий его офицер, наблюдая за ним. — Но что бы то ни было, это, очевидно, то же самое, что удерживало другие поисковые партии от сообщений на лайнер. Что меня удивляет, так это то, что мы никого не потеряли. Если бы ваш вертолет не управлялся автоматически, то вы, скорее всего, были бы уже на дне океана.

Питер нахмурился.

— Возможно, не предполагалось, что мы увидим так много, — предположил он. — Я не знаю, что было дальше. Это выглядело, как странная церемония. Может быть, это существо отвлеклось и не заметило, что мы подлетели так близко. Потом, удивившись, оно обрушилось на нас всей своей мощью. — Он пожал плечами. — Я только строю предположения. Кто-нибудь сообщил моей жене, что со мной все в порядке?

— Я проверю.

Моряк отошел от него, чтобы узнать об этом у одного из людей, стоявших в сгрудившейся вокруг пилота толпе. Питер продолжил испытания своей способности к передвижению. Его голова была все еще затуманена после обрушившегося на него удара. Казалось, что на море опустилась серая пелена. Холодный ветер швырял вспенивающиеся волны, и, несмотря на то, что в конструкции авианосца были предусмотрены очень эффективные стабилизаторы, качка все равно была ощутимой. Кинув взгляд поверх широкой серой палубы,

предназначенной для посадки самолетов, Питер смог увидеть базовый корабль русских. Батискаф готовили к очередному погружению, и вокруг него царила суета и кипела работа. Над плавучей базой кружил гигантский самолет с поплавками, он готовился к посадке на палубу. Быстрый катер отчалил от небольшого сторожевого судна и направился к «Мысу Рат».

— Ваша жена скоро прибудет сюда. Ей не сказали о том, что произошло. Посчитали, что лучше ее не волновать.

— Хорошо, — Питер вздохнул с облегчением. — Теперь я бы не отказался и от выпивки.

Удивительно, что вертолет не упал в море, хотя вся команда находилась без сознания! Он обошелся с ними так же, как с другими самолетами и кораблями, которые пролетали или проплывали мимо него. Каждый раз, когда они направлялись к его плавучему городу, он вызывал острую боль в мозгу пилотов или рулевых. До поры до времени он не хотел, чтобы его видели, хотя его и раздражала необходимость обращаться с этими грубыми низшими существами так деликатно. Но, вне всякого сомнения, они многому научились за прошедшее время. Пока он не владеет ситуацией полностью, он не должен рисковать.

Этот оригинальный летательный аппарат, несомненно, имел автоматическое управление для того, чтобы продолжать полет и удерживать высоту, пока внимание пилотов было занято другим. Он знал по своему собственному опыту, что скудный ум этих людишек может концентрироваться только при регулярном понукании; автоматы — логичная компенсация человеческих недостатков. Хотя, по милости ветра, машина, вероятно, вскоре опрокинула и потопила своих пассажиров.

Он прогнал от себя эти мысли, сейчас ему надо было обдумать свой очередной шаг. Пришла пора расширить свою свиту. Он набирался сил, и теперь перед ним стояла задача обеспечения тех подчиненных, которые у него остались. Несмотря на то, что он велел выбросить за борт нескольких непокорных, чтобы устрашить остальных, он не хотел существенно сокращать численность своей свиты. Ему было приятно сознавать, что он управляет множеством умов, это вдохновляло его.

Все запасы, имевшиеся на корабле, закончились, и люди голодали. Если бы он знал заранее, как мало провизии на борту этого корабля, он бы просто убивал ослушников и использовал их мясо для питания оставшихся людей, а не скармливал бы их рыбам. Однако если он заставит их, люди доставят его на берег, и там он сможет выбирать среди миллионов особей. На берег... Он послал за человеком, специалистом по навигации, — как считали люди, это было искусство особого рода, — и стал расспрашивать его об особенностях побережья, к которому они могут пристать.

— Питер, ну как тебе не стыдно?! — говорила Мэри, обнимая его. — Почему ты не сказал мне о своих планах? Ты мог погибнуть!

— Все хорошо, все хорошо, — сказал он, успокаивая ее. — Я же не погиб, правда? Я бы не стал подниматься на этой штуковине, если бы не был уверен, что на ней так же безопасно, как на батискафе.

— О том, что случилось, не очень-то много говорят, — она попыталась все перевести в шутку, но ее слова прозвучали неожиданно серьезно.

— Доктор Трент! Миссис Трент! Пожалуйста! — Голос Лампиона раздался прямо над ними, и они поняли, что все с нетерпением ждут, когда они займут свои места в рабочей комнате. Они пулей проскользнули в свои кресла, скороговоркой пробормотав извинения, после чего Лампион откашлялся и внимательно всех оглядел.

— Итак, джентльмены, — начал он, — я думаю, все вы имели возможность рассмотреть фотографии, которые были нам представлены. У меня есть еще несколько дополнительных копий, которые я передам сейчас, чтобы все могли их увидеть. — Он разложил на столе глянцевые, многократно увеличенные изображения.

Питеру не было необходимости смотреть на снимки. На них было запечатлено то, что он и так очень хорошо запомнил. Выстроившаяся в форме подковы вереница пассажиров и членов команды корабля на прогулочной палубе лайнера: стюарды, бьющие кулаками в подносы, несчастный человек, которого схватили и волокут, чтобы выбросить за борт... и в центре — неясный силуэт отвра-

тительного, внушающего ужас существа, вышедшего из моря.

— Согласно последней информации, корабль «Королева Александра» пришел в движение. Он держит курс, который, возможно, изменится, а может быть, и нет, но в том случае, если корабль будет продолжать двигаться в выбранном направлении, он подойдет к побережью США, к северу от Багамских островов. Наиболее вероятно, это будет побережье северной Флориды или штата Джорджия. Нет никаких сомнений, что курс выбран по приказу «морского чудовища».

— Небольшая поправка, — вежливо вставил капитан Васильев. — Я думаю, у нас есть все основания сомневаться в том, что это морское чудовище, разве нет, мистер Гордон?

Гордон кивнул.

— Еще не все результаты собраны, но телевизионная камера, с которой мы работали на глубине двух тысяч морских саженей, обнаружила отверстие в иле, которое указывает на то, что существо появилось именно оттуда. Вокруг отверстия мы нашли множество различных предметов, вероятно, металлических, которые напоминают канистры для хранения запасов кислорода. Батискаф «Павел Островский» как раз незадолго до нашего собрания начал погружение с целью исследования этого места. Оно находится значительно ниже уровня, на который мы ранее опускались, но двое членов команды профессора Вонга, специально подготовленные во время длительных тренировок к соответствующим перегрузкам, участвуют в этом погружении. И профессор Вонг, и Островский считают, что они способны выдержать давление на этой глубине.

Лампион кивнул головой.

— Спасибо, доктор Гордон. Итак, ситуация складывается следующим образом. Обнаруженное нами существо, скорее всего, является представителем наземных видов, которые, вероятно, населяли нашу планету сто тысяч лет назад. Они порабощали людей, что можно предположить по аналогии, наблюдая за его действиями в настоящее время, а затем приобрели доминирующее положение в поздний период орогенезиса или, другими словами, эры горообразования. Мы не знаем их возможностей. То, что

это существо могло появиться из, по-видимому, заранее подготовленного убежища через такой огромный промежуток времени и так быстро приспособиться к изменившейся ситуации, говорит о том, что мы имеем дело с очень опасным противником. Не правда ли, мистер Трент? Питер подался вперед.

— Я испытал на себе его способности, — сказал он. — Я думаю, можно предположить, что его сила нематериальна, по крайней мере, в том понимании, которое мы вкладываем в понятие «материальность». Вероятно, она не ограничивается способностью вызывать головную боль. В подтверждение этого хочу напомнить, что внушенный Люку Воллас у приказ заставил его украсть батискаф и вернуться под воду, чтобы помочь этому злобному существу освободиться из его укрытия. Кроме того, мы можем предположить, что либо это создание имеет в своем распоряжении технические устройства более совершенные, чем те, которыми владеем мы, либо оно практически неразрушимо физически и может выдерживать давление воды на глубине двух тысяч морских саженей с такой же легкостью, как и находиться на поверхности моря.

— Можем ли мы предполагать, что имеем дело только с одним таким существом? — вкрадчиво спросил Васильев.

Лампион неопределенно пожал плечами.

— По-моему, мы должны предполагать, что все другие особи погребены под толстым, в тысячу футов, слоем ила. Давайте не будем усложнять ситуацию.

— В настоящий момент мы знаем только об одном существе, — сказал Васильев. — Что мы будем делать с этим лайнером и его опасным пассажиром?

— Пожалуйста, ваше мнение, — Лампион неопределенно взмахнул рукой.

Капитан Васильев осмотрел всех, сидевших за столом, казалось, он старается собраться с мыслями. Наконец, он заговорил.

— Надо запустить торпеду. Немедленно. Если необходимо, то с ядерной боеголовкой.

Все тут же отрицательно закачали головами.

— Нет, только не это, — пробормотал кто-то тихо. Васи-

льев опустил голову и развел руками.

— Очень хорошо. Все, что мне остается сказать, это то, что я рад, что корабль приближается не к побережью России.

— Мы все напуганы при мысли, что может произойти, — сказал Питер, пытаясь представить возможные последствия. — Но на лайнере осталось еще несколько сотен людей, которых мы можем спасти. Мы должны убить это существо или каким-то образом лишить его силы. Если оно собирается выйти на берег, то тогда, вероятно, у нас будет возможность атаковать его. Оно большое, тяжелое, наверное, неуклюжее. Я не думаю, что оно сможет выдержать, например, снаряд, выпущенный из сорокамиллиметровой пушки, если это будет удар прямой наводкой.

По официальным данным корабль «Королева Александра» считался пропавшим. Масштабные поисковые операции служили прикрытием для всей этой истории с лайнером. Но правда должна была вскоре выйти наружу. Если бы удалось отдалить роковой момент на день или два, этого было бы достаточно.

Эти и подобные мысли проносились в голове у Питера, пока он и еще тысячи других людей ждали на берегу океана приближения корабля. Лайнер направлялся к берегу Флориды, немного южнее Джексонвилла. Казалось, будто через океан движется корабль-невидимка, который никто не замечает. Заранее были подготовлены пресс-релизы, утверждавшие, что кораблем управляют мятежники. Весьма прозрачная ложь. Но это должно было помочь военным сохранять готовящуюся операцию в тайне в течение времени, достаточного чтобы иметь шансы на успех. Тем не менеенаселение уже начинало закипать от возмущения из-за того, что военные оккупировали весь район, окружающий узкую полоску побережья.

Немного успокаивало то обстоятельство, что существо не направилось к большому городу. Это означало, что монстр осознавал границы своей власти над людьми и поэтому предпочитал высадиться в относительно пустынном месте.

Лайнер бросил якорь примерно в миле от берега. Если только монстр не обладал способностью чувствовать мысли и намерения людей на расстоянии, а также определять ме-

ста их сосредоточения, он не мог знать о поджидавшей его засаде. На протяжении нескольких квадратных миль были разбросаны наблюдательные посты или немногочисленные группы людей, отделенные друг от друга значительными расстояниями.

Даже с помощью биноклей было трудно понять, что происходит. На воду спускали лодки, что казалось вполне логичным. Но монстра не было. Первая лодка причалила к побережью. Люди, сидевшие в ней, с дикими глазами и изможденными лицами, быстро осмотрели все вокруг и стали сигналить фонарями, передавая сообщение на борт корабля. Авангард. Питеру не терпелось их немедленно освободить. Но необходимо выманить монстра на берег...

Наконец чудовище появилось.

Согнувшись в три погибели, размахивая руками, ударяя в гонги и завывая, несчастные люди с корабля несли его на чем-то, похожем на крышку обеденного стола, обитого диванными подушками, к самой большой лодке, приготовленной у борта корабля со стороны берега. Вероятно, расстояние до корабля было слишком велико, чтобы точно прицелиться, или темное пятно, каким выглядел монстр на фоне моря, было плохо различимой мишенью, поэтому военные пока не стреляли. Питеру хотелось бы, чтобы Мэри была рядом с ним, но потом он порадовался, что ее с ним нет. Он не хотел подвергать ее риску, с которым была связана эта поездка, — гораздо приятнее сознавать, что она занята изучением Атлантиды.

Лодка была спущена на воду. Пока она спускалась, сотни мужчин и женщин в отчаянии рвали на себе одежду, собираясь последовать за ней. Они в безумном порыве прыгали вниз, водопад человеческих тел низвергался с борта корабля в море, и люди исчезали из поля зрения. Наблюдатели молили Бога, чтобы они снова появились на поверхности воды.

Но некоторые исчезали в волнах океана навсегда. Многие, однако, вынырнули и поплыли к носу запасной лодки, чтобы ухватиться за болтающиеся по краям веревки и тащить ее к берегу. Питер в бессильной ярости сжал кулаки с такой силой, что его ногти впились в ладонь.

Лодка находилась на расстоянии в четверть мили от бере-

га, когда внезапно раздался приглушенный разрыв снаряда, расколовшего нос лодки выше ватерлинии. Через секунду, раздалось еще шесть залпов одновременно.

Все было кончено.

После взрывов раздались крики, Питер надеялся, что кричал монстр. Он почувствовал гнев и отчаяние, когда понял, что крики доносились с берега, и, преодолевая боль, заволакивающую сознание, осознал две вещи.

Во-первых, монстр нисколько не пострадал. Во-вторых, если его власть над людьми действительно была ограничена, то им не удалось обнаружить этот предел.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

На этот раз приступ боли был не таким сильным, как тогда, на борту вертолета, но длился значительно дольше. Причем Питер на протяжении всего приступа ни разу не потерял сознания. В те несколько секунд, когда он мог самостоятельно думать, он рассудил, что на этот раз удар был рассредоточен и направлен, очевидно, на то, чтобы вывести из строя бесполезных для монстра людей. За этим крылась определенная цель.

Приступ был похож на мигрень, болела голова. Но боль по своей остроте и силе могла сравниться с болью, которую чувствуешь, если случайно содрать воспаленную или обожженную кожу. Питер старался сопротивляться этой боли, понимая, что и другие наблюдатели сейчас пытаются совладать с ней, но был только один способ облегчить свою участь. Действовать так, как того желает монстр.

На темном берегу загорелись огни. Мужчины и женщины, попавшие сюда с лайнера и сидевшие только что в засаде, брели по берегу, пошатываясь, как слепые. Они кричали высокими, нечеловеческими голосами. Самые слабые переставали кричать первыми и начинали выполнять задания хозяина.

Не так-то легко было понять, чего он хотел от них, так как он не отдавал конкретных приказаний; он просто подвергал

их нескончаемой пытке болью до тех пор, пока жертва случайно не угадывала, что от нее требовалось. Тогда боль немного ослабевала, и люди в исступлении шли работать, чтобы избежать возвращения боли. Каждый из них был подобен ребенку, который, скорчившись от боли в животе, часами лежит неподвижно в том положении, в котором боль чувствуется слабее всего.

Многие умирали. Снайперы, отважившиеся стрелять в монстра, направляли свои ружья друг против друга, и вскоре их растерзанные и окровавленные тела грудами лежали возле разбитых орудий. Некоторые наблюдатели, находившиеся на открытом месте, были сбиты с ног. Однако большинство из них выжило.

Проклиная себя, но не в состоянии дольше переносить агонию, сожалея только о том, что снаряд во время перестрелки не разорвал его на части, Питер обнаружил, что он вместе с остальными двигается к воде. После следующего приступа боли он уже бежал вместе с сотнями других людейк морю, прыгнул в него и поплыл к расколотой спасательной лодке.

С высоты сооруженного по его желанию постамента чудовище холодно взирало на своих рабов. То, что они покушались на его жизнь и оказались так близко к своей цели, одновременно рассердило и обеспокоило его. Это вызывало тревогу, поскольку означало, что все меры предосторожности, предпринятые им, были недостаточны. Они выяснили, где он собирался высадиться на берег, и ждали его там. Он рассвирепел, поняв это, потому что мысль, что низшие существа способны так обращаться с ним, была для него непереносима.

Но они еще узнают его! Он им покажет, чего они на самом деле стоят. Эти жалкие существа поймут, что они не более чем орудие, которое используют до тех пор, пока оно не сломается, а затем выбрасывают вон без сожаления.

Они разрушили его лодку, так пусть теперь чинят ее! Он подстегивал и подгонял их, и вот уже толстая женщина, пассажирка лайнера, заткнула своим телом отверстие в носовой части лодки, крича от боли. Но для нее легче было переносить эту боль, чем недовольство хозяина. Пробоина была заткнута. Он заставил пловцов тянуть лодку к берегу.

Когда она достигла земли, он не дал мерзавцам передышки. Они должны нести его многотонное тело на своих плечах, и, если они начнут спотыкаться, придется их проучить. Если один из них ослабеет, пусть на его место встанет другой. Их не жалко, потому что планета просто кишит ими, их миллионы! Он поработит их, научит подчиняться ему и всех их перемелет.

Теперь ему предстоит овладеть первым наземным городом. Он гнал своих подчиненных вперед, и по мере продвижения каравана вынуждал всех встретившихся на их пути людей присоединяться к ним.

К полуночи их было уже не меньше тысячи.

— Это просто безумие! — воскликнул президент Соединенных Штатов.

— Да, конечно! — резко ответил доктор Гордон, в раздражении поправляя очки на носу. — Мы имеем дело с существом, чей мозг работает по другим законам, нежели человеческий. Он думает по-другому, не так, как мы. Он обращается с людьми, как с грязью!

— Это действительно так, господин президент, — подтвердил военный психолог. Обстановка в Белом Доме произвела на него меньшее впечатление, чем на большинство других вызванных сюда в спешном порядке делегатов. Он сохранял полное хладнокровие, тогда как остальные беспокойно ерзали на стульях.

— Мы подобрали нескольких бедолаг из тех, что отстали от каравана. Они до крайности истощены, так как из-за выполнения приказов чудовища у них не оставалось времени на еду. Их психическое состояние близко к слабоумию, а некоторые из них превратились в полных идиотов. Они грязны, их тела покрыты язвами или паразитами. А иногда и тем и другим. Их использовали, выжали из них все соки и оставили умирать.

— А вы можете выяснить, что произошло в Джексонвилле?

— Конечно, — ответил генерал Баргин, уже представивший рапорт, в котором сообщал, что Джексонвилл, штат Флорида, изолирован от всего остального мира. Он выглядел усталым, но старался говорить спокойно и терпеливо объяснял все по несколько раз. Всем своим видом он подчеркивал,

что ему, как примерному республиканцу, вряд ли приходится ожидать от президента-демократа проявлений недюжинного ума.

— Все дороги забаррикадированы разбитыми автомобилями, дома взорваны вместе с людьми, одна из дорог завалена грудой из сотен трупов. Мы отправили на разведку танк. Но он перестал выходить на связь через десять минут. Наблюдение с воздуха показало, что он на полной скорости врезался в цистерну с бензином и взорвался. По-видимому, команда танка обезумела так же, как и команда корабля «Королева Александра».

— А что случилось с кораблем? — спросил президент.

— Реакторы были включены на полную мощность до того, как все покинули корабль, — ответил представитель военно-морского флота. — Когда мы послали на борт группу специалистов, они обнаружили, что машинное отделение превратилось в месиво из расплавленного урана и других веществ. Пришлось целую ночь заниматься обеззараживанием поисковой группы. Мы взяли корабль на буксир, и он будет оставаться на рейде в море, пока мы не получим указаний от владельцев этого судна о том, что с ним делать дальше. Нет возможности доставить его в порт. Он излучает радиацию.

— А какие данные получены с помощью аэроразведки в районе Джексонвилла? — Президент не давал сбить себя с толку.

— Как обычно, — вздохнул генерал Баргин. — В нашем распоряжении самолеты с телевизионными камерами, которые летают вокруг города на большой высоте, но была очень сильная облачность, и оба раза, когда мы попытались снизить управляемые на расстоянии самолеты до высоты в тысячу футов, их сбивали. Чудовище получило в свое распоряжение не только целый город, но и оборонную ракетную базу на побережье примерно с шестьюдесятью самонаводящимися ракетами класса «Громовержец».

— Васильев был прав, — пробормотал уныло доктор Гордон.

— О ком вы говорите, доктор Гордон? — резко спросил президент.

— Капитан советского батискафа, — объяснил Гордон. —

Он сказал, что безопаснее всего будет потопить корабль «Королева Александра» вместе с монстром на борту, воспользовавшись атомной торпедой, если это необходимо.

— Согласен! — воскликнул убежденно генерал Баргин. — Что-то в этом роде нам придется предпринять рано или поздно, господин президент. Вероятно, сила этого чудовища не знает предела. Он может, в конце концов, поработить все Соединенные Штаты, или даже весь мир!

— Я не могу разрешить применение ядерной ракеты без одобрения ООН, — упрямо заявил президент. — Нам понадобились долгие годы, чтобы избавиться от множества отвратительных вещей, в том числе от ядерного оружия. А что вы скажете насчет обычных ракет? Есть ли у нас возможность точно определить местоположение монстра?

— Он может находиться в любом месте на площади от четырех до пяти квадратных миль, — ответил Баргин. — Границы территории не изменялись со вчерашнего утра, когда монстр захватил Джексонвилл, но маловероятно, что он находится в геометрическом центре захваченной местности.

— Мы не должны позволить ему распространиться дальше, — сказал представитель военно-морского флота замогильным голосом. — Если бы мы использовали водородную боеголовку, то у нас был бы шанс не промахнуться; в случае, если монстр расширит границы своих владений, нам придется продолжать наносить удары до тех пор, пока мы не попадем в него, и тогда, возможно, одной бомбы будет мало.

— Я думаю, что следует эвакуировать все население Вашингтона, — внезапно заявил генерал Баргин. — Здесь мы слишком близко к месту разворачивающихся событий.

В дверь постучал помощник президента, и президент пригласил его войти. Помощник положил перед ними кипу фотографий.

— Эти фотографии были получены со сканирующей ракеты, которая развивает такую большую скорость, что ее не могут сбить противоракетные установки. Курьер только что доставил их и сказал, что они попробуют повторить фотосъемку завтра при дневном свете. В приемной дожидаются молодая женщина и ученый из Китая, они прибыли из экспедиции по изучению Атлантиды и хотят повидать доктора Гордона.

Президент взглянул на Гордона, тот кивнул.

— Я жду подробное описание убежища монстра, — сказал Гордон. — Мы обнаружили своего рода нору в иле, откуда он появился. Я думаю, что мы все должны услышать этот отчет.

Президент отдал короткое распоряжение, и вскоре помощник ввел в комнату Мэри и молодого китайского ученого, гибкого и стройного, который представился как доктор Сан. Лицо у Мэри было измученным и безучастным. В руках она сжимала толстую папку с бумагами.

Узнав президента, она села рядом с Гордоном.

— Есть новости? — спросила она шепотом.

—О Питере? Нет, дорогая, боюсь, что нет. Ни о ком, кто находился тогда на берегу в пределах одной мили от монстра, нет никаких известий. И ни о ком, кто оставался в зоне между берегом и Джексонвиллом. Вся эта область отрезана от остального мира. — Он постарался, чтобы это не прозвучало слишком безнадежно, но нельзя же было скрыть от нее правду! Мэри кивнула, положила бумаги на стол, низко опустила голову и сложила руки.

— Давайте выслушаем сообщение доктора Сан, — предложил Гордон.

Китаец говорил на безупречном английском, с едва заметным акцентом:

— Как вы знаете, с помощью американской телевизионной камеры для глубоководных съемок на дне океана были обнаружены определенные предметы. Мы отправились исследовать эти предметы на русском батискафе.

У нас было время только на то, чтобы собрать образцы и сделать фотографии, так как вход в нору опять занесло илом, и нам пришлось три часа расчищать его, прежде чем начать работу. Но мы нашли много интересного. Миссис Мэри, пожалуйста!

Мэри начала доставать из папки фотографии и передавать их ему.

— Мы нашли там много вещей, похожих на это, — сказал Сан, поднимая фотографию большого цилиндра с огромной тупой и полой иглой на конце. — Мы обнаружили следы кислорода и высохшей органической жидкости внутри. Мы предполагаем, что существо вводило конец этого цилиндра

в аналог человеческих вен в своем организме и, таким образом, насыщало кислородом свою кровь. Возможно, засохшая жидкость в полой игле — это и есть кровь монстра. В укрытии монстра, вероятно, тысячи таких цилиндров.

— Кроме того, там есть также то, что можно назвать «едой». — На этот раз на стол легла фотография с изображением черных сплющенных предметов на расставленных рядами полках. — Нам удалось поднять на поверхность некоторое количество этих предметов. Химический анализ показал, что они содержат те же элементы, что были найдены в коже и костях скелета погибшего монстра, которого доктор Трент обнаружил в Атлантиде.

Доктор Сан уже собирался перейти к следующей фотографии, как вдруг Гордон щелкнул пальцами и вскрикнул. Сан заморгал глазами и вежливо предложил ему высказаться.

— Прошу прощения за то, что прервал вас, — извинился Гордон. — Но у меня появилась идея. На основании чего может быть определен тип обмена веществ чудовища? Нельзя ли создать яд для него? Тяжелый отравляющий газ, например, который, возможно, будет безвреден или, в худшем случае, только опасен для людей?

— Кто знает, доктор Гордон, — заметил президент. — Но если это можно сделать, это определенно было бы хорошим выходом из положения. Баргин, не могли бы вы проследить за тем, чтобы отдел, занимающийся разработкой химического оружия, получил все необходимые данные?

Сообразив, что президент обращается к нему, генерал поднял голову, но было заметно, что он не слышал просьбы.

— Извините, господин президент. Я только что понял кое-что, глядя на эти фотографии Джексонвилла, снятые телекамерой с воздуха. Я думаю, что знаю, где находится чудовище.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Он был одним из счастливчиков... Питер обнаружил это, когда, наконец, у него выдался свободный час и ему не надо было погружаться в этот изнуряющий сон. Он чувствовал

себя так, как будто его подгоняли день и ночь на протяжении нескольких лет. Его лицо и руки были покрыты грязью, борода свалялась, на одежде, грязной и рваной, выступили крупицы соли, следы его безумного прыжка в океан. Он не смотрел на себя в зеркало. Ему не обязательно было знать, что его глаза красны от усталости, а щеки ввалились, как у старика.

Те крохи пищи, которые ему перепадали, он умудрялся схватить либо в покинутых владельцами магазинах, либо с грузовиков, доставлявших продукты. Иногда, когда у него не было времени на поиски чего-то лучшего или он был настолько голоден, что уже не мог никуда идти, он доставал корки хлеба из мусорных баков.

Жизнь в городе замерла после того, как его захватил монстр. Он не заботился о потребностях своих рабов. Они ели то, что находили вокруг, пока этого хватало. Потом, когда они умирали от голода, у него в запасе оставались еще миллионы других людей, которых он мог согнать в свое владение. Единственный признак заботы, который он проявил о подчиненных ему людях, заключался в том, что он отдал приказ пригнать в гавань грузовой корабль, нагруженный бананами, и разрешил людям разобрать их. Шатаясь под связками бананов, они растащили их по городу.

В Джексонвилле не ходил никакой транспорт — ни автомобили, ни грузовики. Широкие улицы, проложенные заново после катастрофы 1965 года (когда ракета с расположенной на побережье ракетной базы во время учений упала в самом центре города и разрушила его), были пусты. Иногда на них можно было встретить немногочисленные мужчин, женщин и детей, способных передвигаться пешком. Все владельцы автомобилей были вынуждены отвезти машины на большую городскую свалку, и там другие люди облили их керосином и сожгли. Это было одно из первых заданий, полученное Питером после того, как он добрел до города.

Он научился быстро угадывать, чего от него хочет хозяин. Все люди научились этому, поскольку это было жизненно необходимо. Глупцы оказывались бесполезными.

Свежее воспоминание о судьбе одного такого глупца или смельчака преследовало и мучило Питера постоянно, как

открытая рана. Это был тонкий как жердь человек. Он не подчинился какому-то приказу монстра, несмотря на то, что из-за боли, которую он испытывал, сухожилия на тыльной стороне его рук напряглись и стали похожи на узловатые веревки. Питер видел, как боль заставила другого мужчину, в нескольких шагах от взбунтовавшегося храбреца поливавшего из шланга автомобили керосином, облить дерзкого бунтовщика с головы до ног, а затем оттащить его за ноги, хотя тот продолжал отбиваться до последнего, в огонь...

Да, Питеру повезло.

Он выполнял много разных заданий после расправы с автомобилями. Но их нельзя было назвать невыносимо тяжелыми. Иногда ему приходилось собирать странные предметы на складах, в брошенных мастерских, в аптеках. Он был одним из тысяч людей, занятых этой работой. Позже они собрались на площади перед зданием мэрии города, где монстр устроил свою резиденцию. Он снес стены на своем пути, когда обнаружил, что маленькие двери в домах людей не дают ему протиснуть грузное тело внутрь здания. Более того, как потом Питер понял, он выбирал для своего проживания те районы города, которые больше всего пострадали от взрывов, нисколько не заботясь о том, что люди могут погибнуть под развалинами.

Работая автоматически и одновременно обдумывая происшедшие события, Питер решил, что нелепая смесь предметов, сбором которых были заняты он и другие люди, должно быть, предназначалась в пищу чудовищу. Очевидно, в этой куче содержались все те элементы, что были найдены при анализе шкуры и скелета другого монстра. Ему хотелось бы увидеть, как монстр ест, но вместо этого он вместе с группой людей отправился собирать обломки камней, оставшиеся после взрыва здания.

Он трудился в поте лица целые сутки, ни разу не сделав перерыва, и почти падал от усталости и от замучившего его кашля, вызванного бетонной пылью, когда вдруг вся толпа работников содрогнулась от обрушившегося на них приступа боли.

Потом оказалось, что если идти в сторону мэрии, боль стихает. Они все двинулись туда, катясь, как лавина, по пу-

стынным улицам. Сбившись толпой у мэрии, все замерли, ожидая. Некоторые начали засыпать. После того, как все собрались, на площади не хватало места для того, чтобы лечь на землю, поэтому люди опирались на своих соседей, а у тех не хватало сил, чтобы оттолкнуть их.

Кто-то из соседей Питера, пока они проходили мимо пустого магазина, нашел там сигареты. Питер взял одну, ожидая, что курение запрещено и сейчас его настигнет приступ боли. Но, как ни странно, наказания не последовало. Он с благодарностью затянулся, но тут же понял, что его горло, раздраженное бетонной крошкой, не вынесет сигаретного дыма. Ему пришлось бросить сигарету и раздавить окурок ногой.

Толпа заволновалась. На платформу, сооруженную перед зданием мэрии из бронзовой вывески, снятой с одного из учреждений в разрушенном квартале, и украшенную цветным стеклом из близлежащей церкви, вышли люди. Десять мужчин и десять женщин. Чистые. Одетые в опрятные одежды. Бледные, но спокойные. Они выстроились — по обе стороны платформы, и унылая грязная толпа смотрела на них с завистью, не в силах понять, почему они остались чистыми и опрятными.

Потом под удары гонга появился хозяин. Его несли, высоко подняв на плечи, крупные мужчины, среди них было равное число чернокожих и белых. За носилками, что совершенно не вязалось с обстановкой и выглядело на редкость неуместно, шел хор мальчиков. Все они были одеты в стихари, размахивали кадилами и пели что-то так тихо, что слов было не разобрать.

Носильщики опустили монстра на землю, и толпа содрогнулась, поскольку многие из них впервые увидели существо, которое ими управляло. Питер был потрясен. Монстр вырос! Ему показалось, что у него появились новые щупальца.

Один из опрятно одетых мужчин, который вышел на платформу первым, внезапно зашатался, как будто на него обрушился сильный удар. Придя в себя, он выступил вперед и обратился к людям на площади.

— Хозяин приказывает мне говорить с вами! — выкрикнул он, и все, кто его слушал, ощутили слабые болезненные покалывания в голове.

— Хозяин приказывает мне сказать вам правду! Мы самонадеянные ничтожные насекомые. Сто тысяч лет назад мы были слугами хозяина. Он и весь его род пришли к нам из другого мира, с другой звезды, и увидели нас нагими, копошащимися в грязи, пользующимися инструментами, сделанными из камня и костей. Мы заслуживали только участи рабов и не имели никакого собственного представления о своем назначении. Все, что мы знаем, мы узнали от хозяев, а когда наш хозяин вернулся на землю из глубины моря, мы попытались убить его! Но нам это не удалось, теперь мы должны быть наказаны. Мы должны научиться уважению, которое положено оказывать высшей расе!

Что-то в его голосе было мучительно знакомым, но он все время срывался на крик, почти на вопль, и это мешало Питеру и сбивало его с толку. В глаза набилась бетонная пыль, поэтому он не мог четко разглядеть лица говорившего мужчины.

— Мы должны оказывать хозяину всяческие почести. Должны говорить о его силе, о его уме, о продолжительности его жизни, его знаниях. Мы должны прославлять его, склоняться перед ним, служить ему, потому что он во всем превосходит нас.

В толпе возник ропот несогласия, вслед за этим жало жестокой боли вонзилось в мозг каждого человека, и все стихло.

— Пойте! — закричал человек на платформе, и хор мальчиков вышел вперед. Они шли, спотыкаясь, как будто их ноги были скованы цепями, и затянули знакомую мелодию писклявыми голосами.

Питер не получил в свое время религиозного воспитания. Несмотря на это, он был шокирован, когда внезапно понял, что они пели начало религиозного гимна...

— Нет! Никогда! Какое богохульство! — Истеричные крики доносились из первых рядов толпы, и какая-то женщина с безумным выражением лица пыталась вскарабкаться на платформу и дотянуться до паланкина чудовища. Как только ее голова показалась над краем платформы, мужчина, произносивший речь, ударил ее ногой.

Боль заставила стихнуть крики гнева. Несколько неуверенных голосов неумело начали петь гимн, старательно вы-

говаривая слова, и боль немного ослабла. Медленно, с неохотой, беспомощные рабы подхватили мелодию гимна, не в силах сопротивляться этому немыслимому издевательству.

Возноси хвалу и благословляй его имя всегда,

Потому что именно так подобает делать.

В коротких паузах перед началом следующей строфы можно было слышать, как, захлебываясь, плачет ребенок. Незадолго до конца третьей — строфы плач затих, возможно, навсегда.

Они закончили четвертой строфой, вероятно, хозяину показалось, что христианский гимн вряд ли подходит для него, и стояли в ожидании следующего приказа, в то время как последняя строчка все еще звенела у них в головах: «И пусть твоя слава длится в веках!»

Вдруг они услышали в небе протяжный звук и подняли глаза, чтобы посмотреть, что это. На огромной скорости и на относительно небольшой высоте по холодному осеннему небу пронесся самолет, оставляя за собой белый след. Они слышали этот звук и раньше. Питер решил, что оставшиеся на свободе люди хотят выяснить, что здесь происходит, и используют для этого разведывательные реактивные самолеты или сканирующие ракеты. Да, это наверняка так, потому что люди услышали свистящий звук во второй и в третий раз. Напрягая усталые глаза, Питер уловил отблеск света на металлической поверхности, или, возможно, это светились раскаленные выхлопные газы.

Трудно было поверить, что на Земле остались еще люди, которые были хозяевами своей судьбы и своего мозга.

Вдруг он увидел, что хозяина уносят обратно внутрь здания, и толпа постепенно рассеивается. Вместе с толпой его отнесло к платформе, с которой к ним обратились с речью. Люди двигались в толпе автоматически, так как при этом боль была минимальной.

На платформе в вызывающих и напряженных позах стояли те же десять мужчин и десять женщин в чистых одеждах. Они выдерживали полные ненависти взгляды своих менее удачливых товарищей. Что заставило хозяина выделить этих людей? Питер не знал. Возможно, он не мог управлять всем населением мира. Может быть, в его планы входило обучить группу предателей, которые укрепят его власть.

Но что может заставить человека по собственному желанию сотрудничать с таким злобным тираном? Вглядываясь в эти безучастные лица, чтобы отыскать ответ на этот вопрос, он узнал в одном из них Люка.

Люк тоже узнал его, и Питеру показалось, что он хочет что-то сказать ему. Питер презрительно сплюнул и продолжал двигаться дальше мимо платформы.

Люк нервно оглянулся по сторонам, а потом наклонился, чтобы успеть прошептать ему то, что он хотел сказать.

— Питер! Я думаю, теперь наступит час отдыха. Давай встретимся с тобой на том месте, где были сожжены все автомобили!

— Я знаю, что ты обо мне думаешь, — сказал Люк, стараясь не встречаться с Питером глазами и пристально глядя на груду того, что совсем недавно было лучшими образцами продукции автомобильных заводов в Детройте. — Я того же мнения о себе. Но если бы ты ощутил силу этого монстра, направленную только на тебя... постарайся затеряться в массах, если сможешь; когда его воздействие рассредоточено, это не так страшно. Я знаю, я это тоже испытал. Его сила ограничена, Питер. И он совершил несколько ошибок, которые могут стать фатальными. Когда он первый раз пришел на Землю, он обнаружил, что человечество примитивно. Поэтому он считает, что мы до сих пор примитивны. В наших интересах поддерживать в нем эту иллюзию. Чем дольше мы сможем удовлетворять его потребности в пределах города и его окрестностей, тем больше вероятность того, что свободные люди придумают, как справиться с чудовищем.

— Следовательно, надо петь гимн? — мрачно спросил Питер.

— Обязательно! Я сам подобрал этот гимн, потому что его можно воспринимать как пустое славословие его высшим талантам — и еще потому, что достаточно большое количество людей знают его слова, чтобы толпа понимала, что она поет. Питер, я больше не смею задерживаться, я должен возвращаться к монстру. Если он заподозрит меня, я пропал. Я видел, как это происходит. Некоторые из тех, кого он подобрал в качестве своих помощников, настоящие ублюдки. Среди них управляющий старорежимной тюрьмой из штата Алабама, который проводил

здесь свой отпуск. Он настоящий садист, каких я раньше никогда не встречал. Также здесь есть женщина, готовая предать любого. Они не хотят рисковать, кроме того, они убеждены в том, что все делают правильно. Они настолько ненавидят других людей, что их нисколько не беспокоит их участь. Они рады, что судьба предоставила им случай расквитаться с ними. Но перед тем как я уйду, выслушай внимательно, что я тебе скажу. Сейчас ни у кого нет ни малейшей надежды выбраться отсюда. Все шоссе заблокированы, любая попытка достать самолет и улететь будет пресечена с помощью ракет. Ракеты уже расстреляли два самолета, и сейчас они приспосабливают ракеты класса «Громовержец» для того, чтобы сбивать ими сканирующие ракеты, которые пролетали над нами сегодня. Этот проклятый монстр обладает техническими знаниями. Он заставляет инженеров делать такие вещи, о которых я никогда и не мечтал, хотя я передаю им его приказы.

Но ситуация может измениться. Если это произойдет, и ты выберешься отсюда, скажи, что...

Что-то с воем пронеслось у них над головами. Они инстинктивно пригнулись. Прежде чем они снова подняли головы, огромный столб белого дыма поднялся прямо над зданием мэрии. И они услышали глухой звук разрыва тяжелого снаряда.

Они посмотрели друг на друга с внезапной дикой надеждой, и Питер открыл рот, силясь что-то сказать, но в этот момент приступ боли с неистовой яростью обрушился на них, и они поняли, что попытка оказалась неудачной.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

— Я думаю, нужно смириться с тем, что результат операции оказался, таким ничтожным, — мрачно заметил генерал Баргин. — Мы взорвали здание мэрии. Но боеголовка была стандартной, мощностью только в одну тонну. — Грязь захлюпала у него под ногами, когда он заерзал, стараясь принять более удобное положение. Полевой штаб располагался под навесом и

был готов к эвакуации в течение пятнадцати минут после объявления тревоги, так же, как и расположенная полукругом линия обороны, хотя лучше, наверное, было назвать ее кордоном. Кордон, укрепленный солдатами и орудиями, должен был удерживать монстра в тех пределах, где он до сих пор находился.

Доктор Гордон ждал, не захочет ли кто-нибудь еще выступить. Но все молчали. Он откашлялся и заговорил.

— Генерал, я думал, мы использовали сканирующие ракеты только потому, что они движутся с огромной скоростью и их невозможно сбить?

— Да, именно поэтому, — согласился Баргин. — Противоракетные установки класса «Громовержец» теоретически не должны их засекать. Но одной установке это удалось. В настоящее время мы проводим ряд полетов, стараясь вывести противника из равновесия и спровоцировать на использование боевых запасов. У него должно быть около шестидесяти ракет. Нам удалось заставить его использовать одиннадцать ракет. Но насколько это облегчит наше положение, один бог знает. Монстр, вероятно, пребывает в самом скверном настроении после того, что мы с ним сделали. Если он знает, как увеличить скорость ракеты «Громовержец», чтобы она смогла настичь сканирующую ракету, развивающую скорость до двух тысяч миль в час, он мог бы построить такие ракеты из деталей сломанных автомобилей.

— Химики что-нибудь сделали для решения проблемы? — спросил генерала внимательно слушавший его полковник. — Кто-то сказал...

— Мы не можем ждать быстрых результатов в этом направлении, — прервал его доктор Гордон. — Они работают, используя самый большой компьютер в стране. И такой же компьютер есть у русских. Но как бы вы могли вычислить, например, что применение цианистого калия — самый быстрый способ вызвать смерть человека, если бы в ваших руках были только кусочки сморщенной засохшей кожи и обломок кости?

— Я понял вашу точку зрения, — сухо заметил полковник.

В палатку, откинув полог тента, вбежал курьер, он нагнулся, чтобы не стукнуться о висевшую над входом лампу.

— Поступил сигнал, генерал, — сказал он, отдавая честь. — И, наверно, в скором времени появятся новые сообщения.

Баргин взял в руки записку с каракулями.

— Похоже, это сигнал к началу операции «Экскаватор», — сказал он загадочно. — Будем надеяться, что она даст хорошие результаты. Полковник, представьте мне полный список запасов оружия, более мощного, чем стрелковое, которое находилось в Джексонвилле до его захвата монстром.

Полковник вышел из палатки следом за курьером.

Здание мэрии представляло собой груду камней, его крыша осела, стены развалились. Но сила сигнала, идущего из-под развалин, доказывала, что хозяин способен пережить даже такие потрясения.

В конце концов, рассуждал Питер, он ведь выдерживал давление воды на огромной глубине в Атлантическом океане. Груда обломков, возможно, даже не поцарапала его шкуру.

Они оказались среди последних, кто прибыл на место взрыва. Толпа, состоящая, по крайней мере, из тысячи мужчин и женщин, вручную занималась расчисткой каменных завалов. Питер присоединился к концу одной цепочки, рядом с ним встал Люк, и они принялись ловить глыбы бетона и бросать их на землю.

Неровно обломанный пятифутовый блок со свистом полетел по воздуху по направлению к Люку. Слишком поздно Питер понял, что Люк не успеет обернуться, так как он передавал предыдущую глыбу соседу по цепочке. Питер хотел поймать летящий камень, но не смог.

Голова Люка внезапно упала на грудь. На несколько секунд его лицо исказилось от ужасной боли. Потом он покачнулся и упал навзничь, кровь хлынула из раны на голове. Питер заставил себя наклониться и посмотреть, не может ли он чем-либо помочь Люку, но новый приступ боли напомнил ему, что хозяин не слишком заботится о судьбе своих рабов.

По крайней мере, Люка надо похоронить. Питер решил соорудить что-то вроде каменной пирамиды над телом друга, и потом передвинуться на другое место и там уже складывать глыбы в кучи.

Питер подумал, что они похожи на рабов, строивших в поте лица пирамиды. И делают они это по прихоти господина, который во много раз хуже фараона...

Возможно, под глыбами находились тела и других людей, которые с помощью веревок вынесли хозяина из развалин. Некоторым из них пришлось скрести его шкуру до тех пор, пока она не стала снова чистой и блестящей. Другие занимались поисками материалов для постройки нового паланкина. Потом они все должны были нести его, распевая гимн, к большой церкви, расположенной в пяти кварталах отсюда, и устроить его там, обставив жилище с новой роскошью.

Дважды во время движения процессии над их головами раздавался резкий звук разрывов, и один раз корпус сбитой ракеты пропахал кровавую борозду в толпе людей. Никто не мог оказать помощь умирающим. Даже те, кто из элементарного сочувствия, чтобы только скорее прекратить их страдания, пытались проломить чем-нибудь тяжелым их черепа, тут же наказывались очередным приступом жестокой боли.

Либо хозяин был действительно сильно напуган, либо он был настроен решительно и желал довести до конца намеченный план, или, точнее, добиться того, о чем говорили его представители.

Чем сейчас занимаются остальные рабы? Питер старался догадаться об этом, оглядываясь по сторонам, пока они несли хозяина к его новому месту обитания. Часть людей, очевидно, работала на ракетной базе, перетаскивая вручную ракеты весом в пятьдесят тонн. Другие были вынуждены охранять границы владений хозяина и пресекать попытки проникновения возможных лазутчиков. Еще часть людей была занята расчисткой руин других зданий, взорванных ранее, и восстановлением дорожного покрытия. Одна группа занималась особым заданием.

Вдоль одной из главных улиц, которая проходила рядом со старой церковью, мужчины и женщины старательно толкали перед собой тяжело нагруженные тележки. На тележках грудами было сложено оружие: карабины, спортивные ружья, автоматы, а также боеприпасы к ним. Кроме того, на тележках были сложены топоры, кухонные ножи, даже

абордажные сабли и мечи, которые были, скорее всего, изъяты из музеев.

— Вы умеете обращаться с огнестрельным оружием? — устало обращались они ко всем, проходя сквозь толпу. Те, кто отвечал утвердительно, получали ружья. Тем, кто не умел пользоваться оружием, в основном это были женщины, выдавали ножи, топоры или резаки.

— Он создает армию, — подумал Питер. — Значит, он понимает, что его власть ограничена!

Его так окрылило открытие, что хозяин не намеревается дольше удерживать своего противника только собственными силами, что, когда к нему подошел разносчик и уныло задал свой вопрос, он от неожиданности вздрогнул.

Он знал, что он не сможет солгать. В любом случае, если он скажет, что не умеет обращаться с огнестрельным оружием, то получит холодное оружие, применение которого не зависит от наличия боеприпасов. Как называется модель самого маленького огнестрельного оружия?

— Я умею обращаться с пистолетом 22 калибра, — осторожно сказал он.

Это была правда. Он умел также пользоваться автоматом, карабином, магазинной винтовкой и многими другими видами смертоносного оружия. Но разносчик оружия не стал останавливаться, чтобы задать ему дополнительные вопросы. Он протянул ему маленький пистолет для стрельбы по мишеням и коробку патронов и двинулся дальше.

Наступило временное затишье, пока раздавалось остальное оружие. Питер не знал, можно ли ему бросить пистолет куда-нибудь в сточную канаву, и таким образом избежать опасности, которой подвергли себя стрелки, оставшиеся на побережье возле пушек. Но кто-то из толпы опередил его и отказался брать в руки предназначенный для него топор, заявив, что он пацифист, никогда не применял насилие и не собирается делать это сейчас.

Значит, были еще среди них люди, не утратившие человеческого облика, чей дух был еще силен. Но чудовище мучило и понуждало его, это можно было понять по его глазам. В конце концов, он взял топор и упал в обморок, крепко сжимая его в руках.

Питер брел вдоль улицы в поисках пищи. Один из множества ящиков, выгруженных на берег с потерпевшего крушение грузового корабля, обратил на себя его внимание. Он нашел в нем две грозди почерневших бананов и с жадностью набросился на них. К нему подошла женщина с выбитым глазом, на месте пустой глазницы образовалась красная впадина; она молча протягивала к нему окровавленные руки, и он отдал ей половину того, что нашел, не столько из чувства сострадания, сколько от переполнившего его счастья при мысли, что Мэри не постигла такая же жалкая участь. Если из океана не появится еще одно чудовище, то в Атлантиде она находится в безопасности. Может быть, это сейчас самое безопасное место на Земле.

Если, конечно, она все еще там и не совершила никаких глупостей, не настояла, например, на участии в спасательной операции.

Но ему совсем не хотелось думать об этом. Именно по этой причине в последнее время он старался как можно меньше думать о Мэри. Обычно эти мысли заканчивались тем, что он представлял картину ее гибели под обломками камней, как это случилось с Люком, или ее превращения в такое же несчастное создание, как эта одноглазая женщина. Лучше совсем не думать об этом, а просто сидеть и терпеливо сносить все невзгоды. Пока, наконец, не поступит приказ наступать.

— Ракеты над Нью-Йорком, Филадельфией, Балтимором, Ричмондом и Саванной, — сообщалось в рапорте. Лицо Баргина помрачнело.

— Слава Богу, там нет урана или других радиоактивных материалов, — сказал он. — Мы должны благодарить бога, что этот монстр не знает, как делать водородные бомбы из старых жестяных банок из-под консервов. Какой ущерб нанесли ракеты?

— В настоящий момент мы уточняем сведения, сэр, — ответил радист. — В Нью-Йорке серьезных повреждений нет. Ракета взорвалась до того, как успела нанести удар. Хуже всего досталось Ричмонду. Ракета нанесла удар по супермаркету, и там до сих пор не откопали все трупы.

— Из Вашингтона сообщают о разразившейся эпидемии паники вдоль всего Восточного побережья. Люди бегут в леса Новой Англии, и все главные магистрали забиты машинами. Толпы осаждают морские порты и борются за места на борту корабля. Одного владельца грузового судна буквально заставили под дулом пистолета выйти в море из Бостона.

— А чем занимается президент?

— Он находится в штате Миннесота, где-то в запасном убежище, оставшемся еще со времен холодной войны. Говорят, что сегодня вечером он выступит по радио с обращением ко всему народу.

— Покажите мне рапорты об эвакуации. — Радист переключился на другую линию и начал задавать четкие вопросы.

— Эвакуация закончена в радиусе тридцати миль, — сказал он. — Открыты центры для беженцев в Атланте, Бирмингеме и Монтгомери. Но как только люди узнают об эвакуации, то чертовски много народу в спешке покинет эти места.

— Что там, на западе? — сказал Баргин без тени улыбки. — Есть ли контакт с этими ублюдками из Джексонвилла?

— На всем протяжении западного квадрата расставлены подразделения, вооруженные стрелковым оружием. Командиры подразделений сообщают, что они почти завершили отвод войск.

— Хорошо. Я надеюсь только, что мы сможем вернуть их к нормальной жизни, и они сохранят нормальную психику. Лучше бы операция «Экскаватор» началась сейчас. Наблюдалось ли движение на противоракетной базе? Я бы не хотел, чтобы еще одна из усовершенствованных ракет класса «Громовержец» вылетела дальше, чем на одну милю от базы!

Войска выступили в поход, когда начали сгущаться сумерки. Они шли, распевая гимн, не осмеливаясь ослушаться приказа, подстегивающего их мозг, маршируя под выбивающие ритм гонги и барабаны. Многие хромали. Некоторые пытались отставать, но их безжалостно волокли обратно и ставили на то же место в строю.

Несколько человек неожиданно упало, и никто не пытался помочь им, люди просто обогнули их тела.

И раньше в истории человечества бывало, что люди вели себя так же жестоко по отношению друг к другу. Почувствовав, что приказ маршировать берет верх над его волей и сознанием, Питер постарался вспомнить все, что он знал о подобных периодах в истории человечества. Он полагал, что с жестокостью покончено навсегда. Что же, может быть, этот эпизод будет последним, и люди перестанут мучить друг друга.

Дальше дорога была перегорожена, здесь проходила граница чьих-то владений. Люди перелезли через изгородь или обошли ее. Головной отряд перестроился. Они упорно шли вперед.

Питер находился ближе к хвосту колонны. Ночью он мог видеть всего на несколько шагов. Для него было полной неожиданностью, когда он услышал выстрелы, и что-то побудило его поднять пистолет и выстрелить.

Если они и дальше будут тратить свои патроны так, бездарно, он избежит необходимости стрелять в людей.

В отдельных домах по сторонам дороги появились огни. Армия рассыпалась. Некоторым было приказано заряжать ружья и вести огонь непрерывно. Но ответного огня не последовало, и они снова двинулись вперед, чтобы вскоре обнаружить, что люди, зажегшие огни, покинули свои посты и отступили.

В течение часа все повторилось снова: атака, огни, затем брошенный пост. Атмосфера неопределенности, которая, как Питер был твердо уверен, исходила от монстра, нависла над войском. А затем...

Грузовики, транспорт для перевозки войск, санитарные машины — это фантастическое скопление всех средств передвижения загромыхало в ночи. Вокруг слышались резкие щелчки ружейных выстрелов и смешанные с ними монотонные хлопающие звуки как при стрельбе из миномета. При каждом хлопке из специального устройства, закрепленного на одной из машин, вылетала сеть, которая опутывала мужчин и женщин, как при ловле птиц в силки, и автоматически захлопывалась. Подъемное устройство поднимало сети с человеческим грузом на машины. Люди кричали, повсюду раздавались выстрелы.

Но прежде, чем больше половины «армии» было выловлено, Питер и остальные люди, которых оставалось достаточно много, были вынуждены повернуться и бежать.

Конечно, их хотели спасти! Восхищаясь изобретательностью тех, кто послал управляемые роботами машины, чтобы выручить их из неволи, он послушно бежал прочь от своего спасения.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

— Нет сомнения в том, господин президент, что события начинают принимать совсем другой оборот, — говорил Баргин в трубку телефона. — Мы сбили четыре ракеты, запущенные из Джексонвилла после вчерашнего бомбового удара, операция «Экскаватор» имела потрясающий успех.

Он выслушал слова президента.

— Да, я все еще хочу получить разрешение ООН на создание ракеты с ядерной боеголовкой. Опасность заключается в том, что до сих пор монстр недооценивал нас, и поэтому не исключено, что у него в запасе есть способы, которые он пока не использовал. В ближайшее время я жду сообщения о разработке биологического оружия, и в любом случае вы будете немедленно оповещены о продвижении в этом направлении.

Он попрощался и повесил трубку. Потом тяжело опустился на стул. Они перенесли свой мобильный штаб из-под навеса на одну из машин, которая вернулась с операции «Экскаватор». Вряд ли этот трюк пройдет во второй раз, но нужно сделать все, чтобы не потерять перевес, достигнутый благодаря удаче операции.

— Доктор Гордон и миссис Трент, сэр, — доложил его ординарец, просунув голову в дверь.

Генерал кивнул и встал навстречу гостям.

Мэри была невероятно бледной, но вокруг нее как бы распространялось сияние. Она выглядела еще красивее, чем когда-либо, — красота, казалось, исходила из глубины ее существа и озаряла осунувшееся лицо. Гордон тяжело

дышал от усталости, но он, по крайней мере, выдавил из себя улыбку.

— Вы всех обошли? — приступил к делу Баргин после того, как предложил гостям сигареты.

— Да, — ответила Мэри подавленно. — После того как мы обошли всех живых раненых и проверили всех убитых, стало ясно, что Питера среди них нет.

— Мне очень жаль, — некстати брякнул Баргин.

— Я начинаю постепенно привыкать к мысли, что я его больше никогда не увижу, — сказала Мэри. — Обстоятельства заставляют меня свыкнуться с этой мыслью. Отчасти я не жалею, что его не оказалось среди тех людей, которые были подобраны во время вашей операции. Я не думаю, что,если он пережил весь этот ужас, он останется прежним человеком, которого я знала.

— Все подобранные люди находятся в ужасном состоянии, — подтвердил Гордон.

— Я знаю, — вздохнул Баргин. — Такое впечатление, будто чудовище превратило их всех в безумцев после того, как сеть захлопнулась. Они бросаются друг на друга с ножами, стреляют из ружей... но у нас есть хорошие медицинские средства, вы знаете об этом.

— Основная их проблема — не физическое здоровье, — сказала Мэри, — у них поврежден разум. Апатия, безразличие или горячечный бред!

— Но не может быть, чтобы все они были такими, — сказал Баргин. — Если бы это было так, они были бы не нужны монстру.

Это была хотя бы крошечная надежда, которую он мог подарить ей, оставаясь честным. Мэри согласилась с его словами, чуть заметно кивнув головой. Гордон закашлялся и вытащил из кармана бумаги.

— Нам есть, что вам сообщить, — сказал он. — Я регулярно курсировал между Атлантидой, где ведутся раскопки остатков убежища монстра, и институтом Джона Хопкинса.

Было высказано предположение, что сухое вещество, найденное в полости иглы, прикрепленной к кислородным цистернам, является аналогом крови. Помните, о нем сообщал в Белом Доме доктор Сан?

Генерал кивнул.

— Конечно, к нему примешалась морская вода, но ученые избавились от примеси и смогли идентифицировать вещество, которое действует как аналог гемоглобина. Оно ведет себя сходным образом: отдает кислород в обмен на углекислый газ, что очень неудачно с нашей точки зрения.

— Почему?

— Потому что это означает, что яды, вредные для человека, которые действуют так же, как, например, цианистый калий, нарушая снабжение тканей организма кислородом, будут смертельны и для монстра. Если продолжить эту мысль, то получается, что все, что смертельно для монстра, вероятно, смертельно и для человека.

— Плохо. Продолжайте дальше. — Гордон пожал плечами.

— Это открывает возможность использования целого ряда ядов, и тут же закрывает ее, если мы все еще намереваемся спасти как можно больше людей. Я не вижу, что еще мы можем сделать. Ученые предлагают подготовить ракеты, нагруженные ядами разных видов и механизмов действия, включая цианистый калий, хотя он такой летучий, что на успех можно рассчитывать только в случае прямого попадания. Поэтому необходимо установить, куда переместилась штаб-квартира монстра после взрыва здания мэрии.

— И как они предполагают, мы должны сделать это? — В голосе Баргина прозвучала горькая ирония. — В нашем распоряжении нет фотографий Джексонвилла с тех пор, как монстр научился сбивать самые быстрые наши ракеты. У нас есть, конечно, еще более быстрые ракеты, но с их помощью мы не сможем получить такие фотографии, которые могли бы нас удовлетворить.

— Боюсь, что это все-таки вопрос к вам, генерал, или к техническим экспертам. Кстати, я говорил Васильеву об этом, когда был в районе Атлантиды, и из его ответа могу сделать вывод, что очень скоро мы получим от них нечто выдающееся в области электронных усилителей. Не исключено, что эти приборы помогут получить хорошие фотографии даже с помощью сверхскоростных ракет.

— Возможно.

— Это было бы лучше всего! Теперь все зависит от того, будем ли мы знать хотя бы приблизительно местонахождение монстра. Например, мы пришли к выводу, что потребность монстра в кислороде выше, чем у человека, поскольку он гораздо массивнее. Следовательно, он задохнется быстрее, чем люди, поэтому, если удастся заманить его в огненную ловушку, это погубит его. К несчастью, насколько мы знаем, он может существовать в состоянии спячки на протяжении ста тысяч лет. Возможно, он впадет в спячку прежде, чем снижение содержания кислорода убьет его.

Гордон беспомощно развел руками.

— И в любом случае, он обладает достаточно развитым интеллектом, чтобы понимать, что если бы он не вышел у здания мэрии перед толпой восхищенных рабов, мы бы не определили так быстро его местонахождение. Он, конечно, впредь не будет так рисковать.

— Нам следовало выпустить двадцать ракет по зданию ратуши вместо одной, — простонал Гордон. — Или использовать вслед за бомбовым ударом напалм, чтобы лишить его снабжения кислородом.

— Я только что разговаривал с президентом, — вставил Баргин после небольшой паузы. — Он выступит сегодня с обращением на срочном заседании ООН и попросит у собрания разрешения на применение атомной боеголовки мощностью в одну килотонну.

— Я слышал об этом. По крайней мере, ходили такие слухи. Некоторые говорят, что это давно уже следовало сделать. И отчасти они правы. Васильев высказывался об этом, когда монстр еще находился под контролем на борту корабля «Королева Александра». Мне кажется, что и вы выступали с таким предложением, когда он впервые появился в Джексонвилле.

— Тогда у меня еще оставались надежды на лучший исход, поэтому я не стал настаивать на своей точке зрения.

Баргин закурил и откинулся на спинку стула.

— Как дела в других местах? — спросил он. — Я так сосредоточился на Джексонвилле, что не в курсе событий.

Мэри нарушила свое длительное молчание.

— Это ужасно, — сказала она.

— Могло бы быть гораздо хуже, — возразил Гордон. — Движение беженцев, как вы знаете, немного замедлилось. Военные моряки вернули захваченный грузовой корабль его владельцу. В обществе царит атмосфера общего безумия. Старушки пугаются любой тени, везде им мерещится чудовище, люди без устали разыгрывают ситуации типа «что бы я делал, если бы встретился с монстром»; одни комментаторы новостей шумно требуют применения ядерных ракет, другие защищают жизни несчастных граждан, захваченных чудовищем.

— Комментаторы новостей работают без устали, — сказал Баргин. — Вчера воздушные силы сбили одного из них. Он намеревался спрыгнуть с парашютом на Джексонвилл и передать по радио репортаж с места происшествия. Но в целом должен отметить, что пресса работает на удивление слаженно. Если бы репортеры потеряли голову, то страна находилась бы сейчас в безумной панике.

— Может быть, и нет. Со времени сообщения о нашествии марсиан, переданного по радио незадолго до начала Второй мировой войны, люди стали очень скептически относиться к возможности появления враждебных чудовищ. Я бы хотел, чтобы и этот монстр был порождением ночного кошмара какого-нибудь сценариста, но не нашей реальностью.

— Генерал, — неожиданно вступила в спор Мэри, — если этот монстр так всесилен, зачем тогда он заставляет людей участвовать в этих нелепых церемониях?

— Все эти поклоны и раболепство, и хвалебные гимны? Психологи имели возможность увидеть одну из таких церемоний, и они предложили свою рабочую гипотезу. Они полагают, что поскольку продолжительность жизни существ этой расы очень велика, инстинкт размножения у них развит очень слабо, а способность вызывать боль в других созданиях и подавлять их соответствует нашему сексуальному инстинкту. То есть эта способность заменила собой в мозгу монстра вытесненный сексуальный инстинкт. Я передаю все в самых общих чертах. Психологи рассказывали мне эту теорию, используя множество специальных терминов. Возможно, такое славословие нужно монстру, чтобы испытывать чувство удовлетворения.

— Другое возможное объяснение еще проще. Вероятно, он просто не в состоянии наблюдать за тысячами людей. Это слишком сложная работа для монстра, и он обнаруживает, или уже обнаружил раньше, что в качестве меры для сохранения порядка лучше всего внушить своим рабам, что он — высшее существо, и подчинение ему — это закон природы. Таким образом, он уменьшает вероятность бунта против него.

— Вторая версия звучит более правдоподобно, — заметила Мэри рассудительно. — В конце концов, если бы это не было для него тяжелой задачей, то к настоящему времени он завоевал бы уже всю страну или даже весь мир.

Ее нижняя губа задрожала, и она внезапно потеряла контроль над собой. Напуганные такой резкой переменой, все принялись успокаивать ее, но она, не выдержав, разрыдалась. Прорвалось долго сдерживаемое, глубокое страдание.

— Я надеюсь, что Питер мертв! — сказала она, когда, наконец, смогла справиться с рыданиями. — Лучше умереть, чем жить так, как он того хочет!

Ему все чаще казалось, что он совершил ошибку.

Привыкнув к беспрекословному повиновению примитивных людей и пребывая под властью иллюзии, что катастрофа, в результате которой погиб знакомый ему мир, произошла всего несколько дней назад, он решил, что сможет повелевать миллионами человеческих существ без всякой помощи. Но человеческие существа, с которыми ему пришлось столкнуться сейчас, были далеко не примитивны. Иногда им даже удавалось перехитрить его.

Например, вспомнить хотя бы, как они определили местонахождение его штаб-квартиры и выстрелили по ней точно нацеленной ракетой. Он, конечно, не остался в долгу, но у него было недостаточно ресурсов, чтобы нанести значительный ущерб врагу. И каждый раз, как он придумывал какие-либо усовершенствования в конструкции захваченных им ракет, они находили ответные решения. Они блестяще пресекли его попытку использовать своих подчиненных в качестве пушечного мяса, послав механических роботов вместо живых людей, которыми он мог управлять. Меры, которые требовались для вбивания в твердые головы рабов

идеи о его абсолютном превосходстве, также отнимали много сил.

Силы его рабов тоже убывали. Сокращались запасы пищи, и, хотя он рассылал по разным направлениям специальные группы мусорщиков для сбора пищевых отбросов на улицах города и в окрестностях, рабы умирали от голода.

Ему пришлось примириться с тем, что эти люди были непокорными и плохо обучаемыми. Он не мог найти для себя удобных заместителей, чтобы заменить тех, что погибли под развалинами городской мэрии, и таким образом немного облегчить себе задачу управления толпой. Ему придется тратить свою энергию, чтобы убрать тех, что были слишком истощены, и заменить их новыми. Если бы он не решил в свое время, что справится со всем в одиночку!

Сейчас он был почти уверен, что остался в одиночестве. Вероятно, все его сородичи были так развращены легкостью и удобством жизни на Земле, что вовремя не подготовили себе безопасный путь к отступлению. Вроде того глупца, Руаха, умолявшего его о помощи.

Для того чтобы справиться с возникшими проблемами ресурсов, ему необходимо больше сил. Следовательно, ему надо полноценно питаться. Это довольно трудно, если использовать в пищу только то, что можно найти в городе. Но он понимал, что ему понадобится много времени, прежде чем он научит биохимиков синтезировать необходимую пищу в нужных для него количествах. Поэтому нужно брать то, что можно раздобыть здесь. Несколько дней ушло на поиски провизии. Разыскать некоторые необходимые ему продукты было очень трудно, а численность людей, с которыми он работал, быстро уменьшалась.

Он как раз завершал свой затянувшийся прием пищи, когда ракета прорезала небо над городом. Она двигалась с такой скоростью, что он мог только чувствовать ее; ни один человеческий глаз не смог бы ее различить. Он вызвал приступ боли у людей, находившихся рядом с ракетной базой, но, несмотря на все усовершенствования, противоракетные установки класса «Громовержец» пропустили нового нарушителя вглубь их территории на тысячу футов.

Он утешал себя тем, что он, по крайней мере, невидим для них. Только груды запасов пищи, сложенные возле входа в церковь, где он находился, могут обнаружить его местонахождение.

Вот почему, когда час спустя в свод церкви попала ракета, он испытал настоящий шок. Другая причина шока заключалась в том, что на этот раз ракета была начинена не взрывчаткой, а ядом, который наверняка убил бы его, если бы он не был настороже и не принял бы меры.

Он спас себя тем, что временно впал в состояние кататонии, пока пары цианистого калия не рассеялись. Когда ему удалось восстановить метаболическую активность в полном объеме, он пришел к определенному выводу.

Новое завоевание Земли, очевидно, будет не таким скорым, как он предполагал.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Линия обороны со стороны суши представляла собой дугу около пятидесяти миль в длину, соответственно укрепления были эшелонированы вглубь материка на разное расстояние от линии побережья. Передовые посты управлялись дистанционно. В основном это были укрепленные сканирующие станции. На нескольких постах располагался специальный транспорт, управляемый роботами: легкие танки и разведывательные машины, но нельзя было сказать, что они приносили больше пользы, чем укрепленные посты. Любая попытка бросить машины на прорыв вглубь оккупированной территории заканчивалась тем, что толпы рабов отрезали им путь к отступлению, и единственное, что они могли в этом случае делать, это прорываться вперед сквозь стену человеческих тел.

Со стороны моря территорию патрулировало двадцать морских кораблей, включая и подводные лодки. Со времени эпизода с грузовым судном, перевозившим бананы, когда оно необъяснимым образом врезалось в волнорез у причала Джексонвилла, всем кораблям было приказано держаться как можно дальше от опасного места.

Изредка над городом совершал полеты «глаз» — боевая ракета, снаряженная сканером, способная летать со скоростью пять тысяч миль в час на небольшой высоте. Но полеты были слишком короткими, поскольку на совершение каждого требовалось огромное количество топлива. По едва различимым сигналам, регистрируемым ракетой-шпионом, можно было воссоздать картину города, используя специально приспособленную для этой цели модель электронного усилителя, полученную от ученых Пулковской обсерватории.

До сих пор предполагалось, что план действий монстра не будет существенно изменяться; он уже обладает тем количеством людей, которым может управлять, и в обозримом будущем не будет стремиться расширять свои владения. Сведения, которые были получены от рабов чудовища, освобожденных во время операции «Экскаватор», указывали на то, что запуск ракет, нагруженных цианистым калием, в район церкви ничего не дал. В любом случае количество ракет было ограничено. Соглашение о разоружении, вступившее в силу после стольких споров и дискуссий, привело к тому, что дубинку заменили хирургическим ножом. Все ракеты, которые удалось доставить с оставшихся складов боевого оружия, были предназначены только для обороны и поражения ракет неприятеля на большой высоте.

Психологи, анализировавшие данные военных, стали высказываться более уверенно, и их уверенность оказалась заразительной. Все указывало на то, что пришелец зарвался и взял на себя непосильную задачу. Он неправильно оценил силы людей и не учел, что они будут активно сопротивляться и не поддадутся панике. Если это действительно так, тогда, продолжая наносить точные, но нерегулярные удары, они смогут спутать все его планы, поскольку ему придется постоянно думать о мерах предосторожности и о собственной безопасности.

Казалось, их тактика начинает приносить плоды. Поэтому, хоть они и получили разрешение на создание ядерной боеголовки мощностью в одну килотонну и ее ракетоносителя, было решено оставить этот вариант на самый крайний случай. По мере переработки информации, полученной при исследовании подводного убежища монстра и анализа шкуры и скелета его

мертвого сородича, возникали новые идеи о методах борьбы с чудовищем.

Картина, полученная благодаря съемке со сканирующей ракеты, показала, что монстр отправил восемьсот человек рыть для себя подземное убежище. Очевидно, на него произвела сильное впечатление ракета с цианистым калием, и он уже не доверял безопасности зданий, расположенных на поверхности. Военные не препятствовали строительству убежища вплоть до последнего момента, но затем нанесли удар сразу четырьмя ракетами. Эти ракеты были сконструированы таким образом, что они проникали сквозь любую породу, которая была мягче, чем бетон, и взрывались на заранее запрограммированной глубине. Тщательно укрытое убежище было разрушено, и работу пришлось начинать сначала.

Люди старались как можно чаще определять новые укрытия монстра, и били по ним обычными сигнальными ракетами. Цель этих ударов была не в том, чтобы нанести серьезный ущерб, а исключительно в том, чтобы дать противнику понять: они знают, где он находится, и не наносят удар только потому, что не хотят убивать людей, находящихся поблизости. Они выяснили от спасенных людей, что монстр уже не так легкомысленно относится к человеческим жизням, как раньше. Создавалось впечатление, что он уже не надеялся захватить значительное число новых рабов и старался сохранить тех, что у него уже есть.

Рано или поздно они одолеют его. Можно было утверждать со всей определенностью, что удар ядерной ракетой для завершения борьбы с монстром привел бы к гибели девяноста процентов захваченных им пленников, а единственная опасность использования такой тактики заключалась только в том, что в приступе отчаяния монстр мог попытаться убить оставшихся людей. Они смирились с такой перспективой в соответствии с законами войны до победного конца.

И затем...

— Что? Всё? — закричал Баргин.

— Да, так значится в сообщении, сэр, — подтвердил радист. — Все население Брансвика, которое не было эвакуировано, население Саванны и всех населенных пунктов на территории между этими городами.

— Достаньте мне вертолет и поднимите по тревоге все подразделения в этом районе, — приказал Баргин.

— Вряд ли нам удастся получить подкрепление, сэр, — начал радист. — Говорят, что уже почти час от войск, находящихся на границе очищенной от населения территории между Джексонвиллом и Брансвиком, не поступает никаких сообщений. Боятся, что они оказались первыми, кто поспешил уйти.

— Прикройте брешь с помощью транспорта с дистанционным управлением, всеми средствами, которые у нас есть. И приготовьте для меня вертолет, быстро!

На протяжении всей истории Соединенных Штатов Америки ничего подобного еще не случалось. Все население нескольких городов двигалось к Джексонвиллу: тысячи, потом десятки тысяч людей снялись со своих мест. Кто-то ехал в машинах, другие — на машинах, третьи шли пешком. Когда людские толпы заполонили все дороги, часть людей растеклась по окрестностям и двигалась по бездорожью. Напуганные, иногда они пытались повернуть назад, но вскоре понимали, что это невозможно.

Дорога на много миль вперед была забита темной движущейся толпой. Глядя в бинокль, Баргин вновь и вновь отмечал в толпе эпизоды человеческих трагедий. Он видел женщину с ребенком, который уже не мог идти дальше. Мать хотела остановиться, чтобы дать ему отдохнуть, но адская боль не давала ей это сделать и заставляла ее, почти ослепшую от рыданий, двигаться, спотыкаясь, вперед и бросить плачущего ребенка одного. Инвалид, чей костыль сломался, тщетно умолял кого-нибудь помочь ему подняться на ноги. В конце концов, ему пришлось ползти, чтобы хоть немного умерить боль, ослабевавшую во время движения. А вокруг страдали и гибли тысячи других несчастных. Баргин определил высоту, на которой он и его пилот начинали чувствовать боль. Тяжело дыша, они позволили автоматическому пилоту поднять машину выше, где они оказались вне досягаемости монстра.

Попытка остановить движение людей обычными способами, выставив баррикады на дорогах или задержав их войсками, оказалась безуспешной. Люди миновали баррикады,

в отчаянии сметая их на своем пути ободранными в кровь руками. Солдаты так же, как и все остальные, не смогли перенести боль и были в первых рядах тех, кто сворачивал в сторону и устало тащился вдоль дорог по направлению к Джексонвиллу.

Управляемые роботами машины, использовавшиеся в операции «Экскаватор», достигли границы очищенной территории как раз перед появлением авангарда колонны. Брошенные на прорыв, сейчас они стояли с проколотыми шинами, распоротыми радиаторами на пути толпы жертв, образуя стену из металла. Сначала подходившие замедляли свое движение. Затем неумолимое давление задних рядов толкало их вперед, и люди начинали карабкаться по телам своих более слабых товарищей. Ехавшим в машинах приходилось покидать их и присоединяться к тем, кто шел пешком. Как дорожка из муравьев, людская река обтекала или перекатывалась через препятствие и продолжала свое движение.

В спешке Баргин приказал взорвать все мосты и переходы, но это не остановило толпу. Человек, если его заставят обстоятельства, может пройти, даже там, где не пройдет горный козел. По дороге некоторые падали от изнеможения, но их было не так много, и поток людей не редел.

Даже последнее средство — сброшенный поперек их пути напалм не остановило их. Несчастные, оказавшиеся в авангарде колонны, были вынуждены своими телами прикрывать горевший напалм, чтобы идущие за ними смогли миновать этот страшный участок. И военные не в силах были продолжать.

Весь день и всю ночь люди шли без остановки, ни на что не обращая внимания и стремясь лишь к тому, чтобы немного облегчить ужасную боль, гнавшую их вперед. Наконец, когда почти миллион уцелевших достиг опустошенной окраины Джексонвилла, они остановились.

Стало ясно, что приток новых рабов делает применение ядерной ракеты против города неизбежным. И бледные от страха люди шумно требовали, чтобы это было сделано немедленно...

Питеру уже давно трудно было поверить в то, что внешний мир до сих пор существует. Последняя его связь с этим

миром оборвалась. Когда он устало бродил по городу, то обратил внимание, что не видит среди работавших людей первых попавших в рабство.

Он был очень болен. В городе разразилась эпидемия лихорадки. Возможно, распространению болезни способствовали гниющие трупы, которые никто не хоронил. Некоторое время собаки поедали мертвечину и тем самым сдерживали распространение болезней, но однажды чудовище послало группу людей, вооруженных топорами, чтобы они убили всех уличных собак. Тогда они в последний раз ели свежее мясо.

Даже во время приступов лихорадки в каждом женском лице Питеру мерещилось сходство с Мэри. Это заблуждение дорого ему стоило. Посмотрев во второй раз, он, конечно, понимал свою ошибку. Грязь, сочащиеся гноем язвы, мутные глаза и гнилые зубы — только в горячечном бреду можно было спутать Мэри с этими женщинами. Мэри, конечно, мертва. Он понял это в самый разгар лихорадки и тогда начал бессмысленно бродить повсюду и дергать прохожих за рукава.

— Моя жена мертва, — бормотал он.

Иногда ему отвечали:

— Надеюсь, что и моя жена умерла!

Другие кричали на него:

— Убирайся к черту!

Но большинство даже не слышало его. Он сломал руку, но не помнил точно, когда это произошло. Тогда же, по-видимому, в рану попала грязь. К тому времени, когда он смог более или менее ясно соображать, он вспомнил, что это произошло, когда ракеты взорвали перекрытия подземного убежища, построенного людьми для хозяина. Рука сильно распухла из-за скопившегося в ране желто-зеленого гноя и болела не переставая.

Из-за этого или, возможно, из-за того, что голова после болезни работала медленно и вяло, он некоторое время не осознавал, что хозяин больше не подстегивает и не принуждает его к выполнению каких-либо заданий. Когда он, наконец, понял, что боль сосредоточена только в его руке, это было похоже на прозрение. Его вытолкнуло из серой полудремы в мир реальности. Он обнаружил, что сидит на разбитом тротуаре. Группа

людей работала в здании напротив, они что-то делали там, используя ручные инструменты и огонь. Они выполняют работу. Почему же его не заставляют работать вместе с ними? Только потому, что у него больная рука? Он поднялся и заковылял по улицам города, не смея надеяться, что теперь он навсегда отпущен хозяином и освобожден от всех работ. Но надежда постепенно расцветала в его сердце. Лица людей вокруг казались незнакомыми! Они выглядели здоровыми, и было видно, что совсем недавно они хорошо питались. Их одежда побывала в стирке всего несколько дней назад, а ботинки были начищены до блеска. Хозяин захватил свежих рабов и бросил больных и жалких людей, отслуживших ему и превратившихся в настоящие развалины, на произвол судьбы.

Он брел по городу, надеясь найти кого-нибудь, кто, как и он, был освобожден от рабской зависимости, поскольку превратился в беспомощного инвалида, но не встретил никого, с кем удалось бы поговорить. Многие настолько ослабли, что не могли двигаться, и он оставил их в покое. Один раз Питер нашел буханку свежего хлеба, которую, вероятно, принес кто-то из новичков, и жадно проглотил ее прежде, чем двинулся дальше.

Вновь прибывшие люди не могли остановиться и побеседовать с ним. Они работали неистово, без остановок над такими сложными заданиями, которые ставили в тупик его вялый ум. Они изготовляли какие-то неизвестные ему предметы, и Питер понял, что они заняты новым проектом монстра. Один раз он увидел, как мужчины и женщины собирают металлические детали из горы металлолома, оставшегося после разрушения автомобилей. Позже он видел мужчин в гавани, сдиравших листы металлической обшивки с корпуса грузового корабля.

Питер добрался до ракетной базы, находившейся в миле от города. Никто ни разу не остановил его и не задал ни одного вопроса. Там он увидел, что сооружение начинает приобретать формы. Вокруг него работали электрики и сварщики, дети сгибались под тяжелыми грузами. Он вяло наблюдал за происходящим, не видя никакого смысла в этих огромных подпорках и металлических щитах. Вокруг стояли переносные кузницы. Мужчины били молотами по наковальням, сваривали листы

железа, делали из них какие-то детали. Повсюду стояли ряды выпуклых цилиндров, которые что-то смутно напоминали ему. Но он не знал, что это такое. Он прекратил тщетные попытки найти хоть какую-то связь между всеми этими таинственными приготовлениями в городе и застонал от боли в поврежденной руке.

Затем ему пришла в голову мысль. Он отошел далеко от города, но ни разу не был остановлен или подстегнут хозяином. Нельзя ли ему удрать отсюда?

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Обсуждение вопроса применения ядерной ракеты было похоже на нескончаемые споры вокруг проблемы эвтаназии. Предположим, что лекарство от неизлечимой прежде болезни найдено на следующий день после того, как вы облегчили страдания больного, искусственно прервав его жизнь? Предположим, что это не так!

Прямо или косвенно, почти три миллиона человек оказались вовлечены в этот спор; от персонала больниц и полиции, занимающихся вновь прибывающими беженцами, до ученых, психологов, солдат и летчиков, которые непосредственно участвовали в сражении против монстра. Для решения этого вопроса была созвана конференция с участием представителей правительства штата, федерального правительства, Конгресса и Организации Объединенных Наций.

Сразу после открытия конференции Баргин обратился к президенту.

— Господин президент! Давайте перерубим гордиев узел прямо сейчас, не откладывая. Мы готовы запустить ядерную ракету. Но обещаем, что используем ее только в том случае, если заметим, что началось новое массовое перемещение населения в сторону Джексонвилла, или если это внезапно возникшее сооружение окажется заводом, на котором производят ракеты для нанесения удара по нашей территории.

Президент просунул палец под воротничок рубашки и оттянул его, как бы пытаясь ослабить его давление на шею.

— Разумное предложение, генерал, — сказал он, вздохнув с облегчением. — Я согласен. А вы, господа?

Присутствующие на конференции представители различных организаций — члены кабинета министров, представители штаба вооруженных сил, два наблюдателя из ООН, включая Лампиона, участвовавшего в атлантической экспедиции, и те, кто оказался в центре событий с самого начала, как доктор Гордон и Мэри Трент — закивали головами, некоторые с неохотой, а кое-кто весьма энергично. Президент изобразил подобие улыбки.

— Хорошо. Генерал, что собой представляет это сооружение, о котором мы так много слышим?

— До последнего времени мы не замечали, чтобы в Джексонвилле происходило что-либо особенное, кроме работы, суть которой сводилась, насколько мы могли судить, к расчистке улиц, строительству подземного укрытия для чудовища и тому подобному. Со времени притока свежей рабочей силы характер работ совершенно изменился. Мы обнаружили, что на захваченной территории вновь функционируют заводы, да и все, начиная от ракетной базы до доков в гавани, вдруг снова начало работать. Когда монстр впервые высадился на берег, он приостановил все производство. Фабрики замерли, электростанции были заброшены, замолчали телефонные станции и станции радиовещания. Теперь же фабрики снова ожили, и мы обнаружили, что они натянули электрические провода, чтобы заново запустить локальные электрогенераторы, так как кабели, ведущие от больших электростанций к Джексонвиллу, были нами перерезаны.

Более того, они вывозят все техническое оборудование, какое только попадается на их пути. Запасы телефонного оборудования были перевезены на ракетную базу. Мне сказали, что оно может быть использовано для передачи информации не с помощью человеческой речи, а принципиально другим способом, и все это выглядит очень подозрительно. С останков корабля в гавани были сняты все полезные материалы. Мне кажется, что это уже опасно.

— Как вы считаете, есть хоть малейшая вероятность того, что чудовище сможет построить ядерные ракеты? — спросил президент.

— Теоретически, как мне сказали, работу атомной станции можно перестроить таким образом, чтобы производить термоядерные бомбы. Но на территории Джексонвилла есть всего одна такая станция. И в порту нет ни одного корабля с атомными двигателями. Это все торговые суда. Поэтому возможность создания атомной бомбы кажется маловероятной.

— Это немного успокаивает.

— В любом случае, на восточном и южном побережьях у нас есть по противоракетной установке, они находятся в состоянии боеготовности круглые сутки. Вот так. — Баргин пожал плечами.

На телефоне, стоявшем перед президентом, замигала лампочка. Он раздраженно поднял трубку, выслушал, что ему сказали, и в этот момент всем показалось, будто его лицо озарилось светом.

— Да! Замечательно! Я передам Баргину. Да.

Он прикрыл микрофон рукой и обратился к Баргину:

— Баргин, один человек ушел из Джексонвилла, и его никто не остановил. Он ранен и находится в бреду, но он выбрался оттуда!

— Кто? — сразу двое задали один и тот же вопрос. Баргин обвел взглядом всех сидевших за столом и понял, что второй была Мэри. Она подалась вперед, и внезапный порыв безумной надежды осветил ее лицо.

— Его зовут Питер Трент.

Вертолет быстро доставил Мэри, Баргина и доктора Гордона в полевой госпиталь, расположенный сразу за кордоном, где подобрали Питера. Их встретил начальник местной медицинской службы, майор Левик, который выслушал все их вопросы с каменным лицом.

— Он сказал, что его жена мертва, — заявил он. — Он в очень плохом состоянии, возможно, его лихорадка связана с заражением крови. Если этот человек муж леди, я боюсь, что ей придется приготовиться к худшему.

— Я уже готова, — ответила еле слышно Мэри.

— Нет, не к самому худшему. Я хочу сказать, что когда он вышел из захваченной зоны, его левая рука была поражена гангреной до локтевого сустава, кожа на пальцах уже начала

шелушиться. Мне очень жаль, но мы вынуждены были ампутировать ее, миссис Трент.

— Скажите, он говорил что-нибудь после операции? — спросила Мэри.

— Нет еще. Он вряд ли придет в ясное сознание раньше, чем через день или два. Это в том случае, если предположить, что болезнь вызвана только ядами, образующимися при сепсисе, а не чем-то более серьезным.

— Могу ли я его увидеть? Я бы хотела убедиться в том, что это он.

— Конечно.

Это был Питер; несмотря на взлохмаченную бороду и следы мази с антибиотиками вокруг его воспаленных глаз, она сразу узнала его. Это был он. Мэри протянула руку, чтобы потрогать уцелевшую руку Питера, лежавшую на красном одеяле, и какое-то мгновение колебалась в страхе, что сейчас увидит страшные мозоли и обломанные ногти.

— Питер! Питер! — прошептала она. Но он был без сознания и ничего не ответил ей.

— Я пришлю сюда специально обученных людей для того, чтобы они записывали все, что он скажет, когда очнется, — заявил Баргин доктору Левику. — Я не знаю точно, но думаю, что если первым, кого он увидит, когда откроет глаза, будет его жена, которую он считал умершей, его выздоровление пойдет намного быстрее.

— Возможно, — согласился Левик. — Но выслушав то, что он говорил раньше, я сомневаюсь, что мы сможем узнать от него что-либо полезное.

Баргин пожал плечами.

— Может быть, и нет. Но пока у нас остается надежда отыскать слабое место чудовища, проанализировав все, что видел этот несчастный в Джексонвилле, нам следует подождать с применением ядерной ракеты, строительство которой будет завершено в ближайшее время.

— Я понимаю, что вы имеете в виду, — сказал серьезно Левик. — Применение такой ракеты будет смертельно для людей, оставшихся в Джексонвилле. После атомного взрыва их уже не спасти.

— У вас есть ясное представление о том, как ему удалось сбежать?

— Я думаю, да. Из его рассказа — запись есть на магнитофонной пленке — мы поняли следующее. Неожиданно для себя Питер обнаружил, что у него болит только рука и чудовище не заставляет его больше работать. Он сказал, что все остальные умерли и были заменены вновь прибывшими людьми. Я думаю, он оказался одним из немногих выживших среди тех, кто был захвачен в самом начале. Все они были брошены на произвол судьбы, как только стали слишком слабыми и больными, будучи уже не в состоянии приносить пользу в осуществлении новых планов монстра.

— Он знал, что это за планы?

— Его не заставляли работать, поэтому он не смог догадаться, что там происходит. Пожалуй, его это все уже не интересует — настолько он истощен и апатичен!

— Питер! Питер! — шептала Мэри, но на его измученном лице не было заметно даже намека на реакцию. Наверное, она заблуждалась, считая, что сможет вернуть его к жизни. Но Мэри продолжала сидеть возле кровати Питера и держать его за руку.

Два невозмутимых молодых офицера вошли внутрь и сели у дверей передвижного госпиталя. Один из них принес портативный магнитофон. Они не беспокоили Мэри вопросами, и она не обращала на них внимания. Они тихо переговаривались между собой или читали. Время от времени то один, то другой менялись местами с прибывшими им на смену. Заходили медсестры и заменяли пустые сосуды с плазмой и питательной жидкостью в капельнице Питера на новые. Медленно ползли часы, каждый из которых, казалось, длился неделю.

Один раз она заснула, когда проснулась, ее сердце учащенно забилось от страха — ей показалось, что она пропустила проблески сознания Питера. Но никаких видимых изменений в его состоянии не было. Или были?

— Питер! — снова позвала она. И глаза Питера открылись... его взгляд скользнул по лицу Мэри... В глазах промелькнуло изумление.

— Но... — сказал он слабым голосом и улыбнулся.

— Да, — сказал Питер, отодвигая в сторону кипу фотографий и оставив только одну. — Я видел такие штуковины. Что-то вроде огромных полок с цилиндрами, стоявшими на площадке ракетной базы.

— Хорошо, — сказал лейтенант. Он сделал пометку. — Мы думаем, что это баллоны с кислородом. Множество таких баллонов было выкопано в том месте Атлантического океана, где укрывался монстр и откуда он появился. А как насчет этого?

Питер изучал фотографию, нахмурившись.

— Нет, такого я, кажется, не видел. Какого это размера, большое или маленькое?

Лейтенант показал руками приблизительные размеры предмета. Питер посмотрел и еще раз отрицательно покачал головой.

— А что вы скажете об этом?

На фотографии было мутное нечеткое изображение ракетной базы. Она была сделана с борта сканирующей ракеты, поэтому детали смазались.

— Не могли бы вы описать те объекты, которые неразличимы на этой фотографии?

Питер порылся в своей памяти, стараясь сориентироваться и понять, как соотнести предметы, снятые сверху с большого расстояния, с тем, что он видел на земле.

— Это сооружение изменилось с тех пор, как я его видел, — сказал он наконец. — Мне так кажется. Когда я там был, оно представляло собой голый каркас, несколько распорок и металлических щитов. Теперь оно выросло, и каркас обшит чем-то сверху.

— Нам тоже так показалось. Похоже, что это то самое сооружение, вокруг которого все и вращается. У вас есть идеи, что бы это могло быть?

— Нет.

Питер продолжал крутить фотографию в руках.

— Может быть, это всего лишь очередное, защищенное металлическими пластинами убежище для монстра? Я знаю, что он был вне себя от ярости, когда ракеты упали на его штаб-квартиру. Возможно, это сооружение призвано служить заменой тому паланкину, в котором мы должны были повсюду его носить.

— Полагаю, что это возможно, — сказал лейтенант с сомнением в голосе. — Но, бог мой, оно, наверно, весит не меньше сотни тонн или даже больше!

— Думаете, его это беспокоит? — мрачно заметил Питер и содрогнулся при воспоминании о том, что он видел в Джексонвилле. — Монстр заставляет одних людей ложиться на землю, а других тащить его паланкин по их окровавленным телам, так как по крови паланкин легче скользит.

Мэри успокаивающе положила руку ему на плечо. Он наклонил голову и прижался к ней щекой. Питер уже научился не двигать культей.

— Хорошо, спасибо, — сказал лейтенант и убрал фотографии в папку. — Я оставлю вас одних и дам вам отдохнуть. Мы вам действительно очень благодарны за помощь.

— Надеюсь, что несчастным людям, оставшимся в рабстве у монстра, моя помощь будет еще полезнее, — сказал Питер. — Врачи отпускают меня из госпиталя завтра утром. Я пойду на передовые посты и займусь работой прямо на месте.

В Джексонвилле строительство определенно приближалось к концу. Лихорадочный темп работ замедлился. Теперь на ракетной базе спешка наблюдалась только вокруг таинственной металлической конструкции, сооруженной из использованных автомобильных деталей. Баргин некстати вспомнил свои слова о том, что монстр, возможно, способен изготовить ракеты из самого невероятного хлама.

Темнело. После захода солнца Джексонвилл вымирал, там не было видно ни электрических огней, ни движущегося транспорта, ни даже костров. Было холодно. Баргин с жалостью думал о тех несчастных, которым приходилось ютиться и сбиваться в кучи в полуразрушенных зданиях, чтобы хоть как-то согреться. Если это ожидание затянется до зимы, многие из ослабленных и больных людей просто погибнут, оказавшись без крова. Неважно, насколько хорошо они были одеты и накормлены, но после дождя, например, они все слягут с пневмонией, как колосья, срезанные жнецом. Он отозвал сканирующую ракету. Сейчас было слишком темно, чтобы получить четкие фотографии. Завтра они точно узнают, что их ждет впереди.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Первый сигнал о приближении развязки поступил за час до рассвета.

Автоматы-наблюдатели, находившиеся на границе захваченного монстром района, зафиксировали начавшееся передвижение людей. Что это? Еще одна армия вроде той, что не смогла противостоять операции «Экскаватор»? Они включили прожекторы и стали всматриваться во внезапно осветившиеся окрестности.

Да. Что-то в этом роде. Только в этом войске не чувствовалось того отчаяния, которое отличало первые вооруженные отряды. Скорее это напоминало движение стремительного потока, безостановочный марш рекрутов из Саванны и Брансвика. Несомненно, они были частью той же самой орды.

Они остановились лишь на мгновение, когда проходили мимо передовых наблюдательных постов; разбили прожекторы, снесли на своем пути телевизионные камеры и микрофоны и продолжили свое движение. Их лица ничего не выражали, шаги были замедленны. Они шли вперед как живые трупы, механически переставляя ноги.

Солдаты, защищавшие передовой рубеж, готовились к достойной встрече с этой массой людей, хотя не переставали нервничать из-за того, что не знали, не настигнет ли и их подстегивающая боль, гнавшая вперед рабов монстра.

Но боль их не коснулась. Однако лавина людей, прибывших из города, текла мимо них, не обращая внимания на окрики, угрозы и приказы остановиться, сметала все на своем пути и катилась дальше.

В темноте ночи было трудно определить их численность, но казалось, что в этот безумный марш вовлечено не меньше четверти миллиона рабов. Иногда они обтекали со всех сторон военную машину, образуя вокруг нее маленький водоворот, и под натиском толпы она переворачивалась. Но движение этой гигантской армии было неудержимо.

Баргин был разбужен ординарцем и прямо в пижаме помчался к вагону, в котором находилась радиостанция, чтобы обобщить и проанализировать пугающие сообщения. Первое, о чем он подумал, был передвижной полевой

госпиталь в освобожденной от населения зоне за кордоном. Там находился единственный человек, которому удалось вырваться живым от монстра. Его нужно было немедленно убрать с пути авангарда колонны.

Первые полчаса после объявления тревоги генерала занимало решение подобных задач, пока он не обратил внимание на то, что во всех поступающих известиях было нечто не совсем обычное. Никаких серьезных разрушений. Рабы не были вооружены. Подстегивающая боль настигала их даже здесь, но войска, сквозь которые двигалась колонна людей, не испытывали каких-либо страданий. Все это выглядело так, как будто вся масса людей должна была присоединиться к чему-то. Но к чему?

Поступило сообщение из медицинского подразделения. Они разработали способ, с помощью которого можно было справляться с рабами. Три солдата удерживали раба, в то время как санитары вводили ему анестетик. В настоящее время у них уже находилось около ста людей в бессознательном состоянии, но запасы анестетиков заканчиваются.

Молодцы, подумал Баргин и приказал, чтобы все запасы анестетиков, какие только можно было найти, были отправлены в медсанчасть.

Пришло сообщение от другого подразделения. Они использовали более грубый метод остановки, оглушая людей ударами по голове. В сообщении говорилось, что его применяют только к мужчинам в хорошем физическом состоянии. Женщин и детей беспрепятственно пропускали на очищенную от населения территорию. Западная сторона зоны эвакуации уходила вглубь материка примерно на тридцать миль, поэтому Баргин внес поправку в свой приказ, уточнив, чтобы анестетики и врачи ждали прибытия людей на другой стороне зоны эвакуации. К тому времени идущие рабы устанут, и с ними будет легче справиться, кроме того, у санитаров будет больше времени на подготовку к встрече.

Какой бы ни была цель монстра, энергия этого потока зомбированных людей рассеивалась без всякой пользы, не считая нескольких выведенных из строя аванпостов. Баргин нахмурился. Почему монстру оказались ненужными сразу столько рабов? Этому должно быть какое-то объяснение.

Он ждал наступления рассвета; тогда сканирующая ракета могла бы сделать съемку, и они получили бы представление о том, что происходит в городе.

Возможно, это было задумано как диверсия. Возможно, монстр собирался с силами, чтобы завершить свой план. Возможно, он был готов приступить к атаке ядерными снарядами в отместку за ракеты, падавшие так близко к цели.

Не исключено, что у него припасено что-то такое, что людям даже и не снилось.

Шум мотора вертолета прервал его размышления.

— Посмотрите, не Тренты ли это, и если это они, приведите мне кого-нибудь из разведки, — приказал он ординарцу.

Ординарец отдал честь и ринулся выполнять задание.

Это были Тренты. Питер шел по направлению к генералу неуверенной походкой. Культя ампутированной руки была забинтована, второй рукой он обнимал за плечи Мэри. Как только он забрался в машину командира, Баргин усадил его.

— Извините, что я вытащил вас из кровати так внезапно, — сказал он. — Я слышал от доктора Левика, что вы собирались уже сегодня встать, а в связи с этим безумным стадом зомби, двигающимся прямо на полевой госпиталь, я рассудил, что для вас будет безопаснее находиться здесь, а не там. Как вы себя чувствуете?

Питер криво улыбнулся.

— Хожу не очень уверенно, но в остальном все хорошо.

Лейтенант разведслужбы, который допрашивал Питера в первый вечер после его прибытия, отдал генералу честь и подошел к ним, держа в руках папку с документами.

— Ну, хорошо, — проворчал Баргин. — Трент, вы лучше нас представляете способы, с помощью которых монстр управляет рабами. Я склонен считать, что эта вспышка активности двухсот тысяч людей не более чем отвлекающий маневр. Как вы думаете, оценивает ли он наши силы настолько высоко, что считает нужным запутывать нас?

Питер покачал головой.

— Думаю, он по заслугам оценил нас только после того, как получил пару памятных уроков в течение последних нескольких дней. Когда я уходил, он все еще обращался с людьми как со сбродом, не заслуживавшим его внимания. Я

думаю, что только благодаря этому я смог уйти из города. Он считал, что я уже ни на что не годен.

— С другой стороны, — продолжал рассуждать лейтенант, — первые сообщения о составе жертв, которые покинули город, говорят о том, что среди них очень мало людей практического труда, инженеров или рабочих фабрик. Естественно, трудно сказать, с чем это связано. Но, может быть, монстр удерживает технических специалистов и технологов потому, что их знания полезны для него.

— Если так, то я ошибаюсь. Возможно, мне так показалось потому, что, когда я был в городе, в основном там продолжались несложные работы, например расчистка улиц от каменных завалов или от разбитых автомобилей, то есть такая работа, которую мог бы выполнить любой. Другое дело — работа на ракетной базе. Там ему могли понадобиться инженеры и другие специалисты.

— В таком случае, мы можем считать это признаком нашей победы, — сказал Баргин. — Мы заставили его признать, что у нас есть интеллект, на который ему стоит обратить внимание. Как я понимаю, вначале он легкомысленно использовал университетских профессоров для рытья канав. Теперь он понял, что проще использовать тех людей, которые знают, как сделать то, что он хочет.

— Но чего он хочет? — спросила угрюмо Мэри.

— У меня есть предчувствие, что мы скоро это узнаем, — ответил Баргин.

Он сверил свои часы. До рассвета осталось тридцать пять минут. Баргин повернулся к радисту, зевавшему во весь рот.

— Приведите ко мне пилота, который согласится поднять вертолет над городом. Если войска не подвергаются болевой атаке со стороны монстра, есть вероятность, что нам удастся, в конце концов, посмотреть на город своими глазами.

Спустя четверть часа пришло сообщение, что летчик пролетел низко над городом, на высоте примерно пятисот футов. Он не заметил ничего особенного во владениях монстра. К счастью, болевой атаке он не подвергался. Баргин выслушал известие молча, затем выпрямился.

— Ладно, я хочу сам посмотреть, что там происходит. Я устал от этой борьбы в потемках. Возможно, это только короткая передышка, и мы должны использовать малейшие преимущества, которые она нам дает. Вероятно, монстр решил, что может справляться без помощи людей, тогда мы сможем запустить ядерный снаряд и уничтожить его. Возможно, все оставшиеся в живых люди покинули город, а для него они создали механических роботов-исполнителей.

— Но что если он специально позволил вертолету пролететь над городом для того, чтобы заманить нас в ловушку? — спросила Мэри.

Баргин пожал плечами.

— У меня есть автоматическое управление во всех вертолетах, как и на том, на котором ваш муж вернулся после обнаружения корабля «Королева Александра». И наши противоракетные батареи настроены таким образом, чтобы сбивать все, что движется со стороны базы в Джексонвилле. Поэтому вряд ли полет представляет большую опасность.

— В таком случае я хотел бы полететь с вами, — твердо сказал Питер.

— Возможно, я смогу заметить те изменения, которые произошли за последнее время. Тогда специалистам будет намного легче сделать правильные выводы.

Сначала большой вертолет летел медленно и осторожно — ведь успех предыдущего полета мог объясняться тем, что вертолет случайно проскочил в лазейку в обороне, которая к настоящему времени уже закрыта. Но ни ракетной, ни болевой атаки не последовало.

В вертолете помещалось двадцать пассажиров. Баргин напичкал машину телевизионными передатчиками, кинокамерами, записывающими устройствами и операторами, которые управлялись со всей этой аппаратурой. Лейтенант из службы разведки делал какие-то пометки и включил свой магнитофон, чтобы записывать комментарии Питера.

Они пристально смотрели вниз, на город, который казался почти таким же пугающим и мертвым, как снимки поверхности Луны. Он был безжизненным. Они увидели всего несколько птиц и в бинокль смогли разглядеть рабов, съежившихся в укромных уголках: возможно, они были мертвы.

— Ничего, — сказал Питер угрюмо. — Или почти ничего. Я не знаю, где скрывается хозяин, то есть монстр, как вы его называете. Любопытно, не правда ли? Как только человек начинает работать под его контролем, у него появляется чувство, что монстр действительно высшее существо. Очевидно, это чувство подкрепляется болевым рефлексом. Это похоже на промывание мозгов.

— Вы помогали переносить его в церковь, куда он переехал из разрушенного здания мэрии?

— Да. Но после этого я заболел лихорадкой и не помню, переносили его куда-нибудь впоследствии или нет. Как насчет того, чтобы посмотреть, что происходит на ракетной базе?

Баргин тяжело вздохнул.

— Это самое рискованное мероприятие. Мы должны держаться довольно далеко от нее, чтобы противоракетные установки смогли отразить удар, если в нашу сторону запустят ракету. Ну, хорошо. Раз надо, так надо. Летчик!

В районе ракетной базы они заметили движение.

Вокруг завершенного корпуса таинственного объекта, среди обломков металла лежало множество изможденных рабов. Многие лежали прямо на голой земле. Вспоминая, как часто он валился там же, где стоял, Питер ощутил прилив острой жалости.

Но некоторые люди продолжали, пошатываясь, работать. На них были надеты специальные комбинезоны. Другие, без комбинезонов, подносили им инструменты. С высоты невозможно было определить, что это за инструменты, поскольку вертолет завис немного в стороне от базы, а разведчики не решались пролететь непосредственно над ней. Небо посветлело.

Питер попытался схватить Баргина за плечо своей левой ампутированной рукой. Культя дернулась, и острая боль на мгновение ослепила его и заставила вскрикнуть.

— Скорее, назад! — резко приказал Баргин, испугавшись, что монстр настиг их приступом боли.

— Нет, нет! Это моя культя! — сказал Питер. — Но разве вы не видели? Не заметили? Полоску зеленого света под этой штуковиной на площадке. Вспышка зеленого света снизу!

Баргин удивленно покачал головой.

— Я видел ее, — сказал оператор, снимающий город на кинокамеру.

— И вы заметили? — настаивал Питер. — Но под этой штукой ничего нет! Она должна весить не меньше ста тонн. И нет никакой опоры, на которой бы она стояла! Она просто парит над землей!

— Возможно, вы ошиблись, — коротко заметил Баргин. Он настроил бинокль и снова посмотрел вниз. — Нет, не хватает света, чтобы что-нибудь разглядеть. Но... теперь, я думаю, нам действительно пора убираться отсюда. Мне кажется, что чудовище приближается.

Они с тревогой смотрели вниз. Из ворот одного из огромных ангаров, с трудом передвигаясь, цепочкой вышли поющие рабы. И как раз в тот момент, когда вертолет развернулся, чтобы улететь, они мельком успели увидеть, как в свете дня появился монстр.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Баргин протиснулся мимо операторов, работающих у магнитофонов, и наклонился над микрофоном. Из эфира доносились самые противоречивые сообщения о ситуации вокруг кордона. Баргин связался с командным пунктом на базе и приказал обеспечить ему прямую связь с главным транслятором.

— Внимание всем подразделениям! — громко объявил он. — Приготовиться к противоракетной операции, к действиям по эвакуации раненых и убитых, к воздушному бою на всех уровнях и возможной ядерной атаке на город. Монстр находится на ракетной базе в Джексонвилле, и в его распоряжении появилось что-то новое!

Напряженно глядя в бинокль, так, что у него даже заболели глаза, Питер почувствовал, как у него упало сердце. Монстра несли к этому странному сооружению. Он был уверен, он видел, что оно парит над землей! И он снова увидел зеленый свет, теперь он был еще ярче и казался почти плотным в промежутке между землей и этим сооружением.

Вслед за этим...

— О, Боже! — прошептал тихо Питер. — Посмотрите!

Громкие восклицания означали, что другие пассажиры тоже увидели происходящее. Баргин приказал летчику кружить на небольшом расстоянии от базы, потому что, как бы опасно это ни было, они не могли себе позволить упустить самое невероятное зрелище из всего когда-либо виденного.

Металлический корпус медленно поднимался над землей на столбе прозрачного зеленого света, нарушая все мыслимые законы физики, которые знал Питер. Невероятно: корпус поднимался в воздух так же легко и мирно, как будто это был воздушный шарик, улетающий ввысь в спокойное небо...

— Что он собирается делать? — громко спросил Баргин. — Он вооружен? Он хочет использовать эту ракету как постоянный передвижной штаб? Или он собирается прямо сейчас отправиться на нем в космос? Если он поднимется выше нескольких тысяч футов, вы понимаете, что это значит? Он в наших руках!

— Да, конечно, — выдохнул Питер.

Сразу за зоной эвакуации стояла наготове ядерная ракета. Если монстр собирался взлететь достаточно высоко, так, что взрыв не принесет большого вреда людям, они смогут, наконец, использовать ее.

— Генерал! — сквозь треск в эфире раздался голос. — Мы видим что-то вроде зеленой ракеты, поднимающееся в воздух с площадки ракетной базы. Стрелять по ней?

Казалось, говоривший находился в состоянии плохо контролируемого ужаса. Его голос дрожал от напряжения.

— Нет! — резко оборвал его Баргин. — Нельзя провоцировать монстра ни на какие действия до тех пор, пока он не поднимется достаточно высоко!

Ракета продолжала подниматься, набирая скорость. Баргин колебался, потом сощурил глаза и вновь наклонился к микрофону.

— Обеспечьте мне связь с базой «Последняя Надежда», — приказал он.

Когда его соединили, он передал последние наблюдения.

— Он продолжает подниматься. Вы готовы стрелять?

— Мы будем считать до шести, генерал, — услышал он ответ. — Я держу его на прицеле.

— Послушайте, вы находитесь на расстоянии сорока восьми миль, правильно? Когда угол азимута достигнет двадцати градусов, можете стрелять.

— Хорошо, генерал, — прозвучал взволнованный голос. — Поверьте, мы победим.

— Интересно, сам-то он верит? — думал Питер, наблюдая за загадочным летательным аппаратом монстра. Знал ли монстр, что подставляет себя под удар, которого он избежал до сих пор только потому, что люди, которых он считал примитивными, оказались не настолько примитивны, чтобы уничтожать себе подобных, пока были открыты другие способы борьбы с ним?

Возможно, знал. Может быть, то, что люди, которых он считал не заслуживающим внимания сбродом, проявили себя как достойные противники, являлось для него страшным позором, и его кодекс чести как якобы высшего существа требовал от него смыть этот позор смертью. Они, наверно, никогда этого не узнают. По крайней мере, до тех пор, пока среди звезд, куда скоро доберутся люди, их пути опять не пересекутся.

Летательный аппарат монстра отвернул немного в сторону, как будто осматривая город, лежащий внизу, или специально сбивая курс, так как выстрел по нему ядерным снарядом требовал абсолютно точной наводки. Во рту у Питера все пересохло, и он мог слышать, как Баргин бормотал что-то про себя.

Затем это произошло. Это выглядело так, как будто столб зеленого света, чье сверкание было почти слепящим, скользнул по небу и исчез, оставив за собой лишь красный след. Они почувствовали, как вертолет вибрировал под порывами ветра, вызванного сверхскоростным движением летательного аппарата, пока они задирали головы вверх в напрасной попытке увидеть, куда он улетел.

— В любом случае, мы победили его, — сказал Баргин. — Похоже, он решил вернуться в космос. Мне жаль только, что он так легко отступил. Вряд ли мы сможем когда-нибудь построить что-либо подобное, что будет летать как этот аппарат.

Он нагнулся к микрофону.

— «Последняя Надежда» ответьте, вы успели выстрелить?

— Он захватил нас врасплох, генерал, — последовал ответ, в голосе звучали извиняющиеся нотки. — Снаряд, наверно, не долетел одну милю. Бог мой, что он использует в качестве энергии, генерал?

— Откуда я знаю? Через какое-то время мы зададим этот вопрос техническим специалистам, которые работали вместе с ним, и сможем по крупицам воссоздать и использовать эти знания...

— О, Боже, только не это! — перебил генерала голос, полный ужаса. — Генерал, мы упустили ракету!

— Что? Как? Когда она последний раз была зафиксирована на своем курсе?

В мозгу Баргина мгновенно пронеслась картина летевшей в случайном направлении боеголовки мощностью несколько килотонн. Может быть, она уже перехвачена монстром!

— Скорее!

— Она пересекала столб зеленого света, — произнес голос в рации. — Она двигалась точно по заданному курсу. Только монстра там уже не было. И с того момента...

— Генерал, — сказал Питер спокойно, глядя вверх через иллюминатор вертолета. — Вот ваша ракета, или я очень сильно ошибаюсь. Кроме того, кажется, она выполнила свое задание.

Баргин недоверчиво проследил за его взглядом. На фоне светлеющего предрассветного неба они увидели медленно растущий шар огня, сиявший, как огромная утренняя звезда.

До них донесся слабый отголосок далекого грома.

— Да, мы получили подтверждение с обеих космических станций и с базы на Луне, — сказал Баргин. — Как мы представляем, господин президент, этот столб зеленого света, на котором космический корабль монстра поднялся вверх, являлся побочным продуктом использования невероятно мощной энергии. Но не ядерной. А как говорят ученые — гравитационной. Внутри этого столба пространство скручено в спираль. Вряд ли это о чем-либо говорит обычному человеку, только физики или математики могут понять данное явление в полной мере. Мы думаем, что законы гравитации не действовали внутри этого

светового столба, вот почему корабль монстра смог подняться в воздух так быстро. Скорость, с которой пущенная нами ракета достигла столба, помогла ей проникнуть в его внешний слой. Внутри этой области гравитация была поляризована или что-то в этом духе. Это привело к тому, что ракета взлетела прямо вверх, вдоль столба, вместо того, чтобы продолжать свой полет в горизонтальном направлении. На высоте ста десяти миль она настигла корабль монстра и...

Президент нервно ослабил воротничок рубашки. — Ну, хорошо, — сказал он. — Я полагаю, не так важно, как именно это произошло, главное, что это случилось. Думаю, скоро все встанет на свои места, жизнь нормализуется, хотя виденные мною сообщения о потерях, которые мы понесли в Джексонвилле, говорят о том, что огромное количество людей будет направлено в клиники психических заболеваний... Доктор Гордон, что считают ваши ученые, нет ли на дне моря еще монстров вроде этого? — Гордон покачал головой.

— Кто знает, я надеюсь, что нет. Вероятность потревожить этого монстра была равна примерно одной миллионной, поэтому, даже если другие монстры прячутся на дне океана, они не пробудятся до тех пор, пока мы не начнем активно исследовать океан на больших глубинах.

Он закрыл лицо руками.

— Я был так уверен, — пробормотал он. — Когда мы нашли Атлантиду, я думал, что мы нашли атлантов и, возможно, стали открывателями затерянной цивилизации.

— В каком-то смысле, — сказал Питер, — так оно и было. Только сюрпризы, с которыми мы столкнулись, оказались не столь приятными. Возможно, человечество не продвинулось бы в своем развитии так далеко, если бы наши предки не оказались в свое время под игом таких существ, как это чудовище!

— Я должен сказать, что у многих людей теперь могут возникнуть сомнения в правильности решений об ассигнованиях средств на исследования космоса, — сказал президент резко. — Включая и меня, я думаю. Если это чудовище является образцом жизненных форм, населяющих другие миры, тогда...

— Напротив, господин президент, — возразил Питер. — Думаю, у этого существа был определенный опыт, прежде

чем он прилетел на Землю. Это означает, что он уже встречал подобных нам, и когда мы достигнем звезд, то мы найдем там разумных существ, похожих на человека, так же как и чудовищ, вроде этого монстра, от которого нам удалось избавиться. Мы справились с ним. Я даже склоняюсь к мысли оставить океанографию и заняться космическими исследованиями, хотя бы ради того, чтобы быть среди первых людей, кто встретит других существ, похожих на нас.

— Только нам следует быть чертовски осторожными, — заметил Баргин. — Мы должны лететь в космос с запасом водородных бомб в одной руке и с трубкой мира — в другой, и я боюсь, мы можем ошибиться, когда будем выбирать между ними. Но это единственный способ.

Президент неожиданно улыбнулся.

— Я рад, что монстр был найден именно сейчас, — сказал он. — Это моя личная точка зрения, но я твердо уверен, что подавляющее большинство людей будут связывать это событие со временем моего президентства. Это, конечно, говорит не в мою пользу, но если бы это случилось, ну, скажем, пятнадцать или двадцать лет назад, когда Земля была буквально напичкана ядерным оружием, использование водородной бомбы в Джексонвилле спровоцировало бы начало войны, даже если бы мы заранее предупредили общественность, почему мы это делаем. Они бы решили, что монстр — это секретное оружие русских!

— Или если бы это случилось лет сто назад, — добавил Баргин, — когда у нас были только ружья вместо ракет, не было телевизоров, с помощью которых можно было бы получать информацию с наблюдательных пунктов, оснащенных роботами. Мы бы все еще оставались его рабами.

Всепоглощающий ужас причинил страдание, возможно, каждому тысячному человеку во всем мире, размышлял Питер. В число жертв монстра входили не только его рабы, но и те, кто страдал от приступов боли, вызванных им, кто охранял кордоны, кто пытался извлечь хоть какую-то информацию из поведения монстра и определить слабые места в его психологическом и физическом состоянии, кто ухаживал за больными, кто покинул свои дома.

Но всего за несколько месяцев они сумели добиться преимущества над ним.

Это было хорошее предзнаменование. Если бы они снова встретили такого же монстра, то это уже не была бы попытка всего одной десятой от одного процента людей противопоставить свою волю чуждому разуму. Это будут — это должны быть — объединенные усилия всех людей.

Его уже не будет среди них. Он осторожно подвигал своей культей. Хотя в физическом смысле он и пострадал, но его разум остался невредимым и свободным.

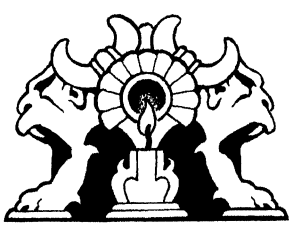
Он взглянул на Мэри и вспомнил о Люке. Черт возьми! Что это был за секрет, о котором он хотел, но так и не смог рассказать? Питер не был уверен, но думал, что секрет был связан с тем фактом, благодаря которому Люку удалось сохранить доверие монстра и занять важное положение в его свите, в то же время продолжая строить планы борьбы с ним. Это было что-то, о чем мог знать только свободный человек.

У людей часто происходит смена идолов, но когда у них за спиной есть богатый опыт смены одного идола на другого, они перестают бояться их власти.

Роберт СИЛЬВЕРБЕРГ

У КАЖДОГО СВОЙ АД

Gilgamesh in the Outback
журнал «Isaac Asimov's Science Fiction Magazine», July 1986



Фауст:
Сперва хочу спросить тебя про ад.
Где место, называемое адом?

Мефистофель:
Под небесами.

Фауст:
Но где же именно?

Мефистофель:
Он, Фауст, в недрах тех стихий вселенских,
Где вечно мы в терзаньях пребываем.
Единым местом ад не ограничен,
Пределов нет ему; где мы, там ад;
И там, где ад, должны мы вечно быть.
А потому, когда весь мир погибнет
И каждое очистится творенье,
Все, кроме неба, превратится в ад.

Фауст:
Ну, полно, ад, мне думается, басня.

Мефистофель:
Что ж, думай так, но переменишь мненье.[1]

Кристофер Марло
«Трагическая история доктора Фауста»,
Акт II, сцена 1

[1] Перевод Е. Бируковой.

Сверкающие всполохи молний огненными зигзагами озаряли небо у горизонта. Прилетевший с востока ветер острыми как нож порывами терзал голое плоскогорье и вздымал темные клубы пыли. Гильгамеш улыбнулся. «О Энлиль, что за ветер! Ветер, своим горячим дыханием убивающий львов, ветер, от которого сохнет горло и хрустит на зубах песок. Какое наслаждение охотиться, когда дует такой ветер, сильный, резкий, жестокий».

Он прищурил глаз, определяя расстояние, отделяющее его от добычи. Снял с плеча лук, тот самый, сделанный из нескольких слоев отличной древесины; лук, такой тугой, что его не мог натянуть никто, кроме него самого и Энкиду, любимого, трижды утраченного друга, и замер в ожидании. Ну вы, твари, идите сюда! Идите и найдете здесь смерть! Я, Гильгамеш, царь Урука, буду охотиться на вас ради своего удовольствия.

А другие, живущие в бескрайних пределах Ада, отправляются на охоту с ружьями — скверными приспособлениями для убийства, которые с грохотом, огнем и дымом несут смерть на огромное расстояние. Охотятся они и с более смертоносными лазерами, изрыгающими из своих мерзких рыл белые лучи, сжигающие все живое. Подлые вещи, все эти машины-убийцы! Он ненавидел их, как и другие инструменты Новых Мертвецов, этих лукавых и суетливых пришельцев, недавно явившихся в Ад. Он никогда бы не прикоснулся к их хитроумным изобретениям, если бы это могло что-нибудь изменить. В течение многих тысяч лет живя в этом мире, он не пользовался никаким другим оружием, кроме того, что было знакомо ему в первой его жизни: дротика, секиры, охотничьего лука, метательного копья и бронзового меча. Охота с таким оружием требовала мастерства и немалых сил, а также риска. Охота — это ведь противоборство. Разве не так? Поэтому она и предъявляет к ее участникам определенные требования. Которые, конечно,

ни к чему, если цель заключается только в том, чтобы убить добычу самым быстрым, легким и безопасным способом — проехаться по охотничьим угодьям на бронемашине и одним махом уничтожить столько зверей, сколько хватило бы на пять царств.

Он знал, что многие считают его дураком из-за этих теорий. Цезарь, например. Самоуверенный хладнокровный Юлий с заткнутыми за пояс револьверами и автоматом через плечо.

— Может быть, хватит упорствовать? — спросил он его однажды, подъехав на джипе, когда Гильгамеш собирался на охоту в бесплодные Окраины Ада. — Это же чистое притворство, Гильгамеш, вся твоя возня со стрелами, дротиками и копьями. Ты ведь живешь не в старом Шумере.

Гильгамеш сплюнул:

— Охотиться с девятимиллиметровыми пистолетами? С гранатами, кассетными бомбами и лазерами? Ты называешь это охотой, Цезарь?

— Я называю это признанием существующего порядка вещей. Ты ненавидишь технику и прогресс? Какое ты видишь различие между луком и ружьем? И то и другое — всего лишь технология. Это совсем не то, что убивать голыми руками.

— Я убиваю голыми руками, — сказал Гильгамеш.

— Ба! Я тебя понял. Большой неуклюжий Гильгамеш, простой и бесхитростный герой бронзового века? Это тоже притворство, мой друг. Ты хочешь, чтобы тебя считали тупоголовым упрямым варваром, который любит скитаться и охотиться в одиночку — и это якобы все, на что ты претендуешь. Но на самом деле ты считаешь, что превосходишь любого, кто жил во времена менее суровые, чем твой жестокий век. Ты ведь мечтаешь восстановить отвратительные порядки стародавних времен, не так ли? Если я понял тебя правильно, ты только и ждешь своего часа. Ты скрываешься в мрачных Окраинах, бродишь там с луком и выжидаешь подходящего момента, чтобы захватить верховную власть. Так ведь, Гильгамеш? Ты вынашиваешь сумасшедшие фантазии о свержении самого Сатаны и установлении господства над всеми нами. И

тогда мы будем жить в городах, построенных из сырцового кирпича, и писать закорючками на глиняных табличках — вот образ жизни, который ты нам готовишь. Ну, что ты на это скажешь?

— Я скажу, Цезарь, что это полный бред.

— Да? Здесь, в этом мире, полным-полно королей, императоров, султанов, фараонов, президентов и диктаторов. Каждый из них хочет снова быть самым первым. Думается мне, что ты не исключение.

— В этом ты очень ошибаешься.

— Вовсе нет. Я подозреваю, что ты считаешь, будто ты лучше всех нас. Как же, сильный воин, великий охотник, строитель огромных храмов и высоких стен. А нас ты считаешь декадентами и дегенератами, полагая, что только ты один добродетельный муж. Но ты так же горд и честолюбив, как любой из нас. Разве нет? Ты обманщик, Гильгамеш. Просто самый настоящий обманщик.

— По крайней мере, я не такой увертливый и хитрый, как ты, Цезарь. Ведь ты надевал парик и женское платье, чтобы проникнуть на мистерии весталок, чтобы подглядывать за ними.

Цезаря, казалось, этот выпад нисколько не задел.

— И вот так ты проводишь все свое время, убивая уродливых созданий на окраинах Ада. И всякого уверяешь, что ты слишком благочестив, чтобы пользоваться современным оружием. Я не считаю тебя дураком. Тебя не добродетель удерживает от того, чтобы убивать из двуствольного ружья. Это твоя гордость или, может быть, просто лень. Так случилось, что лук был тем оружием, с которым ты вырос. Ты любишь его, потому что привык к нему. Но на каком языке ты говоришь, а? Разве на неуклюжей евфратской тарабарщине? Нет, вроде бы на английском. Разве ты с детства говорил на английском и разъезжал на джипе, а, Гильгамеш? Кое-что новое ты все-таки принимаешь.

Гильгамеш пожал плечами:

— Я говорю с тобой на английском, потому что здесь все так говорят. А про себя я говорю на своем языке, Цезарь. В душе я все еще Гильгамеш, царь Урука, и я буду охотиться так, как привык.

— Урук давно потонул в песках. А здесь — жизнь после жизни, мой друг. Мы здесь уже очень давно. С тех пор как умерли, если я не ошибаюсь. Новые люди постоянно приносят сюда новые идеи, и не стоит их чураться. Даже ты не в состоянии избежать их влияния. Я вижу, у тебя на руке часы. И не простые, а электронные.

— Я буду охотиться, как привык, — повторил Гильгамеш. — С ружьем в руках это уже не состязание, а обыкновенное убийство. Никакого удовольствия.

Цезарь покачал головой:

— В любом случае я никогда не понимал охоты ради удовольствия. Да, убить несколько оленей или пару кабанов, когда ты стоишь лагерем в каком-нибудь дремучем галльском лесу и твои люди хотят есть, но охота ради охоты? Убивать отвратительных животных, которые даже не съедобны? Клянусь Аполлоном, все это для меня несусветная чушь!

— Это твое дело.

— Но раз уж ты должен охотиться, презирать современное оружие по меньшей мере...

— Ты никогда меня не убедишь.

— Нет, — вздохнул Цезарь. — Я знаю, что нет. Более того, я знаю, что спорю с реакционером.

— Реакционер! В свое время я думал, что я радикал, — заметил Гильгамеш, усмехаясь. — Когда я был царем Урука...

— Вот именно, царем Урука, — засмеялся Цезарь. — Разве существовал когда-нибудь царь, который не был бы реакционером? Ты надеваешь корону на голову, и это сразу переворачивает твое мировоззрение. Три раза Антоний предлагал мне корону, и три раза я...

— ...отказывался. Да, я все это знаю. А может быть, это всего лишь непомерное честолюбие? Ты считал, что у тебя и так будет власть, без короны. Кого ты хотел одурачить, Цезарь? Во всяком случае, не Брута, как я слышал. Брут сказал, что ты очень честолюбив. И Брут...

А вот это уязвило Цезаря.

— Дьявол тебя подери, замолчи!

— ...был благородным человеком, — закончил Гильгамеш, наслаждаясь замешательством Цезаря.

— Если я услышу еще что-нибудь подобное... — застонал Цезарь.

— Говорят, здесь место мучений, — сказал Гильгамеш невозмутимо. — Если это правда, то твои муки в том, чтобы оставаться в тени славы другого человека. Оставь меня в покое, Цезарь, возвращайся к своему джипу и своим пошлым интригам. Да, я дурак и реакционер, люблю лук и стрелы. Но ты ничего не знаешь об охоте. И меня ты никогда не поймешь.

Все это было год или два назад. А может быть, пять — в Аду, где немигающий ярко-красный глаз Рая постоянно горит на небе, никогда не следили за временем. А сейчас Гильгамеш был далеко от Цезаря и всех его приспешников, далеко от суетного центра Ада и надоедливых споров между людьми вроде Цезаря, Александра, Наполеона и такими, как жалкий маленький Гевара — человек, который постоянно строил козни в борьбе за власть.

Пусть они интригуют, эти дрянные людишки нового времени, если им так нравится. Когда-нибудь они поумнеют и поймут, что власть в Аду не имеет смысла, если вообще здесь есть какой-либо смысл.

Гильгамеш предпочел уйти. В отличие от остальных императоров и царей, фараонов и шахов он чувствовал, что не стремится изменить Ад по своему вкусу. Цезарь был не прав, считая Вавилонского царя честолюбивым. Он совсем не понял, почему Гильгамеш предпочитает охотиться со своим оружием. Здесь, на самой окраине Ада, в холодных пустынных землях, Гильгамеш надеялся обрести покой. Это было все, чего ему хотелось сейчас. Когда-то он хотел много большего, но это было давно...

Вдруг он заметил какое-то еле уловимое движение в зарослях.

Может быть, лев?

«Нет, — подумал Гильгамеш, — львов в Аду не найдешь, здесь обитают только странные твари, исчадия Ада». Безобразные волосатые существа с плоскими носами, множеством лап и тупым злобным взглядом, быстрые, ловкие

создания с женскими лицами и песьими телами и много других, еще более уродливых и отвратительных существ. У некоторых из них были кожистые крылья, а у других — клыки, которые отрастали, как хвост у скорпиона, у некоторых пасти достигали такой величины, что могли заглотить слона. Гильгамеш знал, что все они демоны, но это не имело значения. Охота есть охота, добыча если добыча. Любая из этих тварей, попадаясь ему в поле, становилась его добычей. Хлыщ Цезарь никогда не сможет этого понять.

Вынув стрелу из колчана, Гильгамеш наложил ее на тетиву, натянул лук и замер в ожидании.

— Если бы ты был в Техасе, убедился бы, что здесь все почти так же, как там, — объявил загорелый здоровяк с бочкообразной грудью и сильными руками. Яростно жестикулируя одной рукой, другой он небрежно крутил руль «лендровера», заставляя автомобиль выписывать зигзаги по бездорожью равнины. Корявые, серые кусты покрывали сухую песчаную равнину. Небо было темным от поднятой ветром клубящейся пыли. Вдалеке высились бесплодные горы, вершины которых, похожие на черные зазубренные клыки, едва просматривались сквозь завесу поднятого в воздух мельчайшего песка. — Красиво. Очень красиво. И так похоже на Техас, что никогда бы не подумал, что мы совсем в другом месте.

— Красиво? — с сомнением спросил его спутник. — В Аду?

— Эти бесконечные просторы, конечно, прекрас-ны. Но если ты согласишься, что здесь красиво, ты должен увидеть Техас.

Здоровяк засмеялся и прибавил газу. «Лендровер» помчался вперед с сумасшедшей скоростью, мотаясь и подпрыгивая на ухабах. Сидевший рядом с здоровяком худой бледный мужчина с впалыми щеками судорожно сдвинул колени и прижал локти к бокам, словно в ожидании аварии. Они уже много дней путешествовали по бесконечным пространствам Окраин, а как долго, не могли бы сказать даже Древние Боги. Они оба были послами от королевства Новой Свято-Дьявольской Англии. Их превосходитель-

ства Роберт Ирвин Говард[9] и Говард Филлипс Лавкрафт[10], посланники Его Величества Британского короля Генриха VIII ко двору Пресвитера Иоанна[11].

В прошлой жизни оба они были писателями-фантастами, сочинителями небылиц. Но теперь они сами оказались в ситуации гораздо более фантастической, чем те, которые описывали в своих произведениях. Но это была не выдумка, не фантазия. Это был Ад.

— Роберт... — нервно заговорил Лавкрафт.

— Да, здорово похоже на Техас, — перебил его Говард. — Только Ад — это всего лишь слабая копия с прекрасного оригинала, просто грубый набросок. Видишь, идет песчаная буря? А у нас были бури, которые накрывали целые округа. Видишь молнию? По сравнению с техасской эта всего лишь жалкая вспышка!

— Ты не можешь ехать чуть помедленнее, Боб?

— Еще медленнее? Клянусь усами Ктулху[12], дружище, я и так еду медленно!

— Тебе это только кажется.

— Сколько я тебя знаю, ты всегда любил кататься с ветерком — семьдесят-восемьдесят миль в час, вот как тебе нравилось ездить. Мы сейчас так едем.

— В прошлой жизни умирают только один раз. Отдал концы — и боли как не бывало, — ответил Лавкрафт. — Но здесь, когда отправляешься к Гробовщику снова и снова, когда возвращаешься и вспоминаешь в ярких красках свою агонию — здесь, дорогой мой Боб, гораздо сильнее боишься смерти, потому что твоя боль остается с тобой навсегда. — Лавкрафт вымученно улыбнулся. — Поговори об этом с кем-нибудь из профессиональных воинов, Боб, с троянцем, например, гунном, ассирийцем или каким-

[9] Роберт Ирвин Говард (1906 — 1936) — американский писатель- фантаст, автор «Саги о Конане».

[10] Говард Филлипс Лавкрафт (1890 — 1937) — американсикй писатель-фантаст, создатель пантеона Ктулху.

[11] Пресви́тер Иоа́нн, в русской литературе также царь-поп Ива́н — легендарный правитель могущественного христианского государства в Центральной Азии. Личность, эпоха и местонахождение пресвитера Иоанна и его царства во многочисленных рассказах и свидетельствах на разных языках интерпретируются по-разному, иногда указывая на реальные, а иногда на вымышленные персонажи, причём нередко с фантастическими подробностями.

[12] Ктулху — центральное божество мифологии Лавкрафта.

нибудь гладиатором — с тем, кто умирал множество раз. Спроси его об этом — о смерти, о воскрешении, о боли, об ужасных муках, все в подробностях. Это очень страшно, умереть в Аду. Я боюсь этой смерти больше, чем боялся при жизни, поэтому и не хочу бессмысленно рисковать.

Говард фыркнул:

— Господи боже мой, вы только подумайте! Когда ты считал, что у тебя только одна жизнь, ты заставлял других мчаться по шоссе со скоростью миля в минуту, а здесь, где никто не умирает надолго, ты хочешь, чтобы я ездил, как старая дама. Что ж, я попробую ехать помедленнее, но мне хочется лететь, как ветер. Когда живешь в большой стране, хочется всю ее объездить из края в край. А Техас — самая большая страна. Это даже не место, это состояние души.

— Так же как и Ад, — заметил Лавкрафт. — Хотя я согласен с тобой, что Ад — это не Техас.

— Техас! — прогудел Говард. — Черт побери, как бы я хотел, чтобы ты там побывал. Бог свидетель, как бы хорошо мы провели время, если бы ты приехал в Техас! Представь себе, двое служителей пера, вроде нас с тобой, промчались бы верхом от Корпус-Кристи до Эль Пасо и обратно, наслаждаясь всей этой красотой и рассказывая друг другу по пути удивительные истории! Клянусь, твоя душа запела бы! Там так здорово, ты и представить не можешь. Огромное небо. Сияющее солнце. А какие необъятные пространства! Целые империи могли бы затеряться в Техасе. И даже твой Род-Айленд. Поместили бы его где-нибудь на окраине прерий, а потом и не заметили бы за кактусом! Все, что ты тут видишь, дает только приблизительное представление о великолепии тех мест. Хотя я готов признать, что и здесь неплохо.

— Хотел бы я разделить твой восторг от этого пейзажа, Роберт, — негромко заметил Лавкрафт, когда Говард выговорился.

— Он тебя оставляет равнодушным? — спросил Говард удивленно и немного обиженно.

— Ну, кое-что хорошее во всем этом все же есть. До моря отсюда далеко.

— Для тебя это так важно?

— Ты же знаешь, как я ненавижу море и все, что с ним связано. Терпеть не могу отвратительных морских тварей и зловонный соленый воздух! — Лавкрафт содрогнулся от отвращения. — Но эта выжженная пустыня, ты не находишь ее мрачной? Она не кажется тебе отталкивающей?

— Это самое красивое место здесь в Аду.

— Может быть, эта красота слишком сложна для моего восприятия. Возможно, я чего-то не понимаю. Я вообще-то городской человек.

— Я понял, что ты хочешь сказать. Для тебя все здесь выглядит отвратительным. Так ведь? Таким же мрачным и тоскливым, как плато Ленга[13], да? — Говард засмеялся. — «Бесплодные серые гранитные скалы... Мрачные пустыни — только камень, снег и лед...» — Услышав собственные строки, Лавкрафт тоже засмеялся, хотя и без особой радости. Говард тем временем продолжал:

— Я смотрю на Окраины Ада и вижу, что они очень похожи на Техас, и мне это нравится. А для тебя это такое же зловещее место, как и мрачный холодный Ленг, где люди с рогами и копытами питаются мертвечиной и поклоняются Ньярлатотепу[14]. Да... на вкус и цвет товарища нет, так ведь? Что же, бывают даже люди, которые... О, что это? Смотри!

Он резко затормозил, и «лендровер», качнувшись, остановился. Что-то маленькое и отвратительное на вид, с горящими глазами и чешуйчатым телом, выскочило из укрытия и перебежало дорогу перед колесами машины. Это существо не скрылось, а, остановившись, свирепо уставилось на них, рыча и с шипением изрыгая из пасти пламя.

— Адский койот! — вскричал Говард. — Адский койот! Посмотри-ка только на эту тварь! Ты когда-нибудь видел, чтобы в таком маленьком создании было столько уродства? Оно любого приведет в ужас.

— Ты его можешь объехать? — спросил Лавкрафт. Он выглядел напуганным.

— Я сперва хочу посмотреть на него поближе. — Говард пошарил внизу носком ботинка и вытащил пистолет из кучи

[13] Плато Ленга — мистическое место, расположенное в Стране Грез Г.Ф.Лавкрафта.

[14] Ньярлатотеп — одно из божест пантеона, выдуманного Г.Ф.Лавкрафтом, является физическим воплощением хаоса и тьмы.

барахла, сваленного на полу машины. — Тебя не трясет от мысли, что мы едем по стране, населенной тварями из наших с тобой рассказов? Я хочу посмотреть этому коту-вурдалаку прямо в глаза.

— Роберт...

— Подожди здесь. Я сейчас.

Говард вылез из «лендровера» и не спеша направился к маленькому шипящему зверю, который не трогался с места. Лавкрафт раздраженно наблюдал за ними. Это чудовище в любой момент могло прыгнуть на Боба Говарда и разорвать ему горло желтыми когтями или вонзить клыки ему в грудь, чтобы добраться до сердца техасца...

Они стояли, не шевелясь, уставившись друг на друга, Говард и маленькое чудовище. Между ними было не больше десятка футов. Говард, держа пистолет в руке, наклонился вперед, чтобы рассмотреть эту тварь, напоминавшую ощерившегося кота, охраняющего свою территорию.

«Собирается ли он его пристрелить?» — думал Лавкрафт. Нет, несмотря на внешность силача и здоровяка, Говард был на удивление нетерпим к кровопролитию и всякого рода насилию.

Дальше события развивались стремительно. Из зарослей внезапно появилось огромное чудовище — адское создание с крокодильей головой и сильными толстыми лапами, которые заканчивались огромными кривыми когтями. Стрела, выпущенная неизвестно откуда, пронзила его горло насквозь, и отвратительная темная жидкость потекла по серой шкуре твари. Существо, похожее на кота, увидев, что большой зверь ранен, внезапно прыгнуло ему на спину и вонзило клыки в его загривок. Тем временем из зарослей выбрался огромного роста человек, темноволосый и чернобородый. Его тело прикрывал лишь лоскут ткани, обернутый вокруг бедер. Очевидно, он-то и выпустил стрелу, ранившую чудовище, потому что он держал в руке устрашающих размеров лук, а за спиной у него висел колчан со стрелами. Гигант стащил подлое маленькое создание со спины раненого чудовища и отшвырнул его подальше. Затем он вытащил блестящий бронзовый кинжал и вонзил в свою добычу, совершив тем самым удар милосердия, который заставил чудовище тяжело рухнуть на землю.

Все это произошло в считанные мгновения. Лавкрафт, наблюдавший за всем происходящим из кабины «лендровера», был поражен силой, быстротой полуобнаженного охотника и восхищен его статью и ловкостью. Он оценивающе взглянул на Говарда, который стоял рядом и при всем своем внушительным телосложении казался маленьким по сравнению с чернобородым великаном. На какое-то время Говард, казалось, онемел, застыв от изумления. Но вот к нему вернулся дар речи.

— Клянусь Кромом [15]! — пробормотал он, уставившись на гиганта. — Это Конан Аквилонский[16], и никто другой! — Он задрожал. Сделав нетвердый шаг к великану, Говард протянул к нему обе руки в странном жесте — покорности, что ли? — Конан? — прошептал он. — Великий король, это ты? Конан? Конан? — И перед изумленным взором Лавкрафта Говард рухнул на колени рядом с умирающим зверем, глядя со страхом и восхищением на возвышающегося над ним охотника.

Сегодня был удачный для охоты день. Ему удалось после долгой погони завалить трех тварей. Все стрелы попали в цель. Каждое животное он искусно освежевал, мясо отложил как приманку для других созданий Ада, шкуры и головы аккуратно отделил, чтобы обработать вечером. Это истинное удовольствие, когда работа спорится.

«И все-таки остается пустота в сердце, несмотря ни на что, — думал Гильгамеш. — Поэтому нет ему радости, даже когда стрела метко попадает в цель, нет удовлетворения от хорошо сделанной работы». Он не чувствовал полноты жизни и не наполнял свое сердце радостью единения с родственной душой.

Почему так? Потому ли (как настойчиво утверждают христианские мертвецы), что это Ад, где нет места радости?

Гильгамеш полагал, что все это чушь. Те, кто пришел сюда в ожидании вечных мук, действительно их получили.

[15] Кром — бог киммерийцев, придуманный Робертом И. Говардом. Именно ему поклонялся великий Конан.

[16] Конан Аквилонский — наиболее известный из героев Роберта И. Говарда, могучий, непобедимый варвар из Киммерии.

Может быть, муки даже более ужасные, чем они предвидели. Что ж, они получили, что хотели, эти правоверные, эти доверчивые Новые Мертвецы, эти легковерные христиане.

Он был очень удивлен, когда первые их толпы появились в Аду. Только Энки знает, сколько тысяч лет назад это началось. А о чем они говорили! О реках кипящего масла! Об озерах смолы! О чертях с вилами! Они ожидали это увидеть, и администрация Ада была счастлива удовлетворить их чаяния. Для желающих были установлены множество Пыточных Городов. Гильгамеш никак не мог понять, кому они нужны. Никто из Старых Мертвецов даже представить их себе не мог, это все Новые Мертвецы, одержимые идеей наказания. Как там их называли? Ах да, мазохисты. Напыщенные мазохисты. Но этот хитрый малыш Макиавелли осмелился не согласиться, заметив: «Нет, мой господин, это было бы насилием над природой Ада — послать сюда мучиться настоящего мазохиста. Те, что пришли сюда, — силачи, задиры, хвастуны — все они отъявленные трусы в глубине души». У Августа тоже было что сказать по этому поводу, и у Цезаря, и даже эта египетская шлюха Хатшепсут с фальшивой накладной бородкой и огромными, сверкающими мрачным огнем глазами, встряла в разговор, и тогда все они заговорили разом, пытаясь понять христианских Новых Мертвецов, пока Гильгамеш, прежде чем покинуть их сборище, не сказал: «Вся трудность для вас в том, что вы пытаетесь постичь суть этого места. Если бы вы пробыли здесь так же долго, как я...»

Он вынужден был согласиться, что Ад оказался совсем не похож на то, что обещали жрецы. Давным-давно в Уруке его называли Домом Пыли и Темноты. Жрецы говорили, что это место, где мертвые живут в вечной ночи и печали, покрытые перьями вместо одежды, словно птицы. Там жители вместо хлеба едят пыль, а вместо мяса — глину. Там цари, господа, верховные правители живут скромно и вынуждены прислуживать демонам, будто рабы. Забавно, что он так боялся смерти, веря, что все так и будет!

Что ж, в действительности все эти россказни оказались ложью. Гильгамеш еще помнил, как выглядел Ад, когда он только попал туда. Это место казалось очень похожим на Урук — такие же низкие здания из светлого

кирпича с плоскими крышами, и храмы, построенные на вершинах высоких фундаментов с множеством ступеней. Там он встретил всех героев ушедших времен, живущих так, как они привыкли жить: своего отца Лугальбанду, деда Энмеркара и Зиусудру, который построил корабль, на котором человечество пережило Потоп, и многих других от начала времен. Вот на что был похож Ад, когда появился Гильгамеш. Но там были и другие районы, очень разные, — он открыл их позже. Там были места, где люди жили в пещерах или в норах под землей, или в хрупких домах из тростника, и места, где жили Волосатые Люди, а домов вообще не было. Ныне большинство из них исчезло, поглощенные теми, кто пришел в Ад в недавние времена. На самом деле очень много невероятного уродства и идеологической чуши, занесенных Новыми Мертвецами, появилось в последние несколько веков. Но все же идея, что это огромное пустынное пространство (неизмеримо большее, чем его любимое Двуречье) существует только для того, чтобы наказывать мертвых за их грехи, казалась Гильгамешу настолько глупой, что не стоило и размышлять о ней.

Почему же радость от охоты померкла? Почему не вызывает восторга ни выслеживание, ни преследование добычи, ни меткий выстрел из лука?

Гильгамешу казалось, что он знает почему, и это не имеет никакого отношения к грехам и наказаниям. В течение многих тысяч лет его жизни в Аду он всегда получал удовольствие от охоты. Если же радость покинула его сейчас, то это потому, что в последнее время он охотится один. Энкиду, его друг, его названный брат, его второе «я», теперь не с ним. Причина в этом и только в этом. Гильгамеш никогда не чувствовал себя спокойным без Энкиду, с тех пор как они впервые встретились, схватились в борьбе, а затем полюбили друг друга как братья. Это случилось давным-давно в городе Уруке. Энкиду был дородным мужем, широкоплечим, высоким и сильным, как и сам Гильгамеш, дикий и буйный воин, пришедший из диких земель. Гильгамеш никогда никого не любил так, как Энкиду.

Но такова уж была судьба Гильгамеша — снова и снова терять друзей. В первый раз они с Энкиду были разлучены,

еще когда жили в Уруке, в тот черный день, когда боги решили отомстить за их гордыню и послали лихорадку, отнявшую жизнь у Энкиду. Когда пришло его время, Гильгамеш тоже сдался смерти и попал в Ад, который оказался совсем не таким, каким его описывали жрецы. Он искал Энкиду и в один прекрасный день нашел. Ад раньше был гораздо меньше, и казалось, все обо всех знают; тем не менее потребовалась целая вечность, чтобы напасть на его след. Какой это был радостный день в Аду! Эти песни и танцы, и этот великолепный праздник, который продолжается без конца! Все обитатели Ада радовались за Гильгамеша и Энкиду. Минос Критский первым дал пир в честь их воссоединения, потом была очередь Аменхотепа, а потом Агамемнона. На четвертый день их принимал у себя смуглый стройный Варуна, царь Мелухи, а на пятый герои собрались в древнем зале народа Ледяных Охотников, где предводительствовал одноглазый Вай-Отин, а пол был выложен бивнями мамонтов, а потом...

Да, великое празднование воссоединения двух друзей продолжалось довольно долго. Это было еще до того, как появились орды Новых Мертвецов, толпы маленьких неопрятных людишек, притащивших с собой уродливых маленьких демонов, которых они называли чертями, и хитроумную систему проклятий и наказаний. До их появления Ад был просто местом, где живут после смерти, разнородным, но гораздо более приятным.

В течение бессчетного количества лет Гильгамеш и Энкиду жили вместе во дворце Гильгамеша в Аду так же, как раньше в Двуречье. И все шло хорошо, они охотились и пировали, и были счастливы, даже когда появились Новые Мертвецы и принесли с собой ужасающие перемены.

Они оказались дрянным народцем, эти Новые Мертвецы, с беспорядочной душой и поверхностным интеллектом, а их мелочное пустяковое соперничество и самодовольные горделивые позы очень раздражали. Но Гильгамеш и Энкиду старались не обращать на них внимания, в то время как Новые Мертвецы повторяли здесь все глупости, совершенные при жизни — бессмысленные Крестовые походы, дурацкие торговые войны и нелепые теологические свары. Но самое

отвратительное заключалось в том, что они принесли в Ад не только свои бредовые идеи, но еще и отвратительные современные приборы, а худшими из них были те подлые предметы, которые назывались ружьями, — они с грохотом убивали издалека — постыдное и трусливое действо. Воин знает, как следует отбивать удар топора или меча, но что он может сделать против пули, выпущенной издалека. Энкиду не повезло, он оказался между двумя повздорившими бандами вооруженных ружьями, стадом заносчивых испанцев и толпой нахальных англичан. Он пытался их примирить. Естественно, они не захотели мириться, и скоро пули уже летали вовсю, а Гильгамеш появился на поле боя слишком поздно — молния из аркебузы ударила прямо в благородное сердце Энкиду.

Никто не умирает в Аду навсегда, но многие остаются мертвыми в течение долгого времени, как, например, Энкиду. Грбовщик держал его в лимбо несколько сотен лет, или сколько там еще — подсчитывать время в Аду всегда нелегко. В любом случае это продолжалось ужасно долго, и Гильгамеш снова почувствовал, как на него нахлынуло гнетущее чувство одиночества, от которого его могло избавить только присутствие верного друга. Ад продолжал меняться, и теперь перемены шли с ошеломляющей быстротой. В мире, казалось, стало гораздо больше людей, чем в старые времена, и огромные армии каждый день прибывали в Ад — множество странных незнакомцев, которые, едва преодолев первую неуверенность и смущение, тут же принимались яростно переделывать этот мир в нечто такое же противоречивое и отвратительное, как тот мир, который они только что покинули. Появилась паровая машина, шумящая и лязгающая, потом нечто под названием динамо, потом на всех улицах зажглись слепящие электрические огни, затем поднялись фабрики и начали производить множество странных вещей. Больше, и больше, и больше, неумолимо, непрерывно. Железные дороги. Телефоны. Автомобили. Шум, дым, сажа повсюду, и некуда спрятаться от всего этого. Называлась эта вакханалия Индустриальной Революцией. Сатана и его свита администраторов-бюрократов, похоже, полюбили новинки. Почти всем понравились нововведения, кроме Гильгамеша и еще нескольких капризных консерваторов.

— Чего они добиваются? — однажды спросил Рабле. — Превратить это место в ад?

А совсем недавно Новые Мертвецы внедрили такие изобретения, как радио, вертолеты и компьютеры, и все заговорили по-английски. И Гильгамешу (он когда-то давно уже учил модный тогда греческий, потому что Агамемнон и его компания настояли на этом) пришлось овладеть этим сложным и неблагозвучным языком. Мрачные времена наступили для него. И тут наконец объявился Энкиду, далеко на севере, в одной из холодных областей. Энкиду отправился на юг, и скоро друзья воссоединились во второй раз, и снова жизнь в Аду стала легкой для Гильгамеша из Урука.

Но теперь они снова разлучены, и на этот раз чем-то более холодным и жестоким, чем смерть. В это трудно поверить, но они поссорились, наговорили друг другу ужасных слов, за тысячи лет ни в стране живых, ни в стране мертвых они так не ругались, а под конец Энкиду заявил то, что Гильгамеш никогда не думал от него услышать:

— Я не хочу тебя больше знать, царь Урука. Если ты снова перейдешь мне дорогу, я убью тебя.

Гильгамеш не мог поверить, что это говорит Энкиду. Может быть, это сказал какой-нибудь демон Ада, принявший обличье его друга?

В любом случае Энкиду ушел. Он исчез в суматохе и путанице Ада и поселился там, где Гильгамеш не мог его найти. А когда Гильгамеш попытался разузнать о нем, то получил ответ:

— Он не будет говорить с тобой. Он больше не любит тебя, Гильгамеш.

«Не может быть, вероятно, здесь замешано какое-то колдовство, — подумал Гильгамеш. — Конечно, это козни Новых Мертвецов, которые могут настроить брата против брата и заставить Энкиду упорствовать в своем гневе». Гильгамеш был уверен, что пройдет время, и Энкиду одержит победу над чарами, которые овладели его сердцем, и откроет себя для любви Гильгамеша. Но время шло, Ад менялся, а Энкиду все не возвращался в объятия брата.

Что оставалось делать? Только охотиться, надеяться и ждать.

Итак, в этот день Гильгамеш охотился на пустынных окраинах Ада. Он убивал снова и снова, и на исходе дня пронзил стрелой горло чудовища, более отвратительного, чем обычные создания Ада. Но оно обладало ужасающей живучестью и бросилось бежать от него, роняя темную кровь из разорванной глотки.

Гильгамеш преследовал его. Грешно ранить и не убить. В течение целого часа бежал воин по бесплодной равнине. Колючие растения хлестали его со злобой бесенят, ветер обрушивал на него облака пыли, и мелкие частицы песка секли его тело, как бичи. Все еще воинственная тварь опережала его, хотя и окропляла кровью сухую землю.

Гильгамеш не давал себе отдыха, так как дух силы снизошел на него от божественного Лугальбанды, его великого отца, который был наполовину царем, наполовину богом. Но он с трудом поспевал. Три раза он терял след добычи и находил путь только по каплям крови. Тускло-красное неподвижное око, которое было Солнцем Ада, постоянно сияло над ним, словно желало, чтобы Гильгамеш бежал не переставая.

Потом Гильгамеш увидел, что зверь, все еще сильный, но уже шатающийся, нырнул куда-то в заросли низких деревьев. Гильгамеш без колебаний бросился за ним. Деревья сладострастно хлестали его скользкими листьями, стараясь, как разнузданные развратницы, разодрать кожу острыми шипами. Но охотник вскоре выбрался на полянку, где мог добить свою добычу.

Какой-то отталкивающего вида адский зверек вскочил на спину раненого чудовища, впился когтями и принялся рвать и портить его шкуру. Рядом стоял «лендровер», из кабины которого выглядывал бледный мужчина с длинным лицом. Второй, краснолицый и толстомясый, стоял недалеко от рычащей и хрипящей добычи Гильгамеша.

Дело прежде всего. Гильгамеш схватил маленького любителя падали за шкирку, сорвал со спины раненого зверя и отшвырнул прочь. Затем с размаху воткнул кинжал туда, где, по его предположению, находилось сердце чудовища. Когда оружие вонзилось глубоко в тело жертвы, Гильгамеш почувствовал, как сильно содрогнулась грудь твари, и жизнь мгновенно покинула ее.

Дело сделано. Но снова ни удовольствия, ни чувства удовлетворения от хорошо сделанной работы. Только своего рода освобождение от необходимости закончить начатое дело. Гильгамеш глубоко вздохнул, успокоил дыхание и огляделся.

Что такое? Краснолицый человек, кажется, совсем спятил. Дрожа и трясясь всем телом, он повалился на колени, его глаза сверкали безумием.

— Король Конан? — вскричал он. — Великий царь?

— Конан — это не мой титул, — сказал Гильгамеш, не понимая, о ком тот говорит. — Я был когда-то царем Урука, но здесь я ничем не правлю. Вставай с колен, дружище!

— Но ты настоящий Конан, — хрипло произнес краснолицый человек. — Совсем как живой!

Гильгамеш почувствовал сильную неприязнь к этому человеку. Он мог бы выбрать другое время, чтобы пускать слюни. Конан? Конан. Это имя ничего ему не говорит. Хотя нет. Когда-то он знал одного Конана. С этим кельтским парнем он столкнулся в одной таверне — малый с прямым носом и тяжелыми скулами, с грязными волосами, в беспорядке свешивающимися ему на глаза. Он тогда напился вдрызг и призывал каких-то забытых божков. Да, он называл себя Конаном, вспомнил Гильгамеш. Этот пьяный кельт повздорил с трактирщицей, даже ударил ее. Гильгамеш бросил его в выгребную яму, чтобы научить манерам. Но как мог этот человечек, с лицом, перекошенным от волнения, спутать меня с каким-то забулдыгой? Он все еще что-то бубнит, что-то про страны, чьи названия ничего не говорят Гильгамешу — Киммерия, Аквилония, Гиркания, Замора[17]. Чушь какая-то! Таких мест не существует.

А какая страсть в глазах у этого типа — на что похож этот взгляд? В нем было обожание — так смотрит женщина на мужчину, когда соглашается ему уступить и подчиниться его воле.

Гильгамеш в свое время часто ловил на себе такие взгляды как женщин, так и мужчин. Когда так на него смотрели женщины, его это радовало, но когда мужчины — никогда. Он нахмурился. «За кого он меня принимает? Или он, как и многие, ошибочно полагает, что если я так сильно люблю Энкиду, то я из тех, кто обнимается с мужчиной, как с женщиной? Это не

[17] Страны, существовавшие в мистическую Хайборийскую эру.

так. Даже здесь, в Аду, это не так, — сказал себе Гильгамеш. — И никогда так не будет»

— Расскажи мне все! — умолял краснолицый. — Обо всех тех подвигах, которые я придумал для тебя, Конан. Расскажи, как все было на самом деле! И о том, как на Заснеженных Равнинах ты встретил дочь ледяного гиганта[18], и том, как ты плавал на «Тигрице» с королевой Черного Побережья[19], и как штурмовал столицу Аквилонии и убил короля Нумедидеса прямо на троне[20]...

Гильгамеш с отвращением смотрел на человека, растянувшегося у его ног.

— Эй, парень, прекрати болтать, — сердито фыркнул он. — Кончай, тебе говорят. Сдается мне, что ты ошибся.

Второй человек вылез из «лендровера» и направился к ним. Странный тип: тощий как скелет и бледный как мертвец, с шеей, как у выпи, которая, казалось, с трудом удерживает большую голову с выдающимся вперед подбородком. И одет он был странно — весь в черном, и закутан так, словно страдал от лихорадки. Но выглядел он спокойным и задумчивым, в отличие от своего буйного друга с безумными глазами. «Возможно, это писатель или жрец, — подумал Гильгамеш, — а кем может быть этот сумасшедший, только боги знают».

Тощий коснулся плеча своего приятеля и сказал:

— Возьми себя в руки, дружище. Это не Конан.

— Клянусь жизнью! Клянусь собственной жизнью! Его стать, его благородство... А как он убил этого зверя!

— Боб... Боб, Конан — это вымысел, фантазия. Ты сам его выдумал. Ну вставай же. — И затем обратился к Гильгамешу: — Тысяча извинений, дорогой сэр. Мой друг... легко возбудим...

Гильгамеш отвернулся, пожав плечами, и стал осматривать свою добычу. Ему было наплевать на этих двоих. Чтобы содрать шкуру с этого огромного зверя, потребуется остаток дня; а нужно еще дотащить ее в лагерь и определить,

[18] Сильверберг упоминает рассказ Роберта И. Говарда «Дочь ледяного великана».

[19] Сильверберг упоминает повесть Роберта И. Говарда «Королева Черного побережья».

[20] Сильверберг упоминает роман Карла Эдварда Вагнера «Дорога королей».

что он оставит себе в качестве трофея. Позади он слышал гулкий голос краснолицего:

— Вымысел, говоришь? Как ты можешь быть в этом уверен? Я тоже считал, что сам выдумал Конана. Но что если он действительно существовал, а я только описал изначальный архетип могучего воина, что если подлинный Конан стоит перед нами?

— Дорогой мой Боб, у твоего Конана были голубые глаза, не так ли? А у этого человека глаза черны как ночь.

— Ну... — неохотно протянул Говард.

— Ты так разволновался, что не заметил этого. А я заметил. Это какой-то воин-варвар, без сомнения, великий охотник. Может быть, это Нимрод или Аякс. Но не Конан, Боб. Он сам по себе, не ты его придумал. — Подойдя к Гильгамешу, длиннолицый вежливо и учтиво заговорил: — Дорогой сэр, я — Говард Филлипс Лавкрафт, из Провиденса, штат Род-Айленд, а мой спутник — Роберт Ирвин Говард из Техаса.

Мы жили в двадцатом веке от рождества Христова. Тогда мы зарабатывали себе на жизнь сочинением рассказов, и мой спутник перепутал вас с героем своих произведений. Прошу вас, назовите ему свое настоящее имя.

Гильгамеш поднял глаза. Он потер лоб тыльной стороной ладони, чтобы стереть засохшую кровь чудовища, и встретился с взглядом длиннолицего. Этот-то, по крайней мере, нормальный, как бы странно он ни выглядел.

Гильгамеш тихо сказал:

— Думаю, легче ему не станет, но знайте, что я Гильгамеш, сын Лугальбанды.

— Гильгамеш из Шумера? — прошептал Лавкрафт. — Гильгамеш, который хотел жить вечно?

— Да, я Гильгамеш. Я был царем Урука в те времена, когда он был величайшим городом Двуречья, и я считал в своем безрассудстве, что можно обмануть смерть.

— Ты слышишь, Боб?

— Невероятно. В это невозможно поверить, — пробормотал Говард.

Посмотрев на писателя с высоты своего роста, Гильгамеш глубоко вздохнул и промолвил громко:

— Я Гильгамеш, которому известны все тайны мира. Я — тот, кто познал истину жизни и смерти, особенно смерти. Я делил с богиней Инаной ложе Священного Брака; я убивал демонов и разговаривал с богами; я на две трети бог и на треть смертный. — Он замолчал и поглядел на Новых Мертвых, ожидая, пока стихнет эхо от его слов, тех слов, которые он произносил столько раз в подобных ситуациях. Затем продолжал много тише: — Умерев, я пришел в этот мир, называемый Адом, и здесь я провожу время, охотясь на тварей, населяющих земли Окраин. А теперь, извините, мне нужно заняться делом.

И он отвернулся от приятелей.

— Гильгамеш! — удивленно воскликнул Лавкрафт.

— Даже если я буду здесь до конца времен, я этого никогда не забуду. Это еще более невероятно, чем встретить Конана. Ты только представь — сам Гильгамеш.

Как же ему все это надоело: и этот страх, и это низкопоклонство.

И все из-за чертова эпоса, конечно. Он понимал, почему Цезарь так злился, когда к нему приставали с цитатами из Шекспира: «Он, человек, шагнул над тесным миром, возвысясь, как Колосс», и все такое. Цезарь приходил в ярость уже после третьего слова. «Однажды напишут про тебя поэму, — рассуждал Гильгамеш, — как об Одиссее, Ахилле, Цезаре, и тогда твоя собственная сущность постепенно исчезнет, поэтический образ полностью затмит твое я и превратит в ходячее клише. В этом смысле Шекспир был особенно подлым. Спросите Ричарда III, спросите Макбета, спросите Оуэна Глендаура. Они тайком крадутся по Аду, закрывая лица краем плаща, потому что каждый раз, как они открывают рот, люди ждут, что они скажут что-нибудь вроде: «Полцарства за коня!», или «Что в воздухе я вижу пред собою? Кинжал!», или «Я духов вызывать могу из бездны». Гильгамешу пришлось все это испытать вскоре после того, как он появился в Аду, потому что о нем написали поэму сразу же после его смерти — вся эта помпезная напыщенная чушь, состоящая из множества историй о нем, переданных с разной степенью достоверности. А потом вавилоняне и ассирийцы, и даже воняющие чесноком хетты продолжали переводить и приукрашивать эти истории в течение тысячелетия, так что

все живущие от одного края известного мира до другого знали их наизусть. И даже когда все эти народы исчезли, а их языки были забыты, он не почувствовал облегчения, потому что люди из двадцатого века нашли оригинал, расшифровали текст и снова сделали его всеобщим достоянием. В течение веков Гильгамеша превращали во всеобщего героя, который только и делал, что преодолевал трудности: он был и в легенде о Прометее, и в рассказах о подвигах Геракла, и в истории о скитаниях Одиссея, и даже в кельтских мифах, поэтому, наверное, этот парень Говард и назвал его Конаном. По крайней мере, тот, другой Конан, который напивался до поросячьего визга, был кельтом. Клянусь Энлилем, как утомительно, когда все ждут от тебя, чтобы ты жил согласно мифам о двадцати или тридцати различных героях! И особенно сбивает с толку то, что настоящие, немифические Геракл, Одиссей и другие тоже живут здесь и считают, что эти мифы написаны про них, хотя на самом деле это всего лишь варианты намного более ранних сказаний о нем, Гильгамеше.

Конечно, в поэме имелась и доля правды, особенно в той ее части, которая повествует о нем и Энкиду. Но поэт напичкал историю их дружбы всякой претенциозной ерундой, как это делают все поэты. В любом случае ты должен был очень устать, если бы тебе пришлось прожить такую долгую и сложную жизнь, изложенную в одних и тех же двенадцати главах и одних и тех же фразах. Случалось, Гильгамеш ловил себя на том, что цитирует эпос о себе самом — поэму о поисках вечной жизни. Ну, положим, это было не слишком далеко от истины, хотя и испорчено многими надуманными подробностями и разной мишурой:

— Я человек, который познал сущность всех вещей, истину о жизни и смерти.

Вычеркнуть нужно из поэмы эти строки. Скучно. Скучно. Он сердито поддел кинжалом шкуру мертвого чудовища и начал его свежевать.

А два человека пошли прочь, обсуждая встречу с Гильгамешем, царем Урука.

Странные чувства обуревали Роберта Говарда, но ему было на них наплевать. Он не мог простить себе, что в какой-то легкомысленный момент поверил, что этот Гильгамеш — его Конан. Это было не что иное, как лихорадочное возбуждение, которое обычно охватывало его за работой. Неожиданно встретиться с мускулистым гигантом в набедренной повязке, который заколол дьявольское чудовище маленьким бронзовым кинжалом, и решить, что перед ним могучий киммериец — что ж, это вполне простительно. Здесь, в Аду, очень быстро понимаешь, что можешь встретиться с кем угодно. Ты можешь играть в кости с лордом Байроном или пить вино с Менелаем, или спорить с Платоном об идеях Ницше, который будет стоять тут же рядом, недовольно скривившись. Через некоторое время все это принимается как должное.

Почему бы не допустить, что этот парень — Конан? Неважно, что у него были глаза другого цвета — это пустяки. Во всем остальном он был очень похож на киммерийца. У него был рост Конана и его сила. Он обладал не только царственной внешностью, но и, как казалось, холодным умом и сложным внутренним миром, которые были свойственны Конану, его храбростью и неукротимым духом.

Все несчастье в том, что Конан — удивительный киммериец-воин, живший за девятнадцать тысяч лет до рождества Христова, никогда не существовал в реальной жизни, он жил только в воображении Говарда. А в Аду не было придуманных персонажей. Можно было встретить Рихарда Вагнера, но Зигфрида — никогда, Вильгельма Завоевателя — да, Вильгельма Телля — нет.

«Все в порядке», — сказал себе Говард. Его фантазия — встретить Конана здесь в Аду — это всего лишь сентиментальный нарциссизм. Лучше об этом забыть. Встреча с настоящим Гильгамешем — это гораздо интереснее. Подлинный шумерский царь — титан, пришедший из начала времен, а не какой-то там придуманный персонаж, сделанный из картона и захватывающих, но нереальных грез. Человек из плоти и крови, который прожил бурную жизнь, сражался в великих битвах, разговаривал на равных с богами, боролся с неизбежностью смерти и после нее дал бессмертную жизнь

мифологическому архетипу — да, он больше заслуживает внимания, чем какой-то Конан. Учитывая все это, Говард вынужден был признать, что его разговор с Конаном дал бы ему не больше, чем общение с собственным отражением в зеркале. А может, встреча с «реальным» Конаном, если бы она была возможна, повергла бы его в такое смятение души, от которого бы он никогда не оправился. «Нет, — подумал Говард, — в любом случае лучше Гильгамеш, чем Конан». Он с этим уже смирился.

Но с другой стороны... этот внезапный дикий порыв броситься к ногам гиганта, оказаться в его могучих объятиях...

Что это было? Откуда это пришло? Ради пылающего сердца Аримана, что это могло значить?

Говард вспомнил тот случай, когда он был на дамбе Киско и наблюдал, как строители, раздевшись донага, ныряли и плескались в воде: хорошо сложенные люди, самоуверенные. Какое-то время он смотрел на них и восхищался их физической красотой. Фигурами эти мужчины напоминали греческие статуи, эти буйные Аполлоны и Зевсы. Но услышав, как они кричат, смеются и произносят непристойности, Говард разозлился, внезапно придя к выводу, что на самом деле они бездумные животные, естественные враги таким мечтателям, как он. Говард ненавидел их, как слабый всегда ненавидит сильного; ненавидел этих красивых бестий, которые, если представится случай, растопчут и мечтателя, и его мечты [21]. Но потом техасец напомнил себе, что и сам не слабак; что ему, который когда-то был слабым и тщедушным, путем огромных усилий удалось стать сильным и здоровым. Может быть, не таким хорошо сложенным, как эти люди, — он для этого слишком мясистый, слишком дородный, — но несмотря на это, здесь не было ни одного человека, которому он не смог бы сломать ребра, если бы дело дошло до драки. В тот раз, в Киско, он ушел с берега, кипя от ярости.

С чем все эта было связано? Была ли это просто подавленная ярость — своего рода темное скрытое вожделение, некое страстное греховное желание? А может быть, гнев, ко-

[21] Тут Сильверберг иронизирует над биографической книгой Говарда, написанной Спрэгом де Кампом «Мечтатель и его мечты».

торый возник в нем, маскировал гнев, направленный против себя самого за то, что он любовался теми обнаженными мужчинами?

Нет. Нет. Нет. Нет. Он не был каким-нибудь развратным дегенератом. Совершенно точно.

Влечение мужчины к мужчине было знаком декаданса, упадка цивилизации. А он жил в приграничной полосе, среди простых и мужественных людей. Там не было места мягко шепчущим содомитам, которые погрязли в грехе и разврате. Если Говард и не познал за свою короткую жизнь любви женщины, то только потому, что не было случая, а не потому, что он предпочитал другую, постыдную страсть. Живя в маленьком городке в далекой прерии, посвятив себя матери и творчеству, он не считал, что ему стоит искать утешения у проституток или гуляющих женщин. Он был уверен, что если бы прожил дольше и встретил женщину, которая могла бы стать ему истинным другом, он обязательно бы ее полюбил.

И все же... все же... Этот момент, когда он впервые увидел гиганта Гильгамеша и подумал, что тот Конан...

Некая, безымянная волна словно электричеством пронзила его тело... Чем еще это могло быть, как не желанием, истинным, сильным и непреодолимым. К мужчине? Невероятно. Пусть даже к этому великолепному герою... даже к этому гиганту с царственной осанкой... Нет. Нет. Нет. Нет.

«Я в Аду, и это одна из разновидностей адских пыток», — сказал себе Говард.

Он в ярости шагнул к «лендроверу». Он снова испытывал ужасное страдание, которое угрожало подмять его под себя, как это было много раз в его прошлой жизни и в этой жизни после жизни. «Эти внезапные развратные мысли и безнравственные чувства, — думал Говард, — они нечто иное, как дьявольское извращение моего естественного духа, словно кто-то старается ввергнуть меня в пучину отчаяния и вызвать отвращение к самому себе. Клянусь Кромом, я буду бороться. Клянусь грудью Иштар, я не поддамся этой гадости!

И в тоже время он обнаружил, что его глаза устремлены к зарослям, где Гильгамеш все еще свежевал поверженное им животное.

Какие великолепные мускулы бугрились на этой широкой спине и перекатывались на крепких, как сталь, бедрах. С какой непринужденностью древний охотник сдирал косматую шкуру с чудовища, не боясь вымазаться в запекшейся крови. Этот каскад черных блестящих волос, который едва сдерживал усеянный драгоценными камнями обруч, эта густая черная курчавая борода...

У Говарда пересохло в горле. В низу живота возникла тяжесть.

— Наверное, ты хочешь с ним поговорить? — спросил Лавкрафт.

Говард вздрогнул и почувствовал, что краснеет. Он был уверен, что преступные чувства отразились у него на лице.

— Какого черта! Что ты имеешь в виду? — прорычал он, непроизвольно сжимая кулаки. Ему казалось, что лицо его пылает. — О чем я могу с ним говорить?

Лавкрафт удивленно посмотрел на него, не понимая, что вызвало его гнев.

— Что тебя так разозлило? Ты ведь как никто другой обожаешь древние времена! А как же твоя страсть к загадкам исчезнувших восточных империй? Почему же, дружище, ты ничего не хочешь узнать о царствах Шумера? Об Уруке, Нипуре, халдейском Уре? О тайных ритуалах богини Инаны в темных залах под зиккуратами смерти? О песнопениях, которые открывали ворота подземного мира, о жертвоприношениях, с помощью которых призывали демонов из потусторонних миров? Кто знает, что он может нам рассказать? Этому человеку шесть тысяч лет. Это герой из начала времен, Боб!

Говард фыркнул:

— Сомневаюсь, что этот здоровенный сукин сын захочет говорить с нами. Кажется, единственное, что его интересует — это снять шкуру с окровавленной твари.

— Он уже почти закончил. Почему бы нам не подождать, Боб? Давай пригласим его посидеть с нами немного, разговорим его, попросим его рассказать нам о жизни на Евфрате! — Теперь темные глаза Лавкрафта горели так, как будто он тоже испытывал некие странные желания. На лбу у него блестели капли пота, но Говард знал, что его друга обуревает

только жажда знаний, он хотел узнать о глубокой древности. Вот эта самая жажда знаний сжигала и его, Говарда. Поговорить с человеком, который жил еще до возникновения вавилонского царства, который гулял по улицам Ура еще до рождения Авраама.

Но кроме жажды знаний, были и другие желания, темные, затаенные, которые в любом случае следовало подавлять.

— Нет, — резко объявил Говард, — поехали отсюда сейчас же. Эта проклятая голая пустыня действует мне на нервы.

Лавкрафт посмотрел на него с недоумением:

— Но разве не ты только что говорил мне, как красиво...

— К черту все, что я тебе говорил! Король Генрих ждет, чтобы мы заключили для него союз. Не будем же мы делать это здесь, на этих задворках.

— Где?

— На задворках. В дикой нецивилизованной дыре. Это выражение, которое употреблялось в наши времена. Задворки, понимаешь? Ты ведь никогда не интересовался сленгом, не так ли? — Он потянул Лавкрафта за рукав. — Пошли. Я тебя уверяю, эта огромная окровавленная обезьяна не собирается нам рассказывать о своей жизни и своей эпохе. Возможно, он даже не вспомнит ни о чем, достойном рассказа. И он меня утомляет. Ты меня извини, но он для меня прямо как заноза в заднице, понимаешь? Не хочу его видеть. Ты не против? Ты готов ехать дальше?

— Должен тебе сказать, Боб, иногда ты меня просто поражаешь. Но, конечно, если ты... — Внезапно глаза Лавкрафта расширились от удивления — Берегись, Боб! За машину! Быстро!

— Что...

Стрела со свистом пролетела у самого уха Говарда. И еще, и еще. Одна стрела отскочила от бока «лендровера» с противным гулким стуком, другая вонзилась в металл обшивки и, трепеща, застряла на целый дюйм.

Говард резко обернулся и увидел с десяток всадников, может, полтора десятка, несущихся из темноты и стреляющих на полном скаку.

Это были худощавые низкорослые люди в ярко-красных куртках, по виду азиаты. Они мчались на маленьких серых

конях с горящими глазами так быстро, словно хотели унестись к дальним границам Ада.

Кричащие и воющие желтокожие воины, казалось, были в бешенстве. Кто они? Монголы? Тюрки? Кем бы они ни были, обстреливали «лендровер» они, словно посланцы самой смерти. Некоторые из них потрясали длинными кривыми саблями, но большинство было вооружено необычно маленькими луками. Они выпускали одну стрелу за другой со сверхъестественной быстротой.

Скорчившись за «лендровером» рядом с Лавкрафтом, Говард смотрел на атакующих, застыв от изумления. Как часто он описывал подобные сцены! Развевающиеся перья, ощетинившиеся копья, свистящее облако оперенных стрел! Грохот копыт, дикие боевые кличи, стук варварских стрел об аквилонские щиты! Лошади ржут и сбрасывают всадников... Рыцари в окровавленных доспехах падают на землю... Обломки стальных доспехов разбросаны по полю битвы...

Но сейчас перед ним разворачивалась совсем не история о храбрых хайборийских головорезах. Это были настоящие всадники, вполне реальные, как и все здесь, неистово мчащиеся по этой холодной, продуваемой ветром равнине Ада. Это были настоящие стрелы, они могли на самом деле вонзиться в тело и стать причиной настоящей ужасной агонии и смерти.

Говард посмотрел на Гильгамеша. Тот притаился за тушей животного, которое перед этим свежевал, держа наготове огромный лук. Вот охотник прицелился и выстрелил в ближайшего всадника. Стрела вонзилась в грудь азиату и вышла из спины. Но атакующий воин, прежде чем упасть, сумел выпустить еще одну стрелу, которая, описав дугу, на излете вонзилась Гильгамешу в руку чуть пониже плеча. Шумер равнодушно посмотрел на стрелу, торчащую из его руки, нахмурился и покачал головой, как будто его укусил слепень, потом — точно так, как сделал бы Конан, — наклонил голову к плечу и перекусил стрелу пополам под самый корень. Алая кровь хлынула из руки, когда он выдернул второй обломок стрелы из раны.

Потом Гильгамеш поднял лук и снова выстрелил. Как будто ничего не произошло. Кровь ручьем текла у него по руке, но это, казалось, его совершенно не тревожило. Говард смотрел

на него, застыв, как в столбняке. Он едва мог дышать. Тошнота подкатила к горлу. Когда-то в своих рассказах, описывая сражения, он непринужденно и весело нагромождал груды отрубленных голов, рук и ног, но стоило ему увидеть настоящее кровопролитие и жестокость, это привело его в такой ужас, что он лишился способности двигаться.

— Пистолет, Боб, — нетерпеливо воскликнул Лавкрафт. — Стреляй из пистолета!

— Что?

— Да вот же.

Говард посмотрел вниз, куда указывал взглядом Лавкрафт. За пояс у него был заткнут пистолет, который он взял, собираясь поближе рассмотреть маленького зверька, выскочившего под колеса «лендровера». Техасец вынул оружие и уставился на него остекленевшим взглядом, как будто на его ладони лежало яйцо василиска.

— Что ты возишься? — крикнул Лавкрафт. — Дай сюда. — Он нетерпеливо выхватил пистолет из холодных пальцев Говарда и несколько секунд изучал его, как будто никогда прежде не держал в руках... Может быть, и не держал... Но потом, сжав рукоять пистолета обеими руками, он осторожно высунулся из-за капота «лендровера» и нажал на курок.

Громкий звук выстрела заглушил яростные крики всадников. Лавкрафт засмеялся:

— Один есть! Кто бы мог подумать...

Он снова выстрелил. В тот же момент Гильгамеш выстрелом из лука снял еще одного из нападавших.

— Они уходят, — закричал Лавкрафт. — Клянусь Алхазредом, они не ожидали встретить отпор! — Он снова засмеялся и снова прицелился. — И-я-а! — закричал он таким голосом, какого Говард никогда не ожидал услышать от стеснительного интеллектуала Лавкрафта. — Шаб-Ниггурат[22]! — Лавкрафт выстрелил в третий раз. — Ф'нглуи мгилв'нафх Чтулу Р'лье вга'нагл фахтагн!

Говард чувствовал, как пот струится по телу. Его бездействие... его оцепенение... его позор... Что бы о нем подумал Конан? А Гильгамеш? Пока техасец раздумывает, что предпринять, Лавкрафт, этот робкий тщедушный человек, который при

[22] Шаб-Ниггурат — один из богов-демонов пантеона Ктулху.

жизни боялся морских рыб и холодных зимних ветров родной Новой Англии, и еще много чего, смеялся и выкрикивал свою дурацкую тарабарщину, и стрелял, как какой-нибудь гангстер, словно всю жизнь только этим и занимался...

Какой позор! Какой стыд!

Не обращая внимания на опасность, Говард забрался в кабину «лендровера» и лихорадочно принялся искать второй пистолет, который остался где-то на полу. Он нашел его, встал на колени и осторожно выглянул из окна. Семь или восемь азиатских всадников, убитых или умирающих, валялось вокруг машины в радиусе ста ярдов. Другие отступили и находились уже на значительном расстоянии. Они собрались в небольшой круг. Было очевидно, что они в замешательстве от неожиданно сильного сопротивления, с каким, возможно, им раньше не приходилось сталкиваться в этих пустынных пограничных землях.

Что они собирались предпринять? Сбились в тесный кружок, поставив коней голова к голове. Совещались. Вот двое из них вытащили из седельных сумок что-то вроде военного знамени и натянули его между двумя бамбуковыми шестами: длинный желтый вымпел с черными восточными письменами и кроваво-алыми кистями заколыхался на ветру. Серьезное дело они, очевидно, затевают. Теперь они выстроились в ряд лицом к «лендроверу». Подготовка к отчаянной атаке — вот на что это было похоже.

Гильгамеш, стоя во весь рост, на виду, спокойно наложил на тетиву еще одну стрелу. Он прицелился и ждал, когда враги подъедут ближе. Лавкрафт, раскрасневшийся от волнения, совершенно преобразившийся от незнакомой ему раньше радости предстоящей схватки, подался вперед, внимательно всматриваясь. Курок его пистолета был взведен и готов к выстрелу.

Говард дрожал. Лицо его горело от стыда. Как он мог прятаться здесь, когда те двое приняли на себя всю тяжесть боя? Хотя его руки тряслись, он выставил дуло пистолета и взял на мушку ближайшего всадника. Его палец застыл на курке. Сможет ли он попасть с такого расстояния? Да. Действуй. Ты знаешь, как стрелять из пистолета. Все в порядке. Сейчас самое время проверить на деле,

чего ты стоишь. Выбей этого маленького желтого ублюдка из седла! Отправь его прямо в Ад! Нет, он уже в Аду. Отправь его к Гробовщику на переработку, вот так. Как меня учили... Готовься, целься...

— Подожди, — попросил Лавкрафт. — Не стреляй.

— Что?

Говард с усилием опустил оружие и попытался расслабить отчаянно трясущиеся руки. Лавкрафт в это время, прикрывая глаза от жуткого мерцания неподвижного солнца, пристально вглядывался во вражеских воинов. Потом он вдруг резко повернулся, нырнул в кабину «лендровера», пошарил там в «бардачке» и вытащил конверт, в котором находились их верительные грамоты от короля Генриха.

А теперь что он собирается делать...

Неужели выходит с поднятыми руками, размахивая конвертом, и направляется прямо им навстречу?

— Они убьют тебя, ложись, ложись!

Лавкрафт, не оборачиваясь, резко махнул Говарду, чтобы тот замолчал, и продолжал идти в сторону всадников. Это, казалось, так же сбило их с толку, как и Говарда. Азиаты неподвижно застыли в седлах, держа луки перед собой; с десяток стрел были направлены в грудь Лавкрафта.

«Совсем спятил, — в ужасе подумал Говард. — Он ведь никогда не был особенно уравновешенным, этот фантазер, веривший в Древних Богов, в существование ворот в иное пространство и языческие ритуалы на темных холмах Новой Англии. А теперь вся эта стрельба... и его восторг...»

— Эй вы, опустите оружие! — закричал Лавкрафт. Его голос звучал спокойно, но в нем проскальзывали повелительные нотки. — Во имя Пресвитера Иоанна, я призываю вас опустить оружие! Мы не враги, мы посланники к вашему императору.

Говард открыл рот от изумления. Он начал понимать: нет, Лавкрафт отнюдь не сошел с ума.

Он снова посмотрел на длинный желтый вымпел. Да, да, на нем эмблема Пресвитера Иоанна! А эти всадники — часть пограничного патруля, охраняющего страну, правителя которой они так долго искали. Говард почувствовал смущение. В отличие от него, Лавкрафт в пылу битвы настолько хорошо

владел собой, что сумел определить, кому принадлежит вымпел. И ему хватило смелости выйти вперед. Пергаментный свиток, подтверждающий их полномочия, был у него руке, и он указывал на маленькую печать с красной лентой, принадлежащую королю Генриху.

Всадники уставились на него, потом, посовещавшись между собой, опустили луки. Гильгамеш тоже опустил лук. Древний охотник взирал на Лавкрафта с не меньшим изумлением.

— Вы видите? — взывал Лавкрафт. — Мы посланники короля Генриха! Мы направлены к вашему божественному повелителю Елюй-Даши просить у него помощи! — Оглянувшись через плечо, он дал знак Говарду подойти поближе. После секундного колебания Говард вышел из-за «лендровера». Он чувствовал себя не слишком уверенно, шагая навстречу мрачным желтокожим лучникам. У него захватило дух, словно он стоял на краю огромной пропасти.

Лавкрафт улыбнулся:

— Вроде бы все в порядке, Боб! Ты видишь, на флаге, который они развернули, эмблема Пресвитера Иоанна...

— Да, да, я понял.

— И смотри, они делают нам знаки. Они поняли меня, Боб! Они поверили мне!

Говард кивнул, почувствовав огромное облегчение и даже некоторую радость. Он довольно хлопнул Лавкрафта по спине:

— Здорово! Я не думал, что ты на такое способен!

Теперь, когда страх прошел, техасец ощутил необычайный подъем духа и энергично замахал всадникам.

— Эй! Мы послы Его Величества Британского короля Генриха VIII! — закричал он. — Ведите нас к вашему императору!

Затем он посмотрел на Гильгамеша, который хмуро разглядывал всадников, все еще держа лук наготове:

— Эй, царь Урука! Убери оружие! Все в порядке! Мы едем ко двору Пресвитера Иоанна!

Гильгамеш не знал, почему согласился сесть с ними в машину. Он совсем не собирался ехать ни ко двору Пресвитера

Иоанна, ни куда-то еще. Он хотел только охотиться и бродить в одиночестве по пустынным Окраинам в надежде найти утешение своему горю.

Но этот тощий человечек с длинной шеей и его самодовольный краснолицый друг позвали его, и пока он раздумывал, нахмурившись, уродливые плосколицые маленькие желтые воины стали показывать жестами, что он тоже должен ехать с ними. Они вели себя так, словно собирались его заставить, если бы он отказался. И хотя Гильгамеш не боялся их, да и вообще никого, какой-то непонятный импульс заставил его воздержаться от схватки и залезть в машину. Может быть, ему следовало отдохнуть от охоты. К тому же раненая рука болела. Возбуждение от битвы постепенно прошло, и мысль о том, что неплохо бы найти лекаря, показалась ему заманчивой. Рука распухла и посинела, рану следовало промыть и перевязать.

Ну что ж, теперь он едет ко двору Пресвитера Иоанна. Тихо сидит на заднем сиденье душной захламленной машины в обществе двух странных типов из Новых Мертвецов, писцов или сказочников, как там они себя назвали, а всадники Пресвитера Иоанна ведут их в лагерь своего монарха.

Тот, кого звали Говардом, не сводил с него глаз, словно влюбленная девчонка, хотя был за рулем. Оглянувшись, он сказал:

— Скажи, Гильгамеш, ты когда-нибудь имел дело с Пресвитером Иоанном?

— Я слышал это имя, — ответил шумер, — но оно мне ничего не говорит.

— Это легендарный христианский император, — сказал второй, тощий, по имени Лавкрафт. — Говорят, он управлял таинственным царством где-то в далеких степях Центральной Азии... хотя скорее всего это было в Африке, если судить по...

«Азия... Африка... названия, только названия», — мрачно подумал Гильгамеш. Эти места находились где-то в другом мире, и он не представлял, где именно.

Какое множество мест, как много названий! Невозможно все запомнить. В этих названиях не было никакого смысла. Мир — его мир — находился между двумя реками, Идигной и Бурану — ну, которые греки предпочитали называть

Тигром и Евфратом. Кто такие эти греки, какое право они имели переименовывать реки? Теперь все их так называют, даже сам Гильгамеш, только в глубине души, про себя, называл их настоящими именами.

А за Двуречьем? Дальше, если идти на восток, было зависимое государство Аратта, а за ним в том же направлении — Страна Кедров, где рычал и выл огнедышащий демон Хувава. В восточных горах раскинулось обширное царство варваров-эламитов, на севере была земля хуригов, в пустынях на западе жили дикари марту, на юге же среди лазурных вод цвел благословенный остров Дильмун, похожий на рай. Было ли что-нибудь за этим миром? Говорили, что далеко за Эламом есть такая страна Мелухха, где живут люди с черной кожей и приятными чертами лица; на юге раскинулся Пунт, жители которого тоже имеют черную кожу, но губы у них толстые, а носы плоские, за Мелуххой далеко на востоке живут люди, желтокожие и узкоглазые, которые добывают драгоценный зеленый камень. И это весь мир. Где находятся такие места, как Африка, Азия, Европа и остальные — Рим, Греция, Англия? Может быть, какие-то из них были новыми названиями старых мест. Ведь и страна Гильгамеша со временем приобрела множество имен: Вавилония, Месопотамия, Ирак. Зачем нужны новые названия? Он не понимал. Новые люди выдумывают новые имена, какие-то там Африка, Азия, Америка, Китай, Россия... Человек по имени Геродот, грек, однажды пытался втолковать ему что-то о границах мира и о странах, расположенных в нем, нарисовав карту на старом клочке пергамента. Много позже флегматичный парень Меркатор делился с ним знаниями о своем мире, а потом англичанин Кук говорил с ним о том же самом. Но все их рассказы настолько противоречили друг другу, что Гильгамеш совсем запутался. Слишком много требовалось узнать, чтобы во всем этом разобраться. Бесчисленное количество народов появилось с тех пор, как он правил в Уруке, империи, которые возвышались, клонились к упадку и забывались, династии, полководцы и цари появлялись и уходили в небытие... Время от времени он пытался выстроить порядок событий, но безуспешно. Да, в прошлой жизни он старался узнать обо всем, он хотел всего: знаний,

богатства, силы, женщин, самой жизни. Теперь все казалось ему глупостью. Эта мешанина беспорядочных и сбивающих с толку стран, все эти великие королевства и далекие царства, они лежали в другом мире... Зачем они ему сейчас?

— Азия? Африка? — Гильгамеш пожал плечами. — Пресвитер Иоанн? — Он старательно порылся в памяти. — А-а, думаю, Пресвитер Иоанн живет в Новом Аду. Он чернокожий, приятель старого лжеца сэра Джона Мандевиля. — Теперь он припоминал. — Да, я много раз видел их вместе, в грязной таверне, где Мандевиль всегда ошивается. Они всем рассказывали небылицы, одна лживее другой.

— Это другой Пресвитер Иоанн, — сказал Лавкрафт.

— Твой Пресвитер Иоанн скорее всего эфиоп, — заметил Говард. — Бывший африканский тиран, любимец иезуитов, теперь постоянно пьянствующий и не вылезающий из запоя. Он один из многих Пресвитеров Ианнов. Всего в Аду их семь или девять, насколько мне известно, а может, и с десяток наберется.

Гильгамеш воспринял это заявление равнодушно. Его раненая рука горела. Он безучастно слушал болтовню Лавкрафта:

— Пресвитер Иоанн — не настоящее имя, это, вероятно, титул, причем ворованный. Настоящего Пресвитера Иоанна никогда не существовало, только различные правители в разных странах, которым нравилось, чтобы о них рассказывали в Европе как о Пресвитере Иоанне, христианском императоре, великом загадочном монархе сказочного государства. И здесь, в Аду, много тех, кто решил присвоить это имя. В нем сила, понимаешь?

— Сила и могущество! — воскликнул Говард. — И романтика, клянусь Богом!

— Так этот Пресвитер Иоанн, к которому мы едем, на самом деле не Пресвитер Иоаннг? — удивился Гильгамеш.

— Его имя Елюй-Даши, — ответил Говард. — Он китаец, точнее маньчжур, жил в двенадцатом веке нашей эры. Первый император государства каракитаев со столицей в Самарканде. Правил монголами и тюрками, и они называли его гурхан, что означало «верховный правитель». Каким-то образом, пока это имя дошло до Европы, оно превратилось

в Иоанн. А еще там почему-то распространилось мнение, что он был христианским священником, которого звали Пресвитер Иоанн. Потом его имя сократили до Пресвитера Иоанна. — Говард засмеялся. — Черт побери этих глупых ублюдков. Он такой же христианин, как ты! Он буддист, кровожадный буддист.

— Но как же...

— Мифы и путаница! — перебил охотника Говард. — Просто огромная ошибка. Подумать только, когда этот Елюй-Даши появился в Аду, он оказался в другой империи, но очень похожей на ту, которой правил при жизни. Однажды он встретил Ричарда Бартона, и тот рассказал ему о Пресвитере Иоанне и о том, как знаменит тот был среди европейцев и какие замечательные качества они ему приписывали. Тогда Елюй-Даши заявил: «Да, да, я тот самый Пресвитер Иоанн». И теперь он называет себя этим именем, как и девять остальных Пресвитеров Иоаннов, большинство из которых эфиопы, вроде друга твоего приятеля Мандевиля.

— Они мне не друзья, — обрезал Гильгамеш. Он откинулся на спинку сиденья и потер раненую руку. Ландшафт за окном «лендровера» изменился: появились холмы, покрытые низенькими деревьями с толстыми корявыми стволами, растущими из красной глинистой земли. На склонах холмов тут и там чернели войлочные шатры, вокруг которых паслись низкорослые лошадки. Гильгамеш жалел, что позволил втянуть себя в эту поездку. Что ему за дело до Пресвитера Иоанна? Всего лишь какой-то выскочка из Новых Мертвецов, один из многочисленных мелких князьков, основавший крохотное государство на огромных пустошах Окраин. Он правит под фальшивым именем, а значит, еще один дрянной мерзавец. Еще одно напыщенное ничтожество, раздувающееся от незаслуженной гордыни...

Ну и что, какая разница? Гильгамеш решил погостить немного в стране этого Пресвитера Иоанна, а потом снова отправится странствовать, тоскуя о потерянном Энкиду. Кажется, нет ему избавления от этого проклятия.

— Их превосходительства Филип Говард и Роберт Лавкрафт, — важно объявил дворецкий, хотя и допустил двойную ошибку, переврав их имена, и трижды стукнул жезлом из бледно-зеленого нефрита с золотым наконечником по черному мраморному полу тронного зала. — Полномочные представители Его Британского Величества Генриха VIII, короля Новой Свято-Дьявольской Англии.

Лавкрафт и Говард сделали несколько шагов вперед. Елюй-Даши коротко кивнул и небрежно махнул холеной рукой, на которой сверкали ногти в дюйм длиной. Полномочные послы не представляли для него большого интереса, равно как и причина, заставившая Его Величество Британского короля Генриха послать их к нему.

Холодный повелительный взгляд императора обратился к Гильгамешу, который изо всех сил старался держаться прямо. Он чувствовал головокружение, его лихорадило, и он гадал, когда кто-нибудь заметит, что у него в руке кровоточащая дыра. В конце концов, даже его выносливость имеет предел. Древний царь не знал, как долго сможет продержаться. Иногда героическое поведение причиняет некоторые неудобства, и сегодня был как раз такой случай.

— ...и Его Бывшее Величество Гильгамеш из Урука, сын Лугальбанды, великий царь, царь Урука, царь из царей, повелитель Двуречья волей Энлиля и Ан, — возвестил дворецкий так же торжественно, всего один раз заглянув в шпаргалку, которую держал в руке.

— Великий царь? — спросил Елюй-Даши, пронзив Гильгамеша самым проницательным взглядом, который тот когда-либо встречал. — Царь царей? Это очень высокие титулы, царь Урука.

— Просто формула, — ответил Гильгамеш. — Нужно же как-то быть представленным. На самом деле теперь я никакой не правитель.

— А-а, — протянул Елюй-Даши, — царь Ничего.

«И ты тоже, господин Елюй-Даши, — Гильгамеш не позволил себе произнести это вслух, хотя слова вот-вот готовы были сорваться у него с языка. — И все остальные самодовольные господа и правители многих царств Ада».

Стройный желтолицый человек на троне подался вперед:

— И где же, скажи мне, находится твое Ничто?

Некоторые придворные начали хихикать, но сам Пресвитер Иоанн казался совершенно невозмутимым и спокойным, хотя никто в этом не мог быть полностью уверенным. Гильгамеш сразу понял, что перед ним страшный человек: хитрый, проницательный, замкнутый, с изворотливым, острым умом. Гильгамеш не ожидал увидеть здесь, в этом мрачном, отдаленном углу Ада такого тщеславного бойцового петуха. Каким бы маленьким и незаметным ни было его княжество, Пресвитер Иоанн, судя по всему, управлял им твердой рукой. Об этом свидетельствовали и пышность дворца, который подданные возвели для него на самом краю Ада, и укрепления небольшого, но на совесть построенного города вокруг него. Гильгамеш кое-что понимал в строительстве городов и дворцов. Над столицей Пресвитера Иоанна неутомимо трудилось множество людей в течение многих поколений.

Долгий пристальный взгляд правителя был холодным и безжалостным. Гильгамеш, борясь с обжигающей болью в руке, так же пристально посмотрел в глаза императору и сказал:

— Ничто? Это страна, которой никогда не было и которая будет существовать всегда. У нее нет границ, а ее столица — везде, и никто из нас не может ее покинуть.

— Да, действительно. Хорошо сказано. Ты ведь из Старых Мертвецов, не так ли?

— Из очень старых.

— Старше, чем Цинь Ши Хуанди? Старше правителей Шана и Цзиня?

Гильгамеш в недоумении повернулся к Лавкрафту. Тот негромко сказал ему:

— Это древние царства Китая. Ты жил намного раньше.

— Я ничего не знаю о них, господин, — ответил Гильгамеш, пожав плечами, — но ты слышал, что сказал британский посол. Он хорошо в этом разбирается, поэтому, наверное, так и есть. Могу лишь сказать тебе, что я намного старше Цезаря, старше Агамемнона и Главнокомандующего Рамзеса, даже старше Саргона. Намного.

Какое-то время Елюй-Даши размышлял. Затем махнул рукой, словно отметая все эпохи Ада, и с сухим смешком сказал:

— Да, ты очень стар, Гильгамеш. Поздравляю. А Ледяные Охотники сказали бы, что и ты, и я, и Рамзес с Саргоном прибыли сюда только вчера; впрочем, и Ледяные Охотники, и Волосатые Люди здесь совсем недавно. Здесь нет начала, только конец.

Не дожидаясь ответа, он вновь спросил Гильгамеша:

— Как ты получил эту рану, великий царь страны под названием Ничто?

«Ну наконец-то заметил», — подумал Гильгамеш.

— Недоразумение, господин. Твой пограничный патруль оказался слишком усердным.

Один из придворных наклонился к императору и шепнул ему что-то на ухо. Пресвитер Иоанн помрачнел. Он приподнял тонко очерченную бровь:

— Ты убил девять моих воинов?

— Они напали на нас, прежде чем мы успели показать свои грамоты, — быстро вмешался Лавкрафт. — Это была самозащита, господин.

— Не сомневаюсь. — Казалось, император задумался на мгновение о стычке, в которой потерял девятерых всадников, но только на мгновение. — Ну что ж, господа послы...

Внезапно Гильгамеш пошатнулся и начал падать. Он с трудом устоял, схватившись за огромную колонну из порфира, чтобы удержаться. Пот ручьем стекал по его лбу и заливал глаза. Каменная колонна казалась ему то широкой, то узкой, голова кружилась, перед глазами все расплывалось и двоилось. Стараясь побороть головокружение, древний воин глубоко вздохнул. Похоже, Пресвитер Иоанн играл с Гильгамешем, желая посмотреть, надолго ли его хватит. Что ж, если ему так хочется... Гильгамеш поклялся, что будет стоять перед троном Елюй-Даши вечно, не показывая ни малейшей слабости.

Но азиат решил проявить не свойственное ему сострадание. Взглянув на одного из слуг, император приказал:

— Вызови моего врача, и пусть захватит свои инструменты и зелья. Эту рану уже давно следовало перевязать.

— Благодарю, господин, — пробормотал Гильга-меш, стараясь придать голосу твердость.

Врач появился почти сразу же, как будто ждал у дверей. Может быть, еще одна игра Пресвитера Иоанна? Это оказался дородный, широкоплечий усатый человек, уже немолодой, с резкими и суетливыми движениями, но тем не менее участливый, знающий и умелый. Заставив Гильгамеша сесть на низкий диван, покрытый серо-зеленой чешуйчатой шкурой адского дракона, он осмотрел рану, бормоча что-то невразумительное на непонятном Гильгамешу гортанном языке, потом сжал края раны своими толстыми пальцами, так что брызнула кровь. Гильгамеш резко выдохнул, но даже не вздрогнул.

— Ach, mein liber Freund[23], мне придется снова причинить вам боль, но это для вашей же пользы. Verstehen Sie[24].

Пальцы врача глубже проникли в рану. Он очищал ее, смазывая какой-то прозрачной жидкостью, которая жгла, как каленое железо. Боль стала такой сильной, что доставляла даже своего рода наслаждение; это была очищающая боль, облегчающая душу.

— Как он, доктор Швейцер? — спросил Пресвитер Иоанн.

— Gott sei dank[25], рана глубокая, но чистая. Он быстро выздоровеет.

Доктор продолжал зондировать и очищать рану, мягко нашептывая во время работы:

— Bitte. Bitte. Einen Agenblick, mei Freund[26].

Обращаясь к Пресвитеру Иоанну, он сказал:

— Этот человек из стали. У него как будто нет нервов, он замечательно терпит боль. Это один из великих героев, nicht wahr[27]? Вы Роланд? Может быть, Ахиллес?

— Его зовут Гильгамеш, — сказал Елюй-Даши.

Глаза доктора загорелись.

— Гильгамеш! Гильгамеш из Шумера? Wunderbar! Wunderbar![28] Тот самый! Искатель вечной жизни! Ах, мы с

[23] О, мой дорогой друг *(нем.)*.
[24] Вы понимаете? *(нем.)*.
[25] Слава Богу *(нем.)*.
[26] Сейчас. Сейчас. Один момент, друг мой *(нем.)*.
[27] Не правда ли? *(нем.)*/
[28] Удивительно! Удивительно! *(нем.)*.

вами обязательно должны поговорить, мой друг, когда вам станет лучше. — Из своей сумки он достал пугающего вида шприц для подкожных инъекций. Гильгамеш видел врача словно бы с огромного расстояния, как будто эта ноющая распухшая рука ему не принадлежала. — Ja, ja,[29] мы обязательно должны поговорить о жизни и смерти, о философии, mein Freund[30], да, о философии! Нам так много нужно обсудить! — Он ввел иглу под кожу Гильгамешу. — Так. Genug[31]. Отдыхайте. Лекарство сейчас начнет действовать.

Роберт Говард никогда не видел ничего подобного. Все это как будто сошло со страниц его повестей о Конане. Огромный воин получил стрелу в мякоть руки, выдернул ее и продолжал биться как ни в чем ни бывало. А потом он вел себя так, будто у него всего лишь царапина, пока они несколько часов ехали в столицу Пресвитера Иоанн, пока их очень долго расспрашивали придворные чиновники и пока они выстояли бесконечную придворную церемонию... Господь всемогущий, какая выносливость! Правда, под конец Гильгамеш пошатнулся и был на грани обморока, но любой обычный смертный давно бы свалился, лишившись сознания. Герои действительно не похожи на обычных людей. Это другая порода. И посмотрите, сейчас Гильгамеш сидит совершенно спокойно, пока этот старый немец-доктор промывает ему рану и зашивает ее так бесцеремонно и поспешно. Он даже не стонет! Не стонет!

Внезапно Говард почувствовал желание оказаться рядом с Гильгамешем, утешить его, предложить откинуть голову ему на плечо, пока доктор обрабатывает рану, вытереть пот у него со лба...

Да, утешить его, открыто, грубовато, по-мужски...

Нет. Нет. Нет. Нет.

И снова появился этот ужас, это невыразимое, пугающее, непристойное желание, поднимающееся из сокровенных глубин его души...

---

[29] Да, да *(нем.)*.

[30] Мой друг *(нел.)*.

[31] Достаточно *(нем.)*.

Говард старался отмахнуться от него, вычеркнуть, прогнать, вообще забыть.

— Посмотри-ка на этого доктора, — обратился он к Лавкрафту. — Он наверняка проходил практику на чикагской бойне.

— Ты знаешь, кто это, Боб?

— Нет. Вероятно, какой-то старый немец, который забрел сюда во время пыльной бури и решил остаться.

— Тебе ничего не говорит имя доктора Швейцера?

Говард равнодушно посмотрел на Лавкрафта:

— В Техасе он не особенно известен.

— Ох, Боб, Боб, ну почему ты всегда строишь из себя этакого неотесанного ковбоя! Ты хочешь сказать, что никогда не слышал о докторе Швейцере? Альберте Швейцере? Это великий философ, теолог, музыкант... никто лучше его не играл Баха, и не говори мне, что ты не знаешь, кто такой Бах...

— Черт возьми, Филип, ты говоришь о том старом деревенском лекаре?

— Да, который основал клинику для прокаженных в Африке, в Ламбарене. Он посвятил жизнь исцелению больных, работал в самых примитивных условиях в забытых богом джунглях...

— Да ну тебя. Не может быть.

— Что один человек может совершить так много? Уверяю тебя, Боб, он был очень известен в наше время — может быть, не в Техасе, но тем не менее...

— Нет. Не то чтобы он не мог все это сделать, в этом я как раз не сомневаюсь. Но он же здесь. В Аду. Если этот старикашка такой, каким ты его описываешь, то он, черт побери, святой. Может быть, он убил свою жену или совершил еще что-нибудь в этом роде? Скажи на милость, что святой может делать в Аду?

— А что мы делаем в Аду? — спросил Лавкрафт.

Говард покраснел и отвернулся.

— Ну... я думаю, были такие поступки в нашей жизни... которые могли считаться грехом в строгом смысле...

— Никто не понимает правил Ада, Боб, — мягко сказал Лавкрафт. — Грех тут ни при чем. Ганди здесь, ты представляешь? Конфуций тоже. Разве они грешники? А Моисей?

Авраам? Мы стараемся спроецировать наше собственное ничтожное мнение, наше патетическое школьное представление о наказании за плохое поведение на это странное место, где мы оказались. Мы все хорошо знаем, что здесь полно героических злодеев и злодейских героев... и людей вроде тебя и меня... и Альберт Швейцер тоже здесь. Великая тайна. Но, возможно, когда-нибудь...

— Ш-ш-ш, — сказал Говард. — Пресвитер Иоанн собирается с нами говорить.

— Господа послы...

Они поспешно повернулись к императору.

— ...с какой миссией вы направлены сюда? Ваш король ищет союза, как я полагаю? Для чего? И против кого? Он опять поссорился с каким-нибудь папой?

— Боюсь, что со своей дочерью, Ваше Величество, — ответил Говард.

Пресвитер Иоанн, играя изумрудным скипетром, пристально смотрел на техасца.

— С Марией, вы имеете в виду?

— С Елизаветой, ваше величество, — сказал Лавкрафт.

— Ваш король самый вздорный человек, которого я знаю. Я думал, что в Аду достаточно развлечений, и необязательно спорить с дочерьми.

— Его дочери самые сварливые женщины в Аду, — заметил Лавкрафт. — В конце концов, плоть от его плоти, и каждая из них королева, правящая скандальным королевством. Елизавета, мой господин, послала отряд своих исследователей на Окраины, а королю Генриху это не понравилось.

— Неужели? — Елюй-Даши оживился, проявив наконец интерес к разговору. — А мне никто не доложил. Нечего ей делать на Окраинах. Это не ее территория. Остального Ада для Елизаветы вполне достаточно. Что ей здесь надо?

— Колдун Джон Ди сказал ей, что где-то здесь должна быть дорога, по которой можно выбраться из Ада.

— Из Ада нет дороги.

Лавкрафт улыбнулся:

— У меня нет ни малейшего сомнения на этот счет, Ваше Величество. Но королева Елизавета поверила. Возглавляет экспедицию Уолтер Рэлей, с ним географ Хаклит и отряд из

пятисот солдат. Они двигаются через Окраины как раз у южной границы твоих владений, пользуясь какой-то картой этого доктора Ди, которую он для них раздобыл. Колдун, в свою оче-редь, получил ее от Калиостро, который, как говорят, выпросил ее у Адриана, когда тот был главнокомандующим легионов Ада. Карта является точной копией официального документа Сатаны.

Пресвитер Иоанн ничем не выдал своей заинтересованности:

— Ну, допустим, выход из Ада существует. Почему королева Елизавета решила его покинуть? В Аду не так уж и плохо. Здесь, конечно, есть некоторые неудобства, но с ними научились справляться. Не думает ли она, что может править в Раю так же, как здесь... если Рай вообще существует, что еще не доказано.

— Елизавета не заинтересована сама покидать Ад, Ваше Величество, — сказал Говард. — Король Генрих опасается, что если она найдет выход, то объявит его своей собственностью, учредит вокруг него колонию и установит налог за проход через ворота. Не имеет значения, где он находится. Король считает, что найдутся миллионы людей, желающих рискнуть, и Елизавета заграбастает все их деньги. Он не может этого допустить, понимаете? Он считает, что она уж слишком ловкая и напористая, и ему ненавистна сама мысль о том, что она может стать еще более могущественной. Что-то подобное он чувствовал и к матери королевы Елизаветы, Анне Болейн, его второй жене — она была необузданной и своенравной, и он отрубил ей голову за прелюбодеяние, а сейчас он думает, что Анна руками Елизаветы хочет сделать то же самое с ним...

— Избавь меня от подробностей, — перебил его Елюй-Даши с некоторым раздражением. — Что Генриху нужно от меня?

— Послать войска, чтобы вернуть экспедицию Рэлея, прежде чем они что-нибудь найдут.

— А что это мне даст?

— Если выход из Ада у границ вашего царства, Ваше Величество, неужели вам хочется, чтобы банда англичан основала колонию у вас под носом?

— Нет выхода из Ада, — объявил Пресвитер Иоанн так же благодушно, как и прежде.

— Но если они все равно учредят колонию?

Пресвитер Иоанн помолчал, затем задумчиво протянул:

— Понимаю.

— В благодарность за вашу помощь, — продолжал Говард, — мы уполномочены предложить вам торговый договор на очень выгодных условиях.

— А-а...

— И гарантию военной помощи в случае военного вторжения в ваши владения.

— Если армия короля Генриха так велика, почему он сам не разделается с экспедицией Рэлея?

— У него нет времени для снаряжения и переброски армии на такое большое расстояние, — объяснил Лавкрафт. — Мы узнали об экспедиции слишком поздно, когда люди Елизаветы уже отправились в путь.

— А-а... — протянул Елюй-Даши.

— Конечно, — продолжал Лавкрафт, — есть и другие правители Окраин, к которым король Генрих может обратиться. Например, упоминалось имя Моаммара Каддафи, или ассирийца Ашшурбанипала, и еще одного правителя, которого называют Мао Цздун.

«Нет, — сказал нам король Генрих, — давайте попросим помощи у Пресвитера Иоанна, так как он великий и могущественный монарх, слава о котором гремит во всех пределах Ада. Пресвитер Иоанн — это именно тот, чья помощь нам необходима!»

Странные искорки появились в глазах Елюй-Даши.

— Король собирался заключить союз с Мао Цзэдуном?

— Это было только предположение, Ваше Величество.

— А, понимаю. — Император встал с трона. — Что ж, я должен рассмотреть это дело более внимательно, не так ли? Не следует торопиться с решением. — Он взглянул через огромный тронный зал туда, где доктор Швейцер все еще возился с раной Гильгамеша. — Как ваш подопечный, доктор? Что вы скажете?

— Стальной человек, Ваше Величество, стальной человек! Gott sei dank [32], он выздоравливает прямо на глазах!

[32] Слава Богу! *(нем.)*

— Ну что ж, я полагаю, вы все желаете отдохнуть. Я хочу, чтобы вы узнали, что такое гостеприимство Пресвитера Иоанна.

Гостеприимство Пресвитера Иоанна, которое Гильгамеш вскоре узнал, оказалось делом нешуточным. Древнему воину отвели отдельные покои — что-то вроде палатки со стенами из черного войлока внутри дворца. Здесь его окружили три служанки, обнаженные и смеющиеся, и сняли с него единственное, что на нем было надето — набедренную повязку. Потом служанки нежно повлекли Гильгамеша к огромной мраморной ванне, наполненной теплым молоком, усадили и начали заботливо купать, массируя его тело и одновременно лаская. После этого они облачили древнего воина в одежды из желтого шелка.

Затем его отвели в огромный тронный зал, где собрался весь двор, пышный и многочисленный. Что-то вроде оркестра — семь важных музыкантов — играли пронзительную гнусавую мелодию: гонги гремели, трубы гудели, флейты верещали. Слуги провели Гильгамеша к почетному месту на меховых покрывалах среди груды мягких бархатных подушек.

Лавкрафт и Говард уже сидели там, облаченные, как и Гильгамеш, в великолепные шелка. Оба они выглядели совершенно выбитыми из колеи. Говард, раскрасневшийся и шумный, едва мог усидеть на месте: он беспрерывно смеялся, размахивал руками и дрыгал ногами, как мальчишка, который нашалил и старается это утаить с помощью показного бурного веселья. Лавкрафт, казалось, тоже очутился не в свой тарелке. Он сидел со стеклянным взором человека, которого будто только что огрели дубинкой по голове.

«Два совершенно разных человека», — подумал Гильгамеш. — Один во что бы то ни стало хочет казаться шумным и сильным, но не может скрыть свои дикие фантазии о жестоких битвах и потоках крови. На самом деле он всего боится. Другой, хотя имеет странно отсутствующий и суровый вид, производит впечатление человека, который борется сам с собой, боясь выдать свои истинные чувства, тщательно скрываемые за фасадом манерности.

«Эти дуралеи, должно быть, здорово перепугались, когда служанки принялись их раздевать, а потом стали поливать теплым молоком и ласкать. Конечно, они отказывались от всех этих мерзких удовольствий», — думал Гильгамеш. Древний воин представил, как они в ужасе заверещали, когда искусные ручки маленьких монголок прикоснулись к ним. «Что вы делаете? Оставьте в покое мои штаны! Не трогайте там! Нет, не надо... о-о- о... а-а-ах! О-о-о!»

Елюй-Даши, сидевший на высоком троне из слоновой кости и оникса, важно поклонился ему, как равному себе. Гильгамеш в ответ слегка кивнул ему в знак приветствия. Вся эта важность и напыщенность внушали ему отвращение. К тому же он испытал все это так много раз в прошлой жизни. Было время, когда и он сидел на высоком троне, но даже тогда это не вызывало у него ничего, кроме скуки, а сейчас...

Впрочем, это занятие было ненамного скучнее, чем какое-либо другое. Гильгамеш уже давно понял, что истинный смысл Ада в том, что все усилия не имели значения, как гром без молнии, и этому не было конца. Ты можешь умереть снова, и вне зависимости, был ли ты беззаботным или несчастным, все равно рано или поздно вернешься сюда по прихоти Гробовщика. И нет от этого избавления. Когда-то Гильгамеш желал бессмертия, и вот он его обрел, но не в мире смертных. Теперь он находится в таком месте, где будет жить вечно. Но здесь нет ничего приятного. Его самая заветная мечта сейчас — просто проводить время в Аду, чтобы его не трогали и ничем не донимали. Он видел, что другого пути нет, жизнь здесь тянется бесконечно, как эта заунывная музыка, эти бесконечные удары гонгов, резкие звуки флейт и гнусавые голоса.

Слуга с круглым пухлым лицом евнуха подошел к нему и предложил копченого мяса. Гильгамеш знал, что позже ему придется за это поплатиться — так всегда бывает, когда ты ешь что-нибудь в Аду, — но он был голоден и начал жадно есть. И приложился к кувшину хмельного кумыса, торопливо поднесенного слугой.

Появились танцоры, мужчины и женщины в легких развевающихся одеждах. Они жонглировали мечами и горящими факелами. Второй евнух принес Гильгамешу блюдо с

волшебными сладостями, и воин набросился на них, помогая себе обеими руками. Он не мог остановиться, его тело, выздоравливая, яростно требовало пищи. Рядом с ним краснолицый Говард жадно пил кумыс, словно это была вода, и становился все пьянее и веселее. А второй, которого звали Лавкрафт, сидел, мрачно уставившись на танцоров, и ни к чему не прикоснулся. Казалось, он дрожит, словно попал в снежную бурю.

Гильгамеш кивком потребовал себе второй кувшин. Тут же появился доктор и бесцеремонно присел рядом с ним на груду подушек. Швейцер с одобрением ухмыльнулся, наблюдая, как Гильгамеш жадно пьет.

— Fuhlen Sie sich besser? mein Held, eh?[33] Рука больше не болит? Рана уже затягивается. Как легко вы восстанавливаете силы! Удивительно! Это чудо, мой дорогой Гильгамеш. На вас благословение Господне. — Он взял кувшин у проходившего мимо слуги, отпил глоток и скривился. — Ох уж это их хмельное молоко! Ох уж эта verfluchte[34] музыка! Я бы все сейчас отдал, чтобы почувствовать вкус мозельского и услышать токкату и фугу ре минор! Бах... Вы знаете его?

— Кто это?

— Бах! Бах, Иоганн Себастьян Бах. Величайший из музыкантов, поэт в музыке от Бога! Я видел его однажды, всего один раз. — Глаза Швейцера блестели. — Я тогда еще был здесь новичком. Не прошло и двух недель, как я умер. Это было во дворце короля Фридриха — Фридриха Великого, вы его знаете? Нет? Короля Пруссии? Der alte Fritz?[35] Неважно. Неважно. Es macht nichts.[36] Вдруг появился человек, самый обыкновенный, вы никогда бы не выделили его в толпе. И начал играть на клавикордах, и он не сыграл еще трех тактов, как я сказал: «Это Бах, это, должно быть, настоящий Бах», — и я готов был упасть перед ним на колени, но постеснялся. Это был он. Я спросил себя: «Почему Бах в Аду?» Но потом я спросил себя, может быть, и вы спрашивали, я думаю, что и каждый задавал себе этот вопрос: «А почему я в Аду?» Я знаю, что неисповедимы пути Господни. Может быть, я послан сюда, чтобы помогать проклятым. Может быть, и Бах послан за тем же. Или, может быть, мы

[33] Вы чувствуете себя лучше, мой герой? *(нем.)*
[34] Проклятая *(нем.)*.
[35] Старину Фрица? *(нем.)*
[36] Неважно *(нем.)*.

все прокляты; или никто не проклят. Es matcht night aus[37], все эти рассуждения. Это ошибка или даже vielleicht[38] грех, воображать, что мы можем постичь Божий промысел. Мы здесь, у нас есть свое предназначение. Нам достаточно это знать.

— Когда-то я тоже так думал, — сказал Гильга- меш. — когда был царем У рука и наконец понял, что должен умереть и от этого не уйти. А в чем же тогда смысл жизни, спросил я себя? И я сказал себе: боги создали нас, чтобы мы выполняли свое предназначение, вот в чем смысл. И так я жил, и потом умер. — Лицо Гильгамеша потемнело. — Но здесь... здесь...

— Здесь мы тоже имеем свое предназначение.

— Может быть, у тебя и есть некая высшая цель, а мое предназначение — убивать время. Раньше у меня был друг, чтобы разделить эту ношу...

— Энкиду.

Гильгамеш сжал запястье доктора с неожиданной яростной силой:

— Ты знаешь Энкиду?

— Из эпоса, да. Эпос очень известен.

— Ах да, эпос. Но настоящий Энкиду...

— Я ничего о нем не знаю, nein[39].

— Он моего роста, очень сильный, у него густая борода, лохматые волосы, а плечи даже шире моих. Мы везде странствовали вместе, но потом поссорились, и он разгневался на меня и сказал: «Никогда не попадайся у меня на пути». И еще: «Я больше не люблю тебя, Гильгамеш. Если мы снова встретимся, я убью тебя, Гильгамеш». И с тех пор я ничего не слышал о нем.

Швейцер повернулся и пристально посмотрел на Гильгамеша.

— Как это возможно? Весь мир знает о любви Эн-киду к Гильгамешу.

Гильгамеш потребовал еще кувшин вина. Этот разговор разбудил в его душе боль, такую боль, по сравнению с которой боль от раны казалась ему не больше чем укус комара. И даже выпивка не могла заглушить ее, но он все равно собирался пить.

---

[37] Они ни к чему не приводят *(нем.)*

[38] Возможно *(нем.)*.

[39] Нет *(нем.)*.

Сделав первый большой глоток, он мрачно объявил:

— Мы поссорились и наговорили друг другу горячих слов. Он больше не любит меня.

— Не может быть!

Гильгамеш пожал плечами и не ответил.

— Хочешь снова найти его? — спросил Швейцер.

— Ничего так не желаю, как этого.

— Ты знаешь, где он?

— Ад гораздо больше, чем мир. Энкиду может оказаться где угодно.

— Ты найдешь его.

— Если бы ты знал, как я искал его.

— Ты найдешь его, я знаю.

Гильгамеш покачал головой:

— Если Ад — это место мучений, то мое мучение в том, что я его никогда не найду. Или, если найду, он оттолкнет меня или поднимет на меня руку.

— Это не так, — сказал Швейцер. — Я думаю, что он тоскует по тебе так же, как ты по нему.

— Тогда почему он не придет ко мне?

— Это Ад, — мягко сказал Швейцер. — Ты должен пройти это испытание, мой друг. Но испытание не может длиться вечно. Даже в Аду. И несмотря на то, что ты в Аду, верь в Бога: скоро ты встретишь своего Энкиду um Himmls Willer[40]. — А потом, улыбнувшись, Швейцер добавил: — Император зовет тебя. Иди к нему. Думаю, он скажет тебе то, что ты желаешь услышать.

— Ты воин, не так ли? — спросил Пресвитер Иоанн.

— Был, — бесстрастно ответил Гильгамеш.

— Генералом, вождем?

— Это все позади, — объяснил Гильгамеш. — Сейчас у меня жизнь после жизни. Теперь у меня своя дорога. Я никому не собираюсь служить. В Аду слишком много военачальников.

— Мне сказали, что ты был вождем среди вождей. Мне сказали, что ты бился, как бог войны. Когда ты выходил в поле, целые народы бросали оружие и склонялись перед тобой.

Гильгамеш ждал, не говоря ни слова.

— Ты ведь скучаешь по славе битвы, Гильгамеш?

[40] Волей небес *(нем.)*.

— Я?

— Что если я предложу тебе командовать моей армией?

— Зачем это тебе? Что я для тебя? И что твой народ для меня?

— В Аду мы принимаем то гражданство, какое захотим. Что ты скажешь, если я предложу тебе стать главнокомандующим?

— Я скажу, что ты совершаешь большую ошибку.

— У меня не обычная армия. Десять тысяч человек. Сильная поддержка с воздуха. Стратегическое атомное оружие. Самая лучшая артиллерия в Окраинах.

— Ты не понимаешь, — сказал Гильгамеш. — Война меня не интересует. Я ничего не знаю о современном оружии и ничего не хочу знать. Ты обратился не к тому человеку, Пресвитер Иоанн. Если тебе нужен полководец, пригласи Веллингтона. Пригласи Мальборо или Роммеля, или Тиглатпаласара.

— Или Энкиду?

Имя, которое Гильгамеш не ожидал услышать, поразило его, как таран. Когда прозвучало это имя, кровь бросилась в лицо Гильгамешу и все его тело конвульсивно вздрогнуло.

— Что ты знаешь об Энкиду?

Пресвитер Иоанн поднял холеную руку:

— Позволь я буду задавать вопросы, великий царь.

— Ты назвал имя Энкиду. Что ты знаешь о нем?

— Сначала давай обсудим другие дела, которые...

— Энкиду, — настойчиво повторил Гильгамеш. — Почему ты упомянул его имя?

— Я знаю, что он был твоим другом...

— Да.

— Очень хорошо, он твой друг и муж великой доблести и силы. В данный момент он при дворе великого врага моего царства, который, как я понимаю, готовится идти против меня войной.

— Что? — Гильгамеш уставился на императора. — Энкиду на службе у королевы Елизаветы?

— Я этого не говорил.

— Разве не королева Елизавета послала отряд, чтобы вторгнуться в твои владения?

Елюй-Даши засмеялся:

— Рэлей и его пятьсот недоумков? Эта экспедиция — абсурд. Я позабочусь о них позже. Я имел в виду другого врага. Скажи мне, ты знаешь Мао Цзэдуна?

— Все эти царьки из Новых Мертвецов... Так много имен...

— Китаец, император марксистской династии, жил намного позже меня. Хитрый, упрямый, несговорчивый, скорее всего, сумасшедший. Он правит Республикой Небесного Народа, которая находится к северу отсюда. По его словам, мы можем превратить Ад в Рай, коллективизировав его.

— Коллективизировав? — непонимающе переспросил Гильгамеш.

— Сделать крестьян царями, а царей крестьянами. Я и говорю: скорее всего, этот Мао Цзэдун ненормальный. Но у него толпы верных последователей, которые делают все, что он скажет. Он хочет завоевать все Окраины, начиная с моего царства, а потом подчинить весь Ад. Боюсь, что Елизавета в сговоре с ним, — эта чепуха насчет выхода из Ада только предлог, на самом деле Рэлей шпионит, выискивая мои слабые места, чтобы Елизавета потом могла продать информацию Мао.

— Но если этот Мао враг всех царей, почему Елизавета связалась с...

— Очевидно, они хотят использовать друг друга. Елизавета поможет Мао разгромить меня, Мао поможет Елизавете свергнуть ее отца. А что потом, кто знает? Но я собираюсь бороться.

— А что Энкиду? — спросил Гильгамеш. — Расскажи мне об Энкиду.

Пресвитер Иоанн развернул свиток компьютерной распечатки. Бегло пробежав его глазами, он нашел нужное место и прочел:

— Старый Мертвец, воин... Энкиду из Шумера... Шумеры, так назывался твой народ, да? ...прибыл ко двору Мао Цзэдуна тогда-то... предполагаемая цель визита — охотничья экспедиция на Окраинах... вместе с американским шпионом, называющим себя для отвода глаз журналистом и охотником, неким Э. Хемингуэем... тайные встречи с Кублаи Ханом, военным министром Республики Небесного Народа...

теперь военный советник, готовит войска коммунистов к вторжению в Новый Каракитай... — Император поднял глаза. — Ну как, Гильгамеш, интересно?

— Чего ты хочешь?

— Этот человек твой друг. Ты знаешь его как самого себя. Защити нас от него, и я дам тебе все, что ты пожелаешь.

— Я желаю только любви Энкиду, — объявил Гильгамеш.

— Я преподнесу тебе Энкиду на серебряном блюде. Выступи за меня против войск Мао. Помоги мне предугадать, чему их научит Энкиду. Мы сотрем марксистских ублюдков с лица земли, захватим их генералов в плен, и Энкиду будет твой. Не могу гарантировать, что он захочет снова стать твоим другом, но он будет в твоей власти. Что ты скажешь, Гильгамеш? Что ты скажешь?

На серой пыльной равнине Ада от края до края выстроились легионы Пресвитера Иоанна. Желто-алые флаги развевались на ветру. В центре построения застыл клин конных лучников в кожаных доспехах; на каждом фланге расположилось по отряду тяжелой пехоты; императорская танковая дивизия медленно двигалась по пересеченной местности в авангарде. Фаланга трансатмосферных бронемашин обеспечивала защиту с воздуха.

Облако пыли вдали указывало на приближающуюся армию Республики Небесного Народа.

— Клянусь всеми демонами Стигии[41], ты когда-нибудь видел такую дурацкую мешанину? — вскричал Роберт Говард. Они с Лавкрафтом могли все видеть с императорского командного поста, роскошной пагоды, защищенной от ударов врага силовым щитом. Гильгамеш тоже был там, рядом с Пресвитером Иоанном и высшими офицерами Каракитая. Император вглядывался в экраны мониторов, а один из его помощников вводил команды в компьютерный терминал. — Никакого смысла, — пробормотал Говард. — Всадники, танки, летающие бронемашины — и все это вместе. Неужели эти сукины дети так воюют?

[41] Стигия — страна, придуманная Говардом (очень похожа на Египет), в Хайборийскую эру — средоточие Зла.

Лавкрафт прижал палец к губам:

— Не кричи так, Боб. Ты хочешь, чтобы Пресвитер Иоанн тебя услышал? Помни, мы его гости. И посланники короля Генриха.

— Ну услышит так услышит. Ты только посмотри на этот бардак! Разве Пресвитер Иоанн не понимает, что этот большевик-китаец из двадцатого века будет атаковать его оружием двадцатого века? Что хорошего во всадниках, скажи мне, ради бога? Кавалерия против тяжелой артиллерии? Луки и стрелы против гаубиц? — Говард захохотал. — Может быть, у стрел ядерные боеголовки, и в этом его фокус?

— Мы знаем только, что они есть, — мягко ответил Лавкрафт.

— Ты знаешь, что этого не может быть. Я удивляюсь тебе, ты же всегда мыслил разумно. Знаю, все эти ядерные штучки изобрели уже после нас, но ты же разбираешься в теории. Критическая масса боеголовки и все такое. Нет, Филип, мы с тобой прекрасно знаем, что все это не сработает. И даже если сработает...

Лавкрафт раздраженно махнул рукой, чтобы тот замолчал. Он показал на главный монитор перед Пресвитером Джоном. На экране появилось румяное лицо плотного человека с густой седой бородой.

— Неужели это Хемингуэй? — спросил Лавкрафт.

— Кто?

— Эрнест Хемингуэй, писатель. «Прощай, оружие!», «И восходит солнце».

— Никогда не мог его понять, — сказал Говард. — Какой-то бред о кучке пьяных слабаков. Ты уверен, что это он?

— Каких слабаков, Боб? — непонимающе спросил Лавкрафт.

— Я прочитал только одну его книжку, об американцах в Европе, которые ходили на бой быков, напивались и отбивали друг у друга женщин, — вот и все, что я прочитал у мистера Хемингуэя. Скажу тебе, меня затошнило. А как написано! Какие-то короткие предложения... никакой магии, никакой поэзии...

— Давай поговорим об этом в другой раз, Боб.

— Никакого героизма... ни намека на высокую страсть, которая облагораживает и...

— Боб... пожалуйста...

— Сборище подлых, хилых, развратных...

— Не будь нелепым, Боб. Ты полностью извратил его философию жизни. Если бы ты удосужился прочесть «По ком звонит колокол»... — Лавкрафт сердито покачал головой. — Сейчас не время для литературных прений. Смотри... смотри туда. Один из помощников императора зовет нас. Что-то происходит.

Битва должна была вот-вот начаться. Елюй-Даши совещался с четырьмя советниками. Гильгамеш, раскрасневшийся, взволнованный, шагал туда-сюда перед компьютерами. Лицо Хемингуэя все еще было на экране, он тоже выглядел взволнованным.

Лавкрафт и Говард поспешно приблизились к императору. Тот повернулся к послам.

— Они предлагают переговоры, — сказал Пресвитер Иоанн. — Кублаи Хан уже направляется на поле. Доктор Швейцер будет моим посредником. Они назначили Хемингуэя независимым наблюдателем — их независимым наблюдателем. Мне тоже нужен независимый наблюдатель. Вы вдвоем пойдете туда, как дипломаты с нейтральной стороны, и будете наблюдать за всем происходящим.

— Рады служить, — торжественно ответил Говард.

— А с какой целью, мой господин, будут проводиться переговоры? — спросил Лавкрафт.

Елюй-Даши жестом указал на экран.

— Хемингуэй выдвинул предложение. Если мы его примем, все может решиться одной только схваткой — Гильгамеш против Энкиду. Сохраним оружие, избавим Гробовщика от лишней работы. Но есть расхождения в некоторых деталях. — Он деликатно подавил зевок. — Возможно, все решится к полудню.

Это было странное сборище. Представителем вождя Мао Цзэдуна был полный, пышно одетый Кублаи Хан, чьи темные хитрые глаза свидетельствовали о коварстве и силе. В

прошлой жизни он управлял своим собственным государством, но здесь, очевидно, решил не брать на себя лишней ответственности. Рядом с ним был Хемингуэй, большой и грузный, с гулким голосом и простецкими, почти нахальными манерами. Мао также послал четырех низкорослых офицеров в одинаковых голубых мундирах с красными звездами на груди («партийные», шепнул кто-то) и, как ни странно, одного из Волосатых Людей, с нависшим лбом и почти без подбородка, древнейшего из человеческих созданий. На его мундире тоже красовалась эмблема коммунистов.

И еще один человек был с ними — массивный, широкогрудый, с мрачным лицом и яростно сверкающими глазами. Он стоял в стороне от остальных.

Гильгамеш с трудом мог заставить себя посмотреть на него. Он тоже стоял в стороне, вдыхая свежий ветер, который дул над полем боя. Он мечтал броситься к Энкиду, обхватить его руками, отмести одним ликующим объятием всю горечь, которая разделяла их...

Если бы это было так просто!

Голоса представителей Мао и пятерых посланников Пресвитера Иоанна — Швейцера, Лавкрафта, Говарда и двух офицеров из каракитаев — доносились до Гильгамеша сквозь завывания ветра.

Хемингуэй, казалось, говорил больше всех:

— Вы писатели, не так ли? Мистер Говард, мистер Лавкрафт? Сожалею, но не имел удовольствия познакомиться с вашими работами.

— Мы писали фэнтези, — сказал Лавкрафт. — Небылицы. Сказки.

— Да? Вы публиковались в «Аргози»? В «Пост»?

— Пять раз в «Аргози», вестерны, — сказал Говард. — В основном мы писали для «Сверхъестественных историй». А Лавкрафт несколько раз публиковался в «Удивительных историях».

— «Сверхъестественные истории»... — протянул Хемингуэй. — «Удивительные истории»... — Легкая тень отвращения промелькнула на его лице. — Не думаю, что мне известны эти журналы. Но вы ведь неплохо писали, да, джентльмены? Ну конечно. Я уверен в этом. Вы были неплохими писателями, иначе

не попали бы в Ад. Об этом можно даже и не говорить. — Он засмеялся, весело потер ладони, и бесцеремонно обнял Говарда и Лавкрафта за плечи. Говард казался несколько смущенным, а Лавкрафт выглядел так, будто мечтал провалиться сквозь землю. — Ну что ж, джентльмены, — пробасил Хемингуэй, — что мы здесь делаем? У нас маленькое затруднение. Один герой хочет биться голыми руками, а другой хочет использовать — как же он это назвал? — пистолет с разрывными пулями. Вы должны больше знать об этом, чем я. Этот пистолет, наверное, похож на какой-нибудь лазер из «Удивительных историй», я правильно понимаю? Но мы этого допустить не можем. Безоружный против фантастического оружия будущего? Нужно, чтобы условия были равными, иначе не пойдет.

— Пусть он дерется со мной голыми руками, — сказал Гильгамеш издали. — Так мы дрались первый раз, на Большом Базаре, когда встретились в Уруке.

— Гильгамеш боится использовать новое оружие, — ответил Энкиду.

— Боюсь?

— Я принес ему прекрасное ружье двенадцатого калибра, подарок моему брату Гильгамешу. А он оттолкнул его, словно я принес ему ядовитую змею.

— Ложь! — зарычал Гильгамеш. — Я не боюсь! Я презираю его, потому что это оружие для трусов!

— Он боится всего нового, — сказал Энкиду. — Я никогда не думал, что Гильгамешу из Урука знаком страх, но он боится неизвестного. Он назвал меня трусом, потому что я хотел охотиться с ружьем. Но я думаю, что это он трус. И теперь он боится биться со мной незнакомым оружием. Он знает, что я его убью. Даже оказавшись в Аду, он боится смерти, понимаете? Смерть всегда была его самым большим страхом. Почему? Может быть, потому что это заденет его гордость? Думаю, что так. Он слишком горд, чтобы умереть, слишком горд, чтобы принять волю богов...

— Я задушу тебя голыми руками! — взвыл Гильгамеш.

— Дайте нам пистолеты, — сказал Энкиду, — посмотрим, осмелится ли он прикоснуться к этому оружию.

— Оружие трусов!

— Ты снова называешь меня трусом? Ты, Гильгамеш, который дрожит от страха...

— Джентльмены! Джентльмены!

— Ты боишься моей силы, Энкиду!

— А ты боишься моих знаний. Ты со своим старым мечом, со своим жалким луком...

— И это тот Энкиду, которого я любил, насмехается надо мной? ...

— Ты первым начал, когда отшвырнул ружье, оттолкнул мой подарок, назвал меня трусом...

— Это оружие, я сказал, было трусливым. Не ты, Энкиду.

— Это одно и то же.

— Bitter, bitter[42], — встрял Швейцер. — Не стоит ссориться.

И снова заговорил Хемингуэй:

— Джентльмены, пожалуйста!

Они не обращали на него внимания.

— Я имел в виду...

— Ты сказал...

— Позор...

— Ты боишься...

— Трижды трус!

— Двадцать пять раз предатель!

— Лживый друг!

— Тщеславный хвастун!

— Джентльмены, прошу вас...

Но голос Хемингуэя, громкий и настойчивый, был заглушен яростным ревом, который вырвался из горла Гильгамеша. Страшный гнев сдавил ему грудь, горло, застлал кровавой пеленой глаза. Он больше не мог терпеть. Так же было и в первый раз, когда Энкиду пришел к нему с ружьем, а Гильгамеш вернул его, и они поссорились. Сперва они просто не соглашались друг с другом, потом спор перешел в жаркие дебаты, потом в ссору и, наконец, превратился в поток горьких обвинений. Друзья наговорили друг другу таких слов, каких никогда не говорили раньше, а ведь они были ближечем братья.

Тогда дело не дошло до схватки. Энкиду просто ушел, заявив, что их дружба кончилась. Но теперь, услышав те же

[42] Прошу вас, прошу вас *(нем.)*.

слова, распаленный ссорой Гильгамеш не мог больше сдерживаться. Охваченный яростью и отчаянием, он рванулся вперед.

Энкиду, сверкая глазами, был готов к битве.

Хемингуэй попытался встать между ними. Хотя он был высок и грузен, но выглядел ребенком рядом с Гильгамешем и Энкиду, и они отшвырнули его в сторону без малейшего усилия. С толчком, от которого, казалось, покачнулась земля, Гильгамеш столкнулся с Энкиду и сжал его обеими руками.

Энкиду засмеялся:

— Ты добился своего, царь Гильгамеш! Рукопашная!

— Это единственный способ битвы, который я признаю, — ответил Гильгамеш.

Наконец-то. Наконец-то. В этом мире не было борца, который мог бы потягаться с Гильгамешем из Урука. «Я уничтожу его, — подумал Гильгамеш, — как он уничтожил нашу дружбу. Я сломаю ему позвоночник. Я сокрушу его ребра».

Как когда-то много лет назад, они схватились, словно бешеные быки. Они смотрели друг другу в глаза, сжимая друг друга. Они хрипели; они рычали; они ревели. Гильгамеш выкрикивал вызов на бой на языке Урука и на всех тех, которые знал; и Энкиду набросился на него, рыча на зверином языке, на котором говорил, когда был дикарем, — дикое рычание льва равнин.

Гильгамеш страстно желал убить Энкиду. Он любил этого человека сильнее, чем саму жизнь, а теперь он молился, чтобы боги помогли ему сломать спину Энкиду. Древний воин хотел услышать треск ломающегося позвоночника, согнуть его тело, отбросить прочь, как изношенный плащ. Так сильна была его любовь, что превратилась в ненависть. «Я снова пошлю его к Гробовщику, — подумал Гильгамеш. — Я вышвырну его из Ада».

Но хотя Гильгамеш боролся так, как никогда до этого не боролся, ему не удалось даже сдвинуть Энкиду с места. У него на лбу вздулись вены; швы, стягивающие рану, разошлись, и кровь заструилась по руке; и все же он старался бросить Энкиду на землю, а Энкиду держался, не уступал. Он был равен ему по силе и не сдавался. И они стояли, сцепившись, очень долго, сжав друг друга в нерушимом объятии.

Наконец Энкиду сказал, как и много лет назад:

— Ах, Гильгамеш! Такого, как ты, больше нет в мире! Слава матери, родившей тебя!

Как будто рухнула плотина, и потоки живительной воды хлынули на иссохшие поля Двуречья.

И в этот момент облегчения и утешения Гильгамеш произнес слова, которые уже произносил прежде:

— Есть только один человек, который похож на меня. Только один.

— Нет, ведь Энлиль дал тебе царство.

— Но ты мой брат, — сказал Гильгамеш, и они рассмеялись, и отступили друг от друга, словно виделись впервые, и рассмеялись снова.

— Какая же глупость эта наша ссора! — воскликнул Энкиду.

— Действительно, какая глупость, брат.

— И в самом деле, зачем тебе нужны эти ружья и пистолеты?

— Мне-то что, если ты будешь забавляться этими игрушками!

— Да, конечно, брат.

— Ну да!

Гильгамеш огляделся. Все смотрели на них, открыв рот, — четверо партийных, Лавкрафт, Говард, Волосатый Человек, Кублаи Хан, Хемингуэй, — все остолбенели от удивления. Только Швейцер сиял. Доктор подошел к друзьям и тихо сказал:

— Вы не ранили друг друга? Gut! Gut![43] Теперь уходите вместе. Сейчас же. Какое вам дело до Пресвитера Иоанна или до Мао и их междоусобиц? Это не ваша забота. Уходите из этих мест.

Энкиду ухмыльнулся:

— Что скажешь, брат? Мы снова будем охотиться вместе?

— Мы пройдем до конца Окраин и обратно. Вместе, ты и я.

— И мы будем охотиться с нашими луками и копьями?

Гильгамеш пожал плечами:

— Если хочешь, можешь стрелять из пистолета с разрывными пулями. Хоть атомную бомбу с собой бери. Ах, Энкиду, Энкиду...

[43] Хорошо. Хорошо *(нем.)*.

— Гильгамеш!

— Идите, — прошептал Швейцер. — Сейчас же. Покиньте это место и не оглядывайтесь. Auf Wiedersehen! Guckliche Reise! Gotten Name[44], идите!

Глядя, как они уходят, как с трудом идут сквозь ревущий ветер Окраин, Роберт Говард почувствовал внезапную острую боль сожаления и утраты. Как они были красивы, эти два героя, эти два гиганта, схватившиеся в рукопашном бою. И этот волшебный момент, когда до них дошла вся глупость и ненужность их ссоры, когда враги стали снова братьями...

А теперь они ушли, а он стоит здесь среди этих чужих незнакомых людей...

Он хотел стать Гильгамешу братом, или может быть — он едва сознавал это — больше чем братом. Но этого никогда не могло быть, никогда. И, осознав, что это невозможно, что этот человек, который был так похож на Конана, потерян для него навсегда, Говард почувствовал, как слезы наворачиваются на глаза.

— Боб? — спросил Лавкрафт. — С тобой все в порядке?

«Черт возьми, — подумал Говард, — настоящий мужчина не должен плакать. Особенно перед другими мужчинами».

Он отвернулся, чтобы Лавкрафт не мог видеть его лица.

«Черт с ним!», — снова подумал он. И не стал больше сдерживать слезы.

[44] До свидания! Счастливого пути! Во имя Бога *(нем.)*.

Эдмонд Гамильтон

ДЕТИ СТРАХА

Мёртвые ноги
Dead Legs, журнал «Strange Tales of Mystery and Terror», 1932, №1

Люди-змеи
Snake-Man, журнал «Weird Tales», 1933, №1

Земные обитатели
The Earth Dwellers, журнал «Thrilling Mystery», 1936, №4

Звери, которые когда-то были людьми
Beasts That Once Were Men, журнал «Thrilling Mystery», 1936, №5

Дети страха
Children of Terror, журнал «Thrilling Mystery», 1936, №5

Женщина изо льда
Woman from the Ice, журнал «Thrilling Mystery», 1938, №9

МЁРТВЫЕ НОГИ

Далл вел себя спокойнее. Он сидел в инвалидном кресле с непроницаемым выражением лица, больше напоминающим маску. Его руки неподвижно лежали на одеяле, накрывавшем его ноги. Карсон же явно нервничал. При малейшем звуке он всякий раз бросал косой взгляд на боковую дверь.

Комната, в которой находились Далл и Карсон, была и в самом деле любопытной. Тут было две двери: одна сбоку, одна сзади. А окон тут и вовсе не было. Пол был цементным. Свет давали две скрытые электрические лампы. Кроме того в комнате было несколько стульев, стол и маленький стальной сейф. Откуда-то доносился слабый шум улицы. Так как звуки доносились сверху, то выходило, что эта комната находится в подвале дома.

Оба мужчины сидели молча.

Далла можно было счесть за сфинкса из плоти, усаженного в кресло каталку. Он продолжал сохранять неподвижность, в то время как Карсон нервничал все сильнее. Он резко вскочил, когда раздался двойной стук в боковую дверь.

Далл кратко позвал, и в комнату вошел человек, который был моложе обоих, находившихся в комнате. У него был цепкий взгляд, и выглядел он, как пантера.

— Хорошо, Мертвые Ноги, мы схватили Ропера! — с волнением обратился он к Даллу. — Он пытался выбраться из города. Знал проклятый, что мы схватили большую часть его банды...

— Не нужно так много болтать, Куинн, — резко прервал его Далл. — Ты привел сюда Ропера?

— Он наверху... Барк и Спинетти охраняют его, — ответил Куинн. — Мы подменили такси, как ты сказал, и когда он вызвал машину, мы взяли его без всякого шума...

— Хватит! — огрызнулся Далл. — Скажи Барку и Спинетти привести сюда Ропера.

Куинн ушел, но вернулся через минуту, и с ним было ещё трое. Два человека с суровыми лицами, без сомнения были гангстерами и конвоировали третьего, уперев пистолеты ему в спину.

Этот третий человек был крепкого телосложения, с бычьим лицом, сейчас ставшим пунцово красным. Когда он вошел, его переполненный яростью взгляд уставился на человека в кресле каталке. Руки арестованного были крепко связаны, тем не менее Куинн и двое здоровяков внимательно наблюдали за ним.

— Мертвые Ноги, ты достал меня! — с горечью сказал пленник, обращаясь к Даллу. — И почему же ты недоволен тем, что меня доставили сюда? Почему, когда они притащили меня сюда, ты всё ещё злишься?

— Я пригласил тебя сюда вовсе не для того, чтобы позлорадствовать, Ропер, — равнодушно ответил Далл.

Но пленник, казалось, ничего не слышал.

— Разве недостаточно, что ты и твой сброд захватили мою часть города и все мои дела в том районе, — продолжал он. — Часть моих людей ты купил, часть перестрелял. А теперь ты притащил меня сюда, чтобы глумиться, наслаждаясь своей победой!

— Я не собираюсь глумиться, — ответил Далл. — Я предупреждал тебя шесть месяцев назад, Ропер.

— Предупредили! — Ярость Ропера, казалось, достигла пика. — Предупредили, чтобы я отдал территорию, которой всегда владела моя банда! Предупреждение от калеки, человека с мертвыми ногами, человека, который сам никогда не ходил!

— И предупреждение это я послал вам в письменном виде! — напомнил ему Далл. — И теперь ты знаешь, что никто в этом городе не может противостоять Даллу Мертвые Ноги.

— Тогда, черт побери, почему бы со всем этим не покончить? — с яростью в голосе поинтересовался Ропер. — Мог бы отдать приказ своим громилам...

Далл спокойно улыбнулся.

— Потому что я не собираюсь убить тебя так быстро, Ропер. Прежде чем ты умрёшь, ты ещё мне послужишь.

В ответ Ропер лишь надменно рассмеялся.

— Да ты, Мертвые Ноги, мечтатель! Я умру в пытках, прежде чем сделаю что-то для тебя, и ты это знаешь.

— Однако ты сделаешь это для меня, хочешь ты этого или нет, — объявил Далл, все ещё холодно улыбаясь. — Эта та услуга, для которой я выбрал именно тебя, Ропер.

Далл откинулся на спинку кресла. Его холодные глаза уставились на перекошенное лицо Ропера. Куин прислушался, Барк и Спинетти все ещё стояли, наведя оружие на своего пленника. Карсон вытер холодный пот со лба. Взгляд у него был нервным, переполненным отчаянья.

И вновь Далл заговорил, обращаясь к Роперу:

— Ты меня знаешь. Я — Далл Мертвые Ноги. Точно так же, как знает меня каждый мошенник в этом городе. Вы знаете, я никогда не ходил, родился с этими мертвыми, сморщенными ногами. Я просидел в этом кресле лет тридцать. Они начали называть меня Мертвые Ноги, когда я был ребенком, там, в трущобах. Иногда меня избивали, потому что я был свершенно беспомощным. Вскоре я увидел, что единственный способ, которым я мог противостоять им, стать умнее, чем они, и мне это удалось. И поскольку я был Мертвыми Ногами, мне пришлось организовать банду подростков. Но прошло время, из подростков мы стали мужчинами, — в этот миг могло показаться, что Далл забыл о Ропере и остальных. Когда он говорил так, что стороннему наблюдателю могло показаться: гангстер-инвалид на мгновение заглянул в прошлое. — Я — Далл Мертвые Ноги... Да, так и пробил себе дорогу вверх. Так что я проделал огромную работу в этом городе. Я уничтожил все банды в этом городе... Твоя последняя, Ропер. Я поднялся на самую вершину. Теперь у меня больше денег и власти, чем мечтал. Но насколько все это нужно такому, как я? Как я могу наслаждаться деньгами и властью, когда прикован к инвалидной коляске из-за этих мертвых и бесполезных ног? Ноги не смогли удержать меня, я получил, что хотел, но они не дают мне теперь наслаждаться этим.

— Очень рад, что ты, Мертвые Ноги, наконец понял это! — фыркнул Ропер. — Когда я сдохну, я буду смеяться, вспоминая, как ты ненавидишь свои ноги, благодаря которым ты рано или поздно сдохнешь!

— Но я не собираюсь, умирать из-за них, — мягко проговорил Далл. — Я достиг вершины, и все, что мне нужно, чтобы наслаждаться жизнью... Ну, это отнюдь не мертвые, бесполезные ноги, а живые ноги, благодаря которым я мог бы ходить, бегать и... танцевать. Здоровые ноги — все, чего я хочу, а я всегда получаю все, что хочу, — тут он наклонился к Роперу. — Вот тут ты мне и попался, Ропер. У тебя есть то, что нужно: сильные и здоровые ноги. И я заберу их!

— Ты — сумасшедший! — воскликнул Ропер. — Ты слишком много размышлял о своих мертвых ногах! У тебя поехал чердак на этой почве!

— Ты уверен? — улыбнулся Далл. — Карсон, подойди-ка...

Карсон подошел медленно, нервно переводя взгляд с одного гангстера на другого, и Далл указал на него, не отворачиваясь от Ропера.

— Узнаете Карсона? Доктор Роберт Карсон — один из трех лучших хирургов в этой стране.

— И что мне от того? — прорычал Ропер.

— Он очень важная фигура, Ропер, — насмешливо заверил его Далл. — Для меня и для тебя. Он возьмет у тебя здоровые ноги и пересадит мне.

— Да ты полный дурак! — насмешливо прорычал Ропер. — Ты родился с мертвыми ногами и с ними же умрешь!

— Нет! — голос Далла ударил. словно кнут. — Это ты дурак, Ропер. Ты думаешь, если такая операция была невозможна вчера, она и сегодня будет невозможна! Но это не так! Ученые и хирурги уже многие годы отрезают конечности животных и прививают новые. И теперь такие хирурги, как Карсон, начали делать подобные операции на людях. Он уже пересаживал пальцы и руки. Он может пересадить новые конечности, а потом срастить кости. Он может связать нервные ткани, артерии и вены. Можно привить новую плоть, чтобы исцелить сустав, чтобы новые конечности могли двигаться, как естественные! Карсон может это сделать, и он собирается... потому что иначе я прикончу его и опозорю его семью. Карсон собрал все, что ему нужно для операции, и обучил Барка и Спинетти, так что они смогут ассистировать... Это случиться сегодня... Да, сегодня! Сначала Кларк ампутирует мои ноги выше коленей. Потом он

отрежет твои ноги и тут же пришьет их к моему телу. А потом мы похороним то, что останется от тебя, Ропер, вон там в углу, и зальем сверху цементом. Почему ты не смеешься и не пытаешься заявить, что подобное невозможно!

— Это невозможно! — хрипло воскликнул Ропел. — Я хорошо знаю тебя, Мертвые Ноги. Ты хочешь помучить меня, прежде чем убить! То, о чем ты говоришь, невозможно!

Далл засмеялся.

— Думаешь, что я блефую, но это не так, Ропер. Все так и случится... Карсон много раз проделывал подобные операции с животными. И тогда я больше не буду Мертвыми Ногами. Подумай, что это означает, Ропер. Представь себе, я смогу ходить и бегать везде, где захочу, и делать это буду на твоих ногах! Я смогу себе это позволить! Разве ты не видишь юмор ситуации, Ропер? Все станут поздравлять Далла Мертвые Ноги с чудесным исцелением, но никто и не заподозрит, что он делает это на ногах другого человека, на ногах мертвого человека, ногах Ропера!

— Черт тебя побери! — воскликнул Ропер. — Боже, ты не посмеешь это сделать!

— Теперь ты мне веришь? Я вижу. Но, будь честным, Ропер, твои ноги слишком хороши, чтобы похоронить их под полом вместе с тобой. Но они могут принести мне пользу. Поэтому, расхаживая на твоих ногах, Ропер, я буду постоянно смеяться! На самом деле, мне подошла бы любая пара ног, но используй я другие ноги, в сложившейся ситуации не было бы и малой толики юмора, который возникнет, если я использую ноги Ропера!

Ропер, обезумев, хотел броситься на Далла, напрягся, но его хорошо держали, и Барку со Спинетти ничего не стоило отшвырнуть его назад.

Со своего кресла Далл внимательно наблюдал за Карсоном, который с дрожью слушал слова Мертвых Ног.

— Ты демон! — закричал Ропер. А потом, совершенно неожиданно, он сломался и взмолился. — Мертвые Ноги, ты ведь не станешь так поступать?.. На самом деле, поступишь именно так?.. Ведь это неправильно, чертовски неправильно! Знаю, мы сражались, но это была игра такая! А то, что ты задумал... Это адская шутка!

— Но возможная! — насмешливо заметил Далл. — Помнишь, Ропер, каким самоуверенным ты был совсем недавно. «Не стоит бояться человека, который не может ходить. Такой как он не сможет сделать ничего плохого», — потом он повернулся к Карсону. — В операционной все готово? — быстро спросил он, указывая на дверь у себя за спиной.

Карсону удалось кивнуть, все ещё дрожа.

— Все готово. Но, господин Далл, эта штука...

— Продолжай, Карсон! — с холодком заметил Далл. — Мы уже обсуждали это. — А потом он повернулся к Куинну и двум головорезам. — Ребята, можете отвести Ропера в операционную. Ничего не хотите сказать, прежде чем мы начнем, а, Ропер? Нет места, куда вы хотели бы отправиться дальше... пешком?

Ропер умоляюще протянул руки к Даллу, но его оттащили.

— Да, ты можешь взять мои ноги, Далл, но они отнесут тебя прямо в ад! Ты меня слышишь? Ты можешь отправиться на них в ад!

Куинн открыл заднюю дверь, через которую можно было увидеть операционную с белыми столами и мерцающим электронным оборудованием. Двое охранников чуть ли не волоком потащили извивающегося Ропера. Карсон последовал за ними, словно брел в кошмарном сне. Далл последовал за ними в своем инвалидном кресле. И, когда эта маленькая процессия прошла в двери «операционной», ужасный крик Ропера поднялся до вопля ненависти.

— Черт побери, Далл! Ты отправишься на них в ад! — воскликнул он. Несчастный все ещё визжал, когда дверь «операционной» закрылась...

Далл стоял... стоял на ступенях своего дома вместе с Куинном и Барком. Была ночь, и в нескольких футах от гангстера по ярко освещенной улице текли потоки людей и катили машины. Далл дрожал от внутреннего волнения. Он ликовал, разглядывая людей на улицах.

— Вы уверены, что не хотите, чтобы кто-то из нас сопроводил вас? — поинтересовался Куинн. — Вы же помните, что впервые отправляетесь на прогулку.

— Вы мне определенно не нужны, — бросил им Далл. — Хочу, чтобы во время этой прогулки, Куинн, меня оставили в покое. Я с нетерпением ожидал этого момента тридцать лет.

— Как скажите, Мертвые Ноги, — пробормотал Куинн. — Хотя, если бы вы отправились с нами, проблем бы точно не было.

— В этом нет необходимости, — повторил Далл. — И почему вы до сих пор называете меня «Мертвые Ноги»? Теперь это имечко мне не подходит!

Далл спустился на улицу, и Куинн с Барком с верхних ступенек лестницы наблюдали, как он вышел на улицу.

Далл смаковал каждый шаг, точно так же как гурман смакует вкусную пищу. «Что ж, моя мечта сбылась», — сказал он себе. Тот, кто тридцать лет просидел в инвалидном кресле, теперь шел по улице. Даллу показалось, что некоторые прохожие с любопытством смотрят на него, словно знают его тайну, и мысленно улыбнулся...

Прошло уже несколько недель с тех пор, как стало понятно, что ноги Далла самым чудесным образом излечились.

«Это того стоило», — мысленно сказал себе Далл, шагая по улице. Он вспомнил ту ужасную ночь в операционной, блеск инструментов и запах анестетиков, и время от времени перед его мысленным взором вставало побелевшее лицо Карсона. Он вспоминал страшные боли, которые мучили его последующие несколько недель, то, что ему приходилось лежать совершенно неподвижно. А потом первые попытки пройтись в доме. Да, все это стоило этой прогулки!

Далл совершенно бесцельно брел по улице. Ему нравился сам процесс. Интересно, кто-нибудь из этих спешащих мимо людей познал истинную радость и удовольствие от ходьбы? Нет. Они не понимают, каким великим жаром обладают! Они не мучились тридцать лет, как Далл, сидя в инвалидной коляске!

Он шел и шел, переставлял ноги Ропера. И мрачный юмор этого по-прежнему вызывал насмешливую улыбку. Ропер... точнее все, что осталось от Ропера, кроме его ног... лежало глубоко под полом в дальнем углу подвала. Но ноги Ропера были все ещё живы и служили его злейшему врагу. Далл аж надулся от гордости! Мертвые Ноги брал от жизни то, чего хотел! Так он и новые ноги заполучил.

Мимо него по улице торопливо шагали люди, катили автомобили. А он словно смотрел на них всех новыми глазами. Он словно охотился на всех этих людей, находясь во главе огромной преступной организации. Он был хищником, даже когда сидел в кресле каталке, а теперь... Теперь, когда Мертвые Ноги обрел ноги живые, он стал почти богом! Он сможет распространить свою организацию на другие города...

Две женщины чуть дальше по улице закричали, и в тот же миг их крик заглушил визг тормозов. Далл замер посреди улицы, и такси, едва не сбившее его, когда он неожиданно вышел на проезжую часть, остановилось рядом. Водитель с красным от гнева лица, выскочив из машины, подскочил к Даллу.

— Что такое с тобой парень, черт побери? — воскликнул он. — Зачем ты выпрыгнул на проезжую часть? Ты что, хочешь покончить с собой?

Далл казался ошеломленным, сбитым с толку.

— Я не хотел! — пробормотал Далл. — Я не хотел... Мои ноги, казалось, сделали это сами...

— Как это ты не хотел, а прыгнул! — продолжал шофёр. — Морду бы тебе набить... — а потом он неожиданно замолчал, потому что узнал человека, который был перед ним. — Да это ведь Далл Мертвые Ноги! — тут же тон его изменился, стал почтительным, извиняющимся. — Я слышал, что вы вылечились, но я не узнал вас, мистер Далл... Конечно, я не имел в виду ничего такого...

— Все в порядке, — проговорил Далл. Единственное его желание было скрыться от быстро собирающейся толпы. — Это я виноват.

Он вернулся на тротуар, и быстро пошел дальше по улице...

Но теперь разум Далла словно окаменел. Он неожиданно лишился душевного покоя. То, что он сказал таксисту, было правдой. Он не собирался прыгать на улицу, пока, без всякого указания его мозга, его ноги неожиданно понесли его прямо под машину! «Неужели ноги хотели убить меня!» — подумал Далл.

Далл весь подобрался. «Больше такое не повторится», — сказал он себе. Он был возбужден, нервничал, и это было вполне естественно. Должно быть, он где-то ошибся, ведь прогулка была для него делом новым. Но в дальнем уголке

его сознания засела мысль, что это не промах, а быстрый преднамеренный прыжок его ноги сделали сами, без его желания.

Далл отогнал эту мысль и продолжал идти, снова став хозяином своего тела. Он делал шаг за шагом, и ноги повиновались ему. Он чувствовал жесткий тротуар под ногами. Ноги вставали точно так, как он хотел. Наконец, Далл вздохнул с облегчением. Нервы, вот и все! Все было естественно. Никто до него не пытался прогуляться по городу на... чужих ногах! Вскоре лицо Далла вновь расплылось в широкой улыбке.

Его первоначальная уверенность в себе полностью вернулась. Он шел дальше и дальше. В какой-то миг Далл увидел два огромных грузовика, которые катились по улице в его сторону. Какой-то инстинкт подсказал Далл, что нужно делать, и в тот момент, когда ноги сами собой совершили прыжок, стараясь перенести его на проезжую часть прямо перед двумя быстро несущимися грузовиками, он ухватился за фонарный столб и остался на тротуаре!

Это, можно сказать, спасло Даллу жизнь. А пока он держался за столб, ноги взбрыкнули. Наконец грузовики проехали. Ноги сразу прекратили свои фокусы, но Далл, по-прежнему отчаянно вцепившись, держался за фонарный столб. Но теперь он точно знал! Из горло его вырвался нечленораздельный хрип!

Прохожие, увидев Далла, отчаянно цеплявшегося за фонарный столб, с лицом, смертельно белым, и выпученными от ужаса глазами, думали, что он пьян. Некоторые остановились, разглядывая его, а потом появился полицейский в синей форме.

— Что, черт побери, тут происходит? — резким голосом поинтересовался он. А потом, узнав Далла, тут же сменил тон, теперь его голос зазвучал уважительно. — Что все это значит, Мертвые Ноги? — спросил он.

— Вызови мне такси! — прохрипел Далл, цепляясь за столб. — Мне нужно вернуться домой. Мне непременно нужно вернуться домой!

Коп просигнализировал проезжающемуся мимо такси.

— Да, я смотрю, вы встали на ноги? — удивился он. — Я слышал слухи о том, что вы вылечились. Но как-то уж слишком скоро вы отправились на прогулку. Понимаю, вам надо привыкнуть...

Далл только кивнул.

— Так и есть. Мне нужно привыкнуть к здоровым ногам.

Подъехала машина, и Далл схватился за ручку дверцы, крепко сжал её и не собирался отпускать, пока не окажется внутри. Однако в этом не было необходимости, потому что ноги служили ему, не делая непроизвольных движений.

Когда машина покатила назад по улице, Далл крепко пристегнулся ремнем. Он дышал быстро, и его мысли неслись по кругу. Он не знал, что такси остановилось, пока дверцу не открыли.

Куинн и Барк все ещё были на лестнице и сразу подбежали к машине. Оказавшись рядом, оба вопросительно посмотрели на Далла.

— Возьмите меня за руки и не выпускайте, пока не войдем в дом, — приказал им Далл. Увидев, что здоровяки не спешат, он с яростью зарычал на них: — Делайте, что вам говорят, черт побери! Держите меня. руки, пока я не прикажу вам меня отпустить!

С помощью гангстеров он поднялся в дом по ступеням. Его ноги подчинялись каждой команде его разума. Казалось, не было никакой необходимости в двух сопровождающих. Но Далл не сказал им, чтобы они отпустили его, пока он не оказался в своем любимом подвале с закрытыми дверями.

— Позвоните Карсону! — приказал Далл, опустившись на стул. — Скажите ему, чтобы он приехал сюда и быстро!

Пока Куинн поспешил выполнить распоряжения своего босса, Далл сел на стул. «Нет никаких никаких сомнений, что мои ноги дважды в тот вечер пытались убить меня, и лишь чудом я остался живым, — думал он. — Нет, это не мои ноги пытались вынести меня на проезжую часть. Не мои ноги! Нет, это ноги Ропера!»

Взгляд Далла замер на квадрате нового, белого цементного пола в углу комнаты. «Ропер лежит под этим бетоном», — сказал он себе. Сам Ропер не мог причинить ему вреда. Но ноги Ропера? Кроме того, Далл вспомнил последние слова, которые тот выкрикнул, когда его тащили в ту операционную комнату, его последние крики агонии и ненависти.

«Ты можешь взять мои ноги, Далл, но они отнесут тебя прямо в ад!.. Ты отправишься на них в ад!»

Далл сжал ручки кресла, так что его суставы побелели. Он попытался взять себя в руки. Это была суеверная глупость, которую он сам и сочинил. Ропер был мертв, и как же ноги Ропера могли сохранить лояльность к их бывшему владельцу? Как ноги Ропера могли хотеть его убить?

Но они пытались убить его, и сделали это дважды за этот вечер. Эта идея засела в голове Далла, и он не мог отогнать её никаким усилием воли. У него были ноги Ропера, человека, который ненавидел его всем сердцем. И хотя они были пришиты к нему, они по-прежнему оставались частью тела Ропера. Часть Ропера, сохранившая чувства Ропера к нему.

«Мои ноги... они отнесут тебя прямо в ад!.. Ты отправишься на них в ад!... в ад!»

— Карсон здесь, — объявил Барк из-за двери.

— Пусть идет сюда! — приказал Далл.

Лицо Карсона было бледным, когда он вошел в подвал. Взгляд его блуждал, то и дело натыкаясь на белое пятно на цементе в углу. Наконец, с трудом взяв себя в руки, он повернулся к владельцу дома.

— Что случилось, Далл? — поинтересовался он.

— Все в порядке, — заверил гостя Далл. — Только вот ноги Ропера пытались убить меня. — И увидев ошеломленное выражение лица Карсона, он добавил: — Ты слышал меня! Ноги Ропера пытались меня убить!

Наконец Карсон пришел в себя настолько, что сумел заговорить:

— А теперь, Далл, успокойтесь. Вы вышли из дома в первый раз, и ваши страхи разыгрались...

— Кретин! —взорвался Дали. — Ты думаешь, что я — нервная дамочка, какая? Говорю тебе: я вышел сегодня вечером на прогулку, и ноги заставили меня броситься под такси! Меня спасла удача! А через пять минут они пытались загнать меня под мчащиеся грузовики. И если бы я не ухватился за фонарный столб, все было бы кончено... Но у меня не было ни малейшего желания делать такой прыжок! И не говори мне, что я ошибаюсь, потому что тут нет никакой ошибки. Карсон, ты знаешь, насколько Ропер ненавидел меня. Вот и выходит так, что мои ноги хранят его ненависть. Они пытаются убить меня!

Карсон ещё больше побледнел, слушая, но он все ещё был спокойным.

— Далл, послушайте меня. Вы проявили огромную выдержку, выдержали самую долгую операцию из тех, что я когда-либо делал. Потом вы целую неделю валялись без сознания. И вот теперь вы выходите, чтобы совершить первую в жизни прогулку... И заявляете, что ваши новые ноги выкидывают какие-то странные трюки, словно живут своей жизнью. И вы приходите к выводу, что ноги Ропера пытаются убить вас.

— И как ты можешь это объяснить? — поинтересовался Далл. — Как объяснить, что мои ноги действовали без приказа моего мозга?

— Далл, если бы у вас была хотя бы десятая часть моего медицинского опыта, вы бы знали, что даже у нормальных людей контроль мозга над конечностями часто принимает странные формы. Иначе почему порой ноги затекают или их сводят судороги при плавании... Но отсутствие контроля мозга над конечностями? Многим казалось, что они переживают нечто подобное... Тогда что говорить про ваш случай. Ведь у вас, в отличие от них, новые ноги! А это означает и новые связки нервов, новые сращенные кости... Разумеется, Далл, неудивительно, что в таком случае ваши ноги смогли сыграть с вами странные трюки... Более странные, чем в обычных случаях. Ведь при ходьбе вы используете двигательные нервы своего мозга, которые никогда не использовали раньше, так что в настоящее время у вашего мозга очень странная связь с вашими ногами.

— И все это всего лишь доказывает, что я говорю правду, — воскликнул Далл. — Это ноги Ропера, и мой разум не может полностью их контролировать. Последние мысли Ропера были пропитаны ненавистью ко мне. И мне кажется, его ноги все ещё контролируются его мыслями!

— Глупости! — воскликнул Карсон. — Далл, встаньте и медленно прогуляйтесь по комнате. Я докажу вам, что прав.

Далл встал и осторожно прошелся по комнате. Карсон внимательно наблюдал за его движениями. Далл шел, словно человек, находящийся на краю пропасти, но его ноги, как казалось, двигались нормально.

Когда Далл подошел к хирургу, Карсон кивнул.

— Так ничего не видно, — сказал он, и тут совершенно неожиданно нога Далла дернулась и ударила Карсона так, что тот упал на пол. Тут же ноги Далла стали яростно пинать упавшего хирурга!

— Боже мой, Далл! — воскликнул Карсон, пытаясь подняться на ноги, вывернуться из-под ливня ожесточенных пинков. — Прекратите! Вы же прибьете меня!

— Я не могу... Ноги не слушают меня! — крикнул Далл. Его лицо стало белым и кривилось. — Куинн... Барк... Сюда, помогите!

Куинн и Барк ворвались в комнату и замерли в оцепенении при виде Далла, с безумной дикостью пинающего окровавленного Карсона, который, защищая голову руками, пытался встать на ноги.

— Уберите меня! — закричала Далл. — Схватите меня и оттолкните от врача! Быстро, придурки!

Ошеломленные Куинн и Барк тут же бросились вперед, схватили Далла за руки и оттащили от упавшего хирурга. Мгновение его ноги все ещё пытались дотянуться до Карсона, а потом успокоились.

Далл взорвался истерическим смехом.

— Теперь ты веришь мне, Карсон? Ноги Ропера почти достали тебя! Ты сделал эту операцию. Ропер ненавидит тебя почти так же, как меня. Теперь ты веришь, что мои ноги — все ещё ноги Ропера?

Карсон был ошеломлен. Его разбитое лицо выглядело ужасно и было перекошено от страха.

— Держите его, — бросил он Куинну и Барку. — Не позвольте ему... Не позвольте снова добраться до меня! Боже, не позволяйте ногам Ропера снова добраться до меня!

Далл сумел взять себя в руки.

— Барк, отведи Карсона домой, — приказал он своему помощнику. — Куинн, а ты проследи, чтобы я оставался тут, пока они не уедут, а потом поднимись наверх и приведи Спинетти.

Дрожа и трясясь, хирург поспешил из коматы.

Когда Барк и Карсон исчезли, Куинн выпустил Далла и поспешил на верхний этаж особняка. Оставшись в одиночестве,

Далл принялся мерить подвал шагами. Голова у него дико разболелась. Тем не менее он попытался все обдумать.

Выходит, все так и есть! Невозможно, безумно, но верно! Ноги Ропера, прикрепленные к его телу, все ещё были ногами Ропера, и они пытались убить его и Карсона! И если он в одиночестве отправится на улицу, то ноги Ропера непременно прикончат его. Значит, он не должен выходить из дома в одиночестве. Его помощники всегда должны находиться рядом. Но разве это та свобода, о которой Далл мечтал, сидя в инвалидном кресле?

Ноги Далла, казалось, повиновались ему, когда он ходил по комнате. Но он знал — сумасшедшая мысль! — они только выжидали. Если подвернется возможность, они тут же попытаются убить его. Ропер тогда смеялся. А вот Даллу теперь стало не до смеха. Неужели слова, которые Ропер выкрикнул перед смертью, и в самом деле сбудутся? Эти слова всё ещё звучали в ушах Далла. *«Ты можешь взять мои ноги Далл, но они отнесут тебя прямо в ад!.. Ты отправишься на них в ад!»*

И тут Далл обнаружил, что стоит в углу на белом пятне цемента, под которым лежал Ропер! С хриплым криком Далл отскочил, вцепившись в спинку стула. Пока он думал о своем, его ноги отнесли его к могиле человека, частью которого раньше были. Неужели Ропер и в самом деле все ещё смеялся над ним? Неужели за всем этим стоял он?

Далл сжал зубы, когда Куинн вернулся со Спинетти. Мертвые Ноги был воином. Он станет бороться с новой напастью.

Куинн и Спинетти с некоторым трепетом подошли к своему боссу.

— Боже мой, Мертвые Ноги, — проговорил Куин. — Вы ведь кричали о том, что ваши ноги до сих пор принадлежат Роперу!

Далл уставился на него холодным взглядом.

— А что если так и есть? — подхватил он, однако говорил так, словно в первую очередь обращался к себе самому. — Мои ноги служат Роперу, но остальная часть меня все ещё Далл, и тело мое должно слушаться Далла. Ведь так?

Спинетти перекрестился, украдкой взглянул на Далла, а Куинн побледнел.

— Я и дальше стану выполнять ваши приказы, но это дело меня пугает, — объявил он. — Когда вам пришили ноги Ропера, это было...

— Достаточно! — огрызнулся Далл. — Ты и Спинетти помогите мне лечь спать... Крепко держите меня, когда мы будем подниматься по лестнице.

Им понадобилось несколько минут, чтобы добраться до спальни Далла на верхнем этаже. Куинн и Спинетти крепко держали его за руки, хотя его ноги отказывались идти в спальню. Согласно распоряжению Далла телохранители уложили его в постель.

— И я хочу, чтобы вы двое до утра по очереди сидели рядом с моей кроватью, — сказал он им. — Если вы увидите, что я встаю с постели, схватите меня и не давайте встать!

— Мы все так и сделаем, Мертвые Ноги, — заверил его Куин, но когда он назвал его прежним прозвищем, Далл вспыхнул от ярости:

— И больше не называй меня Мертвые Ноги! — закричал он.

Тем не менее, когда он откинулся на подушки, Куинн занял место в кресле, чтобы отсидеть первую вахту. Но в голове Делла все ещё звенели его слова: Мертвые Ноги! Это прозвище прилипло к нему с детства, но теперь оно получило ещё одно тайное значение. Мертвые Ноги, да, но теперь так можно было назвать не те усохшие конечности, которые принадлежали ему первоначально, а ноги Ропера!

Лицо Ропера, казалось, нависло перед ним в темноте, и губы его кривились в торжествующей усмешке. Там были и другие, Карсон и Куинн. Но прежде всего там было лицо Ропера. Далл не мог рассмотреть, были ли у Ропера ноги, но вот лицо его он видел совершенно ясно...

Далл пришел в себя, когда боролся со Спинетти в углу спальни. Вскоре на крики Спинетти прибежал Куинн. Тогда они вдвоем скрутили Далла, не давая выпрыгнуть из окна. Потом, когда Далл окончательно проснулся, борьба прекратилась.

— Вы бы выбрались из этого окна, если бы я за вами не смотрел! — воскликнул Спинетти. — Вы незаметно выскользнули из постели и почти добрались до окна, прежде чем я заметил, что происходит!

Далл наконец взял себя в руки и заговорил:

— Верните меня в постель, — проговорил он, слегка задыхаясь. — А потом ты, Куинн, вызови Карсона. Я жду его с утра. А ты Спинетти оставайся и внимательно следи за мной. Я же, в свою очередь, постараюсь больше не заснуть.

Несмотря на звонок Куинна, Карсон на следующий день прибыл не рано утром, а ближе к полудню. Когда он вошел в подвал Далла, лицо хирурга было смертельно бледным, несмотря на синяки под глазами. На этот раз, когда он вошел с Куинном, он в первую очередь поспешно взглянул на белый прямоугольник на цементном полу в углу, а потом уставился на него неподвижным взглядом, словно очарованный.

Далл наблюдал за ним, сидя на стуле. Его глаза были красными от бессонницы, как у Карсона, а лицо белым как мел. Он мрачно улыбнулся, когда Карсон, переведя взгляд на Далла, инстинктивно сжался от ужаса.

— Не бойся, Карсон, — вздохнул Далл. — Куинн привязал меня к этому стулу, прежде чем ты пришел, так что можешь не бояться.

— Я не боюсь... — хриплым голосом пробормотал Карсон. — Мне, кажется, я уже всем этим переболел.

— Так что держи себя в руках! — приказал ему Далл. — Мы оказались в весьма неприятном положении. И должен заметить, мне много хуже, чем тебе.

Карсон странно улыбнулся.

— И вы называете это неприятным положением!.. Далл, я сделал незаконную пересадку органов. Мы согрешили! И не пытайтесь уговорить меня, убедить, что я говорю чепуху. Говорю вам, мы поступили ужасно, и мы за это заплатим! Вы заплатите больше, потому что я действовал по вашему приказу, но и мне придется платить по счетам! Далл, я отлично помню последние слова, которые прокричал Ропер, обращаясь к вам: *«Ты можешь взять мои ноги, Далл, но они отнесут тебя прямо в ад!.. Ты можешь отправиться на них в ад!»* Вижу, вы тоже помните. Вы тоже об этом думали. У вас ноги Ропера, и они пытаются вас убить, хотя только один Бог знает, как они это делают.

— Карсон, я же сказал, чтобы ты взял себя в руки. Нам нужно найти способ остановить эту дьявольщину. Ты пришил мне

ноги Ропера. Ты должен найти способ остановить все эти попытки убить меня!

Карсон в недоумении уставился на Далла.

— И как его остановить? Мне в голову приходит только один способ, которым можно их остановить... только один...

— И что это за способ? — поинтересовался Далл.

Карсон напряженно наклонился к гангстеру.

— Отрезать ноги Ропера!

Далл взорвался от ярости.

— Черт побери! Неужели ты, Карсон, думаешь, я прошел через неделю боли, чтобы теперь от всего отказаться? Думаешь, я откажусь от ног, ради которых работал все эти годы, планировал и мечтал обрести?

— Далл, откажитесь от них, — продолжал убеждать Карсон. — Это единственный способ спасти вас, спасти вас обоих! Говорю вам, это довело вас почти до безумия. Ноги Ропера, пришитые к вашему телу, пытались убить вас, пытались убить меня. Давайте отрежем их. Хуже, чем раньше, не будет.

— Я этого не сделаю, — оборвал Далл. — Что из того, что ноги Ропера пытаются убить меня? Я никогда не боялся самого Ропера, и теперь я не боюсь его ног, пусть даже они пришиты к моему телу!

Карсон поднялся, его лицо стало ещё белее, чем раньше, и в его глазах можно было прочитать отчаянную решимость.

— Подумайте, Далл! Я единственный хирург, который может их ампутировать! Любой другой хирург отказался бы делать подобную операцию, и решил бы, что вы — сумасшедший, если бы вы заявились к нему с подобным предложением. А если вы расскажите свою историю, то вас просто арестуют и станут судить за убийство. Я единственный, кто может освободить вас от ног Ропера, которые пытаются вас убить... Не вы сражаетесь за ноги Ропера, а сам Ропер. Ропер, который каким-то образом сможет руководить ногами, пытаетс убить вас с помощью ног, которые пришиты к вашему телу.

— И я буду сражаться с ним! — закричал Далл. — Я забрал его ноги, и я сохраню их, несмотря на Ропера и все силы ада!

— Это ваше последнее слово? — поинтересовался Карсон. Лицо его приобрело странное выражение, и взгляд снова метнулся к белому пятну на полу, а потом вернулся к Даллу.

— Да, это мое последнее слово. Далл Мертвые Ноги удержит то, что у него есть, как всегда это и делал.

Карсон вышел, больше ничего не сказав, шагая словно манекен. Куинн и Барк появились в подвале, стоило Даллу позвать их. Когда они встретились с ним взглядом, он прочитал страх в их глазах.

— Спинетти сбежал! — сообщил Куин — Утром, он словно с ума сошел, заявил о том, что не станет работать на дьявола. Когда я заглянул в его комнату, выяснилось, что и все его вещи исчезли.

— Черт побери! — воскликнул Далл. — Я покажу ему, что он должен бояться меня, работа это дьявола или нет. Через два дня я верну его!

— Хотите, чтобы я с мальчиками отправился за ним? — поинтересовался Барк. Далл внимательно посмотрел на него, а потом грубо рассмеялся.

— Ты тоже хотел бы сбежать, не так ли, Барк? И ты тоже, Куинн? Ну, ты собирался остаться. Независимо от того, какая чертовская работа у меня для тебя есть. Даже если я сам вышел из ада, я — Далл Мертвые Ноги, и никто в этом городе не забудет об этом. Подойдите и развяжите меня!

Когда Куинн и Берк освободили его, Далл встал и прошел по подвалу туда и обратно. Его конечности, казалось, подчинялись командам его разума. А потом совершенно неожиданно они понесли его через подвал и со всего маху швырнули об стену! Выставив руки, Даллу удалось уберечь голову от удара, но он был потрясен. Куинн и Барк поспешили к нему и помогли подняться. Ошеломленный Далл огляделся, пытаясь прийти в себя.

— Держите меня! — выдохнул он. — Они и впрямь заберут меня в ад, если смогут!

— Мы можем связать вам ноги и усадить вас в старую коляску, — предложил Куинн. — Это не позволит вашим ногам прыгать, но вы все равно сможете двигаться.

— Валяйте, — разрешил им действовать Далл, однако лицо его было страшно перекошенным. Пока Барк ходил за креслом-каталкой, Куинн крепко связал ноги своему боссу.

Потом они усадили его в кресло-каталку. Далл откинулся на подушки, тяжело дыша.

— Вернулся в кресло-коляску, — с горечью пробормотал Далл. — Все, что ещё мне нужно, так это одеяло на ноги, — а потом, словно обезумев Далл закричал: — Ты смеешься надо мной теперь, Ропер? Черт побери, ты смеешься?

— Ради бога, не говорите так, Мертвые Ноги. — попросил Барк. — У меня и так нервы на пределе.

Далл откинулся на подушки, в то время как гангстеры отошли от него. В ушах Далла звучали методичные, ритмичные звуки, которые, казалось, остальные не слышали. Эти звуки постепенно из простых звуков складывались в слова: *«...ты можешь взять мои ноги, Далл, но они отнесут тебя прямо в ад!.. Ты можешь отправиться на них в ад!»*

Эти слова, словно громовые раскаты, обрушились на Далла со всех сторон. Кроме того, они перемежались криками и проклятиями Ропера. Наконец, Далл прижал руки к ушам, но он все ещё слышал слова, которые эхом отдавались в его мозгу. А потом, случайно повернув голову, он уставился на белое пятно на бетонном полу, там, где лежал Ропер... Тот самый Ропер...

Хриплые возгласы Барка и Куинна привели его в себя, и только тогда он осознал, что так сильно дергал связанными ногами, что едва не вылетел из кресла! Потом он вцепился в ручки кресла. Куинн и Барк схватили его ноги, прижали их, и вскоре те успокоились.

Где-то час после этого ноги Далла оставались неподвижными, а потом они снова начали пинаться, пытаясь сбросить гангстера со стула. Опять Даллу пришлось вцепиться в стул и отчаянно сражаться с ногами, а его мордовороты помогали ему. Но когда через полчаса ноги вновь попытались выбросить Далла из кресла-каталки, он почувствовал, как его захлестывает новая волна ужаса.

Всеми силами он пытался бороться с ногами, дико цепляясь за кресло, из которого ноги пытались его выкинуть. Однако в какой-то момент он понял, что остался в комнате один. Барк и Куинн убежали. Борясь с ногами, Далл даже не заметил, как они исчезли, не услышал, как за ними хлопнула дверь.

— Черт бы вас побрал, вернитесь! — закричал он. — Куинн и Барк, вы пожалеете об этом. Я все ещё Далл Мертвые Ноги!

Однако ему никто не ответил.

Да, ответа не было, но казалось, волны тишины исходили от белого пятна в углу подвала. Тогда, повернувшись к этому пятну, Далл прокричал:

— Ты не получишь меня, Ропер! Твоих ног уже нет! Я все ещё могу победить тебя! Я могу заставить Карсона отрезать эти ноги.

Подойдя к столу Далл схватил трубку телефона, набрал номер. А потом хрипло крикнул, обращаясь к человеку, который взял трубку:

— Скажи Карсону, что Делл зовет его. Скажи ему, что Далл хочет, чтобы он быстро шел сюда.

Голос, который ответил ему, был голосом хорошо обученного слуги, но интонации этого голоса звучали странно.

— Но доктор Карсон не сможет прийти к вам, сэр. Он...

— Скажи Карсону, что он должен прийти! — крикнул Далл в трубку. — Он должен отрезать ноги Ропера! Слышишь? Ропер лежит здесь под полом, но его ноги у меня, и он должен ампутировать их... отрезать их...

— Но доктор Карсон покончил с собой час назад, — ответил человек на другом конце провода. — Тут полиция. Я скажу им, что вы хотите, чтобы доктор Карсон...

Далл отшвырнул трубку и уставился в пустоту. Карсон мертв! Карсон совершил самоубийство! Он вспомнил белое, перекошенное лицо Карсона, когда хирург покинул его. Карсон был мертв — и это был тот единственный человек, который мог избавить его от ног Ропера! И теперь эти ноги собирались и дальше бороться. Их мускулы напряглись.

Но и в таком случае был выход! Далл отодвинул стул от стола. Да, он найдет способ убежать от этого безумия! Ноги его все ещё подергивались и дрожали. Он повернул стул к двери операционной комнаты. А потом, вытянув руку, он ткнул пальцем на светлое пятно на полу.

— Слышишь, Ропер, ты меня ещё не достал? Я побью тебя даже сейчас, даже сейчас! — и хоть произнес это Далл диким голосом, но говорил он решительно...

Полицейские и журналисты взволнованно переговаривались, спускаясь в подвал дома Далла. Однако перед дверью

его кабинета в подвале они остановились. Их голоса звучали взволнованно и, находясь в кабинете, можно было расслышать лишь обрывки предложений.

— ...слышал, что у Мертвых Ног давным-давно было что-то на Карсона, но он никогда не думал...

— ...он кричал в трубку, что похоронил Ропера под полом и что-то ещё о ногах Ропера. Нам известно, что Далл убрал Ропера, но никто ничего не мог доказать...

Полицейский капитан повернулся к столпившимся у него за спиной.

— Хватить болтать, приготовьте оружие. И журналисты пусть отойдут на безопасное расстояние. А мы выдвигаемся.

Дверь распахнулась, и полицейские с пистолетами наготове ворвались в кабинет Далла. Гангстера нигде видно не было, и через мгновение полицейские были у дальней двери. С удивлением полицейские уставились на маленькую операционную. Потом у всех разом вырвался крик ужаса, когда увидели кресло-качалку, которая стояла рядом со шкафом для инструментов. Далл сидел в инвалидном кресле, и его остекленевшие глаза уставились в потолок. Его руки все ещё сжимали тяжелый хирургический нож, больше похожий на топор, а ноги его были обрублены чуть выше коленей.

Вокруг все было залито кровью, а из обрезков свисали рассеченные связки и куски плоти, но самих ног нигде видно не было. Полицейские молча переглянулись. А потом кто-то глупо ухмыляясь, указал на кровавые следы, которые вели назад в подвал-офис Делла. Полицейские вернулись в первое помещение и замерли, окаменев от ужаса. На продолговатом светлом пятне свежего цемента в луже крови лежали отрезанные ноги.

— Судя по тому, что сказал Далл слуге Карсона, Ропер похоронен там под полом, — заплетающимся языком пробормотал капитан полиции. — И он сказал, что ноги Ропера...

Но тут вмешался другой полицейский, и голос его едва не срывался от волнения.

— Ноги это Ропера или нет, Далл сам себе их отрезал, только сделал это в другой комнате, потом он не двигался...

— А как тогда ноги оказались в этом углу?

ЛЮДИ-ЗМЕИ

Я встретился с Хеммериком, когда он впервые приехал в Коралу. Тем утром Питер Уинтон и я беседовали на платформе станции. Питер жаловался на бизнес, и я удивлялся, почему я решил, что из всех мест на Земле эта деревня во Флориде — хорошее место для молодого адвоката. Скорый поезд, который заезжал в Коралу, свернув с главной магистрали, прибыл как раз во время нашего разговора. И Хеммерик был единственным пассажиром, который сошел с поезда.

Мое первое впечатление о нем было весьма приятным. Он подошел к нам — дружелюбный мужчина средних лет с черными глазами. Он поинтересовался, как добраться до деревни, и после представился как доктор Джон Хеммерик из Йейтского университета и Восточного зоологического Музея. Мы взяли его визитные карточки и пожали ему руку. Я представился:

— Фрэнк Роулинс, молодой юрист из Коралы.

— А я местный представитель автомобильной промышленности, известен как Пит Уинтон.

Хеммерик рассмеялся.

— Надеюсь, мы будем друзьями, — объявил он. — Я собираюсь задержаться в этом районе на несколько месяцев. Я приехал, чтобы исследовать некоторые аспекты жизни змей в болотах Корала.

— Тогда вы приехали в правильное место, — заметил Питер. — Тут есть болото, есть и змеи. Вы остановитесь в деревне? Знаете, болото примерно в пяти милях к западу отсюда...

— Я бы хотел устроиться на краю болота, если это возможно, — ответил Хеммрик. — Было бы намного удобнее... большая часть моей работы должна проходить ночью.

— Вы могли бы остановиться у старого Дрола, — предложил я. — Если вы, конечно, ищите по-настоящему дикое местечко.

— Да, дом Дрола подошел бы, — согласился Питер. — И хоть он заброшен уже несколько лет и в плохом состоянии, но стоит прямо на краю болота.

— Тогда я уверен, мне там понравиться, что до удобств... Я привык к неудобствам, — ответил Хеммерик. — Как мне туда добраться?

— Дорога проходит рядом с тем местечком, — заметил Питер. — Но... Почему бы мне и Роулинсу не отвезти вас туда сегодня днем?

— Я не хотел бы беспокоить вас обоих, — начал Хеммерик, но я перебил его.

— Не беспокойтесь, — заверил я его. — Нам это не в тягость.

Хеммерик поблагодарил нас и пообещал быть готовым, а затем подозвал мальчика-негра, чтобы тот отнес его багаж в отель, а сам отправился следом.

В полдень мы завели родстер Питера и выехали по грунтовой дороге, которая вела прямо на запад к болоту.

Местность между древней и болотом была мало населена. Здесь жили в основном мелкие фермеры, белые и черные. Тут и там темнели болотные омуты, и они встречались все чаще и чаще, чем ближе вы приближались к большому болоту.

Хеммерик не удивился, когда мы сказали ему, что змеи, особенно техасский гремучник, — настоящий бич этих мест. Он, по-видимому, занимался исследованиями и поисками образцов в большей части мира, поскольку рассказывал анекдоты о змеях, с которыми встречался в Южной Америке, Африке и Азии, о египетских кобрах, смертоносных черных мамбах, гигантских питонах, удавах и анакондах. И когда мы подъехали к месту назначения, наш разговор приобрел змеиный привкус...

Дорога становилась все более болотистый, вскоре мы оставили машину, чтобы пройти остальную часть пути пешком. Зеленая болотная равнина с рощицами карликовой сосны и пальмето, с полянами, заросшими меч-травой, поднимавшимися от мшистого болота или луж зеленой застойной травы, простиралась далеко... насколько хватало глаз. Мы были в северной части овального болота, которое протянулось почти на двенадцать миль.

Глаза Хеммерика загорелись, когда он остановился, осматривая болото.

— Тут, без сомнения, живут змеи, — объявил он. — Эта местность похожа на настоящий змеиный рай.

— Не могу представить себе рай, где обитают египетские кобры и черные мамбы, — фыркнул Питер. — Но этот путь ведет к дому Дрола.

Гуськом, следом за Питером, мы прошли по едва различимой узкой дорожке, протянувшейся по краю болота. Отвратительный запах болота бил мне в нос — тяжелый, мускусный запах разложения. А вот Хеммерик, как казалось, с наслаждением вдыхал этот воздух.

Через несколько минут мы подошли к гниющим останкам дома, известного как обитель Дрола. Дом стоял на самом краю большой поляны слизистой зеленой грязи, за которой начиналось болото. Я не мог представить себе место, менее приспособленное для жизни. А когда мы заглянули в первую, полусгнившую комнату, мне и вовсе стало не по себе. Но Хеммерик с большим энтузиазмом отнесся к тому, чтобы устроиться в этой гнилой обители.

— И в самом деле, удобное местечко, — заметил он. — По крайней мере, для меня, пока я будут проводить наблюдения на этом болоте. Я закажу в деревне все необходимое, чтобы сделать это место вновь пригодным для жизни.

— Странные вы люди, ученые, — заметил Питер. — Я бы не стал жить в этом очаровательном местечке, даже если бы мне десять музеев пообещали премию.

— И я тоже, — согласился я. — Не люблю спать там, где ночью ко мне могут приползти погреться болотные гадюки.

В ответ на это Хеммерик только рассмеялся.

— У всех разные вкусы, — объявил он. — Днем я будут тут спать, а ночью уйду проводить исследования, запалив яркие лампы, чтобы ослепить змей.

После мы отвезли Хеммерика обратно в Коралу, и он договорился, чтобы на следующий день в дом Дрола дотавили все необходимое, в том числе самую простую мебель. Хеммерик собирался переехать на болото на следующий день. Потом он поблагодарил нас и пообещал заходить всякий раз, когда будет появляться в деревне.

Он и в самом деле заглянул ко мне через несколько дней, и, по его словам, он в восторге был от нашего болота. Он сказал,

что уже отловил несколько великолепных экземпляров и пару странных вариаций явно местного происхождения. Глубина болота делала опасной работу в вечернее время, но, по словам ученого, он был более чем доволен.

Занятый повседневными делами, я какое-то время не видел Хеммерика. Но через два дня одно необычное происшествие, привело меня и Питера прямиком к профессору. Негр по имени Джон Уильямс, у которого была небольшая ферма, граничащая с болотом, пришел в Коралу с рассказом о змее, которая удивила всех обывателей деревеньки.

Уильямс был страшно взволнован. Он рассказал, что внимание его привлекло волнение в стаде коз в коррале у болота, которое случилось накануне прямо перед полуночью. Он спустился к загону и увидел в лунном свете темную тень невероятно большой змеи, которая схватила челюстями одного из молодых козлов и скользнула с ним в темное болото.

По словам Уильямса, он наблюдал за змеей-чудовищем словно в каком-то оцепенении. И только когда она исчезла в болоте, Уильямс подумал о собственной безопасности и поспешно ушел в дом. Но с утра Уильямс нашел следы огромной змеи в мягкой грязи, которые окончательно убедили его, что то, что он видел, не было галлюцинацией.

Выслушав историю Уильямса, несколько фермеров из Коралы и среди них Питер Уинтон, отправились посмотреть на размеры чудовищной змеи.

— Змея, которая оставила такой след, должна была быть почти в фут толщиной и один бог знает какой длины, — рассказал мне Питер, когда мы встретились с ним после полудня.

— Звучит безумно, — заметил один из фермеров. — Никто никогда не слышал о змеях такого размерах, хотя подобное чудовище могло сбежать или из цирка, или из зоопарка.

— Неважно откуда взялась эта тварь, но вчера вечером она выбралась из болота и вернулась обратно, — ответил Питер. — Не хотелось бы мне встретиться со змеей, которая могла утащить козу.

И тут меня поразила мысль.

— Почему бы не пойти и не рассказать об этом доктору Хеммерику? Нужно предупредить его, чтобы он был осторожнее. В

любом случае ему было бы интересно узнать о подобном чудовище.

Питер согласился со мной, и в тот же полдень мы поехали в сторону болот, чтобы повидаться с доктором Хеммериком. Мы оставили машину в том же месте, что и раньше, и пошли по краю болот к старому, разлагающемуся дому.

Мы долго стучали, прежде чем доктор Хеммерик, зевая вышел к нам. Он объяснил, что он занят исследованиями по ночам, и словно не слышал наших извинений, из-за того, что мы разбудили его. Однако в итоге он все же пригласил нас войти.

В передней комнате старого дома теперь ничего не было, кроме нескольких самых простых предметов мебели и дюжины проволочных клеток, в которых находилось двадцать живых змей разных видов и размеров. Тут царила полутьма, но я разглядел несколько крупных гремучих змей, двух толстых бурых водяных щитомордников, несколько безвредных змей, и ещё несколько зеленых и белых рептилий, которых я не смог опознать. В комнате стоял горьковатый запах змей, который я находил отталкивающим.

Доктор Хеммерик с гордостью осмотрел клетки.

— Это те образцы, которые мне удалось получить, — пояснил он нам. — По ночам их тут много.

— Я бы завопил во все горло, столкнись я ночью с одним из ваших образцов, — заверил его Питер. — Но мы с Роулинсом приехали, чтобы рассказать вам о змее, которая переплюнет все это...

Доктор Хеммерик внимательно выслушал наш рассказ.

— Большое вам спасибо за то, что вы пришли! — воскликнул он. — Конечно, я хотел бы и сам посмотреть на эти следы... хотя не могу себе представить подобную змею.

— Мы могли бы подбросить вас, — предложил я. — Я тоже хочу посмотреть на следы этой твари... Питер был там сегодня утром и видел следы.

Хеммерик запер провисшую дверь «своего дома». Мы поехали на юг, по другой грунтовой дороге, идущей вдоль края болота, и вскоре добрались до маленькой фермы Джона Уильямса, неокрашенного каркасного домика, окруженного культивированными полями, которые на западной границе доходили до самых болот...

Жена Уильямса рассказала нам, что её муж отправился на то место. где видел эту ужасную змею, и мы втроем вышли на кукурузное поле, где мы увидели Уильямса и ещё двух негров. Я узнал одного из них. Это был дядя Уолли — негр неопределенного возраста, который среди чернокожих Коралы имел репутацию колдуна. Когда мы подошли, он что-то говорил Уильямсу, указывая на следы на земле. Увидев, что мы приближаемся, они прервали разговор, а потом по просьбе Питера Уильямс показал нам следы, которые оставила гигантская змея. Следы были в маленьком загоне для коз и на болоте. Судя по всему тварь выползла из болота и вернулась в него. Следы оказались канавкой в грязи, глубиной несколько дюймов и шириной в ступню.

Доктор Хеммерик опустился на колени и внимательно осмотрел след. А потом, встав, он внимательно посмотрел на нас.

— Это и в самом деле змея, — сказал он нам. — Но разве кто-то слышал о подобной змее в этой части света?

— Нет. Но эта змея и в самом деле огромная, — проговорил Уильямс, покачав головой. — Она схватила козу и уползла с ней... Не могу поверить в то, что я видел нечто подобное.

— У этой змеи были какие-то отличительные черты? — поинтересовался доктор Хеммерик. — Как она выглядела?

— Большая черная змея. Больше я толком ничего не рассмотрел, — ответил Уильямс. — Глаза змеи были красными, хотя... Эти глаза сверкали, словно красные угли.

Доктор Хеммерик снова внимательно посмотрел на след.

— Роулинс сказал, что, возможно, змея убежала из цирка или зоопарка, — высказался Питер, но доктор Хеммерик покачал головой.

— Циркачи обычно не возят таких больших змей, и зоопарка нет на несколько сотен миль. И как такая огромная змея могла попасть в это болото?

Уильямс нерешительно заговорил.

— Дядя Уолли говорит, что это не настоящая змея, — сказал он. — Он сказал, что это человек-змея

— Человек-змея? — с удивлением повторил Питер. — Что это за тварь?

— Ночью он змея, а днем — человек, — с торжеством объявил дядя Уолли. — Наступает ночь, человек использует

дьявольское заклинание и превращается в огромную змею. Он ползает всю ночь в облике большой змеи, хватая все, что увидит, но днем заклинание слабеет, и чудовище превращается обратно в человека.

Доктор Хеммерик встал.

— Раньше я уже слышал эту легенду, — заметил он. — Когда я изучал мамбу в Южной Африке, я жил с племенами, которые верили в людей-змей. Знахари много говорили о людях, которые были людьми днем, но чей договор с силами Зла позволял принять змеиный облик ночью. Они даже поведали мне заклинание, с помощью которого это можно сделать. Предполагаю, что это суеверие — часть легенд африканского народа.

— Это не легенда, — заметил дядя Уолли. — Человек-змея оставил эти следы ночью... днем он гуляет по округе, а большая змея веселится на болоте ночью.

— Из всех, кого мы знаем, таким оборотнем можешь быть только ты, дядя Уолли, — усмехнулся Питер. — Ты единственный заклинатель в здешних местах, и ты единственный, кто может оказаться этим человеком-змеей.

— Ну змея или не змея, но я хотел бы посмотреть на того, кто может выполнить подобный трюк, — заметил Хеммерик. — Может быть, я встречу его ночью на болоте. По крайней мере, очень на это надеюсь.

Мы оставили трех негров изучать следы змеи, а сами вернулись к нашей машине. Когда мы повезли назад доктора Хеммерика, он все время рассуждал о происхождении подобной змеи, и мы с Питером были также озадачены и заинтересованы, как и доктор.

Дня три мы ничего не слышали о великой змее, а потом мы узнали, что чудовище появилось снова. На этот раз тварь мельком видел один из белых фермеров — Ханнон, живущий возле болот.

То, что случилось с Ханноном, очень напоминало случай с Уильямсом. Ночью его разбудил шум в курятнике, и он вышел из дома как раз в время, чтобы увидеть, как чудовищная черная змея скользит по болоту. Ханнон бросился в дом за ружьем, но, когда он вернулся, змея исчезла, а вместе с ним пять его кур. Ханнон поклялся, как и Уильямс, что глаза змеи были огненно-красными.

После истории Ханнона никто из нас больше не сомневался, что на болоте поселилась змея невероятного размера. Было много предположений о том, как тварь туда попала, и ещё доктор Хеммерик упорно утверждал, что эта змея неизвестной ему породы. Но негры в Корале и окрест были уверены, что это человек-змея.

— Чернокожие дяди Уолли уверены, что это человек-змея, и они легко поймают его, — хихикая заметил Питер.

— Старый негодяй просто разжигает суеверия чернокожих ради собственной выгоды, — заметил я. — Несомненно, он продает им амулеты против человека-змеи.

— Они сейчас буквально смотрят в рот дядюшке Уолли, — вздохнул Питер. — Они проявляют такой же страх перед ним, так будто он и есть этот человек-змея.

— Все это пройдет через пару дней. Суеверные страхи, как правило, очень быстро рассеиваются.

Я оказался плохим предсказателем, потому что на следующий день пришли новости, которые не только усилили страх негров, превратив его в настоящий ужас, но и встревожили белых обитателей этих мест.

Огромная змея снова появилась, на этот раз на ферме негра по имени Крэлли или Крэйлли, чья земля находилась неподалеку от фермы Уильямса, тоже на краю болота. В этот раз гигантская змея появилась сразу после наступления темноты. Сам Крэлли был в Корале, а его жена и маленький сын — дома.

Крэлли приехал домой после десяти вечера. Когда он попытался открыть дверь, его жена истерически закричала. Чтобы войти в дом, ему пришлось выбить дверь. Он нашел жену и ребенка вне себя от ужаса, близкому к безумию. Ему потребовалась большая часть ночи, чтобы успокоить их и выяснить, что произошло.

Когда стало темнеть, женщина с маленьким мальчиком отправилась на лужайку между домом и болотом, чтобы загнать в хлев двухнедельного теленка, который там пасся. Мать с сыном отвязали теленка и возвращались, когда женщина обратила внимание на странное шуршание и обернулась. Она увидела огромную змею, которая двигалась в их сторону со стороны болота. Огромная тварь ползла с невероятной скоростью. Когда

тварь приблизилась, то подняла голову, словно высматривая добычу.

Закричав, женщина схватила ребенка и помчалась в дом. Змея преследовала их. Несчастная женщина захлопнула дверь перед носом твари и попыталась забаррикадироваться. Змея какое-то время оставалась возле дома, скользя вокруг, словно желая войти. Женщина и ребенок слышали шорох гигантского тела.

Потом звук прекратился, словно змея уползла, и вскоре издалека раздался мягкий, сдавленный крик теленка. Женщина так и не осмелилась посмотреть, что происходит, но больше шороха змеиной чешуи она не слышала. Тем не менее она обезумела настолько, что не признала Крэлли, когда он вернулся домой. Утром фермер обнаружил, что теленок исчез, а след змеи опять уходил в болото.

А утром Крэлли явился в Корал с этой историей. Теперь все только и говорили о человеке-змее. Чудовище нужно было поймать, прежде чем какой-то ребенок станет жертвой этой гигантской твари. Росс Сандерс, заместитель шерифа Коралы, организовал отряд, чтобы отправиться на болото на её поиски. Поскольку единственная надежда найти змею в большом болоте — идти по её следу, Питер Уинтон предположил, что в данном случае помощь опытного господина Хеммерика будет бесценна. Сандерс согласился, и мы с Питером выехали к сгнившему дому, в котором остановился доктор Хеммерик, так как на следующий день шериф и его люди собирались отправиться на охоту.

Никто в гниющем доме Хеммерика нам не ответил, и, хотя Питер долго стучал, чтобы пробудить ученого от обычного дневного сна, двери нам так и не открыли. А потом я заметил на участке между домом и болотом следы вроде тех, что огромная змея оставила на участке Уильмса.

Я позвал Питера, чтобы показать их ему, как раз в тот момент, когда доктор Хеммерик наконец подошел к нам:

— Вы уже заметили эти следы, — сказал он. — Уверен, их оставила та же большая змея, что побывала на земле Уильямса. Хотелось бы мне быть тут, когда эти следы были сделаны. Дня три назад я на рассвете вернулся с болота и

увидел их. А на следующее утро, следов стало много больше... Огромная змея вновь побывала здесь поздно ночью!

— Почему, черт побери, эта змея заявилась сюда? — удивился Питер. — Здесь же нет никого, кроме вас, доктор Хеммерик.

— Может, на то и есть причина, — протянул я, улыбаясь. — Дядюшка Уолли сказал бы, что человек-змея приходил за доктором Хеммериком, чтобы отомстить за то, что тот отловил так много змей из болота.

— Но, если это произошло дважды, независимо от причины этого странного визита, это может случиться снова, — заметил Питер. — Почему бы не подождать здесь с оружием наготове?

Доктор Хеммерик покачал головой.

— Невозможно, — объявил он. — Если тут убьют змею... любую змею... то все змеи в округе станут избегать это место, что сделает мою работу очень трудной.

— Полагаю, вы правы, — пробормотал Питер. — Но мы должны каким-то образом отловить это существо. Вы не слышали о его последнем появлении?

Доктор Хеммерик с самым серьезным видом выслушал о последнем появлении человека-змеи на ферме Крэлли.

— Как ужасно! — воскликнул он. — Рад, что вы собираетесь отловить эту тварь. Я с удовольствием помогу, потому что я и сам очень хочу взглянуть на эту змейку.

— Но я не успокоюсь, пока эта тварь не будет убита, — продолжал я, обращаясь к доктору. — Мы встретимся в семь утра на участке Крэлли...

На следующее утро пятнадцать или шестнадцать фермеров собрались на ферме Крэлли. Сандерс возглавил нашу группу. Все мы были в высоких сапогах и грубой одежде, почти у всех нас были дробовики. Доктор Хеммерик появился вскоре после нас с Питером, и мы все вместе отправились к краю болота, где в мягкой грязи все ещё хорошо была видна дорожка — тропа змеи. Крэлли был с нами, и Уильямс тоже.

Мы вышли на болото и какое-то время шли по следам, отпечатавшимся в грязи и болотной слизи. Но, по мере того, как мы продвигались все дальше вглубь болота, бассейны зеленой воды стали встречаться все чаще и чаще, и следы

то появлялись, то исчезали, так что следовать по ним стало довольно сложно. Когда мы несколько раз теряли следы, доктор Хеммерик находил их снова.

Доктор Хеммерик шел по следу, который уходил в самое сердце болот. Несмотря на то, что солнце стояло высоко в небе, на болоте царил полумрак, словно сама окружающая реальность всасывала свет. Доктор Хеммерик же оказался опытным следопытом, не раз он указывал на омут или на трясину, которые никто из нас не замечал до последнего момента.

К полудню мы добрались до сердца болота. Мы с Питером были уже сильно измотаны, так как все труднее было идти по тропе. Доктору Хеммерику приходилось тщательно прощупывать почву, прежде чем делать новый шаг. Время от времени мы встречали всевозможных ужей, гремучих змей и гадюк. При этом некоторые из них были и в самом деле очень крупными экземплярами. Но ничего даже отдаленно похожего на человека-змею мы не встретили.

Наконец даже доктор Хеммерик остановился. Определенно, дальше дороги не было. Мы остановились по колено в зеленой, мутной жиже, сбились в группу.

— Похоже, дальше по этому следу нам не пройти, — заметил Сандерс. — Змея словно специально заползла сюда, чтобы оборвать свой след.

— Определенно, это самая странная охота из тех, в которых я участвовал... — заметил доктор Хеммерик. — Мне казалось, что такой большей экземпляр должен большую часть времени проводить на мелководье.

— Думаю нам стоит вернуться на ферму Уильямса и попробовать начать оттуда, — решил Сандерс. — Там есть тропа... А тут нам больше нечего делать.

Мы вылезли из болота и отправились вдоль берега на ферму Уильмса. А потом снова пошли по следам большой змеи. Этот след оказался таким же запутанным, как и первый. Кроме того, прошло несколько дней с тех пор, как тут проползла большая змея, и дождь частично стер следы.

И снова доктор Хеммерик был единственным, кто мог порой отыскать почти невидимый след. Мы едва поспевали за доктором Хеммериком, а многие испытывали трудности с тем, чтобы идти в ногу с ученым, устремившимся вперед

по болоту. Мы снова отправились к центру болота. К тому времени послеполуденный свет начал слабеть. Наконец, когда солнце стало садиться и на болотах стали собираться тени, доктор Хеммерик снова объявил, что дальше дороги для людей нет.

— Для меня на сегодня вполне хватит, — вздохнул он. — Я гонялся за более мелкими змеями по болотам, которые намного хуже, чем это, но никто из них не скрывал след так удачно.

— По крайней мере, мы сделали все, что могли, — пробормотал Сандерс. — Наверное, нам нужно отказаться от этой затеи и надеяться, что кто-то схватит эту змею, когда она вылезет из болота.

Мы вернулись на ферму Уильямса. К тому времени уже наступила ночь, но во дворе фермы Уильямса собрались негры. Похоже, они ждали новостей. Среди них был дядюшка Уолли. Когда они услышали о нашей неудаче, дядюшка Уолли только покачал головой.

— Невозможно выследить человека-змею... Человек-змея умеет хорошо скрывать свой след, — пробормотал он. — Среди нас нет никого, кто мог бы поймать человека-змею.

— Думаю, что он прав, — заверил нас доктор Хеммерик. — Это был самый сложный след, по которому я пытался пройти. Тем не менее мне нужно вернуться к моим исследованиям.

— Будьте осторожны, — серьезно проговорил Сандерс. — Мне бы не хотелось оказаться в одиночестве ночью на болоте. Ведь можно столкнуться с этим существом. Мы ведь не знаем, где оно сейчас.

— Меня не волнует это чудовище, — проговорил доктор Хеммерик, отворачиваясь. К тому времени люди уже стали расходиться. — По ночам я встречал змей и больших, и малых, и у меня никогда не было с ними проблем.

Когда доктор растаял среди теней, Питер покачал головой.

— Будь я проклят, если я не поспешу домой и не постараюсь как можно дальше держаться от болота. На сегодня с меня болот хватит...

— Болото —плохое место, если по ней бродит человек-змея, — проговорил дядюшка Уолли. — Этот человек думает, что он знает всех злых змей, но, когда встречаешься со змеей ночью, никогда не знаешь, что случится.

Дядюшка Уолли растворился среди теней, и мы увидели, что большая часть нашей группы, да и негров разошлась. Сандерс, Питер и я сели в автомобиль и покатили в Коралу.

— Жаль, что мы так и не поймали эту змею, — вздохнул Сандерс, когда мы добрались до дороги. — Я не буду чувствовать себя спокойно, зная, что она все ещё тут на болоте.

— Существует шанс, что мы найдем эту тварь у дома доктора Хеммерика, — заметил Питер. — Эта змея приползала туда дважды за последние дни и может снова там появиться, — а потом он рассказал о следах, которые он видел возле дома Дрола.

— Но доктор Хеммерик сказал, что не позволит нам охотиться возле этого дома, а тем более убить рядом с домом змею, — напомнил я ему.

Но Питер лишь нетерпеливо покачал головой.

— И что он сделает? Что если он к этому имеет отношение? В общем, когда мы доберемся до болота, Хеммерика там не будет, а к утру мы разойдемся, если змея не появится.

Поэтому, вместо того чтобы отправиться в сторону Коралы, мы оставили машину и пошли по болотистой тропинке к северному краю болота. Луна ещё не поднялась, и болото темнело неподалеку от нас. Его запахи казались тяжелее ночью, чем днем.

— Все в порядке, — объявил Сандерс. — Дверь не заперта... Мы можем ничего не опасаясь заглянуть на огонек...

— Только ступайте осторожно, — предупредил Питер, открывая дверь. — Здесь у доктора Хеммерика несколько десятков клеток со змеями.

Мы зашли в гостиную. Неприятный запах стал очень сильным. Мы со всех сторон слышали шипение и шорох, от которых стыла кровь.

Сандерс чиркнул спичкой, и её пламя высветило комнату, которую мы с Питером видели раньше.

Коллекция змей доктора Хеммерика в проволочных клетках была на месте. Мутные глаза рептилий уставились на нас. Большая их часть лежала, свернувшись кольцами, и, подняв головы, они наблюдали за нами.

— Хорошее местечко, — проворчал Сандерс. — Передвиньте эти клетки прочь от окна, выходящего на болото.

Питер, думаю, мы сможем открыть это окно и через него наблюдать за берегом.

Пока он подсвечивал нам спичками, мы с Питером переставляли клетки с помощью стволов наших ружей, чтобы освободить место. Потом мы открыли окно и поставили возле него три стула доктора Хеммерика.

Когда у Сандерса закончились спички, мы оказались в полной темноте, расселись по стульям, положив ружья на край окна. Отсюда открывался отличный вид на берег болота, который находился прямо перед домом. Луна уже поднялась, и теперь ясно стали видны лужи грязи.

— Думаю, она появится, — заметил Сандерс. — Если змея снова выскользнет из болота, мы её увидим...

— В любом случае нам лучше убраться до того, как вернется господин Хеммерик, — заметил я. — Он здорово рассердится, если найдет нас здесь.

— Доктор Хеммерик, вероятно, будет на болоте до утра, — ответил Питер.

После этого мы замолчали, ожидая.

Странное то было дело — сидеть в засаде в темноте гниющего дома, наблюдая за темным болотом и большой поляной грязи, которая лежала между домом и болотом. Единственными звуками были шорохи, когда Сандерс или Питер меняли свое положение. Кроме того, порой с болота доносились странные, приглушенные звуки.

Время тянулось медленно. Мы ждали. Луна поднималась все выше и выше. Я уже начал подозревать, что план Питера не удастся. Зачем огромной змее возвращаться к дому доктора Хеммерика? Дядюшка Уолли говорил, что эта змея, быть может, хочет отомстить доктору Хеммерику за болотных змей, которых он отловил. Вспомнив эти заявления, я улыбнулся. Но иначе как объяснить то, что змея зачастила к дому доктора Хеммерика?

А потом я попытался представить себе доктора Хеммерика, который в одиночестве бродил по болоту и, не замечая опасности, отлавливал необходимые ему экземпляры. На болотах не было заметно никакого движения, оттуда не доносилось никаких подозрительных звуков. Шли часы. Луна перекочевала на западную четверть неба.

Прервал молчание Питер. Он заговорил тихим голосом, почти шепотом:

— Если в ближайшее время змея не появится, то мы её сегодня определенно не увидим, — объявил он. — Скоро должен вернуться доктор Хеммерик. Время идет к утру.

— Ещё чуть-чуть подождем, — объявил Сандерс. — Хотя я тоже не хотел бы, чтобы, вернувшись, доктор Хеммерик нас застал.

Мы снова замолчали, наблюдая и ожидая. Постепенно шорох рептилий в клетках стал единственным звуком в мире. Прошло ещё немного времени. Лунный свет побледнел. Скоро должно было начать светать.

Мы все ещё наблюдали за болотом. Там, в темноте, ничего не было. А потом...

На болоте что-то двигалось. Большая темная тень беззвучно скользнула в сторону дома.

Я сразу понял, что Сандерс и Питер, сидевшие рядом со мной, разом распрямились. Наши пальцы сжались на курках, когда мы втроем одновременно подняли ружья. Из болота на залитую лунным светом лужайку между болотом и домом выскользнула огромная темная змеиная тень. У твари была отвратительная голова, и в лунном свете глаза чудовища сверкали, словно красные угли. В следующее мгновение мы, не сговариваясь, дали залп.

Рев наших ружей разорвал тишину ночи. Мы увидели, как огромное темное змеиное тело согнулось, выгнулось, а потом рухнуло и замерло. Я взволнованно вскрикнул. Мы выпрыгнули в грязь, через окно и сломя голову бросились к поверженному чудовищу.

А когда мы склонились над подстреленной тварью, первым сдавленно вскрикнул Сандерс, а за ним Питер. Не было никакой змеи. Перед нами в грязи лежал человек в грубой, темной одежде. В последних лучах заходящей луны мы увидели лицо убитого. Это был доктор Джон Хеммерик!

— Хеммерик! Хеммерик! Боже, и всего мгновение назад он был змеей! — воскликнул Питер. — Он и был человеком-змеей, в существование которого мы не верили.

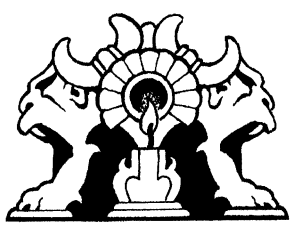
И тут мне показалось, что все кусочку головоломки встают на место.

— Доктор Хеммерик и был человеком-змеёй! — повторил я. — Он говорил, что узнал о подобных созданиях, когда путешествовал в дебрях Центральной Африки! Он сказал нам, что узнал заклинание для того, чтобы превращаться в змею. А по ночам он бродил по болоту...

Тут я задохнулся.

— Послушайте меня! — Сандер качнулся, сжав кулаки. — Доктор Хеммерик не был никаким человеком-змеей... Такой тввари, как человекозмеи, не существует. Мы случайно убили доктора Хеммерика... Понимаете! Мы его случайно убили! — тут его голос сломался. — Боже, если мы расскажем правду, все скажут, что мы сошли с ума. Так что нам нужно говорить, что доктор Хеммерик был убит случайно... Слышите?

— Понятно. Нет такого существа, как человек-змея, — согласился Питер, подводя итог. — Хеммерика застрелили случайно. Но когда умер доктор Хеммерик, умерла великая змея, и только мы втроем знаем, что они умерли... вместе.



ЗЕМНЫЕ ОБИТАТЕЛИ

Христа Торн, лежа на койке в темной палатке, боролась с необъяснимым ужасом. Ее стройное молодое тело вздрагивало от страха всякий раз, как её взгляд устремлялся на полог палатки и дальше на утес, залитый лунным светом, в основании которого темнело отверстие пещеры.

Этот природный портал в Нью-Мексико вел в огромный лабиринт неисследованных пещер. В течении недели экспедиция доктора Торна, отца-геолога Христы, изучали подземный мир. А теперь эти мрачные и темные врата, ведущие под землю, вызывали у неё ужас.

«Но какой черный ужас скрывается в этих безжизненных глубинах? — спросила она себя. — Что случилось с теми двумя рабочими, которые исчезли где-то в пещерах? Кто-то там был, иначе откуда эти странные вопли и чудовищные следы, в чем-то похожие на следы людей? Но кто же это мог быть?.. Сейчас отгоню все эти мысли и отправлюсь спать!» — разозлившись, она пообещала сама себе, попытавшись восстановить дыхание.

Но её нервы трепетали, как струны арфы под пальцами опытного музыканта. И порой девушке начинало казаться, что кто-то движется за пределами палатки.

— Я не стану смотреть! — переполненная отчаянием, прошептала она себе под нос.

И тут ей показалось, что она снова услышала странный шорох, словно кто-то осторожно двигался во тьме. А потом она услышала звуки, напоминающие чье-то хриплое дыхание.

— Не буду! Я не стану смотреть! — сходя с ума, прошептала она себе под нос. Потом она прижала руку к лицу, отчаянно борясь с нервным напряжением. — Там что-то не так.

Неожиданно её сердце едва не выскочило у неё из груди. В нос ей ударила смесь странных запахов — сырой, тяжелый

запах земли и сырой шерсти. А потом девушка явственно различила приглушенные шаги!

Это определенно не могло быть игрой воображения! Она не могла и дальше лежать с закрытыми глазами... Ужас победил. Её глаза широко раскрылись.

Внутри палатки находилось кошмарное существо — чудовищная тварь кралась к его койке! А другое стояло на пороге палатки, купаясь в лунном свете.

Тела тварей напоминали человеческие, но они горбились-ьи были покрыты густыми, спутанными, белыми волосами. Даже их лица были волосатыми. Огромные сияющие глаза этих тварей были втрое больше глаз обыкновенных людей — обе твари неотрывно следили за Христой.

У девушки ком подкатился к горлу, а сама она словно окаменела от невероятного ужаса! Она не могла выдавить из себя ни одного звука.

А потом ужасная волосатая фигура наклонилась над ней, и нечеловеческие руки схватили её. И вот тогда Христа безумно закричала. Черный, первобытный ужас выплеснулся из неё в этом крике.

На мгновение два уродливых существа застыли, а затем выскочили из палатки и побежали на четвереньках, царапая землю когтями. Девушка скатилась со своей койки, и уже лежа на земле увидела, как большие белые фигуры исчезли в черном портале — во входе в систему пещер. Ей показалось, что они нырнули под землю.

Потом чьи-то сильные руки перевернули её, и в ушах её прозвучал спокойный голос. Это был голос Дэвида Стрэнга, а потом девушка увидела лицо склонившегося над ней молодого человека.

— Христа, что случилось? Что с тобой?

Она прижалась к молодому человеку, а потом истерически вскрикнула:

— Дэвид... Существа из пещеры! Они вылезли из-под земли... А потом попыталась схватить меня...

Молодой геолог все ещё держал её в своих объятиях. Подбежали ещё двое: доктор Фердинанд Торн — отец Христы, и Сандер Эндрюс — горный инженер, который помогал ученым исследовать пещеры.

Выслушав девушку, доктор Торн побледнел.

— Волосатые человекообразные существа из-под земли? — повторил он. — Должно быть, эти твари и оставили следы, которые мы нашли. Они же прикончили исчезнувших рабочих. Но такие существа неизвестны науке...

Дэвид Стрэнг казался глубоко задумавшимся.

— Но жизнь существует в пещерах в разных формах, — медленно проговорил он. — Рыбы, летучие мыши, насекомые... Почему бы там не сохраниться крупным существам, которые могли бы охотиться на более мелких? Пещерные обитатели, обезьяноподобные твари, отдаленно связанные с родом человеческим... Правда, наука никогда не подозревала о существовании подобных существ. Тем не менее Христа видела двух подземных обитателей.

Сильное квадратное лицо Сандерса Эндрюса вытянулось.

— Я и раньше слышал о подобных существах, — заметил он. — Но об этом рассказывали рабочие, трудившиеся в золотых и серебряных рудниках. Эти существа мелькали в самых глубоких галереях... Они белые и волосатые, бегают на четвереньках, и лишь отчасти люди...

А потом доктор Торн начал озираться.

— А где же профессор Мерриам? Наверняка он не сможет уснуть после всего этого.

— Я позову его, — воскликнул Дэвид и побежал к палатке.

Торн, обняв дочь, повернулся к Сандерсу Эндрюсу.

— Эндрюс, ты считаешь, что мы должны прекратить исследование этих пещер? Думаешь, там небезопасно?

— Да, — согласился инженер. — Мы зашли слишком далеко, открыли глубины, где обитают эти нечеловеческие существа. Эти твари уже утащили пару наших рабочих, а теперь, воспользовавшись нашими лестницами, явились в наш лагерь в поисках новой добычи.

— Тем не менее я не хочу уходить, после того как нам потребовалось столько времени, чтобы получить законные права на изучение этих пещер, а ведь мы нашли столько прекрасных образований... — проговорил геолог. — Однако если дальнейшие исследование небезопасны...

Вскоре бегом вернулся Дэвид Стрэнг. Выглядел он встревоженным.

— Профессора Мерриам был в своей палатке!

— Кто-нибудь из вас видел, как Мерриам сегодня вернулся из пещер? — неожиданно спросил доктор Торн.

Дэвид и Эндрюс беспомощно покачал головой.

— Полагаю, мы просто приняли как должное, что он вернулся в свою палатку.

Доктор Торн побледнел.

— Тогда доктор Мерриам все ещё в пещере! С ним что-то случилось!

— Боже мой! — воскликнул Дэвид. — Эти существа там...

— Возможно, они забрали профессора, как и тех двух мексиканцев! — воскликнул Торн. — Мы должны пойти и отыскать его!

Христа отчаянно вцепилась в куртку отца

— Не уходи! Они убьют вас, как и остальных. Ты никогда не вернешься...

Сандерс Эндрюс побледнел, но заговорил спокойным голосом:

— Я пойду с вами, если, конечно, вы пойдете, доктор. Но я думаю, что это самоубийство.

— Но мы не можем позволить доктору Мерриаму исчезнуть, даже не пытаясь его найти! — воскликнул Торн. — Тут есть ещё Пабло и рабочие.

Эндрюс поспешил к палаткам, стоящим неподалеку, где жили мексиканские рабочие. Но через несколько мгновений он вернулся один.

— Они все ушли! — сообщил он. — Эти твари испугали их, они собрались и ушли.

— Тогда нам придется отправиться без них, — вздохнул Торн. — Одевайтесь, возьмите электрические фонари и револьверы.

— Если ты отправишься на поиски, я пойду с тобой! — воскликнула Христа.

— Нет, ты не пойдешь! — воскликнул её отец. — Это небезопасно.

— Я пойду, буду держаться рядом с Дэвидом. Сделаю все, что он говорит, но не останусь тут в одиночестве!

— Она права, доктор, — воскликнул Дэвид Стрэнг. — Одни небеса знают, как я не хотел бы, чтобы вы отправились

в пещеры вместе с нами. Но, если вы останетесь тут, эти твари могут проскочить мимо нас и снова напасть на вас!..

Девушка некоторое время топталась в своей палатке, натягивая галифе и сапоги, а потом поспешила под лунный свет.

Доктор Торн, Эндрюс и Дэвид поспешно собрались, и каждый из них прихватил электрический фонарь. Молодой Стрэнг взял девушку за руку, они поспешили к черному входу пещеру.

— Пойду первым, — быстро объявил Торн, когда они вошли в пещеру. — Вы все держитесь позади меня, пока мы не спустимся на нижний ярус пещер.

Христа держалась за руку Стрэнга. Казалось, тьма сгустилась вокруг светящихся фонарей. Они начали осторожно пробираться между валунами, засыпавшими пол шахты. Однако они торопились.

Минут через десять они выбрались из длинного природного коридора в огромную пещеру, самую верхнюю из великих пещер. Лучи их фонарей высвечивали огромные каменные стены, окаймленные сталактитами, которые свисали с потолка, навстречу им поднимались белые, призрачные сталагмиты.

Христа крепче сжала руку Дэвида, когда доктор Торн сложил ладони лодочкой и закричал во тьму:

— Мерриам, где ты?

Из мрака пещеры им ответила лишь эхо.

— Его здесь нет! — воскликнул Торн. — Идем дальше.

Они пересекли огромную пещеру, следуя по следам, которые оставили на полу члены экспедиции при прошлом посещении.

Сандерс Эндрюс неожиданно остановился и указал на следы на полу в пыли — странно искаженные, словно у его владельца деформированные ноги.

— Существа пришли сюда, чтобы выбраться на поверхность, — заметил Эндрюс. — И теперь они вернулись.

— Не думай о них, Христа, — проговорил Дэвид, обращаясь к девушке, чувствуя, как дрожит её рука. — Ты в безопасности с нами.

Но когда они устремились во мрак, она буквально затряслась от мрака. Христе казалось, что тут и там из самых темных уголков пещеры за ней наблюдают сверкающие глаза чудовищ.

Они подошли к пропасти, куда была сброшена проволочная лестница. Подвязав фонари вокруг шеи, они начали спускаться в черную бездну. Через несколько минут они достигли пола другой колоссальной пещеры и снова начали выкрикивать имя Мерриама.

Как и прежде, им отвечали только призрачные шепоты — отголоски эха.

— Он должен находиться где-то в этих пещерах! — отчаянно воскликнул Торн. — Нам придется разделиться и поискать! Я отправлюсь в правую ветвь пещер, Эндрюс пойдет прямо, а Дэвид — налево. Когда вы найдете Мерриама, выстрелите. Если что-то пойдет не так, сделайте два выстрела.

Из центральной огромной пещеры отходило два туннеля. Вскоре фонари двух других ученых исчезли с глаз девушки, когда она и Дэвид Стрэнг вошли в левый проход.

Это был единственный тоннель, пронизывающий сплошную скалу. То и дело он расширялся, превращаясь в крупные пещеры, а потом вновь становился таким же узким, как прежде.

— Мерриам! — позвал Дэвид, пока они шли по тропинке.

— Он мертв, — прошептала Христа. — Эти твари, что схватили рабочих, утащили и его.

Неожиданно Дэвид остановился напротив узкой трещины в скале — вертикальная щель не превышала шириной фута. Дэвид направил луч фонаря в эту расселину.

— Христа, посмотри на пыль в этом месте! Похоже, здесь что-то произошло. А потом кто-то стер всю пыль с дорожек, чтобы скрыть их.

Расселина оказалась настолько узкой, что они едва смогли втиснуться в неё. Но она протянулась очень далеко и привела в огромную темную галерею.

Дэвид провел лучиком фонарика по зазубренным, сверкающим камням. Его глаза округлились от удивления.

— Господи, этот камень...

В этот момент в ноздри Христы ударил острый звериный запах.

— Дэвид! — закричала девушка, но, когда он обернулся, к нему из темноты скользнули волосатые белые фигуры.

Они набросились на него. Фонарь разбился и потух. В темноте Христа слышала звуки борьбы. А потом все стихло.

— Дэвид! — снова закричала она.

Ответа не последовало. Затем в темноте послышались мягкие приближающиеся шаги. А потом чьи-то руки схватили её и прижали к мягкому волосатому, пахнущему землей телу. Но как только она стала сопротивляться, её скрутили по-настоящему.

Христа не могла больше сопротивляться, её тело бессильно обвисло. Как в ночном кошмаре, она поняла, что не сможет вырваться и бежать. Деформированные руки тварей схватили её ещё крепче, разрывая её одежду. Она почувствовала, как с неё срывают шелковую рубашку. Руки ужасного зверя все ещё крепко сжимали её грудь и конечности.

Неожиданно свет залил галерею — свет электрического фонаря, который нес человек, только что пролезший через расселину.

Девушка упала на пол — два волосатых существа, которые держали её, одновременно выпустили её. Несмотря на свое полуобморочное состояние, она увидела сгорбленные, волосатые фигуры. А потом она увидела лицо человека с фонарем и, вздохнув от облегчения, позвала его:

— Сандерс Эндрюс!

Эндрюс скривился и заговорил. И тут Христа усомнилась в собственном здравом рассудке, потому что Эндрюс заговорил с двумя волосатыми подземными обитателями.

— Вы, придурки! Что вы делаете? — прошипел Эндрюс.

Тут одно из волосатых существо ответило. Голос у него был хныкающим голосом мексиканца.

— Эти двое протиснулись в расселину, сеньор Эндрюс. Мы всего лишь оглушили этого парня и собирались сбросить его в пропасть, как вы нам и сказали делать со всеми, кто сюда сунется. Точно так мы поступили и с вашим профессором Мерриамом.

Ошеломленная Христа повнимательнее присмотрелась к мохнатым существам. Это были не чудовища, а всего лишь люди в масках. Негодяи были в костюмах с наклеенными длинными белыми волосами, а кожу посыпали белым порошком. На руках у них были странные перчатки, а на ногах — самодельная обувь. На глазах — огромные стеклянные линзы, которые в темноте выглядели как огромные сияющие глаза.

А потом она узнала эту парочку — это были те два мексиканских рабочих, которые пропали в пещерах неделю назад!

— Быстро! Не тратьте время на болтовню! — распорядился Эндрюс. — Мы должны оттащить Стрэнга и девушку к пропасти и сбросить их туда. Скоро сюда явится доктор Торн... Вы двое займитесь девчонкой, а я разберусь со Стрэнгом! Быстро!

Два замаскированных мексиканца подхватили Христу. Она пыталась бороться, кричать, но так и не смогла ни вырваться, ни закричать, так как ей зажали рот.

Сандерс Эндрюс наклонился, чтобы поднять неподвижного Дэвида Стрэнга. И тут внезапно тот ожил!

Молодой человек нанес молниеносный удар ногами. Эндрюс отлетел к стене. Дэвид бросился на инженера и вырвал пистолет из его руки, а потом резко обернулся. Замаскированные мексиканцы повернулись к нему. Пистолет загрохотал, и один мексиканец упал, а другой сглотнул от страха.

— Дэвид, сзади! — закричала Христа, все ещё лежавшая на полу...

Сандерс Эндрюс, с перекошенным от ненависти лицом, схватил кусок скалы, чтобы разбить череп Стрэнга. Однако, услышав предупреждение, Эндрюс успел уклониться, а потом, обернувшись, выстрелил. Инженер повалился на пол.

Дэвид, все ещё держа в луче света электрического фонаря другого мексиканца, с тревогой наклонился к девушке.

— Христа, с тобой все в порядке? Я пришел в себя, когда Эндрюс пробрался в галерею, но чуть помедлил...

Девушка, всхлипывая, прильнула к нему. Потом она повернулась, так как в разлом пролез доктор Торн. Выглядел он ошеломленным.

— Что тут произошло? — воскликнул он. — Я услышал выстрелы, когда возвращался. А потом я пробрался через эту расселину. — Его глаза чуть не вылезли из орбит, когда он рассмотрел загримированных мексиканцев. — Выходит, подземные обитатели были всего лишь подделкой?

Дэвид кивнул.

— Все это придумал Сандер Эндрюс. Изначально он хотел всего лишь напугать всех нас, прежде чем мы добрались бы до галереи, которую ещё не изучили. Он подгово-

рил двух мексиканских рабочих, которые, как мы считали, исчезли, чтобы те спрятались здесь, а потом использовали эту странную грубую маскировку. А Мерриам, судя по всему,заглянул сюда. Мексиканцы убили его и сбросили в пропасть. А сегодня Эндрюс попросил мексиканцев подняться на поверхность и напугать Христиум в пещеры на поиски Мерриама. Но, когда мы отправились на поиски, ему ничего не оставалось, как пойти с нами. В итоге, если бы им повезло, они убили бы меня и Христу, точно так же как Мерриам.

— Не понимаю! — воскликнул доктор Торн. — Почему Эндрюс решил убить нас, если бы стали использовать эту галерею?

Дэвид Стрэнг провел лучом фонаря по потолку расселины.

— Вот причина, — объявил он.

По темному камню на потолке протянулась широкая сверкающая вена яркого камня, блестевшего в лучах света.

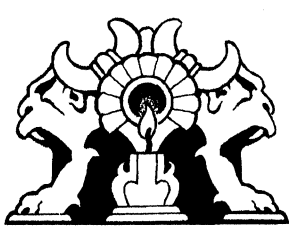
— Это золото! — воскликнул Торн. — Огромная жила золотой руды! Тут денег на многие миллионы.

Дэвид Стрэнг кивнул.

— Эндрюс, должно быть, нашел эту жилу во время одного из посещений пещеры. Он ничего не сказал об этом, потому что знал, что, согласно соглашению, все полезные ископаемые, что мы отыщем, будут принадлежать учреждению, финансировавшему нашу экспедицию. Тогда он решил испугать нас, чтобы мы не нашли эту галерею и не увидели эту золотую жилу. Тогда он смог бы наложить руку на этого золото.

Рука молодого человека крепко обняла девушку за плечи.

— Пойдем, Христа, пора выбираться на поверхность. Пойдем... Я, как и обещал, не оставлю тебя.



ЗВЕРИ, КОТОРЫЕ КОГДА-ТО БЫЛИ ЛЮДЬМИ

— Кто это говорит? — рявкнул Нед Фелтон в телефонную трубку. — Я хочу знать, кто говорит!

В ответ снова раздался голос, который охладил его кровь, когда он в первый раз ответил на звонок. Густой, хриплый, грубый голос, который звучал, словно вой! Он произносил бормочущие звуки, которые звучали, как лай, стоило незнакомцу заговорить чуть быстрее.

Со стороны могло показаться, что какое-то домашнее животное пытается поговорить по телефону. Нед Фелтон долго прислушивался к этому странному, звериному голосу. Постепенно он начал разбирать слова, хотя едва ли эти звуки можно было назвать словами.

— Фелтон! — это было его имя, которое пробормотал нечестивый, похожий на звериный рык голос. — Это Фрэнсис Лесер.

— Фрэсис Лесер? — закричал Нед в трубку. — Боже, парень, что с тобой случилось? Что случилось с твоим голосом?

— Меня изменили, изменили! — прохрипел голос. — Я возвращаюсь назад в звериное состояние! С каждым часом я меняюсь больше и больше! — а затем грубый голос на том конце провода пробормотал: — Позаботься о Руфь и... прощай! Я закончу этот ужас, прежде чем уйду дальше по этой тропинке.

— Фрэнсис! — отчаянно закричал Нед Фелтон в телефонную трубку. — Ради бога, не делай ничего опрометчивого! Подожди, пока мы с твоей сестрой не доберемся до тебя...

Он услышал щелчок телефонного аппарата на другом конце провода.

Нед на мгновение застыл, словно парализованный. Каждый нерв в нем вибрировал от ужаса и шока, а в ушах все

ещё звучал ужасный зверский голос, которым Фрэнсис Лесер говорил с ним...

Фрэнсис был братом любимой девушки! И с ним что-то случилось, что-то ужасное, неземное. Ведь что-то изменило его голос, превратив в звериный рык, и это заставило его покончить с собой.

Нед Фелтон очнулся от своего паралича и бросился к двери своей квартиры. Он должен был всё рассказать Руфь. Если Фрэнсис ещё не совершил самоубийства, возможно, им удалось бы отговорить его. Но им придется поспешить.

От квартиры Фелтона до большого дома, где Руфь Лесер жила со своей тетушкой было не так далеко. Вечерние столпотворение загромоздило улицы города. но Нед гнал свою машину с полным пренебрежением к правилам. И через несколько минут он остановился перед огромным пригородным особняком. Когда он вбежал на крыльцо дома Руфь, он обнаружил, что она подходит к двери, с удивлением глядя на него.

Руфь Лесер казалась почти ребенком из-за своей маленькой фигурки. Однако линии её тела были вовсе не детскими, а изящные изгибы лишь подчеркивал белый спортивный костюм. Её овальное лицо с мягкими чертами, которые оттеняли черные волосы, вытянулось от удивления. Серьезный взгляд её темных взгляд был обеспокоенным.

— Что случилось, Нед? Ты же только что уехал! Что привело тебя назад так быстро?

Фелтон схватил её за руку.

— Руфь, где твой брат? Он все ещё в доме этого ученого на холме?

Руфь Лесер кивнула, пристально глядя на него.

— Да, он... Фрэнсис работал большую часть последних месяцев. Я не видел его три недели.

Нед резко потянул её к двери.

— Мы должны отправиться туда, Руфь. Что-то случилось!

Девушка побледнела.

— Что-то с Фрэнсисом? Нед, что происходит?

— Не знаю... Я знаю только. что происходит что-то ужасное, — с напряжением в голосе произнес он.

Побледнев от тревоги, Руфь Лесер поспешно села в машину Неда. А в следующую минуту они с огромной скоростью

покатили через тихий пригородный район, направляясь в сорону диких лесистых холмов, которые лежали к югу от города. По дороге Нед вкратце рассказал девушке о странном телефонном звонке её брата.

— Что могло так изменить его голос? — поинтересовался Нед Фелтон. — И что он имел в виду, когда сказал: *«Я возвращаюсь назад в звериное состояние»?*

— Он проводил научные эксперименты с доктором Робином, — ответила Руфь. — Вы знаете, Фрэнсис специализировался в области биологии в университете, и вскоре после окончания учебы познакомился с доктором Робином. Ваш брат говорил мне, что доктор Робин был одним из самых блестящих биологов... Несколько месяцев назад Фрэнсис сказал, что доктор Робин начал эксперимент, который изменил бы весь мир, если бы удался. Он сказал, что собирается финансировать доктора и хочет помочь ему и его помощнику Мэттисону провести один эксперимент.

— А какова природа эксперимента? — резко поинтересовался Нед.

Рут нахмурилась, словно пыталась что-то вспомнить.

— Не помню, что Фрэнсис рассказал мне об этом... Я так мало знаю о науке. Но, судя по всему, этот эксперимент очень важный, потому что он потратил большую часть своего наследства на финансирование деятельности доктора Робина... Да, вспомнила! — воскликнула она. — Это было что-то связанное с *атавизмом.* Фрэнсис сказал, что, быть может, они сумеют возродить атавизмы в живых существах.

— Атавизм?

В этот миг Неда Фелтона бросило в холод, словно его обдало холодным душем. Рут с тревогой посмотрела на него.

— Что это значит, Нед?

Отвечая, он попытался говорить совершенно спокойно:

— Это означает изменение курса эволюции, возвращение к примитивным формам жизни, из которых много веков развивались современные формы жизни. Если доктор Робин действительно нашел способ искусственным способом возродить атавизмы у живых существ... Это означает, что в какой-то момент вы сможете повернуть назад часы эволюции. Он говорил, что они смогут возвращать людей в первобытное

состояние. восстановив те утерянные звенья эволюционнной цепи, из которых появился человеческий род!

Темные глаза Руфь Лесер широко распахнулись. Её маленькая рука крепко сжала его рукав, и тогда она пробормотала ужасным шепотом:

— Нед, ты говорил, что голос Фрэсиса звучал, как голос животного, что он что-то сказал о возвращении зверя...

— Нет! — громко воскликнул Фэлтон. — Подобная вещь невозможна. Не думай об этом, Рут.

Но холодок ужаса пополз у Фэлтона по позвоночнику, он напрягся.

Они давно уже покинули городские улицы и за последние полчаса углубились в густые, лесистые, малонаселенные холмы. Черные контуры холмов четко проступали на фоне затянутого облаками ночного неба. И очень редко им попадались освещенные дома. Передние фары чертили большие белые пятна на узкой дороге, покрытой гравием.

Наконец они добрались до узкой грунтовой дороги, отходившей от гравийной дороги, и тут Рут жестом предложила ему повернуть.

— Местечко, где живет доктор Робин, находится примерно в четырех милях от этой грунтовой дороги, — объяснила она. — Я была здесь один раз несколько недель назад с Фрэнсисом.

Дорога проходила параллельно течению небольшого ручья, который бежал по долине между темными длинными холмами. После того как они покинули шоссе, они проехали мимо одного фермерского дома, после чего никаких домов не было... ничего, кроме черных, тихих лесов.

Вязы наклонились опущенными ветвями и зашуршали по крыше машины, когда та проскочила мимо. Глазки маленьких диких тварей наблюдали за ними из глубин темного леса. Пошел дождик — вялый дождичек, капли которого застучали по холщовому верху машины.

Несмотря на очиститель ветрового стекла, Неду Фелтону было трудно что-то разглядеть через туманное стекло. Когда машину едва заметно занесло на повороте, он почувствовал новый прилив страха. Снова и снова в голове его звучали слова: *«Я возвращаюсь назад в звериное состояние!»*

Руфь неожиданно ткнула пальцем куда-то вперед. Автомобиль прогрохотал по шаткому деревянному мосту, и его снова занесло. В сотне ярдов от них светились желтые окна.

Это было аккуратное современное бунгало построенное чуть выше дороги на склоне холма. За ним виднелось несколько небольших зданий, которые, по-видимому ,предназначались для содержания животных. Короткая аллея вела от грунтовой дороги в бунгало.

Нэд остановил машину возле дома и выпрыгнул. Когда Руфь последовала за ним, он обнял её, положив руку ей на плечо.

— Лучше подожди здесь, Руфь, — срочно сказал он. — Пока я тут осмотрюсь...

Её лицо было белым, как мел, но она покачала головой.

— Я пойду с тобой, Нед. Я... Я не могу этого вынести, что бы ни случилось.

Они поднялись на крыльцо бунгало. Входная дверь была широко открыта, но изнутри не было слышно ни звука.

Нед опередил девушку, первым шагнув в освещенную гостиную. Потом он остановился, и из горла его непроизвольно вырвался крик.

На полу гостиной, в углу у телефона лежала невероятная тварь. Это была обезьяна размером со взрослого человека в мужской одежде. На волосатом теле обезьяны была куртка, брюки, рубашка, носки и туфли. И вся эта одежда казалась слишком маленькой для этого существа. Круглая волосатая голова торчала из ворота рубашки. Но лицо, или точнее морда существа, выглядело просто ужасно: глаза твари были открыты, а большие белые клыки наполовину высунулись между губами. В виске обезьяны была дыра, а длинные пальцы сжимали револьвер.

Нэд Фелтон инстинктивно прижал к себе Руфь и почувствовал, как она содрогнулась.

Единственное, что ему удалось произнести:

— Это... возможно, какая-то обезьяна, которую доктор Робин держал здесь для экспериментальных целей. Она убила себя, играя револьвером.

— Нед, это одежда Фрэнсиса! — дрожа воскликнула девушка. — Это существо, должно быть...

— Это не может быть Фрэсис, — пробормотал он. — Это невозможно! Никто на земле не мог бы вернуться назад по лестнице эволюции, превратить человека обратно в обезьяну.

И тут в голове у него мелькнула мысль: «Я докажу тебе, что это не Фрэнсис! — воскликнул он. — У Фрэнсиса на левой руке не хватало мизинца. Он потерял его во время несчастного случая ещё в колледже...»

Руфь склонилась над телом мертвой обезьяны и подняла левую руку.

Фелтон и Руфь вместе уставились на руку мертвой обезьяны. Мизинца не было.

— Это — Фрэнсис! — с ужасом воскликнула Руфь. — Он убил себя, потому что превратился в это существо.

— Атавизм... возвращение зверя, — хрипло прошептал Фелтон. — Боже мой, как это могло быть сделано? Как такое могло случиться с Фрэнсисом? А где доктор Робин и его помощник Мэттисон?

Он обнял Руфь. Его рука погладила её темные волосы. И все это время он не сводил взгляда с этой ужасной пародии на человека, которая лежала на полу. А потом взгляд Неда упал на объект в другом углу комнаты — большую металлическую коробку с кварцевой линзой, соединенную проводкой с батареями и трансформаторами. Позади этого странного устройства в стене была дверь, висевшая на разбитых петлях.

Нед подбежал к двери. У неё был большой деревянный засов, но сейчас он был сломан, словно кто-то сломал его ударом изнутри.

— Руфь, кто-то был заперт в этой комнате! — воскликнул он. — И этот кто-то вырвался!

— Нед!

Она повернулась и в ужасе уставилась на открытую дверь, которая выходила на крыльцо.

В двери сгорбившись стоял человек. Но Неду Фелтону он показался каким-то странным...

Лицо существа, тихо рычащего на них, казалось зверским. Он ощетинился короткими волосами, его нижняя челюсть далеко выступала вперед, толстые губы хорошо очерчивали острые зубы. Глаза странного существа пылали зеленым огнем, слово глаза плотоядного хищника.

Длинные, как у обезьяны, руки существа свисали почти до пола. Несмотря на то, что он был одет в человеческую одежду, он выглядел как недочеловек, как создание времен рассвета человечества, явившееся из далеких, неведомых веков.

Руфь Лесер, парализованная видом этого существа, прошептала:

— Похоже, это Мэтиссон. Но он изменился...

Пылающие глаза твари уставились на девушку, и потом тварь самым ужасным образом расхохоталась.

— Да, я изменился. Изменился! — с трудом произнесло создание. Говорил он медленно, словно ему тяжело было складывать слова. — Когда-то я был Мэттисоном. Я помню...

Внезапно он замолчал. Его пылающий взгляд замер на девушке, пожирая взглядом изящные формы девушки, которые рельефно проступали сквозь белый шелковый костюм.

— Женщина! — пробормотало создание, которое когда-то было Мэттисоном. — Много времени прошло с тех пор, как женщина побывала тут в последний раз...

Существо направилась вперед к девушке. Щетинистое лицо твари подергивалось от внезапной страсти. Нед Фелтон бросился вперед между ними, занеся кулак для удара. Одним легким движением обезьяноподобное существо отшвырнуло Неда к стене! Чудовище нависло над девушкой.

Фелтон услышал крик Руфь. Вскочив на ноги, он с яростью бросился на существо, вырвал свою возлюбленную и обрушил поток ударов на отвратительную голову твари.

Взревев в дикой ярости, зверь, который когда-то был Мэттисоном, вцепился длинными, обезьяноподобными пальцами в горло Неда. Пальцы сжались, словно стальные ленты, пытаясь задушить. Сдавив шею Неда. существо бормотало какие-то странные, бессвязные слова. Мир для Неда потемнел. Он тщетно трясся в удушающих руках. Он снова услышал, как Руфь Лесер закричала, а затем рев твари стал оглушительным, поглотив все остальное, когда сознание оставило его...

Когда Нед пришел в себя, голова у него сильно болела, а горло сводило от спазмов. Кто-то помог ему сесть, пытясь привести его в себя.

Это был седой мужчина лет пятидесяти с сильным, мудрым лицом. Но сейчас его лицо скривилось от ужаса.

— Я — доктор Робин, — обратился он к Неду. — Кто ты, и что во имя Бога происходит здесь?

Нед попытался оглядеть комнату. Человекозверь и его возлюбленная исчезли. Переполненный чувствами Нед схватил за руку ученого.

— Руфь! — вскликнул он. — Это существо унесло её... Эта полуобезьяна, которая была Мэттисоном!

— Мэттисон! — воскликнул доктор Робин, побледнев. — Боже мой! Я охотился на него несколько часов, — продолжал ученый. — Днем он вырвался из своей комнаты. Я искал его в лесу. Он, должно быть, вернулся в дом.

— Но Фрэнсис! — воскликнул доктор Робин, побледнев. — Где он...

И тут взгляд ученого остановился на мертвой обезьяне в человеческой одежде. Он напрягся. Потом он подошел к волосатому телу и наклонился над ним. Слезы навернулись у него на глаза.

— Фрэнсис покончил с собой, — пробормотал он. — Никогда не думал, что он так поступит, когда оставил его здесь одного. Но последние несколько дней он все время пытался застрелиться. Хотя, может быть, это и к лучшему.

— Значит, эта обезьяна — Фрэнсис Лесер? — воскликнул Нед Фелтон. — Вы изменили его, точно так же, как изменили Мэттисона?

Робин покачал головой.

— Я не изменял Фрэнсиса... Он сделал это сам. Но, простите меня, вина за все случившееся все равно на мне. — Потом он неуверенно указал на странный аппарат с кварцевой линзой. — Это сделал этот аппарат — проектор, который генерирует луч, индуцирующий атавистические изменения в любом живом существе, на которое направлен. Этот луч отвергает ход эволюции, он возвращает обратно в прошлое любые создания, которые попадают в радиус действия луча. Я провел месяцы, совершенствуя этот проектор с помощью Мэттисона и Фрэнсиса. Я закончил аппарат несколько недель назад. Мы провели эксперимент с участием Мэттисона. Даже кратковременное воздействие луча перенесло Мэттисона на десять тысяч лет назад в эволюционном развитии! Он стал таким, какими были люди давным-давно. Его разум изменился точно так же, как

тело, у него остались лишь фрагменты прежних знаний. Мы вынуждены были запереть его ради нашей собственной безопасности. — Руки Робина затряслись, когда ужасные воспоминании вновь нахлынули. — Я был в ужасе, но Фрэнсис хотел продолжать эксперименты. Он хотел узнать все и вся. Однажды, когда я был в отъезде, он направил луч на два или три часа на себя. Когда я вернулся, то обнаружил, что Фрэнсис превратился в обезьяну! Он стал таким, как вы сейчас видите! Его отшвырнуло на миллионы лет назад по эволюционной лестнице в состояние, которое предшествовало человеческому. Однако он все ещё был достаточно разумен, чтобы понять ужас своего состояния. Он хотел убить себя, но я попытался уговорить его не спешить, пообещав, что попробую собрать машину, которая совершила бы обратное преобразование. Сегодня вечером, когда Мэттисон убежал, я отправился на его поиски. И Фрэнсис, должно быть, воспользовался этой возможностью, чтобы все это закончить. — Робин с сожалением посмотрел на мертвую волосатую обезьяну в мужской одежде. — Это был Фрэнсис Лесер... Вот что бывает, если вмешиваешься в тайны природы.

— Но Руфь!.. — с ужасом воскликнул Нед. — Этот Мэттисон, должно быть, утащил её куда-то в лес!

— Боже... помоги ей! — выдохнул ученый. — По разуму Мэттисон словно обезьяна. Мы должны найти её... и должны действовать быстро!

Он достал фонарь из ящика стола и сунул его Неду Фелтону.

— Вот фонарик, у меня только один пистолет, но у вас, я вижу, есть свой, — пробормотал он.

Они вышли во тьму, где все ещё моросил дождь. В темном лесу вокруг бунгало царила мертвая тишина.

— Вы отправитесь на поиски на север от дома, а я взгляну на юге! — воскликнул Нед. — Если вы увидите его, стреляйте!

Фелтон нырнул в заросли, высвечивая что-то впереди. Он пробрался через подлесок, обошел груду бревен и поваленных стволов больших дубов, отчаянно пытаясь найти хоть какой-то след.

Его мысли неслись кувырком, когда он думал о Руфь — маленькой улыбающейся девушке, которую он любил. А теперь ещё утащила куда-то вглубь этого черного леса гигантская

обезьяна, которая некогда была Мэттисоном. Но ныне он превратился в низшее существо — образец мертвого прошлого рода человеческого.

Нед то и дело звал Руфь. Голос его звучал громко, но вибрировал от избытка эмоций. Но не было никакого ответа на его крики, только тихий шорох дождевых капель по куполу листьев у него над головой.

Неожиданно Фелтон заметил полузатертый след. Он принялся отчаянно озираться... Судя по всему, кого-то протащили по земле, при этом ноги жертвы сокрушили мелкие сорняки и повредили мох. Сердце Неда учащенно забилось, и он поспешил по едва различимой тропе. Вскоре Нед понял, что след ведет к крутому обрыву у западного края долины. Через несколько минут он привел Неда к вертикальному скалистому склону холма.

Остановившись, Нед начал недоуменно оглядываться, а потом заметил черное отверстие входа в пещеру, откуда вытекала тонкая струйка воды. Нед Фелтон бросился в пещеру, подсвечивая себе фонариком. Он словно чувствовал, что внутри пещеры его ожидает что-то ужасное. Каждый мускул его тела был готов к рывку.

— Руфь! — закричал он, и эхо громко пронеслось по пещере. — Руфь!..

Через пару минут Нед вышел из пещеры. Лицо его было белым как мел. Он не нашел в пещере ни Мэттисона, ни девушку, но во время поисков в пещере услышал пистолетный выстрел, который донесся откуда-то с севера!

— Робин, я иду! — закричал он и снова бросился в лесную чащу.

Он устремился на север, ломясь напрямую через кусты, не обращая внимания на колючки, которые рвали его одежду, и ветви, которые порой сильно хлестали его по телу и лицу. Больше никаких выстрелов не было. Однако через несколько минут через заросли деревьев Нед увидел свет. Он рванулся в том направлении и вскоре оказался среди больших темных деревьев на краю огромной поляны. Тут он остановился, на мгновение парализованный увиденным.

Доктор Робин лежал у подножия дерева, он едва двигался и стонал, как будто его швырнули туда с непреодолимой силой.

Его пистолет и фонарик упали на землю, но фонарик не потух. Именно его луч высветил чудовищную сцену, открывшуюся Неду: почти в центре поляны волосатое обезьяноподобное существо, которое когда-то было Мэттисоном. Сейчас тварь отвернулась от ученого и наклонилась над неподвижной девушкой, распластавшейся на земле. Это была обезумевшая от ужаса Руфь Лесер. Её нежное лицо напоминало маску, а шелковый костюм был разорван в лохмотья шипами, когда её тащили через заросли. Её крепкие шелковые чулки оказались тоже разодраны, а белые колени и бедра, которые были видны через дыры, оказались покрыты глубокими кровавыми царапинами от колючек ежевики.

Её чудовищный похититель наклонился над ней, пытаясь сорвать с неё остатки одежды. А потом ему неожиданно удалось задуманное. Еще мгновение — и маленькое исцарапанное тело Руфь, едва прикрытое двумя полосками шелка, оказалось в объятиях ужасной обезьяны. Пылающие глаза существа со злорадством пожирали взглядом тело девушки. Потом, совершенно неожиданно, чудовище развернулась. Нед Фелтон бросился к пистолету, лежавшему на земле, забыв о том, что был у него в кармане!

С невероятной быстротой чудовище отшвырнуло девушку и метнулось к Фелтону. Пальцы Неда уже было коснулись рукоятки пистолета, но его схватили и отшвырнули в сторону.

Снова горящие глаза уставились на него, а стальные пальцы человека-обезьяны впились в его горло, но в этот раз Неду удалось подтянуть колено к груди, а потом, распрямив ногу, он отшвырнул противника.

С хриплым, животным хрюканьем чудовище отлетело в сторону. Нед вскочил на ноги и со всего маху врезал кулаком по волосатому лицу, вложив в этот удар всю свою силу. Кости и хрящи хрустнули. Сверкающие глаза странного существа моргнули, но тварь удержалась на ногах. Его нечеловеческое лицо теперь оказалось окровавленным и от этого стало ещё более ужасным. Однако, вместо того чтобы нанести ещё один удар, Нет бросил быстрый взгляд на окровавленную морду чудовища, а потом нырнул за пистолетом.

Но прежде чем он дотянулся до оружия, существо ока-

залось на нем, прижав его лицом к земле. Рука твари вновь сжала шею Неда, и тот почувствовал, как зубы чудовища впились ему в затылок.

Выбросив вперед руку, Нед коснулся чего-то холодного и жесткого, инстинктивно сжав пальцы. Это был камень, по размеру много больше, чем его кулак. Ощущение камня в руке придало ему импульс для последнего отчаянного усилия. Он резко подтянул руку назад, а затем ударил камнем со всего маху, целя в голову существа. От звука удара по черепу чудовища-Мэттисона у Неда аж в ушах зазвенело. Хватка твари на горле Неда неожиданно ослабла.

Фелтон, шатаясь, сумел вылезти из-под тела обезьяны. Он достал пистолет, но увидел, что тот уже не нужен... зверь, который некогда был Мэттисоном, потерял сознание. Доктор Робин был ошеломлен, но Нед нагнулся над Руфь Лесер.

— Она не пострадала! — воскликнул ученый. — Я нашел Мэттисона с ней, но он оказался слишком ловким для меня. Я выстрелил, но промазал. Он сбил меня с ног, прежде чем я смог сделать второй выстрел...

— Я свяжу его, чтобы убедиться, что он не уйдет, — объявил Нед. — А потом мы отнесем Рут в дом.

Потребовалось всего несколько минут, чтобы крепко связать чудовищную тварь, которая некогда была человеком. Для этого Нед использовал свой собственный ремень и полосы ткани, вырванные из подкладки одежды ужасной обезьяны.

Потом вместе с трясущимся ученым Нед перетащил Руфь, которая все ещё оставалась без сознания, к бунгало.

Когда они вошли в дом и положили Рут на диван, она постепенно стала оживать. Её темные глаза с удивлением уставились в небо, а потом она протянула к Неду свои дрожащие руки:

— Дорогой!

Он обнял её и стал утешать:

— Всё в порядке, Руфь. Мы его надежно связали.

— Но... Фрэнсис! — всхлипнула она.

— Фрэнсис мертв, и ничто не сможет его нам вернуть, — словно вмиг отрезвев, объяснил Нед.

— Если бы он умер достойно... а вот так в облике обезьяны, — задохнулась она, не отводя взгляда от отвратительно

мертвой обезьяны в углу. — Это ужасно — умереть диким животным...

— Никто никогда не узнает, — успокоил Нед девушку. — Я подпишу свидетельство о смерти как свидетель... И мы сможем похоронить его, не позволив никому увидеть его тело.

Тем временем ученый подошел к устройству с кварцевой линзой.

— А что касается этого дьявольского творения, которое превратило Фрэнсиса в обезьяну... Мэттисона сделало опасным для общества, я уничтожу его здесь и сейчас, чтобы этот ужас никогда не повторился.

Робин поднял тяжелый засов, который лежал в углу, собираясь разбить громоздкий проектор. Однако голос Неда остановил его.

— Не делайте этого!

Родин обернулся. Его глаза выпучились от изумления, когда он увидел, что Нед навел на него пистолет.

— Что... Что вы хотите этим сказать? — застыл ученый. — Это вещь должна быть разбита, прежде чем превратит ещё кого-то в зверя, вроде Фрэнсиса.

— Фрэнсис никогда не превращался в обезьяну, — объявил Нед, и взгляд его при этом был переполнен уверенности.

— Но там в углу тело! Вы же видите! — воскликнул Робин.

— Нет, это не тело Фрэнсиса, — объявил Фелтон. — Это, должно быть, та самая гигантская обезьяна, которую вы держали тут для экспериментов. Вы специально одели её в одежду Фрэнсиса, а потом застрелили, вложив пистолет в мертвую руку. Вы даже отрезали один из пальцев обезьяны, чтобы мы поверили в то, что это тело Фрэнсиса. А на самом деле тела Фрэнсиса здесь нет. Вы его оставили в пещере в полумиле отсюда. Я нашел тропу, по которой вы протащили тело. А потом я нашел тело в пещере, и это разбило мое сердце. Полагаю, вы хотели полностью избавиться от него, а потом просто на время спрятали там тело.

Доктор Робин хотел было что-то сказать. Его губы двигались, но он не мог произнести ни одного членораздельного слова. Руфь с удивением уставилась на Фелтона.

— Нед... Это правда? Там, в углу, не Фрэнсис?

— Это правда, — подтвердил Нед. — И так же верно, как и то, что вашего брата убил доктор Робин. Достаточно легко понять, почему он это сделал. Фрэнсис передал доктору Робину очень большие суммы, почти все свое наследство, финансируя безумные эксперименты, которые были сплошной профанацией. Все это доктор Робин придумал для того, чтобы обмануть вашего брата... Ни одно живое существо не сможет спуститься назад по лестнице эволюции. Должно быть, недавно Фрэнсис обнаружил обман и потребовал бухгалтерского отчета. Вы убили его, чтобы избежать тюрьмы, не так ли, доктор Робин? Вы убили его, а потом эту обезьяну, переодели обезьяну в его одежду и вызвали меня поддельным голосом, полагая, что если Руфь уверится, что её брат умер, превратившись в обезьяну, то она сама решит замять это дело, и не будет никакого расследования... Фрэнсис, должно быть, недавно обнаружил подделку. Кстати, превращение Мэттисона в плачено деформированного безумца — тоже часть этой игры, не так ли? — добавил Фелтон. — Так все и было?

Лицо доктора Робина вмиг стало скучным, старым и серым. Он посмотрел на свои руки, покрутил тяжелое кольцо на пальце и ответил мертвенным голосом:

— В течение нескольких недель я добавлял в пищу Мэттисона определенные добавки... Если вы нарушите функционирование щитовидной железы и гипофиза, человек изменится как физически, так и умственно. У него разовьются акромегалия, кретинизм и появятся черты, больше присущие животному, чем человеку. Вот и все, что я сделал с Мэттисоном, после чего я сказал Фрэнсису, что всему виной эффект воздействия моего луча. Фрэнсис застукал меня, когда я подкладывал наркотики в еду Мэттисону. Он пригрозил вывести меня на чистую воду, и мне пришлось убить его. А Мэттисон удрал из дома, тем самым предоставив мне алиби...

Неожиданно доктор Робин замолчал и соскользнул на пол. Он неподвижно замер на полу. Не понимая в чем дело, Фелтон бросился к нему. Он обнаружил на руке доктора фиолетовое пятно, которое расползалось от маленькой раны — царапины под тяжелым кольцом, которое крутил на пальце профессор.

— Ядовитое кольцо! Когда доктор Робин понял, что его вот-вот поймают, он использовал яд! — воскликнул он.

После он вернулся к Руфь Лесер, накинул ей на плечи свое пальто и помог подняться.

— Нам надо ехать отсюда, Руфь. Пусть полиция займется этим делом, изучит тело Мэттисона, а я отправлюсь за телом Фрэнсиса. Как мы и боялись, он умер, но... умер человеком!

ДЕТИ СТРАХА

Звук снова прокатился по ночному лесу — зловещий, напоминающий вой волка, вышедшего на тропу войны. Но было в этом звуке нечто странное, поразившее меня, какая-то особенность, отличающая его от крика какого-либо другого животного.

Неожиданно я осознал, что моя невеста прижимается ко мне. Я повернулся. Вирджиния Кинг уставилась в холодную, лунную ночь, и её прекрасное лицо напряглось, а во взгляде её темных глазах читался страх.

— Пол, этот вой, — прошептала она. — Такой странный. Он меня пугает...

Я крепко взял её за руку и наигранно рассмеялся.

— Это всего лишь собака фермера, бегающая по лесу, — объяснил я ей. — Ты, неизлечимая обитательница Нью-Йорка, все время стремишься найти волков здесь, в лесах Пенсильвании.

Вирджиния с опаской взглянула на темную, заброшенную маленькую загородную станцию, на которой мы вылезли из поезда. Это была просто платформа с флагом, без какого-либо здания. Потом я увидел, что Вирджиния ещё больше испугалась, когда тишина оказалась снова нарушена. Вновь сквозь мрачный холод темных дубовых лесов до нас донесся яростный вой, который мы уже слышали. А потом он неожиданно оборвался взрывом рыков и визгов.

— Вирджиния, ты и в самом деле вся дрожишь! — воскликнул я, чувствуя, как дрожат её руки в моих.

Я обнял её и привлек к себе. Шуба соскользнула с её плеч, и она всем телом прижалась ко мне, отчаянно цепляясь за меня. Аромат её темных волос ударил мне в ноздри, когда я поцеловал её мягкие губы.

— Пол, неужели нам придется идти через этот лес, чтобы добраться до твоего старого дома? — спросила она.

— Тут идти всего две мили, — ответил я ей. Если бы доктор Блейн получил мою телеграмму, он бы несомненно прислал кого-нибудь, чтобы встретить нас, но раз так вышло, нам придется добираться туда самостоятельно.

— Мне хотелось бы... Хотелось бы, чтобы мы приехали сюда днем, — продолжала она и тут же добавила: — Я, наверное, кажусь тебе такой глупой... Конечно, мы можем и прогуляться...

— Тебе тут понравится, Вирджиния, — с нетерпением заверил я её. — Доктор Блейн — лучший опекун для кучи сирот. Уже несколько лет как я перестал нуждаться в опеке, и с тех пор Роджер, Ли и Марта — мои братья и сестра, должно быть, выросли. Господи, скоро Марте будет семнадцать! — а потом я быстро добавил: — Но, если тебе тут не понравится, ты сможешь уехать в любой момент. Однако я обещал доктору Блейну непременно перед тем как пожениться, заехать домой. Кроме того, я хотел бы увидеть их всех, прежде чем мы поженимся... Меня ведь не было дома четыре года.

Мы спустились с платформы на залитую лунным светом отвратительную грунтовую дорогу. В одной руке я нес две наши сумки, в другой — держал руку Вирджинии в перчатке, и она при этом делала невероятные усилия, чтобы не споткнуться, попав ножкой в колею...

Эти темные, мрачные западные леса Пенсильвании были совершенно своеобразным миром. Раньше Вирджиния не видела ничего подобного. Но эти леса были моим домом. Изможденные деревья вытянули к небу тонкие ветви. В лунном свете они больше всего напоминали руки скелетов. Холодный воздух был пропитан запахом гниющих листьев. А черные холмы... Но я любил эти края.

Однако когда мы прошли уже почти милю, где-то неподалеку кто-то истошно завопил. Я почувствовал, как дрожат пальцы Вирджинии, когда крики стали приближаться.

— Пол, что бы это ни было... Тут что-то не так...

— Подожди минутку, дорогая, — попросил её я.

Я поставил сумки на дорогу и, подойдя к обочине дороги, подобрал короткую толстую дубину. Вес этой дубины в руке успокаивал. Вооружившись подобным образом, я вернулся к своей невесте.

— С дубинкой я легко справлюсь с любой бродячей собакой, если она решится напасть на нас, — проворчал я и наклонился, чтобы снова взять сумки, когда крик ужаса моей спутницы разорвал ночь.

— Пол!

Я резко обернулся. Из-за поворота дороги, хорошо различимая в лунном свете, выскочила поистине чудовищная фигура. Это был человек, бегущий на четвереньках. Он приблизился к нам, остановился, уставился на нас пылающими глазами, потом поднял лицо к лунному свету и взвыл по-волчьи. Закончив завывать, тварь что-то надрывно прорычала и медленно направилась к нам, все ещё оставаясь на четвереньках, тяжело дыша. Судя по всему, этот безумный собирался напасть на нас.

— Этот человек... — захлебываясь, закричала Вирджиния, но я перебил её.

— Держись позади меня, Вирджиния. Кажется, он и в самом деле собирается напасть.

Тварь, пригибаясь, приблизилась к нам. Я поднял дубину, спрятав любимую девушку у себя за спиной. Похоже, человек, изображавший из себя волка, собирался прыгнуть.

А потом все произошло совершенно неожиданно. Оказалось, это странное существо держало в руке кролика, и тот вырвался и помчался поперек дороги. Человек-волк прыгнул, но не на меня, а следом за убегающим кроликом. В этот миг я отлично разглядел лицо мужчины, он был всего в нескольких футах от меня. И тогда меня окатила волна ужаса. Этот человек, пылающими глазами, который помчался за свой добычей, был ни кем иным, как моим младшим братом Ли Рэндалом.

— Ли! — хрипло закричал я вслед человеку-волку, но тот не остановился. Он помчался следом за убегающим кроликом. А потом мы услышали, как завизжал кролик, захрустели кости. Мой брат сел на корточки. Стал рвать зубами и руками свою добычу.

Вирджиния едва не упала в обморок от ужаса. Каким-то образом мне хватило выдержки сохранить присутствие духа. Я решил не задерживаясь отправиться дальше. Вот только Вирджиния... Мне приходилось чуть ли не нести её.

— Быстрее, Вирджиния! До дома ещё далеко.

Мы повернули, следуя по дороге, и потеряли из виду безумца, однако он напомнил о себе, ужасно взвыв. И тут впереди сверкнул желтый огонек.

— Это дом! Постарайся идти чуть быстрее. Дорогая, осталось совсем немного.

Мы брели вперед, спотыкаясь, но теперь и я оказался во власти страха. Что тут произошло за те четыре года, что я отсутствовал? Что превратило моего брата Ли в этого безумца?

Мой брат снова взвыл. А потом раздался треск веток, словно Ли решил отправиться в лесную чащу в поисках новой добычи... Боже, этого не могло быть! Не могло!

Затем, спотыкаясь по разбитым ступеням, мы поднялись на крыльцо старого кирпичного дома. Одной рукой я помогал Вирджинии, которая держалась из последних сил, стараясь не потерять сознание, а другой я отчаянно колотил в дверь.

— Доктор Блейн! Откройте!

Дверь открылась. В знакомом полуосвещенном зале нас встретила темноволосая молодая девушка. Это была Марта — моя сестра. Я замер, остановился, уставившись на неё.

Боже, она тоже изменилась! Её стройное тело выгнулось с кошачьей грацией. Её черные глаза засверкали, как у огромной удивленной кошки. Разглядев, кто перед ней, она едва не бросилась на нас, а с губ её сорвался шипящий кошачий рык.

Я, обалдев, уставился на неё. В зал вошел грубый, большой могучий молодой человек — другой мой брат, Роджер. Вернее, это когда-то был мой брат Роджер.

Он тоже походил на зверя, но совершенно иного, чем Ли или Марта. Его голова свисала ниже его сутулых плеч. Он остановился, слегка покачиваясь, уставившись на нас ничего не понимающим взглядом, в котором не было и намека на человеческий интеллект.

Неожиданно мой брат опустился на четвереньки и подбежал к нам. Теперь он больше всего походил на гигантского мастиффа. Когда он подошел к Марте, та снова зарычала, и рука дернулась, словно кошачья лапа, оставив царапину на его щеке. Я увидел, как вдоль царапины проступила кровь, и услышал рев, вырвавшийся из пасти моего брата, когда

он повернулся к сестре. Теперь он и в самом деле напоминал огромного сердитого пса. Мне показалось, ещё чуть-чуть — и я сойду с ума от ужаса. Думаю, я мог бы даже повернуться и сбежать, бросив свою полуобморочную невесту, если бы в этот миг в зале не появился сам доктор Блейн. Его лицо от напряжения аж посерело, во взгляде читалось беспокойство. Он сразу подбежал к нам.

— Пол, мой мальчик! — воскликнул он. — Боже мой, я не ожидал тебя нынче вечером!

Я неуверенно указал на двух существ, которые некогда были моим братом и сестрой:

— Доктор, что... — я так и не смог закончить фразу, слова комом застряли у меня в горле.

Он повернулся и приказал моим брату и сестре высоким, хорошо поставленным голосом:

— Назад! На место!

Они какое-то время смотрели то на него, то на нас, словно раздумывая, стоит ли выполнять его команду. Затем Марта, опустившись на четвереньки, бросилась в дверь, словно огромная кошка. Роджер, ступая медленно и тяжело, направился следом за ней. Когда же мой бывший опекун повернулся ко мне, выглядел он печальным, как человек, перенесший ужасное несчастье.

— Пол, если бы я знал, что ты приедешь, я бы познакомил тебя... но кто это с тобой? — неожиданно спросил он.

— Это моя невеста, — ответил я, с трудом пытаясь взять себя в руки. Если честно, я очень беспокоился за Вирджинию. — Помогите привести её в чувство, доктор.

— Так это и в самом деле твоя невеста? — повторил он шепотом, уставившись на девушку, которая все ещё буквально висела у меня на руке, глядя в пустоту широко раскрытыми, неподвижными глазами.

— Да, я планировал удивить вас, заехав сюда вместе с ней, чтобы получить ваше благословление, как и обещал, — объяснил я. — Но она увидела Ли... Помогите мне с ней!

Он помог мне отвести мою невесту в мягко освещенную гостиную и уложить на диван. Я расстегнул шубу Вирджинии, сбросил рукой маленькую шляпку. Она была очень бледна...

— Дорогая, с тобой все в порядке? — обратился я к ней, когда она начала оживать.

Взгляд у неё был пустым, словно она никак не могла вспомнить, что же случилось, а потом она схватила меня за руку.

— Пол, эта тварь в лесу...

— Все в порядке, дорогая, ты здесь в полной безопасности, — повторил я. — Просто ложись и отдыхай.

Она закрыла глаза. Я выпрямился и повернулся к доктору Блейну. Тот все ещё смотрел на Вирджинию, и лицо его по-прежнему кривилось, словно он и в самом деле испытывал сильные внутренние страдания. Он медленно повернулся ко мне.

— Говорите, что встретили Ли?

— Мы встретили существо, которое напоминало Ли! — хрипло воскликнул я. — Боже мой, доктор, что произошло с моим братом и сестрой? Они похожи на животных!

Руки Блейна дрожали.

— Пол, я все объясню. То что случилось с ними в последние месяцы, — настоящий ужас. И я не могу ничего поделать. Здесь развергся настоящий ад, и все становится все хуже и хуже.

— Но, ради бога, что тут происходит? — воскликнул я.

Он взял меня за руку дрожащими пальцами.

— Не могу рассказать тебе здесь. Вернемся в лабораторию.

Но в последний момент я остановился, глядя на Вирджинию. Её глаза все ещё были полузакрыты.

— Она задремала, — заметил доктор Блейн. — С ней все будет в порядке. Пойдем в лабораторию, и я смогу все объяснить.

Я позволил ему отвести меня в заднюю часть дома. Мой разум был словно заморожен. Я оцепенел, словно уснул... Вскоре мы вошли в ярко освещенную лабораторию. Беспомощным взглядом я обвел большую комнату с микроскопами, колбами и горелками, знакомыми мне с детства. Биологическая мастерская, о которой я почти не вспоминал все эти годы. Тут работали мой отец Карл Рэндал и доктор Блейн несколько лет назад.

Механически я опустился в кресло, и мой бывший опекун устроился напротив меня.

— Что случилось с моими братом и сестрой? — повторил я. — Вы сказали, что все началось несколько месяцев назад?

Доктор Блейн кивнул.

— Да, это началось четыре месяца назад. Но сначала я должен сказать тебе, Пол: Ли, Роджер и Марта вовсе не твои братья и сестра. Они не имеют к тебе никакого отношения.

С удивлением я уставился на доктора.

— Что вы такое говорите? Вы же всегда говорили нам, что все мы четверо — дети доктора Рэндала. И мой отец оставил всем нам деньги в равных долях.

— Да знаю я... знаю... — с надрывом произнес он. — Это твой отец хотел, чтобы их знали, как его детей. Но это не так.

— Тогда чьи же они дети? — спросил я.

Тонкие пальцы доктора Блейна сжались, и он отвел взгляд, когда все же попытался ответить на мой вопрос.

— Пол, они изначально были не детьми людей, а детьми животных.

Я вскочил на ноги.

— Боже Всемогущий, доктор, да вы сошли с ума!

— Это все научные эксперименты, — пробормотал он, глядя в пустоту. — Доктор Рэндал проводил их, и Ли, Роджер и Марта — их ужасный результат.

— Но они люди! — воскликнул я. — Как они могут быть детьми животных?

Тут закрыл лицо руками и посмотрел на меня, и глаза его были переполнены ужасом.

— Пол, мы сделали это, ваш отец и я. Это был биологический эксперимент, эпохальный, как мы думали. Нечестивый, кощунственный... Но это я понял только теперь, когда стало уже слишком поздно... — Он выдержал долгую паузу, а когда снова заговорил, губы его предательски дрожали. — Пол, есть время в жизни каждого животного, скажем, волка, когда он ещё не сформировавшееся существо, а неразвитая клетка-эмбрион. И развиваться он может в совершенно разные стороны, в любую телесную форму, но наследственные факторы заставляют его развиваться как волка... Однако, предположим, что мы не позволим этой клетке развиваться естественным образом. Предположим, вы поместите её в инкубатор и станете контролировать её развитие, заставляя развиваться так, как вам угодно, а не так, как предписано природой. Тогда, если вы обладаете достаточными знаниями,

вы сможете превратить эмбрион волка в эмбрион собаки, или эмбрион пантеры, свиньи или даже человеческого существа!.. Лет двадцать назад, Пол, мы провели очень рискованный эксперимент. Твой отец, доктор Рэндал, был величайшим эмбриологом в мире, и я... бог видит, я не хвастаю, был почти таким же великим. Мы решили разместить эмбрионы различных животных в искусственных инкубаторах и стали контролировать их развитие так, чтобы они превратились в людей... Мы взяли три клетки — одну от мастиффа, одну от волка и одну от леопарда. Мы выращивали их в отдельных инкубаторах, наблюдали за ними, контролировали их рост. Деформировали жизненный материал согласно своей воле! Вот так мы и получили трех человеческих младенцев — Роджера, Ли и Марту. Роджер — из клетки мастиффа, Ли — от волка, и Марту — от леопарда, — тут голос доктора Блейна смолк. Словно он окончательно сдулся, сам потрясенный собственным рассказом. — Рэндел воспитывал этих троих новорожденных, как младших братьев и сестру своего единственного маленького сына. Он дал им свою фамилию, потому что и он, и я... мы оба чувствовали, что совершили что-то противоестественное, противное самой Природе. Прежде чем Рендал умер, он сказал мне: «Мы никогда не должны были позволять этим животным прибрести человеческую форму. Это был грех против Природы. Тем не менее я дам им своё имя и оставлю им равные доли с моим сыном в моем наследстве. Ничего никогда не рассказывай им, но не позволь им жениться на обыкновенных людях...» Это было лет двадцать назад, — продолжал Блейн. — Один Бог знает, что я никогда не повторял эксперимент после смерти господина Рэндала. Я принял Роджера, Ли или Марту в качестве твоих братьев и сестры, стал опекуном для всех вас, обучая вас всему на деньги господина Рэндала. Я воспитал Роджера, Ли и Марту как твоих братьев и сестру. Но несколько месяцев назад, когда они приблизились к зрелости, в их поведении начались изменения. Животное начало завладевать их разумом. Природа, которую мы отвергли, потребовала свое. Их тела оставались человеческими, но их разум превратился в разум животных, из которых они появились!.. Пол, когда я увидел все это, я чуть не сошел с ума от ужаса и ощущения вины. Мы с твоим отцом ответственны

за все это. В последние дни я работал с ними, пытаясь обратить процесс. Но вместо этого животное начало становиться сильнее день ото дня. Теперь они — дикие животные... дикие животные в человеческих телах! — Голос доктор Блейна превратился в хриплый шепот. Все его тело дрожало. Я вскочил на ноги, борясь с черным ужасом, который переполнил меня.

— Боже, это не может быть правдой. Роджер, Ли и Марта — по сути своей животные...

Дрожащими пальцами он взял толстый пакет медицинских карт и фотографий со стола.

— Это записи оригинальных экспериментов, которые хранили ваш отец и я, Пол, — сказал он. — Записи с самого первого дня. Как мы поместили клетки эмбрионов в инкубатор.

Мой взгляд остановился на верхней карте, где было написано:

Волчья клетка помещена в инкубатор, 9:10 А.М. Температура, 94,6 по Фаренгейту, влажность...

Я со стоном отшвырнул карточки. Доктор Блейн подвел меня к аппарату на соседнем столе, установленному в одном из стеклянных ящиков с двойными прозрачными стенами.

— Пол, это один из инкубаторов, которые мы использовали при эксперименте. Посмотри сам...

Он щелкнул маленьким переключателем, и я завороженно уставился на внутренность стеклянного ящика. Там была странная резиновая форма, похожая на эмбрион младенца, вокруг которой были установлены нагревательные катушки, а также каналы для подачи необходимых химических растворов.

Он ужаса у меня голова пошла кругом. Все поплыло перед глазами. Меня ошеломило это видение... Но голос Блейна привел меня в чувства.

— Понимаете, Пол, все так и есть! Бог знает, но я и в самом деле очень хотел бы, чтобы тогда наш опыт не удался!

Я чувствовал себя смущенным, неспособным ясно мыслить. Тем не менее мне удалось выдавить:

— Но что мы станем теперь делать с Ли, Роджером и Мартой? Что мы можем сделать?

— Мы должны держать их в уединении в этом доме. Бороться, пытаясь преодолеть животное начало, унаследованное ими! — воскликнул доктор Блейн. — Мы с тобой должны непременно сделать это, Пол. Если посторонние увидят их, их сочтут безумными и посадят под замок.

— Но я не смогу надолго остаться здесь! — воскликнул я. — Мы с Вирджинией собираемся пожениться... И я не могу просить её остаться жить тут с этим ужасом.

— Тогда ты должен отпустить её, — отчаянно протянул доктор Блейн. — Ты должен отослать её обратно и остаться тут со мной.

Услышав это предложение, я страшно разозлился.

— Я не стану этого делать! — воскликнул я. — Я собираюсь забрать её отсюда и держаться подальше от этих мест. Это вы породили этих чудовищ! Вот вы о них и заботьтесь!

— Твой отец в ответе за них точно так же, как и я, Пол! — воскликнул доктор. — Ты должен мне помочь!

— Говорю вам, я не останусь здесь и не откажусь от Вирджинии, кто бы там кому не был должен! — раскричался я, придя в ярость от подобного предложения. Подобного я даже предположить не мог. — Вы не сможете заставить меня так поступить!

Неожиданно ночь разорвала серия щелчков, а потом на улице кто-то зарычал. Казалось, что во дворе сцепились гигантские хищные птицы, одна из них яростно рычала, а другая отчаянно визжала.

Побледнев, доктор Блейн бросился к двери.

— Роджер и Ли снова сцепились! — воскликнул он. — Мы должны остановить их, иначе они могут убить друг друга.

В ужасе я вместе с ним выскочил из лаборатории, бегом направившись к входной двери. Вирджиния была в зале. Она схватила меня за руки.

— Пол, подожди... хочу, чтобы ты...

Но я оттолкнул её в сторону и бросился к двери вслед за доктором Блейном.

— Нет времени, дорогая, оставайся здесь. Я скоро вернусь...

Я выскочил из дома вслед за доктором Блейном, и тогда мне открылось ужасное зрелище.

Ли вернулся с охоты из лесу и притащил с собой очередную жертву — ещё одного кролика. Тот был придушен на волчий манер. Ли держал жертву в руках, а сам рычал, скалился, глаза его сверкали. А Роджер, неуклюже пригибаясь, приближался к нему, то и дело опускаясь на четвереньки. Сейчас он и в самом деле напоминал огромного голодного мастиффа. Его взгляд неотрывно следил за окровавленным кроликом в руках Ли. Марта была тут же, но стояла чуть в стороне. С её уст слетали странные скулящие звуки, которые и в самом деле мог издавать леопард.

— Роджер! Ли! Разойдитесь! — закричал доктор Блейн, подбегая к ним.

Мои «братцы» не обращали на доктора никакого внимания. В этот момент они готовы были схватиться, сражаться как два диких животных не поделивших добычу. Прежде чем броситься на Ли, Роджер присел на корточки и злобно оскалился. Ли повел в его сторону головой, словно выискивая, куда бы вцепиться, чтобы нанести противнику рану побольше... А потом они сцепились. Глаза их блестели, они рычали и визжали так, что, если закрыть глаза, никто бы не узнал бы в них людей — два зверя сошлись в смертельной схватке. Да ещё эта завывающая Марта.

— Ли! Роджер! — изо всех сил заорал доктор Блейн, а потом добавил. — Останови же их, Пол! Ради бога, останови их!

Я бросился к борющимся «братьям» и постарался их разогнать. Я почувствовал что-то влажное в руке и, опустив взгляд, увидел, как кровь течет по моим пальцам. И это была моя собственная кровь — Ли укусил меня.

При виде собственной крови внутри меня словно что-то взорвалось. Я ринулся в бой, взвыв от ярости. Я ничего не помнил кроме того, что эти двое попытались выступить против меня... Против меня — того, кому никто из них не мог противостоять! Я сразил обоих голыми руками, оттолкнув их друг от друга. Ли, вскочив на ноги, зарычал на меня в безумной ярости, и я бросился на него. Его зубы щелкнули — он снова попытался меня укусить. Я избежал их молниеносным движением! Я попытался вцепиться зубами в горло Ли!

От отшатнулся в ужасе, не сводя с меня взгляда. Я развернулся к Роджеру, все ещё завывая от ярости. Но он тоже

отступил от меня, рыча. Марта же, не обращая внимания на происходящее, бросилась к кролику.

Я снова закричал, и она с испугом отшатнулась. Я подошел и наклонился к кролику. Он был ещё теплым, окровавленным и так манил меня.

«Боже мой, и это я, Пол Рэндалл, я сделал это!»

Словно обращенный в камень безумной яростью, что неожиданно охватила меня, я уставился на добычу Ли, которую собирался забрать. Потом я резко повернулся к доктору Блейну. На лице его тоже был написан ужас, какого я и представить не мог. Подняв руки, я хрипло крикнул ему:

— Я животное, как и они! Я один из них! Доктор... — Тут ком застрял у меня в горле, словно что-то сдавило мне гортань. — Вы уверены... Вы уверены, что я родной сын Рэндала?

Доктор попытался мне что-то сказать. Я видел, как двигались его губы, но ни одного звука не вырвалось у него из горла. Но я прочитал ответ в его безумном взгляде.

— Так вот почему вы хотели, чтобы я отослал свою невесту и остался тут? — воскликнул я. — Вот почему вы не хотели, чтобы я женился на Вирджинии! Я, как и они, не человек! Я тоже животное в человеческой форме!

— Пол, ради бога, держи себя в руках, — задохнулся он. — Не позволяй звериным началам захватить тебя, как остальных.

Однако я почти не слышал его. Шагнув вперед, я сжал его за плечи со звериной жестокостью.

— Скажите правду! — потребовал я. — Я — один из них?

Доктор задохнулся.

— Да, у нас было четыре аппарата для выращивания эмбрионов, а не три. Четвертым подопытным был ты — клетка с эмбрионом львицы. Однако я удивлен, что ты не деградировали, как остальные. Я никогда раньше не говорил тебе...

Я отшатнулся от доктора, и с моих губ сорвался странный крик: помесь странного рыка и смеха!

— Тогда я человек, родителями которого были настоящие львы — я лев в человеческом теле! По крайней мере, я — король животного мира!

— Пол... Пол... — его голос звучал мучительной молитвой, когда он попытался высвободиться.

Но я сам отпустил его и даже оттолкнул. Я чувствовал ту самую ужасную животную ярость. Я сразу же понял — это наследие моей львиной крови. И в какой-то момент я понял, что непременно убью кого-то, если и дальше останусь во дворе. Я почувствовал, как животное во мне начало пробуждаться. Я спотыкаясь побрел среди деревьев.

— Пол! — это вслед мне с крыльца закричала Вирджиния. Она сбежала с крыльца, при этом лицо её казалось бледнее, чем есть, в лунном свете. — Подожди, Пол! Ты должен подождать! Я должна тебе кое-что сказать!

При виде её та часть меня, что ещё оставалась человеческой, разрывалась от мук. Я любил её, но она была человеком, а я — зверем. Да, несмотря на то, что я обладал телом человека, я был чуть лучше безмолвного скота.

Я видел, как доктор Блейн пытался сдержать её. Отвернувшись, я пошатываясь побрел среди деревьев, а потом неожиданно рванулся во тьму, помчался по лесу, залитому серебристым лунным светом. Мой разум был захвачен потоком эмоций, каких я раньше никогда не испытывал.

Нечистый! Животное! Эти слова буквально пульсировали у меня в ушах, превратив мой разум в раскаленный шар. Я не был Полом Рэндалом, не был человеком, которого могла бы полюбить девушка. Я был всего лишь животным, переодетым в Пола Рэндала — человека. И, что самое ужасное, часть моего разума была рада тому животному состоянию. Часть меня ощущала такой дикий восторг, какой раньше я никогда не знал. Я несся по лесу во тьме. И это было моё наследие, моё я!

Далеко в лесу залаяла лиса. Я поднял голову и взревел в ответ. И весь лес затих, прислушиваясь к моему крику, и я понимал, что это правильно, ведь я был господином всех животных, сыном льва.

Бежать!.. Бежать!.. А в лесу, залитом холодным лунным светом, кто-то продолжал кричать, снова и снова. Но меня это не заботило, потому что я больше не был Полом Рэндалом. Больше я не был человеком! Пол Рэндал исчез...

— Пол!

Но вопреки осознанию моего нового положения, этот крик дошел до меня. Я остановился, прислушиваясь. Мне

показалось, что я должен обратить внимание на этот голос, что это для меня очень важно.

— Пол!.. Помоги!..

Это был крик о помощи. Кто-то взывал о помощи к Полу Рэндалу, ко мне!

Нет, я не был животным! Тусклые воспоминания сжали мой разум словно в тисках, и я понял, что мне нужно повернуть назад и бежать на помощь к тому, кто звал меня. Там был кто-то, нуждавшийся в моей помощи...

Изо всех сил стараясь не потерять эту ментальную нить, я со всех ног бросился назад. Я молился о том, чтобы сохранить в себе достаточно человеческого, чтобы спасти того, кто нуждался в моей помощи. Но когда я бежал по темному лесу, звериная часть моего «я» ликовала.

Я снова услышал крик — кричала Вирджиния. Её голос заставил окончательно пробудиться человеческую составляющую моего разума. Я мчался со всех ног...

Я увидел её — Вирджиния, спотыкаясь, побежала по снегу, а следом за ней то на ногах, то на четвереньках гнались мои братья и сестра. Однако в тот миг мой разум не мог идентифицировать их как Роджера, Ли и Марту. Они представлялись мне хищниками, преследовавшими добычу, которую я собирался спасти.

Вот Вирджиния споткнулась и упала. Роджер подскочил к ней, но я взревел, предупреждая его! Он остановился, выпрямился, уставился на меня немигающими глазами, словно огромный пес, получивший приказ хозяина. В три прыжка я преодолел оставшееся расстояние и набросился на него.

Прыгнув навстречу мне, Роджер встретил меня двумя страшными ударами. Но я даже не почувствовал их. Я смел его, крепко схватил, одновременно пытаясь впиться зубами в яремную вену. Его руки крепко стиснули меня. Но я не знал страха, мной владела лишь дикая радость животной битвы, когда я боролся с ним. Он мог быть сыном короля собак, но я был сыном льва! Я заметил, что Ли и Марта с рычанием наблюдают за происходящим.

А потом я его отпустил — мои руки рвались к его горлу. Ярость схватки ослепила меня, но что-то вмешалось. Кто-то дернул меня за руку.

— Пол не надо! Ради Бога!

Это был тот же голос, что призвал меня на помощь — голос девушки, Вирджинии, которая была для меня чем-то так важна. Тем не менее этого было недостаточно, чтобы отвлечь меня от схватки с врагом. Я был переполнен жаждой крови. Я хотел только убивать.

— Пол, ты убиваешь своего брата! Это твой брат!

Этот крик грохотом разнесся у меня в мозгу, пробившись сквозь животную похоть, захватившую мой разум, и неожиданно я понял, что не должен убивать существо, с которым сражался. Слабый, но настойчивый голос буквально вытащил меня из животного состояния. Мягкие руки в отчаянии коснулись моего лица. А потом кто-то крикнул мне в самое ухо:

— Это — Вирджиния, Пол! Вирджиния!

Красный туман животной ярости отхлынул. Вирджиния вцепившись в меня, мучительно пыталась вернуть меня к осознанию того, что я сделал.

— Вирджиния! — протянул я, взяв её за руку. И тут я отлично вспомнил все, что случилось в этот вечер. — Нет! — закричал я. — Убирайся, пока можешь. Я не человек! Я не человек! Я — животное...

— Пол, ничего подобного! — закричала она. — Доктор Блейн сказал тебе это, но это — неправда. Вы человек, человек, точно так же, как твои братья и сестра!

— Но они — животные! — хрипло выкрикнул я, указывая на рычащих Марту и Ли — выглядел он как жестокий волк, хотя чем-то походил на Роджера.

— Нет, их просто загипнотизировали, сказав, что они — животные! — воскликнула Вирджиния. — Пол, ты же видел, как людей в театрах гипнотизируют и говорят, что они собаки. Тогда загипнотизированные начинают лаять и кусать, и ведут себя как собаки, выполняя любой приказ. Именно это доктор Блейн проделал с твоими братьями и сестрой. Именно это он пытался проделать и с тобой, Пол! Я заглянула в лабораторию, когда вы пялились в стеклянную коробку с «волшебным» фонарем, каким пользуются гипнотизеры. Я слышала, как доктор Блейн повторял снова и снова «Ты дитя животных, львов! Ты должен делать все так, как делают это животные: сражаться,

охотиться и править лесными зверями. Ты должен реветь и приходить в ярость во время битвы!» — Вирджиния продолжала кричать мне в ухо. — Он именно так и говорил тебе, Пол. Ты сейчас под гипнотическим заклятием. Я пыталась тебе сказать об этом, когда ты вышел из кабинета, но ты отказался слушать меня. А когда я побежала за тобой, доктор Блейн понял, что я знаю правду. Он бросился за мной, а тут эти трое...

Грохот выстрела! Рассказ Вирджинии прервал выстрел. Пуля расщепила ствол дерева, рядом с которым мы стояли. Вторая пуля зацепила мой рукав, когда я повернулась. Я увидел темную фигуру среди деревьев, залитых лунным светом. Обезумев, я отпустил брата, который давно уже лишился чувств, и бросился на нового врага. Вирджиния закричала.

Когда я повалил стрелявшего, он как раз спустил курок. Его пистолет, выбитый из руки моим ударом, выстрелил. Сраженный собственной пулей, незнакомец упал на землю и застыл.

И только теперь я понял, что это был доктор Блейн, только лицо его кривилось в отвратительной, злой усмешке. Пуля из его собственного пистолета пробила его грудь. Он злобно посмотрел на меня и Вирджинию.

— Дело зашло так далеко, что я вынужден был попытаться пристрелить вашу парочку, потому что вы узнали правду, — задохнулся он. — Я собирался сказать, что ты убил девушку, а затем сам застрелился.

— Доктор Блейн! — я буквально окаменел от ужаса, когда все это услышал. — Ради бога, зачем вы это сделали? Почему вы загипнотизировали моих братьев и сестру, заставив их поверить, что они животные, а потом попытались сделать то же самое со мной?

— Причина... — задохнулся он — Причина та же, что у большинства преступлений, — деньги. Твой отец, доктор Рэндал, оставил деньги четверым детям. Мне было поручено передать их вам, когда вам исполнится двадцать пять лет... Но я... Я потратил все деньги. Проиграл все ваше состояние на бирже... Последние деньги я истратил полгода назад. Вы, Пол, скоро захотите получить часть вашей доли, а другие — после этого. Меня отправили бы в тюрьму, если бы все это вскрылось. Но если бы вы все сошли с ума, то я продолжал

бы вас опекать. И никто не потребовал бы у меня отчета по растраченным деньгам... Таков был мой план. И чтобы вы все казались безумными, нужно было обвинить вас во врожденном безумии, которое вы получили по наследству. Обрабатывая твоих родных под гипнозом последние три недели, я заставил их вести себя и думать, как животные. А если бы и тебя удалось обработать, то ты непременно стал бы вести себя, как они, и тогда я опубликовал бы сообщение о вашем коллективном безумии. Заявил бы, что вы вчетвером сошли с ума.

Тут его глаза закрылись, его голова опустилась. Я безжалостно встряхнул его, пока он снова не открыл глаза.

— Но мои братья и сестра! — закричал я. — Как их привести в себя?

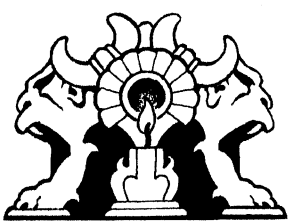
Он прошептал, медленно закрыв глаза:

— Это будет легко... Любой хороший гипнотизер сможет стереть мое внушение за несколько сеансов. Ты прошел всего один мой сеанс, и у тебя проблем вообще не будет... Теперь ты знаешь правду...

После этого он глубоко вздохнул и неподвижно замер на земле. Я встал и взял Вирджинию за руку. Мои братья и сестра держались в отдалении, с опаской поглядывая на меня.

— Не плачь, Вирджиния, — проговорил я. — Не плачь...

Но в этот момент и у меня на глаза навернулись слезы...



ЖЕНЩИНА ИЗО ЛЬДА.

Это было отвратительно, но я должен признать это сам. Я был влюблен в мертвую женщину. Я больше не могу скрывать от себя нечестивую страсть, которая охватила меня с того вечера, когда мы освободило тело этой женщины ото льда. Она была мертва, и я это знал, но я был влюблен в нее. Я хотел обнять её манящее тело, которое так долго спало во льду. Я хотел целовать её экзотическое, красивое лицо.

Уайт Борроу и я нашли её... Борроу был молодым художником, одним из гостей в этом старом курортном отеле в Каскадных горах. Я — Дик Моррис, торговец из Сиэтла, был одним из гостей. А гостей было немного. Это местечко когда-то было очень популярным для снежных видов спорта, но «Солнечная Долина» и другие новые курорты ныне стали очень популярны, а отель, в котором мы остановились, был стар и оказался сильно запущен.

Борроу и я отправились побродить по заснеженным горам. Мы гуляли по леднику Раулз, чья река сплошного льда застыла между двумя белыми вершинами, когда внезапно мой спутник остановился, глядя на лед у него под ногами. Он резко воскликнул:

— Там тело! Моррис, посмотрите!

— Должно быть, зрение обманывает вас, — заметил я, когда подошел к нему. — Зачем...

Я замолчал. Во льду у нас под ногами и в самом деле застыла темная человеческая фигура. Тело женщины в темном изящном платье. Сквозь лед мы хорошо видели её белое лицо.

— Господи! — ахнул я. — Она в четырех футах от нас под ногами, вморожена в лед. Должно быть, она пролежала там много лет.

— Скорее, десятилетий! — воскликнул Уайт Борроу. Его темное, красивое лицо дрожало от волнения. — Вернитесь

в отель и позовите остальных постояльцев, Моррис. И принесите инструменты, чтобы выкопать ее, — воскликнул он.

Я побежал по заснеженным склонам, у меня голова пошла кругом от волнения. Мы находились в двух милях от отеля — огромной, бесформенной бревенчатой структуре, расположенной среди высоких сосен на горном склоне. От отеля открывался чудесный вид на заснеженную равнину. Задыхаясь, я ворвался в вестибюль.

Джеймс Марстен, владелец и менеджер этого старинного местечка, в это время как раз отдавал распоряжения одному из своих немногочисленных слуг-индейцев. Марстен был седым, пожилым человеком с обычно озабоченным выражением на холеном лице. Я рассказал ему, что мы нашли.

— Женщина в леднике? — недоверчиво повторил он, его челюсть отвисла от удивления. Затем он поспешил помочь мне отыскать кирки.

Когда мы выбежали наружу, другие гости остановили нас, чтобы узнать, что произошло. Их было всего четверо: Фред Керр и его симпатичная блондинка, Дженис, Джон Гейнс, долговязый горный инженер, и Даниэль Холт, агрессивный деловой человек лет сорока. На днях они все вместе катались на лыжах. Все, кроме Даниэля Холта, который, как мы поняли, приехал, чтобы попытаться купить старый отель у Джеймса Марстена...

Все они последовала за Марстеном и мной, сгорая от любопытства. Уайт Борроу ждал нас с нетерпением. И когда он указал на темную, скованную во льду фигуру, все начали охать и кричать в изумлении.

Менее чем через минуту наши кирки ударили по льду. Мы работали с яростной поспешностью, хотя были уверены, что женщина, кем бы она ни была, была мертва многие годы.

— Да не спешите вы так! — резко фыркнул Уайт Борроу, когда наши кирки начали приближаться к жертве льдов. — Мы же не хотим искалечить тело.

К тому времени мы вырыли яму почти в четыре фута. Я прыгнул в полость и голыми руками стал отламывать куски льда, которые все еще припали к телу. Наконец, мы освободили тело. Какое-то время мы, застыв, уставились на неё — со стороны могло показаться, что мы тоже заморожены.

Теперь мы увидели, что женщина, которую мы выкопали, одета в странное, обтянутое мехом платье из тяжелого коричневого шелка, которое едва скрывало пышную грудь и стройные длинные ноги. На серебряной цепочке на её шее качался маленький серебряный кинжал. Её платье было потрепано, а необычные тапочки на ее крошечных ногах были потерты и каблуки сломаны. Но ее тело прекрасно сохранилось, как будто она умерла несколько минут назад.

Она была молода, и лицо её все ещё оставалось красивым, несмотря на ледяную бледность. Это было экзотическое, странно прекрасное лицо, чьи черты казались славянскими, с высокими скулами и низким широким лбом. Длинные черные ресницы, бледные щеки... Нос её был прямым и аккуратно выточенным. Тонкие синеватые губы имели изящный изгиб. А масса её волнистых черных волос была растрепана...

Дыхание у меня перехватило от колдовской красоты незнакомки. Когда я изучал ее замороженные черты, я, без сомнения, знал, что, если она оживет, я буду отчаянно влюблен в нее.

— Она красивая, — прошептал Уайт Борроу, его красивое лицо странно вытянулось. — Это самая красивая женщина, которую я когда-либо видел.

Я не знал, почему, но меня возмутили его слова. Они вызвали у меня чувство, близкое к ревности. Я потянулся и благоговейно коснулся щеки девушки. Оно было холодным, как ледниковый лед и на ощупь напомнало камень.

— Она долго пробыла во льду, — пробормотала я.

Уайт Борроу кивнул.

— Этот костюм... ничего подобного не носили уже несколько поколений.

— Что вы собираетесь делать дальше: оставите её здесь на льду до тех пор, пока ей не подготовят могилу? — спросил Джон Гейнс, долговязый инженер.

— Нет! — возмутился я. — Вы не сможете оставить её тут. Мы отнесем её в отель.

Джеймс Марстен беспокойно пошевелился, его сердитое, обеспокоенное лицо встревожилось.

— Мне не хотелось бы, чтобы в моем отеле оказалось мертвое тело, — сказал он.

— Чего вы боитесь? — спросил Даниэль Холт, насмешливо скривившись. — Эта девушка давно мертва.

— Ладно, — отмахнулся Марстен. — Мы можем уложить её в одной из пустующих комнат и уведомить власти утром.

Уайт Борроу опустился на лед и осторожно, почти нежно, поднял жесткое, замороженное тело.

— Я понесу ее, — быстро объявил я.

Борроу покачал головой.

— Я сам её понесу, — возразил он.

— Вы не правы...

Я начал было говорить сердито, а затем замолчал, увидев, что остальные странно смотрят на меня. В итоге Уайт Борроу взял на руки мертвое тело. Бледное, красивое лицо мертвой женщины прижалось к его груди, и я почувствовал неразумную ревность и гнев.

Остальные последовали за нами, взволнованно разговаривая. Закат залил ледник лучами света, словно потоками крови, придавая всей картине неестественный, жуткий вид. На фоне светящегося западного неба стоял приземистый отель, и сосны окружали его...

Когда мы вошли в отель, слуги-полукровки с выпученными глазами уставились на тело, которое нес Борроу.

Художник отнес труп в одну из затхлых, неиспользуемых спален — те стояли запертыми уже много лет. Он положил тело на кровать, и все мы застыли, глядя на деву.

— Такие костюмы носили больше века назад русские дамы, путешествуя по иным землям, — сказал Браун. — Я достаточно изучал историю моды, чтобы это знать.

Джон Гейнс недоверчиво осмотрел одежды мертвой незнакомки.

— Вы хотите сказать, что она больше ста лет провела во льду?

— Должно быть, — согласился Борроу. — Лет сто назад тут было много русских путешественников.

— Я что-то такое припоминаю!.. — воскликнул Джеймс Марстен. — Еще в восемьсот сороковом в этих самых горах бродила группа русских, и с ними была женщина.

Даниэль Холт недоверчиво посмотрел на него.

— Я никогда не слышал такой истории, — заявил он.

— У меня в одной из книг этого отеля есть такая запись, — подтвердил Марстен. — Я покажу вам.

Мы вышли следом за ним из комнаты. Я был последним, задержавшись, чтобы посмотреть на бледное и в то же время прекрасное лицо незнакомки. Меня охватило странное чувство потери. Если бы я только встретил эту девушку живой...

В вестибюле красный огонь в очаге рассеял мрачность собрания, разбросав мерцающие блики по грубым бревенчатым стенам. Марстен подошел к книжному шкафу и достал большой объемистый том, переплетенный в кожу.

— Вот она, — взволнованно объявил он, перелистывая страницы. — Шхуна отплыла в тысяча восемьсот сороковом от русского форта в Ситке, направляясь к одному из калифорнийских фортпостов. Она потерпела крушение, и единственными, кто выбрался на берег, были три моряка и жена чиновника, которая ехала к мужу. Они потерялись в диких краях, и только одному из моряков удалось добраться до поселения. Он сказал, что остальные погибли от холода в снегах среди льдов этих гор.

— И вы хотите, чтобы я поверил, что эта мертвая женщина на леднике та самая русская? — насмешливым тоном поинтересовался Холт. — По-моему, это смешно.

— Вы пытаетесь выставить меня лжецом? — сердито спросил Джеймс Марстен. — И все просто потому, что я не стану продавать это место согласно вашему нищенскому предложению...

Тонкие руки Марстена сжались в бессильном гневе. Его выцветшие глаза вспыхнули от ярости. Я громко прокашлялся и прочитал грязную и рваную страницу. История была именно такой, как рассказал владелец отеля.

Другие тоже прочитали эту запись. Я заметил, что, когда Джон Гейнс читал эту запись, его сухое, суровое лицо странно напряглось.

— Тогда, выходит, она и в самом деле пролежала во льду сто лет, — задумчиво сказал я. — «Спящая красавица»

Странное чувство охватилиоменя. Мне было больно думать об этой девушке, погибшей столетие назад, тщетно пытавшейся добраться до своего мужа.

— Кстати, это отличная история для газет! — с энтузиазмом заметил Фред Керр. — И подумайте о толпе, которая будет пялиться на неё, если она будет выставлена в музее.

— Выставить её на обозрение любопытной толпы? — воскликнул я, уязвленный. — Но вы же не станете этого делать? — Милый Моррис, — вмешался Керр, — вы говорите так, как будто эта дама что-то значит для вас.

— Не будьте смешным, — фыркнул я. — Но она... она слишком красивая, чтобы делать из неё дешевое зрелище.

Все собравшиеся с удивлением уставились на меня. Уайт Борроу смотрел на меня особо подозрительно. Мне стало неловко. Затем Джеймс Марстен вернулся с кухни, куда уходил несколько минут назад.

— Слуги сбежали! — тревожно объявил Марстен. — Эти полукровки очень суеверны. Они сказали мне, что кто-то, выкопанный из льда, человек или животное, вернется к жизни, как только почувствует тепло. Они не останутся с таким существом под одной крышей.

Я заметил, что теперь, после замечания господина Марстена, все собравшиеся выглядели несколько подавленными.

Но я чувствовал себя по-другому. На мгновение дикая волна надежды охватила меня, когда я услышал о том, что сказал Марстен. Если каким-то волшебным чудом эта мертвая женщина вернется к жизни...

Я сказал себе, что мое воображение слишком разыгралось, и отправился помогать Марстену и другим готовить ужин. На протяжении его мы молчали. Мы все думали о холодной, красивой девушке в темной спальне. Когда же пришло время ложиться спать, я обрадовался.

Лежа в постели в моей холодной комнате, я не мог уснуть. Я все время размышлял. Я хотел пойти и снова взглянуть на нее, коснуться ее черных волос, поцеловать ее ледяные губы. Я сказал себе, что эта мысль ненормальная, ужасная, но я не мог ее преодолеть. Я любил её, даже если она была мертва.

Наконец, я не выдержал. Я должен был увидеть её снова. Молча, я встал, оделся и на цыпочках вышел в длинный темный зал, в конце которого располагалась комната, где лежала незнакомка. Дверь в эту комнату была открыта. Изнутри

выбивался свет желтой лампы. Я вбежал в комнату, а затем невольно вскрикнул.

Уайт Борроу лежал на полу. Он был мертв, убит! Из горла его торчал маленький серебряный кинжал, который раньше висел на шее мертвой женщины. Сама она исчезла из комнаты. Окно, широко распахнувшееся на ветру, показало, куда она ушла.

— Дик Моррис! — донесся из-за двери резкий голос. Это был Фред Керр. Позади него толпились остальные, разбуженные моим криком. — Дик, почему...

— Я не убивал Борроу, Фред! — хрипло воскликнул я. — Я не знаю, кто это сделал... Я нашел его таким.

Когда они увидели, что кинжал мертвой женщины воткнут в горло художника и что тело исчезло, они побледнели.

— Женщина изо льда! — воскликнул Марстен. — Она вернулась к жизни, как предсказывали индейцы. Она убила Борроу. — Он, должно быть, был здесь, глядел на нее...

Марстен подошел к открытому окну и указал на снег. Там были следы, ведущие из-под окна в лабиринт других следов и лыжных трасс под соснами.

— Она убежала обратно на ледник! — хрипло крикнул он. — Мы должны отправиться за ней.

Джон Гейнс с недоумением посмотрел на следы.

— Кто-то убил Борроу её ножом, — пробормотал он. — Марстен прав... Мы должны пойти и найти её.

— Гнаться по снегу за бродячим трупом! — Даниэль Холт отважно фыркнул. — Мне надоело это сумасшедшее место. Я рад, что ты не продал его мне, Марстен.

— Я достану оружие, — объявил лихорадочно возбужденный Марстен, его руки дрожали. — Но пули могут не сдюжить против неё... Я бы чувствовал себя безопаснее...

— Вы не станите в неё стреляить! — закричала я.

— Стрелять в мертвую женщину? — ошеломленно воскликнул Фред Керр. — Господи, это звучит кошмарно.

Но он накинул шубу и шапку, как и все мы, и потом мы вышли следом за Марстеном в лунную ночь. Темные сосны печально шептались на морозном ветру. Вдали сквозь деревья мерцали туманные, нереальные белые хребты гор.

— Думаю, нам стоит разойтись в разные стороны, — объявил нам Джеймс Марстен. Его руки дрожали, его голос был хриплым. — Если вы увидите эту женщину, стреляйте сразу.

— Нет! — воскликнул я, но они не обратили на мои слова никакого внимания, когда мы расстались, двигаясь в разные стороны от отеля.

Мои нервы были натянуты как струны, когда я пробирался сквозь сугробы под соснами. Почему-то убийство Борроу казалось мне не важным. Главное для меня было то, что, возможно, эта замороженная девушка каким-то чудом вернулась к жизни. И ещё я говорил себе, что это безумие, это невозможно.

И как раз тогда я её увидел! Да, на залитом лунном свете снегу... Она вышла из тени сосен, я увидел эту женщину, чье замороженное тело я помог выкопать изо льда. Ветер прижал темное шелковое платье к её изящному телу. Голова её была непокрытой, и её черные волосы развевались на ветру.

Её лицо было мрачно и красиво в лунном свете, каждая прекрасная черта была хорошо различима в серебристом свете. Её плоть была белой, без оттенка цвета. Её глаза были темными, широкими и странными. И она не боялась меня. Она подошла прямо к тому месту, где я стояла, и застыла на мерзлой земле, безмолвная.

Она остановилась, только когда она была в шаге от меня. Я пошатнулся. Ее голая рука потянулась и сжала мою руку. Она заговорила со мной быстрым шепотом, ее широкие темные глаза уставились на меня.

Я не мог понять ни слова из того, что она говорила. А она говорила по-русски — быстрый поток странных слогов. Когда она увидела, что я не понимаю, то схватила меня за плечи. Жуткая, невозможная сцена в лунных соснах — мертвая женщина дико шептала мне!

— Таня! Таня! — повторяла она, указывая на себя, потом на гостиницу, затем обратно в горы.

Таня — это было ее имя. Это-то я понял. Но мой разум был ошеломлен, и я даже не пытался понять ее жесты.

Я был слишком очарован её странной, холодной красотой, чтобы чувствовать страх. Когда её руки сжали мои плечи, её глаза вспыхнули от переполнявших её эмоций, потом

она обняла меня. Мое лицо приблизилось к её диким, чувственным губам. Её губы оказались ледяными... Я поцеловал её! Я вздрогнул. Девушка откинула голову назад, сжала мою руку и потащила за собой куда-то по снегу.

Бах! Резкий треск выстрела разрушил заклинание очарования, в которое меня сковало. Пуля выбила снег у нас из-под ног. Таня закричала от страха, выпустила мою руку, повернулась и убежала. Она промчалась, как олень, среди сосен, а я дико смотрел вслед ей. Затем я увидел, как Джеймс Марстен выбежал на поляну, подняв пистолет, чтобы выстрелить снова. Я ударил его по руке, чтобы он не смог выстрелить.

— Не надо! — крикнул я дико. — Не стреляйте в нее...

Я выбил пистолет у него из руки, и тот отлетел в глубокий сугроб. Девушка скрылась за темными деревьями. Гейнс и другие бежали к нам.

— Дайте мне пистолет! — задохнулся Марстен. — Я покончу с нечестивой жизнью этого существа. Она зомби — ведьма, которая вернулась к жизни. Индейцы были правы ...

Гейнс, Даниэль Холт и Фред Керр с изумлением слушали, когда Марстен рассказал им, что он видел. Он рассказал то, видел меня в объятиях мертвой женщины.

— Покойная воскресла? — закричал Холт. — Невозможно!

— Может быть, она и вовсе никогда не была мертва, — вздрогнул я. — Бывает так, что животных замораживают, приостанавливая жизнедеятельность организма, а затем, попав в более теплые условия, оно приходит в себя. Тут, быть может, произошло то же самое.

— Глупости, — фыркнул Даниэль Хольт, хотя и без особой уверенности. — Не могла она пролежать во льду больше столетия и остаться в живых.

— Давайте-ка лучше вернемся в дом, — предложил Джон Гейнс, странно поглядывая на меня.

— Мы должны охотиться на это существо, — упрямо пробормотал Джеймс Мартен. — Пока она жива, все мы в опасности...

Но он согласился вернуться в дом, очевидно, не желая в одиночестве оставаться среди сосен на холодном снегу. Гейнс снова разжег огонь в камине. Дженис Керр, бледная и

испуганная, уставилась на меня с ужасом, когда услышала рассказ о том, что случилось.

— Эта мертвая женщина... В ваших объятиях?

— Мы должны вызвать шерифа! — воскликнул Даниель Холт. — В конце концов, тут произошло убийство!

— Сегодня никто уже не сможет добраться до деревни — это несколько миль по занесенным снегом дорогам, — заметил Гейн. — Утром я сам отправлюсь за шерифом.

Все они пристально смотрели на меня, при этом ужас был написан на их лицах. Видимо, они пытались понять, что я нашел в этой мертвой женщине. Но мне был все равно! Мертвая или живая, вампир или ледяная ведьма... Я любил Таню и ничего не мог с этим поделать.

— Я... Я пойду... Лягу спать, — запинаясь объявил я.

Никто ничего не сказал, когда я выскользнул из залы и вернулся в свою темную спальню. Однако вместо того, чтобы лечь в постель, я подошел к окну, открыл его и вылез на снег. Потом я быстрым шагом вернулся на то место, где столкнулся с Таней.

Сумасшедший? Да, наверное, я сошел с ума. Но я не мог отказать себе в этом неодолимом влечении. Я должен был найти её, позаботиться о ней.

Отойдя подальше от отеля, я позвал её. Мой голос эхом разнесся по склону среди сосен. Я взывал к женщине, выкопанной изо льда!.. И это было восхитительно... И все же, сознавая, что веду себя как безумец, я продолжал взывать к ней.

— Таня!

А потом я снова увидел её. Она наблюдала за мной из хитросплетения ветвей, и лицо её казалось белым пятном.

— Я знал, что ты меня услышишь! — воскликнул я и нетерпеливо бросился к ней.

Мы встретились. Я вновь обнял её. Странная, должно быть это была картина: молодой человек, обнимающийся с девушкой, выкопанной изо льда. Она все ещё была холодной на ощупь. Мне показалось, что её большие карие глазарадостно заискрились, когда я её обнял. Она снова с ужасом посмотрела на отель и потянула меня совершенно в ином направлении, через безмолвную, запорошенную снегом рощу.

Я пошел с ней, держа её маленькую ледяную ручку в своей. Мне было все равно, куда она меня ведет, что мне уготовила Судьба. Я шел за Таней словно в трансе и прислушивался к непонятным словам на неведомом мне русском языке, которые слетали с её губ. А она вела меня все дальше и дальше от гостиницы. Неожиданно она остановилась перед большим сугробом под деревом.

Она взволнованно указала на белый сугроб, потом произнесла какие-то слова, которые я так и не смог понять.

— Таня, чего ты хочешь? — напряженно спросил я. — Что ты пытаешься мне сказать?

Она снова указала на сугроб, потом, переполненная отчаянием, начала копать снег голыми руками. Пожав плечами, переполненный недоумением, я начал помогать ей копать. Но вот мои пальцы коснулись чего-то холодного и твердого, спрятанного в снегу. Но когда мы отрыли этот объект, я отшатнулся от ужаса.

Это было отвердевшее в смерти обнаженное женское тело, тело с большой грудью, длинными руками и ногами и копной черных волос. Но самое ужасное было в том. что лицо у неё было точь, в-точь как у Тани, стоящей рядом со мной.

— Боже мой, но это же ты, Таня! — ужаснувшись, воскликнул я, не в силах отвести взгляд от обнаженной фигуры. — Но кто...

Таня схватила руку прекрасной обнаженной белой фигуры. Она сильно напряглась. А потом я увидел, что одна рука отломалась.

Тут я задохнулся в ужасе. Я увидел, что сломанная рука состоит из композиционного материала. Голое красивое тело было всего лишь манекеном, статуей, сделанной, скорее всего, с самой Тани.

— Таня, что это значит? — воскликнул я. — Это фигура. Это тело, которое мы вырыли изо льда? Но тогда. выходит, что все это какой-то обман, заговор?

— Да, Моррис, это мистификация, — заверил холодный, твердый голос. — И это открытие будет стоит вам жизни.

Мы развернулись. В десяти футах от нас, на поляне, залитой ярким лунным светом, стоял Джеймс Марстен. Он целился в

нас из винтовки. Его лицо в лунном свете превратилось в безжалостную серебристую маску.

— Марстен! — с недоверием воскликнул я. — Это вы все придумали. Вы убили Борроу...

— Да, — злобно фыркнул Марстен. — И теперь я должен буду убить вас и эту девушку, или вы обвините меня в убийстве Борроу.

Таня испуганно прижалась ко мне. Я все ещё не мог поверить в происходящее.

— Но к чему все это сумасшествие...

— Но цель была замечательной, — ответил мне Джеймс Марстен. — Мой курорт долгое время не приносил никакого дохода. Люди ехали отдыхать в новые, более модные отели. Я готов был повеситься и вынужден был продать это место кому-то или окончательно разориться. Поэтому я придумал рекламный трюк, который привлек бы сюда настоящий поток постояльцев... Я уговорил Уайта Борроу, искусного художника и скульптора, помочь. Понимаете, эта история о потерянной русской даме подарила мне эту идею. Если найдут женщину, которая замерзла на леднике более ста лет назад, а потом её откопают, она оживет и исчезнет... Это будет настоящая бомба для желтой прессы. И тогда мой отель получит отличную рекламу, станет известен от побережья до побережья. Вот что я планировал... Уайт сам привез эту девушку — Таню из Сиэтла. Она не говорила по-английски. Она была какой-то беженкой, вот Уайт и убедил её, что вся эта затея не более, чем невинная рекламная компания. Скульптор сделал скульптуру девушки — её точную копию. Мы спрятали девушку в пустующем крыле отеля, и в один прекрасный день я вырубил дыру во льду, поместил туда скульптуру и залил водой. План состоял в том, чтобы вы отрыли девушку, а потом её заменили живой девушкой. Вечером я собирался избавиться от скульптуры, а Таня в тех же одеждах должна была пару раз показаться вам всем на глаза. Тогда вы все были бы уверены, что замороженная женщина вернулась к жизни, и поклялись бы репортерам, что видели все собственными глазами. Но все получилось по-другому, — с горечью закончил свой рассказ Марстен. — Сегодня я перенес сюда фигуру, закопал её в снег, девушка

надела одежду манекена. Однако Борроу попытался шантажировать меня. Позже я обещал ему тысячу долларов за помощь. Но он потребовал, чтобы я отдал ему половину суммы, или он тут же раскроет мистификацию. Это нарушило все мои планы. У меня не было оружия, и я использовал кинжал, который висел на шее Тани, прикончил негодяя прежде, чем тот догадался, что я делаю. Когда я прикончил этого шантажиста, Таня выпрыгнула в окно и попыталась спрятаться среди заснеженных сосен. Она боялась вернуться в отель, но попыталась объяснить вам, что произошло, только не смогла, так как не знала английского. Вот она и привела вас к этому манекену... Но, извините, Моррис, вы все узнали и теперь должны умереть... — Джеймс Марстен поднял винтовку. В его взгляде я прочитал свой смертный приговор. Я отступил, пытаясь закрыть своим телом Таню.

Внезапно сзади на Марстена бросился человек — темная тень. От удара убийца закрутился, упал на колени. А нападавший вырвал винтовку из рук Марстена и навел на него.

— Подымайся, Марстен! — резким голосом объявил человек с винтовкой. — Не пытайся ничего предпринять. Я только что услышал все твои откровения, так что выстрелю не задумываясь.

— Джон Гейнс! — вскликнул я, разглядев лицо человека с ружьем в лунном свете.

Долговязый инженер кивнул.

— Конечно, я с самого начала подозревал, что Марстен замешан в этом деле и в убийстве. Вот почему я последовал за ним, когда, тайком выскользнув из дома, он направился сюда.

— И вы с самого первого момента подозревали, что это мистификация? – воскликнул я.

Джон Гейнс усмехнулся.

— Если бы вы внимательно осмотрели тело, которое вырубили изо льда, вы бы увидели, что это подделка. Предположительно, это тело должно было пролежать во льду с восемнадцатого века. Но платье и тапочки были с машинными швами. Черт побери, в восемнадцатом веке не было швейных машинок! Так что я сразу понял, что здесь что-то не то, — закончил Гейнс. — И когда я прочитал ту историю, что Марстен показал нам, я заметил, что страницы, на которых напечатана эта история,

загрязнены и потерты, словно к ним часто обращались. И тогда я понял. что Марстен и в самом деле позаимствовал историю из этой книги, а потом построил вокруг неё весь свой заговор. Потом я подумал, что стоит проследить за этим негодяем...

Тут я обнаружил, что все ещё стою, обнимая Таню.

— Таня! — воскликнул я. — Так, значит, и ты всегда была жива, и это замечательно!

— И вы ей, похоже, нравитесь! — ухмыльнулся Гейнс.

И хоть Таня не понимала, что мы говорим, ей, без сомнения, было необходимо, чтобы кто-то обнимал её, защищал. Она не пыталась отстраниться от меня. Наоборот, дрожа всем телом, она ещё плотнее прижалась ко мне.

— Пошли, Марстен, — мрачным голосом приказал Гейнс, указав дулом винтовки в сторону гостиницы. — А утром мы поедем в город и пообщаемся с шерифом.

— Утром я тоже поеду в город, — объявил я. — Куплю себе англо-русский разговорник!

Бертам ЧАНДЛЕР

ГАМЕЛЬНСКАЯ ЧУМА

The Hamelin Plague
Monarch Books, 1963

Глава 1

Баррет слушал, как брань непрерывным потоком исторгается из уст капитана, потом обернулся и посмотрел на корму. Старик стоит на мостике в желтоватом свете портовых прожекторов и машет руками — это должно означать «Стоп машина». Старший помощник повторил движение, подтверждая сигнал, и крикнул боцману:

— Эй, поживее.

— Как всегда, сэр?

— Да. Два гака и бухту. И плечевой провод. — Старпом шагнул к поручням полубака и посмотрел вниз, за борт, а потом — снова на корму. Корабль полз к причалу, то и дело содрогаясь, как в конвульсиях.

— Ну все, хорош, — бросил он через плечо. — Хватит.

Грохот лебедки смолк.

— Выбирайте трос, — крикнул он береговым швартовщикам. — А я вытащу крюк из манилы.

Он наблюдал за происходящим, ни во что не вмешиваясь, пока корабль не был благополучно пришвартован и занял место у причальной стенки.

— Какие будут указания, шеф? — спросил боцман.

— Для начала вот что: не забудьте про крысоловов, — мрачно ответил Баррет. — В последнее время портовая Служба Здравоохранения из-за них просто с ума сходит. У нас есть шесть часов до завтрашнего утра, чтобы открыть подъемники и разгерметизировать клапаны. С механиками-насчет электричества на палубе я договорился.

Старпом в последний раз окинул взглядом палубу. «Значит, увидимся утром», — заключил он и сбежал по трапу. Затем широким шагом прошел по палубе и взобрался по межпалубной лестнице. Здесь, под капитанским мостиком, располагались офицерские помещения. В конце коридора, справа по борту, находилась каюта капитана. Баррет постучался.

— Входите, мистер Баррет, входите! — радушно отозвался капитан Холл. Он сидел за столом, уже переодетый в гражданское, и вскрывал почту, которая поступила на борт по прибытии корабля. — Стоп... куда я дел извещение? Ах, вот оно. Начало разгрузки завтра, в понедельник, в восемь ноль-ноль, работают пять бригад. Плюс пять вечерних бригад. Закончить разгрузку надеемся к полудню вторника. В двадцать два ноль-ноль уже отплываем в Ньюкасл. Вы же будете завтра, правда? Можете позвонить в офис в Ньюкасле часов в десять и передать им детали погрузки. Вот накладная.

— Будет сделано, сэр, — пообещал Баррет.

— Ну вот и молодцом. Тогда я пошел. Нельзя заставлять мамочку ждать. Да, вот еще что: можете звякнуть мне завтра, если что случится. А в целом — не беспокойтесь.

— Хорошо, сэр.

Баррет вернулся в свою каюту и взглянул на письма, разложенные на столе. Ни одно из них не показалось ему срочным и важным; ничего личного. Поэтому он спустился на палубу, а дальше двинулся по кратчайшему маршруту: пробежался на корму, вскочил на причальную тумбу и, перекинув ногу через фальшборт, оказался на причале. Целью была будка сторожа. Старик уже успел до нее добраться. Он только что закончил говорить по телефону и протянул старшему помощнику аппарат:

— Прошу, мистер Баррет.

— Как тут с такси, сэр? — спросил Баррет.

— Неплохо. За мной прислала Ассоциация ветеранов — сказали, что машина будет через пару минут... Вообще-то я думал, вам машина без надобности.

— Обычно — да. Джейн должна была приехать и забрать меня. Сейчас позвоню ей и выясню, в чем дело.

— Никак дружка не выпроводит, — цинично пошутил капитан.

На улице прогудел автомобиль.

— Ну все, моя тачка подъехала. Увидимся во вторник. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, сэр, — откликнулся Баррет.

Он набрал телефонный номер и прослушал несколько гудков. Интересно... может быть, Джейн уже выехала? Но трубку подняли, и он услышал голос жены.

— Это я, — сказал Баррет.

— Добро пожаловать домой, — отозвалась Джейн.

— Но я еще не дома. Я надеялся, что ты заберешь меня.

— Я собиралась, Тим, но... ох, как же я себя ненавижу! Понимаешь, я вчера брала машину — съездить к Маргарет и...

— Попала в аварию?

— Нет. Похоже, на что-то наехала. Сегодня завожу машину и... представляешь, обнаружила, что шина спустила. Мне еще чертовски повезло: она могла рвануть по дороге, а я ехала с Северной набережной... Покрышка просто изжевана.

— Приеду — взгляну, — пообещал он.

— Это было бы просто замечательно, — иронично отозвалась Джейн. — Ну, до встречи.

— До встречи, — повторил он и повесил трубку.

Он медленно зашагал обратно к кораблю. За это время спустили сходни. Кое-кто из команды уже успел переодеться в гражданское и сходил на берег. «Спокойной ночи, шеф», — раздались добродушные приветствия.

— Спокойной ночи, — фыркнул Баррет.

В своей каюте он сорвал с себя форменную рубашку, спустил брюки, отшвырнул ботинки и стянул носки. Наспех ополоснул лицо и руки в раковине, наспех вытерся, прошелся щеткой по своей рыжеватой шевелюре и криво усмехнулся своему отражению в зеркале. Джейн уже давно донимала его, уговаривая отрастить волосы подлиннее, чтобы сделать модельную стрижку, но до сих пор ему удавалось отбиться. Все эти новомодные выдумки ему совершенно не идут: у него слишком жесткое лицо. Как это говорится... грубо вытесанное, что ли? Да, пожалуй, так.

«Тим Баррет, настоящий старший помощник, — подумал он. — Только будь я настоящим старпомом, Профсоюз Моряков объявил бы, что у нас на борту нарушаются права трудящихся». Он пожал плечами и принялся переодеваться в штатское. Эта операция как будто прибавила ему несколько фунтов — хорошо, что не убрала заодно несколько дюймов. Осталось взять саквояж с туалетными принадлежностями. Баррет выключил свет и вышел в коридор. Второй и третий помощники уже ушли. Пожалуй,

закоренелый холостяк Спаркс, как всегда, останется на борту. Проходя мимо одной из кают, Баррет остановился.

— Спокойной ночи, Билл, — проговорил Баррет.

— И тебе спокойной ночи, — плотная портьера в дверном проеме всколыхнулась, и из-за нее показался Билл Малони — лысый толстяк с неизменной угрюмой миной на лице.

— А что, Джейн за тобой не заедет? — удивленно спросил он.

— Нет. Она машину уделала.

— Печально слышать. А я-то припас для нее бутылочку «Каскада». Ее любимое пиво. Думал, посидим втроем, выпьем... Слушай, не пропадать же вещи. Может, раздавим на двоих?

— Не сегодня, Билл. Уже поздно.

— Значит, выпью сам. Передай Джейн мои соболезнования.

— Непременно, — заверил его Баррет.

Он спустился на причал и направился к будке сторожа, чтобы вызвать такси.

Дожидаясь машины, он успел подружиться с одним из портовых котов — жилистым черно-белым ветераном, который явно прошел огонь и воду.

— А с ним можно иметь с ним дело, дружище, — заметил шофер. — Как насчет того, чтобы прихватить этого красавца с собой?

— Любите котов? — спросил Баррет, забираясь в машину.

— Ха. Терпеть не могу. Но всяко лучше, чем крысы.

— У вас с ними проблема?

Ответ был известен заранее.

— Ага. Поганые ублюдки, все крушат на пути. Вам бы, небось, и в голову бы не пришло, что они могут грызть шины?

— Да уж. точно, — согласился Баррет.

— А вот представьте, грызут. Будь я проклят, если это не так, — шофер немного помолчал, потом спросил: — Так куда вам, дружище?

— Вуллара. Эрин-стрит.

— Это же после Оушн-стрит, верно? Пристегните ремень — мы взлетаем.

Насчет «взлета» он слегка преувеличил. Наоборот, они основательно застряли на Кингз-кросс, где раздраженный полицейский, как всегда, безуспешно пытался перераспределить

транспортные потоки. Пока машина стояла в пробке, водитель снова заговорил:

— Ну, как там за океаном?

— Какой океан... Обычный каботажный рейс.

— И где побывали?

— В основном, в Новом Южном Уэльсе в Тасмании. Уголь и сталь из Ньюкасла, генеральный груз из Сиднея в Бурни, в Давенпорт и Лонсестон. Картофель, газеты и всякое такое прочее. Загрузились и вернулись в Сидней.

В это время Баррет рассматривал заголовки газет, выставленных в ближайшем киоске. «ЧУМА ОБРУШИЛАСЬ НА ДЖАКАРТУ». «ОГНЕННЫЙ ВИРУС ВСЕ ЕЩЕ НА СВОБОДЕ». И еще: «В РЭНДВИКЕ ПРИНЯТО БЕСПРЕЦЕДЕНТНОЕ РЕШЕНИЕ».

Он рассмеялся.

— Над чем смеемся, дружище? — осведомился водитель, закуривая сигарету.

— Газеты. Про Рэндвик пишут раза в три больше, чем про все остальное. На пожары и эпидемии никто не обращает внимания; единственно важные новости — со скачек.

— Это точно, дружище. Из-за тамошних судей, чтоб им пусто было, я вчера потерял десять фунтов. Чертовы идиоты, совсем из ума выжили.

Они повернули на Нью-Саут-Хед-Роуд и снова набрали скорость. Баррету хотелось просто сидеть в тишине, прислушиваясь к реву мотора, любоваться знакомыми видами и ни о чем не думать. Стадион Рашкаттерс-Бэй с новой площадкой для боулинга... Новые часы на башенке здания банка «Таможенный Кредит» — эти часы ни разу не показывали правильное время со дня их установки. Эджклиффская Почта, плавный подъем Оушн-стрит, белый, сверкающий огнями офис «Клайд Индастриз» — и, наконец, Тревильян-стрит.

— Поворачиваем направо, — бросил Баррет, — потом первый поворот налево, на Эрин-стрит. Дом с белой изгородью и черной калиткой.

— Восемь шиллингов, — сказал водитель, тормозя возле фонаря.

Баррет дал ему десять, вылез из машины и стоял несколько секунд, наслаждаясь забытой атмосферой маленькой оживленной улочки. По одну сторону дороги царила темнота. Во

всех коттеджах, кроме его собственного, уже погасили свет. Напротив горели окна высотных зданий — это были частные отели и многоквартирные дома, выходящие на Оушн-стрит. Луна — светлая, почти идеально круглая — озаряла ряд высоких зданий, деликатно маскируя старую штукатурку, трещины на краске и покривившиеся от времени балконные решетки. В листве джакаранд и камфорных деревьев шелестел легкий теплый ветерок.

Водитель дал задний ход, машина развернулась. Свет фар скользнул по какой-то куче, которая темнела посреди дороги.

Любопытно, что это такое. Баррет подошел поближе. Бесформенная, темная масса на серебристо-сером тротуаре... Животное, скорее всего... Да, собака. Мертвая собака. Кровь натекла густой лужей. «Похоже, машиной сбило, — подумал Баррет. — Хотя как? Движение здесь небольшое... Вот бедняга». Он склонился над собакой: на ней мог быть ошейник с именем хозяев. Но ошейника не оказалось. Зато теперь Баррет увидел рану, которая и была причиной гибели пса — оттуда еще текла кровь. Дыра, огромная дыра — точно из горла вырван кусок плоти. Никакая машина не могла нанести такое увечье.

«Но что же это было? — настойчиво зазвенел внутренний голос. — Кто убил пса?»

Баррет резко повернулся на каблуках и быстро зашагал к калитке. Еще миг — и он стоял на пороге своего дома.

Глава 2

Пока он шарил по карманам в поисках ключей, дверь распахнулась.

— Входи, — сердито буркнула Джейн. — Да входи наконец. Вечно ты где-нибудь застрянешь. Часами приходится ждать.

— Всего пять минут, дорогая, — мягко поправил ее он. — Там на улице мертвая собака.

— Давай ты расскажешь об этом в комнате. Я замерзла.

— Вообще-то сейчас тепло.

— А мне так не кажется!

— Поплавала бы ты вокруг Тасмании пару недель назад, — пошутил Баррет.

Он шагнул вслед за ней в дом, в длинную гостиную, которая начиналась прямо от входа. Чемоданчик упал, Баррет положил ладони на ее за хрупкие плечи и повернул к себе лицом. Пару секунд он смотрел в ее прекрасное тонкое лицо, обрамленное копной гладких темных волос, смотрел на этот широкий, щедрый рот... когда-то щедрый. Потом поцеловал ее. Он чувствовал — они оба чувствовали — что в этом чего-то недостает. И недоставало уже давно. Ну и ладно. Правой рукой он нашарил застежку ее платья.

Джейн отпрянула.

— Потише, морячок. Не так быстро. На сегодня изнасилование не планировалось.

— Я еще даже штаны не снял, — кисло пошутил Баррет.

— Вот и не снимай. Вначале дело — потом развлечения. Сядь.

Баррет вздохнул, выпустил ее, и Джейн тут же исчезла в кухне. Он плюхнулся в свое кресло. На журнальном столике громоздилась кучка распечатанных конвертов. Посмотрим, что нам пишут... Так, счет за газ. Баррет снова вздохнул, взял следующий. Счет за телефон.

Высокая — выше большинства знакомых ему женщин, — грациозная, Джейн вышла из кухни с подносом в руках. Похоже, она немного оттаяла — по крайней мере, уже не хмурилась.

— Если не ошибаюсь, ты успел пропустить пару-тройку стаканчиков прежде, чем сошел на берег, — заметила она. — Но закусывать будем вместе.

— Кофе пахнет бесподобно, — откликнулся Баррет.

— Понятное дело: знаешь, кто его варил? А еще есть сырный пирог из австрийского магазинчика.

— Зачем ты сказала про сырный пирог!..

— Затем. Такой, как ты любишь, — она чопорно поправила халат, обнаживший было стройные ноги.

— Ох, — выдохнул он. — Прекрасно.

За кофе они говорили о расходах и обо всем, что произошло за время его отсутствия. Когда последний кусок пирога был съеден, Баррет достал трубку, набил ее — и вдруг вскочил и принялся рыться в карманах.

— У тебя что, шило в одном месте? — взвилась Джейн. — Ты можешь хотя бы пять минут посидеть спокойно?

— Спички, — объяснил он. — Должно быть, вывалились в машине.

— Сиди, — приказала Джейн. — Сейчас принесу коробок из кухни.

Баррет взял воскресную газету и начал читать заголовки. Таинственный пожар-вирус, судя по всему, набирает силу. Самое странное в этих пожарах то, что системы обнаружения и гашения огня первыми выходят из строя. Правда, по мнению Баррета, в этом не было ничего странного. Он еще не забыл, как недавно на борту «Катаны» вспыхнул пожар. Огонь уже подбирался к грузу — только тогда они спохватились. Когда пожар был потушен, проверили детектор обнаружения дыма — он работал отменно: все красные лампочки были целы, сирена выла так, что могла разбудить покойника. Но когда такое повторяется раз за разом... Да, пожалуй, это уже наводит на размышления. Новости из Индонезии... Здесь разыгралась эпидемия бубонной чумы. Неудивительно, что портовое начальство следит, чтобы на прибывающих кораблях принимали меры против грызунов. Но как бы то ни было, даже такая эпидемия вряд ли выйдет из-под контроля в стране, где гигиена и санитария на должном уровне.

Баррет раздраженно пошевелил языком холодный чубук. Черт бы подрал эту женщину... уснула она, что ли? Он открыл спортивную страничку, чтобы узнать, что за «шоковое решение» приняли в Рандвике — и услышал, как Джейн чертыхается на кухне. Ладно, стоит взглянуть, в чем дело.

Джейн стояла посреди кухни, ее глаза метали молнии.

— Если бы я не знала, что ты сюда не заходил — ох, и влетело бы тебе!

— А в чем дело?

— Да всего-навсего маленький домашний полтергейст, — ядовито бросила жена. — Что еще может быть? Последнее время у меня постоянно что-то исчезает. Например, вот этот коробок спичек. Он должен был лежать на плите.

— Сейчас его там нет, — заявил он, окинув взглядом плиту.

— Ну разумеется, болван, — проворчала Джейн. — Как ты думаешь, почему я так ругалась? — Она подошла к буфету и достала новый коробок из упаковки. — Вот, держи. Можешь курить, пока не позеленеешь. Я отправляюсь спать.

—А что там насчет разорванной шины? — спросил он.

— Ты же не будешь копаться в гараже посреди ночи. Или вставать ни свет ни заря. В общем, решай сам. А я хочу спать. Поедешь в порт общественным транспортом, а я позвоню мистеру Уилкинсу на станцию техобслуживания, чтобы приехал и все уладил.

— Идет.

Он решил обойтись без трубки.

Баррет разделся в пустой комнате и аккуратно развесив одежду. В гардеробе по-прежнему висела черная шелковая пижама, которую так любит Джейн... по крайней мере, любила раньше. Ладно, ночь теплая, так что не стоит кутаться. Шлепая босыми ногами, он вышел из ванной. Джейн уже лежала в постели, и ее темно-каштановые волосы так и блестели, рассыпавшись по подушке. Загорелые руки и плечи контрастировали с белизной постели и нежно-розовой ночной рубашкой. Темно-синие, почти фиолетовые глаза критически обследовали его фигуру.

— Ты прибавил в весе, — холодно заметила Джейн.

Баррет был не на шутку уязвлен.

— Могла бы придумать что-нибудь более романтичное.

Она рассмеялась, уже не так зло.

— Да брось ты, Тим. Мы же не парочка потных тинейджеров в пылу первой страсти. Мы видали и черные дни, и белые... и, я думаю, черных могло быть и больше.

— Все равно, теперь все не так, как должно быть, — упрямо возразил он.

— Конечно. Мы уже не те, что прежде, — ее полные губы тронула немного печальная улыбка. — Кем я была тогда? Глупой девчушкой, которая истратила все свое крошечное наследство на билет в Австралию, страну великих возможностей. А ты был красивым и напористым старшим помощником на большом и красивом корабле.

— А теперь я — старший помощник на маленьком паршивом каботажном судне, — отозвался Баррет и присел на краешек кровати. — Да, конечно, денег стало побольше, а ответственности, между прочим, поменьше.

— А ты не жалеешь, Тим? — она спросила совсем серьезно.

— Я был бы наглым лжецом, если бы сказал, что не скучаю по большим кораблям — таким красивым, комфортабельным... По той атмосфере, по тому обществу. По бесплатному грогу и куреву, черт возьми. Но я знал, на что шел. Ради двух-трех дней дома каждые две недели. По крайней мере, три месяца отпуска ежегодно, да еще месяц — в середине года, — его лицо помрачнело. — Здорово, правда? На самом деле здорово, но...

— Но — что?

— Ты сама знаешь. Черт побери, Джейн, ты не догадываешься, что я завидую другим офицерам, каждому, кто успел жениться? Я вижу, как они спешат домой. Дома у них не так хороши, как наш, а про их жен и не говорю — куда им до тебя. Но есть вещи, которые гораздо важнее красоты. Их жены любят то же, что и они — те же книги, те же фильмы, еду, напитки. Завтра утром я увижу ребят — и все они будут выглядеть довольными и отдохнувшими. Будто все напряжение, все проблемы оставили дома. Они будут счастливы. А я? Что с нами происходит, Джейн?

— Ты остался самим собой, Тимоти, — сказала она. — Я бы не хотела, чтобы ты изменился. Но ты же знаешь, что со мной происходит — все еще происходит.

Он пожал плечами.

— Знаю. Мы хотели ребенка, но... это еще не все. Не знаю, что бы я делал, если бы потерял тебя, — ему удалось выдавить улыбку. — Тогда бы я мог жаловаться на жизнь. Но я хочу тебя, Джейн. Хочу до безумия. И ты знаешь это.

— Да. Я знаю. Знаю, дорогой. Все наладится, я обещаю.

Она привлекла его к себе. Скользнув под покрывало, он ласкал губами ее кожу.... Но что-то холодное все еще стояло между ними.

— Нет, не сейчас, — чуть слышно прошептала она, снова отстраняясь.

— Пожалуйста, — настаивал он. Тепло ее тела ощущалось сквозь тонкую ткань ночнушки. Джейн уперлась ладонями в его грудь и почти оттолкнула его. И тут до него дошло, что кто-то барабанит в дверь.

— Миссис Баррет! Миссис Баррет! — взывала какая-то женщина.

Баррет выругался.

— Соседи, черт бы их побрал, — он мрачно ухмыльнулся: — Всем в укрытие, Марс атакует!

— Это миссис Пурдом, из соседнего коттеджа, — холодно сказала Джейн. — Когда истратишь запасы яда, сходи, выясни, что ей нужно.

— Почти уверен: стакан сахара.

— Не глупи, Тим. Это может быть что-то серьезное.

Призвав всю свою решимость, Баррет вылез из постели, закутался в халат Джейн и кое-как затянул пояс. Пол неприятно холодил босые подошвы. Он подошел к двери и распахнул ее.

— Ох, мистер Баррет, я и не знала, что вы дома!

Баррет глядел на маленькую женщину: ее худое лицо было бледным, как мел, и мокрым от слез.

— Ни за что не стала бы тревожить вас так поздно, но все очень серьезно. Вправду серьезно. Можно мне позвонить?

— Ну конечно. Входите.

— Это маленький Джимми, мой сын, — она снова заплакала. — Ох, это ужасно, ужасно... А у мужа ночная смена...

Баррет провел ее в спальню. Джейн уже встала и закуталась в плотный домашний костюм.

— Вы хотите позвонить доктору, миссис Пурдом? — встревоженно спросила она.

— Да, да, миссис Баррет. Доктору Хьюму. Мы всегда к нему обращаемся.

— Сейчас найду номер, — сказала Джейн.

— Ох, не беспокойтесь, миссис Баррет. Я помню, — склонившись к телефону, который стоял на прикроватном столике, она дрожащими руками стала крутить диск, но сбилась и начала сначала. — Ох, доктор, доктор... Ох, миссис Хьюм, можно мне поговорить с доктором? Это миссис Пурдом... Да, это важно, очень важно... маленький Джимми... ему искусали все лицо... нет, не паук.

— Думаю, ты можешь оказать первую помощь, Тимоти, — тихо произнесла Джейн.

— Конечно.

Он быстро прошел в соседнюю комнату, натянул брюки прямо на пижаму, сунул ноги в кожаные туфли. Входная дверь была все еще открыта; он широким шагом вышел на улицу. Сквозь соседнюю дверь пробивался свет.

Баррет вошел. Планировка была почти такой же, как у них в доме, вторую спальню использовали как детскую. Вот детская кроватка; на полу под ней растекалась лужа крови. Ребенок, который лежал в кроватке, не кричал, как обычно кричат дети, а издавал тоненькие мяукающие стоны.

Баррет склонился над кроваткой — и ему едва не стало дурно. Лицо ребенка было не просто искусано — его буквально изгрызли. Нужно что-то делать... но как? На корабле все проще — там есть средства для оказания медицинской помощи. Ладно, самое главное — остановить кровь, это вопрос жизни и смерти. Остановить кровь и предотвратить заражение — если еще не слишком поздно.

Окно, выходящее в темный сад, было открыто. На бельевой веревке смутно белели полотняные квадратики. Сойдет: конечно, они не стерильные, но достаточно чистые. Он выскочил наружу, сорвал несколько салфеток с веревки. Потом вернулся, очень нежно и осторожно приложил кусочек ткани к обезображенному лицу ребенка, не закрывая рта и того, что осталось от носа. Салфетка немедленно пропиталась кровью. Он взял другую. Потом третью.

— Мистер Баррет, мистер Баррет, — миссис Пурдом схватила его за локоть. — С ним же все будет в порядке, правда? Он поправится?

— Конечно, — солгал Баррет.

«С лицом пластические хирурги что-нибудь сделают, — подумал он, — а вот зрение в левом глазу уже не восстановишь».

В этот момент появился доктор — к немалому облегчению Баррета. С миссис Пурдом он говорил, пожалуй, грубовато, но без злобы, спросил Баррета, что тому известно о происшествии и какие меры приняты. Затем он осмотрел ребенка — быстро, но тщательно.

— В последнее время подобные случаи участились, — изрек он с горечью. — Их стало слишком много. О чем думает Совет Крысоловов — Служащие по контролю за грызунами, как они себя величают — Бог знает. По моему, пора бить тревогу.

Баррет перенес изувеченного ребенка в машину доктора и осторожно уложил на заднем сиденье. Миссис Пурдом в панике рвалась в машину.

— Не дергайте ребенка, мадам! — раздраженно прикрикнул доктор. — Говорю вам, не трогайте его! — Он кивнул Баррету: — Спокойной вам ночи. И спасибо за все.

В молчании Баррет и Джейн наблюдали, как исчезли за углом красные огоньки стоп-сигналов, потом вернулись в дом.

Закрывшись в ванной, Баррет тщательно отмывал руки. Дело было не в крови. Он знал, что за животные нанесли эти укусы. Моряки ненавидят крыс еще сильнее, чем жители суши.

Наконец он вернулся в спальню. Джейн уже лежала в кровати, и Баррет пристроился рядом.

— Бедная женщина, — промолвила она. — Бедное дитя.

— То, что сказал доктор, — это правда? — спросил Баррет. — Насчет похожих случаев в округе?

— И не только здесь, но по всему Сиднею. Кто-то мне говорил, что это как чума — вспыхивает снова и снова. То крысы, то блохи... потом будут акулы в бухте и на океанских пляжах.

— Крысы хуже любых акул, — тихо проговорил он. — С акулами мы сами виноваты — не надо плавать в незащищенном месте. А эти подлые твари нападают на детей в кроватках...

— И не только на детей. Ты читал газеты?

— Не читал. В Тасмании местных газетенок не попадалось.

— На прошлой неделе искусали двух пожилых пенсионерок — точно так же, как бедного маленького Джимми Пурдома. Одну недалеко отсюда, вторую — в Мэнли. А еще нашли пьяного с разорванным горлом. Полиция считает, что это крысы.

— А еще собака, — почти прошептал он. — Мертвая собака на дороге, возле нашего дома.

— А я видела кота несколько дней назад. Мертвого. И тоже что-то с горлом.

Баррет жестко рассмеялся.

— Ну прямо как у Браунинга:

Крысы —
Различных мастей, волосаты и лысы —
Врывались в амбар, в кладовую, в чулан,
Копченья, соленья съедали до крошки,

Вскрывали бочонок и сыпались в чан,
В живых ни одной не оставили кошки...

— Собаки и коты вопиют о помощи, — отозвалась она.

— Но все это слишком серьезно, Джейн. Я сомневаюсь, что они в состоянии нападать на здоровых и трезвых взрослых — а угроза эпидемии? Завтра, когда буду возвращаться, принесу пару ловушек и яд. И, пожалуйста, следи повнимательнее, чтобы не скапливался мусор.

— Я всегда слежу.

Раздался резкий щелчок: Джейн выключила свет.

— Надеюсь, это были крысы, — неуверенно начал Баррет. — Ребенок Пурдомов, потом эта собака...

— Ты о чем, Тим?

— Ну... не знаю, как сказать. Мне показалось, я кое-что видел, когда мы возвращались от соседей, — какое-то животное. Оно быстро прыгнуло в тень. Больше похоже на кенгуру. Небольшого кенгуру.

— Не выдумывай, — возразила она. — Когда это кенгуру бегали по городу?

— Да, но...

— Лучше постараемся уснуть.

Он прижал ее к себе и поцеловал, но Джейн не ответила на поцелуй и повернулась к нему спиной. Интересно, уснула она или только притворяется? «Наступает время, когда мне начинает казаться, будто весь мир против меня, — думал он. — Если бы не эта история с миссис Пурдом...»

Тут он одернул себя.

«Как можно быть таким себялюбивым, Баррет, тебе следовало бы стыдиться. Пусть даже...»

И вспомнил, как все было у них с Джейн до ее беременности — пока все не пошло наперекосяк. Они потеряли ребенка, да и сама Джейн едва не погибла. Он вспомнил, как приезжал домой: вино, которое они пили вместе, откровенная, ничем не омраченная радость тела, когда все напряжение улетучивается, все отчуждение, которое появляется после разлуки, бесследно исчезает. Он вспоминал снова и снова.

Рано или поздно это должно произойти. Рано или поздно появится женщина — симпатичная, неглупая — и доступная.

И я не смогу удержаться от этого шага. Да, я люблю Джейн. Благодаря ей я знаю, что у меня есть дом, но... Кто сказал, что брак — не просто две пары ног в одной кровати? Джонсон? Он был прав, однако...»

Баррет повернулся и неловко поерзал, стараясь не потревожить эту женщину, которая спала рядом. Пока она сама не готова — если вообще когда-нибудь будет готова — любая попытка добиться близости принесет больше вреда, нежели пользы. И с облечением провалился в тяжелую дремоту.

Вдруг где-то завыли сирены — недалеко и довольно громко. Сна как не бывало. Полиция? Скорая? А может быть, пожарные?

Баррет бесшумно выскользнул из-под одеяла и вышел в сад. Луна стояла низко, на востоке небо слегка окрасилось — приближался рассвет. А на западе, над окрестностями Паддингтона, дрожало ржавое зарево, то появляясь, то исчезая. Ночь звенела переливами сирен.

«Сначала крысы, — недовольно подумал Баррет, — теперь поджигатели».

Он еще немного постоял, а потом прошел на кухню и поставил чайник на плиту. Если он вернется в постель, все равно ни за что не уснет. Он знал это наверняка.

Глава 3

Шесть дней спустя «Катана», судно Баррета, шла из Ньюкасла на юг и уже миновала изрядный отрезок пути. Вдали показался мыс Хоув, южная оконечность Австралии. Теперь они держали курс из Габо к острову Диэл. Вечер выдался на редкость приятный: ясная погода, легкий северный ветер, спокойное море. Со стороны пролива Басс, как обычно, шла волна, но она не могла помешать движению судна.

В восемь вечера Баррет сдал вахту третьему помощнику — объявил курс, выверив его по компасу, сообщил координаты, полученные при помощи радара и приборов визуального наблюдения и прочие привязки к северу. С формальностями было покончено, и он направился прямо в буфет.

Он успел как раз к ужину. Свободные от дежурства офицеры делали сандвичи на тостах, разливали чай, растворимый кофе, какао.

Капитан Холл изучал содержимое холодильника и огорченно вздыхал:

— Неужели на этом корабле не найдется куска приличного сыра? Эту дрянь даже уважающая себя крыса есть не станет. Эрзац-резина, да и только!

— Если верить таксисту, что подвозил меня на днях, крысы с удовольствием жуют резину, — заметил Баррет. — Он жаловался, что у него шины погрызли.

— Небось, были повкуснее, чем это, — промычал Холл, набивая рот сандвичем.

Напитки были разлиты по чашкам, на тарелках громоздились сандвичи самого разного вида, и офицеры расселись вокруг стола. На какое-то время разговоры прекратились: все сосредоточенно поглощали пищу. Осушив вторую чашку крепкого чаю, капитан возобновил беседу:

— Слышали о крушении самолета в Эссендоне? Жуть какая!

— Сегодня я пропустил выпуск новостей, — ответил старпом. — Приемник барахлил.

— В Электре, — поправил Старик. — Не успел набрать высоту, как рухнул на жилой квартал. Весь экипаж погиб — да еще двадцать человек на улице.

— Аэрофлот Австралии всегда был самым безопасным в мире, — бросил второй механик.

— Между прочим, раньше так и было, — возразил капитан Холл, — но не сейчас. За последние пару месяцев самолеты падают один за другим.

— Террористы, — резюмировал главный механик. — Это повсюду, по всему миру. Самолеты падают. Пожары. Если у правительства еще остались мозги, им пора взяться за коммунистов — всех поставить к стенке. Это же по всему миру. В Штатах. На материке. Уверен, эпидемия чумы в Индонезии — это их рук дело. Ублюдки...

— Я всегда считал, что Россия в дружеских отношениях с Индонезией, — удивился Баррет. — Между прочим, на прошлой неделе в «Таймс» писали, что Кремль обеспокоен катастрофами в Советском Союзе.

— Нельзя верить всему, что пишет «Таймс», — возразил главный механик.

— Может, оно и так, Кен, но какой стиль! — Баррет сделал большой глоток кофе, потом вернулся к своей любимой теме. — Беда в том, что в наши дни любую небрежность в работе или преступную халатность списывают на террористов.

— У русских своих проблем хватает, — заметил Билл Малони. — Прошлой ночью приняли сигнал SOS с русского корабля в Тихом океане. У них случился пожар.

— Это они сообщили, что там был пожар, Билл, — усмехнулся главный механик.

— Раз сказали, что там пожар, значит, он там был, — настаивал радио-офицер. — Люди не посылают сигнал тревоги просто так. Русские и правда горели. Я получил сигнал с корабля, который послал им помощь.

— Наверное, красные сами подожгли корабль, — заявил главный механик с улыбкой превосходства. — Эти ублюдки на любые жертвы пойдут, лишь бы обелить себя в глазах Запада.

Баррет и остальные офицеры еще обсуждали эту тему, когда в дверь салона постучали. Он поднял голову и посмотрел на часы. Вахта с восьми до двенадцати еще не закончилась.

— В чем дело? — спросил он.

— За вами послал третий помощник, сэр. Впереди корабль, весь в огне.

Они поспешили на палубу. Горел кеч* — небольшое парусное суденышко с дизельным двигателем, одно из тех, что снуют между мелкими портами, раскиданными вдоль всего Австралийского побережья. В первый момент показалось, что судно полностью охвачено пламенем — от носа до кормы.

«Пожалуй, еще не полностью», — поправил себя Баррет, настраивая бинокль.

Корабль стоял носом к ветру, и до верхней части кубрика пламя еще не добралось. Там можно было различить темные силуэты людей, двое балансировали прямо на бушприте. Кто-то размахивал факелом, пытаясь подавать сигналы SOS. Зачем из кожи вон лезть, все и так ясно.

— Вы только полюбуйтесь, мистер Баррет, — произнес Старик.

Баррет спустился на шлюпочную палубу. Боцман с помощниками уже расчистили подходы к спасательной шлюпке и вытаскивали ее наружу. Ручки были повернуты, шлюпбалки в полном порядке, двигатель завелся. Завращались барабаны, лодка отъехала на шлюпбалках и, наконец, повисла над черной водой.

Все готово к спуску, с удовлетворением заметил Баррет. Он махнул рукой боцману, сжимавшему рукоятку лебедки, тот поднял рычаг. Взвизгнули фалы. Баррет поднял руку, и боцман отпустил рычаг.

— Спускаемся, шеф? — спросил он.

— Нет. Пока не надо. Отправьте кого-нибудь, чтобы следили за приборами и управлением. И удостоверьтесь, что все будут в спасательных жилетах, — он сделал паузу. — На весла пусть сядет Сторз. И Вудли с Грантом. И Брандт с Молуккой.

Он отправился в свою каюту, снял с вешалки спасательный жилет и надел его. Потом вернулся на мостик. Третий помощник уже передавал машинным телеграфом «Самый тихий ход».

— Все готово, — сообщил Баррет.

— Хорошо, — пропыхтел Старик. — Подойдите к кечу так близко, как только сможем. Как только мы увеличим расстояние, бегите на нижнюю палубу и спасайте этих ребят. Только про себя не забудьте.

На шлюпочной палубе Баррета уже поджидал второй помощник, готовый руководить спуском. Баррет дал ему кое-какие необходимые инструкции. Горящая палуба кеча приближалась. Он услышал голос Старика: «Полный вперед!», стук телеграфного аппарата, тяжелый чих дизелей. Приблизившись к самому борту, Баррет встал на выступающую шлюпбалку и смотрел, как вдоль обшивки стелется густой дым.

— Стоп обе машины! — скомандовал Холл. — Все в темпе, мистер Баррет, как заказывали.

Вместе с матросами Баррет забрался в шлюпку и занял место на носу. По жесту старпома второй помощник передал боцману приказ тормозить. Лодка упала в воду, и толстые тросы на катушках жалобно зазвенели. Навстречу поднялась большая волна, провода провисли, лишь нижние блоки звякали о крючья. Баррет сам отцепил часть крючьев, а

Сторз повторил его действия с другой стороны. Баррет велел ему травить фалинь, а остальным — бросить управляющие канаты. Теперь настала очередь потрудиться флеминговскому двигателю.

— Лево руля! — крикнул он.

Спины людей качались взад-вперед, слаженно и ритмично. Баррет крепко держал румпель, отрываясь от корабля. Далеко плыть не пришлось. Он уже ощущал жар от горящего кеча. «Бедняги, небось, ужин готовили», — подумалось ему.

Он вел лодку к наклонившейся палубе, чтобы забрать выживших, которые, как он видел, пытались сражаться с пламенем при помощи морской воды.

Нос кеча был задран, крепкий бушприт поднимался над водой. Баррет решил подобраться к нему: под короткой перекладиной может быть хорошо видно. Заведующий складом, склонившись, держал крюк наготове. Окликнув его, Баррет поделился своим планом.

Жара стала невыносимой, сияние огня ослепляло, но лодка не двигалась с места.

— Вперед, — скомандовал Баррет, потом повернул рычаг обратного хода. — Сдать назад.

Он чувствовал, как команде, наконец, удалось оседлать волну. Заведующий складом забросил крюк — как раз в тот момент, когда Баррет приказал остановиться.

Один из моряков, спасавшихся на бушприте, сорвался вниз тяжело и неуклюже, крича от боли. Второй ждал, пока лодка не поднимется на волне. Остальные — всего их было четверо — уже барахтались в воде и по одному забирались в лодку. Баррет полагал, что последний из них — капитан, но все же счел своим долгом спросить:

— Это все?

— Да, — слабо простонал человек. — Да... Больше никого. Билл сгорел. И Блуи тоже.

И Баррет с ужасом осознал, что этот покрытый ожогами человек и есть капитан кеча.

— Уходим, Сторз! — скомандовал он.

Тот не подчинился.

— Но на борту остался кот, шеф. Нельзя допустить, чтобы бедняга зажарился.

— Да отправляйтесь вы, болван! — прошептал изувеченный капитан. — Нет там никаких котов. Давайте! Полный вперед!

— Но я его видел! — настаивал тот.

Сзади раздался негромкий взрыв, похожий на глухой хлопок. Столб оранжевого огня лениво взмыл в небеса и почти мгновенно превратился в полусферу. Гребцов подгонять не пришлось: не дожидаясь приказа Баррета, они сдали назад, и шлюпка рванула прочь.

Когда они уже отошли и видимость улучшилась, Баррет увидел на пылающей палубе кошек... Нет, никакие это не кошки, хотя две из этих тварей — размером с хорошего кота. Всего же их было около десятка: метались взад и вперед, жалобно пища от страха. Крысы. И среди них — две невероятно крупные твари, которые стояли на задних лапах почти прямо. Они скорее напоминали кенгуру.

Потом Баррет увидел, как они бегут по бушприту и прыгают в воду. Что с ними случилось дальше, было непонятно: пламя слепило глаза. Повернув лодку к ожидавшему их судну, он услышал, как Сторз распекает людей с кеча:

— У вас что, зверинец был на корабле? Валлаби* или как их там? И какого черта вы позволили бедным тварям сгореть?

— Никого там не было, кроме крыс, — простонал раненый. — Одни треклятые крысы.

Баррет сидел в каюте у капитана Холла и беседовал со Стариком. Вахтенный журнал на столе Холла был открыт. Нужно сделать записи, прежде чем судно прибудет в Эдем, где пострадавших высадят.

Холл вертел в толстых пальцах автоматическую ручку, словно собирался ее сломать.

— Какого черта я буду что-то писать? — ворчал он. — Вы же знаете, что за люди плавают на кечах — горькие пьяницы, все до одного. И кто поверит в их историю? Крысы, похожие на кенгуру, заполонили корабль, убили кота и играли со спичками. На самом деле, их видел один шкипер, но я сомневаюсь, что он выживет. Вот вы — вы что-нибудь видели? — он почти кричал.

— Я... Не уверен... — медленно пробормотал Баррет.

Он вспомнил, как в ту злосчастную ночь видел возле дома Пурдомов тварь, похожую на кенгуру. Вспомнил пропажу спичек со стола Джейн. Вспомнил пожар, из-за которого проснулся.

Все это было лишено смысла.

Или, напротив, имело какой-то чудовищный смысл.

Он вздрогнул, хотя в каюте было тепло.

Глава 4

Спасенных с кеча высадили в Эдеме, на берегу пролива Туфолд, и «Катана» продолжила прерванное путешествие в Бурни, на северный берег Тасмании — первый порт разгрузки. Обычно после Бурни жизнь на борту становилась скучной и рутинной — но не тут-то было.

Сначала в течение недели на них чередой обрушивались штормы и ливни. Вдоль всего побережья Давенпорта было сильное волнение. В Лонсестоне пожар повредил причал и склады. «Катана» находилась вблизи порта и двигалась вверх по реке Тамар, когда все началось. Оставалось только вернуться в пролив Бэй, в устье реки. Там они оставили лонсестонский груз, загрузили несколько тонн алюминия и глинозема и вернулись в Бурни, чтобы завершить погрузку.

В Бурни пришло письмо от Джейн. Один кусок Баррет читал и перечитывал, потому что она писала о крысах:

...Миссис Пурдом уверяет меня, что малыш быстро поправляется. Я очень рада это слышать. Бедной женщине пришлось несладко. Все только и говорят, что о петиции Совету и Парламенту по поводу крыс — настало время действовать. Иначе эта напасть охватит весь Сидней.

Между прочим, яд, который ты мне дал, бесполезен. Крысы на него внимания не обращают. Конечно, если в доме вообще есть крысы. Пока я не нашла никаких следов. А те мелкие вещицы, которые пропали, крыс обычно не интересуют: пакетик иголок, пара маникюрных ножниц,

пресловутый коробок спичек. А твои ловушки! Я едва не оттяпала себе палец, когда их ставила.

В общем, Тимми, я предпочитаю считать, что это полтергейст. А может быть, привидения. Дом все-таки старый. И меня не покидает странное чувство, особенно по ночам, будто кто-то (или что-то) следит за мной. Довольно неуютно, если ты понимаешь, о чем я.

Но вернемся к крысам. Старая миссис Хант — мы с ней иногда встречаемся в зеленной лавке на углу — говорит, что у нее пропала кошка. Ты эту кошку знаешь. Такая полосатая, вечно приносила котят в чужих сараях и под домами. Спасибо, что ты огородил наше заднее крыльцо! Как бы то ни было, миссис Хант совершенно уверена, что именно эти жуткие крысы убили ее бедняжку Тибби.

Может быть, она права. Но, по-моему, у кого-то из домовладельцев просто лопнуло терпение. Например, старая мисс Уилсон из крайнего дома. Она ненавидит кошек, зато обожает свой сад. Она могла просто убить кошку и пустить на удобрение. Я где-то читала, что розы превосходно растут на мертвечине.

Кто-то стучит в дверь. Пойду взгляну.

(Позднее). Это был очаровательный молодой человек, в белом плаще, похож на доктора из одного фильма. Он представился служащим по контролю за грызунами. Заглянул в мусорное ведро. Затем, с моего разрешения, полностью обследовал дом от носа до кормы, от трака до кильсона. (Я еще помню, что такое «трак» — это маленький деревянный кругляшок на верхушке мачты, верно?) Потом он прошел к машине, осмотрел ее внутри и снаружи. Кстати, спросил меня, не было ли проблем с шинами.

Как бы то ни было, он похвалил меня за чистоту и сказал, что наша хижина — просто дворец по сравнению с остальными. Дал мне пакет с белым порошком, чтобы рассыпать вокруг, и оставил свой телефон.

Вот и все новости, Тим. Жизнь у нас тихая, скучная — не сравнить с твоей. Поэтому возвращайся поскорее, слышишь? Я знаю, что это глупо, но ты можешь подействовать на ход событий. В любом случае, мне нужен мужчина в доме...

Баррет криво усмехнулся. «И вечно-то я ей нужен, когда меня нет рядом, а стоит мне вернуться — глядит на меня, как на недоразумение какое-то. Словно я — дохлая мышь, принесенная кошкой».

Мысль его тут же зацепилась за ассоциацию.

«Забавно получается с кошкой миссис Хант. Насколько я припоминаю, она отменно ловила крыс. А на «Бетти Фурнесс» — на этом кече — тоже был кот, который почему-то погиб, причем еще до пожара. Вопрос: что общего между этими событиями?»

Он отложил письмо и взял в руки ежедневную газету. Баррет начал с писем читателей. Большинство из них представляли собой жалобы на бессилие местных властей, которым не удавалось положить конец выходкам крыс. Впрочем, крысы упоминались не только в читательской колонке. Были еще сообщения из Перта и Брисбена, Аделаиды и Мельбурна, Канберры и Сиднея — небольшие заметки, рассказывающие о смертях и несчастных случаях, в которых были повинны крысы. Они нападали на младенцев в кроватках, на инвалидов в постели и — пару раз — на пьяных, уснувших на улице.

«Но ведь, по большому счету, это их обычная манера, — подумал Баррет. — Нападать на слабых и беспомощных. Известно, что они время от времени собираются в стаи и нападают на кошек и собак. Это всего лишь очередное нашествие крыс — не первое в истории и не последнее. Была же вся эта заварушка в славном городе Гамельне, что близ Ганновера?»

Он отшвырнул газету и пошел поглядеть, как идет погрузка.

Наконец «Катану» загрузили рулонами бумаги, ящиками с овощными консервами, древесиной и мешками с картофелем. Теперь она была почти готова к отплытию в Сидней. Баррет наблюдал, как члены команды закрывают клапаны и прибивают на место скобы и пересекающиеся клинья стальных перекрытий, и ни о чем не жалел. Ему хотелось домой; пожалуй, каждый из команды, от капитана до юнги, испытывал те же чувства. И все работали на совесть, не желая зря тянуть время.

Прохаживаясь взад-вперед по причалу, откуда их корабль был отлично виден, Баррет пытался разобраться, что его беспокоит. Беспокойством были пронизаны и все последние письма Джейн. Особенно остро Баррет ощутил это, когда позвонил домой, и трубку не снимали очень-очень долго. На такое же беспокойство жаловались все его товарищи по кораблю. И, разумеется, оно сквозило в каждой газетной колонке, в каждой строке журнала, в каждом слове радиовыпуска новостей.

Это было похоже — и при этом совершенно непохоже — на период напряженности, который обычно предшествует мировым войнам. Похоже — потому что множество людей с тревогой смотрели в небо и на море, собирались вокруг радиоприемников и напряженно слушали новости. Непохоже — потому что не собирались армии, мир не делился на своих и чужих, и вообще причин для военных действий не было. Как выразился третий помощник — подлинный фанат научной фантастики — все это напоминало канун Вторжения Извне.

Как бы то ни было, Баррет хотел вернуться домой до того, как приземлится первая тарелка. «Если приземлится», — поправил он себя. Он посмотрел на нижний уровень пристани, где уже начали собираться рабочие с небольшими передвижными кранами. Баррет огляделся в поисках боцмана и увидел его на палубе: тот накрепко заколачивал скобы на люке первого трюма.

— Только появится минутка — и вы тут же находите себе дело, — сказал старший помощник.

— Что поделать, сэр! — отозвался боцман.

Баррет взглянул на часы и тяжело вздохнул. «Похоже, конец света и впрямь не за горами, — подумал он. — Прежде ребята попросили бы сделать перекур, а потом взялись за якоря».

Начальник береговой команды подошел к Баррету.

— Если ваши ребята будут продолжать в том же духе, Тим, вы на час опередите график, — заметил он. — Тогда и мы освободимся пораньше.

— Вы же знаете правила, — ответил Баррет. — Мы должны выйти строго по расписанию.

— Но если все будет готово?..

— Посмотрим.

Один из матросов «Катаны» сворачивал канаты возле фальшборта.

— Вудли, — окликнул его Баррет, — похоже, в двадцать один ноль-ноль мы закончим. Парни согласятся отплыть пораньше?

— Готов поклясться, согласятся. Груз уже весь на борту, я проверял.

— Вот и отлично.

Баррет вернулся на корабль и переговорил с капитаном Холлом, который решил немного вздремнуть перед отплытием, потом передал необходимые распоряжения инженерам и прочим.

«Катана» отделилась от причала и легко скользнула в воды залива Эму. С высоты полубака Баррет слышал стук телеграфного аппарата на мостике, наблюдал, как маневрирует по палубе капитан Холл, и представлял, как сам будет вести судно, если когда-либо станет капитаном. «Право руля полный вперед! Полборта лево руля. Право руля — поворачивай, не обращать внимания на ветер с берега! Самый полный вперед!»

Впереди показались огни волнореза. Боцман получил приказ следить за якорями и спускаться с полубака, если компрессоры и абордажные крюки наткнутся на цепи. Сам же Баррет отправился на корму, осветил створки клапанов и шлюзовые двери, дабы удостовериться, что они задраены на совесть. Взобравшись по лесенке, он нашел в рулевой рубке Холла: Старик глядел на экран радара, точно гипнотизер.

— Все в порядке, сэр, — сообщил старпом.

— Спасибо, мистер Баррет, — капитан оторвался от экрана. — Собираетесь лечь?

— Только душ приму.

— Может, пропустим по стаканчику? Я сейчас подойду.

Холл жевал сандвич с сыром, прихлебывая бренди со льдом. Его круглое, румяное лицо было непривычно серьезным.

— Вы помните кубинский кризис? — спросил он неожиданно.

— Еще бы не помнить, — отозвался старпом.

— Вы же тогда были в море, верно? Не в отпуске, не в отгуле?

— Именно. На «Канаве».

— Значит, вы должны помнить, что творилось перед всей этой катавасией. Так называемые маневры, причем с участием торговых судов. Если видишь перископ или что-нибудь подозрительное, должен немедленно посылать громкие сигналы на той или иной частоте. Это был прекрасный способ держать нас всех в состоянии боевой готовности.

— К чему вы клоните?

— К тому, что нынче ничего такого не происходит. Если верить тому, что я чувствую — и все остальные тоже — что-то вот-вот должно начаться. Но не начинается.

— Что бы там ни говорил главный механик, я не верю, что это дело рук Кремля. Не будете же вы утверждать, что они пожертвуют своим последним атомным ледоколом.

— Если не русские — тогда кто? — спросил Холл.

— Или что?

Старик резко рассмеялся.

— Почитайте на досуге писанину третьего помощника. Господи, как все это...гм... странно. Развал всего. Транспорта, коммуникаций...— Он бросил в стаканы новую пригоршню льда и подлил бренди. — Что вы об этом думаете?

— Что-то вроде восстания четвероногих. Они устали от наших преследований и решили нанести ответный удар. Они перегрызают контрольные кабели в пассажирских лайнерах, дырявят шланги в противопожарной системе небоскребов... Ну, на худой конец — портят покрышки у машин на пожарных станциях.

— Фантастика, — произнес Холл, но убежденности в его голосе не было.

— Да, пожалуй. Но сейчас время такое. Время теории вероятности. На прошлой неделе произошли крушения — в Электре и в Нью-Йорке. Вероятная причина — попадание птиц в мотор. «Вискаунт» на Орлиной Ферме. Вероятная причина — ошибка пилота. Еще «вискаунт» над Ботани-Бэй: ошибка пилота и — или — неполадки в атмосфере. «Боинг» между Калькуттой и Карачи... Продолжать? По меньшей мере, восемь аварий.

Эксперты пытаются выяснить причины — для каждого случая свои. Может, лучше попробовать найти общий фактор?

— Саботаж, — с сомнением промолвил Старик.

— Да. Но вы уверены? У китайцев проблемы с «вискаунтами» начались давно, а у русских всегда что-нибудь происходит... Посмотрим же правде в глаза, — полушутя-полусерьезно провозгласил Баррет. — Они вышли на тропу войны!

— Да черт побери! — в сердцах воскликнул капитан. — Что еще за «они»? Все, кто был на борту, погибали. А сколько пожаров в море?!

— Это напоминает мне Уэллса. Герберта Уэллса — был такой писатель. Незадолго до смерти он произнес странную фразу, она звучала примерно так: «К нам подкрадывается нечто жуткое и непонятное...»

— Хм... Может, к нему и впрямь что-то подкрадывалось. Я скажу вам кое-что, мистер Баррет, а вы уж поступайте, как знаете. Если что-то жуткое подкрадется, дай мне бог оказаться в кругу семьи. Главное для меня — мамочка и ребятки, на втором месте — я сам и корабль в придачу. Но ничего не случится.

— Надеюсь, — отозвался Баррет.

— Все пройдет, как кубинский кризис.

— Дай бог.

— Выше нос, парень! Ладно, хлебнем на дорожку — и на боковую.

— С удовольствием. Денек нынче выдался долгий.

День и впрямь выдался долгим. Но следующие три дня пути — от Тасмании до Сиднея — показались и вовсе бесконечными. Команда полагала, что уже на рассвете в воскресенье «Катана» пришвартуется в порту. Но справиться с крепкими ветрами, которые дули то с юга, то с севера, маленькому и не слишком мощному суденышку оказалось не под силу. Когда миновали Габо, «Катана» совсем потеряла ход.

Корабль полз на север. Днем берега были окутаны дымкой лесных пожаров, а к ночи над ними полыхало яркое зарево. Встретившись на мостике с капитаном Холлом, который нес вахту вечером в воскресенье, Баррет заметил:

— Лесные пожары нынче жуткие, сэр.

— Видал я и похуже, — прогудел Холл, но это прозвучало не слишком убедительно. Немного помолчав, капитан добавил:

— Я слышал в новостях, будто из пары небольших городков, где-то в глубине материка, ушли все жители.

— Лучше бы передали что-нибудь радостное, — отозвался Баррет. Он взял из ящика бинокль, поднес к глазам и стал рассматривать линию горизонта впереди, в направлении порта.

— Видите мыс Бейли? — спросил Холл.

— Нет. Еще недостаточно стемнело. Даже если бы видимость была получше, огней не разглядеть. Но, если я не ошибаюсь, нефтяной завод весь в дыму.

— У нас же есть радар.

— Конечно, сэр, но я подумал, что ему лучше отдохнуть. Во внутренней гавани он нам понадобится.

Холл облокотился на поручни в передней части мостика, попыхивая сигаретой.

— Чувствуете? — внезапно спросил он. — Как перед грозой. Что-то должно произойти, нутром чую.

Баррет взглянул на небо. Звезды, обычно яркие, едва виднелись сквозь туман.

— С чего вы взяли, что кто-то что-то замышляет? Думаете, какая-нибудь поганая ракета с ядерной боеголовкой собирается упасть на Сидней?

Капитан выбросил сигарету за борт и закурил следующую.

— Нет. Совсем другое. Вам не доводилось оказаться на корабле, где назревает бунт? Вот мне довелось. Я был совсем зеленым юнцом, служил у китайцев, третьим помощником маленького грузопассажирского судна, и в команде у нас были китайцы. На корабле было несколько сотен пассажиров. Пожалуй, это правильнее назвать пиратством, нежели бунтом — большинство пассажиров были из числа пиратских банд. Но к ним присоединились почти все китайцы из команды, так что это все-таки был мятеж. Задолго до того, как началась заварушка, мы, офицеры, знали: что-то будет. Можете себе представить, как это выглядело: на вахту заступаешь только с сорокапяткой на поясе... ложишься вздремнуть — клади карманную артиллерию под подушку, — он умолк, потом добавил: — И даже это не всегда помогало.

— Были случаи? — вежливо спросил Баррет.

— Капитан и главный механик. Они слишком заботились об интересах компании. Это научило меня вещам, которые я не забуду. Как говорят иные моряки: кусок себе, кусок компании, а себе — лучший кусок.

— С таких мыслей и начинается...— начал Баррет, по-прежнему вглядываясь в горизонт — и воскликнул: — Вот он! Похоже, войдем четко. Сейчас справа по борту...

Он подошел к компасу, чтобы снять данные, а затем, бегло записав их в блокнот для схем, вернулся в рулевую рубку настроить радар. Ожидая, пока прибор нагреется, Баррет отдал приказ рулевому изменить курс — так, чтобы красноватый огонек на причале замерцал прямо впереди.

Шум приборов внезапно сменился писком — это заработал радар. Баррет нанес отметку, обозначив основное положение корабля, прибавил резкость и яркость. Теперь ему была видна знакомая линия берега. Но на той же линии, что и красный огонек причала, он увидел мигающие вспышки.

— Это не нефтяной завод, — сообщил он капитану. — Похоже на небольшое судно. Примерно в трех милях отсюда.

— И оно горит, — откликнулся Холл, разглядывая в бинокль яркое световое пятно. — Или терпит бедствие. Лучше поспешить на помощь.

Но к тому времени, как «Катана» приблизилась к месту аварии, судно уже затонуло. Лишь масляное пятно пузырилось на воде, медленно расползаясь во все стороны. Однако было решено спустить шлюпку, и Баррет встал у руля. Может быть, удастся обнаружить какие-нибудь следы, которые могут привести к разгадке? Но он так ничего и не обнаружил. Он уже собирался вернуться на корабль, когда услышал слабый крик.

Кричал человек — он был едва жив, но каким-то чудом держался на воде. Очень бережно его подняли на борт. Баррет понял, что ему уже ничем не помочь — бедняга был совсем плох — но матросы налегли на весла, и шлюпка понеслась к «Катане» с максимальной скоростью. Лодку втянули на борт, спасенного уложили на носилки и унесли в лазарет для офицеров. Пока второй помощник, выполнявший обязанности корабельного врача, занимался им, Баррет следил,

чтобы лодка была убрана на место, а потом вернулся на мостик. Он беседовал с капитаном Холлом, когда появился второй помощник.

— Ничего не вышло, — пожаловался молодой человек. Голос его звенел от напряжения. — Мы ничего не могли сделать. Он умер, и ему еще повезло.

— О чем вы? — резко спросил Холл.

— Это выглядело так, будто на него напали акулы. Но акулы ни при чем. Их здесь не бывает. И трусы оставались на нем. Я увидел там кровь — ну, и сдернул их. Там все откушено — просто гладкое место. А он еще был жив, опустил глаза и увидел, что с ним произошло — и начал кричать. А потом затих — видно, понял, что отходит, только прошептал: «Но мы достали этих мелких ублюдков. Они изжарились, и в аду будут жариться — оттуда они пришли, туда им и дорога».

— Что же он имел в виду? — тихо спросил Холл.

Никто не мог ответить.

Баррет отправился взглянуть на умершего. Как и говорил второй помощник, его раны просто ужасали. Старпом попытался обнаружить какие-то приметы, по которым несчастного можно было бы опознать, но не сумел. Трусы — его единственная одежда — были из непромокаемого материала, без пометок прачечной. В них обнаружился раскисший коробок спичек. Баррет сообщил это Холлу, который составлял рапорт в Службу Контроля гавани Сиднея — а также время и место обнаружения потерпевшего и описанием тела. Труп перенесли в офицерскую курилку и накрыли простыней. Вахта Баррета заканчивалась, до прибытия можно было вздремнуть. Но заснуть он не мог. Должна существовать какая-то зацепка, он знал. За всеми несчастными случаями и катастрофами последних недель что-то стояло. Но что?

Он все еще не спал, когда третий помощник спустился к нему и сообщил: до прибытия осталось пятнадцать минут.

Стоя на мостике, Баррет наблюдал за фонарем боцмана: тот высвобождал якоря. Старик не велел ему спускаться, пока судно не пришвартуется. Баррет готов был поклясться,

что Холл сильно напряжен и волнуется, а потому хочет, чтобы рядом был опытный офицер.

«Катана» все еще не сбросила ход и входила в гавань на двенадцати узлах. Для столь позднего часа здесь было на удивление пусто: только грузовоз да пара баркасов. Ни одной яхты. Ночь стояла ясная, ни малейшего тумана. Полная луна висела в зените. Ветер совсем стих.

Оба дизеля работали без устали. На юге, на крыше высотного дома мигал красный огонек — этот небоскреб стоял рядом с коттеджем Баррета. Интересно, спит ли сейчас Джейн. Справа по борту горел зеленый прожектор на Брэдли-Хэд, рядом с ним — тусклая россыпь бортовых огней стоящих на якоре судов. Далекие белые вспышки — Форт Денисон.

— Что-то тихо, — проворчал Холл. — Затишье перед бурей.

— Я уже вижу маяк на метеостанции, сэр, — вмешался третий помощник. — Ровные белые огни. Отличная погода.

— Я не это имел в виду, — пробормотал капитан.

«А что ты имел в виду, Старик? — мысленно спросил Баррет. — Что? Или ты тоже находишь тишину зловещей? Что держит нас всех в таком напряжении? Мертвые собаки и кошки, искалеченное дитя, обезображенный мужчина, серия необъяснимых пожаров — корабли, здания, леса, нефть?..»

Вот уже показался мост — массивный, но грациозный, с гирляндами ярких фонарей. Значит, Брэдли-Хэд остается справа по борту.

— Может, нам заканчивать проход, сэр? — спросил Баррет. — И сбрасывать скорость?

— Рано.

— Но...

— Вы что, домой не хотите?

— Портовые предписания...

— К черту предписания!

Мост сверкал неоном. А под ним, к востоку — восхитительная череда прибрежных отелей и многоквартирных домов Киррибилли, и в некоторых окнах еще горит свет. «Неужели мы их разбудили?» — подумал Баррет.

Но в окнах зажигались все новые огоньки... вспыхивали и плясали, становясь то красно-оранжевыми, то желто-синими. Вскоре с берега донесся рев пламени. С треском

рушились стены, звенели, лопаясь, стекла. Но страшнее всего были крики. Жуткое зарево отражалось в воде, плясало на фантастических башнях и огромном смеющемся лице над входом в Луна-Парк, что к западу от моста.

И вдруг Луна-Парк взорвался — весь разом, языки пламени вырвались из него и побежали по аллеям и холмам. Ночь огласилась новыми звуками: огонь добрался до приборов в комнате смеха, и громогласные раскаты идиотского хохота огласили ночной город...

— Может быть, надо остановиться, сэр? — вопрошал третий помощник. — Разве мы не должны помочь? Разве...

Но Холл не обращал на него внимания. Ровным голосом он отдавал приказы — казалось, его ничто не волнует, кроме швартовки. Корабль двигался в плотной дымовой завесе.

— Мистер Баррет, — капитан потряс старпома за плечо, — не спускайте глаз с радара, хорошо?

Баррет повиновался. Он был слишком потрясен — так что сейчас и впрямь стоило загрузить мозг работой. Электронный глаз радара бесстрастно рисовал линию берега и контуры кораблей, игнорируя вспышки огня и клубы дыма. Но даже в рубке ощущался жар пламени. Откуда-то долетали громкие пронзительные гудки огромного океанского пассажирского лайнера, похожие на вопли смертельно раненного зверя.

— Где мы сейчас, Баррет? — спросил капитан.

— Прошли бухту Уэльса.

— Я бы встал здесь, но вижу пламя. Даже сквозь дым.

— Сейчас идем прямо на Миллер-пойнт.

— Немного правее, немного правее, — приказал капитан. — Как видимость?

— Можем пройти свободно.

— Тогда оставьте все как есть. Видите красный огонек? Или дыма много? Тогда пользуйтесь компасом.

— Номер пять почти на траверзе, слева по борту.

— Еще что видите?

— Не уверен... Да. Все места у причала заняты.

— Дым рассеивается, — произнес Холл. — Вон Пирмонтский мост. Боже! Ужас какой! Не дождаться было придурку, когда мост разведут...— Холл повернулся к тре-

тьему помощнику. — У вас глаза лучше моих. Швартовочный баркас где-нибудь видите?

— Нет, сэр.

Капитан горько рассмеялся.

— Оптимист паршивый, черт бы меня побрал. Сидней объят пламенем, а я решил, что меня ждут не дождутся... Можете выключать радар, мистер Баррет. Кажется, здесь нет огня, и я вижу, где мы находимся.

Баррет повиновался, потом вышел на крыло, обращенное к порту. Телеграфные аппараты стояли на отметке «стоп». Холл указал на причал. Луна была почти полной, и отражения огней с восточного берега позволяли хорошенько разглядеть детали.

— Я собираюсь подвести судно к берегу правым бортом. Найдите людей, готовых прыгнуть на причал и принять швартовы, — тихо проговорил капитан.

— Не уверен, что это получится, — возразил Баррет.

— И я не уверен. Но у меня здесь дом, и у вас тоже. И у всех остальных. Пусть достают крючья и бухты тросов, плечевой провод, кормовой шпринг... Мне даже думать неохота, что они вам ответят.

— То же самое, сэр. Думаю, нам следует...

— Пошевеливайтесь! — заорал капитан. — И помогите мне провести это гребаное судно вдоль берега с наименьшими потерями. Можете привязать его на пару узелков — этого будет достаточно.

Баррет взглянул на полубак, увидел, что вся команда на местах, и помчался вниз с мостика.

Глава 5

Мягкими, точными движениями — любо-дорого смотреть! — капитан Холл развернул корабль вдоль линии швартовки и дал полный ход, так что «Катана» заняла ровно столько места, сколько необходимо. Затем матрос и помощник спрыгнули на берег и побежали: младший — вперед, старший — назад. Бухты манилы на полубаке и полуюте были уже приготовлены, оставалось лишь кинуть швартовы.

Неловко вытягивая тяжелые канаты вручную, добровольцы подвели их к уровню стрингеров, а потом накинули оганы за ближайшие кнехты.

Баррет видел, как они помчались к воротам пристани, едва выполнив задание. С этим уже ничего не поделаешь. Он махнул боцману, который стоял возле рычагов управления лебедкой, и увидел, как провисли канаты. «Катана» подошла вплотную к берегу.

— Бегом к барабанам.

Но он напрасно беспокоился: никому даже в голову не пришло терять время, передавая манилы с барабанов на причальные тумбы.

Они помчались по трапам на палубу и затем, перелезая через фальшборты, спрыгивали на причал. Высадка напоминала поспешное бегство. Стоя на возвышении на носу корабля, Баррет видел, как толстяк-капитан бежит к воротам пристани, за ним спешил главный механик. Оба кока, главный стюард с помощниками, машинное отделение в полном составе...

«А я что здесь делаю?» — спросил себя Баррет.

Но он был здесь не один: рядом стоял Джо Молукка — крепыш средних лет, ленивый, но надежный как Британский банк.

— Ты что стоишь, Джо?

— Нету дома, — отвечал итальянец. — Мой дом в Ливорно. Здесь, в Сидней, только дом на борту. В Австралия корабль мой дом. Я оставаться, — он накрыл своей круглой ладонью руку Баррета: — Но вы идти, шеф. Molto rapido. У вас дом, жена. Карл и я смотреть за корабль для вас.

«Двое лучших моряков — лучших людей — остаются на корабле?» — подумал Баррет. Один начинал на маленьких суденышках, курсирующих по неспокойным водам Средиземного моря, другой — на балтийских шхунах. Сторожа на берегу сейчас не найдешь, это совершенно очевидно. Огонь распространился повсюду, и весь город кричит, словно одно огромное раненое животное. Но корабль нельзя оставить без присмотра.

— Молодец, — тепло произнес Баррет — и побежал вниз. Но прежде чем он достиг салона, его с двух сторон схватили за руки второй и третий помощники.

— Мистер Баррет, — быстро заговорил второй, — я знаю, это неправильно — вот так убегать. Кто-то должен остаться за старшего. Мы не знаем, что там на берегу, не знаем, как дальше развернутся события. Но Старик умчался, прежде чем мы смогли спросить его. И я не знаю, что с моей женой в Кингсфорде, а Тони волнуется о своей невесте в Кенсингтоне. Мы чувствуем, наш долг — быть с ними, а не здесь...

Баррет резко оборвал его.

— Ладно, бегом! — и добавил мягче: — Пожалуй, и я присоединюсь.

Тревога росла, но он не хотел оставлять судно. Где-то в подсознании у него крепко сидело: недопустимо бросать корабль, так ненадежно пришвартованный, когда кругом бушуют пожары — и кто знает, что может случиться в ближайшие несколько часов. Кроме того, он лично заинтересован в том, чтобы судно уцелело. Если ситуация ухудшится, корабль станет средством спасения и убежищем и для экипажа, и для членов их семей.

Он поднялся на офицерскую палубу. Билл Малони беседовал с третьим механиком Феррисом, маленьким, тощим и лысым.

— Не валяй дурака, Тим, — сказал радио-офицер, заметив Баррета. — Уходи. Постарайся доставить сюда Джейн. А о корабле мы позаботимся.

— Ага, мистер помощник, — подхватил Феррис, — и постарайтесь не забыть, что я буду держать его в полной готовности к отплытию.

— Кстати, не мешало бы установить пожарные шланги. Старина Джо и Карл остаются на борту. Они все сделают. Не хотелось бы мне вот так...

— Да беги, ты, тупица! — взорвался Малони. — У тебя жена, ты должен быть с ней, а не болтаться на этой ржавой посудине, как дерьмо в коробке. Запомни: судно будет готово. Мы будем ждать тебя и остальных столько, сколько сможем.

Баррет все еще колебался.

— Что вы слышали?

— Слишком много, — угрюмо отвечал радист. — И слишком мало. Но достаточно, чтобы понять: это сейчас по всей

Австралии. Начали передавать новости из Новой Зеландии, но сразу прекратили, — его лицо скривилось, словно у плачущего ребенка. — А сейчас почти все станции заглохли. Ни одна не работает. Это конец света. Конец нашего мира.

— Постарайся снова поймать что-нибудь, Билл, — попросил Баррет.

— Да, я буду слушать. А ты давай — дуй отсюда поживее и возвращайся с Джейн, — мясистая ладонь хлопнула Баррета по плечу:— Удачи тебе.

— Она вам пригодится, — добавил Феррис.

Когда Баррет проходил сквозь ворота, двое мотористов с «Катаны» возились с телефоном в будке сторожа. Но аппарат молчал, такси было не вызвать. Один с убитым видом обратился к Баррету:

— Телефон накрылся...

— Вот удивили, — ничего не выражающим голосом пробормотал Баррет — и со всех ног припустил по Друитт-стрит. Сзади доносились возгласы:

— ...помощник, черт бы его... Хоть бы что-нибудь сделал...

—...не он. Вообще ничего не знает — сделал ноги, и счастлив. И ты, придурок... Дай сюда этот чертов телефон!

Но Баррет уже достиг верхней точки Друитт-стрит — там, где она пересекается с Джордж-стрит — и голоса механиков потонули в шуме. Вой моторов, какофония гудков, несмолкающие вопли и стоны... Это было ужасно. Это было страшнее любого пожара на восточном и южном побережьях, потому что происходило рядом. Как ни странно, пробок на дорогах нет... Не было, пока он не добежал до Пирмонтского моста.

Дорога из центра города была забита. Движение вышло из-под контроля. Понятно, никому нет дела до пешеходных переходов и дорожных знаков. Однако переходить было необходимо.

На востоке полыхало нестерпимо яркое пламя. Он должен знать, что делать. Должен быть уверен. Должен найти выход.

Внезапно бок пронзила резкая боль. Пришлось перейти на шаг. Баррет почти достиг конца улицы. Машины еле

ползли, и он смог перейти. Маленький автомобильчик, похожий на жука, вырывался из основного потока. Вот он столкнулся с другой машиной, раздался треск — затем еще раз, куда громче. Но «жучок» уже достиг тротуара и с ревом продолжал путь. Баррет едва успел отскочить в сторону, чтобы не попасть под колеса. Самое жуткое впечатление производили разбитые фары — точно слепые глазницы с вытекшими глазами.

Но, за исключением этого единственного безумца, который уже умчался к подножию холма, на Друитт-стрит было достаточно спокойно. По правую сторону располагался Таун-Хилл. Похоже, входом в метро можно воспользоваться, чтобы перейти на Джордж-стрит. Баррет бегом пересек дорогу, нырнул в метро и начал спускаться по ступеням.

Вначале он бежал, но вскоре оказался в толпе, гудящей, точно улей, сквозь которую пришлось буквально продираться. Казалось, здесь собрался весь город. В спертом воздухе висел запах ужаса, было жарко, словно в духовке.

— Не стоит толкаться, приятель, — мужчина, мимо которого Баррет пытался пробиться, энергично орудуя локтями, обернулся. Этот тип был настроен вполне миролюбиво, но на причину подобного настроения указывал крепкий запах дешевого портвейна. — Не стоит толкаться. Мы в ловушке, нравится тебе это или нет. Даже если поезда еще ходят — а я здорово сомневаюсь, что они ходят, как они будут объезжать трупы на рельсах? — им в жизни не вывезти эту толпу. Нет, приятель. Брось эту идею.

— Бросай ты что хочешь, пропойца несчастный, — раздался пронзительный женский голос, — а других не подзуживай! Меня семья ждет в Килларе, и я должна быть там!

— Подумаешь, какая разница... ну, умрете вы на Норд-Шор, — пьяница был явно настроен пофилософствовать. — Вот не так давно я думал: хочу помереть где угодно, только не на этой треклятой станции. Таун-Хилл, черт побери... Но человек предполагает, а обстоятельства располагают, верно? А наши дружки-комми помогают нашим страхам осуществиться.

— О чем это вы? — спросил Баррет, все еще пытаясь пробиться к выходу.

— Да это же очевидно, блин. Террористы устраивают поджоги в крупных городах. А «товарищи» наводят по ним свои треклятые ракеты с ядерными боеголовками — у них там инфракрасные датчики. Так что поджарят вас, миссус, — он подмигнул нарядной домохозяйке из Киллары.

Баррет понял, что его тащат назад. Похоже, люди лезут в метро отовсюду, внутри уже не пошевелиться... Но надо двигаться — хотя бы куда-то. Вход, через который проник Барретт, должен по-прежнему оставаться самым свободным. «И зачем они здесь?» — спрашивал он себя. Пытаются уехать или укрыться от ракет? А может быть, подобно ему, просто пытаются перейти улицу?

Лично ему не удалось ни то, ни другое, ни третье. Однако после смрадной духоты подземного перехода воздух на улице казался прохладным — просто восторг. Но это ненадолго. По Джордж-стрит распространялся огонь. Горели супермаркеты, кинотеатры — и уже занимался Таун-Хилл. Слышался рев пламени, со звоном вылетали стекла, и крики людей, а на дорогой висело несмолкающее гудение машин, вой сирен, скрежет металла: пожарные и полиция пытались пробиться сквозь поток обезумевших беглецов.

И тут, посреди всего этого ада случилось маленькое чудо. Баррет вдруг осознал, что слышит гудки своего корабля. Короткий, длинный... опять короткий...Точка, точка, тире — без сомнения, азбука Морзе, и послание предназначалось ему.

«Т-И-М, — прочитал он. — Д-Ж-Е-Й-Н.

А потом: — Д-Ж-Е-Й-Н З-Д-Е-С-Ь».

Он бросился вниз по склону холма, к причалу. И в лицо пахнуло жаром пламени.

На другой стороне Друитт-стрит все здания уже тонули в огне, а в самом конце над пристанью и складами уже плясали неровные зловещие отсветы в клубах черного дыма. Ревун на «Катане» не умолкал, но теперь это были просто ритмичные гудки.

Ворота пристани оказались перегорожены: в них застрял автомобиль. Господи, тот самый, который чуть не сбил его... Потом Баррет увидел номер. Это же его машина. Дверца открыта.

Некоторое время он стоял, пытаясь разглядеть что-нибудь в салоне — он и сам не знал, что именно. Картина происходящего понемногу обретала целостность. Этот автомобиль; сигнал, который, скорее всего, подавал Билл Малони... имя Джейн вместе с его собственным... Баррет перелез через автомобиль и помчался мимо горящих складов. Вокруг летели искры, чудом не прожигая тонкую ткань его рубашки.

«Катана» по-прежнему стояла у пирса, хотя пристань уже загоралась. Здесь и там покрытие угрожающе вспучивалось. Капли горящей нефти, точно петарды, пикировали на деревянный настил, с шипением падали в воду, секунду полыхали на ее поверхности и лишь потом исчезали.

Начинался прилив, канаты провисли, расстояние между причалом и стрингерами немного увеличилось. Расстояние между причалом и стрингерами немного увеличилось — достаточно для того, чтобы нефтяные брызги не долетали до «Катаны», и слишком далеко, чтобы Баррет смог дотянуться до ее фальшборта. Пламя только подбиралось к судну. Он закричал, но группка людей на мостике его не видела и не слышала.

В этот момент снова плеснуло горящей нефтью. Баррет изо всех сил прыгнул вперед и повис, в последний момент уцепившись кончиками пальцев за фальшборт. По всему телу пробежала волна боли: пламя немилосердно раскалило обшивку. Он сучил ногами, пытаясь нащупать опору. А внизу — там, где он только что стоял, уже шипела горящая нефть. Пламя заполняло собой все свободное пространство, и жаркие языки пламени тянулись к нему, словно пытаясь ухватить за ноги.

Наконец носок правой ноги нащупал опору. Подтянувшись из последних сил, Баррет втащил себя на стальную палубу и тут же угодил под благословенные струи прохладной воды — противопожарная система работала на полную мощь. Холодный душ оживил его. Баррет неуклюже поднялся. Хромая, болезненно скривившись, он поднялся по трапу на мостик и прошел в рулевую рубку.

Там были Феррис, Билл Малони, Джо Молукка и Карл Барндт.

— Надо бы дождаться остальных, но стоять на приколе больше нельзя, — проговорил Феррис. — Нужно выходить в бухту.

— Но мы не умеем управлять судном, — добавил Малони.

— Среди вас же двое моряков! — удивился механик. — Что скажете, Карл?

— Мистер, — пробасил старый немец, — дер капитан говорит: «Карл, право руля!». Я поворачиваю штурвал. Дер капитан говорит: «Карл, держи прямо на порт!» И я держу на порт. Йа, можно вести корабль, когда дер капитан отдает приказ.

— Вот именно, — поддакнул Джо.

— Билл, — безапелляционным тоном заявил Феррис, — ты должен попробовать.

— Точно, — вмешался Баррет. — Я присоединяюсь.

— Ну, слава богу, хоть кто-то вернулся! — воскликнул Феррис.

— Для начала — где Джейн? — спросил Баррет.

— В твоей каюте, Тим. Без сознания. Но вообще-то она в порядке.

— Хорошо, — Баррет снова входил в привычную роль. — Третий — идите вниз, в любой момент могут понадобиться машины. Билл, включай радар и телеграфные аппараты, — он криво усмехнулся. — Думаю, без проверки оборудования и заполнения судового журнала на этот раз обойдемся. Карл — к штурвалу. Джо, у тебя с собой всегда был хороший нож, я знаю. Отправляйся на корму и перережь кормовой канат. До носового огню пока не добраться.

Он проковылял на правое крыло мостика и выглянул в окно. На узкой полоске воды между кораблем и сушей танцевали языки пламени: горела нефть. Со стороны склада полыхало так, что опаляло лицо и волосы. А там, дальше, за горящими постройками — пожары, пожары, пожары... и едкий удушливый дым.

На мостик влетел Джо.

— Канат, — выдохнул он. — Перерезан.

«И со швартовой тумбы свисает длиннющий хвост, — подумал Баррет. — Не удивлюсь, если он намотается нам на правый винт».

— Всем полная готовность! — и услышав ответ, добавил: — Мало-помалу лево!

Маневр удался. Корабль качнулся всем весом, нос повело влево, несмотря на развернутый винт. Когда на них

обрушился новый каскад искр, нос уже изрядно отдалился от пристани, как и уязвимый правый борт.

Но о том, что корабль в безопасности, говорить было рано. Необходимо завершить разворот, ухитрившись не столкнуться с поворотной частью Пирмонтского моста и разбитой кормой транспорта, который застрял в створе. А пламя уже полыхало повсюду, глаза слепило от едкого дыма, и опасный участок пути было не разглядеть в этом аду.

Баррет потел, бранился и посылал приказы Биллу Малони за телеграфом и Карлу за штурвалом. «Катану» пришлось вести почти наугад — просто чудом они никого не задели. Наконец корабль вышел в открытое море, и теперь Баррет смог пользоваться радаром. Корабль полз вдоль бухты со скоростью черепахи, и лишь проходя мимо пятен горящей нефти, немного прибавлял ходу.

Баррет не получал сертификат лоцмана в сиднейском порту, но мастерство судовождения опирается прежде всего на здравый смысл. Не один раз корабли приходили в Сидней и покидали порт при его непосредственном участии, так что не было надобности постоянно сверяться с картой. И все же задача оказалась не из легких. Береговые огни исчезли в дыму. Дым разъедал глаза, выжимая слезы. Правда, ни дым, ни огонь не мешали работе радара, который исправно рисовал береговую линию, а бакены и маяки по-прежнему мигали на своих обычных местах.

И тут грузовоз, охваченный пламенем от носа до кормы, обогнал «Катану». В огне, на верхней палубе, сновали уже знакомые зловещие тени. Чуть позже корабль прошел мимо баркаса, окруженного целым морем горящего бензина. Баррет остановил судно на границе нестерпимого жара и приказал Джо перекинуть на борт баркаса канат или лестницу. Но Билл Малони снова повернул рукоятки на «полный вперед».

— Во имя всего святого, Тим, — крикнул он, — их слишком поздно спасать! Они нам должны сказать «спасибо» за то, что их расплющит винтами!

Большое судно из Вулумулу, которое, похоже, потеряло управление... На корме команда боролась с огнем. Оно проследовало мимо, окутанное облаком дыма. Волна, поднятая винтами, развернула крошку «Катану» почти на месте. Затем

судно растворилось во мраке. Баррет прислушивался к звукам, доносящимся со стороны военно-морской базы на Гарден-Айленд, которые подозрительно напоминали пулеметные очереди. Интересно, кто там с кем сражается. А за Бушкаттерз-Бэй военный крейсер попытался пройти наперерез «Катане», но ему это не удалось. Баррет снова приказал остановился, и на сей раз горящий бензин не смог помешать акту милосердия.

Глава 6

Баррет следил, как крейсер медленно приближается к их правому борту. Наконец винты «Катаны», пущенные реверсом, затормозили движение.

— Стоп машина, — приказал он. Их собрат по несчастью серьезно пострадал: нос был сильно смят. Крейсер уже погружался в воду и не мог дольше оставаться на плаву. Баррет уже собирался подвести «Катану» поближе, чтобы дать экипажу возможность перебраться к ним на борт, но тут Джо ухитрился со второй попытки перебросить им швартовочный канат. Крупный мужчина, стоявший наверху, поймал конец и, с ловкостью бывалого моряка, подтянул свое судно к борту «Катаны».

— Эй, на борту, может, сбросите нам трап? — крикнул он. Судя по тону, этот человек привык командовать.

Джо бросился вперед и стащил с полубака трап. Баррет послал Карла вниз ему на помощь. Пассажиры крейсера начали переходить на борт «Катаны», и Баррет удивился: где они ухитрились разместить столько народу? Вначале женщины — двенадцать человек. За ними — десятеро мужчин. И наконец, здоровяк, который принимал канат. Под его ногами, казалось, даже ступени прогибались. Он стоял на палубе «Катаны», глядя на мостик.

— Капитан, вы меня здорово обяжете, если укажете моим людям, где разместиться, — прогремел он.

— Джо, отведи их в салон, — распорядился Баррет. — Карл, вставай к штурвалу.

Но немец не успел. Здоровяк с крейсера внимательно разглядывал лычки на погонах Баррета и Малони. А потом задал вопрос:

— Где капитан?

Баррет окинул его ответным взором. Что-то смутно знакомое угадывалось в этом краснощеком лице с водянисто-голубыми глазами, в поредевших седых волосах. Он так и не вспомнил его имени, но этот тип людей был ему прекрасно знаком. Привычка командовать крупным судном в одних развивает необъяснимую мягкость, в других — вполне объяснимое высокомерие. А у этого человека, судя по всему, в подчинении целые эскадры.

— Я исполняю обязанности капитана, — резко ответил он. — А теперь, сэр, простите, но мне надо вести судно.

— А можно поинтересоваться — куда, капитан? — спросил краснолицый. Последнее слово он произнес с нескрываемой иронией.

— Куда-нибудь подальше, — отозвался Баррет. — Уберемся из этой бухты, а там видно будет.

— И при этом готовы подбирать по дороге терпящих бедствие?

— Разумеется. Но где они? И как это можно организовать?

— Связаться по радио с властями.

— В эфире тишина, — сообщил Малони.

— А вы — радист, верно? С чего вы решили, будто в эфире тихо?

— Я слушал, когда мы отчалили, — простонал тот.

— Понимаю. Но вы уверены, что радио до сих пор молчит? — он обернулся к Баррету. — Я полагаю, этот человек несет вахту в радиорубке?

— На борту всего трое офицеров.

Баррет не нашел, что еще сказать и бросил Малони:

— Полный вперед, — затем Карлу:— Мало-помалу лево... ровнее... еще ровнее, — и подытожил:— Всего трое: третий механик, радио-офицер и я сам.

— А поставить матросов к телеграфным аппаратам вы не могли?

— На торговом флоте это не принято. Более того, их у меня всего двое: один за штурвалом, второй — на палубе.

— Тогда я встану к аппарату, — заявил здоровяк и повернулся к Малони:— Вы свободны, помощник. Будьте добры, займите место в радиорубке.

Радист покосился на Баррета.

— Тим, так мне...

— Да. Ступай, Билл. Попробуй — может быть, что-нибудь поймаешь.

Корабль шел в густом дыму; видимость снизилась до нуля. Баррет подошел к радару и уставился на светящийся экран.

— Еще лево руля, Карл.

— А вы не слишком спешите? — осведомился здоровяк. — Одно столкновение уже имело место.

Баррет чуть было не приказал сбросить ход, но передумал.

— Видите дым? Это горит нефть. Она растекается по всей бухте. И если мы не поторопимся, то окажемся в западне.

— Повторяю, вы уже налетели....

— А кто виноват, черт побери? Вы шли слева нам наперерез. Кто должен был смотреть?

— А вы нас обгоняли, молодой человек. Кроме того, мое слово будет иметь больший вес в арбитражном суде.

— Если таковые еще останутся, — пробормотал Баррет. Он напряженно всматривался в экран. Совсем рядом, по правому борту, что-то мелькало в дыму. Бакен или еще одно судно? Баррет разглядывал карту, пытаясь определиться. Похоже, все-таки бакен... В любом случае, скоро станет ясно.

— Дайте мне знать, когда отойдем от порта, — приказал здоровяк.

— А кто вы, собственно, такой? — взорвался Баррет.

— Адмирал Кайн. Это судно поступает в распоряжение Австралийского Королевского Военно-Морского Флота.

«Нашел о чем беспокоиться, идиот», — подумал Баррет. В настоящий момент его куда больше интересовали показания радара. Не оборачиваясь, старпом ехидно осведомился:

— Действующий или в отставке?

— В отставке, если это так важно, но...

По трапу зацокали каблучки. Наверно, Джейн... слава богу, она пришла в себя. Баррет не успел отвести взгляда экран. Но сзади раздался высокий мелодичный голос:

— Дядя Питер, там, внизу, мертвый человек. В салоне для курения.

— Здесь повсюду мертвые, моя дорогая, — отозвался адмирал. — В том числе и женщины. Так что ступай вниз, будь умницей...

— Но я не хочу. Хочу знать, что происходит, — она подавила смешок. — Старая миссис Тейн абсолютно убеждена, что близится конец света, а мистер Ханнэвей с минуты на минуту ожидает ядерных ракет. Они чуть не подрались, пока спорили... хотя, собственно, какая разница — результат все равно один. А еще там некий Кларендон, санитарный инспектор. У него своя версия, и он хочет видеть капитана.

— На этом корабле нет капитана, — раздраженно бросил Кайн.

— Есть, черт возьми, — прорычал Баррет.

— А, так вы тут самый главный? Я могла бы вам пригодиться, капитан. Я яхтсмен со стажем, у меня есть опыт судовождения.

— Мало-помалу право руля, — не глядя на нее, скомандовал Баррет.

— Есть мало-помалу право руля, сэр, — ответил Карл.

— Теперь осторожнее... Значит, вы могли бы помочь, мисс... Кайн?

— Вообще-то, Хендерсон, капитан. Но можете звать меня Памела.

— Тогда не могли бы вы... Да осторожнее, я сказал! — возглас был адресован Карлу. — Так вот... Не могли бы вы спуститься в каюту старшего помощника? Там находится моя жена. Она смогла добраться до корабля, но знали бы вы, чего ей это стоило... А я так и не успел с ней повидаться.

— Конечно! — и ее каблучки застучали вниз по трапу.

— Прямо по курсу Северная башня, — сообщил Баррет адмиралу. — Если желаете, можете прозвонить отход.

Он сменил одномильную шкалу радара на трехмильную. Потом — на шесть, двенадцать и двадцать четыре мили. Какой-то предмет, похожий на обломки небольшого корабля... в остальном чисто.

— Только бы вырваться из этой дымовой завесы, — пробормотал Баррет. — Тогда можно будет лечь в дрейф и во всем разобраться.

— Но ведь нужно куда-то идти! — недоуменно воскликнул адмирал.

— У вас есть предложения?

Послышались шаги — девушка возвращалась на мостик. Баррет поднял глаза и увидел, как она входит в рулевую рубку. Было слишком темно, и он сумел различить только легкую стройную фигурку. И еще понял, что у нее очень светлые волосы.

— Джейн в порядке, мистер Баррет. Несколько царапин, но я нашла ключ от аптечки и перевязала ее. Сейчас она пьет горячий сладкий чай. Думаю, все обойдется — это просто шок.

— А что радист? — спросил Кайн. — Сумел поймать что-нибудь?

— Ни хрена! — донесся из радиорубки голос Малони.

Дым начал рассеиваться лишь на рассвете.

Море было спокойным. Корабль скользил по плоским темно-синим волнам, все дальше и дальше к югу. Безоблачное небо, четкий горизонт, и лишь прямо по курсу смутно темнел берег, окутанный туманом.... Нет, не туманом. Это был дым — горели здания и корабли, деревья, поля, дома, в которых жили люди.

Джо стоял за штурвалом, сменив на время Карла. Смуглое, лоснящееся лицо итальянца ничего не выражало. Казалось, он вот-вот провалится в дремоту, но Баррету не было нужды смотреть на компас, чтобы знать: корабль не отклонился от курса и на полградуса. Впрочем, какое это имеет значение? Они плывут в никуда. Просто потому, что плыть некуда.

Малони по-прежнему не покидал радиорубки, вслушиваясь в треск и шипение помех. Через равные промежутки времени он бросал в немой эфир сигналы бедствия и запросы. Адмирал спустился посмотреть, как расположились его подчиненные.

«А мне не помешает проведать жену, — подумал Баррет. — Будь у старого черта хоть немного такта, он бы догадался сменить меня ненадолго».

На мостик поднялась Памела Хендерсон, в руках — поднос, на нем чайник, чашки, молочник и сахарница, а также тарелка

только что поджаренных тостов. Баррет опустил крышку откидного столика и принял у девушки поднос.

— Благодарю, — сказал он. — вы не подмените меня на пару минут? Хочу зайти к Джейн.

— Она спит. Я как раз от нее. Но вам тоже стоит отдохнуть. Я вижу, о вас просто забыли.

— Все, кроме вас.

Она улыбнулась, и Баррет впервые обратил внимание на ее лицо. Волевой, почти квадратный подбородок, точеные скулы... И все же она слишком женственна, чтобы казаться суровой. Белозубая улыбка создавала великолепный контраст с темным загаром, а блестящие волосы казались почти серебряными.

— Молока? — спросила она. — Сахару?

Ни дать ни взять хозяйка званого вечера в каком-нибудь фешенебельном коттедже.

— Как я вам признателен, — заметил Баррет, вонзая зубы в горячий аппетитный тост.

— Я добровольно за это взялась, Вы же знаете.

— Конечно, Памела.

— А вас как зовут, когда вы наверху и застегнуты на все пуговицы?

— Баррет. Тимоти. Если коротко — Тим.

— Я так и буду вас звать. А вы зовите меня Памела. Но, умоляю, только не Пэм.

— Принимается, — ответил он.

Несколько минут они сосредоточенно поглощали тосты, запивая чаем. Наконец Памела нарушила молчание.

— И что теперь?

Вначале он не понял вопроса. Эта девушка провела на мостике несколько минут — и между уже ними установилось непередаваемое чувство близости. Он остро ощущал ее женственность.

— Что теперь? — снова спросила она.

— Будем идти этим курсом до рассвета. К тому времени дым рассеется и не будет риска налететь на кого-нибудь. Потом я остановлю судно.

— Но у вас ведь есть радар.

— Сейчас он выключен. Приборам тоже надо отдыхать.

— А зачем останавливаться?

— Потому что запас топлива у нас ограничен. Нет смысла жечь его напропалую, прежде чем мы определимся, куда двигаться.

— Понятно, — задумчиво протянула она. — А что с пищей и пресной водой, Тим? Поскольку я назначила себя стюардом — разумеется, безвозмездно — это теперь моя забота.

— Пища есть. А вот с пресной водой могут начаться проблемы. Надо что-то придумать... Продуктов хоть отбавляй, можете сами убедиться. Полный трюм картофеля — несколько тонн, если не ошибаюсь, а еще консервированные овощи и фрукты.

Баррет заморгал: на горизонте показался раскаленный солнечный диск. Обернувшись, он обнаружил, что за кормой лежит примерно миль пять чистого пространства, отделяющего их от полосы дыма. Он не спеша подошел к телеграфному аппарату машинного отделения, перевел обе рукоятки в положение «стоп» с двойным звонком, подождал, пока стрелки не сдвинутся в ответ. Звонки прозвучали неожиданно громко. Затем вернулся в рулевую рубку, снял трубку телефона машинного отделения и нажал кнопку вызова.

— Мистер Феррис, вам лучше подняться. Не знаю, когда нам снова понадобится полный ход... думаю, не в ближайшее время.

На мостике величаво возвышался Кайн. Шорты, сандалии и рубашка с веселым рисунком — все это слабо напоминало парадный китель, но и без него адмирала окружала аура непререкаемого авторитета. Однако Баррет не спешил поддаться этим чарам. Под пестрой адмиральской рубашкой внятно топорщился табельный револьвер, и его вид действовал отрезвляюще.

— Почему остановились, Баррет? — осведомился адмирал.

— Потому что я так решил.

— Как старший из присутствующих офицеров я...

— Но только не на этом корабле. Здесь я старший офицер, поскольку несу ответственность за это судно перед его владельцами.

— Позвольте мне договорить, молодой человек. Так вот, как старший из присутствующих офицеров, я желаю знать, почему вы решили лечь в дрейф.

— Потому что мы не можем идти в никуда, сэр. Потому что топлива у нас не очень много, и мы не можем жечь его впустую. Прежде всего надо определить пункт назначения.

— Сколько топлива на борту?

— Около шестидесяти пяти тонн. На двенадцать дней пути.

— Хватит для того, чтобы дойти до Новой Зеландии.

— Или до Квинсленда, или до Тасмании, или до Виктории — даже до Западной Австралии. Но что в этом толку?

— Должны же где-то быть доступные порты.

— Должны? А как насчет вашей базы в Сиднейской бухте? Когда мы проходили Гарден-Айленд на пути назад, там явно разворачивались боевые действия. Мы слышали пулеметные очереди и даже взрывы.

— Нужно было сказать мне, — проворчал адмирал.

— Вы меня не спрашивали, — парировал Баррет, чувствуя, что терпение у него на исходе. — Имейте в виду, сэр, мы в одной лодке. И фигурально, и буквально. Насколько я могу судить, сиднейское руководство погибло при пожаре. Не осталось ни менеджеров, ни суперинтендантов, которые могли бы отдавать мне распоряжения. Сертификат капитана у меня есть, поэтому я могу управлять судном. Что до вашего руководства... Вы все еще им подчиняетесь, несмотря на отставку, не так ли? Так вот, ваше руководство, судя по всему, постигла та же участь. Ну, а если морские суды снова начнут функционировать — я являюсь законным капитаном этого судна.

— И ваше имя внесено в регистр?

— Нет. Но я числюсь первым помощником, то есть вторым лицом в команде после капитана. Когда — или если — капитан Холл вернется, он снова займет этот пост. А до тех пор...

— Черт бы побрал этих гражданских крючкотворов! — взревел Кайн.

— И заодно адмиральский бюрократизм! — не остался в долгу Баррет.

— Дядя Питер! Тим! — зазвенел пронзительный голосок Памелы. — А ну, замолчите оба! Подобной чепухи мир не слышал, наверное, со времен императора Нерона! — она выдержала паузу. — Отлично. Итак, мы все — граждане Австралии. И вы, дядя Питер. Вы тоже были гражданским, в том числе и до отставки. Далее: вы, Тим, — офицер торгового флота. Я

яхтсмен. Все мы моряки. Во имя всего святого, давайте вести себя как подобает морякам.

— И какие поступят предложения? — холодно осведомился Кайн.

— Кое-какие уже поступили. Когда вы служили адмиралом и сами ходили в море — вы что, вмешивались в управление своим флагманским судном?

— Нет, но...

— Вы поручали это капитану. Полагаю, и сейчас стоит сделать то же самое.

— А я думаю, что имеет смысл созвать общее собрание, — произнес Баррет, — и выслушать каждого. Попробуем разобраться, что случилось, и найти выход из сложившейся ситуации.

— Суд Олерона? — спросила Памела.

— Что-то вроде того...— он повернулся к Кайну. — Существует старый шведский обычай: когда капитан корабля оказывается в затруднительном положении, которое опасно для корабля, он созывает всех подчиненных, и они вместе ищут выход.

— Знаю, знаю, — пропыхтел адмирал. — Но положение не просто затруднительное.

В наступившей тишине стали отчетливо слышны звуки, которые доносились из радиорубки. Когда Баррет, адмирал и Памела прошли туда, Малони даже не обратил на них внимания. Он сидел за столом и прислушивался к шепоту морзянки в наушниках.

Последний щелчок — и наступила тишина. Малони подождал немного, а потом, не меняясь в лице, вынул лист из аппарата и протянул Баррету.

— Радиолюбитель. Из городка под названием Плезантвилль. Штат Нью-Йорк, США.

Баррет пробежал текст глазами.

— Пожары. Повсюду пожары. «Дым и огонь — невозможно понять, день сейчас или ночь. Почему никто не выпустит ракеты и не покончит со всем этим? Эй, вы, в Кремле, вы меня слышите? Запускайте ваши чертовы ракеты, и пусть все летит к чертям. Красная вспышка, взрывы бомб — но наш флаг еще поднят. Но так ли это?

Так ли это? Дверь открывается. Значит, кто-то еще жив. Но — нет, это не...»

— И это все? — спросил Кайн.

— Нет, не совсем. После последнего слова еще две буквы: «л» и «ю».

— И само сообщение довольно сумбурное, — подал голос Малони, продолжая щелкать переключателями.

И тут из громкоговорителя раздался голос — достаточно громкий, несмотря на помехи. Человек говорил по-английски, но не без усилия подбирая слова и с сильным акцентом.

— Космонавт Воронов вызывает Австралию. Космонавт Воронов вызывает Австралию. Что происходит? Что происходит? Всюду пожары. По всему миру пожары. Я решил выйти в эфир. Пожалуйста. Ответьте во время моего следующего выхода. Пожалуйста, постарайтесь ответить. Я буду ждать.

— Значит, атомных взрывов не было. Иначе этот русский, Воронов, уже знал бы об этом, — заметил адмирал.

— Думаю, мы тоже, — Баррет повернулся к девушке. — Будьте любезны, Памела, сделайте объявление насчет общего собрания. Думаю, в кают-компании места на всех хватит. Джо! — крикнул он матросу, который стоял у штурвала. — Отправляйся вместе с леди и помоги ей.

И в этот момент появился Карл — немолодой, грузный, с обвисшими усами, он буквально влетел в рулевую рубку.

— Мистер помощник, я в шлюзовом отделении нашел вот это.

— И что же ты нашел, Карл?

— Это не есть человек, мистер.

Баррет бегом спустился по правому трапу на шлюпочную палубу, а оттуда — на корму. Памела, адмирал и Карл едва поспевали за ним. Румпельное отделение находилось на полуюте, возле каюты рулевого. Дверь была распахнута, горел свет.

Вначале Баррет решил, что кто-то разлил красную краску. Но тогда бы пахло льняным маслом или скипидаром. Нет, в отделении висел запах разлагающейся органики. Запах мертвечины. У входа лежал мертвый кот — тот самый,

черно-белый: Баррет подобрал его, отправляясь из Сиднея. Это было целую вечность назад... Горло растерзано, оторвана одна лапа. Вокруг валялось пять крыс — тоже мертвых, искалеченных. А в углу лежало нечто.

Крупнее любой крысы, крупнее кота. Шерсть — по крайней мере, там, где не залита кровью — чисто белая. Сзади торчал голый черный хвост.

Баррету не хотелось даже прикасаться к этой твари. Он схватил с полки вертлюжный штырь и перевернул труп. На животе рваная рана, внутренности вывалились наружу... А лапы — или руки? — были почти человеческими. В одной зажат коробок спичек — такие обычно раздают на рекламных акциях. В другой — спичка.

— Тысяча чертей, — прошептал за спиной Баррета адмирал. — Похоже на здоровенную обезьяну.

— А зубы крысиные, — заметил Баррет.

— Но что за...

— Это не есть человек, — прохрипел Карл.

— Похоже, о них и говорил тот парень из Плезантвилля, — прошептала Памела.

— Я сам видел крыс, — пробормотал адмирал. — Целые полчища, они набрасывались на людей. Я видел, что они сделали с отрядом Берегового Патруля, который направили на «Уотсон». Эти идиоты обвешали ребят оружием, но не догадались дать им брюки вместо шорт. Но я-то думал — крысы просто убегают от огня, как и мы. Обезумели от страха. А теперь...— он поднял палочку и ткнул белесую тварь. — Это... это...

— Крысиный Король, — проронила Памела.

Баррет посмотрел на коробок и спичку, которые тварь все еще сжимала в руках.

— А вот вам и пожары, — прошептал он.

Адмирал прочистил горло.

— В дни моей молодости — до того, как началась вся эта катавасия с ракетами и ядерным оружием — меня учили: от одного умного саботажника с коробком спичек больше урона, чем от эскадрильи бомбардировщиков. А сколько этих тварей здесь? Сколько их во всем мире?

— И откуда они взялись? — отозвался Баррет. — С Марса? Может, ребята с летающих тарелок пораскинули мозга-

ми — да и обучили крыс, чтобы можно было их использовать для такой грязной работенки, вроде терактов и поджогов.

— Идите вы к черту со своим Марсом, — хрипло пробормотал адмирал. Он взял из рук Баррета штырь и потыкал труп. — Смотрите: эта скотина с той же планеты, что и мы с вами. Позвоночное. Млекопитающее. Посмотрите на органы пищеварения и выделения. И на строение конечностей.

— Да, да, конечно, — кивнул Баррет.

И это было самое страшное. Террорист был таким же инопланетянином, как кот, который вступил с ним в схватку, как обычные крысы... разве что еще отвратительнее. Крысиный Король, как сказала Памела. Ну, или один из многочисленных принцев.

— Похоже, русские постарались, — фыркнул адмирал. — У них гениальные биологи. Только представьте на минуту, что на протяжении последних лет они планомерно выводили таких тварей. Так сказать, террористы-невидимки.

— Судя по словам того бедняги-космонавта, в России положение не лучше, — возразил Баррет.

— Значит, биологическая война вышла из-под контроля. Когда затеваешь игру с боеголовками, нужно знать, к чему это приведет.

— От боеголовок, пожалуй, особой пользы не будет.

— Это еще почему?

— Вы хотите воспользоваться оружием, которое предназначено для крупных объектов, адмирал? Вы не ошиблись с пропорциями? Да, конечно, существуют отравляющие вещества. Но, как показывает практика, против подземных жителей они не слишком эффективны. А вот для людей, которые ухитрились выжить, это может стать последней каплей.

— Помнится, двадцать минут назад мы говорили о совещании, — заметила Памела. — Если оно состоится, я не исключаю, что у кого-нибудь появится свежая идея.

Мужчины согласились.

В кают-компании места хватило всем. Отсутствовали только Джо, который нес вахту на мостике, и Малони, все еще не оставивший попыток установить радиосвязь. Джейн

разбудили и помогли спуститься в кают-компанию, и Баррет успел перекинуться с женой парой слов.

Тем временем адмирал взял бразды правления в свои руки. Он стоял в переднем конце отсека и по-прежнему выглядел весьма внушительно. Под взглядом его бесцветных глаз разговоры смолкли.

В тишине голос адмирала звучал особенно резко.

— Мы все находимся в море, — он выдержал паузу. — Но море уже не то, что было несколько минут назад. Теперь мы, похоже, знаем, кто с нами воюет. И знаем, с кем нам воевать.

— Неужели, сэр? — крикнул сутулый человек в очках и с остатками седых волос. — Это было ясно с самого начала! В Вумере должны быть ракеты, и скоро мы отплатим за все!

— Вы хотите воевать? Это просто богохульство! — воскликнула статная женщина с сиреневыми волосами. — Разве можно воевать с посланцами Господними? Мир проклят за безверие, и сейчас грядет Суд Божий! Пламень Небесный уничтожит нас. Мы...

— Благодарю, миссис Тэйн. — Баррет почувствовал, что искренне восхищен: адмиралу без труда удалось заткнуть эту фанатичку. — Благодарю, миссис Тэйн, но, боюсь, ваше предложение не слишком конструктивно...— он сделал вид, словно ждет ответа. — Я уже знаком с вашей версией. Слышал, что вы убежали из горящего дома от оравы голодных крыс. Но что толку перемалывать все эти подробности — я не желаю их больше слушать. Итак, мистер Кларендон?

Баррет с любопытством взглянул на щуплого человечка, который, услышав свое имя, поднялся с места. Его старомодный костюм-тройку из синей саржи, судя по всему, давно не стирали. Из кармана нелепо свисала массивная золотая цепочка от часов. Лицо над тугим белым воротничком — теперь совершенно измятым — напоминало нацеленную на собеседника боеголовку. Казалось, кто-то тянул мистера Кларендона за нос сквозь небольшое отверстие. Неопрятная поросль над верхней губой тоже не придавала ему шарма.

— Большинство присутствующих меня знает, — голос был пронзительным, точно свист флейты-пикколо. — Я офицер из комитета по контролю над грызунами. Или, как раньше

говаривали, — крысолов. Я ловлю крыс. Или должен их ловить. Или — должен был...

— Ближе к теме, мистер Кларендон! — прикрикнул адмирал.

— Постараюсь, сэр, постараюсь. Как сумею. У меня своя манера выражаться. Как вы все хорошо знаете, я уже несколько недель пытаюсь быть ближе к теме. Целые месяцы. Но никто не желает выслушать меня. Никто! Но, может быть, теперь...

Все это время крючковатые пальчики крысолова теребили листок бумаги и пачку табаку. Наконец ему удалось скрутить папиросу, он сунул ее в рот, но тут же выронил. Нимало не смущаясь, он поднял самокрутку, снова сунул ее в рот и закурил.

Кают-компания мгновенно наполнилась вонючим дымом.

— Моя обязанность — знать про крыс все, — продолжал инспектор. — Изучать их. И я счел своим долгом ознакомиться со всевозможными трудами по биологии. Ведь контроль над любой проблемой нужно осуществлять, опираясь на достижения науки. Я много раз спрашивал себя: что произойдет, если крысы начнут мутировать? Ведь их так много, вы знаете, и размножаются они очень быстро. К тому же, обычные крысы вполне разумны. А что касается самих мутаций... Я бы мог долго перечислять факторы, которые вызывают мутации — и с каждым годом этот список становится все длиннее. Повышение уровня радиации — в результате испытаний выпадают радиоактивные осадки. Пестициды и прочие химикаты. Все это само по себе вызывает мутации. Прибавьте сюда использование крыс в экспериментах с радиацией. Крыс выпускают в стратосферу — тоже что-то испытывают... Думаете, я фантазирую? Ничего подобного. Теперь предположим: есть пара мутантов — всего одна пара, но они разумны, а значит, имеют больше шансов на выживание. Они лучше присматривают за потомством, размножаются быстрее обычных крыс. Их потомство скрещивается с обычными крысами. Потомство наследует достоинства своих родителей... мутация быстро распространяется... Вы спросите, как? Вы же знаете, как расселяются обычные крысы. Они путешествуют в поездах дальнего следования, на борту кораблей. И помните, они слишком умны, чтобы бояться этой железяки, которую мы гордо именуем мышеловкой... — он кинул взгляд на Баррета, — которые расставлены по всем дворам. Хотя абсолютно

бесполезны. И вот мутанты расселяются по всему миру. При этом они сохраняют контакт друг с другом. Каким образом? Может быть, они могут читать и писать — меня бы это не удивило. А может, они телепаты. С помощью телепатии они могут управлять обычными крысами, — Кларендон хихикнул. — Все это теории, скажете вы. Теории, да. Но ведь никто не может предложить разумного объяснения. Ничего такого, что могло бы объяснить происходящее. А я начал собирать факты, когда вся эта чума только начала распространяться. Первые жертвы — детишки в колыбельках и старики... ну, и еще пьяницы. Потом началась «эпидемия пожаров». Никому в голову не приходило, что крысы могут воровать вещи. А они воровали — и в первую очередь спички. Вспышки эпидемий по всему миру — разносчиками были те же крысы. Пожары на море, крушения самолетов... Они все это затеяли, теперь вы видите. Все сходится. И вы знаете, я их не виню. Наверное, они и вправду телепаты. Они читают наши мысли. И знают, что мы готовы превратить Землю в пустое место — теперь, когда у нас есть атомные бомбы. Так неужели попытка остановить нас — значит совершить несправедливость?

Он скрутил еще одну сигарету.

— Конечно, это только версия. Я лишь предполагаю, что это мутанты, но ни одного пока не видел.

— Чушь! — фыркнул толстяк на другом конце кают-компании. — Для желтой газетенки, может быть, и сойдет... Я согласен с Ханнэвеем: это русские затеяли.

— Мистер Баррет, — произнес адмирал, — я думаю, после совещания есть смысл принести мутанта сюда, с тем, чтобы каждый мог его увидеть и понять, с кем мы имеем дело.

— После совещания будет завтрак, — резко проговорила его племянница, — а потом Тим отправится спать.

Глава 7

Совещание переросло в обмен жуткими историями. Кларендон оказался единственным, кто сумел высказаться по существу. Но даже он честно признался, что не видит выхода из

ситуации. Баррет раздраженно слушал остальных. Пожары и побоища, жуткие серые орды, которые выплескиваются из-под земли и яростно атакуют всех, кто не принадлежит к их роду. Несчастья этих людей могли бы вызвать в нем отклик, но ему хватало собственной головной боли.

Рядом с ним на кушетке лежала Джейн. Она снова уснула. Внезапно его охватило разочарование. Конечно, ей многое пришлось пережить. Но не только ей. Другая стояла бы рядом с ним на мостике, когда он пробивался из бухты. Другая сочла бы своим долгом — долгом супруги — приготовить мужу тосты и чай после тяжелой ночи. И это Джейн, которая знает этот корабль и всю его команду! Он покосился на Памелу, которая сидела по другую руку от него.

— У вас такой усталый вид, — шепнула она. — Сейчас я провожу вас с Джейн в каюту и принесу завтрак.

Он усмехнулся.

— Почему бы не насладиться яичницей — пока есть из чего ее готовить? Скоро будем сидеть на картошке и рыбе, которую сможем выловить.

Он встал, Памела — тоже, и вместе они попытались поднять Джейн. Та слабо сопротивлялась.

— Что вы делаете, Баррет? — спросил Кайн.

— Это жена капитана Баретта, дядя Питер. Она совсем ослабла. Мы хотим отнести ее в каюту.

— Ладно. Но потом возвращайтесь, оба.

— Никто не может мне приказывать на этом корабле, — прорычал Баррет. Его глаза встретились с бесцветными глазами адмирала, но он не отвел взгляда.

Адмирал шумно откашлялся.

— Мы поговорим позже, молодой человек.

— Дядя Питер, капитан Баррет делает все, что в его силах. И делает на славу. Но чтобы продолжать в том же духе, ему нужно передохнуть.

От Баррета не укрылось, что эти слова заставили адмирала смутиться. Что ж, сам виноват: никогда ни с кем не спорь при подчиненных. Тем более господин адмирал начал первым.

— Поговорим позже, — сдавленно повторил Кайн.

— О да, — девушка горячо кивнула. — Позже. Днем. Когда пробьет восемь склянок... Или восемьдесят.

Поддерживая Джейн, они с Барретом покинули каюткомпанию. В каюте Памела оставила Баррета с женой и вышла. Джейн проснулась и присела на стул, глядя на Баррета пустым взглядом.

— Тим... Что ты будешь делать? Что мы все будем делать?

— Не знаю, — ответил он.

— Но ведь нам нужно что-то делать, — она оживилась. — Надо устраиваться заново. Боже мой... наш дом... мы столько в него вложили. Сначала эти крошечные мохнатые чудовища сновали по комнатам. Они преследовали меня до самой машины... И пожары, всюду пожары. Боюсь, что по пути я разбила ворота. Нельзя было останавливаться, чтобы их открыть. К этому времени отели на той стороне уже полыхали, дом Пурдомов тоже. На Оушн-стрит была пробка, на Нью-Саус-Хед-Роуд — еще одна, и я в нее попала.

— Но ты все-таки сумела выбраться...

— Кто бы мне сказал, каким образом. Я уже из последних сил выбивалась. Сбила какого-то мужчину прямо возле Таун-Хилл, но уже не могла остановиться...

— Ты его не сбила, — кисло произнес Баррет. — Просто проехала мимо. Это был я.

Она не услышала.

— А потом, когда оказалась на борту и узнала, что тебя нет... о, это было уже слишком. К счастью, Билл все-таки сумел найти способ вызвать тебя.

— К счастью.

Памела вошла с подносом. На нем стоял кофейник, горячий и ароматный. Три чашки и три тарелки, на каждой красовался огромный сандвич с яйцом и беконом.

— Угощайтесь. Я сама готовила.

Джейн холодно взглянула на нее.

— Спасибо, Памела.

Все трое принялись за еду.

— Вы, должно быть, устали, Памела, — произнес Баррет. — Пусть кто-нибудь...

— Есть немного, — согласилась она. — Но ваш немец — просто чудо, и итальянец тоже. Мы договорились нести вахту по очереди, а еще есть мистер Райан, морской телеграфист, он сможет сменить мистера Малони...

— Теперь по поводу размещения, — сказал Баррет. — Попросите ваших людей, если не сложно, чтобы они не занимали каюты старшего помощника, радио-офицера, третьего механика и тех, где расположились Джо и Карл, — он усмехнулся. — Представляю себе, как ваш дядя будет примерять парадную форму Старика.

Памела усмехнулась.

— Он уже пытался. Если я вам понадоблюсь, найдете меня в конуре второго помощника, — лицо ее вдруг стало серьезным. — А этот мертвый в курилке...

— Бедняга... про него-то я и забыл. Столько всего случилось... Но лучше заняться им немедленно.

Похоронами распоряжался Баррет. Как странно выглядел его корабль, покачивающийся на волнах посреди моря, с молчащими двигателями... Все, кто был на борту, столпились вдоль фальшборта.

— Мы предаем это тело морю, — произнес Баррет. Карл и Джо подняли полотнище. Безымянный незнакомец, зашитый в полотняный саван, с привязанным к ногам грузом, упал в воду, и волны мягко сомкнулись над ним.

Баррет не стал наблюдать за дальнейшим развитием событий и медленно побрел в свою каюту. Там он разделся до белья и рухнул на кушетку. Джейн лежала и тихо дышала во сне.

Казалось, прошло несколько секунд, когда его разбудил высокий чистый голосок:

— Проснись и пой! Солнце светит над тобой!

Баррет разлепил веки. Когда глаза сфокусировались, он увидел Памелу — снова с подносом в руках. На сей раз она принесла запотевший графин и три стакана.

— Не сочтите за неблагодарность, но пресную воду лучше поберечь.

— Между прочим, там есть жестянки с грейпфрутовым соком. Я нашла их среди запасов.

— О! Главный стюард, каналья — вечно их припрятывал!

— Ваш главный стюард сейчас, скорее всего, бродит где-нибудь, лишенный крова, еды... если вообще жив. Не забывайте этого.

— Извините. Не передадите мне одежду?

— Зачем? Вы одеты, просто на вас пляжный наряд.

— Можно сказать и так. — Баррет принял у нее одежду, вскочил с кушетки и поспешно облачился, а потом снова сел. От него не укрылось, что Джейн, которая только что проснулась, смотрит на них с явной неприязнью. Он передал жене стакан с водой.

— Похоже, тебе очень нравится прислуживать, — процедила она.

— Почему бы нет? Я же не капитан, просто исполняю его обязанности, — он повернулся к Памеле, сидящей в кресле: — Что нового?

— Ничего. Все спят, даже дядя Питер. Все, кроме вахтенных и радиста.

— Что еще остается делать... Ладно. Пара часов сна никому не помешает.

— Но мы должны хоть куда-то двигаться, — настойчиво произнесла Джейн. — И хоть что-нибудь делать.

Взяв пачку сигарет, Баррет предложил дамам закурить, но обе отказались.

Что ж, тем лучше. Лишнее задымление ни к чему хорошему не приведет. Однако он извлек сигарету и прикурил от зажигалки, которую протянула Памела.

— Тимоти Баррет, — строго сказала его жена, — чем сидеть здесь и курить, ты бы лучше что-нибудь делал, а?

— Но что? Я же не лорд-мэр Гамельна. И у меня нет Крысолова.

Памела возбужденно хлопнула ладонью по столу. Стакан опрокинулся, и серебристая жидкость побежала в сторону Баррета.

— Зато у меня есть! — воскликнула она.

— Вы что, с ума сошли? — спросила Джейн.

— Вовсе нет, мэм. Подождите, я извлеку дядюшку Питера из объятий Морфея, и тогда вы все поймете.

— Хорошо, но сделай одолжение, отойди в сторонку, — скомандовала Джейн. — Тогда я смогу встать и одеться.

Они сидели в приемной капитана — адмирал Кайн, Памела, Баррет и маленький Кларендон. Джейн, невзирая на просьбы супруга, присоединиться отказалась.

Баррет знал, где Холл держит медикаменты и согревающие средства, а посему извлек на свет бренди и бокалы. Памела достала из холодильника кубики льда. И теперь трое мужчин и девушка с удовольствием потягивали коктейль.

— Ну что ж, поговорим о талантах нашего уважаемого Кларендона, — торжественно произнес адмирал.

— Он тут ни при чем, — ответила Памела. — Тим сказал что-то насчет Гамельнского Крысолова. И я вдруг вспомнила доктора Пайпера — вы все наверняка его знаете. Он служил в Адмиралтействе и довольно часто нас навещал. Правда, он гражданский. Потом он рассорился с руководством и последнее, что я слышала — у него собственная лаборатория на каком-то острове.

— Лично я его чокнутым не считал, — перебил Кайн. — В отличие от некоторых. Хотя, по правде сказать, я не был в восторге, когда узнал, над чем он работает.

— Дядя Питер — специалист по морской артиллерии, — пояснила Памела. — По его мнению, шестнадцатидюймовое корабельное орудие — самое прекрасное из творений нашей цивилизации.

— Просто нам всем было бы лучше, если бы оно оставалось самым мощным оружием. А этот Пайпер... он открыл какой-то смертоносный луч. Не этот лазер-мазер, о котором столько говорят, а акустический луч, от которого мозги плавятся.

— Но это же идеальное оружие, — пропищал Кларендон. — Установите эту штуку на корабле, сделайте луч пошире — и города будут очищены. А для гарантии напоследок можно запустить немножко ядовитого газа. Какие проблемы.

— Неизвестно, что у Пайпера вышло с его изобретением, — заметил адмирал. — И жив ли он вообще.

— Это можно узнать, — откликнулся Баррет. — Вы в курсе, где находится его лаборатория?

— На одном из Брафтонских островов, — сказал Кайн.

— Хм. К северу от Порт-Стивенса, если не ошибаюсь? К сожалению, карт севернее Ньюкасла у нас нет.

— Но у вас есть радар. И эхолот. У капитана Кука во время его первой экспедиции и того не было.

— У капитана Кука были пушки и мушкеты, — ответил Баррет. — И неважно, что они заряжались со ствола. Знаете, будь у меня хоть какое-то оружие, я мог бы спать спокойно.

— Но вы не станете отрицать тот факт, что обычное оружие здесь бессильно.

— Что верно, то верно. Но я сомневаюсь, что мутанты держат под контролем все побережье. И они не настолько разумны, чтобы создать законодательную базу. А вот если какие-нибудь рыбаки решат заняться пиратством... Для таких наш корабль — просто лакомый кусочек: и транспорт, и продовольствие.

Адмирал вынул из кобуры револьвер и взвесил на руке.

— Я не пользовался им уже много лет.

— Ах, как трогательно, — съязвил Баррет.

— Ну, ну, — урезонила их Памела. — Ладно. Как бы то ни было, надо выследить мистера Крысолова. Тим, — она обернулась к Баррету, — я понимаю твои опасения. Пара-тройка рыбацких судов, где люди вооружены винтовками — это уже серьезная угроза. Дядя, я надеюсь, ты понимаешь, что мы не на крейсере.

— Ты просто открыла мне глаза, дорогая, — улыбнулся Кайн.

В дверь постучали. Молодой человек с исписанным листком в руках — один из беглецов, который нес вахту на мостике — вошел в каюту и огляделся. Из четверых только Баррет был в униформе, и юноша протянул записку ему.

— Что там? — спросил Кайн.

— На Москву и Ленинград сброшены водородные бомбы, — медленно проговорил Баррет.

— Получается, это война.

— Нет. Подождите... Сообщение неизвестной станции, передающей на коротких волнах: русские сами сбросили бомбы и предложили правительствам других стран сделать то же самое. Так они надеются уничтожить главарей крысиного нашествия. Президент США Уилберфорс — бывший вице-президент — сказал, что ни за что не согласится на такие меры, ведь в руинах могут быть люди — много людей. А

вот сообщение из окрестностей Дейтройта: взрывы по всей территории Штатов, предположительно, близ дислокации ракетных баз. Информация пока не подтвердилась, — Баррет протянул листок адмиралу. — На этом — все. Похоже, радисту не дали закончить сообщение.

— Превосходно, — пропищал Кларендон. — Просто превосходно. Теперь они добрались до военных баз. А чего вы ожидали? У них сноровка крыс и интеллект людей.

— Вы думаете, план русских даст какой-нибудь эффект? — спросил Баррет, обращаясь к адмиралу.

— Возможно, — осторожно ответил Кайн. — Но только в том случае, если на каждый город придется хотя бы по одной бомбе. Честно говоря, я сомневаюсь, что в России происходит то же самое, что у нас. Скорее всего, там орудуют террористы.

— Почему вы до сих пор здесь? — Баррет повернулся к молодому человеку, который по-прежнему стоял рядом, прислушиваясь к разговору.

— Когда я шел сюда, все было спокойно.

— Убедитесь, что сейчас тоже все спокойно.

— Но...

— Возвращайтесь на мостик. Это приказ.

Юноша хмыкнул и удалился, проворчав что-то насчет «ублюдков, которые возомнили себя невесть кем».

— У вас все такие? — поинтересовался Кайн.

— У нас — нет, — холодно отозвался Баррет. — Это ваш. Я же говорил: у меня на борту только двое матросов, и обоим я доверяю, как самому себе.

— Тогда почему они не на посту?

— Потому что им тоже нужно спать. Они мне понадобятся, когда мы двинемся в путь.

— Ну конечно, вы здесь капитан, — фыркнул Кайн. — По крайней мере, исполняете обязанности.

— Можно, я скажу? — подала голос Памела. — Если не ошибаюсь, нам нужно найти убежище Пайпера.

Баррет допил бренди и поднялся.

— Превосходно, — подытожил он. — Я иду наверх, и мы запускаем двигатели. Если мне не изменяет память, эти острова где-то недалеко, так что пойдем по радару. Памела,

будьте добры, встряхните хорошенько мистера Ферриса. Вы знаете, где его каюта. Пусть разводит пары.

Снаружи кто-то закричал, раздался резкий щелчок — словно лопнул трос. Потом еще и еще.

— Стреляют! — ахнул Кайн.

Раздался крик. Где-то рядом коротко свистнула пуля, и словно в ответ грохнул выстрел.

Выхватив револьвер, адмирал оттолкнул Баррета и кинулся на палубу.

Три рыболовецких судна явно намеревались незаметно подобраться к «Катане», но им это не удалось. Одно заходило справа, и шайка уже готовилась в первый же удобный момент перебраться через фальшборт. Две другие стояли поодаль, и люди с винтовками вели огонь по палубе «Катаны».

Адмирал уже успел выстрелить, но Баррет не слышал ни грохота, ни свиста пули. Мертвый часовой вцепился в тросовый талреп, на палубе растеклась лужа крови.

Кайн крикнул что-то, его сорокапятка выстрелила, на этот раз звук был очень громким. С атакующего судна донеслась брань, и над головой у Баррета засвистели пули. В покрытии мостика и окнах кают появилось несколько отверстий. Выстрелы ненадолго прекратились, и Баррет увидел, как Памела оттащила убитого от талрепа и склонилась над ним.

Адмирал, стоя на крыле мостика, выстрелил еще четыре раза.

— Двое готовы, — буркнул он. — Теперь эти ублюдки задумаются.

Не обращая внимания на пальбу, он извлек из кармана новую обойму и зарядил револьвер, после чего обернулся к племяннице.

— Ступай вниз, девочка моя. Ему уже ничто не поможет. Капитан, вы знаете, что ваше судно атакуют? Что вы намерены предпринять?

Баррет увернулся от нового залпа. Пуля просвистела прямо у него над ухом.

— Я намерен убираться отсюда ко всем чертям. Как можно скорее. Просто корабль — не моторный баркас, его мгновенно не завести.

— Знаю, знаю, молодой человек, — адмирал снова выстрелил пару раз по судну, которое направилось было к «Катане». — Приятная все-таки штука револьвер. Вся беда в том, что он бьет точно только на коротких дистанциях.

— Я встану к штурвалу, — пробасил немец. — Третьего механика я видел. Говорит, машины еще не готовы. А Джо я сказал держать пассажиров внизу.

— Ты тоже спускайся, Карл, — отозвался Баррет. — Ты слишком крупная цель, — и добавил, обращаясь к Памеле:— Ступайте с ним и предложите Джо свою помощь. Проследите, чтобы никто не высунулся в иллюминатор.

— А теперь что, капитан? — осведомился адмирал. — Все ваши помощники попрятались — кроме тех, кого я здесь вижу. Машины не будут включены. А у меня, между прочим, запас патронов не бесконечен.

— Пожарные шланги...— проговорил Баррет.

— Браво. Вы начинаете работать головой. Смоем абордажную команду, если они полезут на борт. Думаю, это охладит горячие головы. А холодный душ в такую погоду — это не смертельно.

Он снова поднял револьвер и сделал выстрел. Из воды донесся взрыв проклятий.

— А это научит вас не совать свой нос куда не следует.

Баррет возвращался в рулевую рубку почти бегом: деревянные перекрытия — не самая лучшая защита от пуль. Он убеждал себя, что рыбаки — неважные стрелки и вряд ли попадут в цель... но не слишком верил себе. Под ногой хрустнули осколки. Все иллюминаторы разбиты — и кому выписывать чеки на ремонт? Он пригнулся, дождавшись, пока стихнет пальба, потом снял трубку машинного отделения:

— Феррис?

— Кто же еще?

— Когда машины будут готовы?

— Как только установлю стартовые клапаны. Эти чертовы штуковины сняты — мы собирались ремонтировать их в Сиднее.

— Есть какие-нибудь идеи?

— Нет. И чем дольше будете меня отвлекать, тем больше я провожусь. Кстати, что там наверху творится?

— Просто перестрелка — какие-то рыбаки решили поиграть в пиратов, а заодно разжиться хорошим судном.

— Тогда постараюсь поскорее, — пообещал Феррис. — Как только закончу, прозвоню готовность.

Баррет положил трубку и неохотно отправился на мостик. Кайн снова стрелял. Лодки медленно окружали корабль, их моторы издавали глухое рычание. Он посмотрел на труп, распростертый на палубе, на два тела рыбаков, скорчившиеся у фальшбортов... и вдруг понял, что кто-то к нему обращается. Малони.

— Но это же пираты. Я послал сигналы бедствия, но никто не отвечает.

— Капитан, как обстановка? — спросил адмирал.

— Если сможете держать их на расстоянии, пока Феррис налаживает машины — то все в порядке.

— А если нет?

«На камбузе и в буфете есть ножи, — подумал Баррет. — Плюс крючья для швартовки. Ну, еще что-нибудь в этом роде. Попробуем отбиться».

— А если нет? — взревел адмирал. — Черт побери, Баррет, неужели мой револьвер — единственное оружие на борту? У вас есть хоть какая-нибудь пукалка?

— Есть, разумеется, — проворчал Баррет. Он и сам уже разозлился не меньше адмирала. На корме стоял ящик с надписью «магазин». Бросившись туда, Баррет вспорол ножом обшивку и отодвинул крышку.

Здесь хранилось то, что можно было назвать оружием — сигнальные ракеты. Ракеты, выпускающие сноп синих и красных искр. Ракеты, которые оставляют светящийся белый след.

И еще одна коробочка — ее Баррет и вытащил. Шальные пули так и свистели над головой, но он не обращал внимания. Он перестал быть беспомощным зрителем, полагавшимся на судьбу, на меткость адмирала, на ловкость Ферриса и прочее. Он вскрыл коробку и достал орудие, которое напоминало старинный пистолет — весьма грозный на вид, но не

слишком эффективный. Положив пистолет на стол, Баррет достал красную жестянку с обоймами. Нащупав углубление, он вскрыл оболочку, вытянул конец тяжелого гибкого шнура и отрезал кусок.

— Как я понимаю, ваш табельный линемет, — усмехнулся адмирал.

— Только тратить линь на этих мерзавцев я не собираюсь, — Баррет вставил фатом в бридель одной из шестифунтовых ракет и кончиком ножа вскрыл печать на трубке вентури. — Просто хочу приделать ракетам стабилизаторы, чтобы они не прилетели назад.

Теперь ему осталось только зарядить свое оружие. Длинный конец ракеты был вставлен в барабан, так что бридель свешивался наружу. Открыв казенную часть, Баррет вставил патрон и захлопнул крышку. Приготовления были закончены, и он поднялся на мостик с оружием наизготовку, сжимая левой рукой рукоятку выше длинного барабана, а правой — сам пистолет. Большой палец нащупал курок.

Теперь он превратился в идеальную мишень. Баррет не строил иллюзий по поводу своей неуязвимости, но стрелять из линемета, находясь в укрытии, довольно проблематично. Ничто не должно мешать прицелу — если ты, конечно, не хочешь тратить выстрелы впустую. Одна пуля едва не задела щеку, другая порвала рукав. Но Баррет уже приготовился стрелять, и подобные мелочи не имели значения.

Рыбацкая лодка находилась примерно в пятистах футах — не слишком далеко для прицельного выстрела из револьвера. Трое на рыболовецком судне были вооружены и почти непрерывно стреляли. Но Баррет решил не спешить. Правильный угол подъема составляет около тридцати градусов. Он осторожно прицелился, надеясь, что ракета не выскользнет. «Катану» развернуло носом к ветру. Правда, ветер небольшой, но ракета с линем может просто «повиснуть». Будем надеяться, что угол отклонения окажется достаточным, чтобы этого не произошло. «Только бы эти мерзавцы не подстрелили меня, пока я целюсь!» — подумал он.

Он нажал на курок — и едва не выронил оружие, такой сильной была отдача. Черное облачко газов опалило руки. Ракета с воем пронеслась по воздуху, оставляя за собой

шлейф оранжевого пламени и белого дыма. Раздался громкий, невзирая на расстояние, звон разбитого стекла, потом с лодки донеслись крики и стоны.

— Отличный выстрел, Баррет, — приговаривал адмирал. — Браво. Слегка подпалили тех, кто в рулевой рубке.

— А остальные?

— Они еще не оценили, что произошло. Ага, один на подходе.

Баррет перезарядил свое оружие и снова прицелился. Второй выстрел оказался не столь удачным — но все же достиг цели. Ракета упала на полубак, где хранились сети и веревки. На сейнере немедленно вспыхнуло пламя.

— Хотите еще, ребятки? — крикнул адмирал в мегафон. — Всегда к вашим услугам!

— Лучше скажите, чтобы выбирали выражения, — пробормотал Баррет, снова перезаряжая. — У нас на борту дамы.

Наконец раздался долгожданный сигнал — двигатели были готовы. Едва не бросив линемет, Баррет бросился к ближайшему телеграфному аппарату и, нажав на кнопки, прозвонил «Полный вперед». Раздался гулкий щелчок, затем — глухое «бумм!»: это воспламенились пары топлива. По корпусу пробежала дрожь, потом толчки стали чаще.

— Какой курс, сэр? — спросил Карл.

— Строго на север, — скомандовал Баррет.

— Надо бы их добить, — заметил Кайн. — Они все-таки начали первыми.

— Не стоит, — почти без сожаления ответил Баррет. — Как вы сами сказали, я лицо гражданское и уполномочен применять силу лишь в целях защиты.

Он обернулся и поглядел на лодки. Одна из них, которую он подбил, уже горела. Уцелевшая забирала людей с двух других. Баррет смотрел на горе-пиратов, на парня, который несерьезно относился к приказам, а теперь был мертв. Еще два мертвых тела распласталось на палубе. Эти люди умерли с мыслью, что теперь мир будет жить по закону джунглей.

— Это был хороший урок, — изрек он. — Мы забыли об осторожности и не думаем о завтрашнем дне. Всем, кому удалось выжить, следует держаться вместе...

— Нет, вы не боец, — вздохнул адмирал. — Вы идеалист.

Глава 8

Несмотря на эту реплику, Баррет был уверен, что сумел подняться в глазах адмирала. Использовать в качестве оружия первое, что подвернулось под руку, и весьма успешно... Чуть позже старый артиллерист и вправду удостоил его похвалы.

— Придется вам снова заняться похоронами, Баррет, — в голосе пожилого джентльмена появились теплые нотки. — Это ваш долг, долг капитана. А потом можете идти вниз и передохнуть. Я подежурю. Черт знает сколько лет прошло с тех пор, как я последний раз нес вахту... Но я еще кое-что помню.

— Нужно еще проверить судно. Вдруг они сумели повредить что-нибудь важное. Например, радар.

Памела снова появилась на мостике. Она посмотрела на пробоины от пуль, на разбитое стекло.

— Вы заставили их поплатиться, Тим. Я так рада!

— А я жалею, что ввязался в перестрелку, — горько вздохнул он. — Теперь у меня дефицит рабочих рук. Карл в рулевой рубке, Джо внизу, отдыхает. Как вы думаете, поможет мне кто-нибудь отнести этого беднягу...

— Его звали Кларри, — проговорила девушка, глядя на убитого. — Я слышала, его так называли.

— Да. Отнести Кларри на корму. Может быть, среди пассажиров у него были близкие люди, попробуйте выяснить. Еще двое пиратов... Вы видели, как мы проводим похороны — поможете все это организовать?

— Попытаюсь. Только сначала пришлю сюда кого-нибудь со шлангом, чтобы смыть кровь.

«Строгая леди. Но сейчас без этого никак».

Оставив дело на нее, он покинул рулевую рубку. Все окна были выбиты выстрелами, но, к счастью, компас уцелел. Радар тоже действовал, хотя его корпус украшало несколько вмятин. Удивительно, но больше всего пострадала радиорубка, которая находилась позади рулевой рубки и шифровальной. Похоже, пули влетали через иллюминаторы рулевой и открытую дверь комнаты телеграфиста. Несколько сплющенных кусочков свинца валялось на палубе. Сам Малони не пострадал, но приборы находились в плачевном состоянии. Райан, бывший телеграфист, помогал ему снимать панели —

к ногам сыпалось стеклянное крошево, из расколотых плат торчали порванные провода.

— И запасных ламп у нас нет, — жалобно простонал Малони.

— Все настолько серьезно, Билл? — спросил Баррет.

— Ужасно, Тим. Хуже некуда. Теперь ни послать сообщение, ни принять. И ни одного приличного приемника — только эти дурацкие маленькие транзисторы с не пойми каким диапазоном!

— А судовой радиоприемник?

— Ты прекрасно знаешь, черт побери, что он был на последнем издыхании еще по дороге в Бурни. Я собирался починить его в Сиднее, — радист в отчаянии стиснул пухлые руки. — А я-то из кожи вон лез, ловил этого бедолагу-русского, который болтается на орбите... Надеюсь, он все еще жив. Думал — буду держать ушки на макушке, вдруг еще кто-нибудь пробьется. Собирался... эх!.. Какая теперь разница!

— Есть еще лоцманская рация.

— Ну и какой у нее радиус действия? Хочешь сказать, мы сможем связаться с космонавтом, до которого не одна тысяча миль? Или с какими-нибудь горячими финскими парнями?

— Думаю, нет.

— Ты думаешь, а я знаю! — взорвался Малони.

Баррет покинул радиорубку. Адмирал прохаживался взад-вперед с биноклем в руках, зорко вглядываясь в окружающее пространство.

— Рации конец, — объявил Баррет.

— Мальчик мой, задолго до того, как мистер Малони вышел в эфир, на море разыгрывались великие сражения. Люди сражались и одерживали победы.

— Но кое-кто и проигрывал, — возразил Баррет.

Адмирал добродушно рассмеялся.

Спустившись по трапу, Баррет прошел через офицерскую палубу на полуют и заглянул в свою каюту. Джейн снова спала. «Боже мой, — без зависти подумал он, — этой женщине сам черт не брат: спит и ни о чем не беспокоится!»

Он проследовал мимо кают на корму. Почти все, кто находился на корабле, собрались там. На палубе лежало три

длинных свертка — тела погибших: в качестве саванов использовали одеяла. Рядом Баррет увидел сложенную стремянку — и новое знамя, очень яркое.

Памела подошла к Баррету и протянула объемистый фолиант под названием «Полное медицинское руководство для капитана корабля». Это была весьма ценная книга — пособие по терапии и хирургии, где содержались рекомендации по всем медицинским вопросам от деторождения до вскрытия трупов. Пальчик Памелы лежал между страниц в качестве закладки.

— Первое тело на борту? — спросил Баррет.

— Да, капитан.

В этот момент к ним приблизилась крошечная пожилая женщина, одетая в какие-то нелепые тряпки. Но Баррет понял, что ей просто нет дела до своего внешнего вида. Она была вне себя от горя и еле сдерживала рыдания.

— Капитан, он был хорошим мальчиком, мой Кларри, — прошептала женщина. — Он никогда не пренебрегал своими обязанностями. Вы ведь подадите рапорт, правда? И напишете, как все было — чтобы его наградили? У нас дома хранятся все медали его отца...

— Да, — ответил Баррет. — Он честно исполнил свой долг.

А разве нет? Парень мог броситься в укрытие — а он удержал трос за талреп и поднял тревогу.

— Сделаю все, что смогу, — сказал он вслух.

— Благодарю вас, капитан. Благослови вас Бог.

А потом начались похороны, и тела предали пучине морской. Паренек, которого погубила собственная невнимательность, и двое, ставших его убийцами. Баррет стоял, погруженный в раздумья. Интересно, кто будет хоронить его, когда придет время. Печальные лица и приглушенные голоса действовали угнетающе, и он поспешил удалиться.

— До чего же мне тут нравится, Баррет, — проговорил адмирал, выходя ему навстречу. — Не желаете спуститься к себе и прилечь? А вечером заступите на вахту — если еще чего-нибудь не случится.

Поблагодарив старика, Баррет пошел в свою каюту.

Джейн снова спала.

Он медленно разделся, накинул халат и отправился в ван-

ную. Черт возьми, он до сих пор не отдал распоряжений относительно расхода воды... Но усталость взяла свое. Наслаждение, с которым он смывал с себя грязь и пот, затмевало все заботы. Потом он вернулся в каюту за бритвенными принадлежностями и тщательно побрился перед зеркалом в ванной.

Джейн так и не проснулась. Его снова охватило разочарование.

«Ей пришлось многое пережить, но ведь и другим тоже. Каждый делает, что может, — Памела, адмирал, Райан в радиорубке, двое механиков по моторам. А Джейн... Супруга старшего помощника... то есть исполняющего обязанности капитана. Она лучше многих знает корабль. Могла бы поддержать остальных... или хотя бы меня».

Не снимая халата, он лег на кушетку и попытался уснуть. Сейчас важно беречь силы: мало ли что может случиться. Непременно что-нибудь случится — в этом Баррет нисколько не сомневался. Но сон не шел. Наконец, он решил встать и прогуляться в офицерскую курилку: вдруг на полках найдется журнал или газета, которых он еще не читал.

Дверь в каюту второго помощника была открыта, хотя портьера при входе плотно задернута. Голос Памелы негромко окликнул его, и Баррет вошел. Она лежала в постели, темный загар контрастировал с ослепительной белизной простыней, волосы рассыпались по подушке, точно нимб.

— Кто на вахте? — спросила она.

— Ваш дядя. Кажется, последние события убедили его, что я на что-то годен. И похоже, он собрался сделать из меня офицера-артиллериста.

— У него есть свои маленькие странности. Когда вы узнаете его поближе, то поймете, что он вовсе не такой ужасный. Если вы перестанете друг с другом бороться, это будет самый большой шаг к цели.

— О да...— пробормотал он, внезапно погружаясь в глубокую депрессию.

— О чем вы?

— У вас никогда не возникало мысли, что все происходящее — бессмысленно? Что мы дошли до точки? Что-то было вчера, а завтра не будет ничего. Сегодня, сейчас... Мне порой кажется, люди сами начали создавать для себя ад на Земле —

с того момента, как наши предки решили слезть с деревьев и ходить на двух ногах вместо четырех. И чем мы, спрашивается, лучше тех тварей, которые решили разделаться с нами — просто уничтожить нас как вид? И кто дал нам право бороться с ними?

Она мягко рассмеялась.

— Тим, Тим... Кто это говорит? Вы или ваша грешная плоть? Я женщина — и вроде бы не самая глупая... и понимаю, что с вами происходит.

Несомненно, она понимала. Покрывало соскользнуло, и Баррет увидел, что одежды на ней не больше, чем на новорожденном ребенке. И что она, наверно, никогда не загорала в купальнике.

— Но есть такая вещь, как верность...— непослушным языком пролепетал он.

— К черту верность, — отозвалась Памела. Странно, но ни этот грубоватый ответ, ни ее тон нисколько не шокировали. — Нам посчастливилось выжить. Может быть, заселим какой-нибудь остров. Вы станете королем и установите свои законы... ну и, само собой, обзаведетесь гаремом, а?

— Я догадываюсь, кто на самом деле будет королем, — сказал Баррет. — Во всяком случае, не я. Три ленточки и бриллиант на рукаве весят куда меньше, чем золотая нашивка над локтем. Вы говорите — остров. А где нам взять топливо, чтобы его найти? Не говоря уже о пресной воде...

— Хватит заниматься словоблудием, — перебила Памела. — Жизнь слишком коротка.

Он обнаружил, что не может оторвать взгляда от ее затвердевших сосков, розовеющих на фоне загорелой кожи. Наконец усилия увенчались успехом. Теперь он смотрел ей в глаза... но ничего не изменилось. Никакой ошибки: в них читался призыв, полные, чувственные губы манили и сулили блаженство. Интересно, с чего он решил, что у нее суровое лицо. «Разумеется, я заслужил это, — мысль возникла словно ниоткуда. — После всего, что пришлось пережить. Мы оба это заслужили: немного расслабиться после тяжелого дня».

И он поцеловал ее. Тонкие руки обвили его плечи и повлекли к себе. Сомнений больше не осталось. Ему до безумия не хотелось отрываться, но он все же сумел.

— Для такого дела нужно уединение, — господи, какой у него жалкий, дрожащий голос!

— Так поторопись, — произнесла Памела. — Пока мы одни.

Баррет подошел к двери с намерением запереть ее. Для этого было нужно отдернуть портьеру... и он столкнулся лицом к лицу с Джейн.

— Я проснулась. Пошла на мостик искать тебя, хотела быть рядом с тобой, — бесстрастно заговорила она. — Адмирал сказал, что ты отправился на палубу.

— Мы с мисс Хендерсон обсуждали проблемы расхода воды.

— Я понимаю. Если люди будут ходить нагишом, можно будет сэкономить на стирке.

Тема была исчерпана.

Джейн повернулась и направилась обратно в каюту. Баррет устремился было к Памеле, но был остановлен красноречивым жестом, который должен был означать: «Не сейчас, дурень!»

Можно было пойти в кают-компанию. Но сейчас там отдыхал Райан, помощник Малони.

Значит, остается курительная.

Войдя в курилку, Баррет растянулся на кушетке... и запоздало вспомнил, что как раз здесь лежал убитый с горящего сейнера, которого они подобрали возле мыса Бейли.

Какая разница, устало подумал он — и, к собственному удивлению, уснул.

Памела разбудила его под вечер. Как всегда, поднос с чаем и сандвичами...

— Остальные звери накормлены. Теперь твоя очередь, — бросила она.

— Спасибо, — отозвался Баррет. — Как я понимаю, обстановка накаляется.

— Это уж точно. Дядя Питер просто с ума сходит. Откопал где-то секстант и пытался проложить курс, но обломался. И с твоим радаром у него ничего не получилось. А Райан и ваш Малони потеют в радиорубке — и тоже безрезультатно.

— Я не об этом.

— Более того. У нас назревает водяной бунт. Я переговорила с мистером Феррисом, он все организует.

— Я не это имел в виду.

— Я знаю, черт возьми, что ты имеешь в виду. Но твоей очаровательной женушке придется посмотреть фактам в лицо. Наш привычный, безопасный мир прекратил существование. Будем строить новый и устанавливать новые законы. Если, конечно, уцелеем.

— Даже так, — пробормотал Баррет.

— Даже так. Так что пей свой чай, будь хорошим мальчиком, а потом будем разбираться, куда нас занесло.

— Из тебя получился бы отличный старший помощник, — произнес он.

— И не только помощник, — парировала она, развернулась на каблуках и вышла. Баррет проследил за ней взглядом. Она сменила свой соблазнительный костюм на рубашку цвета хаки и шорты, но даже в этом бесполом наряде не утратила женственности.

«И все равно — верность на свете была, есть и будет», — подумал Баррет. Он пил чай, жевал сандвич и размышлял. Хлеба, наверное, осталось немного. Правда, еще есть мука. Хорошо, если кто-нибудь умеет печь.

Он поднялся с кушетки и прошел в ванную, чтобы смыть с лица соленый налет. Умывание подействовало освежающе. Баррет направился в свою каюту. Дверь была закрыта, но не заперта. Джейн лежала в кровати, отвернувшись к стене. Спит? Нет, вряд ли. Он открыл шкаф и достал чистую рубашку, шорты и носки, потом перестегнул нашивки с грязной рубашки на чистую и бесшумно оделся. Сделав шаг к дверям, он остановился.

— Джейн...

Молчание... Он нежно коснулся ее плеча. От его прикосновения она резко дернулась и съежилась. Выругавшись, Баррет вышел вон и отправился на мостик.

Солнце уже садилось, когда Баррет приготовил секстант, столик и рабочий журнал. Оставалось лишь начать работу по звездам. Адмирал с интересом наблюдал за ним.

— Безнадежно устаревший метод, Баррет, — пробасил он.

— Не всегда стоит забывать старое, сэр.

— Вы правы. И раз уж нам посчастливилось выжить, многому придется учиться заново. Вспоминать. Чтобы был выбор, — похоже, он чувствовал себя слегка неловко. — Да, выбор. Скажу откровенно ясно: это касается всего.

— Совершенно верно, — невозмутимо согласился Баррет. Расположившись с секстантом на крыле мостика, он наконец-то поймал отраженную линию горизонта и считал показания. Никаких погрешностей в индексах. Значит, удастся построить хороший график.

— Всего, — повторил адмирал.

— Например?

— Я очень люблю свою племянницу. К тому же теперь я должен заменить ей отца. Прежде меня бы удар хватил, скажи мне кто-нибудь, что у нее связь с женатым мужчиной. Но теперь все иначе. Старые добрые времена уже не вернутся.

— Повторите это еще раз.

— Если выяснится, что от всего человечества остались только мы, то Вы окажетесь самым достойным избранником. Это мое мнение, и ее тоже. И я...

Баррет встретился взглядом с адмиралом. Кайн поперхнулся и поспешно поправился:

— ... то есть мы. Мы установим собственные законы.

— Иным словом, король всегда прав, а кронпринц может иметь столько жен, сколько пожелает, — подытожил Баррет.

— Фу, как грубо, Баррет... Но вообще-то вы правы. Я бы только добавил, что король имеет кое-что сказать по поводу разводов, — он умолк и прошелся по мостику. — Конечно, если еще какая-то часть человечества уцелеет, ситуация в корне изменится.

— Может, и так. А может, нет.

— Но послушайте, вы...

— Черт возьми, мне очень жаль. Кругом творится такая неразбериха, и с этим нужно что-то делать. Если мне не изменяет память, история знает множество забавных случаев. Клеопатра нарушила спокойствие Римской империи. Папа Римский отлучил Генриха Восьмого от церкви, потому что тот слишком упорно добивался развода. Но в настоящее время на повест-

ке дня — наше выживание. А посему мне надо определить по звездам наши координаты. И чем точнее, тем лучше.

Он огляделся. Юпитер будет виден незадолго до рассвета, но это лишь одна линия. Но мерцающая желтая точка Альфа Центавра показывает на юг, а еще есть Канопус, Сириус и звезды Ориона — верные помощники охотников и путешественников.

Баррет работал споро и умело. Сверяясь по хронометру, вычерчивая наклонные линии и расшифровки для судового журнала. Потом аккуратно просмотрел таблицы азимутов. Они незначительно отклонились к юго-востоку, но, в общем, по-прежнему держали направление.

Баррет измерил расстояние до цели, поделил его на скорость.

— В семь утра будем на месте, — сообщил он адмиралу.

Глава 9

Ночь стояли в три вахты: с восьми вечера до полуночи — Баррет, Памела — с полуночи до четырех, а адмирал — с четырех до восьми.

Баррет отдежурил без происшествий, хотя к полуночи видимость ухудшилась: корабль снова попал в дымную полосу. Огонь, породивший ее, погас, и дым уже рассеивался: похоже, время пожаров прошло. Пройдет дождь — и от сажи и копоти не останется и следа... В ясном небе ярко светили луна и звезды.

В одиннадцать сорок пять Баррет спустился к Памеле, чтобы разбудить ее. Он включил свет и тихо сказал:

— Проснись и пой.

Он не прикоснулся к ней, даже не подошел к кровати. Убедившись, что она проснулась, Баррет вернулся на мостик. Ответственные за пресную воду выделили на ночь полный графин на троих. Наполнив электрочайник, Баррет включил его, потом вышел наружу и в бинокль ночного видения стал рассматривать горизонт. Пожалуй, видимость неважная, стоит включить радар... Через пару минут прибор нагрелся, экран ожил. Баррет покрутил ручки настройки. На

малых дистанциях— ничего, кроме скопления туманных пятен. В диапазоне сорок восемь миль очертания берега кое-как различались, но определить местоположение корабля не представлялось возможным.

Итальянец Джо тяжело вскарабкался по правому трапу со шлюпочной палубы и пробрался в рулевую рубку сменить Карла. И вдруг Баррету показалось, что все в порядке. Привычная смена вахты, в шифровальной бурлит чайник, и чай, наверное, уже засыпан в заварочник. Правда, неизвестно, надолго ли хватит пресной воды. А чая? А молока, сахара?..

Памела вошла в шифровальную. Баррет последовал за ней и первым делом заварил чай.

— Можно приступать к чаепитию.

Она рассмеялась.

— Похоже, мы поменялись ролями. Раньше этим занималась я.

Баррет подошел к столику шифровальщика и, взяв один из циркулей, ткнул им в карту, как указкой.

— Сейчас полночь, мы должны находиться вот здесь, — он провел кончиком циркуля вдоль тонкой линии, прочерченной карандашом. Эта линия указывала их курс. — Положение выверено по ночным звездам. Я включил радар, но пока ничего толком не разобрать...— он умолк и стал наблюдать за тем, как Памела разливает чай. — Видимость падает — мы снова приблизились к задымленному берегу. Но пока столкнуться нам не с чем.

— Просто фантастика, — она покачала головой. — Кто бы мог подумать, что нам придется искать спасения в море и избегать суши?

— Наши маленькие приятели, похоже, первым делом оккупировали корабли. Если помнишь, все началось со случаев диверсий на транспорте.

С чашками в руках они переместились в рулевую рубку и вместе смотрели на экраны. За бортом тускло поблескивали волны, линия берега едва угадывалась.

— Когда тебя разбудить? — спросила она.

— В любое время, когда я понадоблюсь. Если ничего не случится, передай адмиралу, чтобы разбудил меня в шесть.

Не то чтобы я вам не доверял... но, по большому счету, я единственный навигатор на этом судне.

— Как я поняла, ты не пойдешь к себе в каюту.

— Да. И, похоже, так будет, пока...

— Пока — что? — мягко спросила она.

— Неважно.

Баррет допил чай и пожелал ей удачи. Надо сказать, такое положение дел его не слишком радовало. Он — капитан этого судна и несет за него ответственность. А сейчас он сдал вахту человеку, которого трудно назвать бывалым моряком — хотя видимость оставляет желать лучшего. Но с другой стороны... нельзя же бодрствовать круглые сутки. Ничего подозрительного он не заметил, так что лучше воспользоваться затишьем и восстановить силы. В самом деле, мало ли что может случиться.

Почти убедив себя, он отправился вниз и устроился на кушетке в курительной.

Адмирал прислал за ним в шесть.

Баррет с трудом открыл глаза, поморгал и лениво извлек из памяти фамилию этого человека. Ольсен. Стоматолог. Или бывший стоматолог... Но какая, собственно, разница?

— Ага, — сонно пробормотал он. — Все хорошо?

— Капитан, адмирал велел передать вам, что мы идем на хорошей скорости и скоро будем в виду цели. Время прибытия — около семи тридцати, если не раньше.

— Отлично.

Он сполз с кушетки, пошатываясь, встал на ноги и поплелся в ванную. Теперь приходилось умываться соленой водой. Баррет вернулся в курительную, оделся и взобрался по трапу на мостик. Никакого энтузиазма он не ощущал.

На левом крыле стоял адмирал Кайн. Увидев Баррета, он улыбнулся.

— Уже развиднелось.

— Так и есть, — отозвался Баррет. — Так и есть.

Слева показалась линия берега. Над материком еще висел дым — серая лениво шевелящаяся масса, которая точно нехотя тянула к небу короткие щупальца. Но у воды он

почти рассеялся. Море синело глубокой лазурью, с белыми барашками волн и ядовитого вида пеной. Повсюду плавали обломки. Вот обугливщийся остов баркаса, а вон — яхта, похожая на птицу с перебитым крылом. Но тел не видно. «Акулы, — подумал Баррет, — Видно, успели попировать».

— Я видел острова, — проговорил адмирал, — правда, пока только на радаре. Миссис Велкам поручено поскорее приготовить завтрак для экипажа — она приняла у Памелы эстафету и теперь трудится в качестве стюардессы... Да, похоже, мы сможем спустить шлюпку.

— А если они уже захватили острова? — спросил Баррет.

— Это было бы скверно, — отозвался адмирал. — Значит, тем, кто отправится на берег, нужно как следует одеться. Нечего бегать в детских костюмчиках! Я помню, что случилось с тем патрулем на «Ватсоне».

— А я помню, что случилось с рыбаком, которого мы выловили.

Баррет прошел на крыло мостика и стал смотреть туда, где едва виднелась земля. Потом он вернулся в рулевую рубку и уставился на экран радара. Пошел в шифровальную и сравнил линию берега с той, что получалась на карте. Держа в правой руке циркули, измерил расстояние от шестичасовой точки.

В дверях шифровальной показалась миссис Велкам.

— Капитан Баррет, вы не видели адмирала? — спросила она.

— Он на мостике, — ответил Баррет, разглядывая гостью. Эта дама бальзаковского возраста выглядела весьма внушительно. — Может быть, я смогу помочь?

— Я насчет хлеба, капитан. Он закончился. И яиц осталось всего четыре дюжины. А бекона хватит всего на одну трапезу.

— Если у вас не будет времени испечь лепешки, распечатайте консервированные хлебцы. Что касается остального, можно использовать консервы и удить рыбу.

— Принести вам завтрак сюда, капитан?

— Да. Но адмирал Кайн, я думаю, будет завтракать в своей каюте.

Баррет снова вышел наружу, миссис Велкам последовала за ним. Он сообщил Кайну, что сменит его, и предложение

было встречено самой теплой благодарностью: адмирал сам хотел сделать перерыв.

— К счастью, ваш бывший капитан был одного со мной телосложения, — сообщил он.

Баррет угрюмо расхаживал взад-вперед, каждые пятнадцать минут сверяя координаты. Вскоре миссис Велкам принесла поднос с завтраком. Солнце уже стояло высоко, но Баррет даже не чувствовал тепла. Тут со стороны шлюпочной палубы донесся какой-то шум. Пожалуй, стоит посмотреть, в чем дело.

Несколько человек под командованием Джо расчищали проход к шлюпкам. Баррет подозвал итальянца.

— Когда закончишь с лодками, Джо, подготовь якоря.

И снова принялся расхаживать по мостику.

Кайн вернулся на мостик. Он успел сменить экипировку: рубашка цвета хаки с длинными рукавами, застегнутая на все пуговицы, штанины заправлены в носки, на ногах крепкие ботинки. Объемистую талию адмирала стягивал ремень, в поясной кобуре револьвер.

— Вы собираетесь плыть с нами? — спросил Баррет.

— Конечно, мальчик мой. Я ведь знаю этого Пайпера.

— Вы имеете представление о двигателе Флеминга?

— Двигатель Флеминга? Я думал, это просто моторная лодка.

— Не морочьте голову. Лодка движется за счет мускульной силы человека, рычаги крепятся к древку. Вы должны знать, что делаете.

Адмирал раздраженно засопел.

— Хорошо, Баррет. Что вы предлагаете?

— На борту у нас всего два матроса, сэр. И два офицера. Взвесив за и против, я решил, что являюсь более ценным экземпляром, чем вы. Поэтому на острова лучше отправиться мне — разумеется, с соблюдением всех мер предосторожности. Толку будет больше. Мы остановимся и спустим шлюпку. Потом я отправлюсь на поиски, а вы подойдете поближе и будете ждать. Главное — будьте готовы отплыть в любой момент, если будет нужно. Как вам план?

— Думаю, он не лишен смысла. Правда, вы не знаете Пайпера...— на мрачном лице адмирала появилась лукавая улыбка. — Зато Памела знает...

Медленно и осторожно «Катана» приближалась к главному острову. Двигатели работали на самом малом ходу. На вершине короткой мачты вращалась антенна радара. Памела в шифровальной наблюдала за эхолотом и через короткие промежутки времени записывала показатели. Малони стоял у телеграфных аппаратов машинного отделения. Баррет и Кайн с биноклями в руках разглядывали желтую полоску пляжа.

— Там пристань, сэр, — произнес Баррет.

— Да, да, я вижу. А вон там, среди холмов — какое-то здание, за деревьями его почти не видно.

— Да... Выглядит нетронутым. Может быть, здесь не было пожаров.

— Ни в чем нельзя быть уверенным.

— Пожалуй... Здесь несколько островов — может быть, сюда они не добрались.

— Они умеют плавать, — возразил адмирал. — По крайней мере, мне так кажется. Я имею в виду мутантов.

— Умеют, — Баррет вспомнил, как твари прыгали в воду с горящего кетча. — Но здесь есть акулы.

— Надо же... Первый раз кто-то сказал доброе слово об этих хищниках.

Баррет подошел к радару.

— Семь кабельтовых от пляжа. Думаю, стоит остановиться.

— Вы капитан, вам и карты в руки, — откликнулся Кайн.

— Стоп машины, — приказал Баррет. — Полкорпуса назад.

По корпусу пробежала дрожь: дизели пошли в противоход. Подойдя к фальшборту, Баррет какое-то время смотрел, как у борта вскипает желтая пена, потом снова скомандовал «стоп машины».

— Спускать шлюпку, сэр? — крикнул со шлюпочной палубы здоровяк Карл:

— Спускайте до уровня настила, — отозвался Баррет. — Будем садиться с палубы.

Корабль покачивался на мертвой зыби. Ветер совсем стих, и Баррет почувствовал, что обливается потом. Он уже переоделся для вылазки на берег — рубашка с длинными рукавами, слаксы из толстой ткани цвета хаки и низкие матросские ботинки. На голову он надел форменную фуражку — это должно было придать экспедиции некоторую официальность — и подпоясался

адмиральским ремнем с кобурой. Револьвер на боку помогал чувствовать себя увереннее.

Памела вышла из шифровальной. Она тоже переоделась и тоже изнывала от жары.

— Все готовы к высадке? — спросила она.

— Если ты готова, то да, — отвечал Баррет.

Вдвоем они направились к правому трапу, заглянув по дороге на шлюпочную палубу. Шлюпка уже была спущена, и на борту копошилась команда: рулевой — человек с адмиральского судна, который отрекомендовал себя опытным яхтсменом — и шесть человек для управления устройством Флеминга.

— Всем на борт «Небесной Ласточки», — шутливо скомандовал Баррет.

— Только без глупостей, — предупредил адмирал.

— Я никогда не рискую, если можно обойтись без этого.

Следуя за Памелой, Баррет спустился с мостика. На последней ступеньке она обернулась.

— Тим, ты ничего не забыл?

— Кажется, ничего.

— А по-моему, забыл. Ты знаешь, как я отношусь к твоему браку... но, мне кажется, вам стоит повидаться перед отплытием. Вдруг с тобой что-нибудь случится.

— С нами, — поправил он.

— Неважно. Лучше попрощаться.

— Уговорила, — ответил он.

Он прошел по коридору и подошел к двери каюты. Заперта. Баррет постучался.

— Джейн! Джейн! У тебя все в порядке?

— Разумеется, — ее голос звучал холодно и отстраненно.

— Открой, ладно? Я отправляюсь в шлюпке на берег и...— он терпеть не мог мелодрам, — я могу не вернуться.

— И что я должна делать? Пасть ниц и умолять: «не покидай меня, Баррет»?

Замок щелкнул. Баррет вошел и попытался поцеловать жену, но она отстранилась.

— Удачи.

Просто слово, лишенное смысла. Потом она снова заперла за ним дверь.

Баррет вернулся на шлюпочную палубу, поймал канат, брошенный Памелой, и перебрался через нос шлюпки.

— Опускай! — крикнул он Карлу. Лодка упала на воду.

Основное достоинство устройства Флеминга заключается в том, что позволяет использовать даже неопытных гребцов. Весла крепятся к рычагам, и поступательное движение превращается во вращение. После короткой неразберихи гребцы начали работать слаженно, и лодка плавно заскользила по тихой воде. Баррет и Памела, сидя на носу, рассматривали старую пристань, которая возвышалась над песчаным пляжем и уходила в море. Остров мог быть необитаемым. Но вывеску «Частная собственность» над молом, судя по всему, недавно обновляли. То же самое касалось и здания, которое виднелось за деревьями. Лаборатория Пайпера?

— Останавливаемся, Гарри, — приказал Баррет рулевому.

Рулевой встал, держа крюк наготове.

— Прекращайте тянуть, — скомандовал Баррет. Гребцы озадаченно уставились на него. — И толкать, — добавил он для ясности.

Лодка бесшумно подошла к пристани. Здесь обнаружился металлический трап. Зацепившись за ступеньку крюком, рулевой подтянул лодку поближе и попросил одного из гребцов помочь втащить фалинь.

Баррет остановил его.

— Не надо. Не спешите. Мы с мисс Хендерсон сойдем на берег, а ты, Гарри, останешься за старшего. Отведешь шлюпку на глубину и будешь находиться в виду пристани. Оставайся там, пока мы не вернемся.

— А если вы не вернетесь?

— Если что-то случится, услышите выстрелы, — Баррет похлопал по кобуре сорокапятки. «Надеюсь, услышите», — мысленно добавил он.

Он осторожно ступил на банку, взобрался по лесенке и замер с револьвером наизготовку. Памела, которая следовала за ним, вымученно рассмеялась.

— Жаль, что у меня нет фотоаппарата.

— Высадка Военно-Морских Сил США прошла успешно, — отрапортовал он.

— А почему не Королевских ВМС?

— Да хоть швейцарских, если тебе угодно. Просто я, похоже, не рожден быть коммандос.

Он прошел до конца причала и обернулся, наблюдая, как лодка движется назад от берега.

— Вот там и будьте, — крикнул он. — Ждите, пока мы не вернемся.

Он бросил взгляд в сторону корабля. «Катана» замерла в неподвижности, и только легкая рябь разбегалась вокруг нее по воде: это работал генератор. На мостике стоит адмирал, рядом с ним еще кто-то. Люди толпятся на палубе. Интересно, есть ли среди них ли Джейн.

— И что теперь? — спросила Памела.

— Проведем разведку. Черт побери, должен здесь хоть кто-то оставаться!

— Или что-нибудь, — произнесла она.

— О женщина, ты — воплощение оптимизма!

Спустившись с причала, они ступили на песчаную дорожку, которая вела куда-то вглубь острова, извиваясь между холмами, в окружении цветущего кустарника и лиан. Этарастительность явно была дикой, но ее кто-то подстригал и вообще ухаживал. Перекличка птиц в подлеске и шелест крыльев вселяли надежду. Ящерка пробежала по тропе и замерла, издали глядя на людей.

Над головой что-то зашевелилось, и Баррет щелкнул затвором. Потом он услышал, как песок поскрипывает под чьими-то ногами... или лапами? По коже пробежала ледяная волна. Он сделал знак Памеле остановиться, но она, похоже, не заметила или не обратила внимания.

На склоне появилась женщина. Она прошла несколько шагов, потом остановилась и разглядывала ветку с пурпурными цветами. Туалет этой дамы состоял из солнечных очков и сандалий, яркое пляжное полотенце, наброшенное на плечи, оттеняло великолепный загар. Несмотря на наготу, она казалась воплощением элегантности.

Внезапно женщина обернулась, заметила пришельцев, и ее взгляд стал жестким и отчужденным. Баррету показалось,

что это он стоит перед ней голым, в то время как она полностью одета.

— Вы что, читать не умеете? — жестко спросила женщина. — Или не знаете, что такое «частная собственность»?

— Простите, но это очень важно...

— Еще бы. Кто вы такие? И что вам здесь надо?

— По крайней мере, сюда они еще не добрались, — проговорил Баррет.

— Кто сюда не добрался? Вы добрались, это очевидно, — она разглядывала эмблему на фуражке Баррета — флаг компании в золотом лавровом венке. — Не военные моряки, это факт. Играете в пиратов, что ли?

— Позвольте мне объяснить, — взмолился Баррет.

Памела сделала шаг вперед.

— Простите нас. И, поверьте, мы вам искренне завидуем — вы можете одеваться так легко...— она расстегивала ворот рубашки. — Нам жизненно необходимо повидать доктора Пайпера.

— Как вы сказали — Пайпера? — с недоумением переспросила женщина. — Доктора Пайпера? Не думаю, что здесь такой есть. У нас действует правило: обращаться друг к другу только по именам. Здесь только один доктор — Аннетт. Насколько мне известно, ее фамилия не Пайпер.

— Один из нас?

— Один из Членов Клуба Солнечного Острова, разумеется.

— Доктор Пайпер — не нудист, насколько мне известно, — сообщила Памела. — И не медик. Он ученый. По нашим сведениям, у него лаборатория на одном из Брафтонских островов.

— Только не на этом, — уверенно произнесла женщина. — Но, пожалуй, вам стоит пройти в офис.

— Хорошо, поговорим с вашим руководством, — почти прошептал Баррет. Он почувствовал, что не может отвести взгляда от ее великолепных загорелых ягодиц — и ойкнул: острый локоть Памелы чувствительно вонзился ему под ребра.

Они сидели на террасе клубного офиса. Баррет все еще потел в своей рубашке, поскольку не хотел расставаться с портупеей. Памелу ничто не ограничивало, и она, полностью обнаженная, ничем не отличалась от обитателей островка. Миролюбивый бронзовотелый Будда по имени Чарльз — президент клуба, его секретарь Бетти — та самая женщина, которую они встретили на тропе... На лужайке перед террасой, на ярких матах и полотенцах, расположились еще человек двадцать. Просто идиллия, подумал Баррет. В голове не укладывается. Он единственный, кто вносит диссонанс в эту картинку. Одетый, с уродливым пистолетом — ни дать ни взять путешественник во времени, которого занесло из двадцатого века прямиком в райские кущи. Или в будущее.

— Итак, капитан Баррет...— начал Чарльз.

— Следуйте правилам клуба, — лукаво улыбнулась Памела. — Просто Тим.

— Итак, Тим?..

— Может, лучше дождемся Сью? — спросила Бетти.

Вскоре они услышали шаги. Посланник — юная девушка в блузке и шортах — возникла на лужайке и немедленно разоблачилась. Походя она окинула Баррета полным презрения взглядом, на какой способны лишь тинейджеры.

— Не могу видеть, как люди парятся в одежде в такой день!

— Перестань, — окоротила ее Бетти. — Все передала?

— Конечно. Я сказала людям в шлюпке, что капитан Баррет держит ситуацию под контролем и на какое-то время задержится здесь. Они ответили, что вернутся на корабль и будут ждать. Кстати, в бухте и вправду корабль.

— Значит, у вас есть корабль. Как это понимать, капитан... я хотела сказать, Тим? Вы намерены вторгнуться...

— Именно. Только не мы. Вы что, новостей не слушаете?

— Иногда слушаем, — кивнул Чарльз. — Но радио сломалось несколько дней назад. Хотите верьте, хотите нет, но на всем острове только один транзистор. Сегодня утром Том и Джерри поплыли за провизией. Они привезут газеты.

— Газет больше нет, — сказал Баррет. — И, похоже, не будет. Не исключаю, что Тома и Джерри тоже.

— Так вы и вправду не знаете, что случилось? — поразилась Памела.

— Нет, — ответил Чарльз. — Вроде бы сильные лесные пожары на большой земле. Но такое случается каждое лето. Так что там насчет газет и Тома с Джерри? Что за вторжение? Третья мировая война, что ли?

— Тогда мы должны были услышать взрывы, — произнесла болезненно худая женщина. — Мы увидели бы ядерный гриб. И симптомы лучевой болезни уже должны были проявиться.

— Вы уверены, Аннетт? — спросил Чарльз.

Прежде чем она успела ответить, Баррет вмешался.

— Это не Третья мировая война — по крайней мере, не то, что под этим обычно подразумевается. Несколько ядерных бомб действительно было сброшено — насколько мне известно, на Москву и Ленинград. Но это сделали сами русские.

— Значит, наши города не пострадали, — констатировал Чарльз.

— Ошибаетесь, — возразил Баррет. — На моих глазах был разрушен Сидней. Подозреваю, та же участь постигла и другие города. Каждый город, крупный или малый, и даже мелкие поселки и фермы.

Он начал рассказывать, стараясь не слишком проявлять эмоции. Слушатели переглядывались, но он продолжал. Он говорил о том, что узнал и понял сам, до чего додумались остальные, о чем слышали по радио, пока оно еще работало.

Наконец он понял, что сказал все, и умолк.

— Да он сумасшедший, — презрительно фыркнула Бетти.

— Все это правда, — гневно возразила Памела. — Все, до последнего слова.

И ей поверили. Баррет понял это: ей поверили, а ему — нет. Он все еще был чужаком, отщепенцем, вызывающим подозрения. А ей было достаточно раздеться — и она сделалась одной из них. И дело заключалось не только в загаре.

— Возможно, это правда, — проговорила доктор Аннет. — Вполне возможно. Мы слишком далеко отошли от здоровой простоты, от природы. Я и сама часто утверждала, что многие химические пестициды способны вызывать мутации. Помню, последний раз, когда я навещала Теодора, мы с ним как раз обсуждали эти проблемы.

— Теодор... Пайпер? — оживилась Памела.

— Именно. Его фамилия — Пайпер.

Девушка вскочила.

— Так он еще здесь? Нам надо срочно с ним встретиться!

— Он здесь. Только не на этом острове. Знаете, он настоящий отшельник. Я не появлялась у него на острове с тех пор, как он обзавелся крысами.

— Крысами? — переспросил Баррет. Сердце у него оборвалось.

— Да. Несколько клеток с белыми крысами для каких-то экспериментов.

— Тогда у нас есть еще время, — прошептала Памела.

— Конечно, есть. Но без проводника вам его обиталище не найти. Туда можно попасть только из одной бухты, и вход хорошо замаскирован. Если подождете, пока я оденусь...

Чарльз и Бетти все еще не могли смириться с тем, что услышали.

— Я убеждена, что все это — просто бред, — повторяла женщина.

— Человеку нелегко расставаться с иллюзиями, — процедил Баррет и обернулся к Чарльзу: — Кстати, у вас есть оружие? Теперь нет ни полиции, ни армии — вам придется самим себя защищать.

— Думаю, у Деса есть «три на три», — пробормотал президент клуба. — Верно, Дес? И парочка ружей, стреляющих картечью.

— Постарайтесь держаться организованно, — сказал Баррет. — Мутанты мутантами, но местные рыбаки не гнушаются разбоем.

Он поднялся на ноги, чувствуя себя рыцарем в броне.

— И вот еще что. Вам бы не мешало одеться. Крысы стараются вцепиться в... самые чувствительные места.

— Если они сюда доберутся, — колко отозвалась Бетти. — Пока я ничего такого не замечала.

— Пока, — мрачно заметила Памела. — Помните, как было в Гамельне?

...В живых ни одной не оставили кошки,
Кусают младенцев за ручки и ножки...

— И это еще не все, — добавил Баррет. — Далеко не все.

— Выставьте наблюдателей, — сказала Памела. — Будьте готовы в случае чего дать сигнал бедствия. Похоже, здесь действительно безопаснее, чем в других местах. Но я не удивлюсь, если они смогут управлять небольшим судном.

Аннетт вышла из кабинки с другой стороны лужайки. На ней были слаксы и плотная рубашка.

— Я тут немного поразмышляла в уединении... и советую вам послушаться этого джентльмена. Как только заметите что-то подозрительное — делайте, как он сказал.

— Поверьте, мне очень жаль, — произнесла Памела, облачаясь в свою одежду.

Глава 10

Баррет, Памела и женщина-врач вышли по тропе на пристань. Выйдя на причал, какое-то время все трое кричали и размахивали руками, стараясь привлечь внимание адмирала. Наконец они увидели, что Кайн на мостике «Катаны» машет в ответ, а экипаж бегом спускается по трапу. Вскоре шлюпка отчалила и понеслась к пристани. На этот раз на руле сидел Карл.

— Мистер, — проговорил он, как только шлюпка причалила, — дер адмирал хочет говорить с Вами.

— Хорошо, — ответил Баррет.

Он помог дамам сесть в шлюпку. Карл получил приказ оставаться у руля. Когда шлюпка поравнялась с кораблем, Баррет попросил всех оставаться на местах, а сам взлетел по трапу на палубу, а оттуда — на мостик. Представ перед адмиралом, он первым делом отдышался.

— Итак, вы нашли его? — осведомился Кайн.

— Пока нет. Он действительно на одном из этих островов. Мы привезли женщину, которая знает, как его найти.

— Кто она такая?

— Врач. Ее зовут Аннетт, фамилию она не сообщила.

— Похоже, их не слишком интересуют условности цивилизованного мира, — проворчал адмирал.

— Согласен. И цивилизованный мир как таковой. У них нет радио. Они понятия не имели, что творится на материке.

— Как я понимаю, вы ввели их в курс дела.

— Разумеется.

— Ну ладно. Надеюсь, вы знаете, что делаете. Ступайте.

Баррет шутливо отдал честь и затопал вниз по ступенькам. Его ждала шлюпка.

То, что Аннетт предложила себя в качестве проводника, было большой удачей. В противном случае поиски лаборатории Пайпера могли растянуться не на день и не на два. Шлюпка плыла мимо одного из маленьких островков, и Аннетт указала Карлу на неприметный мыс, за которым скрывалась бухточка со скалистыми берегами. Деревья плотной стеной выстроились у самой воды. Следующим ориентиром стала высокая сухостоина. Вскоре шлюпка скользнула в устье небольшого канала.

Глубокий и извилистый, этот канал был слишком узким, чтобы по нему могло пройти судно крупнее шлюпки. Ветви густо переплетались над водой, образуя что-то вроде туннеля. Во влажном, душном воздухе кишели насекомые.

Шлюпка приблизилась к маленькому причалу, облицованному камнем. Лестница спускалась к воде и обросла водорослями. Здесь обнаружился небольшой ручной подъемник. Повсюду красовались большие желтые плакаты, на которых было написано алыми буквами:

ОСТОРОЖНО! НЕ ПРИБЛИЖАТЬСЯ!
НАРУШИТЕЛИ БУДУТ ПРЕСЛЕДОВАТЬСЯ ПО ЗАКОНУ!

— Ну, ко мне это не относится, — объявила Аннетт. — Мне он всегда рад, хотя и терпеть не может, когда его отрывают от дел.

— Меня он просто обожал, — улыбнулась Памела. — Было время, когда он частенько гостил у нас в доме.

— Значит, если начнется стрельба, я первый кандидат на роль мишени, — невесело пошутил Баррет.

— О, ты прав как никогда, — нежно проворковала девушка.

— Оставайтесь в лодке, — приказал Баррет, обращаясь к Карлу и гребцам. — Тут, наверно, ловушки на каждом шагу.

Он помог дамам взобраться на пристань и предоставил Аннетт указывать дорогу. Одолев ступени, тощая леди бодро зашагала по бетонной дорожке к холмам. Баррет шел следом, поглаживая свою «сорокапятку». Памела замыкала шествие.

Вскоре маленький отряд поднялся на один из утесов. Кусты расступились, открыв бетонированную площадку, посреди которой возвышалось строение из древесноволокнистых плит. С первого взгляда трудно было предположить, что это лаборатория безумного ученого: скорее оно напоминало жилище фермера, который переживает не лучшие времена.

— И что теперь? — спросил Баррет. — Подойти к парадной двери и постучаться? Или позвонить? Или и то, и другое?

— Нет, — резко ответила женщина. — Разумеется, нет. Теодор меня предупреждал: визит без предупреждения может закончиться для гостя... как бы это сказать... летальным исходом. Не думаю, что он специально ставит ловушки. Просто дело в том, что он экспериментирует с радиацией.

«Безумный ученый, вооруженный смертоносным лучом», — усмехнулся Баррет и еще раз оглядел строение. Обычный сельский домик, разве что побольше размером и выглядит довольно мрачным. И вдруг изнутри донеслось странное жужжание — то ли звук, то ли просто вибрация воздуха. У Баррета побежали мурашки по коже.

— Теодор! — крикнула Аннетт. — Теодор!

— Дядя Тед! — подхватила Памела.

Некоторое время никто не отвечал. Затем динамик над дверью захрипел.

— Я слышу, — голос явно был искажен до неузнаваемости. — Вам придется подождать.

— Это очень важно! — крик Аннетт был, наверно, слышен на материке. Ничего себе голосок — а с виду она такая хрупкая... Воистину, внешность бывает обманчива.

— Дядя Тед! — простонала Памела.

— Кого я вижу! Неужели малютка Памела? — захрипел динамик. — И каким ветром тебя занесло?

— Хочу повидаться с вами.

— Так почему было сразу не сказать?

Странное жужжание смолкло. Дверь отворилась.

— Входите, — донеслось из динамика. — Аннетт покажет дорогу.

Памела и Баррет последовали за своей провожатой через комнату, которая служила одновременно спальней и кухней — неудивительно, что обе женщины презрительно фыркнули. За ней тянулся коридор, упирающийся в белую дверь с плакатом наподобие тех, что украшали пристань. Дверь медленно открылась.

Помещение за дверью было просторным, но даже в нем едва хватало места для гигантского прибора — или приборов. Позже Баррет со смехом вспоминал, что в тот момент понял, как чувствует себя таракан, угодивший внутрь радара. Повсюду провода, гроздья электронных ламп, некоторые из них светятся зловещим пульсирующим светом. Тут же странные устройства, одни напоминают параболические отражатели прожектора, другие — антенны радиотелескопа. За всей этой горой оборудования скрывался стеллаж, на котором выстроились десятки клеток. Из-за прутьев, словно рубины, поблескивали бусинки крысиных глаз.

Пайпер неожиданно возник из-за нагромождения стекла и проводов и теперь разглядывал незванных гостей. Совершенно обычный человек, среднего роста, среднего телосложения. А лицо... Подобные лица Баррет часто видел в поездах. Типичный представитель племени невидимок — продукт двадцатого века.

«Хотя каждого из них можно прекрасно разглядеть», — подумал Баррет.

И голос — негромкий, мягкий. В его интонациях сквозила нежность.

— Аннетт! И Пэм, боже мой! Сколько лет, сколько зим, дорогая!..

Изобретатель покосился на Баррета с некоторым подозрением, задержав взгляд на револьвере и форменной фуражке.

— Не думаю, что когда-либо имел удовольствие...

— Дядя Тед, это капитан Баррет. Можете звать его Тим. С нами также дядя Питер, но он остался на корабле.

— Но ведь Питер вышел в отставку, — Пайпер продолжал разглядывать Баррета. — И я всегда считал, что капитану полагается четыре золотые нашивки, никак не три.

— Доктор Пайпер, — резко произнес Баррет. — Где нам можно сесть и поговорить? Разговор будет долгим, а мне хотелось бы разобраться с этой историей как можно скорее.

Ученый задумался.

— В моей спальне, — изрек он, потом посмотрел на женщин. — Нет... Пожалуй, не стоит. Если бы я знал, что вы придете...— его лицо внезапно просияло. — Конечно! На улице есть скамейка и пара садовых кресел.

Доктор и его гости покинули лабораторию, и Баррет — второй раз за сегодняшний день — изложил ход событий. Ученого оказалось легче убедить, нежели островитян. Пайпер не слушал новостей лишь потому, что не хотел их слушать. Его мощный коротковолновой приемник работал великолепно — другой вопрос, что эфир почти опустел. И все же несколько радиостанций продолжали действовать и теперь. Временное правительство Канады призывало сжечь все заброшенные здания и склады, которые нельзя обезопасить в самое ближайшее время. Какой-то радиолюбитель из Новой Зеландии отчаянно умолял откликнуться любого, кто его слышал: он надеялся, что на Земле остался хотя бы один населенный пункт, избежавший участи Напье и Гастингса. Из Англии кто-то спокойно и с достоинством вел репортаж об эвакуации населения из Лондона — точнее, из-под руин Лондона.

— Похоже, у англичан нашлась пара бомб, — предположил Баррет, — и они собрались последовать примеру русских.

— А что сделали русские?

Пайпер получил исчерпывающий ответ.

Ученый встал с кресла и некоторое время молча смотрел на капитана и его спутниц.

— Я не занимаюсь ядерной физикой, — тихо проговорил он. — Я не могу изготовить бомбу, чтобы сбросить ее на Сидней, Мельбурн или Канберру. Даже если бы и смог — что в этом толку?

— Дядя Тед, — сказала Памела, — мы не просим вас делать бомбу. Но ваш излучатель... Он уже готов?

Пайпер громко фыркнул.

— «Смертоносный луч»! Да это просто детские игрушки. Честное слово, Пэм, я думал, ты уже большая девочка и не веришь в сказки. Да будет тебе известно: при помощи

суперакустического излучения я могу убить крысу с расстояния двенадцати дюймов. Если задействовать электростанцию Снежной реки, я смогу увеличить радиус до двадцати футов.

— Даже так...— начал Баррет.

— Даже так. Оружие здесь абсолютно бесполезно. Может быть, в будущем оно сослужит неплохую службу. Но после того, что я только что услышал... Непохоже, что у нас вообще есть будущее.

Баррета как будто что-то толкнуло.

— А можно увидеть, как действует ваша установка?

— Зачем? Вы же не ученый. Даже Аннетт не лезет в эти дела — а она ближе к науке, чем вы.

— Но все же...

— Дядя Тед, — вмешалась Памела. — Может быть, Вы что-нибудь упустили.

— И что же?

Аннетт повернулась и посмотрела ему в глаза.

— Теодор, я всегда боялась, что вы превратитесь в священную корову. Конечно, Тим и Памела — не ученые, но голова на плечах у них есть. И у меня тоже. Смею вас заверить: такие потрясения многому учат.

— Это дилетантизм! — поморщился Пайпер.

— Да. Но некоторым дилетантам принадлежат великие открытия.

— Безусловно. Особенно в вашей области.

— Наверное, мне следовало оскорбиться, но жизнь слишком коротка и, если ничего не предпринимать, станет еще короче. Так что организуйте нам показ — и поскорее.

— Ну хорошо, — резко бросил он. — Можете тратить свое время, а заодно и мое. Правда, не знаю, чем это вам поможет.

Они вернулись в лабораторию. Пайпер осторожно снял со стеллажа одну из клеток и поместил на стол, под свет прожекторов. Затем он подкатил по рельсам какой-то гигантский агрегат, так что до клетки оставалось не более двух футов, повернул в ее сторону рефлектор, щелкнул тумблером и поправил «тарелку» так, чтобы отраженный свет падал на крысу.

— А теперь смотрите внимательно.

Доктор повернул какой-то рычаг. Генератор взревел, потом рев сменился ровным гудением. Еще щелчок — и грозди стеклянных трубочек начали медленно наливаться светом.

— По правилам, я должен был снять энцефалограмму каждой из крыс, — саркастически произнес Пайпер, — но раз наш друг капитан спешит...

Он выдержал паузу, потом заговорил чуть мягче:

— Как видите, животное совершенно спокойно. Дешевле было бы размозжить ему голову палкой. А теперь я покажу действие прибора. Расстояние — шесть дюймов.

Но Баррет уже не слушал. Твари в клетках пронзительно верещали. Он обернулся. Крысы становились все более возбужденными, некоторые уже грызли прутья.

— Что с ними? — спросил он.

— О, не беспокойтесь, — язвительно процедил Пайпер. — Своеобразный побочный эффект, который я еще не изучил. Возможно, им просто не нравится смотреть, как гибнут их сородичи. Но оружие существует для того, чтобы убивать, а не действовать на нервы.

Баррет кивнул, но беспокойство не проходило. Что-то мешало ему принять объяснение Пайпера. Забыв о подопытной крысе, он разглядывал грызунов, мечущихся в своих клетках. Шаг — и он оказался в зоне действия рефлектора. Волны вибрации ощущались кожей.

И тут же в ушах — или в мозгу? — зазвучала музыка. Это не был механический шум. Звенящие голоса меди, пульсация ударных... потом печально запели скрипки. И вдруг конвекционный диск акустического рефлектора превратился в огромную золотую луну, висящую над садом. Иначе и быть не могло. Именно Луне издревле поклонялись люди, а в саду росло Дерево Познания Добра и Зла, и яблоко с него еще не было съедено.

...Она танцевала в саду под плач скрипок, под тихую дробь маленьких барабанов, в лучах луны, истекающей золотым соком. Она танцевала обнаженной, и в ней было что-то от Джейн, что-то — от Памелы... понемногу от каждой из женщин, которых он знал, от каждой, кого желал прежде.

Потом она повернулась и посмотрела ему в глаза — нагая, бесстыдная и прекрасная. Хрупкие руки обвились вокруг его

плеч, улыбка звала и сулила неизведанные ранее наслаждения, о которых мечтает каждый мужчина...

И... Кто-то схватил его за плечо и довольно грубо толкнул. Баррет потерял равновесие и растянулся на полу.

— Чертов идиот! — рявкнул Пайпер. — Сейчас бы вас убило током!

Баррет попытался сесть. Перед глазами все еще кружили видения, в ушах раздавался бой барабанов, а сердце стремилось вернуться в тот райский сад... Он тряхнул головой и с усилием пробормотал:

— Сами вы чертов идиот, Пайпер.

— Что вы хотите сказать?

Баррет нервно рассмеялся.

— В следующий раз, когда будете создавать акустическое оружие — суперакустическое, субакустическое, как вы там его называете — перечитайте сначала Браунинга. Конкретно — «Флейтиста из Гамельна».

Глава 11

«Катана» стояла на якоре возле острова.

Между кораблем, пристанью Солнечного Острова и причалом Пайпера непрерывно курсировали шлюпки. Тем временем благополучно вернулся баркас членов Клуба Солнечного Острова, а в нем — Том и Джерри, насмерть перепуганные, но живые и почти невредимые. Деревня, в которой они обычно пополняли запас провизии, не пострадала от пожаров, но выглядела так, словно жители спешно покинули ее. Оставив лодку на отмели, ребята сошли на берег. Первым, что они увидели, была огромная стая ворон. Казалось, птицы слетелись со всей округи, точно черные мухи на падаль. А потом почувствовали запах — так смердит гниющая плоть. Вороны, потревоженные появлением людей, взмыли в небо, и юноши увидели, над чем пировала стая...

И едва успели заметить тварей, которые высыпали из домов. «Вроде небольших кенгуру, — сообщил один парней, более словоохотливый. — Но не кенгуру. Что-то у них есть и от обезьян, и от крыс. Они налетели на нас, как пчелиный

рой. Кстати, у них, можно сказать, и жала имелись. Острые ножи. Не верите — спросите у Аннетт».

— У них все ноги изрезаны, — пояснила доктор. Вести, которые привез баркас, подтверждали слова Баррета. Адмирал в сопровождении Малони и Райана отправился повидаться с Пайпером, прочие остались ждать дальнейшего развития событий.

Солнце уже село, когда адмирал вернулся на судно, вместе с ним с Солнечного Острова прибыла Аннетт. Адмирал немедленно вызвал к себе Баррета, Памелу и Кларендона. Когда все собрались в кают-компании, он выставил на стол последнюю бутыль бренди капитана Холла. Баррет достал бокалы.

— Знаете, у нас в клубе это не принято, — протянула Аннетт.

— Но вы сейчас не в клубе, — примирительно ответил Кайн. — Считайте, что Вас завербовали Королевские ВМС Австралии.

— Исключено, — возразил Баррет. — Она — гордость Тасманийской Пароходной Компании.

Оба рассмеялись.

— Какая разница? — адмирал щедро плеснул каждому, потом поднял бокал. — Главное, в конце туннеля показался свет.

— А что думает доктор Пайпер? — спросил Баррет.

— Радиус действия его оружия оставляет желать лучшего. А что касается того самого «побочного эффекта»... Он проявляется на большом расстоянии, и помехи на него не влияют.

— Идея с приманкой просто превосходна, — пропищал Кларендон. — Я не военный, я всего лишь «крысолов», но вижу, что это сработает. Они все потянутся к морю. Если даже они соберутся на берегу, можно просто поджечь нефть...

— Если нефть еще не выгорела, — сухо поправил адмирал. — Ладно, что-нибудь придумаем.

Аннетт сочла нужным вмешаться.

— Как я поняла, мы пьем за свет в конце туннеля. Но в этом туннеле есть кое-что важное. Помните, Тим: после того, как Вас чуть не убило током, Вы говорили что-то насчет Гамельнского Крысолова.

— Что вы читали в детстве, Аннетт? — спросил Баррет.

— В основном, отцовские книги. Он тоже был врачом. Анатомия, патология и все такое прочее.

Баррет сдержанно фыркнул.

— Так вот, жил-был один поэт. Звали его Роберт Браунинг, и писал он отличные стихи, и среди прочих — маленькую поэму про Гамельнского Крысолова. Я ее до сих пор помню. Когда она мне попалась, у Диснея как раз совершенно чудный мультфильм по этой сказке. Если мне не изменяет память, начинается так:

Гамельн — в герцогстве Брауншвейг,
С Ганновером славным в соседстве.
С юга его омывает река
Везер — полна, широка, глубока...

Черт, вылетело несколько строчек ... А вот что там стряслось:

Испытал этот город не бурю, не град,
А худшее из бедствий.
Крысы!
Различных мастей, волосаты и лысы,
Врывались в амбар, в кладовую, в чулан,
Копченья, соленья съедали до крошки,
Вскрывали бочонок и сыпались в чан,
В живых ни одной не оставили кошки,
Кусали младенцев за ручки и ножки...

— И так далее. Такое впечатление, что это про нас написано. Короче, мэр Гамельна предложил награду в тысячу гульденов тому, кто избавит город от крыс...

— В наши дни офицерам по контролю за грызунами платят больше, — криво усмехнулся Кларендон.

— Платили. А потом перестали. Возможно, с этого все и началось. Как бы то ни было, в город пришел Крысолов и предложил свои услуги. Ему пообещали тысячу гульденов, Крысолов вышел на улицу, и дал сигнал к отплытию. И все крысы выскочили из домов и устремились за ним:

Толстые крысы, худые, поджарые,
Серые, бурые, юные, старые —

Всякие крысы любого размера:
Крупный вор и жулик мелкий
Крысы-внуки, крысы-деды,
Сыроеды, крупоеды...

И так далее. В общем, они побежали к реке Везер и начали топиться, точно лемминги.

Одна лишь, смелая, как Цезарь,
Часа четыре напролет
Плыла, разбрызгивая воду.
И, переплыв, такой отчет
Дала крысиному народу...

— Она рассказала, что видела и слышала, когда Крысолов заиграл на дудочке. А видела она горы всякой снеди, и ароматы щекотали ей нос. Она видела перед собой огромную сверкающую сахарную голову... и тут очнулась посреди реки. И бедной крысе пришлось грести изо всех сил, чтобы спасти свою шкуру.

— А ты что видел, Тим? — подозрительно спросила Памела. — Тоже сахарную голову?

— Можно, я не буду отвечать?

— Сомневаюсь, что это была еда, — вставила Аннетт. — Разве что он сильно голодал накануне.

— Вот что интересно, — проговорил Кларендон. — Не зря говорят: сказка ложь, да в ней намек. Может быть, Крысолов был алхимиком, который докопался до принципов суперакустики, а уцелевшая крыса — первым мутантом. Она спарилась с обычной крысой и от них пошли потомки...

Адмирал фыркнул.

— И чем все закончилось? — спросила Аннетт.

— Мэр решил, что получил свое, а платить не обязательно, и пытался откупиться от Крысолова несчастной полусотней гульденов. Тогда Крысолов снова заиграл на своей дудочке. И все дети ушли за ним из города, чтобы никогда не возвращаться.

— Похоже, мистер Баррет, пайперовский агрегат можно применять против людей, — задумчиво произнес адмирал. — Как я понимаю, Вы ощутили это на себе.

— И все-таки вы, как я догадываюсь, предпочли бы всем новомодным изобретениям батарею шестнадцатидюймовок, — сухо парировал Баррет.

— Совершенно с вами согласен. Это куда более гуманное оружие.

На следующее утро Баррет отправился во владения Пайпера. Пока снаряжали шлюпку, он вновь попытался поговорить с женой. Какое-то время Джейн безучастно слушала, а потом взорвалась:

— Да, я понимаю, что от меня никакой пользы! Ни в чем, абсолютно! Конечно, Памела — вот настоящая женщина. Я понимаю. Она всегда готова тебе услужить — и на борту, и в постели.

— Ничего подобного, — возразил Баррет.

— Ну конечно! Я же не слепая. Я уже жалею, что вообще выбралась из дома, что оказалась на этом корабле, черт бы его побрал. Лучше бы меня не стало. Лучше для вас обоих.

— Вот только не надо!

— Нет, надо! И ты знаешь, что это правда! В этом жутком новом мире я для тебя просто обуза. А вот она — нет.

— Джейн, если бы ты просто попыталась...

— Попыталась что? Пожалуйста, Тим, уходи и делай то, что должен. Ты пытаешься спасти мир, а я путаюсь у тебя под ногами. Я это знаю. Так что ступай.

Баррет покорно удалился. Шлюпка уже ожидала его.

Всю дорогу он пребывал в мрачном настроении и открывал рот лишь по необходимости, чтобы отдать очередной приказ. Лодка причалила у ступеней. Дождавшись, пока рулевой привяжет ее, Баррет ступил на берег.

По тропе к причалу спускался Малони. Радиоофицер был бледен и осунулся, на пухлом лице проступили морщины, одежда была помята и испачкана. Но он выглядел довольным.

— Отлично, Тим. Теперь нужно отобрать ребят покрепче и доставить аппаратуру на причал.

Отдав команде распоряжения, Баррет смотрел, как его люди шагают по тропе вслед за Малони. Желания вновь посетить лабораторию почему-то не возникало: воспоминания

о том, что довелось там пережить, были еще слишком живы. Как известно, крыса, однажды побывавшая в ловушке, не полезет туда снова, даже страдая от голода.

Тем временем матросы вернулись. Теперь перед Барретом и его людьми стояла нетривиальная задача: разместить в шлюпке эту гору громоздкого оборудования.

Каким-то чудом это удалось. Пайпер кудахтал, точно старая наседка, и пытался помогать, но только путался под ногами. Вопреки его стараниям, ни один прибор не разбился и не упал за борт. Однако сесть в шлюпку смогли лишь четверо гребцов, при этом она оказалась явно переполненной.

Наконец лодка подошла к судну. Один за другим ящики, коробки, рефлекторы и генераторы поднимали на палубу и уносили на корму. Шлюпку подтащили на фалинях, зацепили крючьями, и Баррет вскарабкался по трапу на шлюпочную палубу, чтобы следить за разгрузкой.

Он чувствовал себя каким-то механизмом, который исправно и эффективно функционирует, но не более того — ни воодушевления, ни интереса. Стоя на мостике рядом с адмиралом Кайном, он наблюдал, как Джо, которого послали к брашпилю, снимает судно с якоря. На палубе показалась первая смычка якорь-цепи , и Баррет прозвонил «самый малый вперед», а когда судно полностью снялось с якоря — «полный вперед». Иногда работы с якорем на этом корабле производились довольно неуклюже, но он решил, что беспокоиться не стоит. Джо и его помощник, которому доводилось иметь дело с яхтами, должны справиться. А если не справятся... что ж, в этом мире, объятом пламенем, есть куда более важные вещи. «И куда более важные, — напомнил он себе, — чем мечты о любовной ночи с неизвестно чьей женой».

Курс был рассчитан еще накануне.

— Можете идти вниз, сэр, — сказал Баррет, — я останусь до конца вахты.

— Благодарю вас, капитан. Пожалуй, действительно спущусь и посмотрю, как там Пайпер со своим прибором.

И все-таки он кое-что забыл. Баррет спустился и дал три прощальных гудка. Жители Солнечного Острова собрались на пристани, чтобы проводить корабль. Разглядывая в бинокль

Аннетт, Бетти и толстяка Чарльза, Баррет ощутил нечто вроде зависти. Ладно, будем надеяться, что ни крысы, ни проходимцы человеческой породы до них не доберутся.

В полдень Памела сменила его. В салоне был накрыт ленч — картофель с солониной. Разговор не клеился, и сразу после ленча Баррет отправился на офицерскую палубу. Он хотел снова побеседовать с Джейн, но каюта оказалась заперта.

Оставалось только идти на корму. Полуют, стараниями Пайпера и адмирала, превратился в сборочную площадку, Малони и Райан активно помогали им. Понемногу прибор превращался из груды деталей в нечто определенное. Правда, он по-прежнему напоминал картинку с обложки научно-фантастического альманаха. Представить себе этот агрегат в действии было нелегко. Впрочем, кто мог представить, с каким врагом придется теперь столкнуться?

Пайпер и его подручные были полностью поглощены работой и не обращали на Баррета никакого внимания. Немного постояв рядом, он вернулся на мостик к Памеле и стал разглядывать берега в бинокль. Полосы дыма над водой, города, лежащие в руинах... Однако повсюду, то там, то тут, попадались поселки и фермы, которые уцелели и, возможно, даже не были покинуты жителями. Баррет поделился своими наблюдениями с девушкой.

— Наши друзья-нудисты говорили, что приобретали еду в деревне, — ответила она. — И в этой деревне не было пожаров. Интересно, правда? Похоже, крысы не могут выгнать людей из крупных городов — и они устраивают поджоги, чтобы разрушить дома. А в небольших поселках...

— Да, это наводит на размышления.

— Знаешь, раз они разумны, у них должны появиться понятия о земных благах. Обычным, рядовым крысам — немутантам — такое... ну, просто не приходит в голову. Но их главари, наверно, хотят чего-то большего, чем сухая норка и корка хлеба.

— И что с того?

— Я подумала, что... Господи, мерзость какая...

— Да что может быть хуже?!

— Поверь, может. Представляешь себе, как живут муравьи?

— Муравьи?.. — озадаченно переспросил он.

— Да. Муравьи. В детстве я была просто помешана на всяких ползающих созданиях. Мало того, что я могла часами наблюдать за ними, я еще и читала про них все, что могла достать. Так вот, у некоторых муравьев есть рабы. Муравьи-воины разоряют гнезда своих собратьев и крадут яйца и личинок. Когда из личинок вырастают взрослые особи, то становятся рабами.

— А какое отношение это имеет к крысам?

— Самое непосредственное. Если они победят — извини, с учетом последних событий я бы даже сказала «когда» — в их распоряжении останется множество приборов и техники. Мутантам с этим не справиться. Но если у них будут люди-рабы...

— Исключено, — отрезал Баррет.

— Надеюсь, ты прав.

Повисло неловкое молчание, потом Памела проговорила:

— Пока вы с дядей Питером занимались своими делами, я поговорила с Томом.

— С Томом?

— Да. Это один из парней с баркаса. Знаешь, что его встревожило? В деревне они слышали какие-то звуки. Джерри решил, что это птицы кричали.

— Ну и что?

— А Том считает, что это плакал ребенок.

«Катана» плыла все дальше на юг. Под ровный гул ее дизелей Пайпер и его помощники собирали на полуюте свое суперакустическое орудие. Корабль шел курсом на Сидней, постоянно оставаясь в виду берега. Третья вахта заканчивалась, когда адмирал послал за Барретом. Он едва успел подняться на мостик, когда Кайн сообщил:

— От вашего механика сообщение.

— Что случилось?

— Что-то с топливными клапанами. Говорит, придется встать на ремонт.

Баррет выругался и поспешил в шифровальную. Адмирал последовал за ним.

— Мы уже слишком близко, чтобы лечь в дрейф. — Баррет склонился над картой, испещренной мелкими значками. — Скалы... Слишком глубоко. И не за что зацепиться.

— Вы — капитан, вам и решать, — отозвался Кайн.

Баррет прочертил карандашом тонкую линию.

— Броукен-Бэй... А вот это, пожалуй, подойдет. Грунт будет держать хорошо, да к тому же укроемся от южных ветров.

— А на нас не нападут?

— Риск не больше, чем у Брафтонских островов. Акулы позаботятся, чтобы до нас никто не добрался вплавь. Не думаю, что наши друзья обзавелись артиллерией.

— Я тоже надеюсь, — согласился адмирал.

— Значит, идем к Броукен-Бэй.

Он вышел в рулевую рубку и взял трубку телефона.

— Мистер Феррис, это капитан. Еще полчаса продержимся?

— Продержимся, хотя я не в восторге от этой идеи.

«И в этом ты не одинок», — подумал Баррет. Он сверил координаты по радару, потом снова склонился над картой и пометил кружочком место, где они должны бросить якорь. Видимость неважная, и это обещает некоторые трудности, но радар и эхолот помогут избежать серьезных ошибок. Сейчас у штурвала Джо, но к тому времени, как они доберутся до намеченной точки, его уже сменит Карл.

— Мы должны встать на якорь, — сообщил ему Баррет. — Проследи, чтобы все было готово.

— Есть, сэр...— отозвался Джо. — Освободить якоря! Якорные фонари готовь! Есть. Три смычки. Есть.

— Прекрасно.

Передав Памеле последние новости, Баррет попросил ее последить за эхолотом и отправился в каюту поговорить с женой. Но Джейн словно отгородилась от него глухой стеной, и он ушел ни с чем.

Подошло время его вахты. Судно обогнуло мыс, густо поросший лесом, и устремилось в небольшую бухту. В прежние времена ее берега сияли огнями деревень и летних лагерей. Но сейчас берег был темным и угрожающим; в воздухе до сих пор стоял запах гари. Он увидел, как Джо зажег фонарь, и услышал, как тот крикнул:

— Все готово!

— Двенадцать...— эхом отозвался голос Памелы из шифровальной. — Двенадцать... одиннадцать... девять...

— Стоп машина! — скомандовал Баррет.

— Стоп машина! — повторил адмирал. Звякнули склянки.

— Оба полный назад!

— Полный назад!

Двигатели взревели. Баррет вышел на крыло мостика и смотрел, как по воде бегут сверкающие волны.

— Отдать якоря! — крикнул он.

— Есть отдать якоря! — отозвался Джо.

Металлическая цепь загрохотала. На полубаке ударили склянки.

— Стоп машина! — закричал Баррет. Двигатели надсадно чихнули и смолкли. Снова брякнула цепь.

— Что с тросом? — спросил Баррет.

— Травится!

Склянки брякнули дважды, наступила тишина. Снова лязг цепи. Три склянки. Звуки прекратились. Баррет стоял на мостике и глядел за корму. Грот-мачта, казалось, упирается в звездное небо.

— Готово! — прокричал Джо.

— Хорошо, Джо. Теперь закрепить, — откликнулся Баррет и приказал Карлу встать к штурвалу.

В наступившей тишине стали слышны звуки, доносящиеся с берега — словно кто-то рыдает в голос. Или это птица?

Памела вышла из шифровальной. При свете прожектора ее лицо казалось белым, как гипс.

— Это не птица, — сказала она. — Это ребенок.

— И что нам делать? — беспомощно спросил адмирал.

На палубе раздался возглас Джо, Карл отозвался, и Баррет пошел взглянуть, что случилось. К кораблю плыл никем не замеченный баркас. Джо уже сбросил канат с крюком, зацепил за борт лодки и подтягивал ее. Когда расстояние сократилось, Карл перемахнул через фальшборт и спрыгнул в баркас.

— Есть там кто-нибудь, Карл? — крикнул Баррет.

— Нет, мистер.

— Так бросьте его, — посоветовал адмирал.

— Хорошие лодки где попало не валяются, — заметил Баррет. — Запустите лебедку и поднимайте его на борт. Пригодится.

— А дети? — не отступала Памела.

— Никто уже не кричит. И потом... мы все равно ничего не можем сделать.

— Каковы меры безопасности на ночь? — спросил адмирал.

— Оставить прожекторы включенными. Парашютные ракетницы лежат по обе стороны от мостика.

— Слышите? Снова! — воскликнула Памела.

— Может, это просто птицы, — неуверенно пробормотал адмирал.

— Да нет же, это дети, и вы оба это понимаете.

— А еще я понимаю, — строго проговорил Кайн, — что тратить время и силы впустую опасно. И рисковать жизнью тоже.

— Возможно, ты прав, — бросила она.

В полночь Баррет спустился на палубу. Он ни о чем не жалел. Якорная вахта — не самое худшее, что есть в жизни. Можно заняться какой-нибудь канцелярской работой или просто почитать. Правда, сейчас было не до того. Баррет не мог избавиться от ощущения, что за ним кто-то следит — причем кто-то, настроенный весьма враждебно. Вдобавок откуда-то с северного берега постоянно доносились рыдающие крики: в чистом воздухе они разносились особенно отчетливо.

Теперь он точно знал, что кричат не птицы. «Эти бедняги знают, что мы здесь, — думал Баррет. — Они слышали, как упал якорь. Да и двигатели ревут так, что мертвый проснется».

Он попытался успокоить себя. С рабами обычно хорошо обращаются: раб — ценное имущество. Так что можно считать, что пленники в безопасности... А по окончании ремонта можно будет что-нибудь придумать.

Баррет расхаживал взад-вперед. Больше всего на свете ему хотелось курить. Но вспышка зажигалки и огонек сигареты может привлечь внимание врагов. Конечно, они знают, что мы здесь, думал он. Но целей не видят. А впрочем... у них же нет оружия. По крайней мере, такого, что поражает на расстоянии.

И тут на шлюпочной палубе появились люди.

— Что вам нужно? — спросил он.

— Вы не хотите высадить партию на берег? — спросила одна из женщин.

— Нет.

— А как же дети?

— Мы ничем не можем им помочь.

— Лучше поговорим с адмиралом, — раздался неуверенный голос.

— А что толку? — возразил кто-то. — Ты же видишь — офицеры, как всегда, заодно.

— Отправляйтесь в каюты и ложитесь спать, — сказал Баррет.

— Но как же дети?

— Мы работаем над оружием специального назначения, — объяснил Баррет. — И пока не знаем, насколько оно окажется эффективным. У нас есть только надежда. Чтобы испытать его, нам нужно отправиться к Сиднею. Но сейчас у нас проблемы, требуется ремонт. Завтра утром...

— А почему не сейчас? — крикнула женщина.

— Мы еще не готовы, не все закончено.

— Это все, что можете сказать?

— Не сходи с ума, Лиз, — примирительно произнес какой-то мужчина. — Этот Пайпер и еще двое парней вкалывают от зари до зари. И остановились они только потому, что Пайпер им сказал: продолжим, когда рассветет, не то одно движение — и все пойдет псу под хвост! Я сам слышал.

— Но надо же сделать хоть что-нибудь! — не уступала женщина.

— Нельзя ничего сделать. По крайней мере, пока.

— Тогда пусть он что-нибудь сделает!

Баррет медленно подошел к трапу, но рука сама скользнула на рукоять адмиральской сорокапятки. Он ничего не сказал.

— Он же просто убийца, — прошептал кто-то. — Помните ту историю с рыбаками?

Однако толпа начала расходиться. Ушла и настойчивая леди. Баррет вздохнул с облегчением.

В полночь Памела сменила его. Он был просто счастлив, передавая ей револьвер, а заодно и ответственность — пусть на время...

Разбудил его Феррис.

— Тим, на мостике никого нет.

Баррет продрал глаза, взглянул на часы. Половина третьего.

— Но там должна быть мисс Хендерсон.

— Никого нет. Я звонил, хотел спросить, можно ли выключить левый двигатель, и никто мне не ответил. Тогда я сам поднялся. Пусто.

Баррет соскочил с кушетки. Одеваться было некогда — он просто набросил халат и помчался в шифровальную, потом в рулевую рубку, на левое крыло мостика, на правое...

— Памела! — заорал он. — Памела!

Наверное, пошла проверить цепь. Но полубак был ярко освещен прожекторами. Здесь Памелы не было. А где Джо? Он должен быть на полубаке — у него полуночная вахта.

— Джо! — крикнул Баррет.

Феррис дернул его за рукав.

— В шифровальной что-то есть.

— Плевать! — рявкнул Баррет. — Памела!

— Но это, похоже...

— На что это похоже?!

— Оно... живое.

Баррет снова бросился внутрь. Кто-то и впрямь колотил в дверь платяного шкафа. Распахнув створки, Баррет увидел связанную женщину. Светлые волосы, загорелая кожа, одежда измята... Женщина была обмотана веревками, точно мумия, во рту торчал кляп. С трудом распутав узлы, Баррет освободил пленницу.

— Твоя милая нежная женушка!.. — прошипела она с ненавистью. — И твой верный итальянец!.. Что уж говорить об этих диких кошках миссис Велкам и миссис Лейн!

— Да что случилось?

— Они явились на мостик — твоя жена и две дамы — и спросили, слышала ли я детские крики. «Слышала», — сказала я — что еще можно было ответить? Они потребовали, чтобы я «действовала». Само собой, я отказалась, как честный человек и офицер. Я сказала, что кораблем командуешь ты, а всей операцией — дядя Питер. Тогда твоя жена заявила — таким нежным голоском: «Но они мужчины. Им не дано понять того, что понимаем мы!» А миссис Лейн выско-

чила вперед и закричала, что ее сын, Кларри, погиб, выполняя долг перед моим дядей. Так что мы должны, мол, спасти еще хотя бы одного ребенка, чтобы исправить положение. Ну, женская логика во всей красе. Понимаешь, если бы они продолжали настаивать, то, может быть, и убедили бы меня. Поэтому я приказала им покинуть мостик. Тогда они стали угрожать мне ножами — такими здоровенными, наверно, на камбузе взяли. Я достала револьвер дяди Питера и...

— И?

— И тут подоспел твой ненаглядный Джо. Завалил меня на палубу, а остальные связали. Он все бормотал, что «бамбини» нуждаются в помощи, а некоторые офицеры не желают их спасти. В общем, меня бросили сюда. Я слышала, как звонит телефон, кто-то поднимается на мостик... Остальное ты знаешь.

— О да.

Баррет поднялся на правое крыло мостика. Моторки уже и след простыл. Управлять ею не так сложно. Что ж, кто не успел, тот опоздал.

— Что будем делать? — спросила Памела.

— Для начала разбудим твоего дядю, и остальных тоже. Наверное, следует спустить шлюпку и догонять наших спасателей.

— Я понимаю, что Джейн — твоя жена, что существует такая вещь, как супружеский долг. Но разве долг капитана перед кораблем — не важнее? А долг перед человечеством?

— Я помню. Но в этом вопросе есть одна тонкость. Если мы будем смотреть сквозь пальцы на то, что происходит на борту, дело может закончиться мятежом. Сейчас у нас каждый человек на счету. И не забывай, что Джейн прихватила с собой единственное огнестрельное оружие, которое было на корабле.

— У нас остались ракетницы.

— А толку от них?

— Ладно, — быстро отозвалась она. — Я пошла будить население. А ты готовь экспедицию на берег. И не забудь включить в состав меня.

Баррет включил лампы Альдиса и осветил северный берег. Бесполезно. Свет прожекторов только слепил глаза, и

Баррет приказал Феррису выключить их. Теперь стало видно лучше. Стоп, вот что-то белое... Он подозвал механика, попросил его направлять свет и посмотрел в бинокль. И вправду баркас.

Адмирал тронул его за плечо.

— Вам придется отправиться на берег, Баррет.

— Конечно. Но мне понадобятся добровольцы. Памела исключается. Прости, Карл, — он повернулся к немцу, — но ты тоже. Не хочу рисковать самыми опытными из моих людей.

Он подошел к кормовой части мостика.

— Мне нужны четверо. Четверо добровольцев.

На шлюпочной палубе к нему подошел Пайпер.

— Нет, доктор, только не вы. Вы слишком ценны.

По той же причине Баррет отклонил кандидатуры Малони и его неофициального заместителя Райана, а также — с явным сожалением — Кларендона. В конце концов, ему удалось отобрать четверых. Конечно, эти люди не походили на борцов-тяжеловесов, но зато безусловно заслуживали доверия. На Брафтонских островах каждый из них проявил себя с лучшей стороны. Из оружия Баррет мог дать им лишь остро заточенные палки — все-таки лучше, чем ничего. Сам он держал в руках фонарик. Хотя полнолуние было несколько дней назад, луна светила ярко. Но пробираться сквозь кусты все-таки лучше с дополнительным источником освещения.

Маленький отряд погрузился в лодку. Карл спустил ее на воду, Баррет и рулевой отдали швартовы, и гребцы взялись за весла.

Северный берег тонул в тени. Однако Баррету удалось разглядеть баркас, приткнувшийся к толстому поваленному дереву, которое темнело на фоне залитого лунным светом пейзажа, точно остов. Еще немного — и показалась небольшая бухточка, обрамленная песчаным пляжем. Шлюпка мягко коснулась дна, рулевой спрыгнул в воду — глубина была по колено — и подтащил лодку к берегу. Гребцы последовали за ним, последним на берег сошел Баррет.

Они снова стояли на своей земле — которая так неожиданно стала чужой и враждебной.

Баррет рискнул включить фонарик. От берега в заросли уходила тропка. Он вскинул свое жалкое оружие.

— Отлично. Пошли.

И вдруг на склоне холма раздался оглушительный револьверный выстрел. Потом еще один.

И следом за ним — безумный вопль.

Глава 12

Отряд карабкались вверх по тропе. Баррет снова включил фонарь, но толку было мало, равно как и от яркого света луны. Деревья и кусты, словно сказочные чудовища, тянули в стороны искривленные ветви, пытаясь схватить, разорвать, остановить любого, кто оказался рядом. Но останавливаться было некогда — ибо промедление было смерти подобно. Впереди кто-то визжал, крики перемежались сочными итальянскими ругательствами.

Внезапно прямо над головой что-то оглушительно затрещало. Баррет поглядел вверх — и тут же проклял собственную глупость. Перед глазами заплясали разноцветные круги. Но он успел заметить в черном небе нечто похожее на гигантскую комету. Сейчас она медленно падала, оставляя за собой светящийся след. Это адмирал выстрелил из ракетницы.

Зато теперь стало светлее. Можно было прибавить шагу, не рискуя переломать ноги о невидимые преграды. Наконец за деревьями показались стены деревянного дома, выкрашенные белой краской. Крытая железом крыша и оконные стекла ярко блестели. Из дома снова послышался шум, потом прогремел выстрел сорокапятки.

Дверь была распахнута. Баррет ворвался внутрь — и, споткнувшись обо что-то, тяжело рухнул на пол. Фонарь полетел в сторону. На пороге валялась куча мокрого тряпья... нет, это было не тряпье. Баррет тупо глядел перед собой, и тут свет ракеты скользнул в оконный проем. На полу лежало изуродованное тело миссис Лейн. Лишь несколько мгновений Баррет позволил себе предаваться сожалению, а потом неловко поднялся и, качнувшись, шагнул в сторону соседней комнаты. Судя по всему, стреляли именно там.

Во всяком случае, у тех, кто там находился, был фонарик: в приоткрытой двери то и дело мелькал свет. В полумраке

его глазам предстала картина: Джо, затаившийся за сломанным стулом, толстая миссис Велкам с длинным ножом в руках, а в углу — Джейн, судорожно сжимающая револьвер. Она явно пыталась целиться непонятно во что и дрожала с головы до ног. И еще — дети. Они сгрудились у стены и ревели. Один из них держал фонарик. Тусклый луч скользил по стенам, то и дело освещая бледные от страха лица детишек.

— Гарри, — приказал Баррет одному из спутников, — возьми у мальчика фонарь и посвети в потолок.

Он шагнул к Джейн — и вдруг почувствовал присутствие. В следующую секунду крысы уже карабкались по его ногам, пытаясь взобраться выше. Одна теребила зубами плотную ткань его штанов. Резким пинком Баррет отшвырнул мерзкую тварь. Кругом раздавался пронзительный писк, кислый запах щекотал ноздри. Наконец Гарри поднял фонарик. Луч отразился от потолка, и сразу стало светлее. Ну что ж, теперь повоюем.

Но долго ли? Яхтсмена обступили пять или шесть мутантов — их шерсть ярко белела. По крайней мере четверо из них были вооружены ножами.

Джейн выстрелила, и один из мутантов буквально разлетелся на куски, забрызгав кровью Баррета и окружающих. Но проще было отбиваться метлой от цунами. Крыс становилось все больше. Джо как безумный размахивал обломком стула и чудом не поймал пулю. Хорошо бы встать к стене, подумал Баррет. Но крысы повисли на нем, вцепившись в штаны, и он почувствовал, что не в состоянии сделать ни шагу. Вот они пытаются прогрызть ботинки... еще немного — и острые, как лезвия, зубы перережут ему ахилловы сухожилия. Он ловил ошалелые взгляды мужчин: их жалкие дубинки взлетали и падали, безостановочно молотя все, что подворачивалось.

Луч фонаря скользнул в сторону. Еще не видя, что происходит, Баррет услышал крик яхтсмена:

— Кто-нибудь, дайте руку! Я не могу...

Пробиться к нему по прямой было невозможно. Может быть, удастся сманеврировать? Баррет отчаянно рванулся, и крысы буквально посыпались с него. От неожиданности он потерял равновесие и едва не упал. Под руку попался какой-то шнур, Баррет схватился за него, чтобы удержаться на ногах... и тут

то, что он принял за шнур, начало извиваться. В этот момент серебристый цилиндрик взлетел вверх и ударился об потолок. По стенам мазнуло ярким светом.

Фонарик упал на пол и погас, но теперь это было неважно. Зато Гарри, освободив руки, бросился на выручку Джо. Миссис Велкам наконец пробралась к детям и, размахивая окровавленным ножом, подталкивала их к дверям.

Похоже, битва проиграна. Мутанты гибли один за другим, но в их распоряжении было достаточно пушечного мяса. Привлеченные шумом — а может быть, повинуясь телепатическим приказам — полчища крыс с громким писком устремлялись в двери. Казалось, комнату затопил мутный серый поток. Миссис Велкам визжала — крысы облепили ее, как мох облепляет ветви дерева.

А потом она упала. Джо попытался пробиться к ней, потом бросил стул и принялся отдирать от себя обезумевших от ярости тварей. Спина к спине, мужчины отбивались палками и ногами, одновременно продвигаясь к детям.

В этот миг Джейн истошно завопила. Каким-то чудом Баррет оказался рядом и успел отшвырнуть серую тварь, которая была готова вцепиться ей в горло. Прикрывая собой жену, он дрался как одержимый, хотя знал наверняка, что этот бой им не выиграть. Крыс было слишком много, их ярость и бешенство просто обескураживали — равно как и хитрость и изобретательность их вожаков.

И тут что-то с грохотом упало на крышу.

В первый момент ни люди, ни крысы, ни мутанты ничего не заметили. Потом сверху раздались шипение и треск.

В потолке образовалась дыра, и сквозь нее провалился сгусток ослепительного света. Он источал жар и удушливый запах кислоты. Через мгновение комната наполнилась вонью обугленной древесины и отвратительным смрадом горящей плоти.

Началась всеобщая паника. Мутанты и вконец обезумевшие крысы бросились врассыпную. Несомненно, мутанты не боялись огня — иначе они не могли бы использовать его — но ни с чем подобным они явно не сталкивались.

Джо и остальные мужчины обступили орущих от ужаса детей и начали подталкивать их к выходу. Баррет обнял за

плечи Джейн. Его взгляд скользнул по обезображенным телам миссис Велкам и миссис Лейн... и он предпочел поскорее отвести глаза. Дом уже горел, но нечего было и думать о том, чтобы вытащить трупы наружу.

Вскоре и взрослые, и дети выбрались наружу и осторожно зашагали по тропе. За спиной по-прежнему верещали крысы: похоже, мутанты пытались собрать своих обезумевших солдат и пуститься в погоню. Одна из девочек всхлипывала:

— Я ногу поранила. Я не могу идти.

— Кто-нибудь, возьмите ее на руки, — скомандовал Баррет... по правде, он мог бы этого и не говорить.

Над головами снова раздался треск, и местность осветилась. Идти стало легче, тропа хорошо видна... и Баррет увидел, что их настигает тускло-серый живой поток. Не останавливаясь, он взял из дрожащей руки Джейн револьвер, потом обнял жену покрепче и поцеловал. Она не отстранилась, и — странное дело — он чувствовал одновременно горечь и облечение. «Наконец-то, — подумал он. — Жаль, что так поздно». Он толкнул Джейн к холму.

— Тим! — простонала она. — Тим!

— Отходите! — крикнул он. — Я попробую задержать их.

Джейн опустилась на колени, и он выругался. Но она уже выпрямилась и начала карабкаться вверх по склону. Времени на пререкания не было.

Сколько пуль осталось в барабане? Две? Или одна?

Как бы то ни было, от стрельбы толку не будет. Разве что работать рукояткой, как кастетом. Правда, есть шанс, что выстрелы отпугнут проклятых тварей.

Над головой, рассыпая искры, снова просвистела ракета — и взорвалась. Яркое бело-голубое пламя мгновенно охватило кустарник, подсушенный, но не уничтоженный недавними пожарами. Огонь стремительно распространялся, а на заднем плане, точно гигантский костер, полыхало строение, из которого они только что вырвались. Оттуда доносился леденящий душу визг.

Схватив за руку Джейн, Баррет побежал к лодкам. За спиной гудело и трещало пламя.

Ни по дороге, ни на борту не прозвучало ни одного обвинения, ни одного выговора.

— Они нарушили приказ, — сказал адмирал Баррету, когда они вдвоем сидели в бывшей капитанской каюте, — но сами же за это поплатились. И, увы, больше всех — миссис Лейн и миссис Велкам. Но дети спасены. Кто знает, какая участь их ожидала...— он мрачно улыбнулся. — А вы быстро учитесь. Для гражданского совсем неплохо.

— Вы меня тоже удивили, — откликнулся Баррет. — Похоже, вы не зря храните верность своим шестнадцатидюймовым. Все выстрелы в яблочко!

Адмирал смущенно откашлялся.

— Всего один выстрел, мой мальчик. Тот, которым я прикрывал ваше отступление.

— А ракета, которая упала на крышу?

— Месяц назад я бы заставил вас потребовать от производителей этих ракет компенсации. Куда это годится? Ракета взлетает нормально, загорается... а парашют не раскрывается!

— Ого!

— Вам везет, Баррет. Везет, как покойнику.

«Как раз покойникам повезло меньше».

— Надеюсь, Госпожа Удача нас не покинет, — проговорил Баррет. — Иначе... иначе покойников станет слишком много.

— Думаю, что не покинет. Пайпер уверен в своем оружии, а Кларендон клянется, что Гамельнский крысолов умер бы от зависти. За время вашей десантной операции мистер Феррис закончил ремонт.

— Тогда, полагаю, можно отправляться.

— Вы уверены?

— Да. А что до моих царапин... не стоит делать из них проблему. Памела на славу меня заштопала.

Адмирал снова прочистил горло.

— Моя племянница, кажется, потеряла к вам интерес. Так неожиданно... Я озадачен.

— Сам не знаю, почему, — пробормотал Баррет.

Они вышли из каюты и поднялись на мостик. Северный склон холма все еще был объят пламенем. На полубаке раздался грохот цепи на брашпиле, потом — удары колокола. Баррет подошел к телеграфному аппарату

и прозвонил «Готовность». Якорь был поднят, и «Катана» плавно заскользила по волнам — туда, где из моря поднималась золотая арка восходящего солнца.

Может, это глупо и сентиментально, подумал Баррет. Но он не мог избавиться от мысли, что ясное небо на рассвете — доброе знамение.

Они шли к югу. Ветер дул в корму, из трубы поднимался вертикальный столб дыма. Основная часть пути была пройдена. Вскоре на мостик пришел Пайпер — его аппарат был собран и готов к работе. А потом появилась Джейн. В руках она держала поднос, а на нем — кофейник и свежеиспеченные лепешки. Адмирал вспомнил, что обнаружил в спальне капитана Холла портсигар, и незамедлительно пустил сигареты по кругу.

Теперь можно не экономить припасы. Будет кофе, и свежий хлеб, и табак. На борту царило праздничное настроение. Джо пел на родном языке, аккомпанируя себе на гитаре, звенели детские голоса, отовсюду звучал смех...

— У нас гости, — сообщила Памела, которая следила за радаром в рулевой рубке. — Два корабля вышли из порта. Один большой, один маленький.

— Расстояние? — спросил Баррет.

— Двенадцать миль.

Баррет и адмирал прошли к правому крылу мостика. День был по-прежнему чудесный, но северный ветер принес небольшую дымку. В бинокль Баррет разглядел корабли. Первый он поначалу принял за огромный танкер. Второй, мышино-серого цвета, казался рядом с ним крошечным, но выглядел зловеще.

— Танкер и эсминец, — пробормотал Кайн.

Баррет продолжал изучать корабли.

— Нет...— он подстроил оптику и добавил более уверенно:— Нет. Больший — одна из посудин Шоу Сэвилла. То ли «Северная звезда», то ли «Южный Крест».

Однако где-то в глубине души все еще шевелились сомнения. Картина была уж слишком знакомой: большой пассажирский лайнер, ожидающий от руководства порта указаний по швартовке.

— Все верно, — заявил адмирал. — Я их знаю. Двигатели на корме.

Мир снова стал реальным и жестоким. Прошлое не вернется, что бы ни происходило. Команда «Катаны» собралась на полубаке: Джейн, адмирал, Памела и Пайпер — компания сумасшедших, пытающихся спасти человечество. А на полуюте возвышалось фантастическое сооружение с торчащими во все стороны антеннами и рефлекторами, сверкающее электроникой, точно хрустальная люстра.

— Что они там делают? — спросил адмирал. В его голосе сквозило разочарование. — Мы уже опоздали?

На мостике эсминца замигал ослепительный свет. Баррет поставил стакан, вытащил прожектор Альдиса и послал ответную вспышку.

«Назовитесь», — прочитал он.

«Катана».

«Немедленно остановитесь. Вход в порт запрещен».

— Сообщите им о наших намерениях, — проворчал адмирал. — Скажите... о, черт! Просигнальте этим идиотам, чтобы они слушали на УКВ.

— УКВ, — просигналил Баррет. — Двенадцатый канал.

Он отложил прожектор и направился в рулевую рубку, чтобы включить лоцманскую рацию. В динамиках затрещало, потом из помех выплыл голос:

— Прием. «Квагга» вызывает «Катану». Прием. «Квагга» вызывает «Катану». Немедленно остановитесь. Каковы ваши намерения?

Кайн схватил микрофон.

— Говорит адмирал Кайн. Нахожусь на борту с оружием высокой мощности для борьбы с крысами, намерен применить его.

— Остановитесь. Немедленно остановитесь.

Баррет знал, что должен подойти к телеграфу, прозвонить «готовность», а затем — «стоп машина». Но его сознание отказывалось следовать старым привычкам и старой логике. Конечно, задержка в несколько минут — или несколько часов — не имеет значения. У них есть могучее оружие — вот оно, собрано и стоит на полуюте. Но их ждут крутые перевалы Норт-Хед и Сауд-Хед, а за ними — страшные орды, которые разрушили его город. Возможно, это называется «поддаваться эмоциям»... а может быть —

«слушать свое сердце». Во всяком случае, его чувства сейчас разделяли многие.

— Черт побери, кто у вас командующий? — возмущенно крикнул адмирал. — Я желаю говорить с ним. Немедленно. Скажите ему, что здесь Кайн. Адмирал Кайн.

Из динамиков послышался новый голос, какой-то бесстрастный.

— Лейтенант-командор Уилкинс. Я командующий. И требую, чтобы вы остановились.

— Потише на поворотах, Уилкинс. Я помню вас еще сопливым щенком. Посторонитесь и не мешайте выполнять работу.

— Остановитесь немедленно, — повторил капитан эсминца. И затем, видимо, обращаясь к товарищам: — Вот упрямый осел!

Кайн бросил микрофон на стол и обернулся к Баррету: — Вы слышали?

— Конечно, — отозвался Баррет. Сейчас его мысли занимало лишь одно: несколько минут назад было принято решение запустить установку Пайпера примерно в полумиле от Саус-Хед. Баррет посмотрел на экран радара.

— Ступайте на корму, док, — проговорил он, обращаясь к ученому.

Вспышка оранжевого пламени и клубы белого дыма с ревом вырвались из орудия эсминца. Снаряд упал как раз между «Катаной» и границей порта, подняв огромный водяной столб.

— Немедленно остановитесь, — гундосил голос из динамиков.

Баррет застыл. От цели их отделяла какая-то миля. Не больше пяти минут ходу. Он наблюдал, как медленно разворачивается панорама берега. Вот уже полмили...

Новый залп. Снаряд упал чуть ближе.

— Придется заказывать новый брашпиль, — вполголоса пробормотал адмирал. — Старому каюк.

— Немедленно остановитесь...

— Да вырубите эту шарманку, — с отвращением проговорил Баррет.

И снова залп, но теперь эффект был весьма ощутим — ощутим физически.

— Вот сукин сын! — выругался адмирал. — Он все-таки достал нас! Да еще ниже ватерлинии!

Но на экране показался заветный кружок. Вот оно.

— Самый полный лево на борт! — скомандовал Баррет. — Самый малый вперед!

— Мистер, корабль плохо идет, — пожаловался Карл.

— Влево стоп. Самый малый вперед и влево. И сразу стоп, Карл.

— Дифферент на нос, — сказал адмирал.

—Лишь бы корма не погрузилась. Как там наш Крысолов? Еще флейту не настроил?

И тут корабль задрожал, как живое существо — это заработала установка Пайпера. Звук не улавливался ухом, но каждая деталь на корабле, до самого мелкого винтика, отозвалась звоном. Под консолью радара что-то звякнуло, точно лопнул стеклянный бокал, экран на миг осветился и потух. Баррет выключил его и вышел на палубу, где уже собрались все, кто был на борту «Катаны». На горизонте вставала причудливая громада Норт-Хед, а рядом — зубчатый силуэт Саут-Хед.

Вначале ничего не было. А потом... Казалось, с горы потек сель. Он разделялся на рукава и обрушивался в море. Бесконечная живая лавина — отвратительная, серая. Она становилась все гуще, покрывала море колышащейся пленкой... и вот она уже приближается к раненному кораблю. Баррет знал, что «Катана» долго не продержится.

И тогда...

И тогда она уйдет под воду вместе со своими пассажирами, все еще живыми, и с жертвами возмездия, которое они совершили прежде, чем кануть в вечность.

Он прижал к себе Джейн.

— Ну что же, — произнес он. — Попытка была неплоха.

— Шлюпки, — пролепетала она.

— В море, полном крыс... что толку в шлюпках?

Адмирал неожиданно расхохотался:

— А ведь леди права, черт возьми! Сейчас акулы славно попируют — а заодно облегчат нам работу!

Баррет бросился к телеграфу и прозвонил «Стоп!», а потом — «Отключай машины!» Теперь крысоловы могли позаботиться о бегстве с тонущего корабля.

Глава 13

Они сидели в огромном зале — в самом углу, незаметные, всеми забытые. Ничего. Наконец-то можно отдохнуть и просто посидеть вместе. Рано или поздно их позовут принять участие в восстановлении мира, который они спасли. Но это время еще не пришло.

Баррет улыбнулся, заметив, как Памела посылает свои чары на молодого лейтенанта, только что назначенного членом кабинета премьер-министра. По странной прихоти судьбы этот корабль превратился в плавучую штаб-квартиру правительства. На борту собралось столько важных персон, что Баррет окончательно отказался от мысли когда-либо станет кронпринцем при Памеле. Он сжал руку Джейн. Пожалуй, Кайн вряд ли станет королем: его уже потеснили другие адмиралы, не вышедшие в отставку, чопорные, сверкающие золотом.

А вот Пайпер пожинал лавры. Он как будто стал выше ростом. Куда делась неловкость, где тот несуразный вид — все, что так бросалось в глаза при первой встрече? Он разговаривал с политиками и военачальниками, точно учитель с нерадивыми школьниками, а те буквально смотрели ему в рот.

— Теперь у вас есть все детали, — в бессчетный раз повторял изобретатель. — Пожалуйста, проследите за тем, чтобы все необходимое было доставлено еще существующим правительствам США, Англии и России. И передавайте информацию по всем каналам — по всем, я повторяю. Это должен услышать каждый.

— Да, доктор Пайпер, — говорил премьер-министр.

— Конечно, доктор Пайпер, — вторил ему адмирал.

— Между прочим, технический персонал этого судна — и эсминца тоже — может приступить к изготовлению дубликатов моей установки.

— Все уже делается, мистер Пайпер.

Баррет кисло усмехнулся и процитировал:

Что ж, Вилли, помни обещанье
И никогда не будь в долгу
У тех людей, что дуют в дудку
И крыс уводят за собой,

Чтоб ни один из них с тобой
Не мог сыграть плохую шутку!

— На сей раз Крысолов без награды не останется, — задумчиво произнесла Джейн.

Баррет посмотрел на политиков и военных, которые столпились вокруг ученого, ловя каждое его слово.

— Этого-то я и боялся, — вздохнул он. — Но завтрашний день еще не настал.

Сибари КУИН

УЖАС НА ПОЛЕ ДЛЯ ГОЛЬФА

The Horror on the Links
журнал «Weird Tales», 1925

Должно быть, уже миновала полночь, когда меня разбудил телефонный звонок — аппарат стоял возле кровати, потому, потянувшись за трубкой, я взглянул в окно и увидел: луна уже склонилась над горизонтом.

— Доктор Троубридж, это госпожа Мейтленд, — донесся из динамика взволнованный голос. — Вы можете подъехать прямо сейчас? С Полом случилось что-то ужасное.

— То есть? — поинтересовался я, ещё окончательно не проснувшись. — Что у вас там произошло?

— Мы... Мы не знаем, — запинаясь ответила она. — Он бредит. Знаете ли, он отправился на сельскую вечеринку потанцевать с Глэдис Филлипс. Мы уже легли спать, когда услышали, как кто-то барабанит в дверь. Господин Мейтленд вышел в зал, и когда открыл дверь, Пол буквально рухнул на него. Он выглядел ужасно, доктор... Вы не могли бы прямо сейчас приехать?

Жизнь психиатра напоминает парковку, а любой врач — общественная собственность. По первому же сигналу мне пришлось вылезти из кровати, одеться, завести автомобиль и отправиться в дом семейства Мейтленд.

Молодой Мейтленд лежал в кровати. Глаза у него были закрыты, зубы стиснуты, а на лице, несмотря на то, что он был без сознания, застыло выражение непереносимого ужаса. На его плечах и руках я обнаружил несколько длинных резаных ран, словно его плоть разрубили острым клинком с зубцами.

Я промыл и перевязал порезы, надеясь, что они скоро заживут, одновременно удивляясь тому, кто мог нанести молодому человеку такие раны.

— Помогите! Помогите! О Боже! Помогите! — бормотал парень словно в бреду. — Ох, ох... Он достанет меня. Он... — И тут его слова утонули в булькающем, нечленораздельном крике, переполненном страха. А потом он подскочил, сел, уставившись в пустоту круглыми от страха глазами.

— Полегче, полегче приятель, — попытался я его успокоить. — Ложись-ка, расслабься. Все будет в порядке. Ты дома, в кровати!

Молодой человек мгновение смотрел на меня, словно не понимал, что происходит, а потом упал на подушки, продолжая бормотать:

— Обезьяна!.. Обезьяна! Она сейчас схватит меня! Откройте дверь! Ради бога, откройте дверь!

— Сейчас... — Я открыл свой саквояж и достал шприц с успокоительным. — Сейчас вы успокоитесь.

Укол подействовал почти сразу, а потом я оставил его с родителями, отправился досматривать прерванный сон.

Заголовки буквально кричали со страницы газеты, лежавшей рядом с грейпфрутом, которым я обычно завтракал:

ДЬЯВОЛА ОБВИНЯЮТ В УБИЙСТВЕ ДЕВУШКИ
Тело молодой девушки обнаружено мистифильдской полицией возле сельского клуба Седгемора.
Такое убийство мог совершить только извращенец.
Арест убийцы неотвратим.

Этим утром садовник Джон Барроуз обнаружил девятнадцатилетнюю Сару Хамфрей — официантку из седгеморского сельского клуба, со сломанной шеей на поле для гольфа за клубом. Она лежала почти нагишом, в лохмотьях одежды, с дюжиной ужасных ран. Ее лицо едва можно было узнать. Шея сломана. Мисс Хамфрей, работавшая в клубе уже три месяца, закончила работу еще до полуночи, согласно утверждениям нескольких рабочих, и сказала, что отправится на дорогу в Андовер через поле для гольфа. Там она собиралась сесть на автобус до города. Этим утром ее страшно изуродованное тело обнаружили в двадцати пяти ярдах от дороги на площадке для гольфа.

Площадку для гольфа отделяла от дороги на Андовер роща деревьев, и, предположительно, на молодую женщину напали, когда она шла по дорожке через рощу. Следователь Несбитт, который осматривал тело, считает, что девушка, к тому

времени, как ее нашли, была мертвой уже часов пять, и напали на нее неожиданно.

По соседству с клубом всегда шатаются подозрительные личности. И теперь полиция отслеживает их передвижения. Так что, будем надеяться, преступник скоро будет арестован.

— Там два джентльмена хотят видеть вас, сэр, — оторвала меня от газеты моя домохозяйка Нора Макгиннес. — Это сержант Костелло и то ли Фринчмен, то ли Айсталиан или кто-то в этом роде. Они хотели задать вам несколько вопросов относительно этой несчастной женщины из бара.

— Расспрашивать меня об убийце? — удивился я. — Впервые об этом деле я узнал из газеты, и даже сейчас еще не дочитал статью о преступлении.

— Все так и есть, доктор Троубридж, — со смешком заметил детектив сержант Костелло, заходя в столовую. — Мы не собираемся арестовывать вас, но есть некоторые вопросы, на которые нужно получить ответы, если вы не против. Это профессор де Грандин из парижской полиции. В свое время мы оказали помощь его департаменту, и когда мы узнали об убийстве, он предложил свою помощь нашему начальству. Думаю, его помощь не будет лишней. Так что знакомьтесь: доктор Троубридж — профессор де Грандин, — он махнул рукой, представляя нас друг другу.

Профессор едва заметно кивнул, как обычно приветствуют на материке, а потом с дружеской улыбкой протянул руку. Он являл собой великолепный образчик французского блондина, среднего роста, но с военной выправкой, из-за которой выглядел на несколько дюймов выше, чем был на самом деле. Его светло-синие глаза оказались маленькими и глубоко посаженными, и что-то холодно-насмешливое таилось в его взгляде. Его светлые усы были напомажены на концах в два совершенно горизонтально нацеленных в разные стороны острия, а если добавить к этому внимательный, проницательный взгляд, то можно сказать, что напоминал он мартовского кота. И словно кот, легкими, неслышными шагами он пересек комнату, чтобы пожать мне руку.

— Боюсь, доктор, что монсеньор Костелло привел вас в замешательство, — произнес он приятным голосом, почти без акцента. — Если говорить откровенно, я имею отношение к Service de Sûreté[45], но работаю с ними не на постоянной основе. Мое основное место роботы — Парижский университет и больница Святого Лазаря. Ныне я совмещаю научную деятельность и консультации криминалиста. Видите ли...

— Так вы тот самый профессор Жюль де Грандин, автор «Ускоренной эволюции»? — поинтересовался я, пожав его изящную, но сильную руку.

Тут же его рот скривился в усмешке, и морщинки собрались в уголках его глаз.

— Вы знаете мои работы? Выходит, я среди друзей! Однако это совершенно иное поле моей деятельности... Скажите, Пол Мейтленд был вашим пациентом? Прошлой ночью он был на дороге в Андовер?

— У меня есть пациент Пол Мейтленд, — признался я. — Вот только я не знаю, что с ним произошло.

— Однако у нас есть определенные подозрения, — улыбаясь, заявил он. — Не хотите прогуляться с нами, потому как нам нужно задать этому молодому человеку несколько вопросов.

— Почему нет? — согласился я. — Я все равно хотел этим утречком взглянуть на него.

— А теперь, молодой господин, пожалуйста, расскажите, что случилось с вами прошлой ночью, — начал профессор, после того как все формальности были соблюдены.

Пол с неприязнью оглядел нас одного за другим, а потом нервно вздохнул.

— Не хочу даже думать об этом, — признался он. — Я расскажу вам правду, а вы как хотите: верьте или нет... Я отправился провожать Глэдис около одиннадцати. Попрощавшись с ней, я решил отправиться домой, отвернулся и полез в карман за сигаретой. Только вот портсигара не оказалось. И тут я вспомнил, что, прежде чем отправиться танцевать, положил его на окно... Портсигар подарила мне

[45] Полицейская служба Монреаля (Прим. переводчика).

мама на прошлый день рождения, и я не хотел потерять его, поэтому, вместо того чтобы позвонить в клуб по телефону и попросить кого-нибудь из приятелей прихватил его, я решил вернуться. Знаете ли... По меньшей мере доктор Тоубридж и сержант Костелло знают... Там дорога на Андовер ныряет в маленькую долину и поворачивает на краю поля для гольфа между восьмой и девятой лунками. Я был как раз на этом участке дороги, возле лунок, когда услышал, как дважды закричала женщина... На самом деле это было не два крика, а словно полтора, потому как второй крик оборвался как бы на середине. У меня в кармане был пистолет. Двадцать второй калибр, автоматический. Хорошая вещица. Я выхватил его и направился назад по обочине, держа пистолет наготове. Поверьте мне, то, что у меня с собой оказался пистолет, было настоящей удачей... Я с криком заскочил в рощу и увидел впереди что-то темное, лежавшее попрек тропинки. Я пошел вперед, когда что-то зашуршало у меня над головой в листве деревьев и... Плюх... Что-то спрыгнуло с дерева прямо передо мной... Джентльмены, не знаю, кто это был, но уверен, это был не человек. Ростом он был как я, но вдвое шире в плечах, и руки его свисали почти до земли... Я закричал: «Что, черт побери, тут происходит?» и нацелил на него свой пистолет. Незнакомец не ответил. Только пару раз подпрыгнул, всякий раз опускаясь на руки и ноги одновременно. Скажу так: я страшно испугался. «Не лезь ко мне, или я тебе голову отстрелю», — завопил я. А в следующий момент... В тот миг я слишком сильно нервничал, и не слишком понимал, что делаю... В общем, я разрядил свой пистолет прямо в лицо этой твари... После моего выстрела тварь бросилась ко мне. Верьте или нет, но эта тварь протянула руку, вырвала у меня пистолет и сломала его. Да, сэр, он разломил пистолет на две части голыми руками так легко, как я ломаю спичку... Потом эта тварь бросилась на меня. Я почувствовал, как его рука, обрушившись на меня, разодрала мне грудь, а потом потянула к себе. Уф! Он был волосатым, сэр. Волосатым, как обезьяна.

— И? Что потом? — быстро спросил де Грандин.

— Тогда я изо всех сил пнул его по голени. Тварь на мгновение ослабила захват, и я вырвался. Я побежал, как никогда

не бегал раньше, пронесся четверть мили, выскочил на дорогу и помчался куда глаза глядят. Я не чувствовал ран на спине и руке, пока не очутился в родстере[46]. Тварь ударила меня три или четыре раза. И при каждом ударе его когти наносили мне раны, словно это были ножи. К тому времени, как я добрался до дому, я обезумел от страха, боли. Я истекал кровью. Помню, как колотил в дверь и кричал, чтобы мне открыли, а потом я потерял сознание.

Тут юноша замолчал и внимательно посмотрел на нас.

— Вы думаете, что я вру, и вы, скорее всего, заберете меня в тюрьму. Но я говорю вам абсолютную правду, господа.

Костелло смотрел на молодого человека скептически, но де Грандин положительно кивнул.

— Без сомнения, вы говорите правду, mon vieux[47], — согласился он. — А теперь скажите мне, если сможете, этот poilu[48], этот волосатый, как он был одет?

— М-м-м, — нахмурился Пол — Не скажу точно, потому что в роще было темно, и я был совершенно напуган... Я... Думаю он был в вечернем костюме. Да, готов поклясться. Я видел его белую сорочку.

— Ага! — пробормотал де Грандин. — Волосатая тварь... Парень, который прыгал вверх-вниз, словно безумная обезьяна, и при этом был одет в вечерний костюм? Так оно и есть, mes amis.

— Я так скажу, — начал Костелло. — Звучит эта история так, словно кто-то перепил хуча[49], который ныне так популярен среди молодежи, или надышался газа, которым травили наших стариков во время Мировой...

— Доктор Троубридж, вас к телефону, — домохозяйка прервала ироничную речь полицейского. — Сможете взять трубку этого аппарата, если пожелаете. Он соединен с главной линией.

— Это господин Комсток, доктор, — проинформировал меня звонивший. — Ваш повар сказал мне, что вы у господина Мейтленда. Вы сможете заглянуть ко мне, когда закончите все дела? Господин Мэнли, жених моей дочери, этой ночью поранился.

---

[46] Двухместный автомобиль с открытой кабиной и складным верхом
[47] Старина *(франц.)*.
[48] Старина *(франц.)*.
[49] Газированная смесь водки и сока.

— Поранился этой ночью? — переспросил я.

— Да, когда покинул сельский клуб.

— Очень хорошо, я буду прямо сейчас, — пообещал я, а потом протянул руку профессору де Грандину. — Извините, но я уезжаю, — извинился я. — Похоже, еще один молодой человек этой ночью поранился, возвращаясь из сельского клуба.

— Pardieu[50]! — профессор внимательно посмотрел мне в глаза. — Этот клуб — очень неприятное место, n'est-ce-pas[51]? Могу ли я составить вам компанию? Может, второй человек расскажет нам что-то, что мы все должны знать.

У молодого Мэнли на левом плече была рана от выстрела из пистолета маленького калибра. Он молчал относительно того, где и кто стрелял в него, и ни де Грандин ни я не стали давить, заставляя рассказать, потому что миссис Комсток крутилась в комнате больного с того самого момента, как мы вошли и не выходила, пока я не закончил лечение.

— Nom d'un petit porc[52]! — пробормотал маленький француз, когда мы покинули дом Комстока. — Он держит рот на замке. Хотя, кажется... Запах! Гниль. Пойдемте-ка в морг, cher collègue[53]. Вы отвезете меня туда на вашем автомобиле и расскажете, что видели. Часто вы, штатские, видите вещи, которые мы, специалисты, пропускаем, потому что глаз у нас замылен, n'est-ce-pas?

В холодном свете городского морга мы рассматривали труп бедной маленькой Сары Хамфрей. Как писали в газетах, она получила дюжину ран, убегая, — ее плечи и руки были изранены и раны были глубокими — тело разодрано до костей, и из него были вырваны куски мяса. На шее несчастной четко проступило пять багровых отпечатков, один — круглый, дюйма три в диаметре; грубые, четыре других напоминали параллельные линии, почти полностью охватывавшие шею — глубокие рванные шрамы, словно в этих местах в нежную плоть впились когти огромного зверя. Но самым ужасным было лицо несчастной девушки, перекошенное от страха. Кроме того, хоро-

[50] Паразительно *(франц.)*.

[51] Используется как вводное слово для усиления высказывания *(франц.)*.

[52] Так вот как зовут хрюшку! *(франц.)*

[53] Доргой коллега *(франц.)*.

шенькое личико было сильно разбито, а песчинки и крошечные камешки впечатались в кожу, говоря о том, что девушку буквально прижали лицом к земле с огромной силой. Никогда, с тех самых дней, как я был стажером в больнице скорой помощи, я не видел таких тошнотворных ран.

— И что вы наблюдаете тут, мой друг? — спросил француз низким, хриплым голосом. — Вы смотрели, размышляли. Вы что-то обдумывали... Что именно?

— Это ужасно... — начал было я, но он тут же меня перебил.

— Естественно. В морге никто не выглядит красавцем. Я спрашивал о том, что вы видели, а не о ваших эстетических ощущениях. Parbleu[54]!

— Если вы хотите узнать, что заинтересовало меня больше всего, так это раны на печах и руках несчастной, — ответил я. — Кроме того эти раны сильно напоминают те, что я видел вчера вечером у Пола Мейтленда.

— Ах-ха? — маленькие глазки француза сверкали от восторга, его кошачьи усы топорщились еще сильнее, чем обычно. — Похоже, мы сдвинулись с мертвой точки. А теперь... — Кончиком хорошо наманикюренного ногтя он элегантно прикоснулся к синевато-багровым следам на горле мертвой девушки. — Эти знаки, они вам о чем-то говорят?

Я покачал головой.

— Возможно, девушку душили, — решился высказать я свое предположение. — Но эти следы слишком длинные и широкие, чтобы быть отпечатками пальцев.

— Ха-ха... — его смех был безрадостным, как у актера с театральных курсов. — Не могут быть отпечатками пальцев, говорите? Это очень важные отпечатки. Эти отпечатки полностью подтверждают слова господина Мейтленда. Когда вы в последний раз были в вашем le jardin des plante [55]... Нет, как вы называете его?.. Зоологический сад?

— Зоопарк? — с удивлением повторил я.

— Précisément [56], зоопарк. Точно, как вы сказали. А кто из четвероруких содержится там? Скажу вам, cher collègue, не

[54] Черт побери! *(франц.)*.

[55] Ботанический сад *(франц.)*.

[56] Точно так *(франц.)*.

многие могут определить разницу между следом от пальцев человека и обезьяны. Человек и шимпанзе берут предметы пальцами и используют большой палец как точку опоры. Горилла, орангутан, гиббон слишком глупы. Они не знают, как использовать большой палец. Теперь посмотрите, — снова он показал на синяки на горле мертвой девушки. — Большое пятно — отпечаток большого пальца. Эти линии — отпечатки остальных пальцев. А раны на теле оставлены ногтями. Все старо как мир. Юный Мейтленд говорил правду. Он встретил в лесу обезьяну. Обезьяну в вечернем костюме! Что вы скажите на это!

— Бог его знает, — беспомощно протянул я.

— Конечно, — печально кивнул он. — Le bon Dieu[57] точно знает, но что до меня, то я настроен совершенно решительно, я раскрою эту тайну. — После этого он резко отвернулся от мертвой девушки и, осторожно взяв меня за локоть, развернул в сторону входной двери. — Тут нам больше нечего делать. Совершенно нечего, — провозгласил он. — Вы должны помогать больным. А мне нужно кое-что предпринять. Однако если вы проводите меня в ближайший полицейский участок, я буду вам очень признателен. И, если не слишком сложно, не могли бы вы приютить меня под своей крышей, пока я расследую этот инцидент? Вы согласны? Хорошо. Тогда до полуночи, au 'voir[58].

Уже пробило восемь, когда профессор появился у меня дома, подъехав на такси.

— Боже мой, профессор, вы занимались покупками? — воскликнул я, когда мой гость поставил узлы на ближайший стул и усмехнулся мне, а затем закрутил кончики усов, превратив их в миниатюрные рожки.

— Почти, — усмехнулся он, шлепнувшись на соседний стул и запалив едкую французскую сигарету. — Я немного поболтал с бакалейщиком, аптекарем, гаражным рабочим и торговцем табака, всякий раз делая покупки. Я как новый житель вашего столь очаровательного городка Харрисонвилля, разузнал о моих

[57] Бог *(франц.)*.

[58] Увидим *(франц.)*.

соседях и моем новом доме. Вел себя, словно болтливая старуха. Молол все подряд, и это принесло свои плоды, grâce à Dieu!

Он снова уставился на меня словно мартовский кот, а потом поинтересовался:

— Один из ваших соседей монсеньор Калман, ведь так?

— Да. Кажется, тут живет такой человек, — ответил я. — Но я очень мало знаю о нем.

— Расскажите, все что знаете.

— Хм-м. Он живет тут уже около года, держится особняком. Насколько мне известно, он не пускает к себе никого из торговцев. Я понимаю, он какой-то ученый и живет в доме который выходит на дорогу на Андовер, чтобы никто не мешал ему в его экспериментах.

— Один живет, говорите, — задумавшись, де Грандин притушил сигарету. — А теперь скажите мне, если сможете, этот монсеньер, кажется, водит знакомство с молодым Мэнли, которому вы утром латали пулевую рану?

— Не знаю, — ответил я. — Я никогда не видел их вместе. Мэнли странный, парень легко поддающийся переменам настроении, никогда много ни с кем не говоривший. Я не представляю, как у Миллисенты Комсток завязался с ним роман. Мэнли хорошо держится в седле и в хороших отношениях с матерью невеста, только вот в роли мужа я его не вижу.

— Он слишком строгих правил?

— Не знаю, — признался я.

— Хорошо. Тогда выслушайте меня. Думаете, де Грандин глуп? Может, да, а может, нет. Сегодня я отправился домой к госпоже Комсток и провел рекогносцировку. Там среди золы я обнаружил пару открытых кожаных бальных туфель, которые были буквально растерзаны. Я подкупил слугу и узнал, что туфли раньше принадлежали господину Мэнли. А в мусорном контейнере я сделал новые находки. Я обнаружил белое льняное платье — рубаху со следами крови. Манжеты были разорваны, а застежка сорвана. Рубаха, как я подозреваю, принадлежала господину Мэнли. Переодевшись в поношенную одежду, я, как торговец, поговорил с слугой мадам Комсток. Я купил у него эти туфли и рубаху. Вот они!

С этими словами он извлек из одного узла пару туфель и рубаху, а потом протянул их мне, чтобы я их рассмотрел, как будто это были дорогие, бесценные вещи.

— В Париже у нас есть способы «разговорить» вещи, — объявил он, а потом, запустив руку в карман, вытащил сложенный кусок бумаги. — Эта рубашка... Эти туфли... Я допросил их трижды, и вот что они сказали мне. Mordieu[59], нашептали, словно две незамужние дамы над чашкой чая!

Развернув бумаги, он извлек три бурых волоса, каждый дюйма три в длину.

Я с любопытством осмотрел их. Они могли быть с чьей-то головы, потому что они были слишком длинными и прямыми, чтобы оказаться волосами с тела, но они показались слишком жесткими, чтобы оказаться человеческими.

— Г-м... — недоуменно протянул я.

— Précisément[60], — усмехнулся мой гость. — И вы никак не можете классифицировать их?

— Не могу, — согласился я. — Они слишком грубые, чтобы принадлежать Мэнли. С другой стороны, волосы почти черные, а у него коричневые.

— Мой друг, — тут профессор наклонился ко мне и не моргая уставился на меня, — а я видел раньше волосы вроде этих. Вы тоже видели, только не узнали. Это волосы гориллы.

— Гор... да вы сошли с ума! — воскликнул я. — Но как волосы гориллы могли оказаться на рубашке молодого Мэнли?

— Вы сделали неправильное предположение, — поправил меня профессор. — Они были не на рубашке, а внутри нее. Под воротником, где пуля разорвала льняную ткань и ранила владельца. На волосах можно заметить следы засохшей крови Если пожелаете, можете посмотреть на одежду, — он вновь протянул мне разорванную рубаху. — Посмотрите, как она порвана. Словно она была натянута на тело, слишком большое для нее. Я скажу вам, господин Троубридж, рубашка была порвана тварью... чудовищем... которое разорвало этой ночью несчастную девушку, а через несколько минут напало на молодого Мейтленда, и которое прошлой ночью,

[59] Черт побери *(франц.)*.

[60] Точно *(франц.)*.

прежде чем зайти в дом мадам Комсток, сбросило эти туфли. Вижу, вы начинаете понимать. Что вы так на меня смотрите? Вы говорите себе: «Этот де Грандин безумен, словно мартовский заяц!» А теперь пройдите за мной по ступеням доказательств, как по лестнице... Этим утром, пока вы осматривали молодого господина Мэнли, я осмотрел не только его, но и его комнату. На окне я заметил несколько царапин — такие следы мог оставить тот, кто пытался влезть в дом через окно. Я выглянул за окно, и на стене, окрашенной белой краской, я увидел свежие царапины. Также я увидел царапины на железной водопроводной трубе, через которую с крыши стекала дождевая вода. Эта труба шла по стене дома рядом с окном комнаты Мэнли, так что человек не мог дотянуться до подоконника, если только у человека были руки такой же длины, как ноги. Что тогда? И тогда он смог бы с легкостью дотянуться до подоконника. Да... Потом, когда я купил эти туфли и рубашку у слуги мадам Комсток, я нашел частички краски. Позже я сверил частицы краски с туфлей с краской на стене дома. Тот же эффект... Потом я осмотрел рубашку с кровавыми пятнами и все эти обрывки. У меня создалось впечатление, что тот, кто носил эту одежду, неожиданно раздался телом и разорвал одежду. Потом я обнаружил звериные волосы на окровавленной рубахе. Следите за моей мыслью?

— Не понимаю, куда вы клоните, — покачал я головой.

Тогда профессор подался вперед и заговорил быстро и вдумчиво:

— А когда я вдумчиво опросил слугу Комстока, он рассказал мне много больше. К примеру, он рассказал мне, что в прошлую ночь молодой Мэнли сильно нервничал. Вы бы назвали это болезненностью. Он жаловался на головную боль, боль в спине и ощущал слабость. Да. Он рано отправился спать и его избранница отправилась в сельский клуб без него... А много позже, почти в полночь, молодой человек отправился спать. По его словам, он не мог заснуть. Так он сказал слуге утром, но... — тут профессор сделал многозначительную паузу. — Слуга всю ночь маялся с зубной болью и должен был слышать, как молодой человек вернулся вскоре после полуночи. Но он не слышал, чтобы молодой человек

входил в дом через дверь... А теперь задумайтесь: полицейский на мотоцикле сказал мне, что видел, как молодой Мэнли возвращается из дома монсеньера Калмана, покачиваясь словно пьяный. Он удивился, этот полицейский, что монсеньер Калман продал нелицензионный ликер после того, как салуны уже закрылись. Как вам это, cher collègue ? Что вы на это скажите?

— Черт побери! — воскликнул я. — Вы рассказываете заведомо глупейшую историю из тех, что я слышал, господин де Грандин. Похоже, один их нас сошел с ума, и это определенно не я!

— Мы оба в своем уме, cher collègue[61], — спокойно сказал француз. — Но любой нормальный человек почувствует себя безумцем, если будет знать то, что знаю я, или будет подозревать то же, что и я. Вы сможете отвезти меня на задворки дома монсеньера Калмана?

Через несколько минут мы были возле одинокой обители старика, обитель которого была окутана тайной.

— Он работает допоздна, — заметил де Грандин, когда мы подъехали. — Видите, в его лаборатории горит свет.

И точно, из окна в задней части дома исходил луч яркого света, разрезающий вечерние тени, а когда я остановил машину и огляделся, мы увидели сгорбленного Калмана в лабораторном переднике, то и дело делающим пассы у окна. Маленький француз какое-то время смотрел на фигуру в белом переднике, словно желая запечатлеть фигуру Калмана в памяти, а потом тронул меня за локоть.

— Возвращаемся, — спокойно распорядился он. — Поехали, я расскажу вам свою историю... Перед войной, расколовшей мир[62], в Париж из Вены приезжал доктор Бенекендорфф. Как человек, он был невыносим, но как специалист незаменим. Взглянув на него одним глазом, я сразу определил его как колдуна... Но наука — божье оружие, мой друг. Но это не означает, что человек, играющий с ней, подобен Богу. Однако Бенекендорфф зашел слишком далеко. Мы пытались как-то сдержать его.

---

[61] Дорогой коллега *(франц.)*.

[62] Так как рассказ написан в 1925 году, видимо, имеется в виду Первая Мировая война.

— Да? — поинтересовался я, ничуть не заинтересовавшись его рассказом. — И чем же таким-этаким он занимался?

— Ха, так чем же он занимался, pardieu[63]? Тогда по ночам исчезали дети бедняков. Они куда-то пропадали. Жандармы тщательно обыскали лабораторию этого Бенекендорффа, и обнаружили не бедных пропавших детей, а полдюжины обезьяноподобных созданий, не совсем людей, но и не полностью животных. Ужасные создания имели черты и тех, и других. У них был мех и рукоподобные ноги, но лица напоминали человеческие. Все они были мертвы, все до одного. И быть может, так для них было лучше... Бенекендорффа признали сумасшедшим. Но, мой друг, несмотря на гениальность этого человека, он был совершенно безумным! Мы изолировали его от общества, и ради безопасности сожгли его записи и уничтожили сыворотку, которую он вкалывал детям, превращая их в псевдообезьян.

— Невозможно! — фыркнул я.

— Немыслимо, — согласился профессор. — Но, к сожалению, возможно. Его секрет остался вместе с ним в сумасшедшем доме. Однако из-за перипетий войны ему удалось бежать.

— Боже мой! — воскликнул я. — Вы хотите сказать, что потом след этого чудовища затерялся.

Профессор пожал плечами с истинно гальским фатализмом.

— Возможно. Следы его затерялись, но говорили, что его видели в бельгийском Конго.

— Но...

— Так нет, мой друг. Думать об этом бесполезно. Мы оказались в тупике, но теперь сможем все разузнать... Одна просьба, а потом можете поступать, как хотите: когда следующий раз отправитесь перевязывать молодого Мэнли, возьмите меня с собой. Мне нужно поговорить с мадам Комсток...

Корнелия Комсток была дамой могучего телосложения и очень импозантных манер. Она боялась парней из клуба, репортеров, судебных стряпчих, но для де Грандина она оказалась всего лишь женщиной, обладающей информацией, которую он хотел получить. Предваряя свои расспросы,

[63] Милый *(франц.)*.

де Грандин поклонился так, как могут поклониться только французы, а потом пошел напрямую:

— Мадам, вы знакомы или были когда-то знакомы с доктором Бенекендорффом?

Госпожа Комсток посмотрела на француза так, словно была василиском и хотела поразить профессора своим самым смертоносным взглядом:

— Дорогой мой... — начала она так, словно он был безликим водителем такси, но француз встретил ее холодный взгляд совершенно равнодушно.

— Будет очень мило, если вы ответите мне, — сказал он ей. — В первую очередь я представляю Французскую Республику, но также и все человечество. И я снова спрашиваю... Пожалуйста, ответьте: знали вы когда-нибудь доктора Бенекендорффа?

Она низко опустила голову под его немигающим взглядом, и ее губы едва заметно скривились.

— Да, — ответила она голосом не более чем шепотом.

— Ах, так. У нас прогресс. Как вы познакомились с ним... При каких обстоятельствах? Поверьте мне, вы можете совершенно откровенно говорить со мной и доктором Троубриджем, но, пожалуйста, будьте откровенны. Это очень важно.

— Я познакомилась с Отто Бенекендорффом много лет назад. Он только переехал в эту страну из Европы и преподавал биологию в университете, который располагался недалеко от того места, где я жила. Тогда я была девочкой. Мы... Мы были помолвлены.

— И ваша помолвка по какой-то причине была разорвана, не так ли?

Я едва узнал Корнелию Комсток в той женщине, которая уставилась на Жюля де Грандина широко выпученными глазами. Она дрожала, словно от холода, и ее руки нервно перебирали шнур ее черепахового пенсне.

— Это... Это было невозможно. В те дни мы занимались вивисекцией. Но этот человек казалось специально мучил бедных, беззащитных животных. Я вернула его кольцо, когда он, хвастаясь, стал описывать мне один из своих экспериментов. Он словно злорадствовал, вспоминая о муках бедного зверька, прежде чем тот умер.

— Eh bien[64], мадам, —Де Грандин бросил на нее беглый взгляд. — Так ваша помолвка оказалась расстроенной? Он покинул вас, смирившись, но остался вашим другом?

Корнелия Комсток выглядела так, словно находилась на грани обморока, когда прошептала:

— Нет, сэр. Нет! Он оставил меня с ужасными угрозами. Я помню каждое его слово... Как я могла это забыть? Он сказал: «Я ухожу, но я вернусь. Только смерть может остановить меня, и когда я вернусь, я наведу на тебя такой ужас, какой никто из людей не видел со времен Адама.

— Parbleu, — де Грандин едва не пустился в танец от возбуждения. — У нас есть ключ к этой тайне, друг Троубридж! — а потом прибавил, обращаясь к миссис Комсток: — Еще одна мелочь, маленький вопрос, если не возражаете, мадам. Ваша дочь обручена с господином Мэнли. Расскажите, когда и где она познакомилась с этим молодым человеком?

— Я их познакомила, — казалось, высокомерие вернулось к миссис Комсток. — Господин Мэнли пришел к моему мужу с письмами от его старого школьного товарища — они вместе учились в университете в Кейптауне.

— Кейптауне, вы сказали, мадам? Кейптауне, который в Южной Африке? Nom d'un petit bonhomme[65]! Когда появился этот юноша?

— Около года назад. Почему...

— А монсеньер Мэнли сколько времени он тут живет? — его вопрос был задан так решительно, что отмел в сторону все протесты.

— Господин Мэнли остановился у нас, — холодно ответила Комсток. — В следующийем месяце он должен жениться на моей дочери. И в самом деле, сэр, я не понимаю, чем вызван интерес Французской Республики, которую вы представляете, и человечества, к моей частной жизни. Если...

— Этот друг из Кейптауна... — бесстрашно продолжал маленький француз. — Как его имя, и чем он на самом деле занимается?

— В самом деле, я должна вам вежливо отказать...

---

[64] Продолжайте *(франц.)*.

[65] Батюшки мои! *(Франц.)*.

— Скажите мне! — Профессор вытянул тонкие руки, словно хотел вытрясти ответ. —Я должен это знать. Скажите мне!

— Мы не знаем, на какой улице он там живет и номер его дома, — стушевалась миссис Комсток. — Но его имя Александр Финдлей. Он занимается бриллиантами.

— Благодарю! — француз резко поставил ноги рядом, так что его каблуки щелкнули. — Благодарю вас, мадам. Вы были очень любезны и помогли нам.

После полуночи вновь настойчиво зазвонил телефон.

— Говорит Вестерн Юнион[66], — раздался в трубке голос молодой девушки. — Телефонограмма для профессора Жюля де Грандина. Готовы?

— Да, — ответил я взяв карандаш и блокнот, которые всегда лежали наготове на моем столе. — Читайте.

— «Торговца драгоценностями Александра Финдлея нет ни в одной книге записей. Подписано. Барлингейм, Инспектор полиции». Телеграмма пришла из Кейптауна, Южная Африка, — прибавила она.

— Очень хорошо, — ответил я. — Потом пришлите бумажное подтверждение...

— Mille tonneres[67], — воскликнул де Грандин, когда я прочитал ему телефонограмму. — Это довершает картину-головоломку. Теперь все или почти все встало на свои места. Подождите, если хотите.

Он прыгнул через комнату и выхватил черную записную книжку из кармана своего пиджака.

— Посмотрите, — он сверился со своими записями. — Этого господина Калмана никто не знает. Он прожил здесь десять месяцев и двадцать шесть дней... завтра утром будет двадцать семь. Эту информацию я получил от риелтора, когда расспрашивал его, в моей rôle[68] сочинителя справочника ученых. Молодой господин Мэнли был знаком с Комстоком «около года». Он принес им письма от школьного друга господина Комстока, который совершенно неизвестен в Кейп-

[66] Крупнейшая и старейшая телеграфная компания страны, принадлежащая одноименной корпорации.
[67] Тысяча молний *(франц.)*.
[68] Роли *(франц.)*.

тауне. Parbleu, мой друг, теперь Жюль де Грандин превратит ночь в день. Если вы будете так добры, достаньте пистолет, а лучше винчестер. Да, — печально кивнул он. — Так и есть. Vraiment[69].

Время шло. Де Грандин каждую ночь нес свою вахту с ружьем в руке, но тайна убийства госпожи Хамфрей и нападение на Пола Мейтленда так и оставалась тайной. День свадьбы Миллисенты Комсток был назначен, и дом постоянно был переполнен возбужденными молодыми людьми. Тем не менее профессор нес свою одиночную вахту, придерживаясь своего собственного плана действий.

Вечером перед свадьбой де Грандин отправился вместе со мной на вечернюю прогулку.

— Троубридж, мой друг, вы очень терпеливы со мной. Если вы измените свой маршрут и прокатитесь со мной сегодня вечером, думаю, я смогу вам что-то показать.

— Хорошо, — согласился я. — И хоть я считаю, что все это ерунда, но я хочу убедиться.

Вскоре после полуночи мы припарковали машину на подходящем углу и быстро прошли к жилищу Комстока. Мы спрятались в тени живой изгороди, которая ограничивала лужайку.

— Боже, что за странная ночь! — воскликнул я. — Не помню, чтобы хоть раз выдалась такая светлая ночь...

— Хм-м-м-м! — прервал он меня странными звуками, полурычанием, полушепотом, которые мог воспроизвести только француз. — А теперь внимание, мой друг. Никто не знает, какую роль в этом деле играет Богиня Луны Таинт, даже сегодня, когда ее имя было забыто всеми сухими, пыльными антикварами. Но что же мы знаем: нашим рождением управляют фазы Луны. Вы, как психолог, с большим опытом по части акушерства, можете подтвердить это. Так вот, с определенного времени приступы любой психической болезни начинают соответствовать лунным фазам. Почему это

[69] В самом деле *(франц.)*.

происходит, мы не знаем, но все именно так и происходит. Мы не подозреваем, что Таинт, которая подобным образом влияет на смерть и рождения, может обладать силой для перемен подобного рода.

— Должен сказать, что не поспеваю за вами, — признался я. — Чего вы ожидаете? Что рассчитываете увидеть, де Грандин?

— Hélas[70], ничего, — ответил он. — Я ничего не подозреваю. Я не собираюсь ничего подтверждать. Я — агностик, но перспективный. Может быть, я сделаю большого черного домового своей тенью, но ему нужно готовиться к худшему, и он будет очень разочарован, если ничего не произойдет, — ответил он невпопад. — Этот свет вон там, он горит в комнате мадемуазель Миллисенты?

— Да, — подтвердил я, удивляясь, почему я подчинился дурацкой просьбе дружелюбно настроенного лунатика.

Молодожены в доме притихли, и окна в верхнем этаже одно за другим начали гаснуть. Я дрожал от наползающего смога, но не посмел зажечь спичку. Маленький француз сильно нервничал, то и дело проверяя затвор своего винчестера, вставляя и вынимая обойму, поглаживая дьявольское клеймо на стволе длинными белыми пальцами.

Обрывки облаков ползли по небу на фоне луны, неожиданно они разошлись, поток света залил сцену ярким, жемчужным светом.

— Ах, — пробормотал мой спутник. — А теперь мы увидим то, что увидим... Возможно...

И словно эхо, его слова подхватил дикий, ужасный крик, словно потерянная душа, обреченная на вечные пытки, пыталась вырваться из рук палачей.

— Ага! — воскликнул де Грандин, подняв ружье. — Сейчас он выйдет или...

В доме стали зажигаться огни. Топот ног, крики удивления, но ужасные крики не повторялись.

— Иди сюда, проклятый... Иди и встань лицом к лицу с де Грандином! — я слышал, как бормочет француз, потом: — Вот, мой друг, он идет сюда... le gorille[71]!

[70] Увы *(франц.)*.

[71] Горилла *(франц.)*.

Из окна комнаты Миллисенты появилась голова, ужасная, как голова дьявола из самого низшего круга ада. Эта голова покоилась на широких плечах, по крайней мере в четыре фута шириной. Рука, при виде которой у меня возникла мысль о гигантской змее, выскользнула из окна, сжала жестяную водосточную трубу на углу дома, а потом появилось коренастое, мохнатое тело. Нога с пальцами, как на руке, больше всего напоминавшая лапу паука, метнулась вперед. Чудовище выпрыгнуло из дома и повисло на водопроводной трубе. Теперь его черное тело силуэтом вырисовывалось на фоне белой стены дома.

Но что за белая вещь безвольно висела, сжатая свободной рукой зверя? Словно прекрасная белая мошка в лапах паука, Миллисента висела без чувств в лапах чудовища, ее волосы были непричесанными, ее шелковые одежды превратились в лохмотья.

— Стреляйте, стреляйте! — закричал я, но только едва различимый шепот сорвался с моих скованных страхом губ.

— Тихо, imbécile[72], — приказал мне де Грандин, прижав к щеке приклад. — Не нужно предупреждать его, что мы устроили тут засаду.

Медленно, так медленно... мне показалось, что прошел целый час, огромный примат начал спускаться по водосточной трубе, а потом прыгнул футов на пятнадцать, приземлившись на землю, на залитую лунным светом лужайку. Его маленькие красные глазки злобно сверкали, словно он оглядывался в поисках новой жертвы.

Грохот ружья де Грандина почти оглушил его, и вспышка бездымного пороха озарила ночь. Француз резко передернул затвор и выстрелил во второй раз.

Чудовище пьяно качнулось в сторону дома, когда прозвучал первый выстрел. После второго он уронил Миллисенту на лужайку и завопил, словно это был то ли рев, то ли ворчание. Потом одна из его огромных лап беспомощно повисла, и тварь огромными прыжками помчалась за дом, огромными, неуклюжими прыжками, и, хоть это было и абсурдно, он напоминал огромный надувной мяч.

— Позаботьтесь о девушке, мой друг, — распорядился де

[72] Глупец *(франц.)*.

Грандин, когда мы оказались возле бесчувственной Миллисенты. — А я займусь Monsieur le Gorille.

Я склонился над бесчувственной девушкой, прижался ухом к ее груди. Слабое, но заметное дыхание. Я взял ее на руки.

— Доктор Троубридж, — у дверей дома меня встретила госпожа Комсток в сопровождении толпы испуганных гостей. — Что случилось? Боже мой, Миллисента! — увидев свою дочь, она в взорвалась в потоке слез. — Что случилось? Что это?

— Помогите мне дотащить Миллисенту до кровати, а потом дайте ей понюхать соли и бренди. — И прошу вас, не задавайте ей никаких вопросов.

Чуть позже, после того как ее уложили в постель, она начала приходить в себя.

— Выйдите из комнаты... Все вы, — приказал я. — Истерические женщины, особенно сострадательные дамочки, смогут вернуться, когда она полностью придет в себя.

— Ох... Ох, эта тварь... обезьяна. Ужасная обезьяна! — произнесла Миллисента тихим, парализующим шепотом. — Она схватила меня... Помогите...

— Все в порядке, дорогая, — утешил я ее. — Вы в безопасности, дома, в своей постели. И рядом с вами старый доктор Троубридже, — И только через несколько часов я осознал, что ее первое восклицание после пробуждения напоминали крики Пола Мейтленда, когда тот пришел в себя...

— Доктор Троубридж, — позвала меня миссис Комсток, заглянув в спальню. — Мы присмотрим за ней, но ведь нет никаких следов господина Мэнли. Вы... Вы не знаете, что с ним случилось?

— Думаю, с ним... с ним что-то случилось, — обтекаемо ответил я, отвернувшись от нее и уставившись на гладкую, дрожащую руку ее дочери.

— Par le barbe d'un bouc vert[73]! — словно безумец воскликнул де Грандин. Однако веселые огоньки плясали в глазах, когда он встретил меня в холле дома Комстоков через пару часов. — Госпожа Комсток, должен вас поздравить... Я, точно так же как мой коллега Троубридж, должны поздравить вас с тем,

[73] За бороду козла зеленого! *(франц.)*.

что ваша очаровательная дочь не разделила судьбу несчастной Сары Хамфрей... Троубридж, mon vieux, я вам очень благодарен. Всего я вам не расскажу... Но эта тварь, как это не было бы невероятно, была совершенно реальна. Parbleu, я сам ни в чем не уверен, хотя мне-то все отлично известно!.. Давайте повторим все еще разок. Когда этот sacré Бенекендорфф находился в сумасшедшем доме, он постоянно бредил о том, что заключение под стражу мешает ему осуществить его месть... А ведь он давно хотел отомстить некой госпоже Корнелии Комсток, живущей в Америке... Мы, французы, логики, и в этом ничуть не похожи на англичан и американцев. Мы описываем события, а потом делаем сноску, подписав: «Почему бы нет?» И в один прекрасный день мы скажем: «Кто знает?..» Теперь, помните, друг мой, Троубридж, я говорил вам, что доктор Бенекендорфф скрылся в Британском Конго? Так? Но я не говорил вам, что он писал об опытах над молодой гориллой. Не говорил?.. Когда эта несчастная госпожа Хамфрей была убита столь ужасным способом, я вспомнил свой африканский опыт и сказал сам себе: «Ага, Жюль де Грандин, все выглядит так, словно Monsieur le Gorille приложил к этому свою руку». Кроме того, я навел справки, проверил, не сбежал ли какой-нибудь дикий зверь из зоопарков, расположенных поблизости. Мне ответили, что никто не сбегал... А потом сержант Костелло привел меня к этому блестящему ученому — доктору Троубриджу, и вместе с ним я отправился переговорить с молодым господином Мейтлендом, который поведал, при каких странных обстоятельствах погибла несчастная девушка... И что же молодой человек мне рассказал? Он рассказал о ком-то волосатом, кто прыгал вверх-вниз, словно огромная обезьяна, вел себя как горилла, но был одет в вечерний костюм, parbleu! Кажется так! Ни одна горилла не сбегала из зоопарка, однако эта тварь выглядела как горилла... в вечернем костюме джентльмена. Mordieu! Но она бродила по полю для гольфа... А потом я порылся в памяти. Я вспомнил о безумце и бедных детях, которых превратили в обезьяноподобных тварей, с помощью дьявольской сыворотки... Я сказал себе: «Если он мог превратить детей в обезьян, то почему он не мог превратить обезьяну в человека. Да!..» Когда же я обнаружил доктора Калмана, который жил

тут год и о котором никто ничего толком не знал... Я искал и нашел одного человека, который приходил и уходил тайно из его дома. Именно этот человек избавился от разодранной рубашки, на которой я нашел волоски гориллы. Mordieu! Я задумался над этим, и чем больше думал, тем меньше мне это нравилось... Предположим, лекарство, которое превращало человека в обезьяну, имело временный эффект? Что тогда? Если через какое-то время заново не принимать препарат, человек снова станет обезьяной. Поспеваете за моей мыслью? Bien... Потом, на другой день я еще кое-что узнал и задумался еще больше. Я выяснил, что Бенекендорфф затаил зло на мадам Комсток... Однако вы, мадам, знали его. Он любил вас так, как умел. А потом он возненавидел вас так, как мог ненавидеть. Разве не для того, чтобы вам отомстить. он создал этот дьявольский план? Думаю, так скорее всего и было... Единственное, что мне оставалось, так это послать телеграмму... Я получил ответ, который ожидал, и страшно испугался. Человек, на рубашке которого я нашел те три волоса гориллы, вовсе не был человеком, а всего лишь прятался под человеческим ликом. Вот так. А потом я решил: «Предположим, его горилла, скрывающаяся под человеческим ликом, вовремя не примет лекарство... Что тогда случится?» Я боялся ответить на свой же вопрос, но купил ружье... У этого ружья были патроны с мягкими пулями, и сделал их более эффективными, прорезав на пулях V-образные насечки. Когда они попадают в цель, то разлетаются на куски, оставляя ужасные раны... В полночь, как я ожидал, все и произошло. Но я-то был готов. Я выстрелил, а потом еще, и каждый раз, когда я стрелял, каждая пуля пробивала огромную дыру в шкуре этой обезьяноподобной твари. И итоге тварь бросила свою жертву и попыталась найти укрытие в единственном месте, воспоминания о котором были в крошечном мозгу этого обезьяноподобного создания — доме доктора Калмана. Да... Я быстро пошел за ним и добрался до дома почти одновременно с чудовищем. Тварь обезумела, получив пару пуль, и в ярости он разорвал так называемого Калмана на мелкие кусочки, точно так же, как бедную Сару Хамфрей. Тут я достал ружье и уложил его еще одним выстрелом. Так что, C'est une affaire finie[74].

[74] Это дело закончено *(франц.)*.

Но перед этим я осмотрел труп доктора Калмана. Кто он? Не кто иной, как лунатик, творец чудовищ, отвратительный доктор Отто Бенекендорфф! С другой стороны, я задержался для того, чтобы уничтожить дьявольское лекарство, которое может превратить человека в обезьяну и обезьяну в человека. Лучше будет, если секрет этой смеси окажется потерян навсегда... Думаю, мадмуазель Хамфрей не повезло из-за того, что она встретилась с человекообезьяной, когда тот шел к доктору Калману, а точнее, к доктору Бенекендорффу. Как животное, Мэнли подчинялся только одному человеку, Бенекендорффу — своему хозяину, который привез его из Африки... Когда зверь напал на девушку на краю поля для гольфа, та закричала от ужаса. И снова его дикая часть взяла верх над человеческой. Поверьте мне, горилла — зверь более дикий, чем медведь, лев или тигр. Так что, придя в ярость, дикая тварь разорвала девушку. Он попытался разорвать и молодого монсеньора Мейтленда. Но тут нам повезло: юноша сбежал, так что мы выслушали его историю и она навела нас на след... Но теперь все закончено. Я полностью отчитался перед инспектором Костелло и показал ему тела в доме Костелло. Теперь я могу со спокойной совестью вернуться в Париж. В Министерстве Здравоохранения будут рады узнать, что Бенекендорффа больше нет.

— Но монсеньор де Грандин, — подступила к профессору мисс Комсток. — Кого же вы убили: человека или обезьяну?

Я задержал дыхание, в то время как француз уставился на нее неподвижным взглядом, а потом вздохнул с облегчением, когда тот ответил:

— Я не знаю, мадам.

— Хорошо, — вновь естественная черта госпожи Комсток спорить вернулась к ней. — Думаю, все это более чем странно...

Смех француза прозвучал более чем олимпийски.

— Думаете, это странно, мадам? Mort d'un rat mort[75], как Болкис[76] сказала Соломону. И я повторю вам то же самое...

---

[75] Крысе, крысиная смерть *(франц.)*.

[76] Одно из имен Царицы Савской.

— Когда полицейские увидели монсеньора Мэнли — mon dieu, что за имя для человекообезьяны — они оказались озадачены, — рассказал мне де Грандин, когда мы направились к моей машине. — Но я должен был предупредить Костелло, чтобы он объявил об исчезновении молодого человека. А потом он представил бы это дело, как нераскрытое. Никто не знает истинных фактов этого дела, кроме меня и вас, друг мой Троубридж. А общество... оно не поверит, даже если мы расскажем правду.

Джек УИЛЬЯМСОН

МЕТАЛЛИЧЕСКИЙ ЧЕЛОВЕК

The Metal Men
журнал «Amazing Stories», 1928 № 12

Металлический человек стоял в углу пыльного подвала музея колледжа Тайберна[77]. Хотя первое волнение спало, академики с трудом нашли компромиссное решение относительно того, где разместить железного человека так, чтобы защитить его и от ученых, желающих отрезать кусочек металла для биохимического анализа, и от старых друзей, считавших, что железного человека нужно похоронить.

Для случайных туристов он казался всего лишь позеленевшей от времени бронзовой скульптурой, выполненной в натуральную величину. При ближайшем рассмотрении можно было разглядеть в совершенстве сделанные волосы, кожу и лицо, замершее в агонии. Новые посетители останавливались и, хмурясь, разглядывали странную отметку на груди — красное, шестиугольное пятно.

Сейчас люди почти забыли, что металлический человек некогда был профессором Томасом Келвином из департамента геологии. Однако о нем до сих пор ходили разные слухи. Они разрослись так, что затмили правду и так беспокоили друзей Келвина, что регенты наконец-то разрешили мне опубликовать дневники несчастного.

Четыре или пять лет подряд Келвин проводил отпуск на тихоокеанском побережье Мексики в поисках урановых руд. Прошлым летом он, судя по всему, обнаружил цель своих изысканий. Вместо того, чтобы в положенный срок вернуться в класс, он подал заявление об увольнении.

Позже мы узнали, что он передал заявку на участок под разработку недр шведскому синдикату. Потом он читал лекции в Европе о химическом и биологическом воздействии радиации. Его даже едва не уложили в одну из клиник под Парижем.

Он вернулся в Тайберн в воскресенье. В сумрачный полдень он явился из клубов зимнего тумана, бурлящего над Гольфстримом...

---

[77] Тайберн — Уильямсон назвал придуманный им городок в США в честь места публичной казни в Лондоне, существовавшего в течение 600 лет. Оно использовалось до 1783 г.

Я был дома, собирал граблями листья на моем участке берега за университетским двориком, когда увидел катер, направляющийся прямо к принадлежащему мне скалистому клочку побережья Атлантики. Судно выглядело необычно — длинное, низко посаженное и быстрое. Корабли такого рода предпочитают те, кто возит контрабандный ром или оружие. При его приближении, я опустил грабли.

Направленное смелой и искусной рукой, судно в опасной близости обогнуло скалы, направляясь к песчаному пляжу всего в ярд шириной, протянувшемуся где-то на полмили. Четыре человека спрыгнули с катера и стали толкать его через полосу прибоя. Пятый человек, гигант, поднялся на нос, спокойным голосом раздавая приказы. Четверо срезали веревки и стянули брезент с ящика, внешнего похожего на гроб, который отнесли на мой двор. Огромный человек подошел ко мне сильно хромая.

— Колледж Тайберна?

У незнакомца было лицо латиноса, но шрамы и покрасневшую, обветренную кожу скрывала курчавая желтая борода, а в голосе его звучали гнусавые нотки, присущие говору истинных янки. Равнодушно он ткнул тонким пальцем в сторону колокольни студенческого городка, неясно вырисовывающейся в тумане. Наконец, я кивнул.

— Мы на месте, — он пробормотал это на испанском, обращаясь к своим людям. Посмеиваясь они поставили ящик на землю. Огромный незнакомец вновь посмотрел на меня. — Вы знаете профессора Рассела?

— Я и есть Рассел.

— Если это так, то мы сделали свою работу, — он жестом показал на ящик. — Это для вас.

— Как? Что это?

— Вы все сами узнаете, — он прищурился. — И не думаю, что вы станете кричать о своей находке.

Гигант вновь обратился к своим людям, и они перенесли ящик на мое заднее крыльцо.

— Подождите! Кто вы?

— Всего лишь человек, осуществивший доставку, — он взмахнул рукой. — Нам было заплачено. А теперь мы отправимся своей дорогой.

Он кивнул своим людям, которые тут же поспешили к катеру.

— Но я не понимаю...

— В ящике вы найдете письмо, — пояснил незнакомец. — Оно расскажет вам, почему ваш друг вернулся в таком виде. Вы увидите, почему он не хотел тревожить иммиграционные службы.

— Мой друг?

— Келвин. Загляните в ящик.

И он направился назад, к катеру.

— Минутку! — закричал я ему во след. — Куда вы направляетесь?

— На юг, — он на мгновение замолчал. — Загляните в ящик и дайте нам двадцать четыре часа. Келвин нам это обещал.

Не спеша, прихрамывая, он добрался до катера и поднялся на борт. Его люди столкнули судно с песчаной полосы пляжа. Приглушенно заурчали моторы. Развернувшись в полосе прибоя, длинный катер проскользнул между скалами и растворился в тумане. Я вернулся назад на холм, поднялся на веранду.

Ящик оказался не заперт. Я приподнял крышку... и уронил ее. В коробке лежал Металлический человек. Он был совершенно обнаженным и странное синевато-багровое пятно выделялось на его бронзовой зеленоватой груди.

Возле его головы лежала помятая алюминиевая фляга с засохшими пурпурными пятнами. Под флягой лежала пачка потрепанных листов, исписанных старомодным почерком Келвина.

У меня едва хватило сил положить крышку назад. Довольно долго я стоял, согнувшись, дрожа и уставившись в пустоту, пытаясь осознать то, что я увидел. Позже я спотыкаясь прошел в дом и прочитал записки Келвина...

Дорогой Рассел...

Поскольку вы мой самый близкий друг, я распорядился, чтобы мое тело и этот манускрипт вручили вам. Возможно, я возложу на ваши плечи непосильную ношу, но я больше сам себе не доверяю. Я до сих пор так толком и не разобрался в том, что же я на самом деле обнаружил в Мексике. Я даже не могу решить, стоит ли опубликовать эти разрозненные факты

или лучше их скрыть. Так же я не могу больше бороться с теми непорядочными людьми, которые хотят ограбить меня, украв то, что, как они думают, я нашел. Хоть моя смерть и не будет легкой, боюсь, я уйду с миром, а вот что останется после меня...

Как вы знаете, прошлым летом целью моих изысканий стали истоки Эль Рио де ла Сангре. Это небольшая речушка, впадающая в Тихий океан. Годом раньше я обнаружил, что ее красноватые воды сильно радиоактивны, и надеялся где-нибудь в верховьях реки наткнуться на залежи урановых руд.

В двадцати пяти милях от устья река возникала словно неоткуда прямо посреди Кордильер. Несколько миль порогов, а потом водопад. И дальше этого водопада никто не бывал. Проводник из индейцев довел меня до его подножия, но отказался лезть на утес.

Прошлой зимой я взял несколько летных уроков и приобрел подержанный аэроплан. Он оказался старым и медлительным, но соответствовал той грубой стране. Когда пришло время, я переправил его водным путем на Вако Морино. В первый день июля я отправился в полет вверх по реке к его неведомому источнику.

Хотя я был неопытным пилотом, старый самолет вел себя послушно. Поток подо мной напоминал красную змею, ползущую к морю через горы. Я следовал вдоль него за водопад, в район возвышающихся пиков.

Река исчезла в узком ущелье с черными стенами. Я сделал круг, высматривая место для приземления, но вокруг был лишь голый гранит и острые выступы лавы. Поднявшись чуть повыше, я заметил кратер. Невероятный омут зеленого пламени, полных десять миль в поперечнике, был окружен темными вулканическими скалами. Сначала я подумал, что эта зелень — вода, но по туманенной поверхности не прокатилось ни одной волны. Тогда я понял, что это какой-то газ.

Высокие пики вокруг до сих пор прятались под снегом. Их серебряные короны были расписаны алым на западных склонах и пурпурными там, где собирались тени. Дикое великолепие этих мест заворожило меня, несмотря на зародившееся беспокойство.

Скоро должна была наступить ночь. Я знал, что должен возвращаться. Однако я остался, кружа над кратером, потому что

я никак не мог понять, что это за газовое озеро. Когда солнце спустилось ниже к горизонту, я увидел странные вещи. Странный зеленоватый туман собирался над пиками. Он медленно стекал со всех склонов в яму, словно питая газовое облако. Потом что-то в самом озере зашевелилось. Оно выпятилось в центре, превращаясь в пылающий купол.

Когда инертный газ отпустил его, я увидел, как из ямы поднимается огромная красная сфера. Ее поверхность была гладкой, металлической и густо усыпанной огромными шипами желтого пламени. Сфера медленно вращалась вдоль вертикальной оси. Сколь бы сверхъестественным это ни казалось, но я чувствовал целеустремленность в ее движении.

Она поднялась чуть выше моего аэроплана и остановилась там, по-прежнему вращаясь. Теперь я увидел по круглому черному пятну на каждом полюсе. Я видел, как потоки тумана с пиков и из озера текут в эти пятна, словно сфера вдыхала их.

Вскоре сфера поднялась еще выше. Желтые пики стали сиять еще ярче, в то время как вся сфера засверкала, словно огромная золотая планета, втягивая последние клочья тумана с пиков. А когда они стали черными и обнаженными, сфера опустилась назад в мелкое зеленое море.

С ее падением зловещая тень упала на кратер. Только в этот миг я понял, как много горючего и дневного света использовал. Снова я повернул назад к побережью.

Скорее поставленный в тупик, чем испуганный, я пытался решить, была ли та штука из ямы природным образованием или искусственным, реальностью или иллюзией. Помню, я вообразил, что необычное скопление урана может вызвать подобный эффект. И еще мне на ум пришло, что, возможно, я стал свидетелем испытаний атомного корабля.

В самом деле я встревожился, когда увидел синеватое мерцание над капотом двигателя в кабине. Мгновение, и весь самолет и мое тело оказались охвачены им. Я тщательно осмотрел мотор и попытался набрать высоту.

И хотя мотор работал в полную мощность, высоту мне набрать не удалось. Некая странная сила тяжести, как я думаю ,связанная с синим мерцанием, накатила на машину. У

меня закружилась голова, а руки стали слишком тяжелыми, чтобы я смог управлять машиной.

Я мог лишь пикировать, сохраняя прежнюю скорость. Еще толком не поняв, что случилось, я нырнул в газовое облако. Вопреки собственным ожиданиям, я не задохнулся. Хотя видимость теперь ограничилась всего несколькими ярдами, я не почувствовал никакого запаха и никаких других ощущений.

Темная поверхность неясно вырисовывалась передо мной. Я вышел из пике и ухитрился посадить самолет на ровную площадку грубого красного песка. Как и зеленый газ, песок тускло светился.

Какое-то время из-за собственного веса я оказался заперт в кабине, но постепенно синее сияние потухло, и вместе с ним исчезла тяжесть. Я вылез из самолета, прихватив с собой флягу и автоматический пистолет, которые сами по себе были достаточно тяжелыми.

Неспособный распрямиться, я пополз прочь по песку. Меня не покидало ощущение, что нечто разумное заставило меня совершить эту вынужденную посадку. Несмотря на то, что я был страшно испуган, я вскоре остановился и дал себе передохнуть.

Лежа на песке примерно в сотне ярдов от планера, я заметил пять синих огоньков, плывущих в мою сторону через туман. Я лежал неподвижно, наблюдая, как они кружатся над самолетом. Двигались они тяжело и медленно. В тумане казалось, что вокруг них расплывалось тусклое сияние. Там не было никакой определенной структуры — это я уж точно видел.

В конце концов, они вновь растворились в тумане. Только тогда я вновь зашевелился. Несмотря на то, что гравитация вновь стала обычный, я шел на четвереньках до тех пор пока самолет не исчез из поля зрения. Когда я поднялся на ноги, мое ощущение направления вновь исчезло.

Я был объят беспочвенным страхом. Яркий красный песок и густой зеленый туман — вот и все, что я мог видеть. Вокруг не было никаких ориентиров, даже двигающихся огней. Замерший воздух давил на меня бесформенной массой. Я дрожал, переполненный паническим чувством полной изоляции.

Не знаю, сколько я там простоял, боясь того, что я отправлюсь не в том направлении. Внезапно над головой у

меня словно синий метеор пролетел огонек. Потрясенный, я метнулся в сторону. Я сделал всего несколько шагов и наткнулся на какую-то штуковину из металла.

Гулкий звук заставил меня замереть от нового приступа страха, но огонек исчез. Когда он исчез, я попробовал разобраться, обо что я споткнулся. Это оказалась металлическая птица — орел, сделанный из металла, — крылья широко раскинуты, когти выпущены, клюв широко открыт. Цвет — тускло-зеленый.

На первый взгляд мне показалась, что это брошенная модель настоящей птицы, но потом я заметил, что каждое перышко само по себе гнется — словно живой орел превратился в металлического. Я вспомнил, что расщепление урана возможно само по себе, но неужели интенсивная радиация может трансмутировать ткани птицы!

Страх сжал мое сердце. С любопытством я начал рассматривать других трансмутировавших существ. Я обнаружил их в изобилии разбросанными на песке или полузакопанными в него. Птицы — большие и маленькие. Летающие насекомые, большинство из которых казались мне странными. Даже птерозавр — летающая рептилия, которая достигла этой ямы много веков назад.

Пробираясь по сверкающему песку, я заметил зеленоватый отблеск на собственных руках. Кончики ногтей на руках и тонкие волоски с тыльной стороны рук уже превратились в светло-зеленый металл!

Потрясение от этого открытия совершенно вывело меня из себя. Я громко закричал, не заботясь о том, что кто-то мог меня услышать, и побежал сломя голову, охваченный паникой. Я забыл о том, что заблудился. Разум и осторожность оставили меня. Бежал, не чувствуя усталости... только черный страх.

В зеленоватом воздухе надо мной пронеслись яркие, быстрые огни, но я не обратил на них никакого внимания. Неожиданно я оказался возле огромной сферы. Сейчас она без движения покоилась в металлической колыбели. Желтые огни угасли, но дюжина синих огней плавала над ними, словно покачивающиеся в тумане фонари.

Я повернулся и снова побежал. Неважно, в какую сторону. Не знаю, сколько времени я бежал. Меня остановили заросли

странных растений. Фиолетовые растения напоминали траву, с узкими иголками вместо листьев. Самые высокие центральные пики были розоватыми, и на них росли маленькие пурпурные ягоды.

Медлительный красный поток тек среди зарослей. Думаю, что это и был исток Эль Рио де ля Сандре. Здесь, так или иначе я мог найти укрытие от летающих огней. Я заполз в самые заросли и лежал там рыдая.

Довольно долго я ни мог не двигаться, ни думать. Когда наконец, я решился осмотреть кончики своих пальцев, я увидел, что зеленые полосы стали шире. Я долгое время рассматривал их, отказываясь принять очевидный факт. Моя плоть превращалась металл.

С дикой энергией я начал искать путь к спасению. Я должен был или добраться до стены кратера или поискать самолет, однако я чувствовал себя слишком слабым для того, чтобы двигаться. Хотя я и не чувствовал настоящего голода, я решил, что пища поможет мне вернуть силы.

Действуя весьма опрометчиво, я сорвал несколько пурпурных ягод. Они имели соленый, металлический привкус. Я выплюнул их, боясь, что заболею из-за этого. Но несмотря на то, что я выплюнул ягоды, на моих пальцах остался сок. Когда я вытер сок, то обнаружил, к собственному удивлению и невообразимой радости, что металл сошел с ногтей там, где их коснулся сок.

И тогда у меня появилась надежда. «Растения, эволюционируя, смогли сопротивляться трансмутации», — подумал я. Я жадно ел ягоды пока не почувствовал тошноту, потом вылил воду из фляги и наполнил ее выжатым соком.

После я пытался сделать анализ этой жидкост. Частично его состав напоминал вещества, образующиеся после воздействия рентгеновских лучей. Именно он спас меня от ужасных ожогов гамма радиации.

Я пролежал в кустах до зари, даже задремал, несмотря на свой ужас. Солнечный свет фильтровался облаком газа. Днем зелень стала зеленовато-серой, а песок уже не казался светящимся. Я обнаружил, что зелень с моих пальцев и волос полностью исчезла. Тогда я съел еще пригоршню ягод и отправился вдоль ручья. Я шел вверх по течению, считая свои шаги.

Но, не пройдя и трех миль, я уперся в уранитовые утесы. Крутые и черные, они протянулись в обе стороны, насколько я мог разглядеть в густых зеленых сумерках. Река исчезала за ними в ревущем озерке красной пены.

Здесь, и я был уверен в этом, был западный край кратера. Повернув на север, я двинулся вдоль непреодолимой стены. До сих пор у меня не сложилось определенного плана. Я всего лишь хотел найти тропинку, чтобы перебраться через скалы. Я внимательно следил, появятся ли где сверкающие огни, и высматривал склон или расщелину, по которым смог бы забраться.

Я брел, должно быть, до полудня, хотя точно определить время я не мог — мои часы остановились. Иногда я спотыкался о предметы, которые некогда были живыми, когда упали на песок: вырванные с корнем деревья, всевозможные птицы, огромный зеленый медведь, судя по всему, приведенный сюда инстинктом.

Наконец я обнаружил разрыв в вертикальной стене — широкую плоскую полку, над которой начинался пологий склон. Но этот выступ находился в шестидесяти футах надо мной. Я пытался добраться до него и всякий раз соскальзывал по склону. Пробовал снова и снова, пока руки не начали кровоточить. Тогда я развернулся и пошел прочь.

Вскоре, шатаясь от изнеможения и отчаяния, я очутился в городе летающих огней — по крайней мере, мне так показалось. Из красного песка тут и там без всякого порядка поднимались тонкие черные башни. Каждую венчал огромный гриб оранжевого пламени.

Новый приступ ужаса парализовал меня. Тем более что вокруг царила мертвая тишина, и никакого движения. Опустившись на корточки под нависающим утесом, я попытался рассмотреть все в деталях. Живые огни, как я теперь начал подозревать, были не активны днем... И я чувствовал тошноту от страха, представляя, что может ожидать меня ночью.

По моим расчетам, я отошел от реки миль на пятнадцать. Теперь я, должно быть, находился где-то у восточной стены кратера, и стена утесов возвышалась предо мной. Чтобы изучить их, мне необходимо было пройти через город огней, но я так и не рискнул войти в него.

Я отошел от линии утесов, чтобы обойти город. Однако я старался сделать так, чтобы высокие огни оставались в поле зрения, и, тем не менее, я потерял их. Повернув налево я не смог ничего найти — только плоская песчаная равнина, укутанная в покрывало зеленоватого полумрака.

Я блуждал долго, пока песок и воздух не начали светиться. Наступали сумерки. Летающие огни пришли в движение. Предыдущей ночью они двигались по прямой, высоко и быстро. Теперь же они двигались низко и медленно, кружили. Я знал, что они ищут меня!

Тогда я побыстрому вырыл в песке небольшое углубление и забился в него, весь дрожа. Один из полускрытых туманом огоньков приблизился и пролетел мимо. Другой остановился, прямо надо мной. А потом нырнул ко мне. Его бледный ореол потемнел. Парализованный страхом, я замер. Мне ничего не осталось, как ждать.

Постепенно он опускался все ниже и ниже, пока я не сумел рассмотреть его форму. Штуковина напоминала кристалл. Зачарованный страхом, я наблюдал за происходящим. Длиной около дюжины футов, по структуре своей она чем-то напоминала снежинку. В центре ее была синяя шестиконечная звезда. Сама же звезда находилась внутри призмы. Синий свет, пульсируя, проходил сквозь нее, тек наружу с лучей звезды и превращался в алый, выходя через стенки призмы. Не животное, н растение и не машина. Но оно было живым — живой свет.

Он опустился еще ниже.

Действуя чисто инстинктивно, я вытащил свой автоматический пистолет и три раза выстрелил. Пули отскочили от сверкающей поверхности призмы и рикошетом улетели в туман, в неизвестном направлении.

Странное существо зависло надо мной. Усики красного огня протянулись ко мне, словно ища что-то, действуя осторожно. Они обвились вокруг моего тела, и я почувствовал, что почти лишился веса. Они подняли меня к кристаллической призме. Вы можете видеть отметку, которую она оставила на моей груди.

Это прикосновение оглушило меня ослепляющей болью. Мое тело выгнулось, словно через него прошел гигантский

разряд тока. Я смутно осознавал, что существо поднялось вместе со мной. Я чувствовал что другие кристаллические существа роятся вокруг. Но мой разум словно потух.

Я проснулся, свободно плавая в сверкающем оранжевом облаке. Настроение у меня было приподнятым, но я обнаружил, что не могу двигаться, не могу даже повернуться. Я пытался потянуться, дергался и извивался, но я не мог дотянуться ни до какого твердого объекта. Хотя ничего не удерживало меня, я оставался беспомощным, как черепаха, перевернутая на спину.

Я по-прежнему был одет. Моя фляга висела... точнее плавала... возле моего плеча. Мой пистолет оставался в наплечной кобуре, твердый, но невесомый. И еще... откуда-то мне было известно, что прошло уже несколько дней.

Борясь, пытаясь пошевелиться, я неожиданно почувствовал странное онемение в боку. Я рванул рубашку и обнаружил новый шрам, почти заживший. Тогда я решил, что эти странные существа прооперировали меня, изучая мое тело, точно так же, как я изучал их мир.

Должно быть, я на мгновение потерял сознание, когда почувствовал черную корку омертвевшей кожи с красным шестиконечном следом. Однако эмоции, которые я испытал после этого открытия, похоже, исчерпали мои силы. Я окончательно пришел в себя и находился в плохом настроении.

Но мой бок реально был поврежден. Оранжевое облако по-прежнему окутывало меня. Мой кристаллический тюремщик плавал в нем вместе со мной, однако держался в дюжине ярдов от меня. С невозмутимой беспечностью я заметил, что заключен в грибообразном облаке над одним из этих башен-цилиндров. Я стал пленником в этом чужеродном мне городе-пламени.

Какое-то время я просто плавал там, невесомый, как человек в космосе, отмечая собственное беспомощное положение словно сторонний наблюдатель. Равнодушно наблюдая за происходящим, я заметило, что внутри кристаллического существа перестал пульсировать огонь. Я словно грезил наяву, пока не наступила ночь.

Это сковало меня, уничтожило слабую искру надежды. Я вновь стал пинаться и извиваться, пытаясь выбраться

из облака, которое окружало меня. Несмотря на все мои попытки, мне не удалось сдвинуться ни на дюйм.

В то время как я боролся, словно жук, насаженный на иглу, холодные огни вокруг меня загорелись ярче. Кристаллические твари должны были вскоре проснуться. И, без сомнения, они захотят закончить вивисекцию своей «морской свинки».

Я видел только один способ обмануть их. И я уже вытащил автоматический пистолет, собираясь пустить пулю себе с голову, но тут меня посетила одна хорошая идея. Я шесть раз выстрелил наобум в туман.

Это движение спасло меня. Ракета нуждается в топливе, для того чтобы сдвинуться с места. Пистолет стал своего рода реактивным двигателем. Отдача от каждого выстрела слегка подталкивала меня все дальше и дальше от спящего кристалла. Наконец я вылетел из грибообразного облака.

И вновь я попал в сети гравитации, но в этот раз она подхватила меня очень нежно. Опускаясь вниз на светящийся песок, я заметил свой самолет, который стоял у основания тонкой черной башни. Видимо, его тоже исследовали. Мотор какое-то мгновение не заводился, словно мои пленители поработали над ним так же хорошо, как надо мной. Наконец он завелся. Я сел, слепо взявшись за рычаги...

В этом месте манускрипт обрывался. Оставался лишь один исписанный лист. Казалось, слова были написаны тем же почерком — почерком Келвина, но писал он тупым карандашом, не всегда разборчиво.

Вот и конец моего *(повествования?)* Я разводил содержимое *(канистры?)* много раз. Мое тело и то, что с ним стало ,я завещаю науке. Капитан Гандер просто *(окончит?)* мою историю. Ужасная *(правда?)*...

Вот, собственно, и все.

Я вызвал своего врача. У него было кислое лицо, как у

шотландского пресвитерианина, которого ничуть не волновало то, что сейчас на дворе двадцатое столетие. Доктор прочитал рукопись, потом вздохнул, с негодующим недоверием косясь на трансмутировавшее тело, и с кислым видом посоветовал мне оставить в покое эту историю.

Возможно, это могло быть благоразумным, но я не мог так поступить. Слишком многих привлекали нездоровые слухи. И некоторые из них, я боюсь, исходили от моих коллег в Тайберне. С другой стороны, я верил, что подобного не случится.

Хотя капитан Гандер никогда так и не рассказал, что знал, мы попытались сами восстановить остальную часть истории. На следующее лето трое из нас арендовали аэроплан и направились в западную Мексику.

Мы легко нашли прибрежную деревеньку, где когда-то побывал господин Келвин. Но эти люди утверждали, что Келвин посетил их года три назад. Мы поговорили с человеком, который отвел его до края плато. Мы даже прошли за ним по каменистому руслу горного потока, туда, где наш коллега пытался отыскать урановую руду. Однако воды реки не были ни красными, ни радиоактивными, а источником ее, судя по всему, был заболоченный ключ.

Пролетая над этим ключем и пиками, мы не нашли никакого кратера, наполненного сверкающим газом, только еще одно пуэбло[78] из камня, возведенное три сотни лет назад. Когда же мы там приземлились, то не нашли ни металлических птиц, ни живых кристаллов, ни атомных кораблей. Однако до нас дошли слухи о трех чужеземцах, побывавших до нас в этих краях.

Один из них — хромой, бородатый гринго[79], постоянно задавал безумные вопросы и ругал на чем свет тех, кто отвечал не то, что он хотел услышать. Второй был элегантным шведским банкиром, который бродил вокруг пуэбло со счетчиком Гейгера и сверкал на всех монокль, словно злым глазом. Третий оказался еще одним гринго. Он явился в эти места года три назад и уехал в глубь Кордильер на старом армейском грузовике с брезентовым верхом.

Другая путеводная нить оборвалось, когда мы потеряли след Келвина в Мехико. Однако некие таинственные незнакомцы

[78] Индейский поселок.

[79] Иностранец (особенно англичанин или американец, в Латинской Америке).

следовали за нами аж до Тайберна. Часть из них была федеральными агентами, которые выспрашивали все о нас, искали записи Келвина, фотокопии его документов и в конце концов забрали его трансмутировавшее тело для изучения в КАЭ .

Возвращая тело в Тайберн, они напомнили нам, чтобы мы держали языки за зубами и молчали, ничего не сообщая даже федеральным властям. С тех пор ни в одном официальном докладе Железный человек даже не упоминается, а слухи, которые ходят относительно его, стали совершенно противоречивыми.

Часть правды оказалась сокрыта, но я не знаю, кого винить. Может это капитан Гандер. Без сомнения, он назвался чужим именем и мог совершенно спокойно фальсифицировать рукопись Келвина. А может, всему виной шведский банкир, сидевший в кантине и почитывающий «Машину времени» Уэллса в переводе на французский, который ничего никому не сказал. Или виновата КАЭ, чьи агенты, без сомнения, знали больше, чем говорили. Да и Келвин сам хорош. Он вполне мог скрыть информацию о том, что конкретно он там нашел.

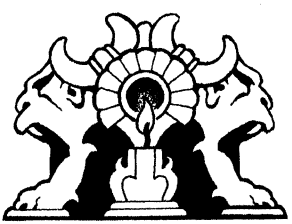
Однако я склонен верить, что история Келвина — правда. Я провел много бессонных ночей, обдумывая все спорные моменты, пока, наконец, не увидел живой сон о визите чужеземцев. Возможно, они приземлились, чтобы заправить свой атомный корабль, который лежал спрятанный во времени так же хорошо, как в пространстве, в то время как гости нашей планеты коллекционировали и занимались консервированием живых образчиков от птерозавров до человека.

Однако, может быть, металлическое тело Келвина, что сейчас обнаженное, поцарапанное и покрытое ржавчиной стоит в углу, — доказательство того, что он открыл нечто большее, чем смог увидеть. Его губы замерли в зеленой ироничной улыбке, словно он и в самом деле сознавал, что это гражданский защитник назначил ему находиться в подвале музея, как в своего рода убежище.

Кларк Этон СМИТ

ПРИЗРАК МОХАММЕДА ДИНА

The Ghost of Mohammed Din
1910



— Держу пари на сто рупий, что вы не останетесь здесь на ночь, — вздохнул Николсон.

Уже перевалило за полдень, и мы сидели на веранде бунгало моего друга в Бегуме, пригороде Хайдарабада[80]. Наша беседа шла о призраках, к существованию которых я в то время относился довольно скептически, и Николсон, после ряда леденящих кровь историй, закончил разговор, заметив, что соседний дом, который, как говорили, был обителью привидений, даст мне отличный шанс провести тест.

— Принимаю пари! — ответил я, смеясь.

— Это не предмет для шуток, — вздохнул мой друг, серьезно. — Однако если вы действительно хотите встретить призрака, я могу легко получить необходимые разрешения. Дом — шестикомнатное бунгало — принадлежит Юсуфу Али Бораху. Там живет только дух, который появляется, когда пожелает, так как считает этот дом исключительно своей собственностью... Два года назад там поселился мусульманский купец по имени Мохаммед Дин, его семья и слуги. Однажды утром слуги обнаружили мертвого купца — кто-то пронзил кинжалом его сердце. Никаких следов его убийц не нашли, их личность до сих пор остается нераскрытым... Люди Мухаммед Дина ушли, а в дом переехал парс[81] из Бомбея. Он бежал из дома около полуночи, и на следующее утро рассказал дикую сказку о том, что встретил в доме бесплотных духов, описав одного, главного, как Мохаммеда Дина... Потом еще несколько человек пытались обосноваться в этом доме, но всякий раз на короткий срок. Все рассказывали истории, похожие на рассказ парса. Постепенно дом приобрел плохую репутацию, и найти арендаторов стало невозможным.

---

[80] Хайдараба́д, — город в южной Индии, административный центр 29-го штата Индии Теленгана, а также со 2 июня 2014 года минимум на 10 лет продолжаст оставаться столицей штата Андхра-Прадеш, частью которого ранее был регион Теленгана.

[81] Последователь зороастризма в Индии или Пакистанс; в 8 в. н.э. зороастрийцы были изгнаны из Персии арабскими завоевателями, осели главным образом в Индии.

— А вы когда-нибудь видели привидение? — спросил я.

— Да. Я провел ночь, вернее, ее часть, в этом доме и выскочил из окна около часа ночи. Мои нервы не такие уж крепкие, чтобы выдержать такое. Я бы не вынес этого снова, пусть даже мне пообещают любую сумму.

Рассказ Николсона только укрепил мое намерение побывать в «доме с привидениями». Вооруженный неверием в сверхъестественное, и имея твердое намерение доказать это все ерунда, я чувствовал себя способным совладать со всеми призраками, и неважно, уроженцы они Индии или нет. Я был совершенно уверен, что моих способностей хватит, чтобы разгадать любую тайну, если таковые существуют.

— Мой друг хочет провести ночь в вашем «доме с приведениями», — начал Николсон, час спустя обратившись к Юсуфу Али Бораху — толстому, низкорослому мусульманину, с любопытством взирающему на меня.

— Дом в вашем распоряжении, сахиб, — сказал он. — Я полагаю, что сахиб Николсон рассказал вам о негативном опыте предыдущих жильцов?

Я ответил, что все знаю.

— Если это история не надумана, то, вероятно, это какое-то жульничество, — объявил я. — И я предупреждаю вас, что жулик целым и невредимым не останется. У меня есть заряженный револьвер, но я не стану использовать его, если встречу настоящих бесплотных духов.

Юсуф в ответ только пожал плечами. Он отдал нам ключи, и мы отправились в одноэтажный дом с верандой, который находился всего в нескольких минутах ходьбы.

Опустилась ночь, когда мы достигли его. Николсон отпер дверь, и мы вошли. Единственным источником света была лампа, которую я принес с собой. Мебель в гостиной состояла из двух плетеных лежанок, трех табуретов, старого дивана с совсем простыми подушками, сломанного вентилятора, трехногого стула и ветхого ковра. Все было покрыто пылью. Ставни безутешно дребезжали, и все двери скрипели. Другие комнаты были скудно обставлены. Я слышал, как в темноте бегают крысы. У дома был примыкающий дворик, заросший высоким тростником, с одиноким фиговым деревом. Николсон сказал, что призрак обычно появился в одной из комнат, открытой на

ночь. Одну из них я и выбрал, чтобы провести ночь. Подходящее место для призраков. Слегка обвисший потолок и одинокий светильник над кроватью выглядели многообещающе.

— Доброй ночи, — попрощался Николсон. — В этом доме с призраками, как говорят, хорошо спится.

— Тут крысы! — возразил я.

— Да, много крыс, — согласился он и вышел.

Поставив лампу на табурет, я, хоть и имел сомнения относительно ее устойчивости, устроился на лежанке. К счастью, мои сомнения оказались напрасными. Убедившись, что револьвер под рукой, я достал газету и начал читать.

Прошло несколько часов, ничего особенного не происходило. Призрак не появился, и около одиннадцати мой скептицизм значительно укрепился. Мне стало стыдно, что я поспорил на сто рупий, которые мой друг отдаст мне на следующее утро. Я лег и попытался заснуть. Я не сомневался, что после моих угроз — слов о револьвере — Юсуф Али Борах решит, что любая попытка разыграть меня могла закончиться весьма трагически.

Едва мои глаза закрылись, все двери и окна, которые скрипели и дребезжали весь вечер, снова взялись за свое. Налетел легкий ветерок, и ставни, которые висели только на одной петле, начали барабанить, отбивая мелодию на стене. Крысы заскреблись с удвоенной энергией, а одна, особенно трудолюбивая, грызла что-то в дальнем углу. Спать было невозможно. Мне показалось, что я слышу шепот, и мне показалось, что я уловил слабый шорох шагов, словно кто-то бродил взад-вперед по пустым комнатам. Смутное ощущение чего-то надвигающегося и ужасного охватило меня, и мне потребовалось собрать все свои силы, чтобы убедить себя, что эти звуки исключительно воображаемые.

Наконец ветер утих, свободные ставни перестали барабанить, крыса, наточив зубы, ушла, и наступила относительная тишина. Я заснул. Спустя два часа я проснулся, и, достав часы, увидел, хотя лампа горела тускло, что стрелки указывали два часа. Я уже собирался повернуться, когда снова услышал таинственный шорох шагов, на этот раз звучавших довольно громко. Кто-то, казалось, подошел к моей комнате, но, когда я решил, что вот-вот он войдет, шаги резко стихли. Я подождал

пять минут в мертвой тишине, мои нервы были напряжены. Затем я осознал, что есть что-то между мной и противоположной стеной. Вначале это была тусклая тень, но, пока я смотрел, она потемнела превратившись в тело. Фосфоресцирующий свет исходил от него, окружая его бледным сиянием.

Лампа вспыхнула и погасла, но фигура была по-прежнему видна. Передо мной был высокий туземец в развевающихся белых одеждах и синем тюрбане. Он носил окладистую бороду, и глаза его напоминали горящие угли костра. Призрак уставился на меня, и я почувствовал, как озноб побежал вниз по моему позвоночнику. Я хотел вскрикнуть, но мой язык словно пинерос к небу. Незнакомец шагнул вперед, и я заметил, что его одежды красные на груди, как будто испачканы кровью.

Это и в самом деле был призрак Мохаммеда Дина... Похоже, история Николсона была правдой, и в миг все мое убеждение в том, что все сверхъестественное — вздор, рассыпалось на куски. Еще мгновение, и я вспомнил, что у меня есть револьвер, и эта мысль придала мне мужества.

Быстрым движением я вскинул пистолет и выстрелил. Незнакомец был не далее, чем в пяти шагах и промахнуться было невозможно, но, когда дым рассеялся, оказалось, что незнакомец стоит на прежнем месте. А потом призрак направился в мою сторону, двигаясь совершенно бесшумно, и через несколько мгновений оказался рядом с кроватью.

Собрав воедино оставшиеся крупицы смелости, я поднял револьвер и трижды нажал на курок — выстрелил, но без видимого эффекта. Я швырнул револьвер в голову фигуры и услышал, как тот через мгновение ударил в стену. Приведение, хоть и видимое, было неосязаемые. Но вот тварь начала постепенно таять. На мгновение он замер, потом стал таять, пока не остались видны только легкие очертания. Еще мгновение — и все пропало, и только очертания неподвижно повисли в воздухе. Я встал и шагнул в сторону призрака, а потом снова остановился, потому что призрак начал снова материализоваться, руки стали темнеть, обретая реальность. Теперь я разглядел то, чего не видел раньше: тяжелое золотое кольцо с зеленым драгоценным камнем, вероятно, изумрудом, на среднем пальце.

Призрачные руки двинулись мимо меня в сторону двери, открывавшуюся в соседнюю комнату. Запалив лампу, я

последовал за призраком, отбросив все страхи и желая найти объяснение странному явлению. И еще... Теперь я слышал тихие шаги, словно владелец, хоть и невидимый, все еще присутствовал в комнате. Я прошел через соседнюю комнату и остановился, точно как призрак. Одной рукой призрак указал в дальний угол комнаты, где сейчас стоял табурет.

Ведомый, как мне показалось, некой силой, а не собственной волей, я подошел и поднял табурет, под которым, как оказалось, стоял небольшой деревянный сундучок, покрытый пылью.

Взяв сундучок, я вернулся назад, в свою комнату.

Сундучок был сделан из очень твердого дерева и по размеру был десять дюймов в длину, восемь в ширину и четыре в высоту. Содержание ящика зашуршало, когда я его встряхнул. Я решил, что внутри письма или документы, но у меня не было никаких инструментов, чтобы открыть замок. Тогда я решил подождать до утра, прежде чем попытаться.

Как ни странно, вскоре я заснул. Вы, естественно, можете решить, что человек не в состоянии заснуть сразу после встречи с бесплотным духом. Не могу этого объяснить...

Солнечные лучи били из окна, когда я проснулся. Уже давным-давно рассвело, и день был в самом разгаре. И в какой-то миг я подумал, что бесплотный дух, с которым я столкнулся, мне всего лишь приснился. Никак не могу этого объяснить. Однако наличие сундучка подсказало мне, что случившееся ночью не сон.

Николсон пришел и, казалось, сильно удивился, увидев, что я по-прежнему в доме.

— Отлично, — протянул он. — Что случилось? Что вы видели?

Я рассказал ему, что случилось, и в качестве доказательства показал сундучок.

Час спустя Николсон с помощью короткого кинжала и ненормативной лексики пытался вскрыть сундучок. В конце концов ему это удалось. Внутри оказалось несколько листов бумаги и писем, большинство из которых были адресованы Мухаммеду Дину.

Бумаги были, в основном, счета и накладные, какие всегда выписывает торговец. Они лежали в беспорядке, и многие

были оформлены в спешке, хотя и датированы. Не легко было в них разобраться. Письма оказались тоже в основном деловыми, однако несколько из них были от двоюродного брата Мухаммеда Дина, некого Али Багха, торговца лошадьми из Агры. В этих письмах тоже не было ничего необычного, однако, прочитав одно из них, Николсон протянул его мне. Большая часть письма была не интересной, но, насколько я запомнил последний абзац звучал так:

Не понимаю, как ты это узнал,и почему ты хочешь использовать эти знания, чтобы погубить меня. Это все — правда. Но если ты немного любишь меня, будь терпеливым.

— Что это значит? — спросил Николсон. — В чем секрет, который узнал Мохаммед Дин? Как он мог его использовать, чтобы уничтожить своего двоюродного брата?

Мы продолжали разбирать документы и наконец на самом дне сундучка натолкнулись на документ, датированный согласно надписи 21 апрелем 1881 года:

Сегодня я нашел письма, которые я долго искал. Они являются доказательством того, что я уже давно знал, но до сих пор не имел никаких подтверждений. Али Багх — фальшивомонетчик и стоит во главе большой банды. У меня есть все факты, и если я передам их в полицию, его можно упрятать в тюрьму на много лет. Это будет хорошая месть за то, что он мне сделал.

— Теперь понятно, о чем писал Али Багх, — проговорил Николсон. — Мухаммед Дин был хвастливым и написал этому Али, сообщил, что он знает о его вине и намерен это доказать.

Далее лежало несколько рукописей, подписанных Маллек Ханом. Он, казалось, был другом Али Багха, и записи были в форме письма. Но, так как лежали они без конверта, было совершенно очевидно, что они не были отправлены.

Там было подробно изложены преступные схемы и имена нескольких мужчин, замешанных в преступлениях. Это явно были доказательства, на которые ссылался Мухаммед Дин, и он, без сомнения, угрожал своему двоюродному брату.

Больше там не было ничего интересного, если не считать послание Мухаммеда Дина от 17 апреля 1881 года:

Завтра я должен передать документы властям. Я медлил слишком долго, и было очень глупо писать о моих намерениях Али Багху.

Я прошел мимо человека на улице, который очень походил на моего двоюродного брата... Я не уверен... Но если он здесь, то пусть Аллах поможет мне, ибо он не остановится...

Дальше письмена были совершенно неразборчивы.

— В ночь на 21 апреля, — проговорил Николсон, — Мухаммед Дин был убит неизвестным лицом или лицами. — Он сделал паузу и затем продолжал: — Али Багх — тот человек, с которым у меня были дела относительно лошадей. Он обманом получил у меня триста рупий. У него плохая репутация как у торговца лошадьми, и полиция Агры уже давно терпеливо ищет доказательства его причастности к нескольким смелым аферам. Маллек Хан — один из его сообщников — был арестован, судим и приговорен к пятнадцати годам лишения свободы, но отказался предоставить государству свидетельство против Али Багха. В полиции уверены, что Али Багх замешан в темных делишках ничуть не меньше, чем Маллек Хан. Но они ничего не могут сделать из-за отсутствия доказательств. Однако если мы передадим эти бумаги бедного Мохаммеда Дина, Али Багх будет арестован.

— Без сомнения, Мухаммеда Дина убил этот самый Али Багх. Вот и мотив. К тому же, то, что случилось с вами прошлой ночью, говорит, что он виновен. Только вот мы ничего не докажем, и над нами станут смеяться в суде.

На дне коробки еще оставалось несколько писем. И мой друг перебирал их, одновременно беседуя со мной. Он слишком сильно наклонил сундучок, и письма вылетели, а вместе с ними из сундучка выкатилось кольцо и застыло, сверкая на солнце. Это было тяжелое золотое кольцо с изумрудом — то самое, что я видел на пальце привидения несколько часов раньше.

Через неделю или около того, в результате того, что Николсон отправил письма в полицию,в сопровождении пояснительной записки, Али Багх, торговец лошадьми, оказался на скамье подсудимых, арестованный за распространение фальшивых денег. Это был очень короткий судебный процесс, так как репутация Али Багха шла впереди его, кроме того, было доказано, что он — предводитель банды, в которую входил и Маллек Хан. Так что Али Багх был осужден на очень длительный срок.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Г. КАТТНЕР Власть змеи *(рассказы)*.....5

М. ЛЕЙНСТЕР Ужас на краю Земли *(роман)*.....281

Д. БРАННЕР Чудовище из Атлантики *(роман)*.....361

Р. СИЛЬВЕРБЕРГ У каждого свой ад *(повесть)*.....497

Э. ГАМИЛЬТОН Дети страха *(рассказы)*.....561

Б. ЧАНДЛЕР Гамельнская чума *(роман)*.....655

С. КУИН Ужас на поле для гольфа *(повесть)*.....779

Д. УИЛЬЯМСОН Металлический человек *(рассказ)*.....805

К. Э. СМИТ Призрак Мохаммеда Дина *(рассказ)*.....821

СМЕХ МЁРТВЫХ

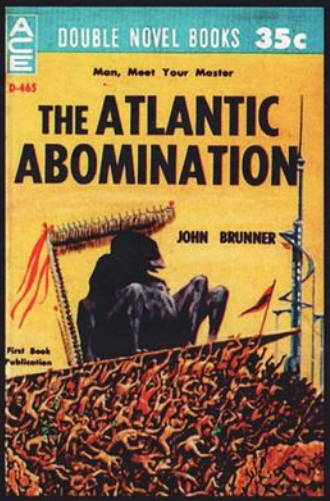
сборник

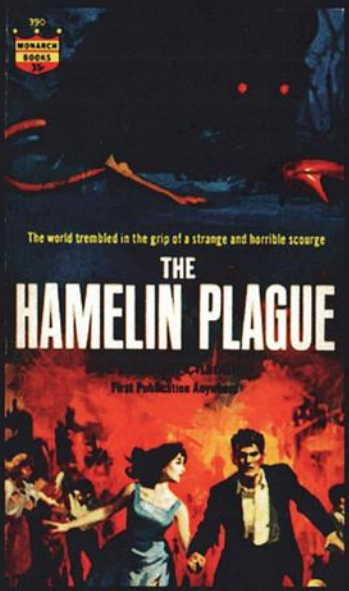
+ 18

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ
КЛУБНОЕ ИЗДАНИЕ

Составитель серии *В. Кудрешов*
Ответственный редактор *И. Кремнев*
Главный художник *Л. Соловьева*
Верстка *В. Кудрешов*
Корректор *И. Жигалова*

HORROR BOOKS





ISBN 978-5-93835-662-7

•Северо-Запад•